This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.

+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.

+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.

+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

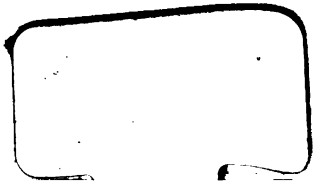
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY



Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

САРАТОВСКОЕ ГУБЕРНСКОЕ ПРАВЛЕНІЕ
4148

НАБЛЮДАТЕЛЬ

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ

А. М. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ VI. ОКТЯБРЬ. 1887 ГОДЪ.

СОДЕРЖАНІЕ:

Стр.

I. Золотопромышленники. Бытовая хроника въ четырехъ дѣйствіяхъ. **Д. Мамина (Сибиряка).** 5

II. Старый садъ. Стихотвореніе **К. М. Фофанова** 69

III. Галлофобія въ нашей литературѣ прошлаго вѣка. **С. Бородина.** 70

IV. Адмиральша. Романъ **Шарля Ломона** 86

V. Семья богатырей. Романъ **Вас. Ив. Немировича-Данченко.** *(Окончаніе)* 156

VI. Идеалъ. Стихотвореніе **І. І. Ясинскаго.** 187

VII. Очерки развитія русской критики. **В. В. Чуйко.** *(Оконч.).* . 188

VIII. Невѣста Нила. Романъ **Георга Эберса.** *(Продолженіе)* . . 210

IX. Изъ записокъ неизвѣстнаго автора. **И. Г—ова.** 275

X. Горе тетушки Урсулы. Разсказъ **Жоржа Онэ.** 286

XI. Поѣздка въ Асхабадъ. (Путевые наброски). **А. В—ва** 298

XII. Гіацинта. Романъ **Луиджи Капуана.** *(Окончаніе).* 308

XIII. Пѣсня. Стихотвореніе **Ф. Филимонова** 360

(см. на оборотѣ).

№ 10 «Наблюдателя» вышелъ 15-го октября 1887 года.

Редакція и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ на уголъ Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

Digitized by Google

Современное Обозрѣніе.

СТР.

XIV. Очерки иностранной литературы. **В. З.** 1
Порнографическій элементъ французской беллетристики.—Протестъ противъ послѣдняго романа Зола.—Цинизмъ самаго протеста.—Поль Боннетенъ и его романы.—Кающійся порнографъ, возстающій противъ своего учителя.—Жанъ Рони и его произведенія.—Типы Армана Сильвестра.—Послѣдніе разсказы Мопассана.—Спиритизмъ во французской и англійской литературѣ.—Кто такой Захеръ-Мазохъ?—Новый итальянскій романистъ.—Нравы свѣтскаго общества въ Италіи.—Типы матерей—итальянки, англичанки и француженки.—Можно ли осуждать произведеніе единственно за цинизмъ выраженій?—Цинизмъ древнихъ классиковъ.—Школа декадентовъ. — Наслѣдникъ Виктора Гюго во французской академіи.—Рѣчи Леконта де-Лиль и Дюма о сущности поэзіи и значеніи Гюго.

XV. Наши внутреннія дѣла 11
Европейскія и наши отношенія къ лѣснымъ богатствамъ.—Экскурсія въ дебри исторіи.—Подсѣчное хозяйство и законъ о неотчуждаемости лѣса отъ отведенныхъ для него участковъ въ четырехъ сѣверныхъ губерніяхъ.—Законопроэктъ о сбереженіи лѣсовъ.—Его запоздалость и шансы на успѣхъ.—Указъ 6 августа и Мургабское государево мнѣніе.—Возстановленіе султанбендской плотины.—Школа, какъ основа политическаго могущества и „аки источникъ, изъ котораго благополучіе народное ископается".—Жажда и безводіе.—Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.—Отношенія къ нимъ печати.

XVI. Политическая хроника 34
Вступленіе принца Кобургскаго въ третій мѣсяцъ своего царствованія.—Награда Стамбулову за храбрость.—Господство и тиранія солдатчины въ Болгаріи.—Чего ждетъ Европа и Россія?—Новые выборы и осадное положеніе.—„Тырновская конституція".—Именитые граждане, разносящіе типографіи и частные дома.—Государь, благодарящій народъ за буйство.—Австрійскій консулъ, останавливающій разгромъ дома Радославова. — Дипломатическая дѣятельность Порты.—Германскій консулъ, принимающій къ сердцу русскіе интересы.—Русскій вице-консулъ и болгарская журналистика.—Несостоявшаяся блокада Варны и Бургаса.—Свиданіе монарховъ, замѣненное визитами во Фридрихсруэ.—Тройной союзъ противъ Россіи.—Новые инциденты на франко-прусской границѣ.—Манифестъ графа Парижскаго.—Озлобленіе французовъ противъ нѣмцевъ.—Буланже опять заговорилъ.—Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ.—Рѣчь Франца-Іосифа въ Клаузенбургѣ.—Преслѣдованіе славянъ въ Хорватіи и судъ надъ ними въ Моравіи.—Война Салисбюри съ Ирландіей.—Нѣмецкіе міряне-католики и попы.—Марокскій вопросъ.

XVII. Новыя книги: 1) **Избранныя мысли и отрывки изъ сочиненій Гоголя**, его писемъ и воспоминаній о немъ. Собралъ *Иванъ Щеголевъ*. Спб. 1887. 2) **Сибирскій сборникъ**. Научно-литературное періодическое изданіе, подъ редакціею *Н. М. Ядринцева*. Книги I—IV. Спб. 1887. 3) **Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина.** Составилъ *В. Зелинскій*. Москва. 1887. Части I и II 4) **Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ**. Составилъ *В. Зелинскій*. Москва. 1887. Части II и III. 50

XVIII. Объявленія: 1) о снарядѣ «Американка»; 2) объ изданіи въ 1888-мъ году журналовъ и газетъ: «Живописное Обозрѣніе», «Сынъ Отечества», «Сельскій Хозяинъ» и 3) Программа выставки «Общества поощренія трудолюбія» въ Москвѣ . . . . . 1—8

ОТЪ ГЛАВНОЙ КОНТОРЫ.

Главная Контора проситъ *гг. годовыхъ подписчиковъ*, уплатившихъ только *часть подписной суммы*, не замедлить присылкою въ возможно скоромъ времени остальныхъ денегъ, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, произойдетъ *задержка въ высылкѣ имъ ноябрьской книги* журнала.

Лица и учрежденія, подписавшіяся *въ кредитъ*, благоволятъ выслать *подписныя деньги*.

Digitized by Google

18465/4

НАБЛЮДАТЕЛЬ

NABLIUDATEL'

ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

026726 О. ср

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

1887, т 10

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

№ 10. ОКТЯБРЬ.

Саратов. Областная
БИБЛІОТЕКА
Периодика.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора переведены изъ Поварскаго переулка (№ 5) на уголъ Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14.

1887.

ТИПОГРАФІЯ И ХРОМОЛИТОГРАФІЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

Digitized by Google

PSlav 475.65 (1887/10)

ОБЪ ИЗДАНІИ ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“

ВЪ 1888 ГОДУ (ГОДЪ СЕДЬМОЙ).

Журналъ будетъ издаваться подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, безъ предварительной цензуры.

Въ журналѣ, за время его изданія, принимали участіе: *Я. В. Абрамовъ, проф. И. Е. Андреевскій, Ф. А. Андреевъ, И. Д. Ахшарумовъ, Н. Ѳ. Бажинъ, В. П. Безобразовъ, С. А. Бердяевъ, П. И. Бларамбергъ, Ц. Д. Боборыкинъ, графъ П. Д. Бутурлинъ, Максимъ Бѣлинскій, П. В. Быковъ, В. В., И. Ф. Василевскій,* (Буква), *П. И. Вейнбергъ, Вологдинъ, Г. А. Мачтетъ,* (Г*), *д-ръ А. С. Виреніусъ, Е. М. Гаршинъ, графъ П. А. Голенищевъ-Кутузовъ, М. Г. Гребенщиковъ, проф. В. П. Даневскій, И. Н. Денисовъ, баронъ А. Г. Жомини, Ю. Г. Зависьцкій, проф. А. И. Загоровскій, В. Р. Зотовъ, проф. А. А. Исаевъ, С. Я. Капустинъ, А. В. Круловъ, В. А. Крыловъ, проф. Ѳ. И. Леонтовичъ, М. Лѣтневъ, С. В. Максимовъ, В. Л. Марковъ, Н. Мизантроповъ, Н. Минскій, В. О. Михневичъ, Д. Л. Мордовцевъ, П. О. Морозовъ, К. В. Назарьева, Вас. И. Немировичъ-Данченко, М. В. Неручевъ, Ф. Д. Нефедовъ, В. Н. Никитинъ, Л. И. Пальминъ, Я. Л. Папперъ, Л. К. Поповъ, Я. П. Полонскій, Ѳ. Э. Ромеръ, проф. В. И. Сергѣевичъ, Д. Сибирякъ, А. И. Скребицкій, А. В. Старчевскій, Д. И. Стахѣевъ, В. Я. Стоюнинъ, Н. Съверинъ, Л. Н. Трефолевъ, Н. Флеровскій, Е. В. Чешихинъ, В. В. Чуйко* и др.

„*Наблюдатель*“ выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25-ти до 30 печатныхъ листовъ.

HARVARD UNIVERSITY LIBRARY 86* 2
APR – 7 1986

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

За годъ:		За полгода.	
Безъ доставки	12 р.	Безъ доставки	7 р.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	13 р.	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	7 р. 50 к.
Съ пер. въ другія мѣста Имперіи.	14 р.	Съ пер. въ другія мѣста Россіи.	8 р.
Съ пересылкою за границу. . .	16 р.	Съ пересылкою за границу. .	9 р.

Гг. подписчики (не заграничные), высылающіе **16 р.**, получаютъ, кромѣ годоваго экземпляра *Наблюдателя*: 1) **Гансъ-Филинъ**, романъ *Ф. Шпильгагена*, 2) **Сераписъ**, *Г. Эберса*, и 3) **Утѣха жизни**, *Э. Золя*. Всѣ эти романы въ отдѣльной продажѣ стоютъ **3 руб. 50 коп.**

Разсрочка платы допускается: для гг. служащихъ—за поручительствомъ казначеевъ, а для неслужащихъ—по особому соглашенію съ Главною Конторою, причемъ вносится:

	при подпискѣ.	къ 1 мая.	къ 1 сент.
Безъ доставки	5 р.	4 р.	3 р.
Съ доставкою.	6 р.	4 р.	3 р.
Съ пересылкою.	6 р.	5 р.	3 р.
Съ перес. за гран.	8 р.	5 р.	3 р.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., д. № 1–6). Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ, которые подпишутся въ Главной Конторѣ журнала.

Digitized by Google

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Редакція проситъ гг. подписчиковъ изъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ нѣтъ почтовыхъ конторъ, обозначать въ своихъ адресахъ *ближайшее почтовое мѣсто*, куда можно было бы прямо адресовать книги журнала. Въ противномъ случаѣ, редакція *не можетъ ручаться за исправную доставку журнала* и не принимаетъ на себя никакихъ хлопотъ по сношенію съ петербургскимъ почтамтомъ. 2) Если журналъ своевременно не получается подписчикомъ, редакція, въ виду скорѣйшаго удовлетворенія жалобы, покорнѣйше проситъ заявлять объ этомъ *не позже полученія слѣдующей книги*, такъ какъ газетная экспедиція, на основаніи почтовыхъ правилъ, позже этого времени жалобъ не принимаетъ. 3) При перемѣнѣ адреса необходимо присылать *старый печатный адресъ* или же его нумеръ, и при каждомъ заявленіи прилагать *пять* семикопѣечныхъ почтовыхъ марокъ за напечатаніе новаго адреса. 4) При перемѣнѣ городскаго адреса на иногородный, уплачивается *2 р.*, при перемѣнѣ же иногороднаго на городской—*1 р.* Перемѣны адресовъ сообщаются исключительно въ Главную Контору редакціи. 5) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ редакцію, благоволятъ прилагать почтовыя марки для отвѣтовъ. 6) Редакція проситъ присылать рукописи не иначе, какъ *четко* переписанными. Рукописи, признанныя неудобными къ напечатанію, хранятся не болѣе полугода и, по истеченіи этого срока, если не будутъ вытребованы обратно—уничтожаются. Мелкія статьи менѣе 20 листовъ писчей бумаги и стихотворенія вовсе не возвращаются. По поводу доставляемыхъ стихотвореній редакція не вступаетъ *ни въ какую переписку съ авторами*, хотя бы и были приложены марки для отвѣтовъ. Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ, должны быть приложены почтовыя марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказнымъ письмомъ или посылкою. Рукописи, доставленныя безъ опредѣленія условій гонорара, считаются безплатными. Рукописи должны быть присылаемы въ редакцію *заказными* (а не простыми) *письмами*. Рукописи, принятыя *безъ назначенія срока помѣщенія*, печатаются *исключительно* по усмотрѣнію редакціи. 7) Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4 часовъ пополудни, *кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.* 8) Объявленія для напечатанія въ журналѣ принимаются съ платою: за страницу 15 руб. и за $^1/_2$ стр.—8 руб. 9) *Всякія денежныя выдачи въ Главной Конторѣ производятся только одинъ разъ въ мѣсяцъ:* **20 числа, отъ часу до 3-хъ пополудни.** Если это число приходится на праздникъ или воскресенье, то выдачи отлагаются до слѣдующаго дня. *Авансы за рукописи, хотя и принятыя, но не напечатанныя въ журналѣ, не допускаются.*

Digitized by Google

ВЪ КОНТОРѢ ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ:

1) **Гансъ-Филинъ**, *Ф. Шпильгагена*. Одинъ томъ, 1 р. 50 к.
2) **Утѣха жизни**, *Э. Золя*. Одинъ томъ. 1 р.
3) **Сераписъ**, *Георга Эберса*. Одинъ томъ. 1 р.

На пересылку каждой книги прилагается марками 21 к. Для подписчиковъ всѣ эти книги высылаются за *два* руб.

Кромѣ поименованныхъ романовъ, въ конторѣ имѣются на складѣ, въ небольшомъ количествѣ, слѣдующія книги, составляющія нынѣ библіографическую рѣдкость:

1) Сочиненія *Д. В. Веневитинова*. Изд. 3-е, съ біографіей и портретомъ автора. Цѣна 1 р. 50 к. съ пересылкой.
2) *Князь В. Ѳ. Одоевскій*. Литературно-біографическій очеркъ, съ портретомъ. Цѣна 75 коп. съ пересылкой.

Digitized by Google

ЗОЛОТОПРОМЫШЛЕННИКИ.

БЫТОВАЯ ХРОНИКА ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Л И Ц А:

Тихонъ Кондратьевичъ Молоковъ— разорившійся золотопромышленникъ, за 60 лѣтъ; носитъ длиннополый сюртукъ, рубашку-косоворотку и сапоги бутылкой.

Марѳа Лукинишна — его жена, обрюзглая и сырая женщина за 50 лѣтъ; одѣвается по раскольничьи въ сарафаны, на головѣ носитъ большой темный платокъ.

Анисья Тихоновна—ихъ дочь, 20 лѣтъ; одѣвается по модѣ.

Поликарпъ Емельянычъ Бѣлоносовъ— ходатай по дѣламъ; лѣтъ 45, одѣтъ въ сборный костюмъ.

Харитонъ Харитонычъ Ширинкинъ—разорившійся золотопромышленникъ, старикъ подъ 60 лѣтъ; носитъ длинные сюртуки и короткіе брюки на выпускъ, шею туго повязываетъ шолковой косынкой.

Иванъ Тимофеичъ Засыпкинъ—золотопромышленникъ, подъ 50 лѣтъ; одѣтъ по модѣ и замѣтно молодится.

Вася Воротовъ—воспитанникъ Засыпкина, молодой человѣкъ лѣтъ 25; одѣтъ прилично, какъ одѣваются купеческіе прикащики.

Дѣйствіе происходитъ въ Зауральѣ, въ уѣздномъ городѣ Загорьѣ. Сцена представляетъ большую комнату въ домѣ Молокова. Направо отъ сцены большой деревянный диванъ, передъ нимъ ломберный столъ; у противоположной стѣны пустой посудный шкафъ и старинные часы. Полдюжины сборныхъ стульевъ и кисейныя занавѣски на окнахъ дополняютъ обстановку.

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ I.

Бѣлоносовъ (*крѣпко спитъ на диванѣ; въ дверяхъ слышится осторожный стукъ и покашливанье*).

Бѣлоносовъ (*поворачиваясь на другой бокъ*). Сейчасъ... сейчасъ... подождите! Только одну минуточку додернуть... (*Стукъ продолжается, Бѣлоносовъ поднимаетъ голову и опять бросается въ подушку*). Сейчасъ, говорятъ вамъ... Ахъ ты, Господи, умереть спокойно не дадутъ!.. Только одну минуточку... (*За сценой слышится нерѣшительный голосъ Ширинкина*: „Позвольте-съ... это я-съ... отъ Ивана Тимофеича-съ!“ (*Бѣлоносовъ поднимаетъ голову, зѣваетъ и съ удивленіемъ оглядывается кругомъ*). Кого тамъ чортъ принесъ?... Какой-то Иванъ Тимофеичъ... а мы, должно быть, на другой пароходъ пересѣли... та-акъ! (*подходитъ къ окну*). Вотъ такъ штука... гдѣ же это я?... И сіи каменные дома, и сія зеленая колокольня, и сія головная боль... (*За сценой голосъ Ширинкина*: „Позвольте-съ, Иванъ Тимофеичъ будутъ гнѣваться...“ *Бѣлоносовъ, пошатываясь, подходитъ къ двери и пріотворяетъ ее въ половину*). Какой тамъ чортъ ломится? А впрочемъ пожалуйте...

ЯВЛЕНІЕ II.

Бѣлоносовъ и Ширинкинъ.

Ширинкинъ (*пролѣзая въ дверь*). Мнѣ-съ... мнѣ-съ ..Иванъ Тимофеичъ послали узнать-съ... Ужь вы извините... хе-хе!.. собственно насчетъ пріѣзда Тихона Кондратьича-съ... Точно такъ-съ!

Бѣлоносовъ (*разводитъ руками*). Ничего не понимаю... нынче на пароходахъ чортъ знаетъ какіе порядки: человѣкъ спитъ, а тутъ въ каюту врывается всякій прощалыга!..

Ширинкинъ. Никакъ нѣтъ-съ, не прощалыга, а бывшій золотопромышленникъ, Харитонъ Харитонычъ Ширинкинъ... да-съ!..

Бѣлоносовъ. Нечего сказать, очень похожъ на золотопромышленника... очень!

Ширинкинъ. Точно такъ-съ... А Тихонъ Кондратьичъ изволили прибыть нѣкоторымъ образомъ... хе-хе!... вотъ Иванъ Тимофеичъ и послали узнать объ ихъ здоровьѣ и всякое прочее. Да-съ...

Бѣлоносовъ (*въ раздумьѣ*). Иванъ Тимофеичъ... Тихонъ Кондратьичъ... чортъ иванычъ... Харитонъ... ну, какъ васъ величать-то, чортъ васъ возьми?

Ширинкинъ. Харитонъ сынъ Харитоновъ... Насъ было семь братьевъ Ширинкиныхъ, а когда покойный родитель,—пошли имъ, Господи, царство небесное!—померли-съ...

Digitized by Google

Бѣлоносовъ. Да, да... помню, помню, дѣйствительно Харитонъ Ширинкинъ. Отлично... А все таки, это чортъ знаетъ что̀ такое!.. Послушайте вы, одинъ изъ семи братьевъ Ширинкиныхъ, какъ вы полагаете относительно моего мѣстонахожденія въ данный моментъ, т. е. гдѣ я?..

Ширинкинъ. Какъ гдѣ-съ? Въ городѣ Загорьѣ-съ...

Бѣлоносовъ. Та-акъ-съ. А Загорье по вашему гдѣ?..

Ширинкинъ. Загорье-съ?.. А Загорье, выходитъ, въ Сибири, сейчасъ за Уральскими горами...

Бѣлоносовъ. Это, значитъ, въ мѣстахъ не столь отдаленныхъ... странно, чортъ возьми!.. Былъ на ярмаркѣ въ Нижнемъ, зашелъ въ трактиръ, и вдругъ...

Ширинкинъ. Это Тихонъ Кондратьичъ привезли васъ, и все тутъ-съ. Хе-хе... они весьма любятъ удивлять публику.

Бѣлоносовъ. Такъ, такъ... Начинаю припоминать, какъ во снѣ: трактиръ, пароходъ, буфеты и коньякъ, коньякъ, коньякъ! Прямо по коньяку въ Сибирь приплылъ... Послушайте, Ширинкинъ, вы за кого меня принимаете?

Ширинкинъ. Я-съ?.. хе-хе!.. т. е. мы наслышаны были-съ, что Тихонъ Кондратьичъ изъ Нижняго шута привезли. Вотъ я-съ, грѣшный человѣкъ, между прочимъ, и полюбопытствовалъ взглянуть-съ...

Бѣлоносовъ. Слѣдовательно, вы меня въ шуты записали?

Ширинкинъ. Что-же-съ, и я въ этомъ званіи состоялъ при Тихонѣ Кондратьичѣ-съ... Сначала оно, точно-съ, претитъ, а потомъ ничего, привыкните помаленьку. Хе-хе...

Бѣлоносовъ (*садится на диванъ и ощупываетъ свою голову*). Охъ, ничего, рѣшительно ничего я не понимаю... Кто изъ насъ здѣсь шутъ, или оба мы шуты, или чортъ знаетъ что̀!..

Ширинкинъ (*усаживается на кончикъ стула къ столу*). Насъ было семь братьевъ, и отъ покойника родителя осталось на всѣхъ—три пріиска, движимость и капиталъ-съ. Ну, учали мы промежду себя наслѣдство дѣлить—споръ и грѣхъ, а Иванъ-то Тимофеичъ и говорятъ: „Выдайте, говорятъ, полную довѣренность на мое имя“...

Бѣлоносовъ. Иванъ Тимофеичъ снáчала всѣхъ семерыхъ братьевъ раздѣлъ до рубашки, а потомъ васъ въ шуты опредѣлилъ къ Тихону Кондратьичу?.. Исторія обыкновенная...

Ширинкинъ. Точно такъ-съ... Только Иванъ Тимофеичъ—это такой человѣкъ, такой человѣкъ!.. А я въ шутахъ у Тихона Кондратьича, дѣйствительно-съ, много грѣха на душу принялъ-съ... Бѣда, ежели Тихонъ Кондратьичъ развеселятся—не приведи, царица небесная!.. Разъ въ скатерть меня завязали и въ воду бросили... чуть тогда не захлебнулся. Только

Digitized by Google

я вамъ откровенно скажу: все претерпѣлъ, а только есть здѣсь (*таинственно оглядывается*) одинъ докторъ...

Бѣлоносовъ. И онъ тоже въ шутахъ состоитъ?..

Ширинкинъ. Нѣтъ-съ, это ужь совсѣмъ другое-съ... хе-хе!.. Тихонъ Кондратьичъ очень сумлительны насчетъ здоровья—чуть что попритчится, Боже сохрани!.. Сейчасъ за докторомъ, а докторъ—лѣкарство. А Тихонъ Кондратьичъ ни за что не станутъ одни лѣчиться: что имъ дѣлать, то и вы должны... то есть вы-то впереди его. Примѣрно, у нихъ несваренiе желудка, я и долженъ касторовое масло пить, а потомъ ужь они... Страсть сколько я съ ними лѣкарства перепилъ: и липовый цвѣтъ, и цитварное сѣмя, и александринскiй листъ... Совсѣмъ здоровъ, а долженъ пить-съ! Такимъ родомъ я, можетъ, цѣлую аптеку выпилъ, и ничего-съ... А вотъ хуже, когда къ живому мѣсту начнутъ пьявокъ наставлять да банки, да мушку шпанскую налѣпятъ-съ... Ну, я изъ всякаго терпѣнiя выступилъ и ушелъ къ Ивану Тимофеичу... Моченьки моей не стало терпѣть дольше.

Бѣлоносовъ. Ха-ха!.. вотъ такъ исторiя!..

Ширинкинъ. Возсталъ: не могу, и конецъ дѣлу!.. Съ тѣмъ и ушелъ, а теперь вотъ при Иванѣ Тимофеичѣ состою-съ...

Бѣлоносовъ (*хохочетъ*). Однако, чортъ возьми... ха-ха! Задали вы мнѣ задачу... вдругъ у Тихона Кондратьича зубы заболятъ или насморкъ сдѣлается... Ха-ха!..

Ширинкинъ. Теперь средствiе есть противъ нихъ... словечко такое: вседонимъ. Только скажите, и все какъ рукой сниметъ...

ЯВЛЕНIЕ III.

Тѣ же и Анисья Тихоновна (*входитъ изъ дверей направо*).

Анисья Тихоновна (*строго*). Кто здѣсь смѣется?

Ширинкинъ. Это мы-съ... извините. Анисья Тихоновна, позвольте ручку, съ благополучнымъ прибытiемъ поздравить въ наши палестинскiя мѣста-съ.

Бѣлоносовъ (*расшаркиваясь*). И мнѣ ручку, несравненная Анисья Тихоновна (*цѣлуетъ у нея руку*). Ахъ, ручката какая: бѣленькая да атласная... Скажите ради бога, гдѣ я нахожусь въ данный моментъ времени?

Анисья Тихоновна. Отвяжитесь... я сама, кажется, ничего не понимаю, что дѣлается кругомъ меня.

Ширинкинъ. Это вы насчетъ вседониму-съ? хе-хе...

Анисья Тихоновна. Ну, да... и относительно псевдонима, и относительно всего остальнаго. Скажите, пожалуйста, жила я у тетки въ Нижнемъ, потомъ вдругъ является родитель, тащитъ съ собой въ Сибирь, а дорогой самъ ото всѣхъ

Digitized by Google

прячется, выдаетъ себя за кого-то другаго... чортъ знаетъ что такое!.. Пріѣзжаемъ сюда—здѣсь все точно послѣ пожара. Мать говоритъ, что мы разорены, а сама ничего объяснить не умѣетъ... Вѣдь отецъ у меня, Харитоша, богатый?

Ширинкинъ. Точно такъ-съ... были при капиталѣ-съ.

Анисья Тихоновна. Какъ были? а теперь?

Ширинкинъ. А теперь все движимое и недвижимое за Ивана Тимофеича перешло-съ... Пока вашъ тятенька по Расеѣ подъ вседонимомъ скрывали себя, Иванъ Тимофеичъ все на себя перевели.

Анисья Тихоновна. Ничего не понимаю... У отца было тысячъ двѣсти наличнаго капитала, въ Нижнемъ всѣ меня за богатую невѣсту считали, а тутъ извольте радоваться: нищая... Нечего сказать, на радость пріѣхала—въ домѣ даже прислуги нѣтъ. Господи, да что же это такое наконецъ? Какой-то дурацкій псевдонимъ, потомъ этотъ Иванъ Тимофеичъ...

Бѣлоносовъ. Превратность судьбы, несравненная Анисья Тихоновна... а мнѣ, знаете, кажется, что мы будто все еще плывемъ на пароходѣ. Ей богу...

Анисья Тихоновна. Не съ вами говорятъ... ступайте, проспитесь хорошенько сначала.

Ширинкинъ. А я васъ, Анисья Тихоновна, еще вотъ такой маленькой дѣвочкой нашивалъ на рукахъ-съ. Да-съ. А теперь вы настоящая барышня сдѣлались и, можно сказать, превзошли самихъ себя красотой-съ. Хе-хе. Иванъ Тимофеичъ (*таинственно*) нарочно прислали меня справиться насчетъ васъ, потому какъ они видѣли васъ въ окно-съ и очень были тронуты вашей красотой-съ. И Елена Ивановна приказали кланяться-съ...

Анисья Тихоновна. Лёна?

Ширинкинъ. Точно такъ-съ... Тоже ужь дѣвица на возрастѣ и весьма заневѣстилась.

Анисья Тихоновна. Да, Лена теперь богатая невѣста, а я нищая... Будемъ калачи стряпать да продавать... (*садится на диванъ и плачетъ*). Все отлично... да.

Ширинкинъ (*тоже плачетъ*). Напрасно вы огорчаетесь, Анисья Тихоновна... Богъ дастъ, все по старому наладится. Такая ужь наша золотопромышленная часть: сегодня богатъ, тысячи въ карманѣ, а завтра голъ, какъ соколъ... Ей богу, Анисья Тихоновна, дайте срокъ тятенькѣ въ себя прійти, у нихъ легкая рука на золото.

Анисья Тихоновна (*сквозь слезы*). Да, поправится все... на другой бокъ. Тятенька въ шуты запишется къ Ивану Тимофеичу... мы—калачами торговать... Нѣтъ, я сама сейчасъ

Digitized by Google

пойду къ Ивану Тимофеичу и допрошу его... (*порывисто вскакиваетъ съ мѣста*). Позоръ... бѣдность... нищета...

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Воротовъ.

Анисья Тихоновна. Ахъ, это ты, Вася...

Воротовъ (*пятится къ дверямъ*). Я-съ, т. е. меня послали Иванъ Тимофеичъ...

Анисья Тихоновна. Что́ же ты со мной-то не здороваешься... а?.. али не узналъ, Вася?...

Воротовъ (*оглядывается*). Какъ не узнать-съ, Анисья Тихоновна, только могутъ войти-съ... Я такъ и скажу Ивану Тимофеичу, что видѣлъ и прочее-съ... (*продолжаетъ двигаться къ дверямъ, но Анисья Тихоновна беретъ его за руку и выводитъ на середину комнаты*).

Анисья Тихоновна. Нѣтъ, постой, Васенька, не пущу... давно я тебя не видала, надо поговорить.

Воротовъ. Позвольте-съ, право, кто нибудь войдетъ... не хорошо-съ. Да и какіе у насъ разговоры, Анисья Тихоновна...

Анисья Тихоновна (*отступаетъ отъ него*). Вотъ какъ... отлично, Васенька, очень хорошо. Умѣлъ дѣвушку миловать да ласкать, умѣй и отвѣтъ держать. Харитоша, ступай въ столовую и дай г. Бѣлоносову червячка заморить...

Ширинкинъ. Это относительно водки-съ?..

Бѣлоносовъ (*уводитъ его подъ руку*). Сказано: червячка заморить, значитъ и водки, и коньяку... (*оглядывается на Воротова*). Молодецъ-то, должно быть, крѣпко попался... ха-ха!.. Хорошенько его, милая барышня... (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Анисья Тихоновна и Воротовъ.

Анисья Тихоновна (*быстро подходитъ къ Воротову и беретъ его за руки*). Вася... Васенька... посмотри на меня?.. Али забылъ, какъ прежде миловались... да говори-же, я тебя, кажется, русскимъ языкомъ спрашиваю!..

Воротовъ (*старается освободить свои руки*). Мало-ли что́ было, Анисья Тихоновна: было да сплыло и быльёмъ поросло .. Теперь ужъ совсѣмъ другой разговоръ (*оглядывается*). Право, кто-нибудь войдетъ...

Анисья Тихоновна. Эхъ, Вася, Вася, коротка твоя совѣсть... Видно, любишь за хозяйскими дочерьми ухаживать? богатства ищешь?.. Не говори: сама все знаю... Еслибы я была богатая, такъ и ты по прежнему за мной бы бѣгалъ... такъ вѣдь?.. Помнишь, какъ на санкахъ зимой вмѣстѣ катались, какъ лѣтомъ къ намъ въ садъ лазилъ?..

Digitized by Google

Воротовъ. Ну, ужь теперь извините: мы свой терминъ тоже очень хорошо понимаемъ... Богатство—богатствомъ, а ежели душа къ человѣку не лежитъ—это ужь особенный разговоръ.

Анисья Тихоновна (*не слушаетъ его*). Говори прямо: за Ленкой ухаживаешь? У, постылый, по глазамъ твоимъ все вижу...

Воротовъ. Это ужь наше дѣло... Елена Ивановна—точно, что дѣвица примѣрная.

Анисья Тихоновна. И этого человѣка я любила... ха-ха!.. Ну, что въ немъ? Вотъ за эту круглую рожу любила, за глаза, за прибаутку да пѣсню... а онъ на меня и смотрѣть не хочетъ!.. Сколько мнѣ отъ отца доставалось изъ-за тебя, постылый человѣкъ; изъ-за тебя и въ Нижній сослали: я о немъ тамъ плачу да сокрушаюсь, а онъ съ другой утѣшается... Васька, слыхалъ ты когда-нибудь, что есть на бѣломъ свѣтѣ совѣсть?..

Воротовъ. Совѣсть — это когда человѣкъ замутится немножко... у другаго совсѣмъ и званья нѣтъ этой самой совѣсти. Такъ, самые отчаянные люди бываютъ...

Анисья Тихоновна. Да, бываютъ и отчаянные, а вотъ ты—такъ тряпица... Дунуло въ одну сторону, ты сейчасъ и хвостъ по вѣтру. Взглянули ласково—растаялъ; отвернулись—позабылъ. И обманешь, и продашь...

Воротовъ. Это ужь какъ вы знаете, Анисья Тихоновна, а только и у насъ своя амбиція есть...

Анисья Тихоновна. И онъ еще говоритъ!.. амбиція?.. Охъ, убила бы я тебя, Васька, ежели бы ты не тряпица былъ... Хуже ты всякаго зла; душонкой своей поганой вертишь, какъ собака хвостомъ!..

Воротовъ. Ужь я лучше уйду-съ...

Анисья Тихоновна. Не смѣешь... нѣтъ, убирайся къ чорту! (*Воротовъ идетъ къ дверямъ, но она его ворочаетъ съ полдороги*). Васенька, голубчикъ, постой... что я тебѣ хотѣла сказать-то?.. Да, вотъ что: любитъ тебя Лена, очень любитъ?..

Воротовъ. Пустое это дѣло самое, Анисья Тихоновна.... Разѣ я смѣю говорить такія слова про Елену Ивановну...

Анисья Тихоновна. И тутъ совралъ... ну, да все равно: пусть мое пропадаетъ, не хочу у Лены отнимать такое сокровище... ха-ха!..

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же, Бѣлоносовъ и Ширинкинъ.

Бѣлоносовъ (*входитъ, пошатываясь*). Ну, несравненная Анисья Тихоновна, глухая исповѣдь кончилась?..

Анисья Тихоновна. Все кончилось... да.

Digitized by Google

Воротовъ. Наше почтеніе-съ, Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна. Постой (*осматривается въ раздумьѣ*)... Я тоже съ тобой пойду. Надо мнѣ Лену увидать... (*уходитъ съ Воротовымъ*).

ЯВЛЕНІЕ VII.

Ширинкинъ и Бѣлоносовъ.

Ширинкинъ (*тяжело вздыхаетъ*). Огонь, а не дѣвица-съ.

Бѣлоносовъ (*ложится на диванъ*). Ничего барышня... антикъ съ гвоздикой, каленкоръ.

Ширинкинъ. И еще какъ хороша-то... Всѣми, бывало, въ дому командуетъ, когда еще маленькой была: все по ея дѣлай. Ну, конечно, теперь ужь на возрастѣ и прыти той нѣтъ, а все таки огонь-съ... Глазки-то, какъ бральянты, такъ и горятъ... (*таинственно*) только вотъ небольшая заминочка съ этимъ Васей вышла было... По этой самой причинѣ Тихонъ Кондратьичъ и въ Нижній къ теткѣ ее увозили, а теперь вонъ оно что вышло. Жаль глядѣть-то на нее, право...

Бѣлоносовъ. Хороша Маша да не наша... у меня свои брильянты-то не хуже были, ну, да это все вздоръ, а вотъ какъ-бы еще выпить... а?..

Ширинкинъ. Не могу-съ... Червячка заморили, и довольно-съ. А вонъ никакъ сами Тихонъ Кондратьичъ сюда изволятъ жаловать... (*отходитъ на цыпочкахъ къ двери*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Бѣлоносовъ, Ширинкинъ и Молоковъ (*останавливается въ дверяхъ*).

Молоковъ. А, два сапога — пара, два умника тоже... (*хрипло смѣется*). Который котораго у васъ умнѣе... а?...

Бѣлоносовъ. Позвольте, милостивый государь, я не позволю съ собою такого обращенія... я...

Молоковъ. Хорошо, хорошо, съ тобой будетъ особый разговоръ, а мнѣ сперва вотъ съ этой птицей надо побесѣдовать...

Ширинкинъ (*кланяется издали*). Меня-съ прислали Иванъ Тимофеичъ и велѣли проздравить съ благополучнымъ прибытіемъ.

Молоковъ (*оглядываясь*). Тш... чего хайло-то растворилъ?.. „Съ прибытіемъ“... Я вамъ такое прибытіе пропишу съ Иваномъ Тимофеичемъ, что вы у меня... въ одинъ узелъ всѣхъ завяжу. Слышалъ? Такъ и своему Ивану Тимофеичу скажи...

Ширинкинъ. Иванъ Тимофеичъ такой человѣкъ, такой человѣкъ...

Молоковъ (*Бѣлоносову*). Ишь какого дурака валяетъ... а?... А ты вотъ что, Харитошка: ежели кто тебя спроситъ

Digitized by Google

про меня, такъ и скажи, что я безъ вѣсти пропалъ... особливо ежели становой. Охъ-хо-хо... То есть, кажется, взялъ бы, да и перекусалъ ихъ всѣхъ пополамъ: жилы изъ меня тянутъ. А такъ и скажи Ивану Тимофеичу: разорву, какъ кошку...

Бѣлоносовъ. Тихонъ Кондратьичъ, у меня что-то во рту пересохло...

Молоковъ. Погоди, говорятъ, твоя часть впереди... А ты, Харитошка, оборудуй сперва на счетъ закуски и выпивки. Да и мою-то даму веди сюда. Хочу окружной судъ показать. (*Ширинкинъ на цыпочкахъ уходитъ въ дверь направо*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Молоковъ и Бѣлоносовъ.

Молоковъ (*грузно садится на диванъ и кладетъ руки на столъ*). Ну, вотъ, Бѣлоносовъ, теперь мы съ тобой на одномъ положеніи: ты—отставной козы барабанщикъ, я—въ проходномъ ряду вѣтромъ торговать... Недаромъ я тебя везъ такую даль, милашъ: первое дѣло—ослобоняй меня изъ-подъ вседонимому.

Бѣлоносовъ. Могу...

Молоковъ. Ахъ ты, судорога, не узнавши дѣла, да „могу". А ты слушай... Нашелъ-бы я обвокатовъ въ Загорьѣ даже очень достаточно, да ужь больно они у насъ ворóваты. Иванъ-то Тимофеичъ всѣхъ ихъ купитъ. Ну, вотъ я и придумалъ, когда мнѣ надоѣло подъ вседонимомъ скрываться: привезу, молъ, своего собственнаго обвоката позубастѣе, да и направлю на Ивана Тимофеича... Такъ?

Бѣлоносовъ. Могу...

Молоковъ. Опять вышелъ дуракъ!.. тьфу!..

Бѣлоносовъ. Позвольте-съ, я не привыкъ къ такому обращенію...

Молоковъ. Да ты дѣло-то слушай, ежевая голова... У всѣхъ у васъ одна замашка-то: пустой колосъ къ верху голову носитъ. Ну, да чортъ съ тобой... Видишь-ли, милашъ, наша золотая часть совсѣмъ особенное дѣло: какъ это въ писаніи-то говорится — „Аврамъ роди Исака, Исакъ роди Якова", а у насъ „Аврамъ разори Исака, Исакъ разори Якова".. Плутъ народъ! Взять того же Ивана Тимофеича — человѣкъ пять разорилъ, начиная съ Харитошки, а теперь вотъ меня утопилъ. Былъ у насъ одинъ становой Красноперовъ, ну, я его подъ пьяную руку по физимордіи и черкнулъ... Иванъ-же Тимофеичъ и научилъ меня, потому какъ сердитъ былъ на Красноперова. Хорошо. По старымъ судамъ меня на высидку въ острогъ на годъ... У меня пріиски были, капиталу за сто тысячъ и вдругъ! пожалуйте въ острогъ, Тихонъ Кондратьичъ.

Digitized by Google

А Иванъ Тимофеичъ меня опять и поджегъ: „уѣзжай, говоритъ, подъ вседонимомъ, а я всѣ дѣла охлопочу... Одинъ, говоритъ, купецъ экъ-ту годовъ двадцать спасался!“ Съ-дуруто я и согласись! перевелъ пріиски на имя жены, капиталъ ей передалъ, весь домъ, а самъ въ бѣга ударился. А пока я бѣгалъ, Иванъ Тимофеичъ все за себя и перевелъ... Попалъ теперь?

Бѣлоносовъ. Подлогъ и присвоеніе чужой собственности.

Молоковъ. Такъ вотъ ты меня сперва изъ вседониму выпутай, а потомъ добро будемъ ворочать назадъ.

Бѣлоносовъ. Могу...

Молоковъ. А теперь, какъ, значитъ, у меня дочь на возрастѣ и, какъ значитъ, Иванъ Тимофеичъ приспособилъ ей такое приданое, я и хочу показать, каковъ я есть человѣкъ. По всей формѣ... Такъ я говорю?

Бѣлоносовъ. Совершенно вѣрно...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Ширинкинъ (*несетъ поднос съ водкой и закускою*) **и Марѳа Лукинишна.**

Молоковъ (*Бѣлоносову*). Вотъ и моя дама, законная супружница. Поглядѣть на нее, такъ дерево деревомъ, а вотъ какъ обула меня на обѣ ноги. Я сейчасъ-же и слѣдствіе произведу, и окружной судъ, и собственноручную резолюцію... Ну, Марѳа Лукинишна, наша дражайшая сожительница, подходите-ка поближе къ столику. Вотъ мы съ господиномъ обвокатомъ будемъ водку пить, а ты намъ показаніе дѣлай на всей чистой совѣсти, сколько у тебя ея осталось. А ты, Харитошка, въ свидѣтеляхъ... А какъ же мы безъ подсудимой скамьи, Бѣлоносовъ?

Бѣлоносовъ (*наливая рюмку*). Ничего, въ экстренныхъ случаяхъ и безъ скамьи можно... (*пьетъ*). Это полевымъ судомъ называется.

Молоковъ. Нѣтъ, я окружнымъ хочу...

Бѣлоносовъ. Полевой строже окружнаго... ухъ, какая тепленькая рюмочка попалась!

Молоковъ (*женѣ*). Ну, ты чего тамъ чучеломъ-то гороховымъ стоишь? Подходи къ столу, а ты, Харитошка, у дверей стой...

Марѳа Лукинишна (*бросается въ ноги мужу*). Охъ, родимой мой, не погуби... ничего я не понимаю, ровнешенько ничего!.. Все онъ, все Иванъ Тимофеичъ, а я стара стала... глупа... (*плачетъ и закрываетъ лицо платкомъ*).

Молоковъ (*грозно*). Будетъ ревѣть, говори толкомъ. Здѣсь вѣдь не тіятръ... ну?.. (*топаетъ ногой*).

Digitized by Google

Марѳа Лукинишна. Охъ, скажу, все скажу... какъ на духу. Ты тогда убѣжалъ... Тихонъ Кондратьичъ, голубчикъ! совѣстно до смерти передъ постороннимъ мужчиной. Ради Христа, ослобони ты меня...

Молоковъ (*бьетъ кулакомъ по столу*). Все врешь... Сказано: говори, какъ омманывала меня. Недаромъ-же я тащу далъ тащилъ вотъ этого прощалыгу... (*указываетъ головой на Бѣлоносова*).

Бѣлоносовъ. Вы забываетесь... я не позволю! (*вскакиваетъ*).

Молоковъ (*Бѣлоносову*). А тебя кто спрашивалъ, судорога?.. Къ слову сказано... (*жене*). Ну, милая дама...

Марѳа Лукинишна. Какъ ты тогда, Тихонъ Кондратьичъ, сбѣжалъ съ вседонимомъ-то...

Молоковъ. Не сбѣжалъ, а просто уѣхалъ... псы бѣгаютъ.

Марѳа Лукинишна, Ну, какъ ты уѣхалъ, Иванъ-то Тимофеичъ вскорѣ и началъ захаживать ко мнѣ. Я-то вижу, што у него недоброе на умѣ, а онъ, нѣтъ-нѣтъ, да и завернетъ... потомъ—того началъ меня сильно смущать. Говоритъ, что ты этотъ вседонимъ для отводу глазъ на себя накинулъ, а самъ къ нѣмкамъ уѣхалъ. Сейчасъ провалиться... ну, мнѣ въ тѣ поры это очень обидно показалось, а Иванъ Тимофеичъ въ сердцахъ-то меня кругомъ и обошелъ, точно темноты напустилъ. На бумагѣ кресты ставила... онъ бумагу принесетъ, а я крестъ поставлю. Только всего и было. А ужь потомъ по бумагѣ-то приставъ пріѣхалъ...

Молоковъ (*Бѣлоносову*). Ты будешь прокуроромъ... (*другимъ тономъ*). Господинъ прокуроръ, слышали?

Бѣлоносовъ. Да, слышалъ... Подсудимая, какъ же вы рѣшились ставить кресты на неизвѣстной вамъ бумагѣ?

Марѳа Лукинишна. А Иванъ Тимофеичъ письмо мнѣ читалъ, голубчикъ, будто отъ Тихона Кондратьича письмо и въ письмѣ, чтобы я пріиски сдала Ивану Тимофеичу въ арендъ. Все на бумагѣ было прописано...

Молоковъ. А не читалъ онъ тебѣ на бумагѣ, что ты самая и есть лишенная ума?

Марѳа Лукинишна. Нѣтъ, не упомню... этого какъ будто не было въ бумагѣ (*замѣтивъ грозный взглядъ мужа, торопливо прибавляетъ*). А можетъ и было... запамятовала я, родимый мой!..

Молоковъ. Господинъ прокуроръ, вотъ видите, какое дерево смолевое эта самая дама? Она меня нищимъ сдѣлала... Два лучшихъ пріиска въ аренду Ивану Тимофеичу отдала, да векселей ему написала,—все имущество и порѣшила. Это какъ?

Бѣлоносовъ. Ничего, приданое хорошее...

Digitized by Google

Молоковъ. Харитошка, а ты помогалъ имъ?

Ширинкинъ. Я ничего не знаю-съ, Тихонъ Кондратьичъ. Темный человѣкъ-съ, и дѣло наше маленькое-съ.

Молоковъ. У всѣхъ у васъ маленькое дѣло, а дурь огромная... Ты вмѣстѣ, поди, съ Иваномъ-то Тимофеичемъ смущалъ мою даму?..

Ширинкинъ. Отсохни рука-нога, Тихонъ Кондратьичъ, ежели...

Молоковъ. Ну, да все равно: одинъ чортъ... Господинъ прокуроръ, теперь какую мы резолюцію устроимъ моей-то дамѣ? А ты, любезная наша сожительница (*возвышаетъ голосъ и стучитъ кулакомъ*), такъ и чувствуй, что я изъ тебя лучины нащеплю! въ порошокъ изотру!.. (*вскакиваетъ съ мѣста и засучиваетъ рукава*).

Марѳа Лукинишна (*закрываетъ глаза*). Охъ, смерть моя...

Ширинкинъ (*заглядываетъ въ окно*). Кто-то подъѣхалъ... на парѣ... вдвоемъ...

Молоковъ (*шопотомъ*). Ежели меня кто спроситъ, Харитошка, такъ и скажи, что безъ вѣсти пропалъ... (*убѣгаетъ въ двери направо, за нимъ жена*).

Бѣлоносовъ (*захватываетъ бутылку съ водкой*). Если предсѣдатель убѣжалъ, такъ прокурора и Богъ проститъ... (*убѣгаетъ въ ту же дверь*).

Ширинкинъ (*мечется по комнатѣ*). А я-то куда дѣнусь?.. ай, батюшки... (*прячется за шкафъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Ширинкинъ и Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна (*заходитъ въ лѣтней накидкѣ и въ шляпѣ; не замѣчая спрятавшагося за шкафомъ Ширинкина, садится къ столу*). Все кончено... все потеряно. Васька-то хорошъ?.. Божился, клялся тогда, а теперь этой Ленкѣ въ глаза смотритъ. И чего онъ въ ней нашелъ?.. Вотъ и пріѣхала, Анисья Тихоновна, и получила... ха-ха!.. А я-то, дура, сколько слезъ пролила, сидючи въ Нижнемъ... Конечно, Елена Ивановна—богатая невѣста, вотъ онъ слюнки и распустилъ (*вытираетъ глаза платкомъ*). Ну, видно, прошлаго не воротишь, надо учиться по новому жить... А Васька-то, подлецъ, еще лучше сталъ и все такой-же лупоглазый. Охъ, и любила я его, вотъ какъ любила.

Ширинкинъ (*покашливая, выходитъ изъ-за шкафа*). Ужь вы такъ, Анисья Тихоновна, перепужали насъ всѣхъ... такъ перепужали... Хе-хе!.. Полевой судъ у насъ былъ, мамыньку вашу судили, а я глянулъ въ окошко: трахъ! на парѣ кто-

Digitized by Google

то, ну, весь нашъ судъ и разбѣжался. Хе-хе... А меня здѣсь оставили...

Анисья Тихоновна (*не слушая его*). Вотъ что, Харитоша, любила дѣвка парня, а парень оказался подлецомъ... Что теперь этой дѣвкѣ дѣлать, если она душу свою отдала?..

Ширинкинъ. Не смѣю сказать, Анисья Тихоновна, маленькій я человѣкъ-съ.

Анисья Тихоновна. Однако, что бы ты сдѣлалъ, Харитоша, на мѣстѣ этой дѣвки... а?..

Ширинкинъ. А взялъ бы да и плюнулъ-съ... ей богу, плюнулъ-съ. Да разѣ бѣлый-то свѣтъ клиномъ сошелся, Анисья Тихоновна?

Анисья Тихоновна. Вѣрно ты говоришь, Харитоша... отлично!.. Ну, иди сюда, я тебя поцѣлую... да иди же, не бойся (*беретъ его за голову и цѣлуетъ*). Теперь я знаю, что дѣлать... опять веселая буду, Харитоша. Помнишь, какая я раньше была?

Ширинкинъ. Какъ не помнить-съ... хе-хе!..

Анисья Тихоновна. Ахъ, что я здѣсь болтаю съ тобой: Иванъ Тимофеичъ ждетъ меня на улицѣ. Вотъ что, Харитоша: ты иди и скажи родителю, что Иванъ Тимофеичъ желаетъ его видѣть... (*Ширинкинъ торопливо уходитъ, а Анисья Тихоновна подходитъ къ окну, отворяетъ его и кричитъ*). Пожалуйте, Иванъ Тимофеичъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Анисья Тихоновна и Засыпкинъ (*входитъ, оглядываясь*).

Засыпкинъ (*цѣлуетъ руку Анисьи Тихоновны*). А ужь какъ я радъ, что вы пріѣхали къ намъ, Анисья Тихоновна... Такъ радъ, все равно, какъ ангелъ слетѣлъ съ неба. Ей богу... И какія вы изъ себя стали, Анисья Тихоновна: одна красота. Раньше были хороши, нечего грѣха таить, а теперь превзошли самихъ себя, можно сказать... да.

Анисья Тихоновна (*кокетливо*). Будто ужь я такая красивая?..

Засыпкинъ. Помилуйте-съ, да какая же еще послѣ этого красота можетъ быть? Не будь у меня Лены, я самъ помолодѣлъ бы для васъ этакъ лѣтъ на двадцать, а теперь какъ будто немножко устарѣлъ...

Анисья Тихоновна. Нѣтъ, еще ничего... Годика два подержитесь, а тамъ ужь не знаю какъ...

Засыпкинъ. Вотъ вы и смѣетесь надо мной... Конечно, ваше дѣло молодое, Анисья Тихоновна, а только я вамъ вотъ что скажу: если будете выходить замужъ, не берите молодаго мужа. Мотоваты ужь очень нынѣшніе-то молодые

Digitized by Google

мужья, а вы берите мужа постарше—этотъ будетъ понадежнѣе. Въ лебяжьемъ пуху будетъ этакую красоту соблюдать, золотомъ осыплетъ, вѣтру не дастъ пахнуть... Вотъ какъ старички-то любятъ!..

Анисья Тихоновна. Да я и не собираюсь замужъ: кому неволя брать дѣвушку изъ разореннаго дома... Вотъ вы разорили отца, а теперь и заговариваете о старичкахъ. Пойдешь и за козла, когда ѣсть нечего будетъ...

Засыпкинъ. Ахъ, не нужно такія слова говорить... совсѣмъ не нужно. Ваше молодое дѣло: веселитесь, радуйтесь, пѣсни распѣвайте, а ужь мы васъ устроимъ... да! И женишка приспособимъ...

Анисья Тихоновна (*капризно*). Бѣднаго мнѣ не нужно, а за богатаго я и сама не пойду... будетъ послѣ корить своимъ-то богатствомъ. Очень нужно...

Засыпкинъ. Сейчасъ и загорѣлись: не хочу, да не пойду... А вы погодите, все устроимъ помаленьку. Я вонъ давеча даже прослезился, какъ увидѣлъ васъ: ангелъ слетѣлъ... такъ прямо и говорю Ленѣ: „Лена, намъ Богъ ангела послалъ“. Вотъ только Тихонъ Кондратьичъ напраслиной меня обнесли... За этимъ и пріѣхалъ сюда, потому какъ все напраслина.

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Молоковъ (*останавливается въ дверяхъ*).

Засыпкинъ (*идетъ на встрѣчу*). Тихонъ Кондратьичъ... вотъ удивилъ-то!.. Не ждали, не гадали, а онъ какъ снѣгъ на голову...

Молоковъ (*показываетъ на дверь*). Вонъ, сатана!..

Засыпкинъ. Да вы извольте выслушать меня, а уйти-то всегда успѣемъ-съ...

Молоковъ. Вонъ!!.. ничего и слышать не хочу... Ты меня по міру пустилъ на старости лѣтъ... Всѣхъ обошелъ, сатана, всѣхъ обманулъ, всѣхъ оплелъ... вонъ!!.. И чтобы духу твоего не пахло, а то я тебя расшибу на мелкія крохи... слышалъ? (*принимаетъ угрожающую позу*). Уходи, сатана...

Анисья Тихоновна. Тятенька, вы дайте Ивану Тимофеичу хоть слово сказать, а то что же это такое...

Засыпкинъ. Нѣтъ, Анисья Тихоновна, вы не знаете тятенькинаго карахтеру: имъ ужь дайте все сперва выложить, душу отвести... Ничего, не впервой намъ отъ нихъ принимать мараль-то...

Молоковъ (*бросается на Засыпкина съ поднятыми кулаками*). Ахъ ты, змѣиная кровь... жилы пришелъ изъ меня тянуть, а?.. Мнѣ что? много ли мнѣ, можетъ, и на свѣтѣ

Digitized by Google

жить? а ты вотъ ее (*указываетъ на дочь*) нищей сдѣлалъ. Хорошее приданое и ей, и мнѣ устроилъ... Уходи, сатана, коли хочешь живъ остаться!

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣ же и Бѣлоносовъ (*входитъ, пошатываясь*).

Бѣлоносовъ (*смотритъ поперемѣнно на всѣхъ*). Ничего не пойму... а кажется, что все еще на пароходѣ ѣдемъ. Рожи какія-то...

Засыпкинъ. Это еще что за строкулистъ?

Молоковъ. А это я гостинца тебѣ изъ Нижняго привезъ... съ волчьими зубами гостинецъ-то. Эй, господинъ прокуроръ, подойдите-ка сюда и полюбуйтесь: это вотъ и есть Иванъ Тимофеичъ Засыпкинъ, сатана и Гришка Отрепьевъ, который взнуздалъ меня вседонимомъ-то.

Бѣлоносовъ. Ничего, хорошъ гусь... имѣю честь отрекомендоваться: отставной титулярный совѣтникъ, Поликарпъ Емельяновъ Бѣлоносовъ. Только какъ же это такъ: мы его судить будемъ, а онъ тутъ съ барышней переглядывается... Нѣтъ, видно, я все еще на пароходѣ!

Молоковъ. Нѣтъ, ты послушай, Бѣлоносовъ, сатану-то: какія онъ слова выговариваетъ... И совѣсти въ немъ хоть бы искра!...

Засыпкинъ. Позвольте-съ и мнѣ свое слово сказать, Тихонъ Кондратьичъ... Вы вотъ меня краденымъ корите, да совѣстью глаза тычете, я и пришелъ для этого. Теперь и Анисья Тихоновна здѣсь, и я при нихъ все скажу: все имъ приданое справлю, какъ родной дочери... да-съ.

Анисья Тихоновна (*отцу*). Слышишь?

Молоковъ (*машетъ обѣими руками*). Вретъ, все вретъ... Веревку тебѣ надѣнетъ, да своими руками задавитъ — вотъ тебѣ и приданое, доченька. Ха-ха... (*Засыпкину*). Ванька, уходи отъ грѣха...

Засыпкинъ. Ахъ, какіе вы, Тихонъ Кондратьичъ, никакого ладу съ вами нѣтъ. Кричите, орете на всю улицу: „разорилъ, ограбилъ“... Хорошо-съ, допустимъ, что я точно бы ограбилъ васъ, а совѣсть-то все таки въ каждомъ человѣкѣ есть, хоть самая завалящая... Какъ бы я къ вамъ на глаза показался съ нечистой-то совѣстью? Такъ я говорю? Съ нечистою совѣстью обходятъ людей за версту-съ... Теперь ежели я опять пришелъ къ вамъ съ корыстью какой, такъ вѣдь у васъ ничего нѣтъ. Такъ я говорю?...

Молоковъ (*Бѣлоносову*). Ты его послушай, ирода... вонъ какіе петли да крючки выметываетъ.

Бѣлоносовъ. А неглупый человѣкъ, чортъ возьми!...

Digitized by Google

Ну-съ, Иванъ Тимофеичъ, продолжайте... (*съ важностью садится на диванъ*).

Засыпкинъ (*уже смѣло и съ жестами*). Теперь нужно то разсудить: кто въ Загорьѣ-то вашего неукротимаго карахтера не знаетъ, Тихонъ Кондратьичъ? И къ этакому-то человѣку я съ своей подлостью пойду, чтобы онъ меня на мѣстѣ рѣшилъ, какъ послѣднюю мышь... Разсудите, г. адвокатъ своимъ собственнымъ разумомъ, а я принялъ отъ Тихона Кондратьича всякое поношеніе въ полной формѣ, вотъ при нихъ, при Анисьѣ Тихоновнѣ, которыхъ считаю прямо за ангела.

Молоковъ (*долго смотритъ въ глаза Засыпкину и качаетъ головой*). Ванька, Ванька, не змѣй ли ты послѣ этого? (*садится къ столу и подпираетъ голову руками*).

Анисья Тихоновна (*ласкается къ отцу*). Ну, тятенька, будетъ сердиться: этимъ дѣла не поправишь...

Засыпкинъ. И даже весьма это вредно, Тихонъ Кондратьичъ, при такомъ-то составѣ тревожить себя.

Молоковъ (*со слезами въ голосѣ*). Эхъ, Ваня, Ваня... вѣдь я тебя еще совсѣмъ мальчонкой зналъ, когда ты у старика Ширинкина жилъ, а что ты теперь-то дѣлаешь... а? Опомнись, Ваня... кто тебя въ люди-то вывелъ, а? (*стучитъ себя въ грудь*). Вотъ гдѣ ты мнѣ сидишь... Анисушка, доченька милая, вотъ тебѣ мой родительскій наказъ: бойся ты этого человѣка пуще огня... слышала? Эхъ, Ваня, не такъ я о тебѣ думалъ... Голову-то свою пожалѣй... золотая у тебя, вѣдь, голова!..

Засыпкинъ (*бросается на колѣни*). Тихонъ Кондратьичъ... неужели я безчувственный звѣрь какой, а?

Молоковъ (*дочери и Бѣлоносову*). Вотъ смотрите на него, а я разскажу вамъ одну его штуку. Лѣтъ пять тому назадъ, совсѣмъ было я разорился, и только всего осталось, что одно мѣсто для пріиска, хорошее мѣсто. Весна, деньги надо—къ тому, къ другому изъ пріятелей, всѣ жмутся. Я къ нему (*тычетъ на Засыпкина*). „Дай три тыщи, а что добуду на новомъ пріискѣ за лѣто—барыши пополамъ“... Далъ безъ всякаго слова и расписки не взялъ, потому знаетъ мой карахтеръ: не омману. Тогда я этотъ самый пріискъ и оборудовалъ, да къ рождеству вотъ этому самому Ванькѣ семнадцать тысячъ голенькихъ и выложилъ. Было это, Иванъ Тимофеичъ?

Засыпкинъ. Точно такъ-съ... чужое добро весьма нехорошо забывать.

Молоковъ. Да, ты и не забылъ... отплатилъ... отнялъ, любезный, у меня, а меня подъ вседонимъ запятилъ.

Бѣлоносовъ. Вотъ это ловко!.. ха-ха...

Digitized by Google

Засыпкинъ. Послушайте, Тихонъ Кондратьичъ, напрасно вы на меня тѣнь наводите... Конечно, я считаю Анисью Тихоновну за ангела, а все таки онѣ нашихъ дѣлъ съ вами понимать не могутъ.

Молоковъ. Это точно, что наши дѣла мудреныя... Пожалуй, не скоро разберешь, кто кого деретъ.

Засыпкинъ (*цѣлуетъ руку Анисьи Тихоновны*). Ангелъ прилетѣлъ... ангелъ!.. А ручки-то какія, ручки...

Бѣлоносовъ. Позвольте, милостивый государь... Тихонъ Кондратьичъ, что-же это такое?... Вѣдь мы его судить еще будемъ...

Засыпкинъ. Судъ судомъ, а я вотъ насчетъ приданаго давеча говорилъ, такъ надо эту рѣчь кончить.

Анисья Тихоновна. Да, да, вы обѣщали, Иванъ Тимофеичъ.

Засыпкинъ. Обѣщалъ-съ, это точно, и женишка обѣщалъ... помните?..

Молоковъ. Ну, жениха-то мы и безъ тебя найдемъ, ежели дѣло на то пойдетъ...

Бѣлоносовъ. Тихонъ Кондратьичъ, а знаете, куда этотъ милостивый государь уголъ загибаетъ: онъ, вѣдь, самъ въ женихи къ Анисьѣ Тихоновнѣ таращится...

Молоковъ (*вскакиваетъ*). Што-о?!.. Ванька, да какъ ты смѣешь... а?..

Засыпкинъ. Позвольте-съ, Тихонъ Кондратьичъ, я еще ничего не сказалъ... Нужно еще сначала спросить вотъ Анисью Тихоновну, пойдутъ ли онѣ за такого стараго. То есть, я это къ примѣру говорю... для шутки...

Молоковъ (*задыхающимся голосомъ*). Ванька... уходи отсюда, коли живъ хочешь быть... Такъ вотъ для чего ты меня разорилъ, окаянная душа... Господи, да что же это такое?.. Анисья, гони его въ три шеи...

Анисья Тихоновна (*кокетливо*). Тятенька, я, право, не знаю...

Молоковъ (*бросается къ Засыпкину*). А я такъ знаю... Ванька, я изъ тебя двоихъ женіховъ сейчасъ сдѣлаю!!.

Засыпкинъ (*бѣжитъ къ двери*). Уйду-съ... самъ уйду!..

Бѣлоносовъ (*хохочетъ*). Катай его... ха-ха-ха!..

Занавѣсъ.

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Л И Ц А.

Иванъ Тимофеичъ Засыпкинъ.
Анисья Тихоновна, его жена.
Лена, дочь Засыпкина, дѣвушка 18 лѣтъ.
Воротовъ.
Мосевна, старая нянька Лены, за 70 лѣтъ, носитъ косоклинные сарафаны и темные платки съ горошкомъ.
Ефремъ Чепраковъ, господинъ неопредѣленныхъ лѣтъ, старается держаться джентльменомъ, носитъ пенснэ; служитъ у Засыпкина чѣмъ-то въ родѣ чиновника особыхъ порученій.
Ширинкинъ.
Бѣлоносовъ.
Даша, горничная.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Засыпкина. Сцена представляетъ богатую гостинную; прямо—входная дверь, налѣво у стѣны диванъ съ двумя креслами и дессертнымъ столомъ, направо дверь въ кабинетъ Засыпкина. На полу коверъ, на окнахъ тяжелыя драпировки, у окна жардиньерка, въ углу горка съ серебромъ, на стѣнахъ нѣсколько картинъ въ тяжелыхъ золотыхъ рамахъ.

ЯВЛЕНІЕ I.

Мосевна (*вытираетъ пыль съ мебели*) **и Ширинкинъ.**

Мосевна. Ты что-же это, Харитонушка, безъ всякаго дѣла толчешься тутъ? Право, хоть-бы вонъ небель обтиралъ, все же занятіе тебѣ, а то замаялся безъ дѣла-то...

Ширинкинъ. Какъ это безъ дѣла? Да вотъ который мѣсяцъ пошелъ, какъ, высуня языкъ, бѣгаемъ по городу-то.... „Харитоша, сходи туда! Харитоша, сходи сюда!“ Ну, и ходишь, какъ маятникъ, изъ стороны въ сторону. Только ужь и Анисья Тихоновна! то ей подай, другое подай, третье принеси—загоняли-съ... Вотъ такъ барыня, настоящій бенгальскій огонь.

Мосевна. Это Ленушка-то?

Ширинкинъ. Какая тебѣ Ленушка — Анисья Тихоновна-съ.

Мосевна. Какая-же это Анисья?.. ровно, никакой Анисьи у насъ нѣтъ?.. У Молоковыхъ Анисья была, да и та замужъ вышла.

Ширинкинъ. А за кого замужъ-то?.. Иванъ-то Тимо-

Digitized by Google

феичъ на комъ женился? Слава богу, никакъ семой мѣсяцъ пошелъ.

Мосевна. Чего-нибудь путаешь, Харитонушка: у Ивана Тимофеича вторая жена померла... Постой, да вѣдь точно, что Иванъ-то Тимофеичъ у насъ женился. Охъ, затмилась я, совсѣмъ затмилась!.. (*таинственно*). А ты, Харитонушка, ничего не замѣчаешь?

Ширинкинъ. Чего замѣчать-то?..

Мосевна. Ну, какъ нашъ-то Иванъ Тимофеичъ на эту Анисью воззрился?.. У самого дочь на возрастѣ, надо о дочери думать, а онъ на чужихъ дѣвокъ глаза таращитъ.

Ширинкинъ. Да вѣдь Анисья Тихоновна ему жена, Ивану-то Тимофеичу? Чего ему на свою-то жену воззриться— вся его... хе-хе!...

Мосевна. Опять, видно, перепутала... Вотъ старое я хорошо помню, а новое забываю. А падокъ нашъ Иванъ Тимофеичъ до гладкихъ бабъ, сейчасъ точно сахаръ сдѣлается и засмотритъ, и засмотритъ... Наскрозь его вижу, и вотъ на эстоличко не боюсь (*показываетъ кончикъ мизинца*).

Ширинкинъ. А вотъ я, слава богу, до старости дожилъ, а сладострастія къ женскому полу никогда не имѣлъ-съ, да-съ...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Лена.

Ширинкинъ. Здравствуйте, Елена Ивановна... пожалуйте ручку-съ.

Лена. Здравствуй, Харитоша... Мосевна, ты шла бы къ себѣ, а то еще разобьешь что-нибудь. Даша вытретъ пыль и безъ тебя...

Мосевна. Ишь вострая какая: Даша... да разѣ она можетъ что нибудь понимать: совсѣмъ полоумная дѣвка. Ей хвостомъ вертѣть передъ парнями, да зубы скалить... Я и сама уйду.

Лена. Да ты не сердись, баушка... (*цѣлуетъ ее*). Я тебя же жалѣю...

Мосевна. Себя пожалѣй, матушка: мое дѣло старое, немного мнѣ нужно, а тебѣ еще, охъ! долго на свѣтѣ жить...

Лена. Баушка, да что ты это такое говоришь?

Ширинкинъ. Мосевна, и въ самъ-то дѣлѣ, ступай-ка къ себѣ на печку, а то ты тутъ путаешь, сама не знаешь что...

Мосевна. И уйду... ишь вострые какіе нашлись, старуха имъ помѣшала (*уходитъ*).

Ширинкинъ. Совсѣмъ старушка-съ изъ ума выступила-съ... хе-хе!.. Конечно, при ихъ древности лѣтъ всякое

Digitized by Google

понятіе потерять можно. Вотъ сейчасъ передъ вами только говорили про Анисью Тихоновну, а Мосевна позабыла, что Анисья Тихоновна ужь замужемъ... да-съ... Что это вы, Елена Ивановна, какъ будто немного не въ себѣ, и колеру въ васъ нѣтъ настоящаго.

Лена. Такъ, Харитоша... мало ли что. Не всѣмъ же пѣсни распѣвать да хохотать, какъ Анисья Тихоновна.

Ширинкинъ. Ахъ, нехорошо такія слова, сударыня, выговаривать... ахъ, какъ нехорошо!.. Анисья Тихоновна вамъ вторая мать-съ...

Лена. А если я ее не люблю?..

Ширинкинъ. Это только спервоначалу такъ кажется, а потомъ непремѣнно полюбите... Это ужь завсегда такъ бываетъ.

Лена. Все мы жили хорошо, тихо было, а какъ она поселилась, такъ и началось... все не такъ, все неладно. Тоска какая-то... (*другимъ тономъ*). Харитоша, а ты не видалъ Васю?..

Ширинкинъ. Никакъ нѣтъ-съ... (*въ сторону*). Хе-хе!.. Вотъ оно съ которой стороны тоску-то надуло намъ... (*громко*). Я могу его разыскать, Елена Ивановна.

Лена. Да я такъ спросила, Харитоша... Никого мнѣ не нужно.

Ширинкинъ (*въ сторону*). Знаемъ мы эти дѣвичьи ходы и выходы... (*громко*). Анисья Тихоновна всѣхъ у насъ приструнила, а меня съ Васей, прямо сказать, загоняла... ей-богу-съ! . И туда и сюда... Какъ искры летаемъ, а все угодить не можемъ никакъ.

Лена. Вотъ то-то и есть, Харитоша...

Ширинкинъ (*въ сторону*). Экъ меня дернуло за языкъ...

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Воротовъ.

Воротовъ (*въ дверяхъ*). Можно войти-съ?..

Лена. Заходи... Что такъ бояться сталъ: мы съ Харитошей не кусаемся.

Ширинкинъ. А мнѣ-съ Тихона Кондратьича провѣдать надо, давненько таки не видалъ его... (*въ сторону*). Убраться отсюда по добру, по здорову, а то только мѣшать будешь молоденькимъ-то... хе-хе!.. (*уходитъ*).

(Молчаніе. Лена сидитъ на диванѣ, Воротовъ нерѣшительно подходитъ къ ней).

Воротовъ. Елена Ивановна... Лена... Леночка...

Лена (*смотритъ въ сторону*). Что вамъ угодно, Василій Петровичъ?

Digitized by Google

Воротовъ. Ахъ, Господи... кругомъ напасть! Леночка, какой я Василій Петровичъ: несчастный человѣкъ, и больше ничего...

Лена. Давно-ли это?.. Будетъ ужь комедію-то разыгрывать: я все вижу, Вася... не слѣпая.

Воротовъ. Скажите, ради бога, что̀ такое видите-то?

Лена. Все... все... Какъ это Анисья Тихоновна переселилась къ намъ, такъ все и пошло и пошло. Отецъ какой-то странный... ты тоже другой сталъ...

Воротовъ. Я? другой?.. Да вотъ съ мѣста сейчасъ не сойти... провалиться вотъ здѣсь! Развѣ я не понимаю, кто вы, Елена Ивановна, и кто я: я—грязь, пыль, а вы— божество. Что̀ мнѣ Анисья Тихоновна?.. Да я...

Лена. Вотъ что̀, Вася, скажи мнѣ по совѣсти: а прежде ты вѣдь любилъ Анисью Тихоновну и она тебя тоже?..

Воротовъ. Прежде-съ?.. я-съ.. т. е. видите ли, была такая глупость, а какъ узналъ васъ—все какъ рукой сняло.. ей-богу!.. А теперь, кромѣ непріятностей, ничего не получаю отъ Анисьи Тихоновны, и ни въ чемъ ей не могу угодить... Изживаютъ онѣ меня, со свѣту гонятъ, прямо сказать; а вы тутъ съ подозрѣніемъ.

Лена. Бѣдненькій... Такъ ты, значитъ, любишь меня по прежнему?

Воротовъ. Господи, да что̀ же это такое?.. (*плачетъ*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Анисья Тихоновна (*входитъ и останавливается въ дверяхъ; она въ осеннемъ пальто и шляпѣ*).

Лена (*не замѣчаетъ Анисьи Тихоновны и порывисто бросается къ Воротову на шею*). Вася, голубчикъ, прости меня... а я-то глупая приревновала тебя къ ней, къ Анисьѣ!.. Она такая умная, бойкая, рѣчистая... А теперь мнѣ все равно: ты мой... мой...

Воротовъ. Я даже весьма себя понимаю, Елена Ивановна, и тоже не безъ глазъ человѣкъ... При моемъ-то ничтожествѣ да этакое счастье... (*цѣлуются*). Да мнѣ плевать на Анисью Тихоновну...

Анисья Тихоновна (*входитъ*). Вотъ это я люблю... ха-ха!.. По крайней мѣрѣ, откровенно...

(*Воротовъ начинаетъ пятиться къ дверямъ*).

Анисья Тихоновна. Ты куда это, Василій? Наплевалъ да и бѣжать... Помоги мнѣ снять пальто.

Воротовъ (*бросается снимать пальто*). Слушаю-съ.

Анисья Тихоновна. Крѣпче за рукавъ держи... ахъ, ка-

Digitized by Google

кой неповоротливый, снять пальто не умѣетъ, а съ дѣвушками цѣловаться любитъ. Любишь вѣдь, Василій?

Воротовъ. Все у васъ, Анисья Тихоновна, насмѣшки однѣ на умѣ... Ну, обругали, съ глазъ прогнали, а то нѣтъ: надо жилы изъ человѣка тянуть.

Анисья Тихоновна (*садится на диванъ*). Вѣдь я змѣя, Василій, а чего же отъ змѣи ждать?.. Я изъ тебя жилы тяну, а другая приголубитъ, приласкаетъ... ну, горе-то и позабудется. Такъ вѣдь, Елена Ивановна?.. Вы, милая моя дочка, вмѣстѣ будете съ Васильемъ плевать на меня, или отдѣльно?..

Лена. Гдѣ ужь намъ, Анисья Тихоновна, на другихъ плевать... и такъ страшно жить. Боюсь я васъ...

Анисья Тихоновна (*смѣется*). Скажите, пожалуйста... ха-ха!.. Она меня боится, а забыла, что матери бояться не слѣдуетъ. Я вѣдь вамъ, Елена Ивановна, немножко сродни прихожусь... добрые люди второй матерью называютъ.

Лена. Нѣтъ у меня матери... никого нѣтъ.

Анисья Тихоновна. У богатой невѣсты всего найдется... Ты вѣдь богатая у меня дочка, и жениха найдешь молодаго да красиваго, не чета Василью. Конечно, пока можно и съ Васильемъ время проводить... все же живой человѣкъ и до богатыхъ невѣстъ большой охотникъ. Ну, что же вы стоите: идите... я не удерживаю. Василій, ты пошлешь мнѣ Дашу...

(*Воротовъ и Лена уходятъ въ разныя двери*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Анисья Тихоновна, потомъ **Даша**.

Анисья Тихоновна. Вотъ здѣсь цѣловались... на этомъ самомъ мѣстѣ... Онъ такъ крѣпко ее обнялъ... наплевать хочетъ на Анисью Тихоновну... ха-ха!.. Поторопился немножко, Вася... (*встаетъ и начинаетъ ходить по комнатѣ*). Давитъ меня что-то... жжетъ вотъ здѣсь (*хватается за грудь*). Господи, неужели я дѣйствительно такая злая, какъ они всѣ говорятъ? Да, я ненавижу ихъ всѣхъ... (*обводитъ глазами комнату*). Все здѣсь ненавижу! На богатство польстилась и должна съ Иваномъ Тимофеичемъ миловаться... О, будетъ онъ меня помнить!.. (*поетъ*)

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня!..

Даша (*входитъ*). Что прикажете, барыня?

Анисья Тихоновна. Вотъ что... Поликарпъ Емельянычъ не заѣзжалъ безъ меня?

Даша. Никакъ нѣтъ-съ.

Анисья Тихоновна. Приготовь синее шелковое платье съ бархатной отдѣлкой... Можетъ быть, вечеромъ будутъ гости.

Даша. Слушаю-съ. А только я вамъ скажу, барыня, что

Digitized by Google

Поликарпъ Емельянычъ мнѣ проходу не даютъ: непремѣнно ущипнутъ или въ охапку схватятъ... Я—дѣвушка простая, господамъ-то совѣстно обижать.

Анисья Тихоновна. Хорошо, хорошо.

Даша. Да вонъ и они, легки на поминѣ (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Анисья Тихоновна и **Бѣлоносовъ** (*входитъ съ апломбомъ свѣтскаго человѣка, расшаркивается и цѣлуетъ руку у Анисьи Тихоновны*).

Бѣлоносовъ. Зашелъ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе, несравненнѣйшая изъ женщинъ.

Анисья Тихоновна. Благодарю... Садитесь. Ну, какъ ваши дѣла въ Загорьѣ?.. Я слышала, вы дѣлаете большіе успѣхи.

Бѣлоносовъ. О, да... Пожаловаться не могу: жить можно. Богатый городъ, особенно мои кліенты... Знаете, съ этимъ золотомъ только одинъ грѣхъ, а намъ это хлѣбъ насущный.

Анисья Тихоновна. Да?.. А какъ дѣло у папа?

Бѣлоносовъ. Видите ли, это чрезвычайно сложное дѣло... теперь мы подали жалобу въ сенатъ. Надѣюсь выиграть... Иванъ Тимофеичъ обѣщалъ возвратить Тихону Кондратьичу и пріиски, и имущество, когда вы сдѣлаетесь его женой, а теперь не даетъ ничего. Но я не теряю надежды, Анисья Тихоновна, что въ недалекомъ будущемъ подтяну вашего супруга...

Анисья Тихоновна. Знаете, Поликарпъ Емельянычъ, вы меня удивляете: ведете процессъ противъ мужа и такъ свободно являетесь къ намъ въ домъ... Все таки, я думаю, немного неловко, совѣстно.

Бѣлоносовъ. О, нѣтъ, совершенно напротивъ: я никогда такъ легко не чувствую себя, какъ въ то время, когда иду къ своему врагу, который меня боится. Это совершенно особенное чувство, Анисья Тихоновна: видѣть человѣка насквозь... видѣть всѣ его ходы и выходы, видѣть, наконецъ, безсильную злобу. Притомъ же это выгодно со стороны чисто матеріальныхъ разсчетовъ: противныя стороны другъ предъ другомъ стараются удержать васъ за собой. Такимъ образомъ и создается наша адвокатская репутація, какъ людей, которымъ нечего терять.

Анисья Тихоновна (*кокетливо*). Вы мнѣ начинаете нравиться, Бѣлоносовъ, своей смѣлостью... я люблю такихъ молодыхъ людей.

Бѣлоносовъ. Благодарю, хотя и не могу вѣрить.. Съ своей стороны могу сказать только то, что и у смѣлости есть свои уважительныя причины. Какъ вы думаете, почему я

Digitized by Google

являюсь вотъ сюда, въ этотъ домъ, откуда меня могутъ выгнать въ шею?..

Анисья Тихоновна. Вы же сами сейчасъ сказали почему: выгодно... Ахъ да, виновата. можетъ быть у васъ есть болѣе серьезныя, сердечныя причины. Желаете, я сейчасъ позову сюда Лену?

Бѣлоносовъ. Ахъ, совсѣмъ не то... вы меня отлично понимаете, Анисья Тихоновна, и желаете помучить, какъ играетъ кошка съ мышкой (*въ сторону*). Кажется, начинаю завираться...

Анисья Тихоновна. Нѣтъ, я не понимаю... Мнѣ только кажется, что мужъ какъ будто начинаетъ коситься на васъ.

Бѣлоносовъ. Послушайте, Анисья Тихоновна, къ чемъ эти прятки: или прогоните съ глазъ, или... я прямой человѣкъ по отношенію къ женщинамъ.

Анисья Тихоновна (*смѣется*). Въ такомъ случаѣ я должна васъ пожалѣть: вы никогда не будете пользоваться успѣхомъ у женщинъ... Женщины не только любятъ, чтобы ихъ обманывали на каждомъ шагу, а требуютъ этого. Вы ссйчасъ говорили о своей прямотѣ, но это значитъ только вотъ что: у Анисьи Тихоновны мужъ старикъ, она мнѣ немножко нравится, поэтому нельзя ли здѣсь чѣмъ нибудь попользоваться... Нѣтъ, это ужъ слишкомъ просто!..

Бѣлоносовъ (*порывисто*). А вѣдь это, ей богу, недурно сказано!.. Дайте вашу ручку и не отнимайте, по крайней мѣрѣ, надежды.... (*цѣлуетъ у нея руку*)... хотя къ поэзіи любви я совершенно неспособенъ, ибо смотрю на вещи прямо.

Анисья Тихоновна. Вы когда нибудь любили?

Бѣлоносовъ. Я?.. т. е. какъ вамъ сказать? Однимъ женщинамъ я платилъ деньги, другихъ обманывалъ даромъ, а чаще всего женщины меня обманывали. Вообще говоря, кажется, еще не любилъ... (*смотритъ ей въ глаза*). Даже рѣшительно могу сказать, что совсѣмъ еще не любилъ, и только встрѣча съ вами показала мнѣ, что есть серьезное и глубокое чувство... да.

Анисья Тихоновна. Ха-ха... Нѣтъ, у васъ въ этомъ тонѣ какъ-то не выходитъ, Поликарпъ Емельяновичъ, не хватаетъ какой-то нотки. Знаете, какъ у плохой шарманки —и свиститъ, и ноетъ, и скребетъ въ ухѣ, и просто деретъ... Какой вы смѣшной, Бѣлоносовъ!..

Бѣлоносовъ. Что же мнѣ дѣлать, Анисья Тихоновна?.. Говорятъ, что кто несчастливъ въ игрѣ, тотъ счастливъ въ любви—я все, что заработаю, обыкновенно спускаю за зеленымъ столомъ, и вотъ вамъ награда...

Анисья Тихоновна. Я васъ, пожалуй, научу: ухажи-

Digitized by Google

ивайте, будьте внимательны, умѣйте угодить... наконецъ, о время будьте смѣлы...

Бѣлоносовъ (*бросается на колѣни*). Анисья Тихоновна, у вашихъ ногъ... я дѣйствительно чувствую что-то такое необыкновенное... ну, одно ласковое слово, улыбка...

Анисья Тихоновна (*отодвигается отъ него*). Да васъ, Бѣлоносовъ, учить ничему нельзя: вы именно съ того начинаете, чѣмъ люди кончаютъ, и, значитъ, совсѣмъ меня не понимаете.

Бѣлоносовъ (*ползетъ на колѣняхъ*). Молю васъ объ одномъ: не отнимайте у меня, по крайней мѣрѣ, надежды. Я, можетъ быть, исправлюсь... буду терпѣливъ...

Анисья Тихоновна (*кокетливо*). Ужь, право, не знаю, какъ вамъ быть... едва ли что нибудь изъ этого выйдетъ (*прислушивается*). Сюда идутъ... встаньте ради бога!..

Бѣлоносовъ (*поднимается*). А, чортъ возьми... въ самомъ интересномъ мѣстѣ прервали.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же, Засыпкинъ и Чепраковъ.

Засыпкинъ. А, Поликарпъ Емельянычъ... здравствуй, голубчикъ.

Бѣлоносовъ. Здравствуйте, Иванъ Тимофеичъ.

Засыпкинъ. Вы, кажется, господа, незнакомы: рекомендую—Чепраковъ, человѣкъ, который одной рукой поднимаетъ десять пудовъ. Вообще, прекраснѣйшій человѣкъ...

Бѣлоносовъ. Очень пріятно... (*въ сторону*). Этакій медвѣдь... а лапища-то, лапища... Господи!..

Чепраковъ. Весьма доволенъ, что, наконецъ, познакомился въ вами. Слышать—слышалъ, а встрѣчаться какъ-то не приходилось... Позвольте еще разъ пожать вашу руку.

Бѣлоносовъ. Ой, ой!.. Какъ, однако, вы больно жмете...

Засыпкинъ (*женѣ*). А мы къ вамъ-съ, Анисья Тихоновна, пришли... Думаемъ, скучаетъ наша женушка, а и невдомекъ, что тутъ Поликарпъ Емельянычъ утѣшаетъ... хе-хе!.. Вотъ какъ глазки-то разгорѣлись...

Анисья Тихоновна. Дѣйствительно, Поликарпъ Емельянычъ все время такъ смѣшилъ меня, такъ смѣшилъ... ха-ха!.. Поликарпъ Емельянычъ, разсказать, о чемъ мы тутъ говорили съ вами, т. е., что вы говорили?..

Бѣлоносовъ. Какъ хотите... Только едва ли Ивану Тимофеичу интересно будетъ слушать.

Анисья Тихоновна. Ха-ха... испугался!..

Засыпкинъ (*усаживается на кресло*). Ну-ка, Анисья, разскажи въ самомъ дѣлѣ... Я, вѣдь, тоже веселый человѣкъ,

Digitized by Google

посмѣемся вмѣстѣ... Небось, адвокатъ училъ, какъ стараго мужа обманывать?.. хе-хе...

Анисья Тихоновна. Да, это самое... Неправда ли, Поликарпъ Емельянычъ?

Бѣлоносовъ (*въ сторону*). Вотъ положеніе... (*громко*), Не скрою, Иванъ Тимофеичъ, былъ такой разговоръ. (*Чепраковъ внушительно крякаетъ, Бѣлоносовъ отодвигается отъ него*).

Засыпкинъ (*смѣется*). Что же, дѣло житейское... Самъ былъ молодой-то, не любилъ, гдѣ плохо лежитъ. Хе-хе... Вы, молодые люди, учитесь у старика. Первое дѣло, не нужно подавать никакого вида: шито и крыто. Мало ли что бываетъ: войдетъ нечаянно мужъ, гость навернется, (*Чепраковъ опять крякаетъ и крутитъ усы*), горничная сдуру забѣжитъ... А вы такъ, Поликарпъ Емельянычъ, и дѣлайте, какъ сейчасъ Анисья: все на чистоту и брякните, оно и выйдетъ въ томъ родѣ, какъ шутка... хе-хе!... а мужъ-то, старикъ-то, въ дуракахъ и останется! Такъ, Чепраковъ?

Чепраковъ (*хохочетъ*). Совершенно вѣрно, Иванъ Тимофеичъ.

Анисья Тихоновна (*встаетъ*). Это даже очень глупо съ вашей стороны, Иванъ Тимофеичъ... Что за шутки!..

Засыпкинъ (*наивно*). Не понравилось?.. Ну, извини, голубчикъ... я вѣдь спроста сболтнулъ, а ты ужь сейчасъ и губки надула... (*ласково треплетъ ее по щекѣ*). Сейчасъ видно чистую-то душу... вся на ладошкѣ.

Бѣлоносовъ. Позвольте, Иванъ Тимофеичъ, проститься съ вами...

Засыпкинъ. Куда же это вы, Поликарпъ Емельянычъ? Только смѣшной разговоръ завели, а вы всю компанію разорить хотите...

Бѣлоносовъ (*смотритъ на часы*). Нѣтъ, мнѣ пора... время—деньги.

Чепраковъ (*поднимается*). И я тоже пойду, Иванъ Тимофеичъ... Мнѣ по пути съ г. адвокатомъ.

Бѣлоносовъ (*въ сторону*). Вотъ чортъ попутчика далъ... (*громко*). До свиданія, Иванъ Тимофеичъ... Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна. Не забывайте насъ, Поликарпъ Емельянычъ...

Засыпкинъ. Право, какъ жаль...

(*Бѣлоносовъ и Чепраковъ уходятъ*).

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анисья Тихоновна и **Засыпкинъ** (*нѣсколько времени молчатъ, Засыпкинъ искоса наблюдаетъ жену*).

Засыпкинъ (*подвигается ближе къ женѣ*). Анисья... вотъ ты и разсердилась?..

Анисья Тихоновна (*отодвигается*). Я?.. Нисколько... За кого вы меня принимаете, Иванъ Тимофеичъ?..

Засыпкинъ (*задумчиво*). Какъ я тебя принимаю?.. Да и такъ принимаю, и этакъ принимаю... Мало ли у стараго мужа заботы съ молодой женой: пошутишь—неладно, задумаешься—тоже неладно... Ежели опять строгость на себя накинуть—не тѣ нынче, Анисья Тихоновна, времена... Вотъ этотъ же самый Бѣлоносовъ научитъ молодую-то бабенку, что̀ ей дѣлать. Мудреное наше стариковское дѣло...

Анисья Тихоновна. Да, очень мудреное, особенно когда всѣхъ нужно обмануть и провести... Перестаньте, Иванъ Тимофеичъ, сиротой-то казанской прикидываться!..

Засыпкинъ. А ты перестань вздоръ молоть... Этакій у тебя языкъ проклятый, Анисья; мелешь, чего сама понимать даже не можешь. Это все родитель твой пустыя слова распространяетъ... да; (*ласково*). Анисья... а вѣдь ты совсѣмъ обошла меня, старика! Другой не спустилъ бы, а вотъ ты какъ со мной поступаешь... (*тихо ее обнимаетъ*). А нашему брату много ли нужно: одно ласковое словечко... приголубить...

Анисья Тихоновна (*припадаетъ къ нему на грудь*). Вотъ такъ! Ваня, миленькій, добренькій, сладенькій, сахарный, медовый... (*цѣлуетъ его*). Ну, а дальше?..

Засыпкинъ. Дальше... постой, все изъ ума вонъ... нужно было поговорить съ тобой серьезно, а я вотъ какими пустяками занялся.

Анисья Тихоновна. Подарить хочешь что нибудь?..

Засыпкинъ. Подарокъ само собой... Ахъ, да вотъ что̀: ну, какъ Лена?

Анисья Тихоновна. Ничего... все такая же, какъ и была.

Засыпкинъ. Вотъ что̀, Анисья: скажи мнѣ, какъ передъ Богомъ: любишь ты ее, мою Лену?.. Вѣдь я за нее отвѣтъ долженъ Богу дать, великій отвѣтъ...

Анисья Тихоновна. Странный вопросъ: конечно, люблю...

Засыпкинъ. Вотъ мнѣ это только и нужно... гора съ плечъ. Лена—хорошая дѣвушка, добрая... чистая у нея душа-то, какъ хрусталь.

Digitized by Google

Анисья Тихоновна. А мнѣ кажется... можетъ быть, я ошибаюсь.

Засыпкинъ. Говори... ну, говори!..

Анисья Тихоновна. Мнѣ кажется, что Лена неравнодушна къ Василью... (*пытливо смотритъ на мужа*). Что же, по моему, онъ ничего, парень хорошій!..

Засыпкинъ (*вскакиваетъ съ мѣста*). Молчи... ради Христа, молчи!.. Никогда этому не бывать.. слышишь?.. Никогда... Я и Васѣ это говорилъ, онъ знаетъ. Однимъ словомъ, этому не бывать...

Анисья Тихоновна (*въ сторону*). Отлично, вотъ ты когда мнѣ попался, милый другъ... (*громко*). Да вѣдь я ничего не говорю: такъ къ слову пришлось...

Засыпкинъ. Да слово-то какое... Вотъ что, Анисья: мнѣ-то самому неловко все это обсказать Ленѣ, а вотъ ты устрой какъ нибудь, объясни ей, что ни подъ какимъ видомъ. Да... Я Васю, конечно, люблю и жалѣю, какъ сироту, а чтобы отдать ему Лену: ни-ни, ни въ жисть!.. никогда!..

Анисья Тихоновна (*встаетъ*). Хорошо, скажу... Меня портниха ждетъ (*въ сторону*). Отличная мысль... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Засыпкинъ одинъ (*сидитъ на диванѣ*), потомъ **Мосевна.**

Засыпкинъ (*щупаетъ себѣ голову*). Вотъ сидѣла рядомъ со мной... обнимала... и вдругъ: нѣтъ ничего... (*оглядывается*). Ушла?.. Да, конечно, ушла... Опять забылъ, о чемъ думалъ... Ахъ, я несчастный, несчастный человѣкъ!.. (*вскакиваетъ*). Не вѣрю я ей... ни одному слову не вѣрю!.. да!.. Обманываетъ меня... (*останавливается*). Зачѣмъ этотъ Бѣлоносовъ къ намъ повадился?.. Ну, конечно, за Анисьей ухаживаетъ, турусы на колесахъ передъ ней разводитъ, а я-то дурака изъ себя передъ ними валяю... Увижу ее, и точно вотъ огнемъ обожжетъ: все ни почемъ, а въ головѣ такъ круги, круги... Тоска какая-то, съ мыслями собраться не могу. А дочь?.. Лена моя, голубка, вотъ гдѣ ты у меня: къ самому сердцу приросла... Легче мнѣ, когда я объ ней начинаю думать: славная она, кроткая.

Мосевна (*входитъ и начинаетъ вытирать пыль*). Воззрился.. заглядѣлъ... ишь, ненасытные глаза!...

Засыпкинъ (*оглядывается*). Кто здѣсь?.. Ахъ, это ты, Мосевна... Чего ты тутъ ворчишь?.. Кто воззрился?..

Мосевна (*грубо*). А тоже не укажешь.. Еще спрашиваетъ, кто воззрился. Чего надулся-то, небольно тебя испугалась. Рас-та-ялъ... У самого дочь на возрастѣ, надо дочь пристраивать, а онъ на чужихъ дѣвокъ глаза пялитъ.

Digitized by Google

Засыпкинъ (*строго*). Послушай, да ты, кажется, совсѣмъ съ ума спятила... Какъ ты смѣешь, наконецъ?..

Мосевна (*азартно*). А вотъ и смѣю... и смѣю. Ну, чего взялъ? Знаемъ тебя хорошо: мягко стелешь, да жестко спать. Ласково говоришь, а въ дому-то тебя всѣ, какъ огня, боятся... Ну, чего на меня-то воззрился: на мнѣ не узоры нарисованы! Съ меня, старухи, нечего взять, а я всегда скажу: дочь на возрастѣ, а онъ... тьфу!.. тьфу!..

(*Засыпкинъ бросается на нее со сжатыми кулаками*).

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и входитъ Лена.

Лена (*бросается къ отцу*). Папа, папа... что̀ ты!.. Папочка, миленькій, она, какъ ребенокъ.

Мосевна. Убить меня хотѣлъ... а?.. Двухъ женъ въ гробъ заколотилъ, теперь третью хочешь... а?.. А я вотъ при дочери все скажу... все...

Засыпкинъ (*порывается къ Мосевнѣ*). Замолчи, змѣя...

Мосевна (*направляется къ дверямъ*). Чего меня душить-то, и такъ уйду (*уходитъ; Засыпкинъ бросается на диванъ и схватываетъ голову обѣими руками*).

Лена (*садится рядомъ съ отцомъ*). Папочка... миленькій... что̀ съ тобой?... Вѣдь Мосевна сама не знаетъ, что̀ говоритъ...

Засыпкинъ. Нѣтъ, она знаетъ... она... всѣ здѣсь противъ меня, Лена! О, Господи, я, кажется, начинаю съ ума сходить?..

Лена. Папочка, успокойся... тебѣ все это кажется!.. Ты такой странный сталъ нынче...

Засыпкинъ. И ты, Лена, какъ другіе... а впрочемъ, можетъ быть, я и дѣйствительно измѣнился... Ахъ, Лена, Лена, вѣдь ты у меня одна, одна! (*горячо обнимаетъ и цѣлуетъ въ голову*). Для тебя я всегда буду такимъ же, какимъ былъ... Можетъ быть, у меня есть свои недостатки, даже, можетъ быть, я дурной человѣкъ, но не для тебя...

Лена. Нѣтъ, папа, ты раньше лучше былъ! А теперь всѣхъ въ чемъ-то подозрѣваешь; потомъ, точно кого боишься...

Засыпкинъ. Да, да... А ты не подумала, Лена, каково мнѣ-то живется?.. Это я не насчетъ Анисьи, нѣтъ, я на нее не могу пожаловаться, а такъ вообще. Слышала, что̀ сейчасъ Мосевна-то отвѣсила: двухъ женъ въ гробъ вколотилъ... это я-то? Какъ это тебѣ понравится?.. А другіе въ глаза не скажутъ, зато за глазами наговорятъ всячины...

Лена. Что̀ же, папа, наговорятъ?..

Засыпкинъ. Ну, да мало ли глупостей какихъ могутъ наговорить: разорилъ Ширинкиныхъ, разорилъ Молокова, потомъ про Анисью... Злыхъ людей много на бѣломъ свѣтѣ,

026726
Саратов. Областная БИБЛИОТЕКА Периодика.
Digitized by Google

голубчикъ!.. Завидно имъ, что я вотъ и богатъ, и счастливъ, а прежде-то знали меня бѣднымъ, такимъ маленькимъ человѣкомъ.

Лена. Ты, папа, у Ширинкина прежде служилъ?

Засыпкинъ. Да, у Ширинкина, у старика... Мальчишкой еще я къ нему поступилъ-то, ну, присмотрѣлся къ дѣлу, а потомъ и свое дѣло завелъ. Въ нашемъ пріисковомъ дѣлѣ все отъ счастья зависитъ: повезло—панъ, не повезло—пропалъ. Много хорошихъ людей на этой дорожкѣ и головы свои положили, все золота добивались, а я разбогатѣлъ, потому что Богъ счастья послалъ. Вотъ этого-то мнѣ и не могутъ простить—зачѣмъ я изъ нищеты да изъ бѣдности въ люди вышелъ!.. Ахъ, Лена, Лена, ты вотъ не знаешь людей-то...

Лена. Нѣтъ, папа, знаю: люди гораздо лучше, чѣмъ ты думаешь.

Засыпкинъ. А вотъ и нѣтъ... Глупенькая, ты не того бойся человѣка, который тебѣ не нравится, да кажется такимъ нехорошимъ, а вотъ хорошихъ-то людей бойся: который кажется лучше, того больше и бойся. Тутъ наша и погибель сидитъ, Лена...

Лена. Какъ-же это такъ, папа? Послѣ этого и жить на свѣтѣ не стоитъ...

Засыпкинъ. И жить можно, только осторожно. Приходится со всякими людьми дѣло имѣть, ну и терпишь отъ нихъ... Не всякое лыко въ строку. Это съ чужими; а со своими, пожалуй, въ другой разъ приходится еще больше терпѣть: и приноравливаться надо къ человѣку-то, а другое видѣть не видѣть...

Лена (*въ сторону*). Это онъ насчетъ Анисьи... (*громко*). Я все, папочка, сдѣлаю, только ты будь такой же, какъ прежде былъ... Вѣдь мы съ тобой хорошо раньше-то жили?.. да?..

Засыпкинъ (*въ сторону*). Это она на Анисью гнетъ... (*громко*). Да, да, моя милочка, все будетъ по прежнему... Постой, что-то такое мнѣ нужно было тебѣ сказать... вѣдь вотъ совсѣмъ вылетѣло изъ головы, а очень нужно. Да, да, припомнилъ. Вотъ что, голубчикъ: люди-то болтаютъ, что того я ограбилъ, да другаго ограбилъ, а для кого мнѣ грабить! Много ли намъ съ тобой двоимъ нужно?

Лена. Какъ двоимъ: а Анисья Тихоновна?..

Засыпкинъ. Ну, все таки двоимъ... мужъ да жена за одного идутъ. А къ тому говорю, что для чего мнѣ людей-то грабить: будетъ и своего. Вотъ ты у меня теперь забота... Иногда ночью-то думаю, думаю о тебѣ: вѣдь ты у меня какъ перстъ. Поболтаю съ тобой и полегчаетъ на душѣ... свѣтло такъ сдѣлается, хорошо. А все таки ты дѣвушка ужь большая, свои мысли бываютъ у большихъ-то дѣвушекъ...

Digitized by Google

Лена (*закрываетъ лицо руками*). Ахъ, папа, зачѣмъ ты такъ говоришь со мной ..

Засыпкинъ. Ну, извини, дурочка, я пошутилъ... Нужно же было развеселить тебя!.. Вонъ у насъ Вася въ дому, (*пытливо смотритъ на дочь*), мало-ли что въ голову можетъ прійти отцу а я вотъ что тебѣ скажу: я лучше умру, а тебѣ не бывать за Васей... такъ и знай (*быстро встаетъ и смотритъ на часы*). Заболтался я съ тобой, а у меня дѣла еще по горло... прощай! (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Лена (одна), потомъ **Анисья Тихоновна** и **Даша.**

Лена (*плачетъ*). Я такъ и знала... да. Ни въ чемъ мнѣ счастья не будетъ. Папа ласковый такой, а когда до Васи дѣло дошло, такъ и пошелъ: „лучше умру"... Ужь лучше мнѣ умереть. Родятся же такія несчастныя, какъ я... Всего-то и свѣта въ окнѣ было, что одинъ Вася, да и того не даютъ.

Анисья Тихоновна (*входитъ, любуясь своимъ шлейфомъ, и подходитъ прямо къ зеркалу*). Кажется, платье ничего сидитъ... да. Синій цвѣтъ ко мнѣ идетъ... ахъ, какой этотъ Бѣлоносовъ уморительный... Даша?..

Даша. Что прикажете, барыня?..

Анисья Тихоновна. Вотъ здѣсь прихвати булавочкой... ну, что? идетъ ко мнѣ это платье?..

Даша (*ползаетъ на колѣняхъ*). Ужь такъ идетъ, такъ идетъ... патретъ!

Анисья Тихоновна (*повертывается отъ зеркала и замѣчаетъ Лену*). Ты здѣсь, Лена?.. А отчего у тебя глаза красные?.. Опять плакала...

Лена. Это такъ, Анисья Тихоновна... голова у меня болитъ.

Анисья Тихоновна (*горничной*). Ты теперь можешь идти, да приготовь мнѣ тамъ синюю косыночку: знаешь, съ крапинками? (*Даша уходитъ, Анисья Тихоновна подходитъ къ Ленѣ и беретъ ее за подбородокъ*). Такъ и есть: опять слезы. Видно, не сладко съ мачихой-то живется, заѣла мачиха... да?.. А выходитъ, что злая-то не мачиха, а падчерица... Ну, скажи: „мама, я больше не буду... мамочка, извините!"

Лена (*встаетъ*). Вы опять за старое, Анисья Тихоновна... а мнѣ и безъ того тошно.

Анисья Тихоновна (*усаживаетъ ее на диванъ рядомъ съ собой*). Погоди, погоди, миленькая... Такъ добрые люди не дѣлаютъ. О чемъ сейчасъ плакала? Вотъ и соврать даже не

Digitized by Google

умѣешь, а я тебя за это и люблю... (*цѣлуетъ ее въ голову*). Все знаю: папенька сказалъ, видно, словечко про Васеньку?.. (*Лена дѣлаетъ движеніе*). Ну, ну, постой, я пришла съ тобой серьезно поговорить. Я, вѣдь, сама давеча говорила съ отцомъ-то о тебѣ, и онъ мнѣ сказалъ то же, что тебѣ: умру а не бывать Ленѣ за Васей (*хочетъ ее обнять*).

Лена (*отодвигается*). Нѣтъ, этого не нужно... Поговоримте такъ, просто.

Анисья Тихоновна (*въ сторону*). Этакая упрямая дѣвчонка... о, какъ я ее ненавижу! (*громко*). Ну, какъ знаешь... Тебѣ, значитъ, непріятно, если я тебя обнимаю?..

Лена. Да... можетъ быть, этого не слѣдовало говорить, но я не умѣю скрывать... лгать...

Анисья Тихоновна. Какъ это дѣлаютъ другіе?.. Ну, перестань же дичиться, голубчикъ... Ты ужь не маленькая дѣвочка, и можешь понимать свое положеніе. Намъ необходимо объясниться по душѣ: я желаю тебѣ добра, какъ родной дочери, и даю тебѣ честное слово, что ты будешь за Васей.

Лена. Нѣтъ, я теперь сама этого не хочу...

Анисья Тихоновна. Вотъ тебѣ разъ... а я-то изъ-за чего же хлопотала?

Лена. Не знаю... а я больше не люблю Васю.

Анисья Тихоновна (*заглядываетъ ей въ лицо*). Вотъ и неправда... Язычокъ говоритъ одно, а глазки совсѣмъ другое. Я понимаю: ты боишься отца и немножко ревнуешь Васю ко мнѣ... Но вѣдь это смѣшно? Ха-ха...

Лена. Мнѣ все равно: я ни къ кому его не могу ревновать.

Анисья Тихоновна. Хорошо, хорошо. Я буду гораздо откровеннѣе... Васю я дѣйствительно любила, когда была еще совсѣмъ дѣвчонкой. Ну, потомъ уѣхала, а дѣвичья память короткая... Выдешь замужъ, сама узнаешь: теперь мнѣ даже смѣшно старое-то вспоминать. Теперь мнѣ все равно, что есть этотъ Вася, что нѣтъ его, да и онъ меня давно промѣнялъ на другую, а мы его, Васю-то, и женимъ на этой на другой-то...

Лена. Отецъ меня проклянетъ, а проклятому человѣку не будетъ счастья.

Анисья Тихоновна. Значитъ, ты все таки любишь Васю? Ну, хоть немножко... а?.. чуточку?.. (*тихо привлекаетъ ее къ себѣ*). Вотъ то-то и есть: отецъ тебя какъ будто и любитъ, а понять не хочетъ. Мачиха-то, видно, добрѣе будетъ...

Лена (*плачетъ*). Мнѣ страшно... мнѣ все кажется, что и вы меня ненавидите, и Вася меня обманываетъ. Можетъ быть, это потому, что я сама дрянная... Анисья Тихоновна, я прежде

Digitized by Google

васъ очень любила, а тутъ мнѣ стало казаться... Простите меня!

Анисья Тихоновна (*цѣлуетъ ее*). Перестань, дурочка, плакать, а то, пожалуй, я и сама разревусь. Ну, а теперь ты любишь меня?

Лена. Не спрашивайте меня... я не могу такъ, вдругъ. Я вѣдь такая подозрительная... А теперь мнѣ стало такъ хорошо, тепло... Вотъ только папа... мнѣ даже страшно думать объ этомъ, какъ онъ разсердится на меня.

Анисья Тихоновна. Что же дѣлать, голубчикъ, посердится твой папа и перестанетъ. Устроимъ такъ, что ему нельзя будетъ не согласиться. Не ты первая такъ-то замужъ выходишь. Съ богатыми невѣстами это часто бываетъ: родители все ищутъ богатыхъ жениховъ, а вѣдь тебѣ не съ богатствомъ жить. Ну, будетъ плакать!.. Дай я тебѣ вытру слезки...

Лена (*бросается къ ней на шею*). Анисья Тихоновна, простите меня... я думала, что вы совсѣмъ другая!.. Все плакала... и съ Васей ссорилась.

Анисья Тихоновна. А все отъ того, что за маму меня не хотѣла считать. Ну, скажи: „мама, я больше не буду“. А мама все и устроитъ.

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ же и Ширинкинъ (*останавливается въ дверяхъ*).

Ширинкинъ (*крестится*). Слава тебѣ, истинному Христу... Миръ да любовь. Вотъ ужь уважила старика Анисья Тихоновна... ручку-съ пожалуйте.

Анисья Тихоновна (*протягиваетъ руку*). Ты былъ у нашихъ?

Ширинкинъ (*морщится*). Опять александринскій листъ пилъ передъ Тихономъ Кондратьичемъ, потому ужь очень они скучаютъ (*отплевывается*). Отвыкъ, признаться сказать, я отъ этой мерзости-съ...

Лена (*встаетъ*). Я уйду...

Анисья Тихоновна (*цѣлуетъ ее*). Ну, ступай, ступай, дурочка... Отдохни, а утро вечера мудренѣе. (*Лена уходитъ*).

Ширинкинъ (*смотритъ ей въ слѣдъ*). Горлинка наша.

Анисья Тихоновна (*подходитъ къ зеркалу и смотрится*). Да, горлинка и еще совсѣмъ сизая... А что, Харитоша, я вѣдь еще молода?

Ширинкинъ. Точно такъ-съ.

Анисья Тихоновна. И хороша?

Ширинкинъ. Ничего-съ, кажется, Господь ничѣмъ не обидѣлъ.

Анисья Тихоновна (*продолжаетъ смотрѣться въ зерка-*

Digitized by Google

ло). И полюбить меня можно? Напримѣръ, тебѣ хочется иногда поцѣловать меня...

Ширинкинъ. Я-съ?.. Прежде очень любилъ, а теперь другое-съ... Даже, можно сказать, совсѣмъ наоборотъ-съ.

Анисья Тихоновна. Вотъ какъ!..

Ширинкинъ. На сердцѣ у васъ нехорошее, Анисья Тихоновна, по этой по самой причинѣ я и не могу по прежнему-съ...

Анисья Тихоновна. А ты развѣ былъ у меня на сердцѣ?

Ширинкинъ. По глазамъ это бываетъ замѣтно, Анисья Тихоновна, очень даже замѣтно-съ... Давно я собираюсь сказать вамъ одно словечко... (*оглядывается*).

Анисья Тихоновна. Ну?..

Ширинкинъ (*бросается передъ ней на колѣни*). Анисья Тихоновна, не губите Ивана Тимофеича... все я вижу, давно вижу, какъ онъ ходитъ по дому-то темнѣе ночи. Не кончится это добромъ-съ... и вотъ горлинку нашу пожалѣйте-съ... (*плачетъ*). А всѣхъ больше самихъ себя пожалѣйте, Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна (*старается поднять его*). Вставай, Харитоша, нехорошо такому старику на колѣняхъ стоять.

Ширинкинъ. Не встану-съ... слезами буду плакать... не губите себя, Анисья Тихоновна!

Анисья Тихоновна. Ты это все объ Иванѣ Тимофеичѣ, который тебя пустилъ по міру... Онъ и моего отца разорилъ, чтобы жениться на мнѣ. А другихъ сколько онъ погубилъ да еще погубитъ... женился на молоденькой, а развѣ хорошо чужой-то вѣкъ заѣдать?

Ширинкинъ. Своя у васъ воля была, Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна. Хороша воля... кто меня нищей-то сдѣлалъ? Харитоша, уходи отъ меня: я нехорошая, злая женщина... Я сама себѣ не рада... тяжело мнѣ... Уходи, уходи!..

Ширинкинъ (*ползетъ за нею на колѣняхъ и ловитъ за платье*). Анисья Тихоновна, утишите свое сердце... все изживется, все забудется... Вѣдь со стороны жаль смотрѣть: Ленушка сохнетъ, Иванъ Тимофеичъ ночь ночью...

Анисья Тихоновна (*останавливается*). А меня кто пожалѣетъ, Харитоша?

Ширинкинъ. Да вотъ я пожалѣю-съ... Эхъ, Анисья Тихоновна, неподобное вы задумали: парня-то вы напрасно тоже загубите... Васю... слабенекъ онъ, не вступилъ еще въ настоящій разумъ...

Анисья Тихоновна. Тѣмъ лучше, вмѣстѣ веселѣе умирать будетъ... Ха-ха!..

(*Занавѣсъ*).

Digitized by Google

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Л И Ц А.

Молоковъ.
Марѳа Лукинишна.
Бѣлоносовъ.
Засыпкинъ.
Анисья Тихоновна.
Ширинкинъ.
Чепраковъ.
Мосевна.

Дѣйствіе происходитъ въ запущенномъ старомъ саду дома Молокова, налѣво полуразвалившаяся бесѣдка, направо садовая скамейка.

ЯВЛЕНІЕ I.

Марѳа Лукинишна (*варитъ варенье въ мѣдномъ тазикѣ*), **Бѣлоносовъ** (*сидитъ рядомъ съ ней и подбрасываетъ въ огонь щепы*).

Марѳа Лукинишна (*снимаетъ накипь въ чайное блюдечко*). Такъ ты, Поликарпъ Емельянычъ, про рымскаго царя разсказываешь... очень ужь я люблю про разныя чудеса послушать.

Бѣлоносовъ. Про вавилонскаго царя, Марѳа Лукинишна... Былъ такой царь, сударыня, въ вавилонскомъ царствѣ, и захотѣлось ему, чтобы все, къ чему ни дотронется, превращалось въ золото.

Марѳа Лукинишна. Постой, я тебя перебью маненько: и глупый, должно быть, царь былъ... а?.. Ишь, чего захотѣлъ...

Бѣлоносовъ. Царь-то былъ не глупый, да только глупо подумалъ... Это бываетъ и съ умными людьми.

Марѳа Лукинишна. Ну-ка, прибавь еще щепочекъ-то, да не такъ, чтобы много... Охъ, люблю я, многогрѣшная, это самое малиновое варенье!.. (*пробуетъ съ ложки варенье, обжигается и дуетъ на ложку*). Ишь, вѣдь, какое каленое... Все бы, кажется, сидѣла да пила чай съ малиновымъ вареньемъ. Вотъ бы и вамъ, мужикамъ, также, а то только и смотрите, какъ бы губу мочить... и въ какую прорву вы это самое вино хлещете!..

Бѣлоносовъ (*раздуваетъ огонь*). Нельзя, сударыня... ишь какъ дымитъ, ф-фу-у!.. (*протираетъ глаза*). Этакъ, пожалуй,

Digitized by Google

и варенья не захочешь. Вотъ вы, Марѳа Лукинишна, относительно водки изволили замѣчаніе сдѣлать, а намъ безъ водки никакъ нельзя: возвышаетъ духъ.

Марѳа Лукинишна. Какъ ты сказалъ?

Бѣлоносовъ. Говорю: духъ возвышаетъ.

Марѳа Лукинишна. Такъ это кто-же говоритъ-то, вавилонскій царь, что-ли?...

Бѣлоносовъ (*въ сторону*). Этакій березовый пень... (*громко*). Нѣтъ, это я говорю... Вы съ краешковъ-то пѣнки собирайте, а то пригоритъ.

Марѳа Лукинишна (*протягиваетъ ему ложку*). Не пригоритъ... На-ка вотъ, попробуй да тише, не ожгись. (*Бѣлоносовъ пробуетъ и морщится*). Ну, значитъ, еще не дошло въ настоящую плепорцію: суропъ жидковатъ (*мѣшаетъ ложкой въ тазикѣ*). Ну, такъ какъ про рымскаго... тьфу!.. провавилонскаго-то царя началъ разсказывать. Очень ужь любопытно...

Бѣлоносовъ. Ну, пожелалъ царь, чтобы все было золотое, къ чему ни прикоснется. Хорошо... Такъ по его и вышло. Потрогалъ царь разныя вещи въ своемъ дворцѣ — все золотое дѣлается; ну, понравилось ему, а потомъ царь усталъ и захотѣлъ поѣсть. Принесли разную закуску: онъ кусокъ въ ротъ, а кусокъ золотой сдѣлается. Тутъ ужь царь и взмолился, чтобы опять все по старому было.

Марѳа Лукинишна. Нѣтъ, какъ ты хочешь, а глупый царь былъ... Статочное-ли это дѣло!..

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ же и Мосевна.

Марѳа Лукинишна. Ты чего это, баушка, потеряла?

Мосевна. Да вотъ... послалъ меня Иванъ Тимофеичъ, наказалъ что-то, а я дорогой и забыла. Все помнила, все помнила, а какъ вошла въ садъ и затемнилась... Экая память, подумаешь! А крѣпко наказывалъ да еще говорилъ, чтобы я кому не сболтнула сдуру-то, а я, нако-ся, сама все дорогой вытрясла.

Бѣлоносовъ. Послѣ, баушка, вспомнишь, а теперь въ самомъ дѣлѣ никому не сказывай... (*оглядывается по сторонамъ*). Знаешь, какой нынче народъ!

Мосевна (*долго смотритъ на Бѣлоносова*). Чей-же это мужчинка будетъ, Марѳа Лукинишна... что-то мнѣ будто невдомекъ. Не было ровно у васъ такого-то...

Марѳа Лукинишна. Это абвоката, Мосевна, Тихонъ Кондратьичъ изъ Нижняго привезъ съ собой... А ты садись, баушка, хошь на травку, хошь на скамейку, да отдохни. Старое твое дѣло, не съ кого взыскивать-то.

Digitized by Google

Мосевна (*усаживается на лавочку*). И то пристала до смерти... Иду сюда, а сама думаю дорогой-то: хоть бы мнѣ помереть... право! (*смѣется*). Охъ, самое это худое дѣло до старости доживать... все помнила, вплоть до самаго дому дошла, а тутъ ровно кто обухомъ по головѣ ударилъ. Этакая оказія...

Марѳа Лукинишна. Вотъ попробуй-ка вареньица-то (*даетъ ей ложку*). Только теперь у насъ и осталась, что одна малинка. А мы тутъ, Мосевна, занялись малымъ дѣломъ: я варенье варю, а абвокатъ мнѣ про вавилонскаго царя разсказываетъ... Царь такой былъ, что до чего дотронется, то и золотое; съ голоду, слышь, чуть не умеръ.

Мосевна. Золотое?... Ахъ, прахъ его возьми... Зачѣмъ-же это я сюда пришла?.. Сижу да варенье ѣмъ, а сама ровно въ туманѣ... охъ, давно помирать пора! Такъ все, говоришь, золотое?

Марѳа Лукинишна. Все золотое, что ни пошевелитъ.

Мосевна. Бѣдненькій... Какъ это его угораздило-то, сердечнаго?

Бѣлоносовъ. Зачѣмъ бѣдненькій?.. Нужно было только выговорить себѣ нѣкоторыя обстоятельства... (*оглядывается*).

Марѳа Лукинишна. Ты чего это, Поликарпъ Емельянычъ, по сторонамъ глазами-то шмыгаешь?.. Ужь не потерялъ ли чего, какъ Мосевна?

Бѣлоносовъ. Нѣтъ, я такъ... просто.

Мосевна (*продолжаетъ свое*). Грѣхъ одинъ отъ этого золота—вотъ и сталъ бѣдненькій. Вѣдь это только глядѣть, что будто оно золото, а оно и есть самое злое зло... да! Сколько народичку около этого самаго золота мается!.. А на что его, Христосъ съ нимъ: лежало бы да лежало въ землѣ... соблазнъ да грѣхъ—и все тутъ. Большая муть отъ этого самаго золота идетъ, а другой человѣкъ такъ даже самъ не свой сдѣлается. Рѣжутъ ножами изъ-за золота-то, одни рѣжутъ, а другіе плачутъ. Вонъ нашъ Иванъ Тимофеичъ нахваталъ золота, досыта нахваталъ, а какой толкъ?

Бѣлоносовъ. А какого ему чорта еще надо?

Мосевна. Охъ, не поминай ты его, чорта-то... безъ него тошнехонько... Чего надо?.. Ну, голубчикъ, золотомъ всего не купишь, оно только глаза отводитъ. На погибель оно, вотъ что... Иванъ-то Тимофеичъ вонъ ходитъ теперь да ожигается! На двухъ женахъ на богатыхъ женатъ былъ, высосалъ изъ нихъ все, а теперь, видно, третью молоденькую захотѣлъ... Нѣтъ, оно золото-то, какъ болѣзнь какая, привяжется.

Бѣлоносовъ. А вотъ я такъ не жалуюсь на золото — около него жить очень можно...

Марѳа Лукинишна. И то, голубчикъ, ты какъ будто

Digitized by Google

поправился: вотъ одеженку справилъ, ну, пьянъ не каждый день... Пріѣхалъ-то голенькій сюда и пьянае вина. Я тогда страсть какъ испужалась.

Бѣлоносовъ. Деньги наживаемъ... ха-ха!.. Скоро на свою квартиру отъ васъ переѣду, пару на-отлетъ заведу, тогда ужь я не такъ буду корчить этихъ золотопромышленниковъ: какъ губки, буду выжимать.

Мосевна. Много, говоришь, денегъ-то у тебя?

Бѣлоносовъ. Не много, а будутъ...

Мосевна. Жениться тебѣ, паренекъ, надо... замотаешься съ деньгамъ-то.

Марѳа Лукинишна. И то жениться-бы... Вонъ у Ивана Тимофеича дочка на возрастѣ, славная дѣвушка: воды не замутитъ.

Бѣлоносовъ. Женимся, когда время придетъ, а теперь на чужихъ женъ посмотримъ... (*самодовольно смѣется и охорашивается*). Хорошенькія есть...

Марѳа Лукинишна. Сижу я это, разговариваю съ тобой, Поликарпъ Емельянычъ, а сама дивлюсь, себѣ дивлюсь, какой свободный разговоръ съ тобой имѣю... Вотъ даже нисколичко не боюсь тебя!.. И варенье вотъ мнѣ помогаешь варить. На старости лѣтъ въ честь, видно, попала. Я такъ своимъ умомъ полагаю, что все это отъ вседониму—свѣтъ я съ нимъ увидала... Тихонъ Кондратичъ утишился, я варенье варю, да еще съ хорошими людьми свободный разговоръ имѣю.

Бѣлоносовъ (*смѣется*). Бываетъ... Я очень уважаю такихъ почтенныхъ женщинъ, какъ вы, Марѳа Лукинишна.

Марѳа Лукинишна. Намеднись, какъ Анисья была, такъ онъ даже руку мнѣ поцѣловалъ (*указываетъ Мосевнѣ на Бѣлоносова*).

Мосевна. Омманываетъ кого нибудь... больно изъ себя увертливъ.

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ же и Молоковъ съ Чепраковымъ.

Молоковъ. Много-ли васъ, не надо ли насъ, (*усаживается на лавочку рядомъ съ Мосевной*). Ну, теперь васъ цѣлая кадрель, а я буду музыкантомъ... ха-ха!.. Мосевна, видѣла жениха-то?

Мосевна. Котораго?

Молоковъ (*показываетъ на Чепракова и Бѣлоносова*). Да вотъ изъ любыхъ выбирай... ишь, какіе сизые голуби! Абвокатъ получше будетъ, Мосевна, бери его, только пусть сперва меня изъ-подъ вседониму ослобонитъ.

Мосевна. Отстань, грѣховодникъ! Тьфу...

Digitized by Google

Молоковъ (*женѣ*). А ты, дама изъ Амстердама, что̀ тутъ дѣлаешь?

Марѳа Лукинишна. Да вотъ вареньицемъ занялась... своя малинка-то.

Молоковъ. Эхъ, дама, дама, сварила ты мнѣ хорошее варенье... Господинъ абвокатъ, какъ же это мы съ вами, а?

Бѣлоносовъ. Относительно водки? Могу-съ...

Молоковъ. Этакая судорога!.. Такъ я ненавижу это глупое слово: „могу“, точно вотъ шиломъ меня ткнетъ. Водка отъ насъ не уйдетъ, а вотъ какъ насчетъ Ивана Тимофеича.

Мосевна (*вскакиваетъ*). Вѣдь вспомнила... вотъ оказія-то!.. Иванъ-то Тимофеичъ прямо наказывалъ: „ступай, говоритъ, къ Молоковымъ и посмотри, говоритъ, нѣтъ-ли тамъ моей жены“... Тутъ еще слово ввернулъ насчетъ какого-то абвоката. „Да сама, говоритъ, и виду не подавай, зачѣмъ пришла“... Ну, вотъ и вспомнила, слава богу!..

Молоковъ. Кланяйся Ивану Тимофеичу да скажи ему, что онъ дуракъ... Развѣ за такими дѣлами этакихъ лишенныхъ ума старухъ посылаютъ? Ха-ха... Ай да Анисья, напустила сухоту на мужика... Молодецъ — баба, люблю такихъ!..

Мосевна. Идти надо скорѣе... ждетъ вѣдь онъ... Охъ, умирать пора... Простите меня глупую, голубчики! (*уходитъ*).

Чепраковъ. Увидишь своихъ-то, бабушка, такъ кланяйся нашимъ.

Бѣлоносовъ (*искоса смотритъ на него*). Зачѣмъ этотъ гусь повадился сюда... не пон-нимаю!... Вонъ кулачищи-то какіе...

Молоковъ. Ну, братецъ, такъ какъ же... а?

Бѣлоносовъ. Теперь все дѣло въ лучшемъ видѣ, Тихонъ Кондратьичъ, только нужно подождать... что̀ скажетъ сенатъ.

Марѳа Лукинишна. Ужь что-то больно долго этотъ самый сенатъ у васъ продолжается, одной водки сколько выхлестали...

Молоковъ. Молчать, дама... раздавлю... Не твоего ума дѣло... Какого ты изъ меня человѣка сдѣлала, а?..

Марфа Лукинишна. Велика бѣда, что посидишь малость... Нисколичко я тебя не боюсь.

Молоковъ. Ну, ну, понесла... А вотъ что̀, г. абвокатъ, какъ же это вы нынче къ Ивану Тимофеичу повадились частенько?.. Сумленье беретъ меня... Ну, къ другимъ прочимъ ничего, а вотъ Иванъ-то Тимофеичъ мнѣ, какъ бѣльмо на глазу.

Бѣлоносовъ. Тутъ совсѣмъ особенное дѣло, Тихонъ Кондратьичъ.

Чепраковъ (*въ сторону*). Знаемъ мы твои особенныя-то

Digitized by Google

дѣла, прощалыга... Попадешься ты мнѣ въ лапы, такъ я дно сразу вышибу.

ЯВЛЕНІЕ IV.

Тѣ же и Засыпкинъ *(идетъ и оглядывается)*.

Молоковъ. Легокъ на поминѣ...

Засыпкинъ. Ахъ, это вы, папенька... здравствуйте. Здравствуйте, маменька!..

Марѳа Лукинишна (*пятится отъ него и машетъ руками*). Охъ, не подходи ты ко мнѣ, Иванъ Тимофеичъ... ради истиннаго Христа, не подходи!...

Засыпкинъ. Что это вы такъ меня испугались, маменька: я не медвѣдь, не укушу.

Марѳа Лукинишна. Хуже медвѣдя, голубчикъ... охъ, не подходи!... Хошь ты мнѣ и зять, а сердце у меня такъ и упадетъ отъ одного твоего голосу... бумага какая-то начнетъ представляться... кресты... суды... смертоубивство (*уходитъ*).

Молоковъ (*хохочетъ вмѣстѣ съ остальными*). Хорошъ зятекъ... а? по всей формѣ... Ха-ха!.. Ну, какъ поживаешь, Иванъ Тимофеичъ?

Засыпкинъ (*садится на скамейку*). Ничего, папенька, живемъ, пока мыши головы не отъѣли...

Молоковъ. А ужь разѣ начали?... Другая мышь-то хуже медвѣдя, потому она все норовитъ потихоньку, зятюшка... да. Нѣтъ ли чего новаго?

Засыпкинъ (*задумчиво*). Да пока ничего-съ... Живемъ, да вашими молитвами, какъ шестами, подпираемся. Вы чему это смѣетесь, папенька?..

Молоковъ. Смѣшное вспомнилъ, Ваня... Какъ ты придешь ко мнѣ, я и думаю про себя: чего еще пришелъ онъ отнимать у меня—пріиски отнялъ, деньги отнялъ, дочь отнялъ... Все по перушку общипалъ. Вотъ и смѣшно: чистъ я, Ваня, нечего съ меня взять. Съ голаго, видно, какъ со святаго — взятки гладки... Такъ, г-нъ абвокатъ?..

Бѣлоносовъ. Совершенно вѣрно-съ... Намъ только изъ псевдонима вылѣзти, а тутъ мы показали бы Ивану Тимофеичу, какъ лягушки скачутъ.

Засыпкинъ (*разсѣянно смотритъ по сторонамъ*). Это какъ же лягушки-то скачутъ?..

Молоковъ. Ты, Ваня, чего это по сторонамъ-то оглядываешься?..

Засыпкинъ. Нѣтъ, такъ... голова что-то болитъ.

Молоковъ. Совѣсть это тебя мучитъ, зятюшка... Что обѣщалъ-то, какъ за Анисью сватался?.. Все, говорилъ, имущество поверну назадъ и пріиски, а самъ что дѣлаешь...

Засыпкинъ. Я отъ своихъ словъ не отпираюсь, папенька:

Digitized by Google

все вамъ поверну... Не поминайте лихомъ. А сейчасъ не могу, потому что какой вы человѣкъ, ежели разобрать—вамъ гдѣ сейчасъ находиться-то слѣдуетъ?

Молоковъ. Въ тюрьмѣ... такъ вотъ ты куда уголъ загибаешь, а?.. Отродясь не видывалъ такого безсовѣстнаго человѣка...

Засыпкинъ. Успѣемъ еще поговорить, папенька, дѣло не къ спѣху... Голова у меня что-то несовсѣмъ, идти пройтись (*уходитъ*).

Бѣлоносовъ. Видно, дѣло-то того: носи—не потеряй...

Молоковъ. Ну, и человѣкъ... Ужь, кажется, сколько я всякихъ подлецовъ и мошенниковъ на своемъ вѣку видалъ, а такихъ еще не встрѣчалъ. Вотъ взять хоть тебя, Бѣлоносовъ—у тебя на рожѣ написано, что проведешь и надуешь (*Бѣлоносовъ дѣлаетъ движеніе*), или ты, Чепраковъ, тоже хорошъ гусь (*Чепраковъ поднимаетъ плечи*), хоть сейчасъ шею свернешь кому угодно.

Бѣлоносовъ. Тихонъ Кондратьичъ, позвольте...

Чепраковъ. Тихонъ Кондратьичъ, позвольте...

Молоковъ (*встаетъ*). Ну, ну, ощетинились... Я къ тому сказалъ, что подлеца-то наскрозь всего видно, а зятюшка—другое. Охъ, други мои, притомился я; идти безногаго щенка подковать... Ну, кто со мной?..

Бѣлоносовъ (*поглядывая на Чепракова*). Я потомъ, Тихонъ Кондратьичъ.

Чепраковъ (*смотритъ въ сторону*). Благодарствуйте.

Молоковъ. Ну, была бы честь приложена, отъ убытка Богъ избавилъ (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ V.

Чепраковъ и **Бѣлоносовъ** (*смотрятъ въ разныя стороны*).

Бѣлоносовъ (*нетерпѣливо смотритъ на часы*). Анисья назначила свиданье ровно въ два часа здѣсь въ саду, а этотъ дуралей торчитъ тутъ...

Чепраковъ (*косится на Бѣлоносова*). Ей богу, отдую я этого прощалыгу, что на него смотрѣть... Анисья хотѣла прійти въ два часа ровно.

Бѣлоносовъ. Онъ, кажется, чего-то дожидается... (*раскуриваетъ медленно папиросу*). А я не желалъ бы встрѣтиться съ подобнымъ субъектомъ гдѣ-нибудь въ лѣсу... и силища, должно быть.

Чепраковъ (*подвигается ближе*). Милостивый государь, я желалъ бы остаться здѣсь одинъ...

Бѣлоносовъ. И я тоже... А если ужь очень жаждете одиночества, то не угодно ли прогуляться, а я здѣсь останусь.

Digitized by Google

Чепраковъ. Нѣтъ, я останусь, а вы прогуляетесь.... (*подвизается*). Ну?..

Бѣлоносовъ. Милостивый государь, вы забываетесь... (*пятится*). Я... я... я наконецъ закричу!..

Чепраковъ (*беретъ его за плечо*). Ну, кричи...

(*Бѣлоносовъ кричитъ и старается вырваться*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ же и Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна. Ха-ха... вотъ милая сцена!.. Господа, это неприлично... Чепраковъ, да отпустите же Бѣлоносова, онъ мнѣ нуженъ, а сами сходите и принесите мнѣ шаль изъ комнаты.

Чепраковъ. Слушаю-съ... пожалуйте ручку.

Анисья Тихоновна. Хорошо, хорошо... вотъ обѣ. Да смотрите, не приходите раньше, чѣмъ я позову васъ...

Чепраковъ. Слушаю-съ... А съ этимъ молодцомъ я еще разсчитаюсь (*грозитъ кулакомъ Бѣлоносову и уходитъ*).

Бѣлоносовъ (*третъ плечо*). Медвѣдь, настоящій медвѣдь.... Я думалъ, онъ меня задавитъ.

Анисья Тихоновна. И слѣдовало задавить, чтобы вы не соблазняли чужихъ женъ.

Бѣлоносовъ. Анисья Тихоновна, божество мое...

Анисья Тихоновна. На колѣни... сейчасъ на колѣни!.. (*Бѣлоносовъ опускается на колѣни*). Ну, теперь можете говорить, что вамъ угодно отъ меня.

Бѣлоносовъ. Что мнѣ нужно?.. Мнѣ ничего не нужно, Анисья Тихоновна... одно ласковое слово, улыбка... Я былъ бы счастливъ, еслибы могъ сейчасъ же умереть у вашихъ ногъ.

Анисья Тихоновна. Ну, умирайте, сейчасъ же умирайте, а то я не повѣрю.

Бѣлоносовъ (*поднимается*). Нѣтъ, съ вами невозможно серьезно... (*оглядывается*) Сюда кто-то идетъ...

Анисья Тихоновна. И пусть идетъ, а вы все таки умирайте... я хочу этого, вашей крови хочу. Ха-ха... Вотъ что: сегодня намъ помѣшали, приходите сюда завтра ночью въ два часа.

Бѣлоносовъ. А Чепраковъ не будетъ?

Анисья Тихоновна. Нѣтъ, зачѣмъ же... Вы одни будете обманывать Ивана Тимофеича.

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Воротовъ (*останавливается въ отдаленіи и осторожно покашливаетъ*).

Анисья Тихоновна (*Воротову*). Что это вы, молодой человѣкъ, издали заглядываете? подходите, не бойтесь.

Digitized by Google

Воротовъ (*снимаетъ фуражку на отлетъ*). Я, кажется, вамъ помѣшалъ-съ?.. Господинъ Бѣлоносовъ, у васъ колѣнки въ пескѣ-съ.

Бѣлоносовъ (*начинаетъ торопливо чистить брюки платкомъ*). А я тутъ на землѣ булавку искалъ, которую Анисья Тихоновна уронила...

Воротовъ. Да-съ, булавка—предметъ весьма деликатный...

Анисья Тихоновна. Вася, а ты тоже точно булавку ищешь... а?...

Воротовъ. Нѣтъ, я такъ зашелъ-съ... Видѣлъ, какъ Иванъ Тимофеичъ прошли въ садъ, ну, и я зашелъ.

Бѣлоносовъ (*въ сторону*). Вотъ это мило: Анисья, кажется, сразу троимъ назначила свиданіе въ саду...

Анисья Тихоновна. Иванъ Тимофеичъ меня караулитъ, Вася...

Воротовъ. И слѣдуетъ караулить, потому мало ли строкулистовъ нынче развелось...

Бѣлоносовъ (*заносчиво*). Милостивый государь, если вы это на мой счетъ...

Воротовъ. Пожалуйста, не безпокойтесь, ваше превосходительство, очень не велики вы въ перьяхъ-то, а которое красное перо, такъ мы и ощипать можемъ.

Бѣлоносовъ (*бросается къ Воротову*). Ахъ ты, мальчишка... да какъ ты смѣешь?!.. Да я...

Анисья Тихоновна. Бѣлоносовъ, смирно... Вы сегодня, какъ дворняшка, на всякаго прохожаго бросаетесь; давеча разодрались съ Чепраковымъ, теперь лѣзете съ кулаками на Васю. Ступайте къ папашѣ водку пить, онъ дожидается васъ, а мнѣ нужно переговорить съ Васей.

Бѣлоносовъ (*цѣлуетъ у нея руку*). Ухожу, ухожу, а то я не отвѣчаю за себя... (*въ сторону*). Однако, какой еще гусь нашелся?.. Кто же изъ насъ троихъ: я, Чепраковъ, Вася... ну, конечно, я!.. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анисья Тихоновна и Воротовъ (*нѣсколько времени молчатъ*).

Воротовъ. Это и есть вашъ разговоръ, Анисья Тихоновна?

Анисья Тихоновна. Ты пришелъ подглядывать и подслушивать, ну и слушай. Много взялъ? Дуракъ ты, Васька, и больше ничего... Ха-ха!..

Воротовъ. Дуракъ, да про себя, а не про васъ. Вы и безъ того всѣхъ хотите въ дураки поставить, начиная съ Ивана Тимофеича.

Анисья Тихоновна. Это еще что за глупости?.. (*ука-*

Digitized by Google

зываетъ рукой). Вонъ отсюда!.. Чтобъ и духу твоего здѣсь не слышно было, а то я такое словечко скажу Ивану Тимофеичу, что онъ тебя въ порошекъ изотретъ.

Воротовъ. Пусть изотретъ, а я все таки не пойду... Хочу надъ вашей душой стоять, Анисья Тихоновна, да всякія ваши подлости...

Анисья Тихоновна. Молчать, мерзавецъ!

Воротовъ (*смѣется*). Теперь ужь, видно, мой чередъ пришелъ посмѣяться надъ вами... „Дуракъ... мерзавецъ“... Вы вотъ мной помыкаете, какъ послѣднимъ рабомъ, да вровень съ грязью дѣлаете, а теперь мнѣ все это даже весьма смѣшно-съ: нисколько я васъ не боюсь... Вотъ смотрю на васъ и не боюсь, потому у меня секретъ такой есть.

Анисья Тихоновна. Ужь не наворожилъ ли кто?

Воротовъ. Самъ наворожилъ... Будетъ мнѣ мою муку терпѣть, даже весьма достаточно. Конечно, злости во мнѣ не было настоящей, а теперь я въ звѣрство обратился...

Анисья Тихоновна (*смѣется*). Въ какого-же звѣря, позвольте узнать?

Воротовъ. Въ настоящее звѣрство... въ родѣ какъ волкъ сдѣлался. Прямо за горло возьму и конецъ (*садится на скамейку рядомъ съ Анисьей Тихоновной*). Видите: рядкомъ сѣлъ, и хоть бы сколько страшно.

Анисья Тихоновна (*отодвигается отъ него*). Да ты и въ самомъ дѣлѣ, кажется, съ послѣдняго ума спятилъ... куда руками-то тянешься, а?..

Воротовъ (*хочетъ ее обнять*). Али забыла, какъ прежде-то обнимались?.. Да ты не отодвигайся... Сказано: ничего не боюсь... (*схватываетъ ее и цѣлуетъ*). Вотъ какъ я нынче... Одинъ конецъ обоимъ—и тебя, и себя зарѣжу.

Анисья Тихоновна (*старается вырваться отъ него*). Опомнись, сумашедшій!.. Въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Тимофеичъ на грѣхъ-то навернется... Да ну, пусти-же, экъ вцѣпился лапищами-то!..

Воротовъ (*отпускаетъ ее*). Такъ вотъ, Анисья Тихоновна, видно лучше будетъ.

Анисья Тихоновна. А все таки ты, Васька, дуракъ! увязался за чужой женой, а у самого невѣста, какъ веревка на шеѣ... Это какъ?

Воротовъ. А такъ, все равно мнѣ... Поплачетъ маленько Лена обо мнѣ, а потомъ лучше жениха найдетъ. Славная она дѣвушка, честная, а вотъ ты пріѣхала—она и опостылѣла мнѣ... Да что Лена—самъ я для себя разпостылый сталъ, на свѣтъ не глядѣлъ бы... А все изъ-за тебя, змѣя подколодная!.. Иванъ Тимофеичъ меня, какъ сына роднаго, воспиталъ, а я сперва Лену обманывалъ, а теперь его обма-

Digitized by Google

нываю... Тошно мнѣ, въ башкѣ точно туманъ, а день и ночь все думаю объ одномъ, все объ одномъ: зарѣжу я тебя, Анисья...

Анисья Тихоновна (*бросается къ нему на шею*). Вотъ за это я люблю, Васька... ахъ, раньше бы такъ-то, а?.. Да нѣтъ, все равно...

Воротовъ. Приходи сегодня вотъ сюда въ садъ, какъ прежде хаживала...

Анисья Тихоновна. Куда велишь, туда и приду... (*беретъ его за голову и долго смотритъ въ глаза*). Вася, да ты ли это... а?.. Васенька, миленькій... я вѣдь нарочно тебя притѣсняла, чтобы ты чувствовалъ мою любовь... вѣдь обидно, что промѣнялъ на какую-то дѣвчонку...

Воротовъ. А тѣхъ дураковъ-то зачѣмъ подманиваешь?..

Анисья Тихоновна. Это Бѣлоносова съ Чепраковымъ? ха-ха!.. Какой ты глупый, Васька, тебѣ же лучше: Иванъ Тимофеичъ теперь убился—подсматриваетъ, да подслушиваетъ за ними, а на тебя никто ничего и не подумаетъ. Такъ? Ну, а мы еще штучку одну придумаемъ: тебѣ нужно жениться на Ленѣ...

Воротовъ (*отскакиваетъ отъ нея*). Да ты съ ума сошла, Анисья?..

Анисья Тихоновна. Нисколько даже... Будемъ мы тогда жить да поживать въ одномъ домѣ, а Лена—совсѣмъ глупая дѣвчонка, ей до смерти не понять ничего, и будетъ сидѣть, какъ курица на яйцахъ.

Воротовъ. Да вѣдь это живаго человѣка петлей затягивать... Подлость...

Анисья Тихоновна (*поднимается*). Ну, какъ знаешь... я только такъ сказала, для тебя же.

Воротовъ (*схватываетъ ее за руку*). Змѣя, змѣя... ну, а если Иванъ Тимофеичъ не отдастъ за меня Лену-то?

Анисья Тихоновна. Пустяки... ты такъ сдѣлай, чтобы нельзя было не отдать, а остальное ужь я устрою.

Воротовъ. Ну, нѣтъ, этому не бывать, чтобы я сталъ дѣвушку губить понапрасну! Тоже совѣсть и у насъ...

Анисья Тихоновна. Ну, такъ прощай... (*дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*).

Воротовъ. Постой... (*хватается за голову*). А въ садъ придешь?.. Все сдѣлаю, какъ сказала...

Анисья Тихоновна (*бросается къ нему на шею*). Васенька, миленькій, давно бы такъ... Ты думаешь, легко чужихъ-то бабъ обманывать.

Воротовъ (*отталкиваетъ ее*). Иванъ Тимофеичъ идутъ... тсъ!..

Digitized by Google

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ же, Иванъ Тимофеичъ съ Молоковымъ.

Засыпкинъ (*женѣ*). Гдѣ вы изволили, сударыня, прогуливаться?.. Пора бы и честь знать.

Анисья Тихоновна. Да такъ... Сначала поѣхала въ лавки, потомъ завернула сюда, а здѣсь Бѣлоносовъ попался, ну, съ нимъ и заболталась.

Засыпкинъ. Весьма приличная компанія для замужней женщины.

Анисья Тихоновна. Приличнѣе, чѣмъ подсылать какую-то полоумную старуху подглядывать за женой... Мосевна разболтала все, теперь глаза въ люди показать совѣстно: мужъ ревнуетъ да гоняется. Сама виновата, зачѣмъ за старика пошла...

Засыпкинъ (*Воротову*). Вася, ступай-ка домой, нечего тебѣ здѣсь дѣлать... Ну, чего столбомъ-то стоишь?..

Воротовъ. А, можетъ быть, я не желаю уходить, Иванъ Тимофеичъ?

Анисья Тихоновна. Это еще что такое?.. Какъ ты смѣешь такъ отвѣчать Ивану Тимофеичу?.. Отправляйся сейчасъ-же...

(*Воротовъ мрачно улыбается и уходитъ*).

Молоковъ. Набаловалъ ты парня, Иванъ Тимофеичъ: я бы ему въ зубы такого земляка поднесъ за его разговоры... изъ оглобли слёзы вышибу.

Засыпкинъ. Понимаю, самъ понимаю, что набаловалъ, да ужь характеръ у меня такой: кого полюблю—ничего не жаль... У Васи-то ни отца, ни матери, ну, въ другой разъ и пожалѣешь его больше другихъ. А женушка живой рукой его повернула...

Молоковъ. А ты не смотри на него: неладно съ парнемъ. Все шолковый былъ, а тутъ грубить началъ.

Анисья Тихоновна. Ничего вы не понимаете, папенька...

Молоковъ. Молчать! Не тебѣ отца учить... Иванъ Тимофеичъ, ты и женѣ спуску не давай. Учи, пока молода, а состарится, такъ ужь не съ кого взять.

Засыпкинъ. Мы и безъ ссоры проживемъ, папенька! миркомъ да ладкомъ. Такъ вѣдь, Анисья?

Анисья Тихоновна. Вы, папенька, знали бы лучше про себя... да. Иванъ Тимофеичъ опять что нибудь обманываетъ васъ.

Молоковъ. Ты меня опять учить? Молчать... Разѣ ты можешь понимать наши дѣла своимъ бабьимъ умомъ. Мнѣ Ваня пріискъ пообѣщалъ—вотъ мы и помирились... Такъ, Ваня?

Digitized by Google

Засыпкинъ. У меня слово—законъ-съ, папенька.

Молоковъ. Такъ, такъ, зятюшка... Можетъ, ты меня и опять надуешь, а все таки хорошее слово старику дорого. Сижу-сижу въ четырехъ-то стѣнахъ, инда одурь возьметъ... Третьёвадни отъ скуки заставлялъ Харитошку александринскій листъ опять пить.

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же, Чепраковъ *съ шалью въ рукахъ, за нимъ, пошатываясь, пьяный* **Бѣлоносовъ.**

Бѣлоносовъ (*поетъ*):

По-вва-динился, ппо-вваа-ддинился
Къ ммоей Маррусенькѣ, къ моей молоденькѣ
Вворъ вворробей!..

Молоковъ. Молодецъ абвокатъ!.. (*подпѣваетъ*: „Воръ воробей!") Ай да ты... гдѣ это ты успѣлъ нализаться прежде времени?

Бѣлоносовъ. А вотъ мы съ Чепррраковымъ пропустили малость... И все мнѣ кажется, что будто я на пароходѣ плыву... Иванъ Тимофеичъ...

Ужь я е-еево, ужь я е-ево изловлю!
Кррылья, перрья ощиплю!..
Онъ не будетъ... перрестанетъ летати,
Мою Марусеньку любити!..

Засыпкинъ. Отстань, шальная голова!..

Чепраковъ (*Анисьѣ Тихоновнѣ*). Вотъ шаль-съ... Весь домъ перерыли искавши.

Анисья Тихоновна. Спасибо, голубчикъ.

Засыпкинъ. Какъ ты сказала?

Анисья Тихоновна. Я сказала: голубчикъ... Человѣкъ трудился, надо же его поблагодарить...

Засыпкинъ. Такъ, такъ... А ты пѣсню слышала?..

Молоковъ. Пѣсня настоящая, форменная... И воробья, и Марусеньку катай въ хвостъ и въ гриву. Ха-ха.

Засыпкинъ. А я бы не такъ сдѣлалъ, папенька... хе хе!.. Убить человѣка долго ли, и я считаю это самымъ пустымъ дѣломъ-съ... даже весьма глупо. А вотъ ежели бы меня Анисья стала обманывать, ну, примѣрно, скажемъ хоть съ тѣмъ же Бѣлоносовымъ, али съ Чепраковымъ (*Бѣлоносовъ и Чепраковъ переглядываются*)... дѣло житейское-съ!... хе-хе... зачѣмъ убивать-съ, а сперва изъ человѣка нужно всѣ жилы вытянуть, чтобы онъ чувствовалъ, чтобы онъ ползалъ передъ тобой, какъ червь, ноги бы цѣловалъ... Да-съ, вотъ это ужь настоящая казнь, когда въ человѣкѣ всю душу повернуть — пусть всего боится, пусть вывертывается, пусть трясется... хе-хе!..

Digitized by Google

Анисья Тихоновна. Старики всегда такъ разсуждаютъ, а молодой женѣ надо же погулять да порадоваться. Зачѣмъ за богатыхъ-то стариковъ выходятъ? Изъ-за стараго и для молодыхъ время найдется, а тамъ отгуляетъ человѣкъ, натѣшится, къ сѣдому волосу самъ будетъ чужой вѣкъ заѣдать.

Засыпкинъ (*вскакиваетъ*). Анисья?!..

Анисья Тихоновна. А, не понравилась видно моя шуточка?..

Бѣлоносовъ. Иванъ Тимофеичъ, хочешь, научу, какъ съ молодой женой жить?.. Былъ у меня одинъ старикъ англичанинъ, женатый на молодой, какъ и ты... Умный былъ англичанинъ и не хотѣлъ себя безпокоить, а подозрѣвалъ, что жена-то того... гмъ... Ну, такъ онъ вечеромъ, какъ пойдетъ въ спальню къ женѣ, такъ ногами и стучитъ по дорогѣ.

Молоковъ. Такъ, такъ... а зачѣмъ же онъ стучитъ?...

Бѣлоносовъ. Очень просто: для того англичанинъ ногами стучалъ, чтобы изъ спальни любовникъ убирался по добру, по здорову...

Молоковъ. Ха-ха... Вотъ такъ отрѣзалъ, ежевая голова!..

Засыпкинъ (*вскакиваетъ*). Ахъ ты, мошенникъ этакій... Чепраковъ, бери его и дуй въ мою голову!..

Чепраковъ. Могу-съ... Я сейчасъ изъ него котлетку сдѣлаю.

Бѣлоносовъ. Господа, что же это такое?.. (*убѣгаетъ, за нимъ бѣжитъ Чепраковъ*). Карраулъ!..

ЯВЛЕНІЕ XI.

Молоковъ, Засыпкинъ, Анисья Тихоновна и Воротовъ.

Воротовъ. Иванъ Тимофеичъ, васъ спрашиваютъ дома-съ... Пріѣхалъ съ пріисковъ нарочный, очень нужно-съ.

Засыпкинъ. Я сейчасъ... Ну, Анисья, пойдемъ домой.

Анисья Тихоновна. Я приду одна. Мнѣ еще съ маменькой надо повидаться...

Молоковъ. Пойдемъ, зятюшка, я тебя провожу (*встаетъ и беретъ Засыпкина подъ руку*). Ну, такъ какъ же пріискъ-то?

Засыпкинъ (*идетъ къ выходу*). Какой пріискъ?

Молоковъ. Какъ какой?.. Который вотъ сейчасъ мнѣ обѣщалъ... при Анисьѣ разговоръ-то былъ. (*останавливаются*).

Засыпкинъ. Нѣтъ, это вы ослышались, или во снѣ, можетъ быть, видѣли... (*идетъ*).

Digitized by Google

Молоковъ (*догоняетъ его*). Ваня, голубчикъ... да вѣдь ты самъ сказалъ... Ваня, да гдѣ же у тебя совѣсть-то?

ЯВЛЕНІЕ XII.

Анисья Тихоновна и Воротовъ.

Воротовъ. Анисья Тихоновна, я пришелъ сказать вамъ, что не могу быть подлецомъ относительно Елены Ивановны... Ужъ вы какъ знаете, а я не могу. Пусть Бѣлоносовъ или Чепраковъ добрыхъ-то людей обманываютъ, а я не могу-съ.

Анисья Тихоновна. Спасибо и на этомъ, миленькій Васенька... ха-ха!.. Посмотри-ка на себя въ зеркало, на кого ты походишь?.. Рохля рохлей; а туда-же: не могу... Да тебя развѣ кто спрашиваетъ, двойной твой разумъ: сказано—сдѣлать, и сдѣлаешь...

Воротовъ. Не могу-съ...

Анисья Тихоновна. А ты думалъ, легко чужихъ-то женъ обманывать?.. Меня вонъ Иванъ-то Тимофеичъ собирается убить, да сначала, говоритъ, жилы всѣ вытяну изъ нея, душу вымотаю... Ну, я и пойду, бухну ему въ ноги и во всемъ повинюсь... (*дѣлаетъ движеніе идти*).

Воротовъ. Анисья... что ты дѣлаешь со мной?

Анисья Тихоновна. А я изъ-за кого должна пропадать? Ну, посмотри мнѣ въ глаза-то, безсовѣстная голова.

Воротовъ (*безсильно опускаетъ руки*). Анисья Тихоновна, скажи ты мнѣ ради Христа одно: бѣсъ ты или человѣкъ?

Анисья Тихоновна (*обнимаетъ его и цѣлуетъ*). А кто меня такой сдѣлалъ?.. Тошно мнѣ безъ тебя, Васенька, а пришелъ: вся твоя... Ну, сдѣлаешь, какъ обѣщалъ?...

Воротовъ. Нѣтъ, не могу... лучше сейчасъ съ меня голову сними! Зачѣмъ еще Елену Ивановну губить, будетъ и насъ двоихъ...

Анисья Тихоновна (*быстро идетъ къ выходу*). Ну, такъ прощай, а я сейчасъ къ Ивану Тимофеичу...

Воротовъ (*ловитъ ее*). Стой, змѣя!.. Куда поползла!.. (*обнимаетъ ее*).

Анисья Тихоновна. Ахъ, Вася, Вася...

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ же и Мосевна.

Мосевна (*оглядывается*). Тьфу!.. тьфу!.. святъ, святъ... Кто это здѣсь цѣлуется? Это ты, Васька грѣховодникъ, съ чужими бабами путаешься?..

Воротовъ. Баушка, это тебѣ поблазнило...

Мосевна (*изъ-подъ руки всматривается въ Анисью Ти-*

Digitized by Google

хоновну). Постой, грѣховодникъ, зубы-то заговаривать... сама была молода, знаю тоже... А это чья же умница-то?..

Анисья Тихоновна. Не узнала, баушка?

Мосевна. Какъ будто признаю, и какъ будто нѣтъ... Какъ это тебѣ, умница, не совѣстно осередь бѣлаго-то дня съ чужимъ мужикомъ цѣловаться?.. Ухъ, какая безстыдница... тьфу!.. тьфу!..

Анисья Тихоновна. Съ какимъ чужимъ?.. Да вѣдь Вася-то мой братъ... опомнись, баушка!.. (*быстро цѣлуетъ Воротова и со смѣхомъ убѣгаетъ*).

Мосевна (*въ раздумьѣ*). И то, должно быть, поблазнило... пойти разсказать Анисьѣ Тихоновнѣ про Ваську про подлеца, чтобы она ему надрала хорошенько кудрявую-то башку!..

(*Занавѣсъ*).

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Л И Ц А.

Засыпкинъ.
Анисья Тихоновна.
Лена.
Воротовъ.
Молоковъ.
Марѳа Лукинишна.
Бѣлоносовъ.
Чепраковъ.
Ширинкинъ.

Дѣйствіе происходитъ въ домѣ Засыпкина. Сцена представляетъ ту же комнату, что и во второмъ дѣйствіи.

ЯВЛЕНІЕ I.

Засыпкинъ и Чепраковъ.

Засыпкинъ (*сидитъ на диванѣ, Чепраковъ стоитъ у дверей*). Да подойди поближе... ну?.. (*Чепраковъ дѣлаетъ нѣсколько шаговъ*). Да иди же, ну, вотъ такъ повернись, а я на тебя посмотрю. Какой-ты, братецъ, нынче франтъ сталъ: сюртучокъ съ иголочки, брючки, жилетка, галстучекъ... Да ужъ ты не жениться ли собрался?

Digitized by Google

Чепраковъ. Какая женитьба, Иванъ Тимофеичъ, да и предметъ этотъ по нынѣшнимъ временамъ чрезвычайно дорогой.

Засыпкинъ. Да и не стоитъ, ежели хорошенько разобрать. Какъ это пословица-то насчетъ чужихъ женъ говоритъ?.. „Ходи по лѣсу да не хрястай, люби чужихъ женъ да не хвастай“... Акуратная пословица. Нѣтъ, не женись, Чепраковъ, а то я, пожалуй, надѣну вотъ этакій же сюртучокъ, напомажу головку, да къ твоей женѣ и подсыплюсь мелкимъ бѣсомъ. Чужое-то завсегда слаще.

Чепраковъ. Изволите шутки шутить, Иванъ Тимофеичъ... хе-хе!..

Засыпкинъ. Я-то?.. Да ты, братъ, меня не знаешь: другихъ поучу, какъ эти дѣла дѣлаютъ. А ты какъ думаешь, Чепраковъ, хитрый я человѣкъ или нѣтъ?.. Вѣдь шельма?...

Чепраковъ. Это точно, что... гм...

Засыпкинъ. Да, да... Кругомъ народъ обманывалъ, всѣхъ изъ дураковъ въ дураки ставилъ. Такъ?.. А вотъ только себя хитрѣе не быть, Чепраковъ... Надъ другими-то смѣшно, когда они передъ тобой заячьи петли начнутъ выметывать, а самъ-то и удавку себѣ на шею надѣнешь, и своими руками тянешь ее за оба конца, а все думаешь, что этакъ-то, молъ, ровно, лучше будетъ... Да ты чего стоишь-то, садись. (*Чепраковъ усаживается на кончикъ стула*). Теперь взять Анисью... Ну, что она такое — дѣвчонка дѣвчонкой еще, и довольно глупая дѣвчонка, а какъ она всѣхъ окрутила—ничего не разберешь: то ли она ужь очень хитра, свыше мѣры, то ли глупа... Теперь тоже вотъ этотъ Бѣлоносовъ—засѣлъ онъ мнѣ въ башку, какъ желѣзный гвоздь. Ну, да это все равно, а я жену покончу...

Чепраковъ. Что вы, Иванъ Тимофеичъ... какъ можно-съ?.. Лучше прикажите, я Бѣлоносову руки и ноги переломаю...

Засыпкинъ. Съ Бѣлоносовымъ свой разговоръ—онъ не уйдетъ отъ насъ... я насчетъ жены. Ну, убью ее, потомъ меня въ судъ, на подсудимую скамью... Поклонюсь на всѣ четыре стороны народу православному: разсуди, честной народъ, по совѣсти... по божескому...

Чепраковъ. Присяжные оправдаютъ... Нынче суды легкіе пошли, особенно кто женъ убиваетъ, т. е. развратныхъ ежели...

Засыпкинъ. Какъ ты сказалъ: развратныхъ?.. Значитъ, и моя жена развратная?.. Да какъ ты смѣешь?.. а?..

Чепраковъ (*поднимается и начинаетъ пятиться къ дверямъ*). Я-съ... ничего-съ, Иванъ Тимофеичъ... Вы сами насчетъ убійства заговорили... я-съ...

Засыпкинъ. Какого убійства?..

Digitized by Google

Чепраковъ. А насчетъ того, что хотите Анисью Тихоновну порѣшить за невѣрность... могу всегда даже на судѣ показать.

Засыпкинъ. Я тебѣ это говорилъ?.. не можетъ быть?.. (*хватаетъ себя за голову*). Ахъ, да, помню, помню... Тебѣ и быть-то вотъ здѣсь не слѣдовало бы, въ моемъ-то дому... а я еще съ тобой разговоры разговариваю. Ну, зачѣмъ ты сюда пришелъ?

Чепраковъ. Сами велѣли, я и пришелъ-съ... Вы насчетъ того, чтобы Анисью Тихоновну караулить.

Засыпкинъ. Ну, и видѣлъ ее съ Бѣлоносовымъ?

Чепраковъ. Точно такъ-съ... Вчера вмѣстѣ они по улицѣ шли.

Засыпкинъ (*смотритъ ему въ лицо*). Вотъ что, Чепраковъ, очень ужь ты глупъ, братецъ, оставь меня одного. Ну, шли по улицѣ: что изъ этого?

Чепраковъ (*обиженно разводитъ руками*). Это ужь какъ будетъ вамъ угодно-съ... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ II.

Засыпкинъ одинъ.

Засыпкинъ. Да, остается одно: убить Анисью... (*вынимаетъ изъ боковаго кармана револьверъ и разсматриваетъ его*). Славная игрушка... (*прицѣливается*). Бацъ — и все кончено. А потомъ... ну, потомъ напечатаютъ въ газетѣ, что старикъ золотопромышленникъ Засыпкинъ застрѣлилъ молодую жену, пойдутъ разговоры... слѣдствіе (*оглядывается*). Здѣсь неловко будетъ ее убить... кровь вездѣ... Лена испугается... О, Боже мой, Боже!.. (*хватается за голову*). Вотъ до чего дошелъ. Заманю ее лучше въ молоковскій садъ, къ бесѣдкѣ... тамъ, на дорожкѣ, славный такой желтый песочекъ... Можетъ, тамъ она съ Бѣлоносовымъ цѣловалась, такъ ужь заодно и смерть приметъ. Ахъ, Анисья, Анисья... Какъ закрою глаза, такъ и вижу ее мертвую-то: бѣлая-бѣлая, еще лучше, чѣмъ живая, а только гдѣ нибудь на груди полоска крови. Впрочемъ, чего-же бояться: дѣло рѣшеное; чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Сегодня-же...

ЯВЛЕНІЕ III.

Засыпкинъ и **Лена** *съ работой въ рукахъ.*

Лена. Ахъ, это ты, папа?

Засыпкинъ (*неловко старается спрятать револьверъ*). Да, я... здравствуй, голубчикъ (*цѣлуетъ ее въ лобъ*). Ну, что, какъ ты себя чувствуешь?

Digitized by Google

Лена. Я, папа, ничего.. Папа, ты это что̀ такое спряталъ въ карманъ?.. Мнѣ показалось, что это револьверъ...

Засыпкинъ. Да, револьверъ... Купилъ недавно. Ѣзжу на пріиски, такъ, можетъ быть, пригодится. Прощай, крошка.

Лена. Куда же ты, папа?..

Засыпкинъ. Ахъ, голубчикъ, некогда мнѣ (*цѣлуетъ ее*). Дѣлъ по горло... Ну, прощай... (*быстро выходитъ изъ комнаты*).

ЯВЛЕНІЕ IV.

Лена одна (*сначала стоитъ нѣсколько времени посреди комнаты, потомъ садится съ работой на диванъ*).

Лена. Всѣ у насъ въ домѣ какіе-то такіе стали, ничего не поймешь: другъ отъ друга прячутся, что-то скрываютъ... Можетъ, это мнѣ такъ кажется, потому что я и сама не такая, какой была раньше. Все боюсь чего-то... Бѣдный, бѣдный папа, еслибы онъ только подозрѣвалъ, какая я дрянная дѣвушка! Такихъ прежде, говорятъ, закапывали живыми въ землю... ухъ, страшно!.. (*вышиваетъ*). А иногда мнѣ дѣлается какъ-то совсѣмъ все равно, никого не жаль, ни о чемъ не хочется думать, точно я сама умерла...

ЯВЛЕНІЕ V.

Лена и **Воротовъ**.

Воротовъ. Здравствуйте, Елена Ивановна...

Лена (*не смотритъ на него*). Здравствуйте, Василій Петровичъ...

Воротовъ. Что̀ подѣлываете?

Лена. А вотъ вышиваю салфетку... Посмотри, какой славный узоръ: крестики, потомъ палочки, потомъ опять крестики—цѣлая фигура и выдетъ...

Воротовъ (*наклоняется надъ работой и заглядываетъ Ленѣ въ глаза*). Да, узорчикъ веселенькій... и фигура выдетъ. Въ томъ родѣ, какъ у меня въ башкѣ — тоже такіе крестики да палочки... А что̀, Лена, я сильно измѣнился по твоему?..

Лена (*поднимаетъ на него глаза*). Да... кажется, измѣнился. Впрочемъ, я и сама хорошенько не знаю. Иногда мнѣ кажется, что ты совсѣмъ меня не любишь, а иногда... вотъ когда такъ съ глазу на глазъ остаешься, такъ кажется, что любишь.

Воротовъ. А вотъ теперь, сейчасъ, Лена, люблю я тебя или нѣтъ?..

Лена. Теперь?.. Да вѣдь это все равно, Вася, ты знаешь самъ, что нашей свадьбѣ не бывать...

Воротовъ (*обнимаетъ ее*). А ежели я этого захочу?

Digitized by Google

А если я вотъ возьму тебя такъ, въ охапку, да и унесу, далеко унесу... Лена, голубчикъ, видитъ одинъ Богъ, какъ я тебя люблю!..

Лена (*освобождается отъ его объятій*). Нѣтъ, Вася, это ты самъ себя обманываешь. Любилъ прежде, а теперь... Нѣтъ, Вася, я слышу это, сердцемъ своимъ слышу. Тебѣ иногда бываетъ жаль меня, ну, можетъ быть, совѣсть мучитъ... А я этого не хочу: ты самъ по себѣ, а я сама по себѣ...

Воротовъ (*хватается за голову*). Не то, ахъ! все не то, Лена, голубчикъ... Какъ увижу тебя, все во мнѣ точно перевернется, сердце дрогнетъ, и такъ на душѣ хорошо сдѣлается, свѣтло... Плакать хочется, въ глаза тебѣ смотрѣть. Ты чему это смѣешься?

Лена. Такъ... смѣшное вспомнила. Нужно чаще смѣяться, будетъ жить веселѣе. О чемъ горевать-то?.. Вонъ, посмотри, какъ я узоръ перемѣшала съ тобою!..

Воротовъ (*схватываетъ ее за руку и цѣлуетъ*). Елена Ивановна, простите меня, подлеца... и гоните меня съ глазъ долой, потому какъ я, по своей подлости, мизинца вашего не стою. Гоните меня... ни одному слову моему не вѣрьте: обману, продамъ...

Лена. Вася, что ты, Богъ съ тобой? Опомнись... ты не здоровъ...

Воротовъ (*бросается передъ ней на колѣни*). Леночка, голубчикъ, гони меня... а то убѣжимъ куда-нибудь, вотъ сейчасъ убѣжимъ! Ахъ, что я болтаю: отъ себя не убѣжишь, отъ своей подлости.

Лена (*закрываетъ лицо руками*). Вася, Вася... Вонъ Анисья Тихоновна сюда идетъ, я не могу... я убѣгу (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНІЕ VI.

Воротовъ и Анисья Тихоновна.

Анисья Тихоновна (*осматривается кругомъ*). Здѣсь кто-то, кажется, разговаривалъ?

Воротовъ (*съ сдержанной злобой*). Да-съ... это я разговаривалъ самъ съ собой-съ.

Анисья Тихоновна (*подходитъ къ столу и беретъ оставленную Леной работу*). А это, вѣроятно, ты вышивалъ тоже самъ съ собой? Ха-ха... И соврать-то человѣкъ не умѣетъ толкомъ.

Воротовъ (*вырываетъ у нея работу и прячетъ въ боковой карманъ*). Не смѣйте прикасаться къ этой самой вышивкѣ... да-съ...

Анисья Тихоновна. Вотъ какъ... это еще что такое?

Воротовъ. А такое... то самое, къ чему вашимъ ру-

Digitized by Google

камъ и прикасаться не слѣдуетъ. Это Елена Ивновна вышивали-съ... ихними чистыми пальчиками. Вотъ и все-съ, а у насъ съ вами свои узоры... Я по вашему приказанію поступалъ преподло съ Еленой Ивановной, какъ только можно поступить съ дѣвицей, надсмѣялся надъ ними, а теперь казнюсь...

Анисья Тихоновна. И казнись, потому что у тебя голова всегда была пустая. Выдетъ замужъ, вѣнецъ все прикроетъ... велика бѣда!..

Воротовъ (*бросается на нее съ кулаками*). Молчать, змѣя... сейчасъ задушу, своими руками задушу. Все равно—одинъ конецъ!..

Анисья Тихоновна (*старается обнять его*). Вася, голубчикъ, миленькій... ну, убей меня, сейчасъ убей!..

Воротовъ (*отталкиваетъ ее отъ себя*). Отойди, сатана... Знаемъ, старая пѣсня: и миленькій, и сухой-немазаный... Какой я тебѣ миленькій?.. Мнѣ на бѣлый свѣтъ глядѣть тошнехонько... отрава ты всѣмъ намъ, вотъ что!.. Вѣдь сейчасъ Елена Ивановна была здѣсь, каялся я передъ ней, а ты зачѣмъ пришла?..

Анисья Тихоновна. Соскучилась по тебѣ и пришла... Твоя-то Ленка всегда плаксой была, а теперь совсѣмъ обревѣлась. Эхъ, парень, парень, двойной твой разумъ: и дѣвку жаль, и бабу не хочется отпустить... Да еще и баба-то тебѣ не по чину досталась. А по моему, вотъ какъ нужно жить: семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ. А любить, такъ любить—горячо, до слезъ; старые будемъ, все замолимъ... Ну, что скажешь, Ерусланъ Лазаричъ?

Воротовъ. Сняла ты съ меня голову, Анисья: думаю одно, говорю другое, дѣлаю третье... Не знаю даже, есть ли на всемъ бѣломъ свѣтѣ другой такой подлецъ, подобный мнѣ!

Анисья Тихоновна. Ну, запѣлъ... Да развѣ подлецы такіе бываютъ?.. Ты просто тряпица, и больше ничего...

Воротовъ. Тряпица, а однако подлость устроилъ въ полной формѣ... А она, Елена Ивановна, какая-то безотвѣтная: хоть бы слово, а глянетъ, такъ точно ножемъ по сердцу (*бьетъ себя кулакомъ въ грудь*). Ихняя кротость вотъ гдѣ мнѣ сидитъ.

Анисья Тихоновна (*ласкается*). Будетъ, Васенька... ненаглядный мой, соколикъ ясный!..

Воротовъ. Опять: миленькій, ненаглядный!.. Говорить вамъ со мной нечего, вотъ вы и твердите тоже да потому же, а я никакой любви въ себѣ не чувствую. Разорвалъ бы васъ и себя...

Анисья Тихоновна. Уйдемъ, Вася, отсюда и конецъ дѣлу... Вонъ Иванъ Тимофеичъ и револьверъ купилъ, хочетъ въ меня изъ револьвера стрѣлять.

Digitized by Google

Воротовъ. Револьверъ, говоришь?.. А позвольте узнать, куда мы уйдемъ?..

Анисья Тихоновна. Какъ куда?.. Ты ужь долженъ это знать... ты—мужчина. Ну, въ Нижній пока уѣдемъ...

Воротовъ (*безсильно машетъ рукой*). Въ Нижній?.. Нѣтъ, видно такихъ мѣстовъ для насъ съ вами не налажено, чтобы отъ своей совѣсти можно было схорониться... Въ воду—одна дорога, а ты—въ Нижній!

Анисья Тихоновна. Вздоръ... Уйдемъ завтра же. Слышалъ?..

Воротовъ. Не оглохъ...

Анисья Тихоновна. А то я одна уйду—пропадайте всѣ здѣсь. Пусть плачутъ, убиваются, мнѣ это и нужно. Ха-ха!..

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ же и Марѳа Лукинишна входитъ торопливо въ сопровожденіи **Ширинкина.**

Марѳа Лукинишна (*размахиваетъ руками*). Охъ, убилъ! батюшки, родимые, убилъ на смерть!!..

Ширинкинъ. Тихонъ Кондратьичъ изъ-подъ вседоному вырвались и въ полной формѣ столарню произвели: все въ дому колотятъ... людей разогнали...

Марѳа Лукинишна. И едва живая ушла... охъ, батюшки, да чего же я-то буду дѣлать?.. (*плачетъ*).

Анисья Тихоновна. Да говорите вы толкомъ, ничего не пойму...

Марѳа Лукинишна (*строго*). А ты что же это, матка-свѣтъ, съ матерью-то не здороваешься?.. Отъ поклона голова не отвалится, а умнѣе матери нехорошо быть...

Анисья Тихоновна. Извини, мама, я совсѣмъ не о томъ думала (*цѣлуетъ мать*). Здравствуй, Харитоша.

Ширинкинъ. Да вѣдь мы сегодня разовъ сто видѣлись съ вами, Анисья Тихоновна... хе-хе!..

Анисья Тихоновна. Ну, значитъ, забыла... ахъ, не до того мнѣ!..

Марѳа Лукинишна. Чтой-то, Анисья, и въ самомъ-то дѣлѣ: забыла да забыла... Вертишь хвостомъ, а вотъ ужо я доберусь до тебя. Плохо тебя мужъ учитъ, а выколачивалъ бы лишнюю-то дурь, такъ лучше было бы... Такъ я говорю, Харитоша?

Ширинкинъ. Право-съ... я не знаю-съ. Анисья Тихоновна—такія благородныя дамы...

Марѳа Лукинишна. А что же я-то, по твоему, чѣмъ я хуже Анисьи, чтобы меня увѣчить... а? Родная моя дочь, мое рожденіе, вдругъ сдѣлалась благороднѣе матери. Что

Digitized by Google

она шляпки носитъ да хвостъ прицѣпила, а мужъ содралъ бы шляпку-то, да сгребъ бы за хвостъ, да прямо по благородству...

Анисья Тихоновна. Будетъ, мама, надоѣло ваши глупости слушать. Всѣхъ на свѣтѣ нельзя переколотить... Вася, ты сходи-ка къ нимъ да посмотри, что тамъ дѣлается, а то отъ нихъ, все равно, толку не добьешься...

Воротовъ Я живой рукой... (*уходитъ*).

Ширинкинъ. Дѣло самое простое: изъ-подъ вседониму вырвались Тихонъ Кондратьичъ, и теперь дымъ коромысломъ... Сами съ себя вседонимъ сняли и пошли чертить, только брызги летятъ Кричатъ на всю улицу: „не подходи... всякаго убью!..“

Марѳа Лукинишна. А этотъ проклятущій абвокатъ еще пуще идола-то моего смущаетъ... пьянешеньки, хоть выжми, какъ грецкія губки.

Ширинкинъ (*заглядываетъ въ окно*). Да вонъ они, легки на поминѣ... прямо сюда на извощикѣ катятъ.

Марѳа Лукинишна (*начинаетъ бѣгать по комнатѣ*). Охъ, батюшки... да куда же я-то дѣнусь отъ своего идолища!.. Даже ноженьки отнялись со страховъ... разразитъ онъ меня. Думала, хошь здѣсь спрячусь, а онъ за мной... батюшки, да куда же я-то?..

Анисья Тихоновна. Харитоша, уведи ее куда нибудь, ну, хоть къ Мосевнѣ.

Ширинкинъ. Слушаю-съ. Марѳа Лукинишна, пожалуйте-съ...

Марѳа Лукинишна. Охъ, веди, куды знаешь... Идолъто мой отвернетъ мнѣ голову, какъ пуговицу!.. (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Анисья Тихоновна, Молоковъ съ Бѣлоносовымъ.

Молоковъ (*не замѣчаетъ дочери*). Что это за оказія, Бѣлоносовъ, куды я только ни пойду—вездѣ пусто. Издали видишь, какъ будто и человѣкъ стоитъ, а пришелъ—никого нѣтъ.

Бѣлоносовъ. Это отъ страху передъ вами народъ разступается, Тихонъ Кондратьичъ... да-а!..

Молоковъ. Со страху?.. ха-ха!.. люблю!.. Будетъ, братъ, мнѣ сидѣть подъ вседонимомъ... Три годика высидѣлъ, а теперь сокрушу!.. всѣхъ сокрушу!.. И перваго Ваньку изувѣчу, вотъ сейчасъ изувѣчу, потому столько онъ разъ меня надувалъ... столько надувалъ...

Анисья Тихоновна. Никто васъ не боится, тятенька, это только одно ваше воображеніе...

Digitized by Google

Молоковъ (*обертывается*). Что-о?!.. А, это ты, Анисья... Ну, и отлично, хоть одинъ живой человѣкъ... Неужели ты меня не боишься?..

Анисья Тихоновна. Никого я, тятенька, не боюсь...

Молоковъ. Вотъ молодецъ-баба!.. Иди, я тебя поцѣлую... (*цѣлуетъ ее*).

Бѣлоносовъ. Позвольте и мнѣ, Анисья Тихоновна, свою недостойную образину приложить къ вашей ручкѣ...

Анисья Тихоновна. Ну, ужь извините... (*брезгливо прячетъ руки за спиной*). Вы теперь на лягушку походите: глаза слезятся, лицо свѣтится... тьфу!..

Молоковъ. Ха-ха... Тутъ засвѣтится рожа, когда мы закручиваемъ вторыя сутки. Ай да Анисья, гони его, паршивца... Анисья, хочешь, озолочу? Пріискъ мы добыли съ Бѣлоносовымъ, да еще какой пріискъ... ха-ха-ха!.. Всѣхъ завяжемъ въ одинъ узелъ...

Анисья Тихоновна. Мнѣ и своего золота по горло, папенька... Еслибы вы раньше немножко догадались, а теперь поздно.

Молоковъ. Глупая: палка на палку нехорошо, а золото на золото не давитъ... Ну, а что твой-то сахаръ медовичъ, куда онъ отъ меня спрятался?.. Испугался, небось... ха-ха!.. Скажи-ка ступай ему, Анисья, что, молъ, гости тебя ждутъ.

Анисья Тихоновна. Хорошо, я сейчасъ... (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ IX.

Молоковъ и Бѣлоносовъ.

Молоковъ. Вотъ за это за самое и люблю ее, за удаль... Небось, живая въ руки не дастся. Люблю... У нихъ что-то съ мужемъ-то, кажется, тово?..

Бѣлоносовъ. Совсѣмъ на ножахъ дѣло: старикъ-то ревнуетъ, а она его пуще дразнитъ...

Молоковъ. Ай да Анисья, люблю! ха-ха... Пожалуй, Ванькѣ не сдобровать, не по себѣ дерево загнулъ.

Бѣлоносовъ. Сильно ссорятся... Иванъ-то Тимофеичъ все смѣшкомъ да шуточками донимаетъ, придавитъ и отпуститъ, какъ кошка съ мышью, а Анисья Тихоновна въ сомнѣніи его держитъ. Своя политика, и весьма даже вѣрная, потому что Иванъ Тимофеичъ теперь совсѣмъ закружился и не знаетъ, на кого ему броситься. Сильно дичитъ... А знаете, это и со мной бываетъ, Тихонъ Кондратьичъ: какъ выпьешь, такъ и начнетъ казаться, что все куда-то ѣдешь, ѣдешь, ѣдешь...

Молоковъ. А я такъ совсѣмъ наоборотъ: мнѣ изломать чего-нибудь нужно... Вотъ и сейчасъ: такъ бы и хряснулъ

Digitized by Google

всю эту Ванькину музыку (*оглядываетъ мебель*). Въ щепы бы разнесъ...

ЯВЛЕНІЕ X.

Тѣ же и Засыпкинъ.

Засыпкинъ. Ахъ, папенька, какъ я радъ!..

Молоковъ. Здравствуй, здравствуй, зятюшка... А вотъ мы пришли тебѣ непріятность сдѣлать. Такъ, Бѣлоносовъ?

Бѣлоносовъ. Совершенно вѣрно. Мы теперь вамъ покажемъ, какъ порокъ наказывается, а добродѣтель торжествуетъ... (*съ важностью раскуриваетъ сигару*).

Молоковъ. Валяй его, валяй... а потомъ я.

Засыпкинъ. Что же это вы бить меня пришли?..

Молоковъ. А это, какъ ужь найдетъ на меня: хочу помилую, хочу разнесу... въ собственномъ твоемъ домѣ въ щепы тебя разщепаю, Ванька.

Засыпкинъ. Очень пріятно слышать... Говорятъ, вы, папенька, богатое золото нашли.

Молоковъ. А тебѣ на что? Опять околпачить меня хочешь?..

Засыпкинъ. Нѣтъ, я такъ... Жаль мнѣ васъ, папенька, потому много вамъ будетъ лишнихъ хлопотъ съ деньгами-то.

Молоковъ. Не твоя забота, а у меня вонъ какой помощникъ-то (*тычетъ на Бѣлоносова*), кругомъ шестнадцать рюмокъ осилилъ.

Бѣлоносовъ. Ничего, могу-съ...

Засыпкинъ. Что же это я, папенька, какъ-то не могу понять: что вамъ собственно нужно отъ меня?..

Молоковъ. Постой, постой, все еще не могу я разсердиться на тебя настоящимъ манеромъ... Дома страсть что натворилъ: все вверхъ дномъ поставилъ, потомъ захотѣлось мнѣ тебя отлупить. Всю дорогу сердился... Ну, пріѣхалъ сердитый, а тутъ вотъ Анисья меня точно расхолодила—нѣту во мнѣ настоящей злости... Сижу вотъ и стараюсь на тебя, подлеца, разсердиться, а сердца-то и нѣтъ.

Бѣлоносовъ. Да вѣдь Иванъ Тимофеичъ васъ подъ вседонимъ запятилъ?.. А потомъ пріиски отнялъ?..

Засыпкинъ. Да, да... Потомъ дочь отнялъ... (*смѣется*).

Молоковъ. Ванька, ты смѣешься надо мной?.. (*поднимается*). Да я тебѣ разъ игрушка далъся... а?!. Ну, каковъ ты человѣкъ есть?.. Повѣсить тебя мало, мошенника... а?.. (*машетъ рукой*). Нѣтъ, не могу никакъ по настоящему-то... все Анисья виновата, разсмѣшила.

Засыпкинъ. Папенька, да вы не безпокойтесь напрасно: успѣете еще какъ нибудь послѣ избить меня, а теперь не

Digitized by Google

хотите ли закусить, выпить... У меня балычокъ есть свѣженькій, икорка.

Молоковъ. Бѣлоносовъ, ты какъ полагаешь?

Бѣлоносовъ. Да что же тутъ полагать: честь лучше безчестья...

Засыпкинъ. Пожалуйте, господа, прямо въ столовую, я тамъ ужь все приказалъ... я сейчасъ приду, за вами слѣдомъ.

Молоковъ. Водки выпью, такъ, можетъ, лучше разсержусь (*уходятъ*).

ЯВЛЕНІЕ XI.

Засыпкинъ одинъ.

Засыпкинъ (*оглядывается*). Никого нѣтъ... одинъ... Нужно что-то сообразить, а передъ глазами какія-то пятна, круги... Господи, какъ это тяжело!.. Посмѣшищемъ сталъ для всѣхъ... Куда это умъ дѣвается у человѣка?... Топчешься на одномъ смѣтѣ, какъ оглушенный. (*Въ дверяхъ показывается голова Ширинкина и быстро исчезаетъ*). Тошно... (*садится къ столу*). Говорятъ, были въ старину великіе божіи угодники, настоящіе праведники, которые спасали даже самыхъ великихъ грѣшниковъ: душегубцевъ, безбожниковъ, блудницъ, разбойниковъ... души человѣческія спасали. Да... А я все таки порѣшу Анисью: одинъ конецъ...

ЯВЛЕНІЕ XII.

Засыпкинъ и Ширинкинъ.

Засыпкинъ (*не замѣчаетъ Ширинкина*). Господи, а какъ я любилъ ее!.. больше всего на свѣтѣ любилъ... Какъ увидѣлъ я ее, когда она изъ Нижняго пріѣхала, такъ даже свѣтъ изъ глазъ выкатился, а теперь... (*смѣется и плачетъ*).

Ширинкинъ. Иванъ Тимофеичъ, Господь съ вами, что это такое вы говорите?..

Засыпкинъ (*вскакиваетъ и опять садится*). А... это ты, Харитоша. Какъ ты меня испугалъ!..

Ширинкинъ. Я-съ... Вамъ нездоровится, Иванъ Тимофеичъ?..

Засыпкинъ. Мнѣ?.. Съ чего ты это взялъ?.. Впрочемъ, должно быть, дѣйствительно нездоровъ (*щупаетъ голову*).

Ширинкинъ. По словамъ по вашимъ замѣтно-съ, что вы какъ будто не въ себѣ... нехорошія у васъ слова-съ, и смѣхъ тоже. Отлично бы теперь отдохнуть, Иванъ Тимофеичъ: малины испить, рюмочку водки и на боковую. Сейчасъ все воспареніемъ пройдетъ.

Засыпкинъ. Воспареніемъ?

Digitized by Google

Ширинкинъ. Точно такъ-съ... Я всегда такъ дѣлаю. Тоже вотъ мяты хорошо съ липовымъ цвѣтомъ, весьма способствуетъ... полируетъ кровь-съ.

Засыпкинъ. Способствуетъ?.. А если у меня душа болитъ—и тогда помогаетъ?.. Можетъ, у меня тамъ, на душѣ-то ночь темная лежитъ... нѣтъ, хуже ночи. Я вотъ съ тобой разговариваю про липовый цвѣтъ, а самъ, можетъ быть, думаю душу человѣческую загубить...

Ширинкинъ (*плачетъ*). Иванъ Тимофеичъ... голубчикъ... зачѣмъ вы такія слова выговариваете?.. Грѣхъ вамъ большой-съ за это самое будетъ. Надо Богу молиться, вотъ напасть-то сама собой и отвалится, какъ старая короста. Всѣ мы, люди грѣшные, Иванъ Тимофеичъ, на всѣхъ на насъ грѣховъ-то какъ черемухового цвѣту, а только надо прощать-съ... всѣмъ прощать-съ...

Засыпкинъ. Да ты грѣшилъ ли когда нибудь, Харитоша?.. Это тоже болѣзнь въ родѣ запоя: все равно, какъ пьяницу первая рюмочка тянетъ... молитвы въ человѣкѣ нѣтъ... сатана въ немъ сидитъ...

Ширинкинъ. Иванъ Тимофеичъ... голубчикъ... смириться надо, сердце свое утишить... сатанѣ-то тогда нечего дѣлать, какъ таракану въ нетопленой избѣ-съ. Ей богу (*вытираетъ глаза платкомъ*).

Засыпкинъ. О чемъ же ты плачешь, Харитоша?..

Ширинкинъ. Жаль... васъ жаль, Иванъ Тимофеичъ!.. Развѣ я не вижу, какъ вы мучаетесь?..

Засыпкинъ (*смѣется*). Нашелъ тоже, кого жалѣть... ахъ ты, Харитоша, Харитоша, глупый ты человѣкъ!.. Я тебя по міру пустилъ, а ты надо мной же плачешь... Слышалъ? Да развѣ тебя одного! (*машетъ рукой*). Ну, это ужъ мое дѣло, а ты вотъ что, ступай и пошли мнѣ Васю... Мнѣ поговорить съ нимъ нужно.

Ширинкинъ. Хорошо-съ, онъ тутъ гдѣ-то вертѣлся (*нерѣшительно останавливается въ дверяхъ*).

Засыпкинъ. Ну, чего еще сталъ?

Ширинкинъ. Я такъ-съ... (*быстро уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Засыпкинъ одинъ.

Засыпкинъ (*ходитъ по сценѣ*). Нашелся-же человѣкъ, который и меня пожалѣлъ. Тѣ, кого любишь, петлю на шею надѣнутъ, а вотъ человѣка нищимъ сдѣлалъ, да онъ-же меня и жалѣетъ. А Лена?.. Ну, она, конечно, поплачетъ... потомъ выйдетъ замужъ и забудетъ про отца. Что такое думалъ сейчасъ?.. Да, Анисью убью, а потомъ себя... Помню Анисью,

Digitized by Google

какъ она еще дѣвочкой была, на рукахъ нашивалъ, баловалъ ее, а теперь... Нѣтъ, не буду думать! скорѣе, скорѣе!..

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Засыпкинъ, Воротовъ и Ширинкинъ.

Ширинкинъ. Вотъ и Вася, Иванъ Тимофеичъ.

Засыпкинъ. Отлично... Ну, Вася, иди сюда, сядемъ рядкомъ да поговоримъ ладкомъ (*усаживаетъ его съ собой на диванъ*).

Ширинкинъ. А мнѣ, Иванъ Тимофеичъ, прикажете уйти-съ?..

Засыпкинъ. Какъ знаешь... Впрочемъ, оставайся, мнѣ тебя нужно.

Ширинкинъ (*усаживается на стулъ*). Я вотъ тутъ на кончикѣ. Посижу-съ...

Засыпкинъ (*гладитъ Воротова по спинѣ рукой*). Ну, Вася, нужно мнѣ съ тобой поговорить... Я тебя звалъ... Постой, зачѣмъ я тебя звалъ?.. Ахъ, да, ты видѣлъ Анисью?..

Воротовъ. Видѣлъ-съ... то есть нѣтъ. Со вчерашняго дня не видалъ...

Засыпкинъ (*укоризненно качаетъ головой*). Эхъ, Вася не хорошо... Не научился, видно, ты еще обманывать-то. И Бѣлоносова не видалъ?..

Ширинкинъ (*вскакиваетъ*). Тихонъ Кондратьичъ пьяные-съ спятъ на диванѣ въ столовой, а Бѣлоносовъ съ Анисьей Тихоновной сидятъ въ гостинной-съ...

Засыпкинъ. Да, да, я знаю... Такъ и должно быть. Зачѣмъ ты, Вася, обманываешь меня, голубчикъ?.. Моихъ сѣдыхъ волосъ жаль?...

Воротовъ (*смущенно*). Я такъ, Иванъ Тимофеичъ... самъ не знаю, какъ сболтнулъ.

Ширинкинъ. А ты правду говори, Васенька, правда-то всегда лучше.

Засыпкинъ. Что же, я не скрываю ни отъ кого своего стыда... Анисья сама ищетъ себѣ любовниковъ, сама свиданья назначаетъ. Пусть походятъ, пусть помилуются, а отъ моихъ рукъ не уйдутъ... Такъ, Вася?..

Воротовъ. Не знаю-съ...

Засыпкинъ. Да это ужь рѣшено и подписано... А мнѣ тебя, Вася, нужно вотъ на что: всѣ мы—грѣшные люди, подъ Богомъ ходимъ—сегодня живъ, а завтра неизвѣстно. Понимаешь?.. Ну, дочь у меня одна останется... дѣвушка она еще молодая, а посмотрѣть за ней некому... Мало ли что можетъ случиться, на грѣхъ мастера нѣтъ... Такъ вотъ я и хотѣлъ попросить тебя, Вася... какъ роднаго сына... Васенька, го-

Digitized by Google

бубчикъ, не оставляй Лену... (*вытираетъ глаза платкомъ. Ширинкинъ отвертывается лицомъ къ двери и тоже вытираетъ глаза платкомъ*). Будь ей роднымъ братомъ.

Воротовъ. Иванъ Тимофеичъ, что вы... точно умирать собрались.

Засыпкинъ. Въ животѣ и смерти Богъ воленъ: можетъ, и умереть придется... А ты, Вася, дай мнѣ великую клятву, что будешь хранить Лену, какъ зѣницу ока. У меня больше никого нѣтъ, вся надежда на тебя... Такъ вотъ ты и поклянись, сейчасъ же поклянись, а Харитоша будетъ свидѣтелемъ.

Воротовъ. Да вы меня переживете, Иванъ Тимофеичъ... что вы въ самомъ дѣлѣ прежде смерти собрались умирать?..

Засыпкинъ. Нѣтъ, Вася, ты ничего не знаешь... (*вынимаетъ изъ кармана револьверъ*). Вотъ изъ этой штучки сначала уложу Анисью, а потомъ, можетъ... (*Воротовъ испуганно вскакиваетъ*). Ты чего это испугался, Вася?.. А потомъ...

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ же и Анисья Тихоновна быстро входитъ.

Анисья Тихоновна (*хватаетъ мужа за руку*). Это еще что такое? Револьверъ... батюшки, какъ страшно! Хаха... Да вы, Иванъ Тимофеичъ, кажется, совсѣмъ съ ума спятили!..

Засыпкинъ (*вырываетъ руку*). Оставь!.. Не твое дѣло... ступай, откуда пришла, а то сейчасъ убью тебя, змѣю...

Анисья Тихоновна. Ну, бей... бей!..

Засыпкинъ (*безсильно опускаетъ руку съ револьверомъ*). Анисья... нѣтъ, мало тебя убить... слышишь: мало!!

Воротовъ (*бросается на колѣни передъ Засыпкинымъ*). Иванъ Тимофеичъ... убейте меня... меня убейте!..

Анисья Тихоновна (*старается зажать ему ротъ рукой*). Васька... молчать!.. Вася... Васенька... опомнись, голубчикъ!..

Засыпкинъ (*отталкиваетъ жену*). Нѣтъ, пусть говоритъ все... все!.. Вася, говори...

Воротовъ. Убейте меня, какъ собаку... я... я...

ЯВЛЕНІЕ XVI.

Тѣ же и Лена вбѣгаетъ на крикъ, въ дверяхъ показываются испуганныя лица **Маоны Лукинишны, Мосевны, Бѣлоносова и Молокова.**

Лена (*подбѣгаетъ къ отцу и хочетъ защищать собой Воротова*). Папа, папочка... я тоже виновата... (*закрываетъ лицо руками*).

Digitized by Google

Анисья Тихоновна (*толкаетъ Воротова въ плечо*). Уходи, несчастный... слышишь?..

Засыпкинъ (*отталкиваетъ дочь*). Прочь отъ меня... Елена, уйди!... Не твое здѣсь дѣло...

Лена. Папочка... я виновата... я должна выйти за Васю...

Засыпкинъ (*оглядывается кругомъ*). Что такое?.. Гдѣ я?..

Воротовъ. Иванъ Тимофеичъ, я обманулъ Лену... и васъ обманывалъ съ Анисьей Тихоновной (*указываетъ на нее*) вотъ моя любовница... она научила меня, чтобы обмануть Лену и жениться на ней...

(*Лена съ крикомъ падаетъ, Ширинкинъ бросается къ ней и старается поднять ее*).

Анисья Тихоновна (*Воротову*). Врешь, подлецъ!! Я ничего не знаю...

Засыпкинъ (*отводитъ ее въ сторону*). Анисья, постой...

Анисья Тихоновна. Я ничего не знаю... онъ все вретъ!..

Засыпкинъ. Анисья, будетъ... гдѣ я?..

Ширинкинъ. Слава богу, очнулась...

(*Стоявшія въ дверяхъ лица окружаютъ Лену и стараются ее увести*).

Засыпкинъ. Оставьте... не троньте!.. Гдѣ я?.. (*подходитъ къ дочери и хочетъ опуститься передъ ней на колѣни*).

Лена. Папа... папа... я не знала... я...

Засыпкинъ. Лена... Господи, что это такое? (*бьетъ себя кулаками въ грудь и хватается за голову*). Идите сюда всѣ... Анисья... Вася... Я одинъ виноватъ... во всемъ виноватъ... мой грѣхъ...

Ширинкинъ (*хочетъ увести его*). Иванъ Тимофеичъ, Господь съ вами... опомнитесь!..

Засыпкинъ (*вырывается*). Мой грѣхъ... одна была у меня дочь, и ту загубилъ!.. Всю жизнь добрыхъ людей грабилъ... двухъ женъ уходилъ, хотѣлъ третью убить... простите!..

(*Занавѣсъ*).

Д. Маминъ (Сибирякъ).

Digitized by Google

Старый садъ.

Люблю я этотъ старый садъ,—
Онъ милъ, какъ мгла воспоминанья;
Съ тоской впиваю ароматъ
Его осенняго дыханья.
Вздыхаю тихо и грущу,
Входя въ забытыя аллеи;
Я мѣсто милое ищу...
Тропинки узкія, какъ змѣи,
Тамъ, извиваясь, бѣгутъ
По склону двухъ холмовъ—и вмѣстѣ
Онѣ сплетаются, гдѣ прудъ
Блеститъ, какъ сталь...—На этомъ мѣстѣ
Я въ раннемъ дѣтствѣ отдыхалъ,
Тамъ гнулись блѣдныя ракиты
И я подъ сѣнью ихъ мечталъ...
О чемъ? Мечты тѣ позабыты!..
Но я люблю и до сихъ поръ
Тропинку узкую, какъ змѣйку,
И сѣнь ракитъ, и ту скамейку,
Гдѣ услѣдитъ прилежный взоръ
Ножомъ начерченныя строки
Элегій томныхъ, при лунѣ,
Когда мнѣ первые уроки
Дарила муза въ тишинѣ.
И въ часъ, когда мечта приводитъ
Меня сюда, вздыхаю я:
Мое младенчество здѣсь бродитъ,
Здѣсь дремлетъ молодость моя...

К. Фофановъ.

Digitized by Google

ГАЛЛОФОБІЯ ВЪ НАШЕЙ ЛИТЕРАТУРѢ ПРОШЛАГО ВѢКА.

La vérité ne fait pas tant de bien dans le monde, que les apparences de la vérité font de mal.

(La Rochefoucault).

„Царствованію Екатерины принадлежитъ вся честь водворенія въ нашемъ отечествѣ полезныхъ наукъ, которыя разительнѣйшимъ образомъ начали имѣть вліяніе на нравственность". (*Зап. Вигскаго.* „Р. Арх." 1877 г., стр. 86).

I.

Реформа Петра Великаго положила начало возрожденію русскаго общества къ новой, лучшей жизни, къ жизни народовъ, которые предназначены—проникнуться духомъ цивилизаціи и развивать ее. «Во истину могу я сказать,—говоритъ Щербатовъ,—что если, вступя послѣ другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ,—мы, подлинно, въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ, можно сказать, удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шли къ поправленію нашихъ внѣшностей». Если реформа имѣла иногда своимъ слѣдствіемъ странныя и даже прискорбныя явленія, то это было нашей собственной виной, потому что мы не умѣли сообразить разницы мѣстныхъ условій и не примѣнили у себя въ болѣе пригодной формѣ результатовъ западной цивилизаціи, готовой передавать намъ свое «послѣднее слово». Въ этомъ, конечно, виновата не западная цивилизація, виноваты мы сами, наша тогдашняя молодость и неразвитость. Медленно и съ трудомъ усвоивая себѣ свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и тѣ гуманныя идеи, которыя были вызваны къ жизни западной цивилизаціей, мы, какъ дѣти, бросились на то, что манило насъ яркостью и блескомъ—на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія. Иначе и быть не могло. Русское общество первой половины прошлаго столѣтія всего менѣе могло похвалиться развитіемъ нравственной стороны личности, пониманіемъ и признаніемъ правъ человѣческаго достоинства, вообще, мягкостью и человѣчностью отношеній. Но

Digitized by Google

въ этомъ нельзя обвинять тогдашнее общество: его ближайшее прошедшее было не таково, чтобы изъ него можно было вынести благотворныя преданія, а внѣшнимъ подражаніемъ западной жизни трудно было восполнить этотъ недостатокъ. Политическіе перевороты, начавшіеся со смерти Петра Великаго до вступленія на престолъ Екатерины II-й, не могли воспитать въ обществѣ чувства законности; напротивъ, они открывали широкій просторъ личному произволу, развивая въ общественныхъ дѣятеляхъ себялюбивую предпріимчивость, презрѣніе къ опасности и жажду грубыхъ матеріальныхъ наслажденій. Среди этихъ переворотовъ не было времени выработаться прочнымъ нравственнымъ убѣжденіямъ. Въ жизни высшаго общества, по свидѣтельству иностранныхъ писателей и запискамъ русскихъ современниковъ, встрѣчаются извѣстія о такихъ явленіяхъ, которыя странно ладили съ внѣшнимъ лоскомъ цивилизаціи:—въ общественной жизни еще долго сохранялась грубая основа прежняго быта, прикрытая поверхностными формами европейской свѣтскости. Варварство публичныхъ казней шло рука объ руку съ деспотизмомъ и грубостью семейной жизни; повсюду на первомъ планѣ стояла по преимуществу физическая, матеріальная сторона человѣческой природы, въ явный ущербъ духовному и нравственному развитію. Отсутствіе въ обществѣ высшихъ интересовъ,—интересовъ искусства и науки,—по необходимости погружало человѣка въ тину будничныхъ мелкихъ заботъ.

Если высшее общество хранило въ себѣ такъ мало гуманныхъ началъ, то низшіе классы представляли еще менѣе благопріятную почву для ихъ развитія. Большая часть народонаселенія, естественно, не могла понять выгодъ реформы, выгодъ сближенія съ образованнымъ міромъ. Сельское населеніе, прикрѣпленное еще съ XVI столѣтія къ землѣ и удаленное отъ общенія съ другими сословіями, тѣмъ самымъ устранено было на долгое время отъ всякаго участія въ умственномъ развитіи, замкнулось и коснѣло въ прежнихъ формахъ быта, куда не только не проникало слѣдовъ европейскаго образованія, но и слѣды русскаго образованія были мало замѣтны. Въ бытѣ мелкаго и средняго дворянства можно было замѣтить всѣ степени перехода отъ исключительнаго господства понятій и нравовъ Домостроя до безсмысленнаго соединенія тѣхъ же понятій съ подражаніемъ нѣмецкимъ и французскимъ пріемамъ и модамъ, подъ обманчивымъ покровомъ которыхъ долгое время сохранялась грубая основа прежняго быта [1]).

По смерти Петра Великаго, при вступленіи на престолъ императора-отрока, едва вышедшаго изъ дѣтскаго возраста, надежда возвратить старый порядокъ вещей воскресла среди приверженцевъ старины, которыхъ было немало при тогдашнемъ русскомъ дворѣ. «Къ чему всѣ эти затѣи?—

---

[1]) См. статью „*Ешевскаго*: Замѣчанія къ статьѣ „Новиковъ и Шварцъ". „Русск. Вѣстникъ" 1857, ноябрь.

Digitized by Google

говаривалъ князь Дмитрій Голицынъ,—развѣ мы не можемъ жить такъ, какъ живали наши дѣды и отцы, которые не пускали къ намъ иностранцевъ?» Несмотря на эти патріотическія выходки, господство нѣмцевъ водворилось у насъ на Руси; выходцы этой націи наводнили наше отечество: и первые сановники двора, и первые ученые, академики, профессора были нѣмцы; почти всѣ ремесла были въ рукахъ этой націи. Знаніе нѣмецкаго языка было «необходимо нужно», пишетъ Татищевъ въ своей «Духовной», «для извѣстія о состояніи государства нашего». Какъ модному въ то время языку, ему отведено было видное мѣсто въ «свѣтскихъ наукахъ»; изученіе права и умѣніе складно писать по русски считалось одинаково важнымъ, какъ и знаніе этого новаго языка [2]).

Господство нѣмцевъ продолжалось вплоть до вступленія на престолъ императрицы Елизаветы, съ воцареніемъ которой соединяли изгнаніе всѣхъ иноземцевъ изъ Россіи. Насколько велико было чувство ненависти къ иновѣрцамъ, захватившимъ въ свои руки управленіе, можно видѣть изъ проповѣдей того времени, въ которыхъ нетрудно замѣтить подъ торжественнымъ тономъ церковнаго краснорѣчія радостное чувство освобожденія отъ иноземцевъ. «Доселѣ дремахомъ,—говорилъ, напримѣръ, Кириллъ Флоринскій въ своей проповѣди, 18 декабря 1741 года,—а нынѣ увидѣхомъ, что Остерманъ и Минихъ съ своимъ сонищемъ влѣзли въ Россію, яко эмиссаріи діавольскіи, имъ же, попустившу Богу, богатства, слава и честь желанная приключишася, сія бо имъ обѣтова сатана, да подъ видомъ министерства и вѣрнаго услуженія государству Россійскому, еже первѣйшее и дражайшее всего въ Россіи правовѣріе и благочестіе не точію превратятъ, но и искореня, истребятъ» [3]). Другой проповѣдникъ, Амвросій Юшкевичъ, тогда же долгомъ счелъ въ своей проповѣди, между прочимъ, такъ отозваться объ иноземцахъ: «Разговору бо̀льшаго у нихъ не было, какъ токмо о людяхъ ученыхъ. О Боже! какъ-то несчастлива Россія, что людей ученыхъ не имѣетъ и ученія завесть не можетъ! Не знающій человѣкъ ихъ хитрости и коварства думалъ, что они-то говорятъ отъ любви и ревности къ Россіи; а они для того нарочно, чтобъ, гдѣ-нибудь сыскавъ человѣка ученаго, погубить его» [4]).

Со временъ императрицы Елизаветы стало замѣтно у насъ французское вліяніе. Несмотря на неудачи послѣднихъ годовъ царствованія Людовика XIV, воспоминанія о блескѣ его двора не могли изгладиться, и Европа, не видавшая дотолѣ ничего подобнаго, невольно поддавалась тому впеча-

---

[2]) См. „Духовная тайнаго совѣтника и астраханскаго губернатора Вас. Никит. Татищева, сочиненная въ 1733 г., сыну его Евгр. Васильевичу". Печ. Спб. 1773, стр. 16.

[3]) См. „Исторію" Соловьева. Т. XXI, стр. 183.

[4]) „Исторія Имп. Акад. Наукъ" Пекарскаго. Т. II, стр. 3.

Digitized by Google

тлѣнію, которое производилъ дворъ этого монарха. Усвоивать обычаи и языкъ французскій было тогда общимъ стремленіемъ, которое невольно нашло себѣ отраженіе при нашемъ дворѣ. Французскій языкъ, проникшій къ намъ, какъ языкъ дипломатическій, скоро одержалъ верхъ надъ своимъ неуклюжимъ соперникомъ—нѣмецкимъ языкомъ,—и сдѣлался какъ бы мѣриломъ благовоспитанности. «Стоя въ партерахъ, свелъ я,—говоритъ Фонъ-Визинъ,—знакомство съ сыномъ одного знатнаго господина, которому физіономія моя понравилась; но какъ скоро спросилъ онъ меня, знаю ли я по французски, и услышалъ отъ меня, что не знаю, то онъ вдругъ перемѣнился и ко мнѣ похолодѣлъ: онъ счелъ меня невѣждою и худо воспитаннымъ, началъ надо мною шпынять». Благодаря этому новому вліянію, съ пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія начинается усиленный переводъ иностранныхъ сочиненій, преимущественно съ французскаго. Одинъ изъ переводчиковъ того времени, извѣстный Николай Поповскій, въ предисловіи къ своему переводу «Опыта о человѣкѣ», указывая на недостатки его, говоритъ: «Иностранныхъ книгъ на россійскій языкъ переведено еще мало, то усердно желаю, чтобы любители наукъ и истинные патріоты въ пользу и славу Россіи къ сему достохвальнѣйшему дѣлу труды свои обратили». Желанія Поповскаго сбылись: многіе любители наукъ принялись за тяжелый въ то время трудъ переводчика, тяжелый—во-первыхъ, потому, что литературный языкъ только что начиналъ образовываться; во-вторыхъ, хорошихъ пособій для изученія иностранныхъ языковъ тогда почти не существовало. Несмотря на это, переводили много, хотя иногда оригиналы переводовъ были не по плечу переводчикамъ. Тотъ же Поповскій дѣлаетъ, напр., такое признаніе въ своемъ предисловіи къ «Опыту о человѣкѣ»: «Позволено, чаю, будетъ мнѣ признаться, что нѣкоторыя мѣста мнѣ были не весьма вразумительны, которыя я переводилъ наудачу». Эта переводная, долго находившаяся подъ протекціей, литература была достояніемъ высшаго общества, тогдашней интеллигенціи, и, какъ переводная, чужая, не могла быть народной литературой. У народа,—вѣрнѣе, низшихъ классовъ его,—была своя литература: пѣсни и сказки, бо́льшею частью переходившія изъ рода въ родъ живымъ словомъ или въ рукописи; наконецъ, апокрифическая литература. На этой литературѣ воспитывались поколѣнія; по ней слагался образъ мыслей цѣлой массы людей, которыхъ интересовали религіозные и космогоническіе вопросы.

Съ вошествіемъ на престолъ Екатерины II-й, новое литературное движеніе развивалось съ бо́льшею силою и отличалось нѣсколько инымъ характеромъ. Въ 1768 году, въ Петербургѣ открылась, по иниціативѣ императрицы, «комисія для печатанія на русскомъ языкѣ хорошихъ иностранныхъ книгъ». Сама императрица заводитъ прямыя сношенія съ корифеями просвѣтительной литературы: зоветъ д'Аламбера въ наставники цесаревича Павла, предлагаетъ Дидро русскіе типографскіе станки для изданія «Эн-

Digitized by Google

циклопедіи», гонимой на родинѣ духовенствомъ, гордится похвалами Вольтера; признаетъ себя его ученицей. «Вольтеръ—мой учитель»; пишетъ она Гримму въ 1778 году. «Онъ, вѣрнѣе, его произведенія — образовали мой умъ, мою голову. Когда я была моложе, я любила нравиться ему; мнѣ самой нравились только тѣ мои дѣянія, которыя были достойны быть сообщенными Вольтеру» [5]). Она провозглашаетъ самые широкіе принципы, которыхъ достигала тогда просвѣтительная литература. Въ образецъ и поученіе русскому обществу выставляются Монтескьё, Беккаріа, Дидро, д'Аламберъ, Вольтеръ и др., изъ произведеній которыхъ многое послужило основой для составленія нравственнаго и соціальнаго кодекса русскаго общества. Въ русскомъ переводѣ появлялись сочиненія, которыя преслѣдовались даже на ихъ родинѣ; «Велизарій» Мармонтеля переведенъ былъ почти въ то же время, когда подлинникъ этой книги жгли рукой палача въ Парижѣ.

Французская литература, правда, еще и прежде была образцомъ для нашей; но вліяніе ея ограничивалось чисто внѣшними литературными вопросами: Вольтеръ извѣстенъ былъ, какъ авторъ «Меропы», а не «Философскаго Словаря»; Дидро—какъ изобрѣтатель «мѣщанской трагедіи», а не какъ глава экциклопедистовъ. Въ царствованіе Екатерины II-й, французскую литературу стали понимать глубже, благодаря большему знакомству съ нею. Инціатива въ дѣлѣ знакомства русскаго общества съ идеями просвѣтительной литературы принадлежала не самому обществу, а правительству; общество нерѣдко играло при этомъ чисто пассивную роль: его наводили на тотъ путь, по которому оно могло достигнуть правительственной цѣли. Если просвѣтительная дѣятельность Петра Великаго имѣла въ виду чисто-матеріальныя выгоды государства и постоянно была направлена къ этой цѣли, то просвѣтительная дѣятельность Екатерины II-й имѣла цѣлью *укоренить* реформу Петра, которая сначала была навязана какъ нѣчто внѣшнее, что должно быть принято всецѣло, безъ разсужденій, по одному мановенію державной руки. Движеніе, начавшееся въ царствованіе Екатерины II-й, было ничто иное, какъ первая попытка ввести русскую нарядность, какъ элементъ, въ общеевропейскую цивилизацію; оно было орудіемъ для укорененія реформы Петра.

Пробужденная любознательность искала себѣ все болѣе и болѣе удовлетворенія, и дѣйствительно все, сколько нибудь замѣчательное въ литературѣ, преимущественно французской, можно смѣло найти въ нашей переводной литературѣ второй половины прошлаго вѣка. Все это переводилось, читалось, переписывалось людьми всякаго званія и распространялось по отдаленнымъ угламъ Россіи. Винскій, въ своихъ любопытныхъ запис-

---

[5]) „Русская Старина" 1884 г. № 5, стр. 227.

Digitized by Google

кахъ, говоритъ, что онъ для переводовъ «надрывался выбирать любопытнѣйшее, трудился нелѣпостно» и имѣлъ удовольствіе встрѣтить свои переводы, ему же предлагаемые за новинку, вывезенные изъ Сибири, а въ Казани и Симбирскѣ, по словамъ Винскаго, они весьма многимъ были извѣстны [6]). На его примѣрѣ мы видимъ пути, которыми въ отдаленнѣйшихъ закоулкахъ нашего отечества распространялись гуманныя идеи XVIII в. и шелъ внутренній ростъ нашей образованности, обыкновенно столь неуловимый для наблюдателей и поражающій иногда неожиданными фактами. Наибольшимъ интересомъ въ русскомъ обществѣ пользовались сочиненія Вольтера, которыя печатались не только въ Петербургѣ и Москвѣ, но и въ провинціяхъ. Конечно, не всѣ произведенія были допущены къ печати; но «письменный» Вольтеръ былъ также распространенъ, какъ и «печатный»: сочиненія, направленныя противъ религіозныхъ вѣрованій, разносились въ рукописяхъ по отдаленнымъ угламъ Россіи и вызывали особый интересъ къ себѣ, какъ къ «запрещенному плоду». Въ «предувѣдомленіи» къ русскому переводу «Вольтеровыхъ заблужденій» читаемъ: «Правда, любезное наше отечество донынѣ предохранялось еще отъ самой вреднѣйшей части Вольтерова яда, и въ скромной нашей литературѣ не видимъ еще самыхъ возмутительныхъ и нечестивѣйшихъ его книгъ; но, можетъ быть, отъ сего предохранены только книжныя наши лавки, между тѣмъ какъ сокровенными путями повсюду разливается вся его зараза, ибо письменный Вольтеръ становится у насъ извѣстенъ столько жъ, какъ и печатный» [7]).

Интересъ къ сочиненіямъ Вольтера обусловливался тѣмъ, что онъ популяризировалъ тѣ скептическія идеи, которыя встрѣчались у его французскихъ и англійскихъ предшественниковъ. Благодаря своему таланту, онъ умѣлъ однимъ словомъ, одною язвительною насмѣшкою посягнуть на цѣлый строй установившихся понятій. Страстная борьба противъ принятаго ученія составляетъ цѣль и исходную точку почти всѣхъ сочиненій Вольтера, который всегда смотрѣлъ на эту борьбу, какъ на главную задачу своей жизни. Многія вѣрованія казались ему суевѣріями. Въ своихъ письмахъ къ друзьямъ Вольтеръ яснѣе, чѣмъ въ своихъ сочиненіяхъ, отождествлялъ низверженіе господствующихъ идей со счастіемъ и успѣхами человѣчества [8]).

Распространеніе сочиненій Вольтера не могло остаться безъ вліянія на русское общество. «Вѣра, не тронутая въ своемъ составѣ,—говоритъ Винскій,—начинала въ сіе время нѣсколько слабѣть: несодержаніе постовъ,

---

[6]) „Русскій Архивъ“ 1877 г., № 2, стр. 184.

[7]) См. „Вольтеровы заблужденія, обнаруженныя аббатомъ Нонотомъ“. Москва. 1793 г. „Предувѣдомленіе“.

[8]) „Исторія всеобщей литературы, Геттнера“. Т. II-й, стр. 131.

Digitized by Google

бывшее доселѣ въ домахъ вельможескихъ, начинало уже показываться въ состояніяхъ низшихъ, какъ и невыполненіе нѣкоторыхъ обрядовъ съ вольными отзывами насчетъ духовенства и самыхъ догматовъ, чему виною можно поставить тѣснѣйшее сообщеніе съ иностранцами и начавшія выходить въ свѣтъ сочиненія Вольтера, Ж. Ж. Руссо и другихъ, которыя читались съ крайнею жадностью» [9]).

По свидѣтельству Фонъ-Визина, были такіе скептики, которые вмѣняли себѣ въ стыдъ не быть съ Вольтеромъ одного мнѣнія. «Непостижимо, какъ повсемѣстно было его (Вольтера) имя, говоритъ М. Дмитріевъ въ своихъ «Мелочахъ». «Я помню (это было въ моемъ малолѣтствѣ, въ деревнѣ, въ захолустьѣ), пріѣхавшая къ намъ изъ Сызрани женщина, безграмотная и простаго званія, говорила о комъ-то, что онъ держится Вольтеровой вѣры: она хотѣла этимъ назвать безвѣріе». Онъ помнитъ время, когда насмѣшки надъ религіей не только извинялись, какъ шутка, но были даже признакомъ остроумія [10]).

II.

Противъ «вольтерьянцевъ», «вольтеровой вѣры», словомъ, противъ новаго литературнаго движенія, находившагося подъ правительственной протекціей, не замедлило появиться обличительное слово, которое, какъ и слѣдовало ожидать, раздалось съ церковной каѳедры: проповѣдники того времени въ своихъ проповѣдяхъ не замедлили коснуться этого общественнаго «недуга». Еще въ 1766 г. придворный проповѣдникъ и законоучитель наслѣдника, архимандритъ Платонъ, впослѣдствіи митрополитъ московскій, разсуждая о заблужденіяхъ разума, говоритъ въ одной изъ своихъ проповѣдей, сказанныхъ въ присутствіи императрицы и наслѣдника: «Вѣдаете вы, какихъ, между прочимъ, смѣшныхъ мнѣній были изобрѣтатели тѣ, коихъ древность за философовъ почитала. Есть и нынѣ такі мудрецы-самозванцы, которые, будучи надменны сами собою, и иныхъ своими страстными мнѣніями поработить хотятъ и, удивительнымъ какимъ-то образомъ, другихъ повреждая и безчестя, чрезъ то себѣ славу снискиваютъ» [11]). Другой проповѣдникъ, архимандритъ Борисо-Глѣбскаго монастыря Иринеи, въ «Словѣ въ недѣлю православія» говоритъ: «Науки нынѣшняго вѣка, мнѣнія политическія, хитрости, до выгодъ нашихъ принадлежащія, упражняютъ весь нашъ умъ къ удовольствію нашего само-

---

[9]) „Русск. Арх." 1877 г., № 1, стр. 103.

[10]) „Мелочи изъ запаса моей памяти", М. Дмитріева, стр. 50.

[11]) См. „Продолженіе поучительныхъ словъ, сказываннхъ при высочайшемъ дворѣ арх. Платономъ". Спб. 1766 г. стр. 32.

Digitized by Google

любія, гордости и любопытства. А вѣра, святѣйшая вѣра, почитается дѣломъ, вышедшимъ изъ употребленія. Все другое нами знаемо есть, опричь только вѣры, которая у насъ находится въ полномъ небреженіи» [12]). Въ другомъ «Словѣ» тотъ же проповѣдникъ, не называя Вольтера по имени, обращается, видимо, къ нему: «Несчастный безвѣръ! ты для тщетнаго имени автора и для пріобрѣтенія той ложной славы, что ты пишешь живо и пріятно, подвергаешь себя вѣчному безчестію. Какое безуміе оживляетъ тебя, что изрыгаешь ядъ своей развратности не только въ своемъ округѣ, но и по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ твои положенія будутъ находиться, не только для современныхъ тебѣ, но и для будущихъ по тебѣ? Какая казнь, соразмѣрная злости твоей, тебѣ можетъ быть наложена? Несчастный! кажется мнѣ, что я вижу тебя между толпою оныхъ жертвъ, кои, по отмщенію божію, отвержены отъ блаженныя вѣчности. Кажется, что я тебя вижу среди тѣхъ недостойныхъ добычей, кои, писаніями твоими соблазнившись, достались въ жертву искони человѣкоубійцѣ, и что они произносятъ къ тебѣ сіи страшныя слова: варваръ! не довольно ли было тебѣ одному услаждаться пороками и ложью? за честь ли ты поставлялъ себѣ вдохнуть то и намъ? Не довольно ли было—тебѣ для себя своевольно затворить входъ въ вѣчное блаженство? Должно ли было и намъ оный заградить твоими гнусными толкованіями и гнуснымъ примѣромъ? Не довольно ли тебѣ было ввергнуть себя въ сей тартаръ? Должно ли было и насъ съ собою повлещи? Ты былъ развратителемъ нашимъ во времени,—мы будемъ мучителями тебѣ въ вѣчности [13]).

Но среди духовенства находились люди, которые далеко не такъ смотрѣли на переводную литературу, получившую такое развитіе по мановенію державной руки, начертавшей «Наказъ». Архіепископъ тверской Гавріилъ принялъ посвященіе перевода «Велизарія» Мармонтеля,—сочиненія, «разрушающаго божественный законъ». Императрица сама принимала участіе въ этомъ переводѣ, и ей, по свидѣтельству И. И. Дмитріева, принадлежитъ IX-я глава, которая «дышетъ либерализмомъ, ненавистью къ ласкателямъ и самовластію». Обличенія философовъ, натуралистовъ, или «вещественниковъ», раздававшіяся съ церковной каѳедры, какъ нельзя болѣе находили себѣ отголосокъ во взглядахъ тѣхъ людей, которымъ нелюбо было общеніе съ Западомъ и симпатіи которыхъ приковывала къ себѣ до-петровская Русь. Эти люди видѣли и знали, по чьему приказанію начатъ былъ переводъ книгъ, «разрушающихъ божественный законъ», но

---

[12]) „Поучительныя слова, сказанныя въ разныя времена арх. Иринеемъ“ Ярославль. 1785 г. стр. 29.

[13]). Ibid. ст. 82. Очевидно, проповѣдникъ пользовался, при составленіи проповѣди, сочиненіемъ Лопухина: „О злоупотребленіи разума нѣкоторыми новыми писателями“.

Digitized by Google

заявить объ этомъ, по слишкомъ тѣсной цензурной рамкѣ того времени, не могли. «Упоенная безразсмысленнымъ чтеніемъ новыхъ писателей (Екатерина), законъ христіанскій ни за что почитаетъ. Какъ яи скрываетъ своихъ мыслей, но оныя многажды въ бесѣдахъ ея открываются; а дѣянія иначе доказуютъ: многія книги Вольтеровы, разрушающія законъ, по ея повелѣнію, были переведены, яко: Кандидъ, Принцесса Вавилонская и проч.; и Белизеръ Мармонтелевъ, не полагающій никакой разности между добродѣтели язычниковъ и добродѣтели христіанской, не токмо обществомъ, по ея повелѣніямъ, былъ переведенъ, но и сама участницею перевода онаго была». Въ этомъ небольшомъ отрывкѣ изъ трактата Щербатова: «О поврежденіи нравовъ», какъ нельзя лучше, выразился взглядъ тѣхъ людей, которые недовѣрчиво, даже враждебно относились къ реформамъ Петра Великаго,—взглядъ тѣхъ «старомanерныхъ», которыхъ можно назвать славянофилами екатерининскаго времени. Въ ихъ глазахъ реформы Петра Великаго представлялись хотя и нужными, но доведенными до крайности; они видѣли въ русской современности только развратъ, а до-петровская старина представлялась въ болѣе привлекательныхъ формахъ, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Недовольство настоящимъ естественно рождаетъ сочувствіе къ прошедшему, вытѣсненному настоящимъ; и въ природѣ человѣка лежитъ — нѣсколько преувеличивать дурныя стороны настоящаго и свѣтлыя прошедшаго. Это психологическое условіе нельзя терять изъ виду при оцѣнкѣ такихъ общественныхъ дѣятелей, какъ Новиковъ, Щербатовъ и др.; ихъ увлеченія до-петровской стариной вовсе не доказываютъ ихъ умственной близорукости, а, напротивъ, доказываютъ ихъ живое отношеніе къ дѣлу и являются протестомъ противъ окружавшей, непріязненной имъ, новизны.

Если мнѣнія Щербатова о современномъ ему состояніи Россіи не могли всецѣло появиться, по своей рѣзкости, въ печати, то отголоски этихъ мнѣній можно найти въ литературной дѣятельности Новикова, который въ 1769 году выступилъ самостоятельнымъ писателемъ. Онъ былъ одинъ изъ первыхъ русскихъ людей, которые отдали себя исключительно служенію русской литературѣ, а не казенному тяглу, что, по своей новизнѣ и рѣдкости, казалось тогда страннымъ, а впослѣдствіи навлекло на него подозрительность правительства. Въ мнѣніяхъ Новикова и Щербатова есть много общаго.

Если Щербатовъ въ «истребленіи вѣры и божественнаго закона въ сердцахъ» видѣлъ послѣдствіе общенія нашего съ Западомъ, то и у Новикова можно найти ту мысль, что образованіе мало нужно для русскихъ людей, что оно только испортило ихъ. Въ одной «вѣдомости», помѣщенной въ «Трутнѣ», тверской мѣщанинъ только силой своихъ природныхъ дарованій поднимаетъ на смѣхъ дворянина, «обучавшагося въ нѣкоторомъ

Digitized by Google

славномъ нѣмецкомъ университетѣ»[14]). Щербатовъ относится сочувственно къ сельскому сословію; говоритъ, что пороки господствуютъ въ высшихъ слояхъ общества, что добродѣтель изгнана изъ городовъ, и ждетъ того времени, когда она возвратится изъ селъ; также точно и Новиковъ, слишкомъ увлекаясь сферой мѣщанства и крестьянства, рисуетъ яркими красками невѣжество, забвеніе семейныхъ узъ,—словомъ, развратъ, царившій среди высшихъ классовъ общества, и противополагаетъ ему твердыя нравственныя основы у крестьянъ. Новиковъ выступилъ на литературное поприще съ заранѣе обдуманнымъ планомъ—пробудить въ русскомъ обществѣ самосознаніе, уваженіе къ своей странѣ, къ своему народу, и тѣмъ самымъ противодѣйствовать французскому вліянію, которое въ 70-хъ годахъ, въ пору самой лучшей литературной дѣятельности его, достигло своего апогея. Его литературная пропаганда была направлена противъ тѣхъ, которые, «обольщены будучи нѣкоторыми снаружи блестящими дарованіями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочитаютъ своему отечеству, но еще, къ стыду цѣлой Россіи, и гнушаются своими соотечественниками, и думаютъ, что россіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и до характера» [15]). Его самоотверженный трудъ въ этомъ дѣлѣ не подходилъ къ тому уровню, на которомъ стояла масса; его искренность и правота убѣжденій была непонятна однимъ и ненавистна другимъ. Вотъ почему, на первыхъ же порахъ его литературной дѣятельности, появляется на страницахъ «Всякой Всячины» предостереженіе Новикову. «Не въ свои-де этотъ авторъ садится сани. Онъ-де начинаетъ писать на придворныхъ господъ, знатныхъ бояръ, дамъ, судей именитыхъ и на всѣхъ. Такая-де смѣлость не что иное есть, какъ дерзость. Полно-де его недавно отпряла «Всякая Всячина» очень хорошо, да это еще ничего: въ старыя времена послали бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія; но нынче-де дали волю писать и за такія сатиры не наказываютъ». «Всякой Всячинѣ»,—журналу, смотрѣвшему на свое дѣло, какъ на невинную игру въ просвѣщеніе,—не могла понравиться рѣзкая сатира новиковскаго «Трутня». Весьма основательно Пекарскій думаетъ, что въ словахъ приведеннаго отрывка: «въ старыя времена послали бы-де его потрудиться для пользы государственной описывать нравы какого ни на есть царства русскаго владѣнія», заключается намекъ на ссылку въ Сибирь. Въ самомъ дѣлѣ, въ то время критическое отношеніе къ предметамъ управленія, къ административнымъ пріемамъ и обычаямъ не имѣло мѣста въ литературѣ, и если Новиковъ съ своей рѣзкой «сатирой на лица» нападалъ на придворныхъ особъ, указывалъ на чиновничій

[14]) „Трутень", изд. Ефремова. Спб., 1865, стр. 56.
[15]) „Кошелекъ". Изд. А. Аѳанасьева, стр. 8.

Digitized by Google

грабежъ и рисовалъ яркими красками недуги крѣпостнаго права, то это не могло пройти для сатирика даромъ: его заставили таки замолчать.

Сатирическіе журналы, издававшіеся во второй половинѣ прошлаго вѣка, много страницъ посвящали осмѣянію модиаго воспитанія и обвиненію французскихъ гувернеровъ и учителей въ томъ, что они своимъ воспитанникамъ внушали презрѣніе ко всему русскому. Сатира хотя носила характеръ карикатуры, но въ основаніи своемъ была не лишена справедливости. Зло существовало, что̀ засвидѣтельствовано не только лучшими русскими людьми того времени, но и иностранцами, бывшими въ то время въ Россіи. «Насъ осадила тьма французовъ всевозможныхъ оттѣнковъ,—пишетъ Массальеръ,—которые, по большей части, побывавши въ передѣлкѣ у парижской полиціи, явились заражать собою страны сѣвера. Мы были удивлены и огорчены, найдя, что у многихъ знатныхъ господъ живутъ бѣглецы-банкроты, развратники и немало женщинъ такого же рода, которыя, по здѣшнему пристрастію къ французамъ, занимались воспитаніемъ дѣтей значительныхъ лицъ; должно быть, что эти отверженцы нашего отечества разошлись вплоть до Китая: я находилъ ихъ вездѣ». Г. посолъ счелъ приличнымъ предложить русскому министерству, чтобы оно приказало сдѣлать изслѣдованіе объ ихъ поведеніи и разборъ имъ, а самыхъ безнравственныхъ отправить моремъ по принадлежности [16]).

«Большинство французовъ, проживающихъ въ Петербургѣ,—пишетъ Дидро,—ненавидятъ другъ друга, грызутся, за что̀ всѣ ихъ презираютъ, а они порочатъ націю. Это просто сволочь, какую можно только себѣ представить» [17]). Конечно, не всѣ воспитатели-французы могли быть отнесены къ подобной категоріи: были изъ иноземцевъ и такіе, которые дѣйствительно научили нашихъ предковъ многому доброму; но такіе опытные гувернеры-иностранцы были въ то время очень рѣдки и дороги. «А если кому случай допуститъ быть женатому,—пишетъ Друковцовъ,—напоминаю о воспитаніи дѣтей приложить свое стараніе; когда хочешь имѣть утѣшеніе отъ нихъ, не ввѣрять слѣпо учителямъ чужестраннымъ, ибо хорошихъ здѣсь весьма мало и такъ рѣдки, что и за большія деньги сыскать невозможно, а клейменыхъ осматривать еще и понынѣ обычаю нѣтъ. Много я о семъ старался, когда ко мнѣ учители для васъ приходили, имѣлъ съ ними договоръ, съ тѣмъ, если онъ себя позволитъ раздѣть и осмотрѣть спину,—платилъ ему за годъ не въ зачетъ, но никакого на то охотника не нашелъ, кромѣ одного француза Франца Тирана. Я по смерть его былъ доволенъ, который ничто иное, какъ былъ во Франціи самымъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ и грамматическихъ правилъ нимало не зналъ; однако жъ могу сказать, что старикъ былъ добраго поведенія,

---

[16]) См. „Русск. Архивъ“ 1874 г. Кн. 4, стр. 973.

[17]) См. „Русская Старина“ 1884 г. № 6, стр. 449.

Digitized by Google

и вы имъ были довольны. Всякъ легко разсудить можетъ, можно ли доброму человѣку оставить свое отечество; много и русскихъ подлыхъ бѣгаютъ, однако жъ назвать ихъ добрыми людьми не можно для того, что хорошій человѣкъ вездѣ надобенъ, и всякъ ему будетъ радъ въ своемъ отечествѣ. Но чужестранные больше умѣютъ разсказы дѣлать, безстыдно лгать и увѣрять, также разныя о себѣ храбрыя исторіи разсказывать, будто отъ поединковъ, спасая жизнь свою, чтобъ не быть повѣшену, себя сохранилъ. Легковѣрные люди выдуманному ихъ обману скоро вѣрятъ, а чрезъ то дѣлаютъ себѣ великіе убытки и разоренія» [18]).

Для людей, какъ Новиковъ, Щербатовъ, Болтинъ, Чулковъ, которыхъ можно назвать славянофилами екатерининской эпохи, модное воспитаніе, подъ руководствомъ французскихъ гувернеровъ, было безполезнымъ «новшествомъ»; старина имъ казалась привлекательной, какъ патріархальный бытъ, лишенный современныхъ соблазновъ, неблагопріятно дѣйствовавшихъ на нравы и обычаи. «Порядочная простота ближе къ естеству, нежели безпорядочныя умствованія», говоритъ Чулковъ, разсуждая о новомъ воспитаніи. Эти люди видѣли современную порчу нравовъ и приписывали ее исключительно однимъ французамъ, французскому воспитанію, не допуская мысли о какой либо другой причинѣ нравственной порчи современнаго имъ общества. Въ письмѣ нѣкоего Примѣчаева говорится: «читаемъ мы на страницахъ журнала «И то и сё», что̀ все то, что доброе во нравахъ нашихъ, есть наслѣдіе отъ предковъ намъ, а худое—отъ татаръ». Противъ второй половины этого положенія возстаетъ Чулковъ въ своемъ журналѣ и пишетъ «Противурѣчіе г. Примѣчаеву», гдѣ старается исторически доказать, что отъ татаръ мы не могли ничего заимствовать худаго, а если и заимствовали что либо худое, то никакъ не отъ татаръ, а отъ европейцевъ, французовъ. Хотя въ этомъ «Противурѣчіи» Чулковъ говоритъ, что онъ далекъ отъ того, чтобъ татаръ французамъ предпочитать, «ибо у татаръ нѣтъ ни единыя школы», но, очевидно, что симпатіи Чулкова склоняются на сторону татаръ. Онъ высказываетъ ту мысль, что не только высшіе классы общества обязаны французамъ своей нравственной порчей, но и низшіе. «Татары насъ никогда не портили, а портятъ благородное россійское юношество французскіе худонравные учители; отъ учениковъ портятся слуги, а отъ слугъ портятся поселяне. Вотъ причина полнаго развращенія, а не татары» [19]).

Авторъ разсужденія «О свойствѣ душъ россійскихъ» подробно излагаетъ, какъ̀ шло воспитаніе «россійскаго птенца» подъ руководствомъ француза-гувернера. «Теперь посмотримъ, какъ обыкновенно иностранецъ

---

[18]) „Духовная, сочиненная его высокородіемъ, статск. совѣтникомъ Сергѣемъ Вас. Друковцовымъ въ наставленіе его дѣтямъ“. Спб. 1780 г.

[19]) См. „И то и сё“, февраль, 6-ая недѣля.

Digitized by Google

воспитываетъ птенца россійскаго, иностранецъ, которому нельзя знать ни нравовъ, ни дѣписанія и землеописанія нашего, а объ языкѣ и слова нѣтъ. Онъ тѣмъ начинаетъ, что всѣ вещи и дѣйствія назоветъ языкомъ французскимъ, ибо сей языкъ модный. Птенецъ говоритъ съ нимъ по французски и только о французскомъ или о другихъ земляхъ, о Россіи никогда.... Воспитатели ихъ (птенцовъ), представляя имъ добро иностранное, утверждаютъ, что Россія о подобномъ и не воображала до нихъ, и что ни есть въ ней, то все худо. Ни о чемъ понятія не имѣющій птенецъ упитывается подобными толками и нечувствительно привыкаетъ ненавидѣть русскихъ и плѣняться иностраннымъ... Кажется, что воспитатели разныхъ земель, не видавъ другъ друга никогда въ глаза, единодушно согласились вливать въ россіянъ ненависть и презрѣніе къ Россіи». Авторъ «разсужденія» не берется рѣшить вопросъ, откуда вкралось подобное воспитаніе въ Россію, и предвидитъ со стороны французолюбцевъ возраженіе себѣ относительно воспитателей-иностранцевъ. «Я предвижу, что спросятъ меня: гдѣ жъ мы возьмемъ русскаго съ тѣми дарованіями, которыя нужны для воспитанія? Отвѣтствую: чего я не захочу искать, того я никогда не найду. Признаться должно, что русскаго и пустить въ боярскій домъ нельзя; онъ робокъ, застѣнчивъ, да съ нимъ и не хотятъ говорить, его не уважаютъ: кафтанъ на немъ не хорошъ; ему весьма мало платятъ или совсѣмъ ничего. Да какъ русскому и платить?.. Иностранецъ ѣздитъ въ каретѣ; часы, перстень и табакерка... вотъ свидѣтельство его ума и знанія! Ему даютъ по многу рублей за всякій урокъ. Русскій ходитъ пѣшкомъ, не имѣя часовъ, часто приходитъ не во время, а у дѣтей каждый часъ дорогъ. Ему въ годъ ничего, да и попросить не смѣетъ, а иначе лишится чести быть принятъ въ домъ» [20]). Съ особымъ прискорбіемъ авторъ отмѣчаетъ тотъ фактъ, что «язва моднаго воспитанія заразила бо̀льшею частью людей, въ которыхъ науки и художества должны обрѣтать своихъ покровителей, и до того довела нѣкоторыхъ, именемъ знатности облеченныхъ, что они объ русскомъ и слышать не хотятъ» [21].

Сатирическіе журналы прошлаго вѣка, со всею силою патріотическаго негодованія, осмѣивали это пристрастіе къ французамъ, и многія страницы, въ стихахъ и прозѣ, посвящались этой темѣ. Зло, конечно, существовало, и понятно, что люди, рожденные въ странѣ высшей культуры, воспитанные въ иныхъ нравахъ и обычаяхъ и отличавшіеся бо̀льшею гуманностью, чѣмъ русскіе, съ гордымъ сознаніемъ своего народнаго достоинства говорили о своемъ отечествѣ и неприв̀тливо смотрѣли на наши суровые обычаи, на нашу откровенную грубость въ обхожденіи. Насмѣшки надъ

---

[20]) „Зритель“, 1792 г. стр. 163.
[21]) Ibid. стр. 177.

Digitized by Google

крайнимъ увлеченіемъ всѣмъ иноземнымъ, вѣрнѣе, французскимъ, находили себѣ мѣсто не въ однихъ сатирическихъ журналахъ; иногда и въ отдѣльныхъ сочиненіяхъ затрогивался этотъ недугъ русскаго общества второй половины XVIII столѣтія. Такъ, въ одномъ сочиненіи Ѳедора Козельскаго читаемъ:

„Картину посмотрѣть ты бывши приглашенъ,
„Что дѣло русскихъ рукъ, заранѣ упрежденъ;
„Хотя искусство сей картины безприкладно,
„Ты скажешь, посмотрѣвъ съ холодностью: „изрядно".
„Какъ еслибъ былъ на ней подписанъ: „Рафаилъ",
„Не разсмотрѣвъ еще, конечно-бъ, расхвалилъ.
„Не спорьте, и у насъ есть руки золотыя,
„Но деньги за труды даются имъ простыя"...

Говоря о писателяхъ, Козельскій продолжаетъ:

„Не клевещи вездѣ, читаючи своихъ,
„Что будто ничего добра не сыщешь въ нихъ.
„Нерѣдко ты найдешь такія мысли въ русскомъ,
„Какихъ не сыщешь ты и въ авторѣ французскомъ [22]).

Періодическія изданія 1769—1774 годовъ, такъ много сохранившія для насъ свидѣтельствъ о внутренней жизни нашего общества, о различныхъ условіяхъ его быта, о духѣ современной эпохи, не могли обойти молчаніемъ того факта, что среди тогдашней читающей публики быстро возрасталъ интересъ къ сочиненіямъ Вольтера. Въ русскомъ обществѣ начиналъ нарождаться типъ «вольтерьянца»,— и вотъ на страницахъ одного изъ сатирическихъ журналовъ появляется характеристика Вольтера, какъ человѣка и писателя,—характеристика, имѣвшая своею цѣлью разочаровать читающую публику въ этомъ «славномъ сочинителѣ». «Если ваше превосходительство хотите знать о его (Вольтера) совѣсти и чести,—читаемъ мы въ «Адской Почтѣ»,—то я, яко нелюбопытный бѣсъ, ни одной, ни другой въ немъ не примѣтилъ. Извольте, ваше превосходительство, спросить всѣхъ его гражданъ, изъ которыхъ многіе уже къ намъ переселились; прочтите Американскаго Шпіона, многія его дѣла описавшаго; а въ сочиненіи его сыщете, что за такія дѣла, которыя многіе малодушные писатели перомъ своимъ прославляютъ, потому что произошли отъ сего славнаго мужа, многіе люди посредствомъ нѣкотораго механическаго инструмента, подобнаго буквѣ П (т. е. висѣлицѣ), къ намъ переселились. Нѣтъ почти ни одного такого сочиненія, говорятъ многіе, которое бы онъ вдругъ двоимъ или троимъ переписчикамъ не про-

[22]) Дневная записка Ѳедора Козельскаго 1771 года. „Размышленіе о любви отечества". Стр. 32.

Digitized by Google

далъ, обязавшись каждому изъ нихъ совѣстію и честію не продавать онаго никому, кромѣ одного. Едва ли шилъ на него такой портной платье, которому бы онъ не отослалъ назадъ, сказавъ, что оно сшито весьма худо, и который бы, бояся его привязокъ, не уступилъ ему оное гораздо дешевле договорной цѣны. Нѣтъ почти государя, ни государства, которое бы онъ не оклеветалъ перомъ своимъ, если ему никакого подарка не прислало, и которое бы за деньги похвалами до небесъ не возвысилъ. Всѣ законы ругаетъ; всѣ обыкновенія осмѣиваетъ, всѣ сочиненія, кромѣ своихъ, бранитъ и во всѣхъ наукахъ и художествахъ, въ ученѣйшихъ и искуснѣйшихъ людяхъ великіе паходитъ недостатки; хотя всему ученому свѣту извѣстно, что онъ въ однѣхъ только словесныхъ наукахъ съ великимъ успѣхомъ, но и съ немалою порчею молодыхъ людей прославился; а о другихъ наукахъ едва можетъ имѣть понятіе» [23]).

Событія 1789 г. на Западѣ какъ нельзя болѣе помогли этому реакціонному движенію, начавшемуся съ шестидесятыхъ годовъ. Обстоятельства, сопровождавшія французскую революцію, были таковы, что не нашлось ни одного правительства, которое не почувствовало бы тревоги. Все, что прежде казалось не только не опаснымъ, но иногда привлекательнымъ по своей новизнѣ или смѣлости въ сферѣ литературы, заподозрѣно было въ зловредности для существующаго порядка. Реакція, поэтому, была необходимымъ слѣдствіемъ, и она не замедлила явиться. Въ послѣдніе годы своего царствованія, императрица Екатерина уже враждебно относилась къ тѣмъ принципамъ, которые высказаны были въ ея «Наказѣ». «L'égalité est un monstre, qui veut être roi»—говоритъ она Храповицкому. «Но и прежде французскихъ событій, взволновавшихъ понятнымъ образомъ всѣхъ коронованныхъ особъ,—говоритъ г. Пятковскій,—мы замѣчаемъ въ Екатеринѣ какую то двойственность, какую-то робость и уклончивость передъ логическими выводами изъ ея же основныхъ взглядовъ. Еще отстаивая въ теоріи свободу мысли, она выхваляетъ на практикѣ образцовое послушаніе; сторонница честной и откровенной политики, она нисходитъ до совѣта—«имѣть лисій хвостъ и волчій ротъ» [24]). Первые слѣды реакціи въ литературѣ мы встрѣчаемъ въ запрещеніи играть въ Петербургѣ трагедію Княжнина: «Вадимъ Новгородскій». Это запрещеніе вышло изъ подъ той же руки, которая четыре года до этого разрѣшила играть на московской сценѣ трагедію Николева: «Сорена и Замиръ», не уступавшую въ либеральныхъ тирадахъ «Вадиму». Въ 1790 г. (сент. 4) данъ былъ указъ о ссылкѣ Радищева въ Сибирь на поселеніе «за изданіе книги, наполненной самыми вредными умствованіями, разрушающими покой общест-

---

[23]) См. „Адская Почта". Сат. журн. 1769 г. Стр. 187.

[24]) „Изъ исторіи нашего литературнаго и общественнаго развитія". А. П. Пятковскаго. Т. 2. Стр. 138.

Digitized by Google

венный, умаляющими должное ко властямъ уваженіе, стремящимися къ тому, чтобы произвести въ народѣ негодованіе противу начальниковъ и начальства, и, наконецъ, оскорбительными и неистовыми изображеніями противу сана и власти царской». Радищева причислили къ разряду мартинистовъ, преслѣдованія которыхъ, начавшіяся съ 1785 г., теперь усилились: ихъ подозрѣвали въ солидарности съ иллюминатами, что̀ было крайне несправедливо относительно русскихъ мартинистовъ. Корифеи просвѣтительной литературы потеряли свое прежнее значеніе въ глазахъ императрицы. Въ 1778 г. императрица пишетъ Гримму по поводу изданія сочиненій Вольтера: «Дайте мнѣ сто полныхъ экземпляровъ произведеній моего учителя, чтобы я могла размѣстить повсюду. Хочу, чтобы они служили образцомъ; хочу, чтобъ ихъ изучали, чтобы выучивали наизустъ, чтобы души питались ими: это образуетъ гражданъ, геніевъ, героевъ и авторовъ; это разовьетъ сто тысячъ талантовъ, которые безъ того потеряются во мракѣ невѣжества» [25]). А черезъ нѣсколько лѣтъ генералъ-прокуроръ Самойловъ пишетъ слѣдующее письмо тамбовскому губернатору Звѣреву по поводу изданія въ Козловѣ сочиненій Вольтера (3 ч. Козловъ, 1791) «Дошло здѣсь до свѣдѣнія Ея Императорскаго Величества, что продаются книги подъ заглавіемъ: «Полное собраніе сочиненій Вольтера»; а какъ оныя суть вредныя и развращеніемъ наполненныя, то Ея Императорское Величество повелѣть соизволила оныя здѣсь и въ Москвѣ у книгопродавцевъ конфисковать, коихъ здѣсь нѣсколько уже и отобрано» [26]). Академіи наукъ и московскому университету приказано «наикрѣпчайшимъ образомъ имѣть смотрѣніе», чтобы въ академической книжной лавкѣ и у другихъ книгопродавцевъ не продавались книги, «которыя противъ закона, добраго нрава, насъ самихъ, противъ націи, которыя во всемъ свѣтѣ запрещены». Эмиль Ж. Ж. Русо былъ, наравнѣ съ сочиненіями Вольтера, отнесенъ также къ категоріи книгъ, «наполненныхъ развращеніемъ».

С. Бородинъ.

(*Окончаніе будетъ*).

---

[25]) См. „Русскую Старину“ 1884. № 5, стр. 248.

[26]). См. „Древняя и Новая Россія“. 1878 г., кн. III-я, стр. 279.

Digitized by Google

АДМИРАЛЪША.

Романъ Шарля Ломона.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

— А, вотъ какъ! сказалъ контръ-адмиралъ, ставя на столъ чашку кофе:—такъ Пьеръ погруженъ по уши въ дѣла? Вотъ отчего я его почти никогда не вижу. А я думалъ, что онъ пріѣхалъ въ Сен-Жанъ-Люзъ отдохнуть во время каникулъ.

— Онъ употребляетъ ихъ на изученіе какихъ-то дѣлъ. Вы должны побранить его, адмиралъ.

— За то, что онъ работаетъ? ну, нѣтъ! Тѣмъ лучше, если у него есть честолюбіе. Нечего вамъ жаловаться на это.

Г-жа Меранъ сжала губы, потому что ей нечего было отвѣчать, и она отлично сознавала, что будетъ побѣждена въ этомъ диспутѣ. Это была женщина лѣтъ сорока восьми, уже сѣдая, но все еще красивая, потому что всякій возрастъ жизни имѣетъ свою красоту. Потерявъ въ тридцать лѣтъ мужа, судью, попавшаго въ ссылку вслѣдствіе политическихъ бурь, она воспитала сына по своему идеалу: человѣкомъ простымъ, твердымъ, прямымъ. Пьеръ, недавно выдержавшій экзаменъ, доставлялъ ей пока только однѣ радости. Всѣ товарищи и знакомые считали его способнымъ молодымъ человѣкомъ, обладающимъ пылкой рѣчью и холоднымъ разсудкомъ; притомъ онъ носилъ почти знаменитое имя, которое поддерживалъ съ достоинствомъ.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, со стороны г-жи Меранъ казалось совершенной несправедливостью упрекать своего сына въ усердіи къ работѣ на томъ пути, по которому она сама поощряла его идти. Въ продолженіе двухъ недѣль, съ тѣхъ поръ какъ они пріѣхали и, по примѣру каждаго года, поселились въ Сен-Жанъ-Люзѣ недалеко отъ Эчебіага, роскошной виллы адмирала Бертà, молодой человѣкъ, погруженный болѣе чѣмъ когда-либо въ изученіе своихъ дѣлъ, которыя онъ привезъ съ собою и продолжалъ получать изъ Парижа въ широкихъ оберткахъ изъ толстой, желтой бумаги,—мало спалъ, мало говорилъ, выходилъ рѣдко и даже на уединенныхъ прогулкахъ читалъ все тѣ же дѣла. Г-жа Меранъ съ своимъ солиднымъ, спокойнымъ, немного холоднымъ характеромъ находила ненормальнымъ это чрезмѣрное прилежаніе своего сына. Но жаловаться на это было довольно трудно, и сегодня только въ первый разъ рѣшилась она высказаться передъ адмираломъ, старымъ другомъ ея мужа. Потерпѣвъ неудачу, она благоразумно замолчала. Черезъ минуту послышался смѣхъ дѣтскаго голоса, звучнаго и чистаго, какъ звонъ хрусталя.

— Это вѣрно Мурье смѣшитъ Жанну, сказалъ адмиралъ.

Шумъ легкихъ шаговъ раздался по песку аллеи, примыкавшей къ террасѣ; двѣ маленькія, ловкія ножки взбѣжали, шагая черезъ двѣ ступени, на крыльцо, и двѣ теплыя ручки легли на глаза стараго моряка, въ то время какъ горячій поцѣлуй прозвучалъ на его жосткой щекѣ.

— Положительно отказываюсь угадать, сказалъ адмиралъ съ опрокинутой назадъ головой и широкой улыбкой.—Не ты ли это, Жанна?

Смѣхъ молодой дѣвушки прозвучалъ еще громче, сопровождаемый градомъ поцѣлуевъ. Но адмиралъ ловкимъ жестомъ схватилъ свою дочь за талію, поднялъ, какъ перо, и посадилъ къ себѣ на колѣни послѣ короткой борьбы.

— Ахъ, сказала молодая дѣвушка, кладя руку на сильно бьющееся сердце, дай мнѣ отдохнуть, папà. Я не могу больше.

Адмиралъ вынулъ носовой платокъ, вытеръ имъ горячій потъ со лба дочери и, держа ее за обѣ руки, съ полузакрытыми глазами любовался ею.

Digitized by Google

II.

Михаилъ Бертà, еще простымъ лейтенантомъ, женился въ сорокъ лѣтъ по любви на одной бѣдной, благородной, красивой сиротѣ. Ея старая тетка, сварливая ханжа, воспитала молодую дѣвушку, заставляя ее дорого платить за хлѣбъ, который она ей давала. Эта тетка была богата. Ея намѣренія относительно племянницы были не безкорыстны: старуха хотѣла держать ее у себя въ качествѣ сидѣлки и прислужницы и завѣщать ей по смерти свое состояніе, съ тѣмъ чтобы она поступила въ монастырь. За это благодѣяніе, по ея мнѣнію, двери рая должны были широко раствориться передъ нею.

Неблагодарность молодой дѣвушки причинила ей такое горе, что она тотчасъ же передѣлала свое завѣщаніе и не оставила ей ни одного су. Михаилъ Бертà тоже не былъ богатъ, но судьба создаетъ счастье для всѣхъ состояній, и они были очень счастливы, несмотря на свою бѣдность.

Онъ только что былъ назначенъ капитаномъ фрегата, когда его дальній родственникъ, котораго онъ никогда не видалъ, умеръ безъ всякаго наслѣдника, оставивъ ему два мильона, заключавшихся въ великолѣпныхъ виноградникахъ, которые не доставляли почти никакихъ хлопотъ своему владѣльцу. Тетка его жены, поссорившись со своимъ духовникомъ, разорвала свое завѣщаніе и умерла отъ злости, не успѣвъ составить другаго. Жанна родилась послѣ пяти лѣтъ напраснаго ожиданія и вдругъ очутилась наслѣдницей двухсотъ тысячъ годоваго дохода. Но состояніе это было куплено слишкомъ дорогою цѣною: ея мать умерла почти тотчасъ же вслѣдъ за полученіемъ этого богатства.

Ударъ былъ жестокъ для капитана. Мрачный и вознена-видѣвшій жизнь, онъ самъ попросилъ назначенія въ дальнее плаваніе. Ребенокъ остался на попеченіи г-жи Меранъ. Командиръ Бертà возвратился во Францію черезъ три года и храбро дрался во время осады Парижа. Пять лѣтъ спустя, онъ почти въ одно и то же время получилъ чинъ контръ-адмирала и отставку. Ему было шестьдесятъ лѣтъ. Онъ любилъ г-жу Меранъ, какъ своего стараго друга; ея сына Пьера,

Digitized by Google

почти какъ сына. Что касается своей дочери, то онъ просто обожалъ ее. Жаннѣ только что исполнилось шестнадцать лѣтъ.

Три другія личности, гостившія у адмирала, взошли на крыльцо террасы: пожилой мужчина, молодой человѣкъ и молодая дѣвушка.

Сорокапятилѣтній мужчина былъ высокаго роста и очень представительнаго вида: стройная талія, широкія плечи, высокая грудь и походка, полная энергіи; глядя на него сзади, ему можно было дать лѣтъ тридцать, еслибы не слегка сѣдоватые, коротко остриженные волосы. Но взглянувъ въ его лицо, замѣтивши его вытянувшіяся черты, красные глаза и около нихъ мелкія морщинки, ему смѣло можно было дать его лѣта. Пиджакъ и панталоны темносиняго сукна, первый застегнутый до самой шеи, вторые—широкіе, на манеръ гусарскихъ, соломенная шляпа и бѣлый легкій галстукъ придавали ему оригинальный видъ, смѣсь артиста и военнаго. Онъ остановился въ нятнадцати шагахъ отъ адмирала и поднесъ руку къ шляпѣ; потомъ, совершивъ этотъ солдатскій поклонъ по всѣмъ правиламъ искусства, обратился къ г-жѣ Меранъ; снявъ шляпу, взялъ ея руку, несовсѣмъ охотно протянутую ему, и почтительно поднесъ къ губамъ. Г-жа Меранъ быстро отодвинулась, какъ будто эта учтивость была ей непріятна. Адмиралъ засмѣялся и обратился къ вошедшему.

— У васъ, Мурье, манеры настоящаго джентльмена. Но что̀ заставило васъ такъ быстро побѣжать за Жанной, что вы едва успѣли выпить вашу чашку кофе и даже оставили вашъ шартрёзъ, который еще стоитъ здѣсь?

— М-lle Жанна... началъ было Мурье, но Жанна, дѣлая знаки глазами, головой и руками, заставила его замолчать.

— Это секретъ? спросилъ адмиралъ. Ни слова болѣе, Мурье; я знаю, что̀ значатъ секреты.

Жанна соскочила съ колѣней отца и сѣла на скамеечкѣ у ногъ г-жи Меранъ. Двое молодыхъ людей, вошедшихъ съ Мурье, приблизились въ свою очередь. Мурье, выпивъ рюмку шартреза, приготовлялся налить себѣ другую. Молодая дѣвушка остановила его, положивъ ему руку на плечо.

— Папа!..

Digitized by Google

— Ты думаешь?.. пробормоталъ съ безпокойствомъ Мурье. Но это только вторая. И наконецъ шартрёзъ.

Молодой человѣкъ пристально посмотрѣлъ на него. Ему могло быть лѣтъ двадцать шесть. Низкаго роста, съ каштановыми волосами, сѣро-голубыми глазами, онъ представлялъ типъ, который можно характеризовать словомъ: ординарность. Но все таки его насупленныя брови и взглядъ имѣли достаточно силы, чтобы смутить Мурье.

— Что вы думаете объ этомъ, докторъ? кончилъ онъ тѣмъ, что обратился къ молодому человѣку. Думаете ли вы, что вторая рюмка будетъ мнѣ вредна?

— Не обращайтесь къ Полину, Мурье, сказалъ адмиралъ. Онъ пропишетъ вамъ чистую воду. Молодые доктора все равно, что молодые священники: горячность ихъ вѣры дѣлаетъ ихъ нетерпимыми.

Мурье пожалъ плечами, налилъ рюмку и опорожнилъ ее съ беззаботнымъ видомъ, потомъ сѣлъ въ двухъ шагахъ отъ владѣльца виллы и сказалъ:

— Это тиранія, адмиралъ. Но что же дѣлать? Если любишь, все переносишь. Вы это, конечно, испытали сами, и потому понимаете меня. И когда я только подумаю, что три мѣсяца тому назадъ я чуть не потерялъ ея!

Онъ остановился, подавленный волненіемъ. Адмиралъ пожалъ ему руку.

— Ахъ! вскричала Жанна, быстро вскакивая съ мѣста, вотъ идетъ Пьеръ!

Изъ-за высокихъ деревьевъ виллы показался молодой человѣкъ лѣтъ двадцати трехъ, почти такого же роста, какъ и Полинъ, но брюнетъ и болѣе мужественно сложенный, со старательно выбритымъ лицомъ, кромѣ отростающихъ бакенбардъ, одѣтый съ изящной простотой. Въ два прыжка онъ очутился на крыльцѣ, подбѣжалъ къ матери, поцѣловалъ ее съ почтеніемъ и нѣжностью, пожалъ руку адмиралу, Полину и Мурье, каждому съ особеннымъ оттѣнкомъ фамильярности, поцѣловалъ Жанну въ обѣ щеки, и наконецъ пожалъ кончики пальцевъ m-lle Мурье.

Несмотря на оживленную прогулку и нѣсколько капель пота на лбу, онъ былъ блѣденъ, и голосъ его дрожалъ, какъ бы отъ радостнаго волненія.

Digitized by Google

— Ты знаешь, сказалъ адмиралъ, мнѣ дано порученіе побранить тебя. Я не скажу, кто мнѣ его далъ. Здѣсь три прекрасныя женщины; твое дѣло отгадать.

— Побранить меня? сказалъ весело Пьеръ. Это ужасно. Но я надѣюсь какъ нибудь отдѣлаться. Осмѣлюсь спросить, въ чемъ меня обвиняютъ?

— Васъ обвиняютъ, вскричала Жанна, прежде чѣмъ г-жа Меранъ успѣла ее остановить,—обвиняютъ въ томъ, что васъ никогда не видно; что вы запираетесь съ своими дѣлами; что вы не спите по ночамъ и оттого дѣлаетесь блѣднымъ, угрюмымъ и непріятнымъ; а если выходите, то совершаете длинныя, нескончаемыя и одинокія прогулки, во время которыхъ уходите мыслями богъ знаетъ куда, и...

Среди этого порыва молодая дѣвушка вдругъ встрѣтила взоръ своей крестной матери. Она остановилась, покраснѣвъ какъ вишня, опустила глаза и, ударивъ въ ладоши, проговорила въ заключеніе:

— Вотъ!

— Такъ это обвинительный актъ? спросилъ, смѣясь, молодой человѣкъ. Господинъ прокуроръ кончилъ?

— Тебѣ даютъ слово, сказалъ адмиралъ. Защищайся, если можешь, или признавайся, что виноватъ; но будь кратокъ.

— Начинаю, прервалъ молодой человѣкъ, дѣлая жестъ оратора и принимая видъ комической важности.—Но такъ какъ я не знаю, когда окончу, то заранѣе прошу прощенія у тѣхъ, кого буду имѣть несчастіе усыпить.

— Неужели, сказалъ адмиралъ, ты не въ состояніи отвѣтить въ немногихъ словахъ?

— Попробую, господинъ президентъ. Я долженъ прежде всего сказать, что если я виноватъ въ томъ, что удалялся отъ такихъ любезныхъ особъ и запирался съ судебными дѣлами, то первый же и наказанъ за это.

— Безъ лести судьямъ, милостивый государь,—къ фактамъ!

— Дѣло въ томъ, что я получилъ отъ Клопена, адвоката страховаго общества „Безопасность“, членомъ котораго вы состоите, важное дѣло, относящееся къ послѣднимъ пожарамъ въ Чикаго. Вы знаете, что общество застраховало тамъ недвижимыхъ имуществъ на сумму въ семь или восемь милліоновъ.

— Знаю. Далѣе?

Digitized by Google

— Клопенъ, слишкомъ обремененный службой, поручилъ мнѣ сдѣлать подготовительную работу, для которой нужно было непремѣнно изучить хоть нѣсколько англійское законодательство. А вы знаете, что тема моего сочиненія была именно въ такомъ родѣ: „Отношенія нѣкоторыхъ иностранныхъ законодательствъ къ французскому законодательству по поводу застрахованій“.

— И твоя работа подвигается впередъ?

— Она окончена часъ тому назадъ; я даже могу сказать: два дня, потому что еще третьяго дня послалъ Клопену дѣло съ моими выводами. Онъ былъ такъ добръ, что отвѣтилъ мнѣ тотчасъ же, чтобы выразить свое одобреніе.

— Такъ для того, чтобы получить одобреніе Клопена, ты просиживалъ ночи въ продолженіе двухъ недѣль?

— Извините, адмиралъ; во-первыхъ я могу вамъ отвѣтить, что дѣло важно для общества, а слѣдовательно и для васъ; во-вторыхъ, вслѣдъ за одобреніемъ Клопена слѣдовало предложеніе зачислить меня въ его контору, одну изъ первыхъ въ Парижѣ.

— Это другое дѣло. Это значитъ быть на хорошей дорогѣ.

— Именно такъ, адмиралъ.

— Итакъ, сосѣдка, вотъ прекрасное для васъ извѣстіе. Вы должны быть довольны.

— Я думала, сказала немного холодно г-жа Меранъ, что ты посвятишь эти два года приготовленію къ профессорской каѳедрѣ. Значитъ, ты перемѣнилъ свое намѣреніе?

— Если позволите, матушка, мы переговоримъ объ этомъ послѣ, сказалъ Пьеръ съ нѣсколько принужденной улыбкой.— Признаюсь, я немного усталъ; и такъ какъ теперь каникулы..

— Друзья мои, сказалъ, вставая, адмиралъ:—вы знаете мой девизъ: свобода для всѣхъ. Полинъ и Мурье, желаете партію на бильярдѣ?

— Съ удовольствіемъ.

— Луиза и я, сказала Жанна, мы пойдемъ къ мельницѣ снимать эскизъ со стараго моста. Говорятъ, что его скоро будутъ перестраивать, такъ не нужно терять времени.

— Позволите мнѣ сопровождать васъ? спросилъ Пьеръ.

Жанна, прежде чѣмъ отвѣтить, бросила взоръ на свою крестную мать.

Digitized by Google

— Да, сказала г-жа Меранъ, Пьеръ пойдетъ съ вами, и я тоже скоро присоединюсь къ вамъ. Извините, адмиралъ, г. Мурье и Полинъ могутъ съиграть одну партію безъ васъ. Желаете вы дать мнѣ десять минутъ для разговора?

— Помилуйте, это для меня такая честь...

— Адмиралъ, дѣло идетъ о серьёзныхъ вещахъ!

Адмиралъ почтительно поклонился и, указавъ г-жѣ Меранъ на плетеный тростниковый стулъ, сѣлъ противъ нея. Тѣнь отъ дома и морской вѣтерокъ дѣлали террасу прохладной, несмотря на жаркій августовскій день. Надъ ними высокія магноліи качали свои широкія вѣтви, усѣянныя огромными цвѣтами. Передъ ихъ глазами разстилался безпредѣльный горизонтъ, какъ необъятная чаша, и тихо двигалось море, синее около береговъ и фіолетовое вдали,—море „цвѣта вина“, какъ сказалъ Гомеръ.

III.

Г-жа Меранъ немного прокашлялась, какъ слѣдуетъ передъ затруднительными разговорами. Далеко, въ глубинѣ аллеи, можно было видѣть двухъ молодыхъ дѣвушекъ и Пьера, который подалъ руку Жаннѣ. Дочь адмирала лѣвою рукой обнимала за талію свою подругу. Эта картина, казалось, внушала г-жѣ Меранъ предметъ вступленія.

— Жанна очень привязывается къ m-lle Мурье.

— Я думаю, эта привязанность взаимна и, признаюсь, очень радъ за Жанну.

— Конечно. А вы давно знаете эту молодую дѣвушку?

Адмиралъ насторожилъ уши. Въ продолженіе двухъ недѣль, съ тѣхъ поръ какъ г-жа Меранъ поселилась подлѣ Эчебіага, гдѣ онъ проводилъ цѣлое лѣто, въ первый разъ она заговорила съ нимъ о дочери Мурье.

— Я знакомъ съ ней около двухъ мѣсяцевъ, отвѣчалъ онъ. Она была мнѣ рекомендована г-жею Лэли, пансіонскою подругой ея матери. Г-жа Мурье умерла молодою. Ея мужъ, отецъ Луизы, вы его видѣли: это отличный человѣкъ, добрый, но обладаетъ беззаботнымъ, артистическимъ характеромъ. Онъ разорился совершенно, пустившись въ какія-то спекуляціи, и когда заболѣлъ, Луиза — которой тогда было 18

Digitized by Google

лѣтъ—благодаря своимъ талантамъ къ рисованію и музыкѣ, нашла средства содержать себя и его. До какой степени испытала она бѣдность или, лучше сказать, нужду, можно только догадываться. Она никогда объ этомъ не говоритъ. Она слишкомъ горда, чтобы жаловаться или скрываться. Наконецъ Мурье получилъ кой-какое мѣсто, и его дочь могла вздохнуть свободнѣе. Не имѣя нужды заботиться болѣе объ отцѣ, а только заработывать для самой себя, она поклялась сдѣлаться истинной артисткой, и сдержала слово: вы сами можете судить объ этомъ. Три мѣсяца тому назадъ она была опасно больна, и докторъ посовѣтовалъ ей отдохнуть нѣсколько недѣль на свѣжемъ воздухѣ. Я собирался, по примѣру прошлыхъ лѣтъ, ѣхать вмѣстѣ съ Жанной сюда на лѣто. Миссъ Гай, ея воспитательница, должна была ѣхать въ Англію по своимъ дѣламъ, г-жа Лэли рекомендовала мнѣ Луизу, и не безъ труда убѣдила ее принять мое гостепріимство, за которое она,—клянусь вамъ!—платитъ слишкомъ щедро. А теперь я объ одномъ только безпокоюсь: что станется съ нами, съ Жанной и со мной, когда пробьетъ часъ разлуки, и она не будетъ съ нами.

— И вы также?

— Да, и я. Я тоже очарованъ. И еслибы вы провели недѣлю здѣсь, вы тоже были бы совершенно увлечены ею. Она меня убѣдила, что я люблю чай; когда его приготовляла миссъ Гай, онъ былъ для меня отвратителенъ. Луиза увѣрила меня также, что я люблю живопись, въ которой ничего не понималъ; что я люблю музыку, которую я ненавидѣлъ. Это, скажу вамъ, настоящая фея.

Г-жа Меранъ покачала головой.

— И вы не боитесь, что всѣ находятъ немного страннымъ присутствіе подъ вашей кровлей молодой дѣвушки, которая ни ваша дочь, ни ваша родственница, именно въ то время, когда гувернантка вашей дочери въ отсутствіи?

— Луиза здѣсь со своимъ отцомъ, котораго я упросилъ взять отпускъ. А Мурье отличный компаньонъ, самый услужливый. Онъ занимается со мной фехтованіемъ, что мнѣ очень полезно для здоровья и что я люблю до страсти. Я не знаю человѣка, который былъ бы искуснѣе его въ этомъ дѣлѣ. Онъ также прекрасно играетъ на бильярдѣ и въ другія

Digitized by Google

игры. Это одинъ изъ лучшихъ знатоковъ игры. Онъ постоянно что нибудь выдумываетъ для забавы Жанны. Единственный его недостатокъ, что онъ не всегда считаетъ выпиваемые имъ стаканы, отчего у него дрожатъ руки. Несмотря на это, я не совѣтую никому, вызывающему его на дуэль, выбрать пистолетъ. Я видѣлъ, какъ онъ убилъ въ двадцати шагахъ крысу выстрѣломъ изъ револьвера.

— Я ослѣплена талантами Мурье. Но пусть онъ убиваетъ и ласточекъ налету, онъ все таки не можетъ помѣшать распространенію клеветы. Замѣтьте, адмиралъ, что я говорю: клеветы.

— Что же говорятъ о Луизѣ?

— Ничего особенно оскорбительнаго. Вашъ характеръ слишкомъ извѣстенъ, чтобы можно было допустить хоть на минуту присутствіе подъ одной кровлей вашей дочери и вашей... любовницы.

Адмиралъ подскочилъ на своемъ стулѣ, но имѣлъ достаточно власти надъ собою, чтобы скрыть свой гнѣвъ презрительнымъ хохотомъ.

— Да? сказалъ онъ.

— Но, продолжала г-жа Меранъ,—говорятъ, что м-lle Луиза хороша и бѣдна, что она должна быть честолюбива, и что вы обладаете, не считая состоянія, полученнаго Жанной отъ матери, двумя или тремя стами тысячъ годоваго дохода.

— Короче, ее обвиняютъ въ желаніи выйти за меня замужъ.

— Въ сущности ее не обвиняютъ въ этомъ. Это не преступленіе. Повторяю только, что объ этомъ говорятъ, вотъ и все. Да и этого весьма довольно.

— Но это безуміе!

— Это было бы дѣйствительно такъ, и вы не сдѣлаете этого. Но на вашемъ мѣстѣ я положила бы конецъ этимъ сплетнямъ. Дѣло идетъ не о васъ, а о Жаннѣ.

— Назовите мнѣ кого-нибудь, и я вамъ отвѣчу.

— Объ этомъ не думайте: всѣ и никто; это носится въ воздухѣ. Одно, что вы можете сдѣлать, это наблюдать надъ собою и не удерживать здѣсь m-lle Мурье болѣе, чѣмъ необходимо.

Digitized by Google

— То есть, прервалъ ее, блѣднѣя, адмиралъ,—вы предлагаете мнѣ выгнать ее?

Г-жа Меранъ замолчала. Ей было противно играть въ руку завистникамъ, которыхъ она презирала. Но, какъ она сама только что говорила, дѣло шло о Жаннѣ; и, кромѣ того, она сама не могла себѣ объяснить, почему m-lle Мурье, такая обольстительная въ глазахъ другихъ, внушала ей антипатію.

— А что скажутъ, продолжалъ адмиралъ, если она неожиданно оставитъ этотъ домъ, когда всѣ знаютъ,—такъ какъ всѣ интересуются ею,—что она должна остаться здѣсь до осени? Думаете ли вы, что не будутъ искать причины этого внезапнаго отъѣзда, и что ея репутація не пострадаетъ отъ этого?

— Признаюсь, я думала только о Жаннѣ. Но я полагаю, что m-lle Луиза Мурье стоитъ выше этихъ пересудовъ. Не вы ли сами мнѣ это говорили?

— Выше!... О, да! тысячу разъ выше. Но если недостаточно отца для ея защиты, то мнѣ ли, хозяину этого дома, оставить ее и измѣнить ей?

Адмиралъ всталъ и, продолжая разговоръ, началъ ходить большими шагами изъ одного угла террасы въ другой, какъ на палубѣ своего судна.

— Ну, какъ хотите, сказала г-жа Меранъ, вставая въ свою очередь. Я вижу, что вы дѣйствительно очарованы...

Адмиралъ остановился передъ нею со скрещенными руками и сказалъ полу-серьёзно, полу-иронически:

— Вы правы, сосѣдка. M-lle Мурье—гнусная колдунья, которая заставляетъ меня пить магическія травы, сорванныя въ полночь на кладбищѣ, играетъ мнѣ всякій разъ адскіе вальсы съ единственной цѣлью выйти замужъ за меня, шестидесятиилѣтняго старика, и получить мои триста тысячъ годоваго дохода. Вы меня предупредили; спасибо вамъ за это, но надѣюсь, что вы никогда не станете больше горить мнѣ объ этомъ. А теперь позвольте мнѣ пойти выкурить сигару и посовѣтоваться съ Полиномъ насчетъ моего ревматизма.

Digitized by Google

IV.

Дружба контръ-адмирала Бертà и г-жи Меранъ длилась слишкомъ долгіе годы, чтобы не прерываться иногда бурными спорами. Увѣренная, что возьметъ верхъ рано или поздно, г-жа Меранъ не очень обидѣлась рѣзкостью своего собесѣдника. Она рѣшила, что его дурное расположеніе исчезнетъ вмѣстѣ съ дымомъ его сигары, но ея симпатія къ m-lle Мурье отъ этого не увеличилась. Наконецъ, другія заботы занимали ее. Внезапное рѣшеніе сына вступить въ воинствующую партію парижскихъ адвокатовъ, рѣшеніе, принятое въ первый разъ безъ ея совѣта, удивляло ее и немного безпокоило. Хорошо испытавшая всѣ превратности изгнаннической жизни, она мечтала для своего сына о самомъ спокойномъ существованіи. Каѳедра права казалась ей самымъ лучшимъ оплотомъ противъ всѣхъ превратностей судьбы. Успѣхъ Пьера на конкурсѣ профессорскаго экзамена, послѣ одного или двухъ лѣтъ дополнительной подготовки, не могъ подлежать сомнѣнію. Одна мысль, что онъ проведетъ эти годы приготовленія подлѣ нея, занятый своей правильной, однообразной работой, дѣлала ее счастливой. Внезапное рѣшеніе молодаго человѣка измѣняло этотъ давно лелѣемый ею планъ, а, можетъ быть, угрожало измѣнить и другіе.

— Ну, Пьеръ, сказала она, беря его подъ руку вечеромъ, чтобы возвратиться при лунномъ свѣтѣ въ занимаемый ею маленькій домикъ между Сен-Жанъ-Люзомъ и моремъ, на разстояніи десяти минутъ ходьбы отъ виллы контръ-адмирала;— объясни же мнѣ, почему ты хочешь такъ скоро поступить въ контору г. Клопена?

— Но развѣ я не адвокатъ? сказалъ Пьеръ. Развѣ я не на хорошей дорогѣ, какъ говоритъ адмиралъ?

— Значитъ, ты отказываешься отъ профессорской каѳедры?

— Несовсѣмъ. Я буду стараться найти время приготовляться къ ней. Но пока я ее не имѣю, ты, надѣюсь, позволишь мнѣ предпочитать работу, которая приноситъ непосредственное вознагражденіе, и въ болѣе широкихъ размѣрахъ. Въ концѣ концовъ, я только черезъ два года могу дер-

Digitized by Google

жать экзаменъ, а сдѣлавшись адъюнктъ-профессоромъ, въ ожиданіи вакантной каѳедры, долженъ буду давать уроки, чтобы заработать семь или восемь тысячъ франковъ въ годъ. А Клопенъ увѣряетъ меня, что я буду имѣть, считая маленькія дѣла, которыя онъ поручитъ мнѣ, непосредственный заработокъ въ тысячу франковъ въ мѣсяцъ, въ продолженіе трехъ четвертей года. Я уже не говорю о будущемъ, ни о другомъ предложеніи, сдѣланномъ мнѣ; но объ этомъ, кажется, безполезно говорить.

Г-жа Меранъ сжала губы, и нѣсколько минутъ они шли въ молчаніи. Потомъ вдругъ она сказала:

— Такъ тебѣ нужны деньги. Почему ты мнѣ не сказалъ?

— Потому что, мнѣ кажется, я въ такихъ лѣтахъ, что самъ могу ихъ заработать.

— Пустяки! Въ двадцать три года... Нѣтъ, здѣсь кроется что-то другое. Если нѣтъ, скажи мнѣ просто, что твоего жалованья тебѣ недостаточно. Если твой отецъ не оставилъ тебѣ ничего, кромѣ своего имени, то у меня, слава богу, есть, чѣмъ жить и доставить тебѣ возможность подождать. То, чѣмъ я обладаю, было достаточно до сихъ поръ для насъ двоихъ. Развѣ не можешь ты жить такимъ образомъ еще нѣсколько лѣтъ? И кто знаетъ, можетъ быть, твое честолюбіе найдетъ лучшую дорогу.

— Мама, сказалъ Пьеръ измѣнившимся голосомъ: ты думаешь, что мы всегда будемъ только двое?

Г-жа Меранъ вдругъ остановилась и посмотрѣла въ глаза сына.

— Жениться тебѣ? сказала она дрожащимъ голосомъ. Но ты не думаешь объ этомъ?

— Нужно будетъ подумать раньше или позже.

Она давно думала объ этомъ. Ея материнская мечта уже давно предупредила выборъ молодаго человѣка. Но было еще рано говорить ему объ этомъ. А между тѣмъ...

— Пьеръ, ты не говоришь мнѣ всего. Скажи, ты думаешь, что любишь? И серьёзно?

— Серьёзно и на всю жизнь.

— Въ твои годы это слишкомъ надолго.

— Но никакъ не для моего счастья.

Молодой человѣкъ, неожиданно, слишкомъ далеко зашелъ

Digitized by Google

на пути признаній. Но г-жа Меранъ хотѣла все знать. Что, если одна и та же мысль пришла имъ обоимъ въ голову? Отчего же и нѣтъ?

— Для счастья! продолжала она медленно, конечно! Но если ты ошибся? Знаешь ли ты, что это ужасно?

Пьеръ призвалъ на помощь всѣ свои силы. Мысль вырвать за одинъ разъ согласіе матери еще не приходила ему въ голову. Это было неправдоподобно, но соблазнительно. Онъ наклонился къ ней и, полу-дрожащимъ, полу-льстивымъ голосомъ, съ искреннимъ волненіемъ сказалъ:

— Говорятъ, что я похожъ на моего отца; оставьте меня вѣрить, что мое сердце не ошибается, какъ не ошиблось его.

— Ты заставляешь и меня волноваться, сказала она, отталкивая его.—Гдѣ ты видѣлъ эту молодую дѣвушку? Какъ это случилось, что я ее не знаю?

— А если вы ее знаете?

— Но я мало кого видала въ Парижѣ.

— Она не въ Парижѣ.

Г-жа Меранъ прижала обѣ руки къ сердцу, которое страшно забилось. Радость была велика.

— Жанна! сказала она наконецъ со вздохомъ облегченія А! мое милое дитя, я слишкомъ счастлива!

Пьеръ едва не выдернулъ у матери свою руку, которую она схватила.

— Жанна? повторилъ онъ, какъ бы не понимая.

— Ну, и что же?

— Вы думали о ней?..

— Что можетъ быть естественнѣе? Развѣ она не моя крестница? Развѣ она не выросла на моихъ глазахъ? Развѣ я не люблю ея больше всѣхъ на свѣтѣ послѣ тебя? О чемъ же я могла мечтать для твоего счастья, какъ не о томъ, чтобы соединить васъ. Она гораздо богаче тебя; но я знаю ея сердце и сердце ея отца. Наконецъ имя, которое ты носишь, и будущности, какая тебѣ предстоитъ, установитъ между вами равновѣсіе.

Въ восторгѣ отъ исполненія своего желанія, она шла, не замѣчая блѣдность, опущенныхъ глазъ и холодной руки своего сына. Онъ робко попробовалъ прервать ее.

Digitized by Google

— Матушка!

— Что такое? Неужели ты имѣешь такъ мало вѣры въ себя, что можешь стыдиться брака, съ которымъ твоя невѣста принесетъ тебѣ состояніе?

— Нѣтъ, я не думаю, чтобы деньги были причиною неравенства браковъ, и не стыдился бы получить состояніе отъ той, кого люблю, и кто меня любитъ. Только...

— Только ты боишься, что Жанна тебя не любитъ? сказала съ горделивою улыбкой г-жа Меранъ. Увидимъ.

Было жестоко, даже опасно разрушить эту мечту материнскаго тщеславія, но невозможно было и скрывать долѣе.

— Нѣтъ, матушка, Жанна еще ребенокъ; она смотритъ на меня, какъ на брата; безполезно прежде времени смущать ея сердце, потому что я не люблю ея.

Г-жа Меранъ на мгновенье остолбенѣла, но Пьеръ, хотя и сильно встревоженный, почувствовалъ облегченіе. Самый жестокій ударъ былъ уже нанесенъ. Г-жа Меранъ не могла вѣрить своимъ ушамъ.

— Ты ее не любишь? Это не объ ней ты хотѣлъ мнѣ говорить?

— Нѣтъ. Простите, что я разбиваю вашу мечту. Можетъ быть, въ силу того, что я васъ такъ люблю, вы будете меньше сожалѣть объ этомъ.

Г-жа Меранъ была женщина сильная. Она слишкомъ много перенесла въ жизни, чтобы вѣрить легкости осуществленія своихъ сладкихъ грезъ. Она быстро оправилась. Какой-то инстинктъ говорилъ ей, что нужно быть хладнокровной и выслушать все.

— Забудь то, что я тебѣ говорила, сказала она серьёзно. Дѣло идетъ о тебѣ, а не обо мнѣ. Но скажи же наконецъ, кого ты выбралъ, потому что я, право, не вижу...

— Жанна была бы слишкомъ богата для меня. Та, кого я выбралъ, бѣдна.

Г-жа Меранъ мужественно перенесла этотъ ударъ.

— Кто же она?

— Здѣсь только двѣ молодыя дѣвушки. Одну изъ нихъ я люблю, и это не Жанна.

На этотъ разъ, ударъ былъ жестокъ. Г-жа Меранъ сдѣлала два шага назадъ, потомъ снова обратилась къ сыну и, схва-

Digitized by Google

тивъ его за руку, пристально посмотрѣла на него съ минуту, при блѣдномъ свѣтѣ луны.

— Луиза? Луиза Мурье?

— Да, Луиза, которую я обожаю и которую прошу васъ дать мнѣ въ жены.

— А! произнесла съ глубокимъ вздохомъ облегченія г-жа Меранъ. Ты меня напугалъ.

— Чего же боялись вы? спросилъ Пьеръ, удивленный и встревоженный, что его признаніе, за которое онъ думалъ перенести бурю, было принято такъ легко.

— Я думала о серьёзной привязанности! сказала г-жа Меранъ, засмѣявшись сухимъ и презрительнымъ смѣхомъ. Думала о безумной страсти, наконецъ о женитьбѣ, которая могла бы помѣшать твоей карьерѣ или даже разстроить ее. А m-lle Луиза... Она, конечно, прелестна. Однако, надѣюсь, что ты подождешь и не станешь добиваться окончательнаго успѣха, пока она гостья адмирала и подруга Жанны. Будь покоенъ, это не долго продлится.

Слышать, какъ говорить съ презрѣніемъ о любимой женщинѣ любимая и уважаемая мать,—одно изъ самыхъ тяжелыхъ страданій, какое можетъ перенести сердце, особенно въ такія лѣта, когда жизнь еще не приносила страданій. Пьеръ опустилъ голову, и пылкое слово готово было сорваться съ его устъ, но сыновняя любовь удержала его; онъ почти безсознательно понялъ опасность столкновенія, понялъ что г-жа Меранъ была не такая женщина, чтобы уступить. Тѣмъ не менѣе, онъ не могъ удержаться, чтобы не сказать:

— Вы жестоки, матушка, но только въ отношеніи ко мнѣ одному, потому что Луиза стоитъ выше оскорбленій. Я не знаю, кто оклеветалъ ее предъ вами, но удивляюсь, какъ вы могли унизиться хоть на минуту, чтобы выслушать слова негодяя.

— Если я жестока къ вамъ, то вы строги ко мнѣ. Продолжайте. Я уже не въ такихъ лѣтахъ, чтобы получать уроки, но, можетъ быть, произнесенные устами сына, они принесутъ мнѣ пользу.

Давно уже она не говорила „вы“ своему сыну. Борьба была начата.

— Да, наконецъ, что вы знаете о ней? Какое преступ-

Digitized by Google

леніе сдѣлала она, чтобы быть недостойной уваженія и привязанности честнаго человѣка? Она бѣдна, это правда. Но не вы ли сами только что хотѣли женить меня на наслѣдницѣ въ десять разъ богаче, чѣмъ я буду когда либо? У нея не было матери, которая бы могла смотрѣть за нею; ея отецъ, беззаботный или больной, неспособенъ быть ей покровителемъ. По крайней мѣрѣ, она имѣетъ ту заслугу, что сама защищала себя, сохранила себя чистой и гордой, несмотря на тяжелую бѣдность. Артистка, она кормила отца своимъ талантомъ и своимъ трудомъ. Развѣ это преступленіе? Есть ли въ ея жизни что нибудь, чего бы я не зналъ и что бы дѣлало ее достойной презрѣнія? О, если такъ, говорите скорѣй, и я поклянусь вамъ задушить эту любовь—хотя бы даже цѣною жизни, если это нужно! Но вы молчите? Долженъ ли я думать, что вашъ отказъ не имѣетъ другой причины, кромѣ досады обманутой надежды, разбитой мечты? Развѣ вамъ такъ дорого честолюбіе, что вы готовы пожертвовать ему моимъ счастьемъ?

— Твоимъ счастьемъ!.. Послушай, начала г-жа Меранъ съ волненіемъ, чувствуя, что сынъ ея огорченъ и что страданіе, причиненное ею, было слишкомъ велико;—я была неправа, отзываясь такъ легко объ этой молодой дѣвушкѣ. Я согласна съ тобой, что она чиста, самоотверженна, въ особенности горда. Но я утверждаю, что если она достойна тебя, если она тебя любитъ, она никогда не согласится сдѣлаться твоей женою.

— Но, сказалъ Пьеръ, спѣша воспользоваться слабымъ пунктомъ материнской аргументаціи, а—если она согласится?

— Я буду имѣть мужество спасти тебя самого. Эта женитьба убьетъ твою будущность, сдѣлается источникомъ вѣчныхъ сожалѣній, несчастья твоей жизни. Я въ этомъ убѣждена, и потому никогда на это не соглашусь.

— Это не послѣднее ваше слово?

— Первое и послѣднее. Да и что тебѣ за дѣло до меня? Ты—совершеннолѣтній, законъ предвидѣлъ такіе случаи и назначилъ границу твоему терпѣнію. Черезъ годъ или немного позже, ты извѣстишь меня на гербовой бумагѣ о своемъ рѣшеніи жениться вопреки моему желанію, вотъ и все. Но я

Digitized by Google

тебѣ буду очень благодарна, если ты никогда не будешь больше говорить со мной объ этомъ.

Уже давно дошли они до своего дома и даже миновали его, но теплая и свѣтлая ночь невольно располагала къ прогулкѣ, и ни тотъ, ни другая не чувствовали нужды въ отдыхѣ.

— Матушка,—началъ съ наружнымъ спокойствіемъ Пьеръ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія;—нужно однако, чтобы вы меня еще разъ выслушали. Вы знаете очень хорошо, что я никогда не прибѣгну къ закону въ дѣлѣ разногласія съ вами, зато вы мнѣ, вѣрно, позволите опровергнуть ваши возраженія. Я вижу одно, которое мнѣ кажется самымъ главнымъ. Вы боитесь, что моя преждевременная женитьба на бѣдной дѣвушкѣ...

— Я не говорила: бѣдная дѣвушка. Дѣло идетъ о m-lle Мурье.

— Хорошо. Такъ я говорю: вы боитесь, что моя женитьба на m-lle Мурье будетъ помѣхой моей будущности? неправда ли?

— Да, это одна изъ причинъ.

— Самая сильная?

— Можетъ быть.

— Въ такомъ случаѣ предположите, что моя будущность черезъ нѣсколько времени будетъ до такой степени обезпечена, что мнѣ нечего будетъ бояться при обыкновенномъ ходѣ вещей. Вы не потребуете, надѣюсь, чтобы я, женясь, застраховалъ себя противъ непредвидѣнныхъ бѣдъ?

— Конечно! сказала г-жа Меранъ, въ глубинѣ души очень довольная, что за доказательствами страсти послѣдовали доказательства разсудка.—Но я согласна, что еслибы ты имѣлъ то, что называется упроченнымъ положеніемъ, настоящимъ образомъ упроченнымъ, я не сочла бы себя вправѣ противиться твоему рѣшенію, въ матеріальномъ отношеніи. Ты видишь, что я иду далеко, потому что мое личное и задушевное мнѣніе не измѣнится никогда. Но, по крайней мѣрѣ, моя отвѣтственность будетъ уменьшена.

Она внутренно была довольна. Ея сынъ, чтобы завоевать себѣ это желаемое положеніе, займется больше, чѣмъ когда-либо, работой. Онъ достигнетъ своей цѣли, но не черезъ годъ,

Digitized by Google

а, можетъ быть, черезъ пять—шесть лѣтъ. До тѣхъ поръ Луиза будетъ забыта, и кто знаетъ?..

— Я не говорилъ вамъ съ самаго начала о томъ, что теперь скажу, потому что ни за что въ мірѣ не хотѣлъ, чтобы вы подумали, что я употребляю это, какъ нечестное средство повліять на ваше рѣшеніе. Еслибы вы мнѣ тотчасъ же позволили искать руки Луизы, я бы сообщилъ вамъ проэктъ, который долженъ доставить мнѣ желаемую вами увѣренность въ упроченіи моей будущности. Клопенъ написалъ мнѣ больше, чѣмъ я сообщилъ адмиралу сегодня утромъ. Общество „Безопасность“ должно уплатить въ Америкѣ восемь или десять милліоновъ пожарнаго убытка, изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ двѣ трети, какъ я увѣрился, требуются недобросовѣстно. Общество только тогда можетъ надѣяться выиграть свое дѣло, если оно будетъ имѣть на мѣстѣ свѣдущаго, дѣятельнаго и, въ особенности, неподкупнаго агента. Клопенъ отъ имени совѣта правленія предлагаетъ мнѣ эту должность. Это—въ случаѣ успѣха—маленькое состояніе и, кромѣ того, надежда сдѣлаться послѣ Клопена адвокатомъ общества. Какъ вы думаете, могу ли я тогда разсчитывать на будущность?

Г-жа Меранъ поблѣднѣла. Годъ разлуки за двѣ тысячи миль! Этого она не предвидѣла.

Напрасны были всѣ ея планы! Она воспитала сына для спокойной домосѣдной жизни... Состояніе, счастье, вліяніе были предъ нимъ, еслибъ онъ захотѣлъ только протянуть руку. И вдругъ появился призракъ, чтобы увлечь его за двѣ тысячи миль отъ Франціи въ страну, правда, очень цивилизованную, но на которую во Франціи смотрятъ, какъ на такой край, гдѣ постоянно сталкиваются поѣзда и происходятъ дуэли на револьверахъ.

Что же однако сказать ему? Предложеніе было безъ сомнѣнья серьёзно. Сослаться на любовь, на горе разлуки, въ то самое время, когда она сама требовала у него власти надъ сердцемъ, рискуя даже разбить его?

И наконецъ, черезъ годъ, когда онъ возвратится,—потому что оттуда все же возвращаются,—какая перемѣна произойдетъ въ немъ! Вѣроятность, равняющаяся увѣренности, что его капризъ умретъ, и сердце откроется для другаго чувства.

Digitized by Google

Несмотря ни на что, она постоянно возвращалась къ своей мечтѣ женить Пьера на Жаннѣ,—мечтѣ, которая возникла въ ней еще когда дочь адмирала улыбалась ей въ своей колыбели.

— Посмотримъ, сказала она, ты мнѣ дашь эту ночь, чтобы подумать обо всемъ?

Пьеръ, вмѣсто отвѣта, обвилъ руками ея шею. Они были передъ дверьми своего дома. Пьеръ пошелъ въ свою комнату и отворилъ окно. Передъ нимъ, теряясь въ безконечности, простирался неизмѣримый Атлантическій океанъ, куда, казалось, звала его серебряная дорожка, оставляемая на водахъ свѣтомъ луны. Несмотря на горечь разлуки, ему представлялось, какъ волшебный сонъ—плаванье на кораблѣ по этимъ свѣтлымъ волнамъ. Счастье улыбалось ему во время путешествія и ждало его по возвращеніи.

Г-жа Меранъ долго не спала въ эту ночь.

V.

Мурье имѣлъ привычку забывать свой кошелекъ. Когда онъ, вслѣдствіе этой забывчивости, находился въ затрудненіи уплатить какую нибудь мелкую издержку или свой проигрышъ, потому что онъ иногда проигрывалъ, несмотря на большую привычку владѣть собою за картами,—онъ занималъ у перваго встрѣчнаго, но съ такою учтивостью и любезной улыбкой, что оставалось только поблагодарить его за то, что онъ выбралъ именно васъ—оказать ему пріятную услугу. Память ему служила плохо, и онъ обыкновенно не расплачивался съ мелкими долгами. Это было заботой Луизы; и въ это утро, встрѣтивъ Пьера въ паркѣ виллы и находясь съ нимъ наединѣ, она первымъ долгомъ спросила его, не сдѣлалъ ли ея отецъ новыхъ займовъ.

Пьеръ думалъ о другомъ. Онъ только что имѣлъ съ своей матерью окончательный разговоръ, служившій продолженіемъ вчерашней бесѣды.

— Г. Мурье, сказалъ онъ, доставилъ мнѣ удовольствіе дать ему два или три раза незначительныя суммы.

Молодая дѣвушка остановила его жестомъ.

Digitized by Google

— Будьте такъ любезны, скажите мнѣ цифру этихъ незначительныхъ суммъ.

— Но, моя милая Луиза, сказалъ весело молодой человѣкъ, взявъ ея руку и продѣвъ въ свою, я затрудняюсь отвѣтить вамъ. Я думаю совсѣмъ о другомъ, увѣряю васъ.

Она не отнимала своей руки и продолжала идти съ нимъ рядомъ по аллеѣ, усаженной толстыми липами, мѣшавшими видѣть ихъ, но не оставляла своего серьёзнаго вида.

— Естественно, что вы думаете о другомъ. Но я всѐ таки хочу, чтобы вы мнѣ отвѣтили. Мой отецъ бѣденъ, для него нѣтъ незначительныхъ суммъ. Я хорошо знаю, что это его, а не ваше дѣло—помнить, сколько онъ вамъ долженъ, но такъ какъ его память, ослабѣла, то я должна помочь ему въ этомъ случаѣ. Прошу васъ,—вспомните сумму.

Она произносила эти слова съ нарочной сухостью, что́ не мѣшало ея голосу сладко отдаваться въ ушахъ восхищеннаго молодаго человѣка. Слушая ее, онъ любовался ею изъ подъ своей широкой соломенной шляпы.

Она была высокаго роста, изящно сложена, съ цвѣтомъ лица бѣлокурой англичанки,—съ голубыми глазами, съ блестящими, очень черными волосами.

— Вы горды, Луиза, возразилъ онъ, выслушавъ ее въ молчаніи; я понимаю эту гордость съ другими, но мнѣ вашъ отецъ не можетъ быть долженъ. Пусть онъ позволитъ мнѣ любить васъ, и я навсегда останусь его должникомъ.

— Я вамъ не совѣтую сообщать ему эту теорію. Предупреждаю васъ, что онъ будетъ злоупотреблять ею.

— Недолго. Черезъ часъ я уѣзжаю.

— Въ Парижъ?

— Въ Америку.

Она посмотрѣла на него, не понимая.

— Мнѣ предлагаютъ важное порученіе въ Чикаго. Мое отсутствіе можетъ продлиться цѣлый годъ. Только сегодня утромъ я получилъ письмо, въ которомъ говорится, что присутствіе мое тамъ крайне необходимо; а такъ какъ послѣ завтра утромъ пароходъ отходитъ изъ Гавра, то...

— Если это порученіе важно, какъ оно и должно быть, то поздравляю васъ.

— Мое рѣшеніе не удивляетъ васъ нисколько?

Digitized by Google

— Я нахожу его благоразумнымъ. Это путешествіе доставитъ вамъ удовольствіе, опытность и пользу. Вы были бы не правы, еслибы не рѣшились ѣхать.

— А между тѣмъ я хотѣлъ отказаться.

— Вы передумали, вотъ и все.

— Стало быть, сказалъ молодой человѣкъ немного нетерпѣливо,—вы находите естественнымъ, что я оставляю все, что люблю?

— Ваша мать, конечно, будетъ горевать, но она утѣшится при мысли, что это путешествіе вамъ полезно.

— А вы, Луиза, вамъ не будетъ жаль меня, когда я уѣду?

Она отвернула немного голову.

— Я не имѣю права сожалѣть о васъ. Я вамъ ни сестра, ни...

— Договаривайте же.

— Для чего?

— Тогда я окончу за васъ. Вы хотите сказать: я ни ваша сестра, ни ваша жена, не такъ ли? А, между тѣмъ, межъ нами есть связь въ тысячу разъ сильнѣйшая, чѣмъ нѣжность брата и сестры; связь, которую не можетъ разорвать отдаленность, не можетъ ослабить разлука. Вы позволили мнѣ сказать, что я васъ люблю, и вы хорошо знаете, что эта любовь продолжится всю мою жизнь! Я признался во всемъ моей матери. Я умолялъ ее предоставить мнѣ свободу, вѣрить мнѣ, что я могу быть счастливъ только съ вами. Можетъ быть, къ ея удивленію примѣшалась доля сожалѣнія; можетъ быть, она лелѣяла другую мечту, которая разбилась о мое рѣшеніе. Нужды нѣтъ. Она поняла, что вы мнѣ предназначены судьбой. Сегодня она васъ приметъ; завтра она васъ полюбитъ; а по моемъ возвращеніи... О, Луиза, какое счастье предстоитъ намъ послѣ этого длиннаго года, который я проведу вдали отъ васъ, чтобы заслужить вашу руку.

Молодая дѣвушка слушала его съ глубокимъ вниманіемъ.

— Итакъ, возразила она, ваша мать соглашается на нашу свадьбу, подъ условіемъ, что она состоится черезъ годъ и что до тѣхъ поръ мы будемъ жить за двѣ тысячи миль другъ отъ друга?

Digitized by Google

Пьеръ кивнулъ головой въ знакъ согласія. Тяжело было сознаться въ этомъ испытаніи, наложенномъ на нихъ г-жею Меранъ.

— Я очень благодарна ей за это, продолжала молодая дѣвушка безъ малѣйшаго оттѣнка ироніи.—Но увѣрены ли вы, что все сказано, и нѣтъ ли еще воли, которую вы не спрашивали, и съ которою, можетъ быть, нужно посовѣтоваться?

— Думаете ли вы, что вашъ отецъ?..

— О, мой отецъ предоставилъ мнѣ полную свободу.

— Какая же другая воля можетъ помѣшать вамъ быть моею?

— А моя собственная.

— Что вы хотите сказать? произнесъ, измѣняясь въ лицѣ и блѣднѣя, Пьеръ.

— Я вижу лучше, чѣмъ вы, жертву, которую вы приносите, давая мнѣ ваше имя. Я одного мнѣнія съ вашей матерью: эта жертва слишкомъ велика. О, выслушайте меня, Пьеръ. Вы мнѣ сказали: я васъ люблю! Это было безполезно, я знала это еще прежде. Вѣрю, что ваша любовь искренна, потому что она внушаетъ вамъ рѣшеніе, въ которомъ вы, можетъ быть, не замѣчаете всѣхъ опасностей; но въ глубинѣ души вы все таки чувствуете, что оно серьёзно и опасно. Я не знаю, люблю ли я васъ; но я питаю къ вамъ такое уваженіе и расположеніе, какого ни къ кому никогда не чувствовала. Позвольте мнѣ объяснить вамъ то, что ваша мать уже вѣроятно говорила вамъ. Я не такая жена, какую вамъ нужно. Мнѣ двадцать четыре года; я жила одна, безъ поддержки, безъ покровителя, мнѣ слишкомъ поздно—учиться повиноваться. Въ предстоящей вамъ карьерѣ, въ томъ обществѣ, гдѣ вы будете жить, я буду для васъ только помѣхой, и самой тяжелой. Еслибы вы были очень богаты, вы могли бы попытать счастія, не имѣя нужды ни въ комъ. Но вы должны будете считаться съ людьми, привыкшими обо всемъ судить по своему и относиться безпощадно ко всему, что выше ихъ понятій.Вы думаете, что побѣдите препятствія, но вы не будете имѣть этой радости, вы сами ослабѣете въ борьбѣ. И черезъ нѣсколько лѣтъ, въ полной силѣ молодости, во всемъ блескѣ своего таланта, вы почувствуете тяжесть цѣпи, которою вы сами хотите сковать себя. Вы увидите, что есть женщины

Digitized by Google

болѣе молодыя, болѣе красивыя, болѣе плѣнительныя, чѣмъ та, которой вы всѣмъ пожертвовали. Вы сравните настоящее съ будущимъ, какимъ оно могло быть; вы забудете вашу любовь, будете проклинать вашу слабость, оплакивать свою свободу... И это будетъ слишкомъ поздно.

Пьеръ въ изумленіи слушалъ эту рѣчь.

— Вы ли это говорите мнѣ?

— Можетъ быть, я не права: Можетъ быть, вы и не будете этого думать. Но необходимо, чтобы вы сдѣлались благоразумнѣе.

Она говорила очень быстро, отчетливымъ, почти жесткимъ голосомъ, съ опущенными глазами. Молодой человѣкъ нѣсколько времени: не могъ ничего выговорить отъ изумленія.

— Берегитесь, Луиза, сказалъ онъ наконецъ:—ваша гордость дѣлаетъ васъ несправедливой къ моей матери, которая васъ не знаетъ, жестокой ко мнѣ, единственная вина котораго состоитъ въ томъ, что онъ васъ обожаетъ. Если жизнь, какую я могу предложить вамъ, пугаетъ васъ; если вы думаете, что не можете ужиться въ обществѣ, иначе какъ подъ защитой богатства, такъ я рискну всѣмъ для этого. При сильномъ желаніи, въ два года можно составить состояніе или умрете.

— Вы говорите, какъ ребенокъ.

— А вы заставите меня дѣйствовать безразсудно. Развѣ вы этого хотите?

— Клянусь вамъ, что я говорила искренно. Послѣдуйте моему дружескому совѣту.

— Я у васъ прошу не совѣта, а окончательнаго отвѣта. Любите ли вы меня?

— Если я вамъ скажу: нѣтъ, что вы сдѣлаете?

Черты лица его помрачились. Онъ схватилъ насильно ея руку.

— Луиза!..

— Мнѣ больно, произнесла она спокойнымъ тономъ, не дѣлая ни малѣйшаго усилія освободиться.

Руки молодаго человѣка безсильно упали. Луиза потерла свою руку, на которой крѣпкое пожатіе оставило розовую полоску.

Digitized by Google

— Но, ради Бога, вскричалъ Пьеръ, отвѣчайте мнѣ! Развѣ вы не видите, что я страдаю? Сжальтесь надо мною. Разбейте мнѣ сердце, но только сразу.

Онъ упалъ къ ея ногамъ, изнемогая подъ бременемъ своего горя, и снова схватилъ руку молодой дѣвушки. Она тихо оттолкнула его.

— Прощайте, Пьеръ. Вѣрьте мнѣ, не жалѣйте ни о чемъ. Жизнь передъ вами. Когда нибудь...

Она хотѣла уйти, но остановилась, отвернула голову и попыталась сдѣлать шагъ назадъ. Пьеръ обвилъ ея талію руками и удержалъ ее.

— Когда нибудь? повторилъ онъ. Но зачѣмъ эти слезы, если вы не любите меня? О, слишкомъ поздно прятать ихъ отъ меня. Луиза, зачѣмъ мучить насъ обоихъ? Ты видишь, что это выше силъ твоихъ. Скажи мнѣ, что ты не любишь меня, когда я чувствую, какъ дрожитъ твоя рука въ моей, когда мои глаза смотрятъ въ твои глаза! Иди, я тебя не спрашиваю больше ни о чемъ. Я ѣду спокойно. Не произноси передо мною клятвъ, не обѣщай мнѣ ничего. Но прежде чѣмъ потерять тебя на одинъ годъ, позволь мнѣ поцѣловать тебя и назвать своей невѣстой.

Онъ прижалъ ее къ своей груди, не спуская съ нея глазъ. Она не сопротивлялась. Ихъ губы встрѣтились.

— Луиза! послышался невдалекѣ отъ нихъ голосъ Мурье. Онъ не могъ ихъ видѣть, но былъ въ двадцати шагахъ отъ нихъ. Они разлучились.

— Иду, папа.

Молодой человѣкъ снова приблизился. Это была послѣдняя минута ихъ свиданія. Ихъ помолвка, по желанію г-жи Меранъ, должна была оставаться секретной.

— Прощайте, Пьеръ.

— До свиданья, черезъ годъ.

Еще разъ она, казалось, колебалась. Пьеръ не дѣлалъ никакого движенія, но его горячій взглядъ умолялъ ее. Она положила ему руку на плечо и искреннимъ, откровеннымъ голосомъ, какимъ произноситъ клятву честный человѣкъ, повторила только эти два слова:

— До свиданья.

Она сама приблизила свои уста къ его устамъ. Пьеръ

Digitized by Google

почувствовалъ огненное прикосновеніе, и глаза его, противъ воли, закрылись. Когда онъ открылъ ихъ, ея уже не было.

VI.

Это было въ понедѣльникъ утромъ. Прошло уже сорокъ восемь часовъ съ тѣхъ поръ, какъ г-жа Меранъ получила изъ Гавра послѣднюю депешу отъ своего сына.

Уже два дня была разорвана цѣпь, позволявшая двумъ любящимъ существамъ, хотя бы ихъ раздѣляло огромное пространство, говорить: „если что нибудь случится, я буду знать".

Корабль на морѣ не находится въ такомъ положеніи. Для того чтобы снова связать цѣпь, нужно было еще восемь дней, и какихъ длинныхъ, опасныхъ дней! Г-жа Меранъ смотрѣла на море, на небо, слушала съ замираніемъ сердца завываніе вѣтра; горькая, мучительная грусть овладѣла ею, и къ ней примѣшивалась ненависть къ той, которая отняла у нея сына.

Однако она обѣщала видѣться съ нею, быть къ ней доброй, покровительствовать ей въ случаѣ нужды. Она исполнитъ свое обѣщаніе, но не будетъ спѣшить. Не съ Луизой хотѣла бы она говорить объ отсутствующемъ.

Еслибы съ Жанной! О, это было бы совсѣмъ другое дѣло. Она такъ любила ее! И какъ онѣ понимали другъ друга, хотя между ними не было произнесено ни одного слова. Жанна, со времени отъѣзда Пьера, потеряла свою улыбку. Она, ходила какъ потерянная, бросила свои обычныя игры, сидѣла по цѣлымъ часамъ, запершись въ своей комнатѣ, и выходила оттуда съ красными глазами и блѣднымъ лицомъ. А когда отецъ нѣжно упрекалъ ее за то, что она слишкомъ горюетъ объ отъѣздѣ своего товарища дѣтства, она увѣряла, что это ничего, что она спокойна и весела. Пьеръ, конечно, возвратится; всѣ ошибаются, думая, что она плачетъ объ немъ!

Впрочемъ, адмиралъ не очень безпокоился объ этомъ дѣтскомъ горѣ. Пьеръ поступилъ благоразумно; а что касается до большаго десятидневнаго путешествія на быстромъ пароходѣ, въ каютѣ перваго класса, то онъ смѣялся надъ этимъ, какъ человѣкъ, который сдѣлалъ пятьдесятъ тысячъ

Digitized by Google

миль, побывалъ во всѣхъ моряхъ и видѣлъ въ продолженіе четырехъ мѣсяцевъ только небо и воду, не зная, когда это кончится.

— Еслибы вы могли видѣть его, когда онъ пріѣдетъ въ Нью-Іоркъ! Онъ навѣрное потолстѣетъ! Вы не можете себѣ представить, какъ тамъ кормятъ; американцы вѣдь тоже любятъ хорошій столъ!—говорилъ онъ, утѣшая г-жу Меранъ.

Словомъ, онъ думалъ совсѣмъ о другомъ въ это утро. Онъ всталъ раньше и отправился въ свою сосновую рощицу, запахъ которой напоминалъ ему морской вѣтеръ. Онъ былъ одѣтъ болѣе старательно, чѣмъ обыкновенно, и съ своимъ свѣжимъ лицомъ, еще гибкимъ станомъ и бодрой походкой смотрѣлъ совсѣмъ молодцомъ. Онъ ходилъ взадъ и впередъ и, казалось, обдумывалъ какой-то важный планъ. Потомъ онъ медленно возвратился въ свою комнату. При видѣ дочери, выбѣжавшей къ нему, лицо его омрачилось. Она не замѣтила этого, да и не повѣрила бы, чтобы отецъ могъ сердиться на нее. Она шла къ нему съ дѣтскою довѣрчивостью, которая не знаетъ отказа. Новое горе угрожало ей, отецъ долженъ былъ защитить ее. Луиза хотѣла уѣзжать.

— А, произнесъ адмиралъ съ маленькимъ дрожаньемъ въ голосѣ:—m-lle Мурье хочетъ насъ оставить? Не знаешь ли почему?

— Не знаю; это, безъ сомнѣнія, вслѣдствіе внезапной грусти, которая иногда нападаетъ на нее. И такъ какъ она ищетъ тогда уединенія, то и воображаетъ, что она здѣсь лишняя; какъ будто мы всѣ такіе веселые!

Невольная слеза повисла на ея рѣсницѣ, но она быстро отерла ее и продолжала, положивъ обѣ руки на плеча отца:

— Но ты не пустишь ея, папа, неправда ли?

— Такъ m-lle Мурье груститъ по временамъ? спросилъ удивленный адмиралъ. Я этого не замѣчалъ.

— Бѣдная Луиза, она такъ несчастна! Никто ее не любитъ Я знаю, что у нея есть отецъ, но ея отецъ... совсѣмъ не такой, какъ я понимаю!

Въ этихъ словахъ заключался результатъ глубокаго наблюденія. Жанна, конечно, не знала оборотной стороны характера Мурье; она бы нашла въ ней много непонятныхъ вещей, но она угадывала инстинктомъ, тѣмъ несравненнымъ чутьемъ, которое принадлежитъ дѣтямъ.

Digitized by Google

Адмиралъ увидѣлъ въ этихъ словахъ только похвалу себѣ и отвѣчалъ, улыбаясь:

— Какъ, напримѣръ, я?

— О, тебя я не считаю, сказала Жанна, цѣлуя его бакенбарды, на этотъ разъ старательно расчесанные и слегка надушенные очень тонкими духами.—Тебя нельзя сравнивать, ты слишкомъ балуешь меня. Но есть же и благоразумная нѣжность. Я увѣрена, что Луиза съумѣла бы отвѣтить на нее.

— Она жалуется на своего отца?

— Она... О, нѣтъ. Ты знаешь, она не жалуется никогда.

— Какъ ты думаешь, любитъ ли она тебя?

— Надѣюсь, что да, сказала Жанна съ сердечнымъ порывомъ:—я ее такъ люблю!

При этихъ словахъ, адмиралъ поцѣловалъ ее; она не удивилась, она привыкла къ ласкамъ.

— Ты любишь ее также, какъ и крестную мать?

— Ну, нѣтъ, сказала Жанна докторальнымъ тономъ:—это совсѣмъ другое.

— Итакъ, ты будешь огорчена, если она уѣдетъ?

— Довольно и того, что она оставитъ насъ по возвращеніи въ Парижъ. И еще есть, можетъ быть, возможность, еслибы ты захотѣлъ...

— Возможность чего?

— Оставить ее у насъ, прошептала Жанна, опуская голову передъ смѣлостью своего предложенія.

— А! произнесъ адмиралъ, ты думаешь?

Жанна вертѣла въ рукахъ красную ленточку почетнаго легіона, въ петлицѣ сюртука.

— Твой отель въ Парижѣ слишкомъ великъ для насъ двоихъ. Тамъ есть павильонъ совсѣмъ намъ ненужный. Еслибы ты захотѣлъ передѣлать его въ мастерскую, можетъ быть, мы бы убѣдили ее...

— Жить съ нами? Такъ это тебѣ доставитъ удовольствіе?

— Можешь ли ты сомнѣваться въ этомъ?

— Сомнѣваюсь, сказалъ немного взволнованнымъ голосомъ адмиралъ,—чтобы она согласилась на это. Но, можетъ быть, найдется другое средство.

Жанна съ любопытствомъ посмотрѣла на него, но адми-

Digitized by Google

ралъ, противъ обыкновенія, смотрѣлъ на паркетъ и не поднималъ глазъ. Тихій стукъ въ дверь прервалъ эту бесѣду.

— Войдите! сказалъ адмиралъ.

Въ дверяхъ показался стройный станъ m-lle Мурье. Жанна обмѣнялась чуть замѣтнымъ взглядомъ со своимъ отцомъ, поцѣловала мимоходомъ Луизу и поспѣшно выбѣжала изъ комнаты. Адмиралъ сдѣлалъ два шага къ молодой дѣвушкѣ и протянулъ ей руку съ почтительнымъ поклономъ.

Луиза была нѣсколько блѣдна. Кто не присутствовалъ при сценѣ въ липовой аллеѣ, или не былъ посвященъ въ тайну Пьеромъ, какъ г-жа Меранъ, не замѣтилъ бы въ ней никакой перемѣны, кромѣ оттѣнка грусти и уныніи, который легко объяснялся ея положеніемъ.

Адмиралъ уже давно рѣшился. Онъ хорошо зналъ, что хотѣлъ сказать ей, и ожидалъ только благопріятной минуты. Но, несмотря на это, сердце его сильно забилось, и Луиза должна была первая начать говорить. Она сказала, что ей пора проститься съ ними, августъ оканчивается, а она имѣетъ заказы, срокъ которыхъ скоро наступитъ. Кромѣ того, ее уже нѣсколько дней безпокоитъ состояніе здоровья отца, и ей хочется поспѣшить въ Парижъ.

— Тѣмъ болѣе вы должны остаться здѣсь, сказалъ адмиралъ. Полинъ отлично изучилъ болѣзнь вашего отца и можетъ помочь ему.

Она поблагодарила, но ей все таки необходимо было ѣхать.

— Но вамъ придется снова вести машинальную жизнь! вскричалъ адмиралъ.

— Я исполняю свой долгъ, отвѣчала она просто — и не нахожу его слишкомъ труднымъ.

Адмиралъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ, чтобы побѣдить свое волненіе, но, кажется, плохо успѣлъ въ этомъ, потому что его голосъ дрожалъ.

— Вы обладаете благороднымъ сердцемъ, Луиза. Но если ваша самоотверженность безгранична, то вамъ, наконецъ, измѣнятъ силы. Вы и такъ уже испортили свое здоровье, берегитесь.

Луиза съ недоумѣніемъ взглянула на него, потому что въ звукѣ его голоса была какая-то нѣжность. Она смотрѣла на него съ минуту, какъ бы стараясь прочесть въ выраженіи его

Digitized by Google

лица то чувство, котораго она не понимала. Потомъ она сказала весело, слегка пожавъ плечами:

— Что же дѣлать адмиралъ! Я иначе не могу.

Адмиралъ приблизился къ ней, взялъ за руки и посмотрѣлъ на нее взглядомъ моряка, привыкшаго измѣрять пространство, проникать въ бездну морскую, отъискивать въ непроницаемомъ туманѣ свѣтлую точку, маякъ или звѣзду, которыя могутъ принести жизнь или смерть.

— Нѣтъ, я не могу болѣе выдержать, это не можетъ продолжаться. Луиза, еслибы честный человѣкъ предложилъ вамъ, вмѣстѣ съ своимъ сердцемъ и всей жизнью, порядочное состояніе, позволяющее вамъ жить согласно вашимъ вкусамъ и исполнять долгъ дочерней преданности, не осуждая на этотъ ужасный трудъ, который убиваетъ васъ? Еслибы онъ попросилъ у васъ взамѣнъ не вашей любви, но права любить и защищать васъ, не почувствовали ли бы вы себя способной когда нибудь, хотя немного, полюбить его?

Рѣсницы молодой дѣвушки задрожали, какъ будто внезапный лучъ блеснулъ ей въ глаза. Съ минуту она молчала. Адмиралъ тоскливо ожидалъ отвѣта.

— Вы дѣлаете мнѣ большую честь, сказала наконецъ она съ трогательной простотою. Я очень благодарна вамъ; ваше предложеніе глубоко трогаетъ меня, и я очень сожалѣю, что не могу принять его.

— Позвольте мнѣ надѣяться, что вы перемѣните мнѣніе, возразилъ адмиралъ голосомъ, который отъ волненія сдѣлался хриплымъ. Онъ чувствовалъ хорошо, что нѣжныя мольбы не шли къ нему. Еслибы онъ былъ молодой человѣкъ, онъ бы заплакалъ у ея ногъ.

— Не думаю, отвѣчала она.

— Я васъ умоляю: не отталкивайте меня, не подумавъ хорошенько. Я могу ждать, сколько хотите и прошу у васъ только одного: помнить, что я принадлежу вамъ, и что стоитъ вамъ сдѣлать знакъ...

Онъ остановился. Слова съ трудомъ выходили изъ его сжатаго горла. Онъ бросилъ послѣдній взглядъ на молодую дѣвушку, поклонился ей съ почтеніемъ и направился, почти шатаясь, къ дверямъ.

Съ террасы послышался голосъ Мурье:

Digitized by Google

— Луиза! Выйди на крыльцо. Я не могу войти въ залу съ сигарой.

Молодая дѣвушка направилась въ сторону, откуда звалъ ее отецъ. Адмиралъ посторонился, чтобы пропустить ее. Когда ея платье почти коснулось его, онъ повторилъ очень тихо, но съ глубокой энергіей:

— Если вы захотите... когда только пожелаете... одно слово... одинъ знакъ...

Въ его движеніи, взглядѣ, голосѣ, глухомъ отъ внутренняго страданія, сдерживаемаго силой воли, было столько любви, покорности, обожанія, что она почувствовала гордость, что могла внушить такую страсть. Въ адмиралѣ, несмотря на его шестьдесятъ шесть лѣтъ, не было ничего старческаго. Онъ ходилъ, ѣздилъ на лошади, владѣлъ шпагой, какъ молодой человѣкъ. Суровая и простая жизнь, даже посреди богатства, желѣзный темпераментъ и продолжительныя, чистыя привязанности позволяли ему вести примѣрную жизнь. У него не было морщинъ, и только кое-гдѣ широкія складки на лицѣ. Онъ сохранилъ взглядъ и улыбку молодости, и бѣлые зубы, безъ труда перегрызавшіе твердый матросскій сухарь. Когда онъ выходилъ подъ руку съ дочерью, его не считали отцомъ. Всякая женщина могла любить его и даже ревновать.

VII.

Мурье прогуливался по террасѣ неровною походкой, предвѣщавшей значительное раздраженіе.

— А! сказалъ онъ, увидя дочь, задумчиво подходившую къ нему,—надѣюсь, что ты перемѣнила мнѣніе?

— Нѣтъ.

— Такъ ты настаиваешь на возвращеніи въ Парижъ?

— Судите сами, могу ли я остаться. Адмиралъ только что просилъ моей руки.

Мурье остановился, почти задыхаясь, и потянулъ раза четыре сряду свою сигару, чтобы опомниться отъ внезапнаго удивленія.

— А! честный человѣкъ! вскричалъ онъ наконецъ. Серьезно? Какъ я радъ, что у него такой хорошій вкусъ! Надѣюсь, что ты не заставила его ждать отвѣта?

Digitized by Google

— Нѣтъ. Я сейчасъ же отказала ему. Разговоръ продолжался только пять минутъ.

Мурье нахмурилъ брови и такъ стиснулъ зубы, что чуть не перекусилъ сигару.

— Къ чорту женщинъ! пробормоталъ онъ, топнувъ ногой. Онѣ сами не знаютъ, что дѣлаютъ!

— Я отвѣтила то, что должна была отвѣтить. Этотъ бракъ невозможенъ.

Мурье пристально взглянулъ на дочь и медленно проговорилъ:

— Въ самомъ дѣлѣ! Почему?

— Я не люблю адмирала.

— Тьфу пропасть!

— Замужство безъ любви—все равно, что продажа. Я не хочу продаваться.

Мурье пожалъ плечами.

— Высокопарныя слова! Ну, и ты ошибаешься. Оскорбительно не продавать себя, а не найти покупщика. Женщины все равно, что картины: образцовыя покупаются, и за очень дорогую цѣну; дурныя отдаются за безцѣнокъ. Я понимаю въ этомъ кое-что.

Молодая дѣвушка едва слушала его; онъ замѣтилъ это и перемѣнилъ наставительный тонъ почти на умоляющій:

— Ну, моя маленькая Луиза, ты вѣдь еще не сказала своего послѣдняго слова; подумай, какъ богатъ адмиралъ! Это единственный случай. Къ тому же, онъ такъ хорошо сохранился и кажется почти молодымъ. Онъ можетъ быть депутатомъ или сенаторомъ, если захочетъ. Выходи за него хоть для меня, такъ какъ я всегда мечталъ сдѣлаться директоромъ изящныхъ искусствъ.

Луиза презрительно пожала своими великолѣпными плечами.

— Вы, кажется, хорошо знаете, что не заставите меня перемѣнить мнѣніе. Если адмиралъ обратится къ вамъ, вы знаете, что ему отвѣтить.

Мурье подумалъ съ минуту и вдругъ ударилъ себя по лбу:

— Развѣ молодой Меранъ объяснился съ тобой до отъѣзда?

Digitized by Google

— Я дала слово Пьеру Мерану. Если онъ, возвратившись черезъ годъ, потребуетъ исполненія обѣщанія, я буду готова сдержать его. Если онъ меня забудетъ, я никогда не выйду замужъ.

Мурье съ досады затушилъ сигару; нѣсколько времени они молча ходили по террасѣ, наконецъ онъ сказалъ рѣзкимъ и въ то же время почти нѣжнымъ тономъ:

— Знаешь, что̀ я тебѣ скажу? То, что̀ ты дѣлаешь — нелѣпо.

— Я не спрашивала вашего совѣта, сухо отвѣтила молодая дѣвушка.

— Молодой Меранъ,—продолжалъ отецъ, нисколько не сердясь на тонъ дочери,—уѣхалъ съ грустью въ сердцѣ, потому что его матушка не на шутку разсердилась при мысли, что ты сдѣлаешься членомъ ея знатнаго семейства. Она послала его въ Америку съ твердой надеждой, что онъ забудетъ тебя; въ этомъ нѣтъ ничего невѣроятнаго. Впрочемъ, я думаю, что онъ возвратится. Знаешь ли ты состояніе его матери? Пятнадцать или шестнадцать тысячъ годоваго дохода. Она дастъ своему сыну небольшую часть, потому что ты никогда не будешь ея любимой невѣсткой. Онъ получитъ профессорскую каѳедру черезъ два-три года, а, можетъ быть, придется ждать и больше; это далеко не Калифорнія; а въ качествѣ адвоката, имѣя жену и дѣтей, онъ, по всей вѣроятности, не выиграетъ ничего. Это уже такъ всегда бываетъ. Теперь г-жѣ Меранъ сорокъ восемь лѣтъ; она здорова, какъ Новый мостъ, и ты можешь ожидать ея наслѣдства въ двѣсти тысячъ франковъ лѣтъ черезъ двадцать. Вотъ выводъ всего этого.

— Этого будетъ весьма достаточно для меня, сказала молодая дѣвушка, не тронутая этими доказательствами. Мнѣ кажется, что я не настолько избалована, чтобы находить это недостаточнымъ.

— Ты думаешь? живо перебилъ ее Мурье. Еще заблужденіе. Для такой дѣвушки, какъ ты, дочери такого отца, какъ я; воспитанной такъ, какъ ты была воспитана,—бѣдность еще выносима, но не мѣщанская умѣренность. Знаешь почему? Потому что это ужасно скучно. Бѣдность можетъ быть веселая. Ничего не имѣть,—значитъ, надѣяться на все. Ни-

Digitized by Google

что не порождаетъ такихъ прекрасныхъ грезъ, какъ сухой хлѣбъ. Но мѣщанскій супъ! Ты не выдержишь и недѣли. Бѣдность поэтична. Посмотри на героевъ романа: всѣ они или нищіе, или принцы. Хочешь остаться дѣвушкой, ѣсть сухой хлѣбъ на чердакѣ, сдѣлаться, можетъ быть, артисткой? Хорошо, пусть будетъ такъ. Хочешь блистать, веселиться, очаровывать, слышать, что ты геніальна? Выходи за адмирала. Но быть женою мелкаго адвоката, нанимать квартиру въ тысячу франковъ, провѣрять счеты кухарки и починять бѣлье мужа! Никогда этого не будетъ! Ты не была бы моей дочерью, еслибы такая жизнь могла быть тебѣ по вкусу!

Въ словахъ Мурье слышалось грубое, но искреннее краснорѣчіе. Этотъ человѣкъ, который не могъ доставить своей дочери ни пропитанія, ни дѣйствительнаго покровительства, чувствовалъ себя взволнованнымъ, помимо своего личнаго интереса, при мысли, что она отказывалась отъ давно лелѣемыхъ имъ грезъ о богатствѣ для вульгарной дѣйствительности.

— Пьеръ—не герой романа, но человѣкъ съ сердцемъ прямымъ, простымъ и гордымъ. Я скорѣе бы отказалась отъ его любви, чѣмъ отъ его уваженія. Я дала ему слово и сдержу его.

— Какъ хочешь. Я умываю руки. И такъ какъ я вижу твою будущую свекровь, то оставляю тебя наслаждаться ея разговоромъ,—вскричалъ Мурье съ гнѣвомъ болѣе притворнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ. Въ сущности онъ смотрѣлъ на г-жу Меранъ, какъ на свою помощницу, и удаляясь со всѣми признаками дурнаго расположенія духа, чтобы предоставить ей полную свободу дѣйствовать, говорилъ самъ себѣ, что, благодаря ей, можетъ быть, не все еще потеряно.

Луиза, несмотря на твердость своей защиты, не осталась нечувствительною къ нападкамъ отца. Она хорошо видѣла, что онъ во многомъ правъ. Она сама предсказывала Пьеру вѣроятный результатъ его стойкости и своей слабости. Самая меньшая опасность состояла для нея въ томъ, что молодой человѣкъ, возвратясь черезъ годъ, совсѣмъ излѣчится отъ страсти, которая родилась и выросла въ такое короткое время. А если онъ, несмотря на это, по остатку

Digitized by Google

любви, по честности сердца или изъ сожалѣнія, потребуетъ исполненія ея обѣщанія, то, пожалуй, будетъ еще сожалѣть о роковомъ бракѣ. Какая будущность для него и для нея!

Но когда она видѣла его въ мысляхъ у своихъ ногъ; представляла его взоръ, устремленный на нее, его руки, сжимающія ея руки; когда она вспоминала его голосъ, она испытывала то обаяніе, которое бросило ее трепещущую, и почти противъ воли, въ его объятія. Она чувствовала сладость его горячаго поцѣлуя на своихъ губахъ и была положительно неспособна думать о чемъ нибудь, кромѣ своей любви. Наконецъ, она уже не принадлежала самой себѣ, она въ первый разъ покорилась чужой волѣ, и эта мысль: имѣть властелина, доставляла ей необыкновенное удовольствіе. Она не имѣла ни права, ни возможности располагать собою. Это его дѣло приказывать; ей остается только быть достойною его.

Такія мысли занимали ее въ то время, какъ г-жа Меранъ подходила къ ней. Медленность ея походки не предвѣщала влеченія къ дѣвушкѣ. Но Луиза въ эту минуту такъ нуждалась въ опорѣ, что охотно бросилась бы въ ея объятья, еслибъ малѣйшее ея движеніе подало къ тому поводъ. Г-жа Меранъ шла по доброй волѣ, съ твердымъ намѣреніемъ сдержать свое обѣщаніе и исполнить до конца то, что считала одною изъ самыхъ трудныхъ обязанностей. При такихъ условіяхъ трудно, чтобы зародилась симпатія между этими двумя натурами, тѣмъ болѣе далекими другъ отъ друга, что въ сущности обѣ имѣли много общаго по энергіи, прямодушію и честности.

— Мой сынъ, начала г-жа Меранъ, не рѣшаясь протянуть ей руку,—поручилъ мнѣ передать вамъ послѣднее прости. Онъ долженъ былъ сказать: до свиданья, потому что годъ пройдетъ скоро, а онъ, вѣроятно, вамъ сказалъ, что послѣ его возвращенія я предоставлю ему свободу поступить сообразно его сердцу и разсудку.

Она чистосердечно воображала, что выказываетъ благосклонность нѣжной и матерински-доброй души. Она не чувствовала, что усиліе, которое употребляла для произнесенія этихъ словъ, и неискренность ея голоса, для деликатнаго

Digitized by Google

уха молодой дѣвушки были хуже, чѣмъ горькіе упреки. Луиза, непріятно пораженная этимъ тономъ, все таки сознавала, что г-жа Меранъ прилагала все стараніе, чтобы не показаться ей враждебной. Она должна быть благодарна и за это.

— Вы слишкомъ добры, сказала она, стараясь найти самыя пріятныя ноты голоса.—Знаю, что я много виновата предъ вами, но буду стараться по возможности загладить свою вину, и надѣюсь на ваше снисхожденіе.

Она охотно подставила бы ей свой лобъ; но г-жа Меранъ не выказывала никакихъ ласкъ и, казалось, не желала ихъ. Можно было скорѣе подумать, что она исполняла какую-то обязанность, чуждую ея личныхъ интересовъ. Она дѣлала, что могла. Внезапно поднявшійся морской вѣтеръ началъ сильно завывать и, разговаривая, она думала о кораблѣ, носившемся по волнамъ Атлантическаго океана, за много миль отсюда, и все далѣе и далѣе уносящемъ ея сына.

Для этой дѣвчонки онъ уѣхалъ. Вотъ была сущность и неизмѣнная тема ея размышленій. Она не могла этого простить ей.

— Признаюсь, сказала она, что выборъ моего сына былъ не тотъ, какой я представляла себѣ; скажу болѣе: на что я надѣялась. Я отдаю справедливость вашему уму и вашей красотѣ. Одно только пугаетъ меня, что бы вы, одаренная столькими достоинствами, не почувствовали себя стѣсненной въ той скромной жизни, какую мой сынъ можетъ вамъ предложить.

— Та, какую я вела до сихъ поръ, сказала съ какою-то меланхолическою веселостью Луиза, не приготовила меня къ роскоши.

— Я знаю, что вы мужественно боролись съ судьбою. Но въ ваши года живутъ надеждою. Ваша молодость, вашъ талантъ открыли вамъ болѣе блестящую перспективу. Откажетесь ли вы отъ нея безъ сожалѣнія?

Г-жа Меранъ такъ плохо защищала дѣло своего сына, что, сама не сознавая, ясно выказала свое нежеланіе выиграть его; и это не ускользнуло отъ вниманія Луизы. Мурье былъ правъ, глядя на мать жениха его дочери, какъ на свою лучшую союзницу, когда дѣло шло о томъ, чтобы сдѣлать этотъ бракъ невозможнымъ.

Digitized by Google

Несмотря на все, Луиза не отчаивалась привлечь на свою сторону будущую мать.

— Зачѣмъ мнѣ отказываться? отвѣтила она съ кротостью на вопросъ г-жи Меранъ.—Развѣ мой женихъ, давши мнѣ свое имя, потеряетъ надежду сдѣлать его знаменитымъ посредствомъ своего таланта и труда?

— Нѣтъ, но, можетъ быть, для этого понадобится лѣтъ двадцать, если онъ только и въ этотъ срокъ чего нибудь достигнетъ.

— Зачѣмъ сомнѣваться въ его успѣхѣ?

— Я и не сомнѣвалась—до вчерашняго дня.

— Такъ это я служу ему препятствіемъ, сказала съ унынiемъ Луиза. Г-жа Меранъ не имѣла присутствія духа или желанія сдержаться и выронила слово, которое какъ ножемъ поразило молодую дѣвушку, и она прибавила съ грустью:— Но если вы считаете его жертву такой великой, зачѣмъ вы согласились на нее?

Г-жа Меранъ почувствовала себя неправой. Она дала обѣщаніе сыну и не исполняла его. Это еще менѣе расположило ее къ Луизѣ. Но какая-то странная надежда, въ которой она сама себѣ не хотѣла признаться, внезапно возникла въ ней. Можетъ быть, она бы удивилась, еслибъ ей сказали, что она употребляла теперь всѣ зависящія отъ нея средства, чтобы уничтожить планы Пьера. Есть такія минуты, когда самый мирный разговоръ принимаетъ непріязненный оттѣнокъ. Не въ ея власти было остановиться или перемѣнить предметъ разговора.

— Можно пожертвовать честолюбіемъ счастью, сказала она дѣйствительно искренно.—Мой сынъ думаетъ, что можетъ быть счастливъ только съ вами. Дай Богъ, чтобы онъ не ошибся.

— Я желаю отъ всей души пріобрѣсти вашу любовь, возразила молодая дѣвушка, гордо поднимая голову,—но вижу, что это будетъ очень трудно.

— Вы ошибаетесь. Клянусь вамъ, что буду любить васъ, какъ мать, если вы составите счастье моего сына.

Учтивость покрывала ѣдкость обмѣненныхъ фразъ. Въ первый разъ, можетъ быть, каждая изъ этихъ двухъ женщинъ нашла, что передъ нею душа такая же закаленная, какъ и ея соб-

Digitized by Google

ственная. Г-жа Меранъ всегда видѣла въ Луизѣ что-то опасное. Но до сихъ поръ она боялась только воображаемыхъ въ ней недостатковъ; теперь же ея достоинства и дарованія, открывшіяся инстинкту женщины и матери, еще болѣе пугали ее. Чувство ревности, которое она испытывала, приближаясь къ молодой дѣвушкѣ, исчезло, но упреки, которые она внутренно обращала къ ней, вылились невольно.

Она не знала, что Луиза, оставаясь вѣрна данному слову, отказалась отъ богатства. Луиза, несправедливо оскорбленная, и не желая защищаться, потеряла немного свое хладнокровіе.

— Развѣ я могу отвѣчать за будущее, сказала она:— Развѣ отъ меня зависитъ, чтобы успѣхъ и богатство пришли на встрѣчу его усиліямъ? Еслибы только отъ меня зависѣло сдѣлать его счастливымъ, то хотя бы даже пришлось отказаться отъ него, думаете ли вы, что я поколебалась бы? Развѣ моя вина, что онъ меня любитъ? Если я, выходя замужъ за вашего сына, обрекаю его на неизвѣстность и нужду, то согласитесь, по крайней мѣрѣ, что съ моей стороны тутъ нѣтъ никакого разсчета и честолюбія.

— Такъ вы сознаёте, что счастье, которое онъ думаетъ найти въ васъ, можетъ пострадать отъ событій, независящихъ отъ его или вашей воли? и что можетъ настать время, когда вашей любви будетъ недостаточно, чтобы наполнить его жизнь? А когда придетъ это время, что вы будете дѣлать?

— Развѣ я буду виновата въ этомъ случаѣ?

— Нѣтъ. Пьеръ будетъ виноватъ. Но будете ли вы отъ этого счастливѣе? Будетъ ли онъ менѣе несчастливъ? И не будете ли вы упрекать себя, что пренебрегли средствами отрезвить его умъ, прежде чѣмъ это стало слишкомъ поздно? Видите ли, я не могу повѣрить, чтобы вы раздѣляли страсть Пьера до такой степени, чтобы не видѣть пропасти, куда онъ хочетъ броситься вмѣстѣ съ вами? Потерять васъ, конечно, было бы горько для него, но время и разлука утишаютъ многія печали. Даже, если вы любите его, то, мнѣ кажется, для такой души, какъ ваша, нѣтъ такой великой жертвы, которую она бы не могла принести?

Въ первый разъ г-жа Меранъ не держала своего слова.

Digitized by Google

Не такимъ языкомъ она обѣщала говорить съ невѣстой своего сына.. Но нужно было спасти его, и въ послѣднюю четверть часа что-то неудержимо влекло ее впередъ, не давая ей времени размыслить.

Молодая дѣвушка слушала ее блѣдная, съ опущенными руками. При послѣднихъ словахъ, кровь бросилась ей въ лицо. Этого было довольно.

— Такъ вотъ чего хотите вы отъ меня! Но увѣрены ли вы, что онъ меня забудетъ, и что придетъ дѣйствительно время, когда онъ поблагодаритъ меня за зло, которое я ему сдѣлала?

— Клянусь его счастьемъ, я такъ думаю.

Луиза Мурье колебалась нѣсколько минутъ. Ея губы шевелились, но она не могла издать ни одного звука.

— Ну, такъ я не могу! Почему хотите вы, чтобы я выказала болѣе мужества, чѣмъ онъ? Если разлука, новыя впечатлѣнія, чудеса незнакомаго міра, можетъ быть, опасности далекаго путешествія безсильны дать ему забвеніе, то что же останется мнѣ, чтобы поддержать себя въ моей жертвѣ? Сначала вы слишкомъ жестоко судили обо мнѣ, а теперь слишкомъ высоко ставите меня. Самоотверженіе, какого вы требуете отъ меня, выше моихъ силъ. Пусть Пьеръ забудетъ меня, если можетъ,—я не буду жаловаться; но я не сдѣлаю ничего, чтобы помочь ему въ этомъ.

— Дѣйствительно, было бы несправедливо требовать отъ васъ такого усилія, не предложивъ вамъ ничего взамѣнъ, произнесла положительнымъ голосомъ г-жа Меранъ.

— Взамѣнъ!... повторила Луиза съ нервнымъ хохотомъ, который она не въ силахъ была удержать;—а что вы можете предложить мнѣ?

Г-жа Меранъ понизила немного голосъ. Эта роль совсѣмъ не шла къ ней. Но передъ чѣмъ остановится героизмъ матери?

— Когда вы явитесь въ свѣтъ съ вашей красотой и талантомъ, въ сопровожденіи безупречной женщины, которая будетъ служить вамъ матерью и отвѣчать за васъ, вамъ останется только выбирать между обожателями. Еслибы Пьеръ имѣлъ большое состояніе, я бы ничего не имѣла противъ его выбора. Но повѣрьте мнѣ, дитя мое, вы рождены для богатства. Умѣренность—не ваша доля.

Digitized by Google

Во второй разъ, въ продолженіе одного часа, слышала она этотъ аргументъ по поводу ея отношеній къ Пьеру. Она слышала почти то же самое, только въ другой формѣ, что̀ сама говорила молодому человѣку, прежде чѣмъ принять его любовь. Луиза была горда и смертельно оскорблена. Манера, съ которою г-жа Меранъ открывала ей объятія, оскорбляла ея гордость. Въ ней возникла неопредолимая потребность стать выше этой женщины, даже еслибъ это усиліе разбило ея жизнь.

Къ тому же она устала отъ сильнаго напряженія, упала духомъ отъ полученныхъ непріятностей. Кто лучше г-жи Меранъ могъ знать ея сына и предвидѣть послѣдствія его любви?

Отказаться отъ него—значитъ пожертвовать собою. Она сама такъ думала. Авторитетное лицо повторяло то же самое. Онъ былъ далеко. Онъ довольно легко согласился на годъ разлуки. Они были знакомы только нѣсколько мѣсяцевъ, и что̀ она знала о его сердцѣ?

— Итакъ, сказала она, еслибы мнѣ предлагали богатое замужство, вы, его мать, посовѣтовали бы вы мнѣ принять его?

— Я бы васъ умоляла объ этомъ.

Луиза быстро сдѣлала нѣсколько шаговъ по направленію къ дверямъ виллы. Мурье былъ недалеко. Она позвала его знàкомъ. Онъ прибѣжалъ, ничего не спрашивая. Онъ былъ доволенъ, хотя не хотѣлъ показывать этого—потому что подслушалъ весь разговоръ.

— Найдите адмирала, сказала она сухимъ голосомъ.—Скажите ему, что я его прошу прійти въ залу. И сами приходите съ нимъ. Нужно свидѣтелей. Г-жа Меранъ тоже будетъ.—Мурье помчался, какъ стрѣла. Луиза попросила г-жу Меранъ слѣдовать за нею.

VIII.

Адмирала не трудно было найти. Онъ тотчасъ же пришелъ. Мурье явился вслѣдъ за нимъ, важный, какъ благородный отецъ въ драмахъ. Г-жа Меранъ предчувствовала что-то необыкновенное, но она была далека отъ предположенія,

Digitized by Google

что адмиралъ сдѣлалъ формальное предложеніе Луизѣ. Онъ былъ взволнованъ болѣе всѣхъ. Луиза, хотя очень блѣдная, казалась спокойной.

— Вы меня звали? спросилъ дрожащимъ голосомъ адмиралъ.

Луиза на мгновеніе опустила глаза. Ея рѣсницы дрожали. Еслибы г-жа Меранъ не устремила въ эту минуту глазъ на своего стараго друга, странное состояніе котораго удивляло ее, она бы замѣтила взглядъ молодой дѣвушки, съ любовью искавшій ея взгляда. Это было дѣломъ одной секунды.

Мурье капнянулъ. Адмиралъ ждалъ нетерпѣливо отвѣта.

— Помните ли вы то, что говорили мнѣ часъ тому назадъ? сказала Луиза.

— Конечно, помню...

Онъ хотѣлъ продолжать дальше, но она остановила его жестомъ.

— Думаете ли вы то же самое и теперь?

— Вы желаете, чтобы я повторилъ это здѣсь, передъ вашимъ отцомъ и г-жею Меранъ?

— Что бы это такое было? прошептала послѣдняя.

— Я хотѣлъ бы, продолжалъ адмиралъ, сказать это всему свѣту. Но берегитесь: вы подаете мнѣ ложную надежду.

— Нѣтъ. Вы предлагали мнѣ ваше имя?

Г-жа Меранъ подняла голову. Ихъ взгляды встрѣтились Гордость заблистала въ глазахъ молодой дѣвушки.

Адмиралъ опять [illegible]алъ. Мужество измѣняло ему, онъ не могъ удержаться и прошепталъ:

— Ну, и что же?

— И вотъ,—сказала Луиза, протягивая руку,—я принимаю его.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Прошелъ уже почти годъ съ тѣхъ поръ, какъ Луиза Мурье сдѣлалась женою адмирала Бертà.

Свадьба, разъ рѣшенная, была сыграна очень скоро. Этого требовало самое положеніе вещей. Сплетни и кле-

Digitized by Google

веты готовы были разразиться надъ головою жениха и невѣсты, разница въ лѣтахъ которыхъ была на сорокъ лѣтъ. Противъ этого было одно средство скорѣе покончить дѣло.

Адмиралъ очень спѣшилъ; Мурье еще больше. Луиза, впавшая въ апатію послѣ внутренней борьбы, о которой никто не имѣлъ настоящаго понятія, предоставляла имъ дѣлать что угодно.

Г-жа Меранъ сперва очень удивилась, но потомъ охотно воспользовалась положеніемъ, которое сама создала. Развѣ она не признала достоинствъ молодой дѣвушки и не обѣщала ей свое покровительство и помощь въ дѣлѣ богатаго замужства, если та откажется отъ ея сына?

Адмиралъ былъ въ такихъ лѣтахъ, что самъ могъ знать, какъ ему поступать, и вмѣшательство въ его дѣла было бы, безъ сомнѣнія, дурно принято. Ея совѣсть была спокойна, ея сынъ спасенъ. Теперь вся забота состояла въ томъ, чтобы это спасеніе не произвело на него очень тяжелаго впечатлѣнія, и она была такъ занята этимъ, что даже ея крестница была на время забыта ею.

Жанна съ изумленьемъ открыла свои большіе глаза, когда ей собщили эту странную новость. Еслибы у нея была хоть искра ревности, она, можетъ быть, въ эту минуту и выказала бы ее. Но она не умѣла ненавидѣть и любила Луизу всѣмъ сердцемъ. Жанна никогда не знала матери. Она считала себя очень богатой, не зная цѣны деньгамъ. Она могла только опасаться—потерять частицу привязанности своего отца. Но адмиралъ никогда еще не былъ такъ добръ и нѣженъ къ ней. Онъ былъ такъ счастливъ.

Колебаніе молодой дѣвушки длилось четверть минуты, послѣ чего она бросилась въ объятья Луизы и поклялась обожать ее еще больше, если только это возможно.

Свадьба совершилась безъ всякаго шума, въ началѣ сентября. Адмиралъ уѣхалъ съ молодой женой на нѣсколько недѣль за границу; Жанна оставалась на попеченіи г-жи Меранъ. Потомъ они возвратились въ Парижъ, гдѣ уже забыли о нихъ и говорили о другомъ.

Прошли зима и весна. Адмиралъ снова поселился въ Эчебіагѣ.

Digitized by Google

II.

Былъ самый жаркій часъ дня. Жители виллы собрались въ большой залѣ, широкіе просвѣты которой, задернутые тонкими зелеными цыновками, пропускали пріятный свѣтъ. Адмиралъ былъ въ отсутствіи. Очень занятый съ нѣкоторыхъ поръ своими дѣлами, онъ захотѣлъ лично присутствовать въ административномъ совѣтѣ страховаго общества, акціи котораго составляли часть его состоянія. Его поѣздка въ Парижъ должна была продлиться дней пять. Ждали его завтра.

Жанна, наклонившись надъ столомъ, разставляла въ старой фаянсовой вазѣ букетъ полевыхъ цвѣтовъ, который она собиралась рисовать. Она немного выросла, немного поблѣднѣла. Ея дѣтская красота измѣнилась. Она осталась веселою, хотя по временамъ дѣлалась задумчива и даже грустна, впрочемъ ненадолго. Добрые люди, любящіе вмѣшиваться въ чужія дѣла, предвидя несчастье и чуя скандалъ, ожидали предсказываемаго ими разрыва между молодой г-жей Бертà и ея падчерицей. Обстоятельства ихъ соединенія были настолько необыкновенны, что непремѣнно должно было кончиться разрывомъ. Новоприбывшая отняла у молодой дѣвушки первое мѣсто въ домѣ ея отца. А денежный вопросъ! Объ этомъ стоило подумать. Но Луиза и Жанна любили другъ друга,—это былъ фактъ. Добрые люди терпѣливо ожидали: не нужно никогда отчаяваться.

Полинъ игралъ въ домино съ Мурье. Это его вовсе не забавляло, но забавляло Мурье, что было главное. Молодой человѣкъ получилъ мѣсто прозектора въ Медицинской школѣ послѣ блестяще выдержаннаго экзамена. Онъ пріѣхалъ въ Эчебіагъ провести каникулы. У него было состояніе, и онъ занимался медициной только для своего удовольствія.

Луиза только что съиграла ноктюрнъ Шопена и шила какія-то платьица для бѣдныхъ дѣтей. Бѣдные ее любили.

— Нѣтъ, это не то! воскликнула вдругъ Жанна, нервнымъ движеніемъ разбрасывая свои цвѣты по столу. Нужно было бы... Какъ жаль, что я не нашла тѣхъ голубыхъ колокольчиковъ, которые видѣла въ прошломъ году, а названія ихъ не знаю.

— Я проигралъ, сказалъ Полинъ, отталкивая домино со

Digitized by Google

вздохомъ облегченія.—Послушайте, m-lle Жанна, мы обыщемъ всю мѣстность, чтобы найти ваши голубые колокольчики. Какіе они были, прямые или наклоненные?

— Прямые, похожіе на маленькія чашечки. Но вы ихъ не найдете; они рѣдко здѣсь встрѣчаются. Я ихъ видѣла только разъ.

— Я замѣтилъ вчера, съ четверть мили отсюда, нѣсколько цвѣтовъ, довольно хорошо подходящихъ къ вашему описанію. Хотите, я пойду поищу ихъ?

— Когда?

— Сейчасъ.

— Все для дамъ! продекламировалъ Мурье, съ трудомъ удерживая зѣвокъ. Предупреждаю васъ, молодой человѣкъ, что теперь тридцать градусовъ въ тѣни.

— Все равно, сказалъ Полинъ, направляясь къ дверямъ.

Положеніе Полина въ Эчебіагѣ не было синекурой. Его угодливость была неисчерпаема, а Жаннѣ и въ голову не приходило щадить его. Впрочемъ, для него было счастьемъ повиноваться ей. Адмиралъ не любилъ никого стѣснять, а Луиза обладала въ высшей степени деликатностью, и предоставляла своимъ гостямъ полную свободу. Но Мурье получилъ отъ природы и увеличилъ практикой противоположныя качества, которыя сдѣлали бы его невыносимымъ въ глазахъ всякаго, кромѣ влюбленнаго. Эта тиранія, которой Полинъ не смѣлъ противиться открыто, изъ опасенія лишиться благосклонности Луизы, ложилась на него двойной тяжестью въ отсутствіе адмирала. Волей-неволей онъ долженъ былъ по утрамъ присутствовать въ фехтовальной залѣ и отражать удары Мурье; играть съ нимъ на билліардѣ нескончаемыя партіи съ карамболями, проигрывать ему въ домино, пикетъ и экартэ небольшія суммы, которыя тесть адмирала не осмѣливался просить у своей дочери. За эту дань и повиновеніе Мурье удостоивалъ его своего покровительства и благоволенія, смѣшаннаго съ презрѣніемъ.

— Въ ваши лѣта, продолжалъ Мурье, я пошелъ бы сорвать букетъ даже на горячихъ угольяхъ, еслибы этого отъ меня потребовали прекрасные глазки. Сегодня я, какъ всегда, пойду отдыхать до обѣда и постараюсь, чтобы мнѣ приснилось, что мнѣ не болѣе двадцати пяти лѣтъ. Ахъ, молодость, молодость!

Digitized by Google

Онъ всталъ такъ легко, словно ему не было пятидесяти лѣтъ и вышелъ надувая губы, какъ-будто желалъ засвистать какую нибудь старую пѣсню своей молодости. Губы однако не издали ни одного звука: Мурье былъ слишкомъ вѣжливъ въ присутствіи дамъ.

— Надѣюсь, вы не примете серьёзно фантазію Жанны, г. Дидье? сказала Луиза, опуская на колѣни свою работу. Жара дѣйствительно невыносима.

— Подождите, г. Полинъ, проговорила съ легкой насмѣшкой Жанна:—послѣ подобной прогулки вы можете заболѣть или загорѣть. По крайней мѣрѣ, позвольте мнѣ предложить вамъ зонтикъ.

Молодой человѣкъ былъ уже далеко. Жанна принялась смѣяться.

— Боюсь, сказала Луиза, что ты злоупотребляешь снисходительностью Полина!

— О, онъ привыкъ къ этому.

— Не забывай, что онъ просилъ твоей руки.

— Не офиціально, что̀ позволяетъ мнѣ не знать этого.

— Да, но такъ какъ ты пользуешься его слабостью и злоупотребляешь его терпѣніемъ, то ему можетъ показаться, что ты смотришь на него, какъ на свою собственность. Дидье очень порядочный человѣкъ и можетъ вполнѣ надѣяться, что его предложеніе будетъ благосклонно принято, и было бы неприлично поддерживать въ немъ эту мысль, если только она непріятна для тебя.

— Выйти за него замужъ! Никогда.

— Ты могла бы сдѣлать и худшій выборъ. У него есть талантъ и умъ, когда ты не парализуешь его, и я увѣрена, что онъ любитъ тебя всей душой. Наконецъ, онъ довольно богатъ, и ты можешь быть увѣрена, что онъ ищетъ тебя, а не твоего богатства, чего нельзя будетъ сказать о всякомъ другомъ претендентѣ.

— Все это возможно, но...

Она взяла табуретъ, сѣла у ногъ молодой женщины и, прислонившись къ ея колѣнямъ, сказала тономъ лѣниваго, балованнаго ребенка:

— Наконецъ, это не мой идеалъ.

Луиза очень рѣдко улыбалась и почти никогда не смѣ-

Digitized by Google

ялась, хотя у нея были великолѣпные зубы. Но тутъ она искренно расхохоталась. Жанна покраснѣла, какъ піонъ.

— У тебя идеалъ! Можно ли узнать, каковъ онъ собой?

— Не такой, какъ Полинъ.

— Ну, я не буду смѣяться, сказала Луиза комически серьзонымъ тономъ.—Онъ принцъ?

— Нѣтъ.

— Такъ, вѣрно, бѣдный сирота! произнесла молодая женщина мелодраматическимъ голосомъ. Онъ солдатъ или артистъ?

Жанна слегка ударила ее по рукѣ и сказала серьёзно:

— Это человѣкъ, который меня любитъ и котораго я люблю. Развѣ это слишкомъ большое требованіе.

— Дидье любитъ тебя. Почему бы и тебѣ не полюбить его?

— Въ самомъ дѣлѣ, я, пожалуй, еще должна быть ему благодарна? Да что же онъ сдѣлалъ, чтобы доказать мнѣ свою любовь?

Она быстро вскочила, подбѣжала къ столу, схватила карандашъ и начала что-то чертить на листѣ бумаги. Черезъ минуту она поднесла молодой женщинѣ очень удачную карикатуру Полина, который истекая потомъ подъ горячими солнечными лучами, держитъ одной рукой шляпу, а другою вытираетъ свой лобъ. Луиза не могла удержаться отъ смѣха.

— Онъ однако страдаетъ для тебя. Развѣ это ничего не значитъ: переносить по доброй волѣ тысячу мелкихъ мученій, которыми тебѣ нравится допекать его, и жариться на солнцѣ, чтобы сорвать букетъ, вовсе тебѣ ненужный.

Жанна состроила гримаску и сдѣлала нѣсколько движеній головой и плечами, означавшихъ, какъ мало значили для нея достоинства бѣднаго Полина.

— Я не буду больше ничего отъ него требовать, вотъ и все. Но, откровенно говоря, нахожу, что это значитъ цѣнить себя слишкомъ дешево, если для того, чтобы понравиться мнѣ—достаточно въ теченіе недѣли переносить мои капризы и рисковать солнечнымъ ударомъ.

— Не можетъ же онъ убивать тигровъ въ окрестностяхъ Сен-Жан-Люза.

Digitized by Google

— Я и не требую отъ него тигровъ. Но развѣ нѣтъ людей, которымъ судьба менѣе благопріятствуетъ, чѣмъ ему, и которые своимъ талантомъ и мужествомъ добываютъ себѣ мѣсто и почести на землѣ? Я знаю, что время героевъ прошло; по крайней мѣрѣ, такъ говорятъ. Однако мнѣ кажется, что еслибы кто-нибудь сказалъ мнѣ: я былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы сдѣлать вамъ предложеніе, но покинулъ отечество и семейство, работалъ, боролся, рисковалъ жизнью, чтобы купить право признаться вамъ, что я васъ люблю,—мнѣ было бы больно отвѣтить ему, какъ Полину: идите своей дорогой, бѣднята, мое сердце не для васъ.

И хотя глаза ея были полны слезъ, она все таки разсмѣялась.

Луиза задумалась. Уже безъ всякой насмѣшки она проговорила:

— И ты думаешь, что возможно найти такого человѣка?

— О, это было бы слишкомъ хорошо. Я не надѣюсь на это. Но все таки, развѣ этого никогда не бываетъ?

Луиза ничего не отвѣчала.

На дорогѣ послышался стукъ колесъ. Жанна выскочила на террасу и наклонилась надъ перилами.

— Ахъ! радостно воскликнула она, папа пріѣхалъ.

III.

Адмиралъ провелъ въ вагонѣ ночь и половину дня, но не казался уставшимъ. Счастье молодитъ, а адмиралъ былъ счастливъ. Все, о чемъ онъ мечталъ, сбылось. Онъ пришелъ съ трепетомъ просить у Луизы не любви, а привязанности, которая относится къ страсти, какъ теплый пепелъ къ пламени. Это была смѣлая просьба, онъ это чувствовалъ. Надо было прибавить къ этому артистическую, немного цыганскую среду, въ которой была воспитана эта дѣвушка. Онъ не былъ настолько ослѣпленъ, чтобы не видѣть опасности; но закрывалъ глазъ потому, что не могъ жить безъ этой волшебницы, плѣнившей его. Не разъ, въ продолженіе двухъ недѣль, протекшихъ со времени его предложенія и празднованія свадьбы, онъ говорилъ самъ себѣ: моя любовь безумна;

Digitized by Google

она убьетъ меня; но я буду счастливъ хоть день, хоть часъ. Я могу заплатить моей жизнью за все это.

Противиться овладѣвшему имъ обаянью онъ и не думалъ. Бороться противъ своего чувства было бы безуміемъ. Въ самыя мрачныя минуты онъ думалъ, что не проживетъ настолько, чтобы пришло время сожалѣть о своемъ поступкѣ. Но когда онъ ее видѣлъ, всѣ его мысли, опасенія, разсудительность и безуміе сливались въ восторгъ передъ любимою женщиною.

Съ тѣхъ поръ какъ она принадлежала ему, восторгъ его все еще длился. Она никогда не говорила ему: я васъ люблю; но она отдалась ему, посвятила себя его счастью безъ оглядки. Оттолкнувъ его сначала, она, казалось, хотѣла вознаградить его за все теперь. Она обращалась съ нимъ такъ ласково и мило, что ему могли бы позавидовать молодые люди. Она достигла того, что о ней говорили: г-жа Бертà любитъ своего мужа. Адмиралъ слышалъ это. Счастье сглаживаетъ морщины, а онъ былъ такъ счастливъ, что самъ себѣ удивлялся.

Она очень скоро вошла въ роль хозяйки хорошаго, богатаго дома. Она сдѣлала изъ него чудо изящества, въ соединеніи съ простотою. Адмиралъ, передавая ей талисманъ нашего времени, называемый книжкой съ чеками, просилъ ее не стѣсняться и тратить сколько угодно. Она съумѣла дѣлать чудеса и вмѣстѣ съ тѣмъ экономничать.

— Это будетъ для Жанны, говорила она своему мужу. Я не хочу, слышите ли,—и это единственный разъ, что я выражаю свою волю, но рѣшительно,—я не хочу, чтобы Жанна была хоть на копѣйку менѣе богата отъ того, что я сдѣлалась вашей женой.

Адмиралъ не настаивалъ, но онъ опять принялся за дѣла. Деньги привлекаютъ деньги, страховое общество „Безопасность“ давало хорошій дивидендъ, и его состояніе увеличивалось. Онъ ожидалъ, что его жена, въ силу своей прошлой жизни, будетъ осаждаема толпою попрошаекъ, длинноволосыхъ артистовъ, плѣшивыхъ музыкантовъ, и рѣшился переносить это. Онъ даже самъ предложилъ ей окончить и повѣсить въ залѣ эскизъ стараго разрушеннаго моста, который она начала рисовать въ Эчебіагѣ.

Digitized by Google

Просьбы артистовъ были однако рѣдки. Эти люди обладаютъ порокомъ гордости, что̀ стѣсняетъ ихъ прибѣгать за помощью къ другимъ. Попрошайки явились одинъ за другимъ. Она приняла ихъ, сдѣлала выборъ, помогла тѣмъ, которые этого заслуживали, и освободилась отъ всѣхъ очень ловко. Она весело и вмѣстѣ съ тѣмъ твердо объявила, что не отказывается отъ рисованія, но будетъ заниматься имъ только въ деревнѣ, и что ея произведенія будутъ украшать только залы Эчебіага, гдѣ ихъ будетъ видѣть ограниченная и снисходительная публика. Она заставила адмирала купить нѣсколько прекрасныхъ картинъ по недорогой цѣнѣ, заказала двѣ или три начинающимъ талантливымъ художникамъ и рѣшительно отказала своему отцу выхлопотать ему мѣсто при академіи художествъ, о чемъ онъ давно мечталъ. Она дала два или три концертные вечера, на которые пригласила лучшіе голоса оперы и самыхъ талантливыхъ артистовъ Французскаго театра; но сама сѣла за фортепьяно, только чтобы акомпанировать одному молодому віолончелисту, который выступалъ дебютантомъ и дрожалъ, какъ листъ. Она съумѣла такъ хорошо сыграть свою роль, что никто не обратилъ вниманія на то, что она играла, и молодой віолончелистъ былъ покрытъ рукоплесканіями. Только самъ онъ, да два или три музыканта оцѣнили эту маленькую жертву. Но адмиралъ узналъ объ этомъ отъ Жанны и, казалось, еще больше полюбилъ свою жену съ этого вечера. Она была очаровательна, это должны были признать всѣ. Ее любили, потому что вокругъ нея чувствовалась пріятная атмосфера симпатіи, и немногіе могли устоять противъ ея простаго, любезнаго обращенія. Ее никогда не видали печальной. Она была хорошаго здоровья, не знала мигреней. Ночи, проведенныя на балахъ, не оставляли никакого знака вокругъ ея глазъ. Наконецъ, она и не слишкомъ часто посѣщала собраніе. Всеобщее мнѣніе было то, что она сдѣлала прекрасную партію. Мурье говорилъ: я могу умереть; дочь моя счастлива. Прошелъ ровно годъ, съ тѣхъ поръ какъ Пьеръ уѣхалъ.

Адмиралъ быстро вошелъ, поцѣловалъ въ лобъ жену и вынулъ изъ кармана ящичекъ. Въ немъ были два прекрасные изумруда, отдѣланные въ старое золото тонкой и рѣдкой чеканки. Луиза любила эти великолѣпные камни, хотя у нея

Digitized by Google

были черные волосы, къ которымъ они несовсѣмъ шли. Молодая женщина долго смотрѣла на нихъ, потомъ вдругъ быстрымъ движеніемъ схватила руку мужа и приложила ее къ своимъ губамъ.

— Луиза! вскричалъ адмиралъ: что вы дѣлаете!

Она закрыла ящикъ и отодвинула его почти съ презрѣніемъ; но не оставила его руки и, поднявъ на него свои темноголубые глаза, въ которыхъ блестѣли слезы, сказала:

— Какъ вы добры!

Онъ крѣпко обнялъ ее и прижалъ къ груди. Она не сопротивлялась и смотрѣла на него. Голова ея была немного поднята, и онъ не могъ устоять противъ искушенья поцѣловать ее. Вдругъ онъ замѣтилъ, что видъ его весьма непривлекателенъ, такъ какъ онъ только что вышелъ изъ вагона въ измятомъ бѣльѣ и криво повязанномъ галстукѣ.

— Извини, пожалуйста, сказалъ онъ, оставляя ее.—Я такъ радъ видѣть тебя, что совсѣмъ забылъ, въ какомъ я видѣ.

— Вы не должны говорить такъ. Съ какихъ поръ стали вы заботиться о туалетѣ въ моемъ присутствіи? побранила она его ласковымъ тономъ.—Я вамъ прощаю, потому что вы пріѣхали двадцатью четырьмя часами раньше. Идите, и больше не грѣшите.

— Радость сдѣлала меня грубымъ. Мнѣ кажется, что я слишкомъ сильно сжалъ тебя.

— Вамъ кажется? Ну, я сильнѣе, чѣмъ вы думаете. Мужчины всегда воображаютъ, что могутъ раздавить насъ однимъ пожатіемъ руки. Бьюсь объ закладъ, что вы не заставите меня просить пощады.

И она настаивала, прижимаясь къ нему. Тогда, все еще смѣясь, онъ охватилъ ее руками и прижалъ къ груди.

— Предупреждаю васъ, что вы совсѣмъ не давите меня.

Адмиралъ опустилъ правую руку и обнялъ ее лѣвой немного сильнѣе. Она продолжала улыбаться; но когда онъ сжалъ ее еще сильнѣе, она слегка вскрикнула.

Онъ тотчасъ же оставилъ ее и поблѣднѣлъ.

— Я хотѣла только знать, можете ли вы задушить меня, какъ Дездемону, безъ помощи подушки, сказала она.

— Я раскаиваюсь, что послушался васъ. Откуда вамъ

Digitized by Google

пришла въ голову такая мысль? Вы увѣрены, что я не причинилъ вамъ боли?

Она вздохнула нѣсколько разъ и взяла три ноты съ трелями такимъ чистымъ, звонкимъ голосомъ, который рѣдко раздавался подъ сводами консерваторіи.

— Видите: люди, которыхъ вы душите, довольно хорошо чувствуютъ себя. А теперь, когда вы помѣряли свою силу съ моей слабостью, идите, снимите вашъ дорожный костюмъ и постарайтесь заснуть тѣ два часа, которые остаются до обѣда. Я посмотрю, послушаетесь ли вы меня. Въ противномъ случаѣ, я вамъ объявляю, что не надѣну вашихъ изумрудовъ, хотя горю нетерпѣніемъ видѣть ихъ на себѣ. Ну, чего же вы стоите? Вы должны были уже исчезнуть.

— Вы напомнили мнѣ, что у васъ къ обѣду будутъ гости: г-жа Меранъ и ея сынъ. Пьеръ воротился. Я его видѣлъ на станціи. Не знаю, помните ли вы его. Вы его видѣли здѣсь до отъѣзда въ Америку, когда я еще не зналъ о счастьѣ, какое Богъ послалъ мнѣ. Но Жанна, вѣроятно, говорила вамъ о немъ, неправда-ли?

Еслибы адмиралъ не произнесъ первыхъ словъ этой маленькой рѣчи на порогѣ комнаты и почти въ сторону, то онъ не могъ бы не замѣтить внезапной блѣдности и дрожащихъ губъ Луизы. Но она овладѣла собой. Она спокойно протянула ему въ послѣдній разъ руку, и онъ удалился съ легкимъ сердцемъ, ощущая глубокую благодарность. Луиза смотрѣла на него до послѣдней минуты съ неподвижной улыбкой на губахъ и упала почти безъ сознанья на диванъ, когда осталась одна.

Черезъ минуту она встала. Ея блѣдность исчезла. Черты лица лихорадочно оживились. Она сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ бы желая послѣдовать за мужемъ, но потомъ вышла на террасу и остановилась въ нерѣшимости, со скрещенными на груди руками и тяжелой думой.

Она повторила два или три раза: невозможно! Увѣрить себя въ томъ, чего желаешь, очень легко; она рѣшила, что Пьеръ не придетъ, хотя и говорилъ объ этомъ адмиралу. Тѣмъ не менѣе, она не могла успокоиться. Чтобы удалить отъ себя неотвязную мысль, она снова взяла ящичекъ, вынула изъ него сережки и начала примѣрять ихъ передъ зер-

Digitized by Google

каломъ. Это было великолѣпно, но немного тяжело. Съ тѣхъ поръ какъ она жила въ деревнѣ, она не носила драгоцѣнностей, и непривычная тяжесть показалась ей огромной.

Когда она хотѣла ихъ снять, вошедшій слуга доложилъ:

— Г-жа Меранъ и г. Пьеръ Меранъ.

Она быстро обернулась, и отъ этого движенія ея ноготь надавилъ незамѣтную пружинку: полу-отворенное колечко снова защелкнулось. Она бросила послѣдній взглядъ въ зеркало. Эффектъ этихъ камней среди ея черныхъ волосъ и блѣднаго лица былъ поразительный, странный. Эта странность дѣлала ее еще прекраснѣе обыкновеннаго.

— Хорошо, сказала она; просите.

IV.

Пьеръ Меранъ былъ уже въ Чикаго, когда получилъ отъ матери письмо, извѣщающее о бракѣ Луизы съ адмираломъ. Это письмо немного опоздало по случаю дурной погоды на морѣ и пришло черезъ шестнадцать дней. Судя по поспѣшности, съ которою хотѣли окончить это дѣло, свадьба, вѣроятно, была сыграна. Но еслибы даже предположить, что ея еще не было и, не теряя времени, сѣсть на пароходъ, очевидно, трудно было прибыть во-время, чтобы помѣшать чему нибудь. Все таки первой мыслью Пьера было тотчасъ же вернуться. Но это было невозможно, это значило бы измѣнить обществу, ввѣрившему ему свои интересы, да и безполезно; еслибы онъ даже какимъ-нибудь чудомъ пріѣхалъ во-время, онъ не имѣлъ никакихъ правъ на Луизу. Если она забыла единственный поцѣлуй, которымъ они обмѣнялись, что онъ могъ сдѣлать?

Къ счастью, у него не было недостатка въ работѣ, и необходимость размышлять явилась спасеніемъ для него послѣ сильнаго удара. Въ промежутки, свободные отъ дѣла, онъ находилъ все окружающее его такимъ новымъ, непохожимъ на прежде видѣнное, что по неволѣ развлекался. Скоро онъ замѣтилъ, что мѣстный агентъ общества „Безопасность“ обманывалъ его. Общество страхованія похоже на гигантскаго осьминога, распростирающаго свои щупальцы по всему земному шару. Англо-американскія компаніи вербуютъ себѣ

Digitized by Google

страхователей въ деревняхъ, парижскія компаніи посылаютъ свои объявленія на Востокъ до японскихъ портовъ, на Западъ до Сан-Франциско и Чили. Онѣ имѣютъ представителей въ Гонолулу и Монроэ. Между компаніями идетъ постоянное соперничество и борьба; но между каждой компаніей и ея страхователями—это дуэль на смерть, въ которой погибаютъ слабые и неловкіе, и выигрываютъ рѣшительные. Общество страхованія—это рулетка, имѣющая своимъ крупье пожаръ; игрокъ охотно плутуетъ, банкъ защищается. Въ этой игрѣ являются разныя вымогательства, иногда на мильоны. Одинъ сельскій старшина,—и это не сказка, — желая перестроить домъ и сдѣлать новую мебель, застраховалъ ихъ и потомъ поджегъ. Только, жалѣя свою старую мебель, онъ спряталъ ее въ ровъ и засыпалъ землею, а на этой землѣ посадилъ грушевыя деревья. Однако какой-то признакъ выдалъ его. И онъ потерялъ все — даже доброе имя. Другіе бываютъ счастливѣе.

Для поддержанія этой борьбы, компаніи выбираютъ такой родъ людей, которыхъ охотно переманила бы къ себѣ на службу полиція, еслибы только могла. Инспекторъ страховаго общества долженъ имѣть взглядъ великаго полководца, острый слухъ и тонкое осязаніе слѣпаго, обоняніе ищейки, проницательность дикаря, храбрость военнаго, хладнокровіе дуэлиста, терпѣніе паука. Онъ долженъ знать всѣ хитрости, угадывать ихъ, умѣть противодѣйствовать имъ, не вѣрить ничему, кромѣ невозможнаго. Нужно, чтобы онъ умѣлъ и могъ бороться съ крючкотворствомъ адвоката и своимъ краснорѣчіемъ довести до молчанія протестующихъ. Кромѣ того, онъ долженъ быть вездѣсущъ, что возможно только при желѣзномъ тѣлосложеніи. Онъ долженъ исполнять свою обязанность днемъ, путешествовать ночью, не переставая писать рапорты; имѣть сводъ законовъ въ головѣ и револьверъ въ карманѣ,—шпагу и щитъ; подкупать служанокъ и въ случаѣ надобности соблазнять ихъ; выносить угрозы мужчинъ и слезы женщинъ; вообще быть отважнымъ и не жалѣть денегъ, которыя, истраченныя кстати, только увеличиваютъ доходы компаніи; быть то чистосердечнымъ добрымъ малымъ, то строгимъ и придирчивымъ, то отечески-мягкимъ, но въ особенности неподкупнымъ.

Digitized by Google

Не всѣ алмазы одинаково хороши, а тѣмъ болѣе не всѣ страховые агенты, потому что еслибы они всѣ были такими, то было бы несправедливо не дѣлать ихъ министрами. Тѣ, которые должны дѣйствовать вдали, въ иностранномъ государствѣ, естественно имѣютъ нужду въ бо́льшей энергіи, рѣшительности и честности, чѣмъ другіе. Выбранные для этого люди не всегда оправдываютъ возлагаемыя на нихъ надежды. Это для компаніи, конечно, рискъ, оплачиваемый, впрочемъ, какъ это всегда и вездѣ водится, страхователями.

Агентъ общества „Безопасность“ въ Чикаго кралъ какъ нельзя лучше, но только не въ маленькихъ дѣлахъ. Онъ выжидалъ случая, пользовался удобной минутой и забрасывалъ сѣть, чтобы хорошенько поживиться. Въ настоящее время, общество должно было заплатить шесть мильоновъ, изъ которыхъ половина должна была попасть въ его карманъ. Все было такъ хорошо подведено, что нельзя было найти ни одной улики. Убытки отъ пожара были записаны правильно. Однако случай помогъ Пьеру. Какъ только человѣку необходимо что-нибудь скрывать, случай непремѣнно выдастъ ого. Кажется, все было предвидѣно, но случай зачастую является опаснымъ свидѣтелемъ противъ мошенниковъ.

Пьеръ, роясь въ совершенно правильно составленныхъ счетахъ, замѣтилъ одинъ слѣдъ, что-то въ родѣ конца руководящей нити. Онъ взялъ ее въ руки и не выпустилъ. Онъ уже столько выстрадалъ, что ощущалъ потребность кому нибудь отомстить за себя. Эта толпа негодяевъ была противна ему до омерзенія. О немъ, однако, не очень безпокоились: его считали молодымъ, неопытнымъ, чѣмъ онъ и былъ на самомъ дѣлѣ, и что̀ имъ было на руку. Въ виду ревизіи все было разсчитано, предвидѣно, приведено въ порядокъ. Онъ казался побѣжденнымъ и попросилъ только времени увѣдомить совѣтъ администраціи о потерѣ шести мильоновъ чистыми деньгами. Одна женщина, которая должна была получить барыши отъ этого дѣла, нашла молодаго француза по своему вкусу и съ хладнокровіемъ американки, привыкшей играть съ огнемъ, вздумала позабавиться, открывъ кое-что своему любимцу. Дѣло приняло другой оборотъ. Пьеръ воспользовался ея болтливостью, нашелъ свидѣтелей, сличилъ признаки и поставилъ своихъ противниковъ въ без-

Digitized by Google

выходное положеніе. Тогда попробовали подкупить его, но онъ собралъ доказательства этой попытки и грозилъ опубликовать ихъ. Не будучи въ состояніи подкупить его, попробовали убить, но онъ не допустилъ до этого.

Послѣдовавшій затѣмъ процессъ надѣлалъ много шуму и сдѣлалъ Пьера на нѣсколько недѣль героемъ. Американцы стали уважать его почти настолько, насколько уважали бы, еслибы онъ принялъ предложенія воровъ и сразу составилъ себѣ состояніе. Директоры „Безопасности“ прислали ему благодарность, ассигновали сто тысячъ франковъ на путевыя издержки и сдѣлали вторымъ адвокатомъ общества, что давало ему полное право считаться наслѣдникомъ Клопена. Прошелъ цѣлый годъ. Пьеръ имѣлъ такъ мало времени думать о себѣ, что почти не думалъ о Луизѣ. Однако нѣсколько разъ, въ часы, менѣе занятые дѣломъ, онъ чувствовалъ глубокую печаль, и ему казалось, что сердце его готово разорваться.

Онъ писалъ своей матери: все кончено; вы можете успокоиться.

V.

Г-жа Меранъ не была спокойна. Но встрѣча рано или поздно была неизбѣжна. Въ глубинѣ души она вѣрила, что сынъ ея исцѣлился отъ своей страсти, и ей казалось, что настало время показать ему Жанну въ новомъ блескѣ красоты, способной завершить его выздоровленіе. Первое свиданіе ея сына съ г-жею Бертà немного пугало ее, и она была рада, что присутствовала на немъ.

Все сошло какъ нельзя лучше. Глубокій поклонъ со стороны Пьера, наклоненіе головы Луизы, пожатіе руки по англійски, нѣсколько незначительныхъ фразъ, произнесенныхъ ими, достаточно показали ей, что между ними дѣйствительно все кончено.

Мурье выспался и явился къ гостямъ, Полинъ тоже воротился съ прогулки. Адмиралъ, освободившись отъ всякихъ слѣдовъ путешествія, вышелъ въ залу и формально представилъ своего друга Пьера молодой женѣ. Солнце стало садиться, въ садъ проникла свѣжесть, и гости Эчебіага разбрелись по-

Digitized by Google

всюду въ ожиданіи обѣда. Всѣ оживленно разговаривали между собою; г-жа Меранъ говорила съ адмираломъ, адмиралъ съ женою, Луиза съ Жанной, а Жанна со всѣми, какъ это случается, когда къ веселости примѣшивается немного волненья. Одинъ Пьеръ, казалось, искалъ уединенія, да Полинъ переходилъ отъ группы къ группѣ, ища и вмѣстѣ съ тѣмъ избѣгая жестокой дѣвушки, игравшей его сердцемъ, какъ будто она даже не считала его способнымъ къ страданью.

Адмиралъ, обмѣнявшись нѣсколькими словами съ г-жею Меранъ, подошелъ къ женѣ и отвелъ ее немного въ сторону.

— Какъ идутъ дѣла Полина?

— Бѣднякъ очень влюбленъ. Онъ кажется веселымъ, но я думаю, что отказъ Жанны будетъ для него очень чувствителенъ.

— Такъ вы думаете, что она ему откажетъ?

— Боюсь, что такъ.

Адмиралъ поднялъ, брови и вытянулъ губы.

— Я въ этомъ еще не вижу большой бѣды. Мнѣ только жаль Полина, онъ отличный молодой человѣкъ, и я его отъ души уважаю. Но въ его лѣта не умираютъ отъ этого.

— Я опасаюсь, что для Жанны вообще будетъ затруднительно найти ея идеалъ, потому что у нея есть идеалъ, и довольно романическій.

— Вотъ какъ! сказалъ адмиралъ. Что же такое?

— Вѣчная мечта богатыхъ наслѣдницъ: бѣдный молодой человѣкъ, не желающій объясниться, пока не пріобрѣтетъ состоянія съ опасностью жизни.

— Ну, такъ это какъ разъ то, что намъ нужно.

— Развѣ вы нашли такого героя?

— Я его не выставляю героемъ, но это вѣрно, что Пьеръ рисковалъ своей жизнью; и если онъ не составилъ себѣ состоянія, то, безъ сомнѣнія, скоро составитъ.

Луиза сдѣлала движенье.

— Пьеръ... Пьеръ Меранъ!..

— О! до сихъ поръ дѣло идетъ только о мечтѣ его матери. Я думаю, что она въ своей радости высказалась скорѣе, чѣмъ хотѣла. Конечно, тутъ нѣтъ ничего офиціальнаго. Что касается меня, я приму Пьера съ распростертыми объятіями. Онъ тоже, я думаю, не заставитъ себя долго просить. Остается

Digitized by Google

Жанна, и это очень деликатный пунктъ: потому что я не желалъ бы поддерживать иллюзій г-жи Меранъ, если онѣ не могутъ осуществиться.

Луиза слушала безстрастно.

— Но, сказала она, не покажется ли страннымъ, что Меранъ влюбился въ Жанну, свидѣвшись съ ней не болѣе пяти минутъ тому назадъ?

— Ну, это не удивитъ меня. Вы, конечно, не помните, съ какой внезапной поспѣшностью онъ рѣшился на это путешествіе. Имъ вдругъ овладѣло честолюбіе, и странно, что мать ничего не сдѣлала, чтобы удержать его. Можетъ быть, Жанна была проницательнѣе, чѣмъ я, насчетъ мотивовъ его отъѣзда, и ея идеалъ не заимствовалъ ли свои черты отъ знакомаго ей молодаго адвоката?

Луиза, продолжая слушать мужа, взяла съ маленькаго столика бюваръ Жанны и машинально вертѣла его между пальцами. При послѣднихъ словахъ адмирала, рука ея вздрогнула.

— Жанна! Невозможно!

— Вы лучше меня можете судить въ такомъ дѣлѣ. А между тѣмъ не возьметесь ли вы побесѣдовать съ нею, вызвать ее на откровенность? Я знаю г-жу Меранъ, она не будетъ знать ни покоя, ни отдыха, пока я ей не скажу да или нѣтъ. Она ужасная женщина, эта наша сосѣдка, когда задается какой нибудь цѣлью.

— Я сдѣлаю все, что̀ вамъ угодно, мой другъ.

Адмиралъ поцѣловалъ ея руку. Когда они удалились, другая пара приблизилась на ихъ мѣсто. Жанна съ какою-то нервною веселостью выказывала кокетство, вовсе не привычное ей. Она взяла подъ руку Полина и цѣлыхъ десять минутъ, можетъ быть сама себѣ не отдавая отчета, очаровывала его своимъ взглядомъ, звукомъ голоса, пожатіемъ руки и прикосновеніемъ своего плеча къ его плечу. Ея волненіе, взрывы смѣха, живость, томность, цѣломудренная непринужденность въ разговорѣ, были такъ обольстительны, что ей могла бы позавидовать тридцатилѣтняя опытная кокетка. Безсознательное кокетство бываетъ всегда болѣе утонченно и жестоко; это что-то въ родѣ молодой кошки, играющей съ своей первой мышью. Невинность бываетъ часто жестока: кто не страдалъ, тотъ безжалостенъ.

Digitized by Google

Полинъ, упоенный, пораженный этой внезапной перемѣной ея обращенія съ нимъ, чувствовалъ себя необыкновенно счастливымъ. Восхищеніе придало ему мужества, и онъ заговорилъ. Онъ сказалъ ей, какъ сильно ее любитъ, какимъ обожаніемъ мечтаетъ окружить ее, и сколько разъ хотѣлъ признаться ей во всемъ, но робѣлъ въ ея присутствіи и не смѣлъ высказаться. И его, привыкшій къ ужасамъ, твердый, острый, какъ скальпель, хирургическій взглядъ сдѣлался влажнымъ и засвѣтился тихимъ огнемъ при взглядѣ на страстно любимую имъ дѣвушку. Онъ не требовалъ отъ нея сейчасъ же опредѣленнаго отвѣта, но умолялъ ее подумать серьёзно о предложеніи честнаго человѣка, о предложеніи, отъ котораго будетъ зависѣть вся его жизнь, и не судить о немъ по тому, что онъ теперь. Онъ можетъ сдѣлаться всѣмъ, если будетъ любимъ ею. И такъ какъ она, вся розовая, молча слушала его, опустивъ глаза въ землю, онъ подумалъ, что она благосклонно относится къ его предложенію и, обезумѣвъ отъ радости, схватилъ ея руку, чтобы поднести къ своимъ губамъ.

— Жанна! дорогая Жанна!

— Полинъ! Что съ вами?..

И молодая дѣвушка, вырвавъ свою руку, разразилась безумнымъ, неудержимымъ, безжалостнымъ смѣхомъ, сжимая грудь обѣими руками, какъ бы для того, чтобы не дать ей разорваться отъ наплыва веселости. Наконецъ она невнятно пролепетала:

— Умоляю васъ, простите меня, Полинъ. Вы говорили это съ такимъ серьёзнымъ видомъ.

Она отерла глаза, въ которыхъ были слезы. Молодой человѣкъ стоялъ передъ нею съ опущенными руками, какъ пораженный громомъ; мученье, которому нѣтъ названья, терзало его. Онъ даже не думалъ уходить, да и не хотѣлъ. Она сама протянула ему руку.

— Это шутка, Полинъ, неправда ли? Вы не сердитесь на меня. Вы знаете, какъ всѣ васъ здѣсь любятъ, и какъ мой отецъ счастливъ, видя васъ у себя. Если моя глупость можетъ хоть на одинъ день ускорить вашъ отъѣздъ, мнѣ это будетъ очень больно!

Она взяла съ него слово остаться, и онъ не могъ устоять противъ ея просьбы. Когда онъ удалился, она услыхала сзади себя голосъ:

Digitized by Google

— Ты безжалостна къ тѣмъ, кто любитъ тебя. Знаешь ли ты, что это жестоко, и что ты сама можешь когда нибудь сдѣлаться жертвою подобной ошибки.

То была Луиза, во время ея разговора съ Полиномъ стоявшая близко и все слышавшая.

Жанна опустила голову, Луиза продолжала:

— Ты считаешь себя сильной, потому что никого не любишь. Но еслибы когда нибудь появился твой идеалъ и полюбилъ другую, тогда бы ты поняла, что происходитъ въ сердцѣ бѣднаго Полина и пожалѣла бы, что заставила его страдать.

Она говорила быстро и такимъ суровымъ голосомъ, котораго Жанна никогда еще отъ нея не слыхала; смотрѣла на нее острымъ, почти угрожающимъ взглядомъ. Жанна почувствовала сильное желаніе заплакать.

— Другую!.. почти неслышно пробормотала она, а потомъ еще тише,—такъ что молодая женщина только по движенію ея губъ могла угадать это слово,—произнесла:

— Это невозможно!..

— Невозможно, пока ты никого не любишь. Но мы объ этомъ еще поговоримъ. Знаешь ли ты, что Меранъ будетъ героемъ этого сезона? Американскіе журналы только и говорятъ о немъ, о его успѣхахъ и приключеніяхъ. Кажется, я не ошибусь, если скажу, что онъ, вѣроятно, въ скоромъ времени вступитъ въ блестящій бракъ.

Жанна, всѣ мысли которой были направлены на путешественника, не удивилась, что заговорили о немъ. Мысль о его женитьбѣ на особѣ, имени которой не называли, не могла смутить ее. Луиза замѣтила даже что-то въ родѣ улыбки на ея губахъ. Она медленно продолжала:

— Я не знаю; кажется, г-жа Меранъ говорила мнѣ что-то, чуть ли не о предложеніи, сдѣланномъ ея сыномъ племянницѣ г-жи Дуле, которую ты знаешь. Она прелестна, и за ней даютъ мильонъ приданаго.

Улыбка Жанны исчезла. Она была ребенокъ, всѣ ея впечатлѣнія тотчасъ же выражались на ея подвижныхъ чертахъ. Ея милое личико, недавно озаренное насмѣшливою веселостью, стало вдругъ грустно. Она прошептала:

— Предложеніе!..

Digitized by Google

Молодая женщина спокойно продолжала:

— Этимъ объясняется его отъѣздъ и желанье скорѣе возвыситься. Съ такой цѣлью предъ глазами можно рѣшиться на все. Но что съ тобой?

Жанна прислонилась къ стволу платана, какъ будто почувствовала дурноту. Но это длилось только одну минуту, въ сущности она была сильна.

— Но моя крестная никогда мнѣ объ этомъ не говорила.

— Было бы странно, еслибъ она тебѣ сообщила о своихъ семейныхъ планахъ. Впрочемъ, можетъ быть, я ошибаюсь. Но Меранъ часто бываетъ у г-жи Дуле, а ея дочь такая хорошенькая, неправда-ли?

— Боже мой! сказала Жанна, это дѣло вкуса. Если Пьеръ ее любитъ, онъ совершенно свободенъ жениться на ней.

— Конечно. Но что же ты плачешь?

— Я не плачу.

— Я вижу, ты не довѣряешь мнѣ. Не имѣетъ ли твой идеалъ случайнаго сходства съ Мераномъ?

Невинность можетъ иногда лгать. Ей достаточно обмануть себя, чтобы на минуту повѣрить, что это дѣйствительно такъ.

Жанна протестовала.

— О, нѣтъ! Никогда! Я полюбила бы скорѣе Полина.

— Это, по крайней мѣрѣ, доброе желаніе, пошутила молодая женщина.—Хочешь я передамъ ему это?

Хотя она и любила Жанну, но, видя ее страдающей, невольно ощущала что-то въ родѣ радости, которой сама стыдилась.

VI.

Жанна убѣжала со сжатымъ сердцемъ, вся въ слезахъ. Луиза медленно возвращалась въ виллу, терзаемая упреками совѣсти.

Было около семи часовъ. Августъ на исходѣ. Заходящее солнце обливало розоватымъ свѣтомъ горизонтъ. Нѣсколько легкихъ облачковъ, носившихся въ верхнихъ областяхъ лазури, задѣли послѣдній лучъ солнца и онъ, невидимый снизу, дѣлалъ ихъ ослѣпительно золотыми; другія, плававшія не такъ высоко, утопали въ пурпурѣ. Востокъ былъ уже темно-

Digitized by Google

голубаго цвѣта, и въ немъ мерцала первая звѣзда. Это былъ самый тихій часъ, усладительный для счастливыхъ, жестокій для страдающихъ; тотъ неопредѣленный часъ уходящаго дня, который наступаетъ послѣ величественнаго заката солнца и предшествуетъ совершенному наступленію ночи.

— Она его любитъ!.. прошептала Луиза, проводя пылающей рукой по лбу. Она его любитъ... а онъ?.. почему и ему не полюбить ея? Какъ онъ долженъ презирать меня!.. Да и помнитъ ли онъ, что когда-то любилъ меня? Что-жъ, въ этомъ бракѣ соединятся всѣ условія для счастья: молодость, красота, богатство, хорошая будущность. Какъ онъ раньше не видѣлъ этого? Онъ былъ слишкомъ молодъ, ему можно простить это. Къ счастью, у меня достало ума на двоихъ.

Она засмѣялась сухимъ смѣхомъ, отъ котораго ей сдѣлалось больно. Зеленая вѣтка, уже покрытая легкой росой, которую она сорвала лихорадочно горѣвшей рукой, доставила ей пріятное ощущеніе. Блѣдная и совершенно круглая луна всходила изъ-за сосноваго лѣса; съ моря поднимался чуть замѣтный вѣтерокъ, и лягушки, обрадованныя наступающей свѣжестью, перекликались своимъ рѣзкимъ отрывистымъ голосомъ, дрожавшимъ, какъ звонъ хрусталя въ вечернемъ безмолвіи.

— Однако, еслибы я хотѣла!.. Еслибы я ждала... Еслибъ я была свободна! Еслибъ онъ пришелъ сказать мнѣ: я былъ слишкомъ бѣденъ, чтобы сдѣлать вамъ предложеніе, но я покинулъ отечество, семейство, работалъ, боролся, рисковалъ своей жизнью, чтобы купить право сказать вамъ, какъ я васъ люблю... и теперь я возвращаюсь побѣдителемъ, чтобы предложить вамъ это будущее, которое я хотѣлъ сдѣлать блестящимъ, чтобы раздѣлить его съ вами. Луиза, помните ли вы, что обѣщали ждать меня, и хотите ли быть моею?

Она дошла до террасы, погруженная въ свою мечту, почти думая, что слышитъ эти слова, которыя ей нашептывали ея собственныя мысли.

Въ залѣ, гдѣ всѣ двери, выходившія на террасу, были широко открыты, и безпрепятственно пропускали послѣдніе отблески заходившаго солнца, сидѣлъ Пьеръ Меранъ, опершись на столъ, и разсѣянной рукой перелистывалъ альбомъ Жанны. Г-жа Меранъ оставила его за этимъ заня-

Digitized by Google

тіемъ. Но давно уже скалы, дома, деревья и крестьяне пробѣгали передъ его глазами, ничего не говоря его мысли, и набѣгающая тѣнь стирала краски и клала на все сѣроватый однообразный оттѣнокъ; даже самые контуры дѣлались неуловимы, а онъ все смотрѣлъ, не отдавая себѣ отчета, что уже ничего не видѣлъ.

Вдругъ тѣнь сдѣлалась темнѣе. Между послѣднимъ лучемъ дня и имъ кто-то былъ,—какая-то женщина. Она не замѣтила его, входя, она смотрѣла черезъ его голову въ полусвѣтъ большой комнаты, какъ смотрятъ съ морскаго берега въ безконечность. Пьеръ всталъ; она вскрикнула. Это была Луиза.

Они были одни. Первымъ движеніемъ Пьера было удалиться. Между нею и имъ была теперь пропасть болѣе широкая и глубокая, чѣмъ тотъ океанъ, который онъ переплылъ два раза. Ничего не могло быть сказано между ними, кромѣ самыхъ безразличныхъ или смертельно оскорбительныхъ словъ. Луиза, съ своей стороны, минуту тому назадъ, употребила бы все возможное, чтобы избѣгнуть этого свиданья наединѣ. Она должна была позволить ему уйти. Она страстно желала, чтобы онъ ушелъ, и... удержала его.

Этотъ недостатокъ логики нерѣдко встрѣчается въ жизни женщинъ, да и мужчины несвободны отъ него. Но она тотчасъ же выдумала причину своего поступка. Развѣ не было ея обязанностью позаботиться о судьбѣ Жанны. Если Пьеръ любилъ ее, она соединитъ ихъ, и это принесетъ имъ счастье и, вѣроятно, доставитъ ей спокойствіе. Она сѣла и указала ему на кресло, стоявшее около нея.

— Останьтесь, г. Меранъ, вы, должно быть, утомились. Вы разсматривали эскизы Жанны? У нея есть вкусъ, неправда ли? Вы, кажется, довольны результатомъ вашего путешествія?

Пьеръ поклонился, сѣлъ, еще разъ поклонился и сказалъ:

— Нельзя быть болѣе довольнымъ.

— Вы, вѣроятно, видѣли много новаго?

— Меня тамъ удивила только одна новость, хотя, говорятъ, что это очень обыкновенное явленіе по обѣимъ сторонамъ Атлантическаго океана: это легкость, съ которою нѣкоторые люди нарушаютъ обѣщанія... Потомъ мнѣ было тя-

Digitized by Google

желю встрѣтить особу, которая заставила меня очень страдать. Но теперь, слава богу, я излѣчился.

Съ этими словами онъ всталъ. Луиза удовольствовалась тѣмъ, что прошептала:

— Очень рада за васъ.

— Я знаю, что вы добры; я надѣялся, что это извѣстіе доставитъ вамъ удовольствіе.

— И вы правы. Но не уходите такъ; можно подумать, что я васъ прогоняю.

Пьеръ остановился.

— Видите, г. Меранъ, я рада случаю поговорить съ вами наединѣ минутъ пять. Пусть прошедшее останется прошедшимъ. Если вы такъ хорошо излѣчились, какъ говорите, докажите мнѣ это, смотря на меня, какъ на друга. Женщина моихъ лѣтъ имѣетъ болѣе опытности, чѣмъ молодой человѣкъ. Вы теперь въ такомъ положеніи, когда рѣшается ваша судьба и опредѣляется ваше будущее, которое обѣщаетъ быть блестящимъ. Нужно ожидать, что многіе станутъ искать вашего знакомства и съумѣютъ воспользоваться этимъ.

— Я думалъ объ этомъ, сказалъ Пьеръ.

— Вамъ нужно жениться, но только такъ, чтобы удовлетворить потребностямъ сердца и разсудка: дѣвушка довольно молодая, довольно красивая, довольно любящая, чтобы вполнѣ отдаться вамъ, довольно умная, чтобы понять ваше честолюбіе, довольно богатая, чтобы ничто не могло задержать васъ въ началѣ вашей карьеры,—будетъ, я думаю, совершенно по васъ. Все это у васъ подъ рукой, если вы только захотите открыть глаза и посмотрѣть вокругъ себя. Вотъ уже второй разъ, какъ я вамъ даю дружескій совѣтъ, какой вамъ можетъ дать ваша мать.

Она говорила ему, какъ старшая сестра, указывающая брату вѣрный путь, гдѣ онъ найдетъ счастье. Пьеръ облокотился о спинку кресла и заговорилъ въ свою очередь.

— Да, люди мѣняютъ свои убѣжденія, и человѣку опытному кажутся нелѣпыми идеи юноши. Было время, когда я думалъ, что счастье возможно только въ союзѣ двухъ сердецъ, созданныхъ другъ для друга, и то, что такъ справедливо называютъ бракомъ по разсудку, казалось мнѣ самой презрѣнной торговой сдѣлкой, самымъ невыносимымъ позо-

Digitized by Google

ромъ. А теперь, развѣ я вхожу въ жизнь съ подобными бреднями? Какъ я вамъ благодаренъ, что вы уничтожили ихъ во мнѣ безъ всякаго сожалѣнія! Какъ я теперь свободенъ въ погонѣ за фортуной! Ради бога оканчивайте ваше дѣло! Представьте мнѣ то, что вы называете хорошей партіей, незнакомую молодую дѣвушку, хорошо воспитанную куклу, которой надоѣло быть дѣвушкой и которая желаетъ купить мое имя и мои надежды на будущее цѣною своего приданаго. Не трудитесь открывать мнѣ глаза; для чего? Я приму ее изъ вашихъ рукъ съ закрытыми глазами. Я постараюсь быть честнымъ человѣкомъ; надѣюсь, что она будетъ честная женщина; и если мы не будемъ очень счастливы, то, значитъ, нѣтъ счастья на землѣ!

Онъ выпрямился, саркастически засмѣялся и направился къ террасѣ. Онъ уже былъ на срединѣ комнаты, когда Луиза прошептала тихо:

— Вы меня очень презираете, неправда ли?

— Къ чему вынуждать меня говорить вамъ это?

— А! берегитесь, вскричала она, выпрямляясь въ свою очередь:—я могу подумать, что вы мнѣ дѣлаете вызовъ, объявляя, что ненавидите меня!

Онъ подошелъ къ ней, чтобы посмотрѣть на выраженіе ея лица. Но тѣни такъ сгустились въ комнатѣ, что не было почти ничего видно. На дворѣ уже стояли сумерки.

— Я васъ проклиналъ сначала, когда рана еще истекала кровью. Теперь остался только слѣдъ отъ нея, я его вижу, ощущаю, но, слава богу, уже не страдаю отъ него.

— Сознайтесь однако, что я вамъ оказала услугу.

— Развѣ я уже не призналъ этого? Хотите доказательствъ моей искренности? Моя мать мечтала для меня объ одномъ изъ тѣхъ блестящихъ браковъ, о которыхъ вы мнѣ сейчасъ говорили. Вы знаете, что Жанна—ея крестница. Я не могу вамъ сказать, чтобы я ее любилъ настоящей любовью, но я всегда былъ къ ней привязанъ, какъ братъ. Она прелестна, богата, я могъ бы даже сказать: слишкомъ. Если ея сердце свободно, какъ думаетъ моя мать, то тутъ есть всѣ основанія для вполнѣ благоразумнаго брака. Что вы скажете на это?

— Вы спрашиваете совѣта?

Digitized by Google

— Совѣта и поддержки; я знаю, что Жанна имѣетъ большое довѣріе къ вамъ.

— Чтобы быть достойной этой довѣренности, я вамъ вотъ что скажу: спросите ваше сердце, и если вы увѣрены въ самомъ себѣ, если въ немъ ничего не осталось отъ прошлаго, котораго она никогда не должна знать, женитесь на Жаннѣ и дай богъ, чтобъ она была счастлива!

— Зачѣмъ сомнѣваться? холодно сказалъ Пьеръ. Ея жизнь будетъ похожа на вашу, а не вы ли сами только что говорили, что вы вполнѣ счастливы?

— Вы правы, отвѣчала она. Но уже совсѣмъ темно, и я удивляюсь, что не звонятъ къ обѣду. Извините меня, мнѣ нужно пойти распорядиться.

Она пошла шатаясь. На половинѣ дороги силы измѣнили ей и она должна была сѣсть, чтобы не упасть. Пьеръ слѣдовалъ за нею; она чувствовала, какъ онъ протянулъ руку, чтобы поддержать ее, и тихо оттолкнула его.

— Прошу васъ, оставьте меня. Это ничего. Мнѣ нужно отдохнуть, вотъ и все.

Она пробовала встать; но голова ея кружилась, въ вискахъ нестерпимо стучало, что-то душило ее, и смутно, какъ въ тяжеломъ снѣ, слышала она, какъ онъ говорилъ:

— Да плачьте же! Покажите мнѣ, что осталось еще что нибудь человѣческое въ этомъ сердцѣ, полномъ гордостью. Развѣ вы думаете, что среди окружающей васъ роскоши, среди общаго уваженія къ вамъ, я былъ обманутъ вашей улыбкой? Бѣдная женщина, вы хотѣли блистать, властвовать, хотѣли, чтобы вамъ завидовали! Еслибы вы знали, какъ мнѣ васъ жаль!

Она безсильно опустилась снова въ кресло и закрыла руками лицо съ ощущеньемъ безотчетнаго страданья и смертельнаго оцѣпенѣнія. Онъ, увлеченный своей страстью, которую уже не думалъ скрывать, продолжалъ говорить, все болѣе одушевляясь.

— Когда я подумаю, что годъ тому назадъ, почти на этомъ мѣстѣ, мы вдвоемъ мечтали о будущемъ! Какимъ сильнымъ чувствовалъ я себя подъ вашимъ взглядомъ, какъ я былъ увѣренъ, что выйду побѣдителемъ изъ этой борьбы, видя впереди такую сладостную награду! Съ какимъ обожа-

Digitized by Google

ніемъ я клалъ мою жизнь къ вашимъ ногамъ! Съ какою гордостью смотрѣлъ вокругъ себя послѣ вашего поцѣлуя! Прошелъ годъ, одинъ только годъ, и вотъ я достигъ всего, и возвращаюсь къ вамъ, чтобы предложить вамъ всего себя, со всѣмъ своимъ будущимъ, которое сулитъ мнѣ успѣхъ! Вотъ я прихожу сказать вамъ: я оставилъ отечество, семейство, трудился, боролся, рисковалъ жизнью, чтобы имѣть право сказать вамъ: я васъ люблю!.. И вы—жена другаго!

Вдругъ онъ замѣтилъ, что она въ самомъ дѣлѣ плачетъ. Онъ опустился передъ нею на колѣни.

— О, простите мнѣ! Я васъ заставилъ страдать, заставилъ плакать. Я былъ жестокъ къ вамъ... И по какому праву? Развѣ я знаю, что произошло безъ меня! Вамъ, вѣроятно, сказали, что я ничего не достигну, что я забуду васъ! Васъ забыть! Какъ будто это возможно! Требуйте отъ меня чего хотите, я буду повиноваться вамъ. Я останусь или уѣду, уѣду на другой конецъ свѣта, если вы этого хотите. Но не требуйте отъ меня того, что выше моихъ силъ—отказаться отъ васъ, отъ этой страсти, которая составляетъ мое отчаяніе и мою жизнь. Я васъ оскорбилъ, вы имѣете право ненавидѣть меня. Но еслибъ вы знали, какъ я страдаю, вы бы сжалились надо мною, сжалились надъ моей любовью!

Онъ взялъ ея руки и прижалъ къ своимъ губамъ. Рыданья молодой женщины утихли, и теперь только большія, теплыя капли, какъ послѣ грозоваго дождя, медленно падали на его лобъ.

Вдругъ комната освѣтилась. Вошелъ слуга, неся въ каждой рукѣ по зажженной лампѣ. Пьеръ быстро вскочилъ, а Луиза едва успѣла подавить крикъ ужаса, который готовъ былъ вырваться у нея и заставилъ молодаго человѣка оглянуться назадъ. За нимъ стоялъ адмиралъ. Ни онъ, ни она не замѣтили, какъ онъ вошелъ. Сколько времени онъ былъ тутъ? Что онъ услыхалъ изъ ихъ рѣчей? Они не знали. Слуга поставилъ лампы на консоль и удалился.

VII.

— Что съ вами, Луиза? сказалъ адмиралъ. Можно подумать, что вы меня боитесь.

Digitized by Google

Онъ былъ спокоенъ, что было ужасно. Пьеръ сдѣлалъ движенье, чтобы стать между нимъ и молодой женщиной, но, къ счастью, понялъ, что подобное движеніе погубило бы ее, и удержался.

— Мнѣ слышались, продолжалъ адмиралъ, странныя рѣчи; показалось, что я видѣлъ слезы въ вашихъ глазахъ. Конечно, все это оттого, что я дѣлаюсь старъ, и потому не долженъ довѣрять ни своимъ глазамъ, ни своимъ ушамъ.

Луиза подняла на него свои прекрасные, влажные глаза:

— Нѣтъ, мой другъ, сказала она, вы хорошо видѣли и хорошо слышали. Г. Меранъ признавался мнѣ въ своей любви.

Пьеръ видѣлъ, какъ пробѣжала дрожь по могучему тѣлу адмирала. Онъ сильно покраснѣлъ, и лобъ его покрылся сѣтью огромныхъ жилъ. Впрочемъ, онъ даже не смотрѣлъ на молодаго человѣка. Когда его жена сказала слово: любовь, онъ произнесъ только: а!

— И,—продолжала весело Луиза,— онъ вложилъ столько жару въ свои слова, что вы меня видите очень взволнованной. Нужно имѣть состраданіе къ тѣмъ, кто любитъ, мой другъ. Еслибы вы дали мнѣ время отвѣтить ему, я бы сказала г. Мерану, что глубоко тронута чувствами, которыя онъ мнѣ высказалъ, и что не отъ меня будетъ зависѣть, если его желанія не осуществятся.

— Его желанья! вскричалъ адмиралъ. А! перебилъ онъ самъ себя, если это шарада, надѣюсь, вы мнѣ скажете и отгадку.

Вообще онъ казался скорѣе удивленнымъ, чѣмъ угрожающимъ. Пьеръ вздохнулъ свободнѣе.

— Вы знаете, мой другъ, говорила Луиза, протягивая молодому человѣку руку, къ которой онъ прикоснулся губами.—Вы заговорили объ этомъ первый. О, теперь нечего больше скромничать, и мнѣ кажется, что прежде, чѣмъ вы освѣдомитесь у Жанны...

Ея рука все еще касалась губъ Пьера, она прижала ее сильнѣе, произнося имя молодой дѣвушки. Предупрежденный Пьеръ не сдѣлалъ никакого движенія.

— Жанна!.. сказалъ адмиралъ съ изумленьемъ, которое показалось бы комичнымъ при другомъ случаѣ. Такъ дѣло идетъ о Жаннѣ?

Digitized by Google

— А о комъ же? сказала молодая женщина съ удивленіемъ. Да говорите же, г. Пьеръ? Что вы стоите, какъ статуя?

Пьеръ пробормоталъ какія-то слова. Это хладнокровіе, которое спасло ихъ, казалось ему ужаснымъ. Онъ искалъ выхода и не находилъ его.

Луиза погрозила пальцемъ своему мужу.

— Ну, конечно... Не чувствуете ли вы себя немножко виноватымъ?

— Признаюсь, сказалъ адмиралъ:—что, входя...

Онъ заложилъ палецъ за воротникъ рубашки, давившій его. Глубокое смущеніе оставалось въ немъ, и онъ отдалъ бы жизнь, чтобы быть вполнѣ увѣреннымъ.

— Вы нашли, продолжала Луиза, человѣка у ногъ вашей жены, слышали, что онъ говоритъ о любви, и еще бы вамъ не ревновать! Что же бы вы сдѣлали, еслибы имѣли доказательство, что это меня онъ любитъ, и что я отвѣчаю на его любовь?

— Зачѣмъ вы это спрашиваете? сказалъ адмиралъ хриплымъ голосомъ.

— Чтобы знать.

— Я бы васъ убилъ.

— Въ добрый часъ! проговорила молодая женщина, протягивая ему лобъ. И это движеніе было такъ искренно, такъ естественно, такъ полно нѣжнаго кокетства, что послѣднія сомнѣнія старика исчезли.

Онъ внезапно почувствовалъ успокоеніе, готовъ былъ отъ радости обнять весь міръ, и первые симптомы его благоволенія отразились на Пьерѣ.

— Итакъ, мой милый, вы имѣли намѣреніе просить руки моей дочери?

— Да, сказалъ Пьеръ, опустивъ глаза въ землю. Но я не смѣлъ надѣяться...

— Это мы сейчасъ узнаемъ, сказалъ адмиралъ:—потому что вотъ кстати она идетъ съ г-жею Меранъ. Не блѣднѣйте же такъ. Что-то говоритъ мнѣ, что вы можете надѣяться.

VIII.

Г-жа Меранъ подошла прямо къ Пьеру, и между нимъ

Digitized by Google

и матерью произошелъ тихій, но быстрый разговоръ. Адмиралъ прижалъ къ своей груди Жанну и молча смотрѣлъ на нее, а она спрятала на его плечо свои пылающія щоки. Луиза воспользовалась этой минутной отсрочкой, чтобы успокоиться.

— Пьеръ! сказала г-жа Меранъ:—знаешь ли ты, что Жанна тебя любитъ?

— Меня?.. произнесъ потерявшійся молодой человѣкъ:— но это невозможно!

— Однако это такъ. И твоя обязанность: или просить ея руки, или уѣхать.

— Уѣхать!.. Развѣ я могу? Ради бога, мама, позвольте мнѣ хоть нѣсколько дней остаться здѣсь.

Г-жа Меранъ, пораженная смущеніемъ сына, внимательно посмотрѣла на него.

— Что случилось? спросила она.—Объяснись.

— Не здѣсь.

— Ты меня пугаешь! прошептала она, внезапно озаренная какою-то мыслью, отъ которой закружилась ея голова.

Но она не знала, что дѣлать. Пьеръ колебался и не могъ ни на что рѣшиться.

Наступила минута ужаснаго молчанія.

— Ну, прошептала Луиза:—нужно кончить!—и прибавила громко и весело:

— Но, г. Меранъ, мнѣ кажется, что вы слишкомъ молчаливы для адвоката. Рѣшитесь ли вы говорить, или нужно, чтобы я и теперь служила вамъ посредникомъ?

Она устремила на него пристальный, повелительный, непреодолимый взглядъ. Онъ поклонился и, оборотившись къ г-жѣ Меранъ, сказалъ:

— Говорите же, мама. Выразите отцу Жанны ваше самое сильное желаніе, которое и я раздѣляю.

Жанна почувствовала, какъ ея отецъ глубоко вздохнулъ всей грудью.

— Не полюбила ли ты его какъ нибудь неожиданно? спросилъ онъ ее на ухо.

— Эта любовь длится больше года! отвѣчала она также тихо.

Онъ толкнулъ ее въ объятія г-жи Меранъ и почув-

Digitized by Google

ствовалъ себя такъ легко, какъ будто у него гора съ плечъ свалилась.

— Черезъ мѣсяцъ свадьба! крикнулъ онъ командирскимъ голосомъ. Можете поцѣловаться, только поторопитесь, потому что сюда идетъ Полинъ. Бѣдный малый!

Пьеръ поцѣловалъ Жанну въ лобъ. Она не могла удержаться, чтобы не замѣтить ему:

— Какъ странно: твои руки такія горячія, а губы холодны, какъ ледъ. Ты никогда меня такъ не цѣловалъ.

— Это потому, холодно сказалъ молодой человѣкъ,—что вы тогда еще не были моей невѣстой.

— А, это правда, сказала молодая дѣвушка. Мы не можемъ болѣе говорить другъ другу „ты“.

Она обратилась къ Полину, вошедшему съ неизбѣжнымъ Мурье, и протянула ему обѣ руки.

— Я боюсь, что оскорбила васъ, г. Дидье. Я была глупа и зла. Можете ли вы простить меня?

Полинъ посмотрѣлъ на нее немного удивленный, хотя и привыкъ къ неожиданностямъ. Онъ обвелъ глазами всю комнату, остановилъ свой взглядъ на минуту на Пьерѣ, потомъ снова обратился къ молодой дѣвушкѣ. Онъ, вѣроятно, все понялъ, потому что немного поблѣднѣлъ.

— Надѣюсь, что вы будете счастливы, сказалъ онъ просто,—и позволите мнѣ остаться вашимъ другомъ. Вы знаете, что я старый товарищъ Пьера.

Молодые люди пожали другъ другу руки. Вошелъ слуга и торжественно проговорилъ: „кушать подано“.

Адмиралъ предложилъ руку г-жѣ Меранъ, Луиза взяла руку Полина.

— Бѣдный малый! повторилъ адмиралъ.—Честный малый!.. Но довольно!.. Идемъ обѣдать.

Шесть недѣль спустя, Пьеръ Меранъ женился на Жаннѣ.

(Конецъ второй части).

Digitized by Google

СЕМЬЯ БОГАТЫРЕЙ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

XVIII. Политическая дама.

Александра Николаевна Старикова была настоящая москвичка, хотя въ Москвѣ едва ли она живетъ болѣе двухъ мѣсяцевъ въ году. Московская почва—богата. Рядомъ съ Тараповыми, на ней иногда пышнымъ цвѣтомъ поднимаются и такіе типы, какъ описываемый. Старикова была въ полномъ смыслѣ слова политическою дамой. Ни одно событіе, касавшееся хотя однимъ бокомъ Россіи, не могло совершиться безъ ея участія. Она показывалась вездѣ, гдѣ задѣвались такъ или иначе наши интересы. Ее знали въ Англіи и во Франціи, въ Италіи и въ Австріи одинаково. Она выступала оппонентомъ нашихъ завѣдомыхъ враговъ и въ салонахъ, и въ ученыхъ обществахъ, и въ аудиторіяхъ, какъ лектриса. Со страницъ журналовъ и газетъ она вѣщала въ нѣсколько торжественномъ тонѣ о тѣхъ намѣреніяхъ и предположеніяхъ, какія иногда еще и не зарождались въ русской головѣ, но которыя, по мнѣнію Александры Николаевны, были уже близки къ осуществленію. Вамбери, какъ нашъ врагъ, и Александра Николаевна, какъ наша защитница, были наиболѣе всѣхъ иностранцевъ знакомы руководящимъ кружкамъ Лондона. Она была въ высшей степени талантливымъ публицистомъ, и писала съ одинаковой легкостью по англійски, по французски и по нѣмецки. Нужно сказать правду: Старикова не мало нашихъ враговъ помирила съ нами, а вопросы, уясненію которыхъ она служила, предупреждая тѣмъ самымъ серьезныя столкновенія—можно было насчитать десятками. Будь Александра Николаевна—мужчиной, изъ нея выработался бы превосходный посланникъ или даже министръ иностранныхъ дѣлъ. Какъ женщина, она въ настоящее время заняла мѣсто,

Digitized by Google

которое во времена оны занимали Рекамье, Севинье, Сталь и другія выдающіяся француженки. Что касается до нѣмцевъ и англичанъ, то у нихъ, разумѣется, никогда подобныхъ женщинъ не бывало. Александра Николаева навѣрно была знакома съ цѣлымъ полуміромъ. Ея переписка заняла бы десятки томовъ; ея знакомства, воспроизведенныя портретистомъ, могли бы для себя потребовать галлерею, длиною отъ Москвы до Петербурга. Не было такого политическаго человѣка, къ какому-бы лагерю онъ ни принадлежалъ, который не считалъ бы обязанностью показаться въ салонѣ у Александры Николаевны. Не было такого писателя—кого бы она не знала. Не было журнала который въ свое время такъ или иначе не прославлялъ бы или не популяризировалъ Старикову. Надо признаться, ея собственныя писанія подкупали необычайной искренностью и часто страстностью убѣжденія. Она никогда не говорила равнодушно, потому что вопросы, на которые тратила свой выдающійся талантъ, были жгучими, требовавшими за собой штыковъ и крови. Она могла говорить о самыхъ выдающихся людяхъ нашего вѣка: „мой другъ ** или мой врагъ ****". Просто знакомыхъ у нея между ними не было. Или они ее ненавидѣли, или дѣйствовали съ нею заодно. Въ Англіи съѣзжались смотрѣть на нее, какъ на чудо. Родись она во Франціи, въ прошломъ вѣкѣ, вѣроятно, ей бы пришлось или сложить голову на гильотинѣ, или же сдѣлаться богинею разума. А можетъ быть и то и другое вмѣстѣ. Александра Николаевна не сложила рукъ, не зазналась по женски, пріобрѣтя такую лестную популярность. Напротивъ, она постоянно была занята: — читала, путешествовала, за всѣмъ слѣдила, всегда чего нибудь ждала и рѣдко ошибалась въ своихъ предвидѣніяхъ. Съ Анисимовымъ она была дружна. Она считала его чуть ли не Наполеономъ—по военному генію, и его неудачи раздражали ее больше, чѣмъ еслибы она сама испытала ихъ въ своей дѣятельности. Анисимовъ, въ душѣ котораго было не мало макіавелизма, будучи глубоко равнодушенъ къ Александрѣ Николаевнѣ и мало интересуясь ея личными мнѣніями—притворялся чуть ли не благоговѣющимъ передъ нею. Онъ зналъ, что все сказанное имъ Александрѣ Николаевнѣ—изъ ея устъ зазвучитъ уже всему грамотному европейскому міру, и пользовался этимъ безъ зазрѣнія совѣсти. Когда ему нужно было, чтобы то или другое обстоятельство было узнано всѣми—онъ являлся къ Александрѣ Николаевнѣ и съ видомъ спокойной небрежности ронялъ слово за словомъ, лѣниво разсказывая съ перерывами, запятыми, любезностями, направленными по адресу хозяйки, Этотъ пріемъ дѣйствовалъ великолѣпно, и, спустя недѣли полторы

Digitized by Google

въ Daily News или Pall-Mall — уже появлялась страстная и талантливая статья Стариковой, которую тотчасъ же начинали цитировать періодическія изданія цѣлаго міра.

Такъ и теперь, только что отдѣлавшись отъ Тарапова, Анисимовъ переодѣлся и отправился къ Стариковой.

Въ Москвѣ Старикова жила по московски.

У нея былъ свой домъ-особнякъ, непремѣнно деревянный, въ стародворянскомъ жанрѣ и непремѣнно съ колоннами по переднему фасаду. Гостинная ея была довольно просторная и уставлена мягкой мебелью. Когда ей доложили о Сергѣѣ Николаевичѣ, она радостно вспыхнула и тотчасъ же обратилась къ нѣсколькимъ сидѣвшимъ у нея англичанамъ и американцамъ:

— Вы знаете, кто это?

— Кто? процѣдилъ сквозь зубы рыжій джентльменъ въ сѣромъ жакетѣ, безцеремонно развалившійся на диванѣ.

— Анисимовъ.

— Знаменитый?

— Да.

— О!

Онъ поприличнѣе убралъ ноги и съ видимымъ нетерпѣніемъ устремилъ глаза къ дверямъ.

— Какъ я рада васъ видѣть? Давно ли вы въ Москвѣ? пошла хозяйка ему на встрѣчу.

— Только сегодня.

— Вотъ это я понимаю. Это настоящая дружба... Не то, что въ прошлый разъ, когда вы проѣхали, не посѣтивъ меня.

— Но я оставался тогда только нѣсколько часовъ отъ поѣзда до поѣзда.

— Все равно!

Она представила ему своихъ гостей. Англичане, вообще очень симпатизировавшіе Анисимову, хотя и боявшіеся его, пожали ему руку. Онъ заговорилъ съ ними по англійски—безъ всякаго акцента.

— Скоро вы, генералъ, на Индію?.. улыбаясь, спросилъ его одинъ изъ гостей.

— А вотъ когда вы насъ туда толкнете.

— Какъ мы? Когда у насъ только этого и боятся!

— Разумѣется, вы. Вы столько кричите всегда, что невольно начинаешь думать: если англичане такъ волнуются и боятся, значитъ дѣйствительно намъ надо туда толкнуться. Вы возьмите: кто намъ показалъ Среднюю Азію—все вы же. Мы о ней, какъ теперь объ Индіи, и не думали даже. Но вы столько кричали, что мы готовимся завоевать ее; такъ убѣдительно доказывали, что всѣ

Digitized by Google

наши интересы тамъ и защитить такъ старались ее отъ насъ, что мы дѣйствительно сунулись туда—и даже съ полнымъ удовольствіемъ. То же самое вы теперь повторяете съ Индіей. Вы сами выдумали никогда не существовавшее завѣщаніе Петра Великаго и стараетесь насъ убѣдить теперь, что мы безъ Индіи жить не можемъ, что мы о ней только и мечтаемъ, что безъ нея намъ—бѣда, гибель, смерть. Ей-ей я не буду удивленъ, если въ концѣ концовъ вы насъ убѣдите, и мы дѣйствительно постучимся въ эту дверь.

Англичанинъ вынулъ записную книжку и тщательно занесъ туда слышанное.

— Теперь вы насъ тоже толкаете въ Афганистанъ. Нечему будетъ удивляться, если Скобелеву, когда онъ кончитъ съ Ахалъ-Теке, прикажутъ двинуться на Мервъ, а тамъ и далѣе, на Гератъ. Не горячись вы такъ, не волнуйся, и все обстояло бы благополучно. Вѣрно я говорю, Александра Николаевна? обратился онъ къ хозяйкѣ.

— Еще бы. Совершенно Я даже не разъ писала объ этомъ.

— Ну, вотъ видите.

— Что васъ занесло въ Москву?

— По пути, Александра Николаевна.

— Куда?

— Въ Индію! засмѣялся Анисимовъ.

Англичанинъ даже привскочилъ.

— Какъ въ Индію?

— Я шучу, господа. Ѣду въ Вѣну.

— Зачѣмъ?

— Хочу поближе познакомиться со славянами. Каковы они у себя дома.

— А другой цѣли нѣтъ? по русски спросила Старикова.

— Пока нѣтъ. Скучно здѣсь. Дѣлать нечего.

— Вы въ опалѣ?

— Да. Я и ожидалъ этого.

— Неужели вамъ не дадутъ возможности работать, приносить пользу...

— Нѣтъ, мы не нужны теперь. Я уже, знаете, подумываю о томъ, чтобы предложить свои услуги Александру Баттенбергскому.

— Зачѣмъ это?

— Организовать болгарскую армію. Вѣдь это нашъ авангардъ на Балканскомъ полуостровѣ. А изъ болгаръ можно сдѣлать превосходныхъ солдатъ. Особенно, еслибы удалось захватить въ свои руки и самого князя, чтобы онъ слушался.

Digitized by Google

— Да, но вы забыли, что отсюда вамъ помѣшаютъ.

— И еще какъ. Почему они туда посылаютъ такихъ, кому русское дѣло вовсе не дорого? А тамъ, правду сказать, много дѣла и дѣла живаго, кипучаго.

— Ну, васъ побоятся.

— А что?

— Да вы, преобразовавъ болгарскую армію, способны съ ней пойти на Константинополь.

— Beati possidentes!..

— Ну, тутъ теперь это не ко времени.

— А что же надо?

— Сидѣть смирно... Вѣдь скажите правду, вы уже списывались съ Баттенбергомъ?

— Да... Вы почему знаете?

— Вотъ они сказывали, показала она на англичанъ.

— Эти всегда и все знаютъ, даже больше, чѣмъ надо. Удивительный народъ.

— Знаете, генералъ, вмѣшался сидѣвшій на диванѣ англичанинъ,—куда бы вамъ надо было ѣхать?

— Куда?

— Въ Египетъ.

— Зачѣмъ?

— Вицекоролемъ Египта и главнокомандующимъ войскъ ея величества.

— Еслибы я былъ англичаниномъ—не скрою, это было бы для меня весьма лестно.

— О, васъ и теперь приняли бы въ нашу службу.

— Но я не принялъ бы *вашу* королеву, подчеркнулъ Анисимовъ. Я имѣлъ честь командовать отдѣльнымъ отрядомъ *русской* арміи... И для меня быть главнокомандующимъ въ Египтѣ, помимо политической подлости, являлось бы пониженіемъ въ чинѣ...

— О, я пошутилъ, генералъ! извинился англичанинъ.

— Я тоже это принялъ за шутку, засмѣялся Анисимовъ, протягивая ему руку

— Каково же ваше положеніе теперь? спросила его Старикова, когда гости ушли.

— Отвратительное. Непричемъ и ни къ чему. Вотъ въ двухъ словахъ вся характеристика:—непричемъ и ни къ чему.

— Что же вы думаете дѣлать?

— Странствовать по свѣту, какъ рыцарь печальнаго образа.

— Жаль... задумалась она. Это у насъ только возможно. Вы не пробовали?

Digitized by Google

— Стучался.

— Ну?

— Не отверзлось. Со мной не могутъ примириться. Они говорятъ: намъ не надо (простите, я повторяю ихъ выраженіе), намъ не надо геніевъ, а нужны простые исполнители.

Александра Николаевна встала и нервно заходила по комнатѣ.

— По крайней мѣрѣ, хоть справедливы. За генія считаютъ, проговорила она.

— Да. Съ насмѣшливой улыбкой на губахъ.

— Пусть смѣются. Исторія будетъ справедлива.

— Да, а до тѣхъ поръ испакостятъ русское дѣло до предѣловъ возможности.

— Что же дѣлать?

— Я нашелъ что̀?

— Не секретъ?

— Для васъ—нѣтъ, для другихъ—да. Я въ Вѣнѣ и въ славянскихъ земляхъ подыму такой взрывъ вѣры въ насъ, что намъ самимъ здѣсь уже нельзя будетъ откреститься и отказаться отъ этого, не рискуя своимъ достоинствомъ, потерей вліянія и даже будущностью. Не хотятъ они сами быть русскими—я ихъ заставлю силой, этихъ господъ изъ Петербурга, которымъ лишь бы двадцатаго числа выдавали жалованье, а тамъ хоть трава не расти.

— И, вы думаете, это пройметъ?

— Смотря, какъ повести дѣло.

— А Австрія?

— Австрія что̀ же. Главный ударъ всему я нанесу изъ Цетинья, Бѣлграда и Софіи...

— Ну, давай вамъ Богъ...

— Богъ за того, кто смѣлъ и вѣритъ въ себя.

— Нѣтъ, онъ тамъ, гдѣ право.

— Мы съ вами, Александра Николаевна, не маленькіе. И вы, и я, знаемъ, чѣмъ я рискую въ данномъ случаѣ. Скажите мнѣ, пожалуйста—могу я на васъ разсчитывать въ этомъ?

— Безусловно.

— Вы меня поддержите?

— Всѣмъ, чѣмъ могу.

— О, вы можете много. Главное, вы знаете? англійская печать. Они здѣсь чутко прислушиваются къ ней и боятся ея.

— Она будетъ за васъ.

— Вы не думаете, что въ самой англійской печати забьютъ тревогу?

Digitized by Google

— О, нѣтъ. Они теперь слишкомъ заняты. Дѣла въ Египтѣ принимаютъ отвратительный оборотъ. Да, кромѣ того, они вамъ лично очень сочувствуютъ, и разъ они заговорятъ даже во враждебномъ тонѣ— съ движеніемъ надо будетъ считаться.

— Да... Они здѣсь или должны отказаться отъ него и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отъ всей своей роли въ славянствѣ, или взять его въ свои руки... Если, если... И онъ остановился.

— Что если?

— Если я его отдамъ имъ!

— Какъ же вы можете не отдать?

— Просто. Самъ поведу. Можно ли неумѣлымъ рукамъ или, что еще хуже, дипломатамъ передавать такое дѣло? Подумайте, ну что наше министерство странныхъ дѣлъ сдѣлаетъ съ нимъ?

— Какъ вы его назвали?

— Министерствомъ странныхъ дѣлъ. Это кто-то изъ моихъ адъютантовъ сошкольничалъ.

— Недурно и, главное, вѣрно. Гдѣ вы думаете начать?

— Не знаю еще. Надо будетъ приглядѣться ко всему этому, посмотрѣть.

— Неправда-ли, какъ нелѣпо положеніе дѣлъ? Люди, искренно любящіе свое отечество, не могутъ найти въ немъ никакого дѣла.

— Гдѣ бы ему ни служить—все равно. Не могу здѣсь быть полезнымъ родинѣ—поѣду туда. Оттуда, пожалуй, еще больше поработаю для нея... Со стороны виднѣе, знаете.

— Да!.. Кого это еще Господь несетъ?.. совсѣмъ по русски поморщилась она, видя входящаго лакея.

— Семенъ Павловичъ Словцовъ.

— А!.. Вы его знаете? быстро обернулась она къ Анисимову.

— Да! улыбнулся онъ.

— Въ какихъ вы съ нимъ отношеніяхъ?

— Самыхъ дружескихъ. Вы знаете: въ этомъ я человѣкъ безъ предразсудковъ. Разъ Словцовъ человѣкъ вліятельный—имъ пренебрегать нельзя. Такими, какъ онъ, нужно воспользоваться до послѣдней степени, выжать изъ нихъ все, что они могутъ, и потомъ,—брезгливо прибавилъ онъ,—выбросить ихъ за бортъ...

— Мораль!

— Старая, Александра Николаевна.

— Тсс... идетъ.

Въ дверяхъ показалось что-то сѣрое, длинное, сгорбившееся, съ тусклыми глазами, сѣдою бородою и сѣдыми, рѣдкими волосами; на лбу у вошедшаго былъ большой шрамъ, изъ ушей тор-

Digitized by Google

чала вата. Одѣтъ Словцовъ былъ болѣе чѣмъ небрежно. Онъ какъ-то сонно направился къ Стариковой и, только подавъ ей руку, замѣтилъ Анисимова.

— А, ваше превосходительство... Давно ли вы къ намъ пожаловали, Сергѣй Николаевичъ? И сѣрый призракъ нѣсколько оживился. Онъ не выпускалъ долго изъ своихъ рукъ—руку Анисимова.

— Сегодня только.

— И, какъ настоящій cavalier galant, первый визитъ—нашей несравненной...

— Ну, Семенъ Павловичъ.

— Нашей несравненной — подчеркиваю... Нашей высокопочитаемой защитницѣ передъ ареопагомъ враждебной Европы!.. И онъ выпрямился даже, выпаливъ этой фразой. Да-съ, Александра Николаевна—я съ Ивана Великаго готовъ прыгнуть за это!..

— Ну, благодарю васъ...

— Не за что. Отъ избытка здѣсь,—приложилъ онъ руку къ сердцу,—уста глаголятъ. Ну, а вы, нашъ архистратигъ, зачѣмъ пожаловали?

— За границу ѣду.

— Надолго?

— Навсегда...

— Какъ навсегда? Это даже не можетъ быть. Не можетъ быть—повторяю, мы васъ не отпустимъ... Кликнемъ кличъ на всю Москву: русскій богатырь оставляетъ насъ. Ну, завтра же подъ окна... въ какомъ бишь отелѣ вы остановились?

— Въ Большой Московской гостинницѣ.

— Какое удобство—вся Иверская площадь впереди. Соберемся и, колѣнопреклоненные, станемъ молить, чтобъ герой нашъ не уходилъ отъ насъ.

Анисимовъ улыбнулся.

— А сегодня же поѣду я къ Аксакову и Каткову—они о томъ же предметѣ писать начнутъ.

— И все таки не остановите. Я даже въ отставку выхожу-съ.

— Не вѣрю! горестно воскликнулъ Словцовъ. Не вѣрю и не хочу даже слышать объ этомъ!

И Семенъ Павловичъ, въ порывѣ отчаянія, выхватилъ даже вату изъ ушей.

— Не вѣрю-съ. Что же это будетъ, ежели такіе, примѣрно, столбы, и станутъ уходить за рубежъ. Зачѣмъ же вы это?

— Дѣлать здѣсь нечего...

— Нѣтъ... первымъ дѣломъ, мы завтра предложимъ дать вамъ

Digitized by Google

обѣдъ въ Англійскомъ клубѣ. Ото всей Москвы. Ну, знаете, какъ тамъ,—ткнулъ онъ въ потолокъ,—освѣдомятся объ этомъ обѣдѣ, сейчасъ же перемѣнятъ дирекцію. Вотъ увидите. Они опять слушаютъ Москву.

— Не особенно.

— Какъ не особенно?

— А такъ, потому что (вы меня извините) Москва, кромѣ болтовни, ни на что неспособна. Что у васъ въ клубахъ творится, въ думѣ, въ газетахъ, въ гостинныхъ и на улицѣ, кромѣ пустаго разговора?—ничего. Совершенно, что старая салопница за кофеемъ!

— Нѣтъ, вы не правы.

— Какъ не правъ! А позвольте у васъ узнать: въ позорное, только что пережитое время Берлинскаго конгресса, что сдѣлала ваша Москва? Вѣдь она претендуетъ быть сердцемъ Россіи, не такъ ли?

— Точно-съ.

— Ну, такъ скажите же мнѣ, шевельнула ли она хоть пальцемъ, чтобы помѣшать этому ужасному событію, за которое мы поплатимся еще очень... Вспомните мои слова. Войну—мы, выигравъ въ Сан-Стефано, проиграли въ Берлинѣ. Долго еще Россія будетъ теперь для западной Европы являться въ роли подсудимой, разъ мы уже признали сами для себя вполнѣ законнымъ такое положеніе. Вы увидите, что всѣмъ воспользуются наши враги... Мы кровью своей купили величіе Австріи и выполнили программу, намѣченную изъ враждебнаго намъ Берлина. Теперь не будетъ конца уступкамъ. Одна за другой. Знаете, сбѣгая внизъ съ кручи—остановиться трудно, да намъ и не дадутъ теперь остановиться. А когда мы опомнимся, когда поймемъ, что уступка Босніи и Герцеговины врагу была измѣною славянскому, а слѣдовательно и русскому дѣлу—будетъ уже поздно. На то, чтобы поправить сдѣланное, теперь придется потратить нечеловѣческія усилія! И кого мы испугались? Кого?...

— Однако коалиціи.

— Какой? Кто съ нами воевать станетъ? Никакой бы не было—еслибы смѣло и прямо мы заняли Константинополь, а если ужь нуженъ конгрессъ, созвали бы его тамъ сами подъ нашимъ главенствомъ и съ тремястами тысячъ штыковъ кругомъ. Коалиція! Ну, а явись изъ Москвы воззваніе по всей Руси—какъ бы вспыхнуло все кругомъ. Интересно знать: передъ такимъ подъемомъ народнаго духа, что бы нашлись сказать наши друзья? Нѣтъ, я повторяю вамъ—это измѣна народному дѣлу, и измѣна самая

Digitized by Google

горькая изъ всѣхъ, которыя мы знаемъ. Не пройдетъ нѣсколькихъ лѣтъ, какъ, воспользовавшись общимъ разочарованіемъ, апатіей — встанутъ среди насъ самихъ враждебныя силы, и будемъ мы съ вами свидѣтелями такой смуты, какую со времени Бориса Годунова, Лжедмитрія и Тушина — мы еще и не видывали. Исторія не вѣдаетъ прощенія. Она за все—является неумолимою, немилосердной. Пришелъ моментъ, оказался ты слабъ,—другой станетъ на твое мѣсто, и напрасно думать, чтобы тебѣ еще удалось потомъ занять его! Горько именно то, что чиновничій Петербургъ смиренъ и трусливъ, и нерѣшителенъ. Онъ не знаетъ Россіи— не знаетъ громадныхъ силъ, сокрытыхъ въ ней. Еслибы онъ зналъ народъ и вѣрилъ ему, не стали бы мы являться въ Берлинъ подсудимыми и ожидать помилованія отъ всѣхъ этихъ маклеровъ и дипломатическихъ фокусниковъ. Напротивъ. Они бы дрожали передъ нами. А теперь—еще мы съ вами будемъ живы и увидимъ, какъ ржа проѣстъ насквозь все, что еще живетъ у насъ и дышетъ....

— Позвольте, Сергѣй Николаевичъ...

— Я васъ слушаю.

— Мнѣ кажется, вы слишкомъ увлекаетесь.

— Чѣмъ это?

— А тѣмъ, что вы не соразмѣрили нашихъ силъ съ ихними.

— А вы знаете наши силы?

— Да... то есть насколько возможно.

— Плохо же вы съ ними знакомы. Теперь еще ихъ пропастьну, а дайте развиться негодованію однихъ, разочарованію другихъ, и глубокому чувству обиды въ третьихъ—дѣйствительно силъ не будетъ, и передъ нашими будущими врагами мы явимся безпомощными... Народный духъ—великое дѣло. Съ нимъ считаться надо: не унижайте же его, не заставляйте побѣдныя головы склоняться отъ стыда—онѣ, пожалуй, не подымутся болѣе...

— Разумѣется, вы, какъ военный человѣкъ, въ вашихъ интересахъ...

— Простите, прервалъ его Анисимовъ—я понимаю только одни интересы русскіе и никакихъ другихъ не признаю...

— Я хотѣлъ сказать, что вы слишкомъ ослѣплены, что вы видите наши силы и не замѣчаете силы нашихъ враговъ.

— Я?.. Я, который объѣздилъ Германію и Австрію, приглядывался ко всему, что совершалось тамъ... Полноте!

— И вы вѣрите въ возможность войны съ Германіей и Австріей?

Анисимовъ вскочилъ съ мѣста.

Digitized by Google

Александра Николаевна не узнала его въ эту минуту.

Его глаза загорѣлись тѣмъ ястребинымъ огонькомъ, который былъ такъ знакомъ всѣмъ участвовавшимъ вмѣстѣ съ нимъ въ бою. Онъ поблѣднѣлъ и нѣсколько секундъ смотрѣлъ въ упоръ на Словцова...

— Да... Я вѣрую въ окончательный успѣхъ войны, уже не говоря о духѣ народа, еще и потому, что мобилизація и сосредоточеніе нашихъ боевыхъ силъ въ шестидесятидневный срокъ, по характеру театра дѣйствій, не позволитъ непріятелю извлечь изъ быстроты своей мобилизаціи рѣшительныхъ выгодъ; второе: мы будемъ представлять однородную армію, противопоставленную арміи *союзной*. Исторія порукой, что союзникамъ не спѣться. Къ тому же численность нашей арміи на данномъ стратегическомъ районѣ, въ началѣ 3-го мѣсяца войны, не будетъ уступать противнику. О качествахъ австрійскихъ войскъ, опирающихся на враждебную Галицію и еще болѣе враждебный Карпатъ—не говорю. Въ третьихъ: симпатіи Царства Польскаго могутъ быть направлены въ нашу пользу: ваше дѣло пріобрѣсти ихъ, ваше дѣло—воспользоваться ошибками пруссаковъ и примириться съ братьями, ваше дѣло—показать имъ, что у насъ они болѣе выиграютъ... Да... Еще я вамъ скажу, Семенъ Павловичъ—и запомните это, хорошенько запомните: войны намъ слѣдуетъ избѣгать не униженіемъ своего отечества, а, напротивъ, сознательною твердостью и стойкостью. Рискъ войны не одинаковъ. Для Австріи и Германіи — это вопросъ быть или не быть; для насъ ничего нѣтъ подобнаго. Къ тому же Франція, въ концѣ концовъ, все таки за спиною. И не надо откладывать въ дальній ящикъ, ни подъ какимъ видомъ, всего этого. Напротивъ — чтобы не растеряться въ случаѣ возможности внезапнаго coup de tête Бисмарка, слѣдуетъ обдумать теперь же планъ дѣйствій. Я бы положилъ въ его основаніе... впрочемъ, что же это. Угодно ли вамъ меня слушать?..

— Пожалуйста, пожалуйста! схватилъ его за руки Словцовъ.

— Ради бога, продолжайте, вспыхнула Александра Николаевна. Вы не можете себѣ представить, до какой степени все это важно...

— Я бы положилъ въ основаніе—удержаніе линіи Вислы устройствомъ Варшаво-Новогеоргіевско-Буго-Наровскаго плацдарма на подобіе Плевны. Тутъ существенъ вопросъ продовольственный, но его легко разрѣшить, если взяться за него заблаговременно. Ne jamais faire de petits paquets à la guerre—слѣдовательно избѣгать боя съ главными силами и, пользуясь выгодами

Digitized by Google

внутреннихъ операціонныхъ линій, стараться разбить непріятеля по частямъ, обрушиваясь преимущественно на прусско-германскую армію, когда будемъ ихъ превосходить численностью. Теперь же начать подготовлять театръ дѣйствій въ австрійскихъ и балканскихъ славянскихъ земляхъ, положивъ за основаніе—воевать съ Австріей не столько штыками, сколько политической національно-славянской пропагандой. Куда бы ни показались русскія знамена, имъ долженъ предшествовать указъ о надѣлѣ крестьянъ занимаемой мѣстности землею отъ владѣльцевъ, также казенною, въ размѣрахъ, по обстоятельствамъ, возможно — широкихъ...

— Это къ чему?

— А чтобы заинтересовать массы въ окончательномъ успѣхѣ нашего дѣла. Въ 1877 году, когда мы вступали въ Румынію, насъ вездѣ на пути спрашивалъ народъ: объявитъ ли царь дополнительный надѣлъ. Я вѣрю, что противу буржуазной Европы —главный и наиболѣе смертоносный снарядъ, которымъ можетъ пользоваться Россія въ наступательной войнѣ—это принципы 19 февраля 1861 года въ самомъ обширномъ примѣненіи, тогда, и только тогда, мы потокомъ польемся впередъ, и никакія крѣпости и феодально-мѣщанскія арміи насъ не сдержатъ.

— Это вѣрно!.. Совсѣмъ вѣрно.

— Удивить—значитъ побѣдить, это еще Суворовъ сказалъ. И раньше и послѣ него это было такъ. Вспомните: Саламинъ, Мараѳонъ, походы Ганнибала, Цезаря, чудеса Лейтена и Росбаха, наконецъ, и болѣе всего—войны французской революціи. У нихъ l'arbre de la liberté—у насъ поземельный надѣлъ съ общиннымъ управленіемъ. Прочтите Шопенгауэра—и вы увидите, какое вліяніе на западную Европу имѣетъ торжество безвѣрія, стремленія къ наживѣ, подкупу, разнузданность однихъ и честолюбіе другихъ. Въ Германіи, какъ показалъ опытъ послѣднихъ мѣсяцевъ, въ особенности этими факторами было бы безразсудно пренебрегать, при соображеніи плана кампаніи съ нашей стороны. Несомнѣнно, что если западно-европейскія массы и допускаютъ войну со всѣми ея кровавыми послѣдствіями, то только при условіи быстрыхъ и осязательныхъ успѣховъ (6 августа —Вертъ, 18—Гравелотъ, 1 сентября—Седанъ). Даже сопротивленіе Гамбеттовскихъ армій чуть-чуть не поставило грознаго Вильгельма въ положеніе Кречинскаго. Все это оттого, что у западныхъ буржуа понизилось сердце. Нашей массѣ это еще надолго будетъ непонятно. По маленькимъ сердцамъ надо бить неожиданностями и, если хотите, войной—вѣдь и война какая: за

Digitized by Google

порабощеніе цѣлыхъ племенъ—мстить кровавымъ терроромъ. Каково будетъ состояніе сердца, а на войнѣ въ сердцѣ вся суть, когда Адольфъ и Францъ—образованные бюргеры, утопая въ грязяхъ между Вислой и Бугомъ, узнаютъ отъ молвы, что подъ Франкфуртомъ, Кюстриномъ и Старгартеномъ сожгли живьемъ цѣлые округа, что все для нихъ святое и милое погибнетъ. Средствами къ достиженію этого первенствующаго результата противъ Германіи, гдѣ нѣтъ славянъ,—кромѣ нашихъ казаковъ, являются въ первый періодъ кампаніи туркмены, абхазцы, киргизы и вся эта неподражаемая конница, на которую, къ сожалѣнію, мы слишкомъ мало обращаемъ вниманія.

— Но вся эта масса плохо обучена.

— Нѣтъ; для своихъ спеціальныхъ дѣйствій они обучены отлично, а, во-вторыхъ, помните, что скорострѣлка равняетъ обученныя и необученныя массы. Примѣръ вамъ показали, и примѣръ разительный, турки въ 77—78 годахъ, Еслибы война затянулась, у васъ есть второй контингентъ—это весь грозный, если его вооружить, людъ средней Азіи, который, съ Аттиллой и Тамерланомъ во главѣ, еще памятенъ западной Европѣ. Я не упоминаю о кавказскихъ горцахъ... Да, Семенъ Павловичъ, пусть лучше насъ не трогаютъ! Не замай насъ!

— Почему же этого не знаютъ? по крайней мѣрѣ, еще нигдѣ не высказывалось это.

— Этого не знаетъ только одинъ Петербургъ. Русь святая это чувствуетъ, враги отлично изучили ее и поэтому запугиваютъ. Вы помните: какъ-то разъ Наполеонъ I, замышляя уже вторженіе въ Испанію, сказалъ испанскому посланнику маркизу де-Кальвасу, указывая на проходящій батальонъ: 30,000 hommes comme cela et l'Espagne est à moi.—Vous vous trompez, sire, отвѣчалъ де-Кальвасъ:—s'il s'agit du gouvernement que je représente, vous n'avez pas besoin de 30,000 hommes, une menace vous suffit. Si vous entendez le peuple espagnol, sire, 400,000 hommes ne vous suffiront pas! Повѣрьте, что и Швейницы, и Лигницы, и Вердеры не глупѣе Кальваса!..

— Да, но что же дѣлать! Насъ не слушаютъ, замѣтилъ Словцовъ.

— Не только не слушаютъ—надъ нами смѣются.

— Александрѣ Николаевнѣ это лучше знать, чѣмъ кому бы то ни было. Она еще недавно была въ Петербургѣ.

— Лучше всего сложить руки и ждать.

— Никогда!... И Анисимовъ выпрямился во весь свой ростъ. Никогда! энергично подчеркнулъ онъ еще разъ.

Digitized by Google

— Что жъ вы сдѣлаете?

— Не знаю еще—но рукъ не сложу.

— Легко говорить!

— Вы помните это? обратился Сергѣй Николаевичъ къ Стариковой:

Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
Не отойду я отъ него,
Покуда не прорѣжу нивы,
Господь, для сѣва твоего.

— Еще вчера мнѣ Баскаковъ говорилъ, что теперь лучше всего ждать.

— Ничего не дѣлая! En politique, овладѣлъ собою опять Анисимовъ, il ne suffiit pas d'entendre une cloche!

— Я все таки думаю, что наши дипломаты не такъ ужь плохи. Въ концѣ концовъ...

— Простите, что я прерываю васъ... Какъ *дипломаты*, они превосходны, напротивъ,—именно какъ дипломаты... Но теперь не время дипломатовъ старой школы, а время *политиковъ*. Въ нашъ вѣкъ не воскресишь дипломатическихъ вліятельныхъ канцелярій, считавшихъ дипломатическія соображенія и тайну наиболѣе пригодными способами дѣйствія. Мы это видимъ на своихъ дипломатахъ, воспитанныхъ въ Нессельродовскихъ традиціяхъ. Не касаясь личностей (есть люди съ русскимъ сердцемъ и талантливые въ каждомъ вѣдомствѣ—вѣдь и въ Содомѣ Лотъ нашелся!) справедливо сказалъ кто-то, что передъ отечествомъ наша дипломатія съ 1863 года сослужила службу даже хуже интендантства. Въ самомъ дѣлѣ, въ наше своеобразно переходное время, не находится ли дипломатъ старой школы къ современному политику въ томъ же отношеніи, въ какомъ находился нашъ крымскій кремневый солдатикъ къ союзнику, вооруженному Минье или Эндфильдомъ. Только политика способна оцѣнить всю необходимость несравненно болѣе широкой постановки вопросовъ народныхъ, политическихъ, соціальныхъ, передъ нервнымъ, прозорливымъ и въ высокой степени подозрительнымъ мыслящимъ большинствомъ въ Европѣ и даже у насъ. Только политикъ признаётъ, наконецъ, всю неотразимую нынѣ силу печатнаго слова, и, любя и уважая его законное общественное значеніе, увлечетъ его за собою во имя великой, въ концѣ концовъ, *всѣмъ* одинаково дорогой государственной цѣли. Такія передовыя могучія силы бывали во всѣ вѣка. Вспомните Демосѳена, Кромвеля, Петра Великаго; но особенность нашего времени въ томъ, что люди иного закала

Digitized by Google

стали немыслимы, и въ силу вещей останутся явленіями мертворожденными. Кавуръ, Гарибальди, Гладстонъ, Бисмаркъ, Гамбетта, Биконсфильдъ, Митхадъ-паша—вотъ типы современныхъ политиковъ. Какъ блѣдны передъ ними Бейстъ, Шуваловъ, даже Горчаковъ, въ которомъ нельзя отрицать искры народнаго самосознанія.

Александра Николаевна смотрѣла на Анисимова сіяющими глазами. Кажется, предложи онъ ей въ эту минуту пойти за нимъ хоть на край свѣта, она не задумалась бы ни на минуту.

— Какъ счастливы вы, мужчины! вырвалось у нея.

— Чѣмъ это? спросилъ Словцовъ.

— Помилуйте, для вашей дѣятельности нѣтъ конца и края.

— Ну, несовсѣмъ, грустно улыбнулся Анисимовъ:—связали же мнѣ крылья.

— Развяжете.

— Давай-то Богъ. Самому только не вѣрится, чтобъ здѣсь, въ Россіи, я могъ сдѣлать что нибудь.

— Поѣзжайте—а мы здѣсь будемъ за васъ молиться! фальшиво торжественнымъ тономъ проговорилъ Словцовъ.

— Я бы предпочелъ, чтобы вы мнѣ дѣломъ помогли.

— И дѣломъ поможемъ.

— Въ предѣлахъ министерскаго удовольствія? расхохотался Сергѣй Николаевичъ.

Словцовъ воздѣлъ очи горѣ.

— Кабы наша воля!

— Эхъ, господа, въ томъ-то и дѣло, что у васъ ни вашей, ни не вашей воли нѣтъ. Не умѣете вы хотѣть... Вотъ хоть бы вы... Вы, Семенъ Павловичъ—человѣкъ независимый, богатый. Вѣдь у васъ милліоны.

Словцовъ какъ-то сжался и устремилъ неопредѣленный взглядъ въ окно.

— Да, сочувствуете вы дѣлу *на словахъ*, по крайней мѣрѣ, весьма горячо...

— О, помилуйте, всей душой... видимо безпокоился онъ.—Нельзя не сочувствовать:—наше вѣдь, кровное.

— Что бы вамъ пожертвовать хотя единую крупицу.

— Я и то... Вчера еще... двѣсти пятьдесятъ рублей...

— Ну, кто о двухстахъ пятидесяти говоритъ. Это капля. Я бѣднѣе васъ, да и то въ двадцать разъ больше далъ...

— На что же собственно жертвовать-то?

— На большое и патріотическое дѣло. Выгнать австрійскіе и

Digitized by Google

англійскіе товары изъ Болгаріи — на первый разъ больше полумилліона не обойдется вамъ это, а потомъ вы все вернете...

— Полмилліона... легко сказать!

— Да вѣдь у васъ ихъ шестьдесятъ!

— Кто считалъ-то?.. И Словцовъ весь сократился точно на половину. Кто считалъ-то... Нѣтъ, помилуйте... Мы—люди средственные... Благодареніе Богу, есть достатокъ... но...

— Эхъ вы, москвичи — москвичи! Еще толкуете: Россія, Россія! Ужь сидѣли бы да рѣзали купоны. А то тоже... Только и живете тѣмъ, что правительство таможенныя пошлины для васъ чуть не утроило. Дай вамъ то, да дай вамъ другое. Ну, и дождетесь того, что австрійцы да англичане и болгарскій, еще пустующій, рынокъ отнимутъ у васъ, какъ отняли уже остальные.

— Это дѣло другое... Сергѣй Николаевичъ. Это дѣло комерческое, тутъ, позвольте, политика-то вѣдь непричемъ. Я не говорю—ну, тыщонкой-другой отчего же не шевельнуть, а полмилліона... Эко вы слово какое уронили. Полъ имъ, этимъ словомъ-то, пробьешь...

— Ну, такъ знаете что. Будьте ужь вы при купонахъ своихъ, а не толкуйте о патріотизмѣ, о любви къ отечеству. У васъ только одна любовь и есть—къ государственному банку.

— Нѣтъ, отчего же-съ, помилуйте... заторопился Словцовъ. Мы всегда... мы для васъ... Однако и засидѣлся же я... Поди ужь шесть часовъ. Эко время-то прошло. Значитъ, мы въ надеждѣ — что посѣтите вы нашъ клубъ, ваше превосходительство. Александра Николаевна—ручку.

И быстрѣе, чѣмъ кто нибудь могъ опомниться, Семенъ Павловичъ простился и ушелъ.

— Видали! смѣялся Сергѣй Николаевичъ.

— Да.

— Хорошъ?

— Неподражаемъ.

— Ну, вотъ—и вся Москва вамъ такая. Бахвальства, чванства да словъ—сколько хочешь, а дѣло!.. Ну, да Богъ съ ними. Не они могутъ помочь этому дѣлу.

— Какая разница! Я вспомнила Англію. Я помню, какъ-то нѣмцы стали успѣшно конкурировать съ ними въ Испаніи. Ну, что жъ—одинъ изъ милліонеровъ Сити взялъ да и бросилъ самъ въ это дѣло два милліона фунта стерл., а за нимъ и другіе пришли—нѣмцы черезъ годъ разорились, и всѣ рынки остались за англичанами. Знаете, руки можно опустить!

Digitized by Google

— Не разъ опускались, да ужь такъ природа устроила—сами подымаются.

— Вы, надѣюсь, у меня обѣдаете?

— Если позволите.

— Алексѣй! крикнула Старикова.

Старикъ лакей съ длинными сѣдыми бакенами вошелъ въ гостинную.

— Накрой обѣдъ въ саду. Да больше, кто бы ни пріѣхалъ, не принимай.

— Слушаюсь.

— Я здѣсь живу въ обрѣзъ, извинилась она.—Вѣдь у себя въ Москвѣ я гостья. Впрочемъ, вы не пугайтесь, обѣдомъ-то я васъ угощу чисто московскимъ и отличнымъ. Даже, по здѣшнему, у меня и ботвинья и супъ есть. А ростбифа вы нигдѣ такого здѣсь не увидите. Я недаромъ на половину англичанка стала.

— Что это у васъ за англичане были, кстати?

— Одного вы знаете, а другіе—корреспонденты американскихъ и лондонскихъ газетъ. Надоѣли. Каждое утро являются вывѣдывать новости.

— Что же дѣлать. На то ихъ право! Я самъ никогда не отказываю, да и невыгодно, съоткровенничалъ онъ. Я половиною своей популярности печати обязанъ.

— Какой вы странный.

— Чѣмъ это?

— Такъ, переходы у васъ удивительные. Точно два человѣка сидятъ въ васъ.

— Два и есть.

— И оба ничего общаго другъ съ другомъ не имѣютъ.

— Вы знаете хорошаго Анисимова—а другой вамъ только мерещится.

— Что же, онъ очень скверенъ?

— Звѣрь...

— Ну, вотъ.

— И скверный звѣрь.

— Почему же вы его не убьете?

— Потому что я на самоубійство не способенъ.

— Другой хорошій останется.

— А, можетъ, дурнаго больше, чѣмъ этого хорошаго, смѣялся онъ.

— Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, вы для меня во многомъ загадка.

— Не для васъ однихъ, и для самого себя тоже.

— Какъ въ васъ уживаются рядомъ великодушіе, героизмъ,

Digitized by Google

геній, доблести и... Ну, я, впрочемъ, ужь очень разоткровенничилась.

— Нѣтъ, нѣтъ—продолжайте. Начали, такъ...

— Не сто́итъ.

— А если я этого прошу.

— Ну, и все дурное, что́ я о васъ слышала? Ваши разгулы, ваше отвратительное отношеніе къ женщинамъ, часто даже эгоизмъ, который ужь совсѣмъ не ладится съ доблестями, за которыя васъ зовутъ русскимъ витяземъ. И потомъ, ка̀къ въ васъ, при вашемъ воспитаніи, могъ развиться умъ государственный—да не улыбайтесь, именно государственный. Откуда вамъ дались эти идеи?

— Я такъ росъ. Вы не скучаете со мной?

— Нѣтъ, нѣтъ, испуганно проговорила она. Какъ можно!

— Ужь очень разболтался я сегодня. Мнѣ не однѣ вы задавали этотъ вопросъ. Чтобы отвѣтить на него, нужно отойти отъ нынѣшняго дня.

— Видите ли, началъ онъ, немного погодя, не васъ одну—изумляютъ во мнѣ эти противоположности, но онѣ объясняются очень просто. Отрицательная сторона.... впрочемъ!... и онъ разомъ расхохотался.

— Что̀ съ вами? Чему вы смѣетесь?

— Такъ. Во-первыхъ, своей блажи исповѣдываться, а, во-вторыхъ, способу выраженій, точно я пишу передовую статью для газеты. Такъ вотъ видите ли—росъ я подъ двумя вліяніями, одинаково сильными, но не одинаково благими. Первое — семья и среда. Ничего ужаснѣе вы себѣ представить не можете, какъ именно Петербургъ и семью изъ нашего круга, гдѣ все ушло въ честолюбіе, карьеру, въ желаніе сбить съ ногъ другаго и самому стать на его мѣсто, можетъ быть, именно для того, чтобы сейчасъ же быть сбитымъ третьимъ соискателемъ. Съ самаго ранняго дѣтства мы слышимъ, что тотъ добился того то, а этому и думать нельзя. У насъ, какъ у галчатъ, чуть ли не въ гнѣздахъ уже широко раскрыты рты, и нѣтъ такихъ кусковъ, какіе могли-бы удовлетворить этимъ апетитамъ. Я читалъ „Дѣтство и Отрочество“ Толстаго. Помилуйте, какое же сравненіе съ нашей средой! Ничего общаго. Братья—вышли иными потому, что они и росли не со мною. Петръ былъ старше и его взялъ къ себѣ чудакъ дядя, самъ вмѣстѣ съ своими крестьянами работавшій всю жизнь въ своихъ громадныхъ имѣніяхъ; монахъ, отецъ Никодимъ, выросъ подъ вліяніемъ старухи-тетки, глубоко религіозной женщины, съ ужасомъ и презрѣніемъ относившейся къ свѣту. А я,—я попалъ совсѣмъ въ когти такъ называемаго петербургскаго ре-

Digitized by Google

жима. Дома у насъ не церемонились въ моемъ присутствіи—самыя тонкія интриги нашего служебнаго міра были мнѣ понятны, когда я еще росъ въ курточкѣ. Тутъ, знаете, локтями продирались впередъ, безъ жалости къ себѣ, безъ состраданія къ другимъ. Гордость—вся въ болѣе или менѣе крупной подачкѣ, самолюбіе—въ возможности заслонить другому своей спиной лицезрѣніе разныхъ боговъ нашего Олимпа. Вмѣстѣ съ этимъ—было еще другое теченіе, уносившее меня, какъ и всѣхъ моихъ сверстниковъ. Товарищество наше было ужасно. Оно не задавалось высокими цѣлями, не мечтало о перерожденіи человѣчества, не задумывалось объ общемъ благѣ. Мученичество, героизмъ, великодушіе — были ему чужды. Мы сходились тамъ для попоекъ и для... простите меня—ужь разболтался безъ удержу—и для разврата. Мы, дѣти—мы знали такія вещи, какихъ и взрослые жители провинцій не узнаютъ во всю свою жизнь. Ей богу, мнѣ иногда кажется, что распущенная знать древняго Рима—спасовала бы передъ нами въ этомъ отношеніи. Короче вамъ сказать, что отвратительныя книжки французскихъ порнографовъ прошлаго вѣка были намъ знакомы ранѣе, чѣмъ мы сами испытали любовь, увлеченіе, страсть. Тутъ развратъ исходилъ не изъ рано развившагося темперамента, а изъ испорченнаго мозга, изъ болѣзненно-направленнаго воображенія, изъ ничѣмъ и никѣмъ не сдерживаемаго любопытства. Можете себѣ представить, къ чему это привело меня... Отсюда явилось и неуваженіе къ женщинамъ. Мы не могли уважать ихъ. Мы видѣли ихъ дома — почти такими же, какими ихъ изображали французы-порнографы; тѣ, съ которыми мы сводили болѣе интимныя знакомства—были еще отвратительнѣе и, въ минуты похмѣлья, насъ самихъ, бывало, тошнитъ при воспоминаніи о нихъ. Это была одна сторона моего роста, если можно сказать такъ. Она долго сказывалась и потомъ. Уже задавшись широкими и благими цѣлями, думая послужить родинѣ, умереть за нее — всякій разъ попадая въ Петербургъ, я не могъ не отдаться старымъ впе, чатлѣніямъ моего дѣтства и юности. Я, человѣкъ сильный и съ характеромъ, не могъ удержаться, чтобы не уйти съ головой въ эту грязь. Тянуло прошлое!.. что хотите. Вотъ именно въ такія минуты я сходился съ личностями, отъ которыхъ потомъ радъ былъ бы откупиться богъ знаетъ чѣмъ. Никто, повѣрьте, болѣе меня не имѣетъ права сказать вмѣстѣ съ поэтомъ:

Мнѣ стыдно идоловъ моихъ.

— Нравственной дисциплины не было вовсе. У отца все порывами шло — а чаще всего меня оставляли на произволъ судьбы

Digitized by Google

и подъ надзоръ отвратительнѣйшаго нѣмца гувернера, которому, какъ нѣмцу, не оказывалось въ домѣ ни уваженія, ни довѣрія... Онъ вымещалъ это на мнѣ и, какъ истинный пруссакъ, вымещалъ грубо, топорно, за что я разъ его и высѣкъ хлыстомъ.

— Однако! расхохоталась Александра Николаевна.

— Отсюда-то и явилось мое спасеніе.

— Отъ нѣмца?

— Нѣтъ, нѣмецъ тутъ непричемъ. Его выгнали наконецъ, и ко мнѣ попалъ въ наставники идеалистъ-французъ. Республиканецъ въ душѣ, онъ свободу любилъ, какъ любятъ женщину: съ самозабвеніемъ, со страстью и ревностью. Меня онъ не стѣснялъ. Сообразилъ ли онъ, что я нравственно неисправимъ и хотѣлъ спасти только мой умъ, не знаю. Только оргіи съ товарищами—шли у насъ своимъ порядкомъ, хотя, надо сказать, все рѣже и рѣже. Видите ли, мнѣ гораздо большее удовольствіе доставляли разсказы мосье Леруа. Онъ самъ былъ участникомъ іюльской революціи, дрался на барикадахъ во время декабрьскаго переворота, былъ наполеоновскими палачами приговоренъ къ смерти—скрылся и бѣжалъ сначала въ Англію, а потомъ въ Россію, гдѣ и остался. Въ этомъ старикѣ были родники какой-то неувядаемой молодости. Онъ заставлялъ васъ любить то, что любилъ самъ; и ненавидѣть—ненавидимое имъ. Я помню, что при имени Наполеона III я блѣднѣлъ, а во время его разсказовъ въ какомъ-то жару вскакивалъ самъ. Помню еще свою дѣтскую клятву:— если когда нибудь буду великъ и силенъ, избавить Францію, отечество моего милаго Леруа, отъ тирана и деспота Наполеона III. Въ самомъ дѣлѣ, какая странная судьба! Страна за то, что склонилась подъ иго этого проходимца и авантюриста, должна была поплатиться Седаномъ, позоромъ Меца и несчастіемъ потерять двѣ лучшія свои провинціи.

— Что же Леруа? спросила Старикова, замѣчая, что Анисимовъ задумался.

— Леруа?... Да. Онъ меня заставилъ любить не только Францію, но и французскій геній. Самъ онъ въ юности былъ военнымъ, и я помню, какъ горѣли его глаза, когда онъ разсказывалъ о великомъ Конде и Вобанѣ, о генералахъ изъ мужиковъ первой французской революціи, о Наполеонѣ Великомъ, такъ имъ называемомъ въ отличіе отъ Napoléon le petit. Мнѣ въ эти минуты казалось, что слова его были похожи на искры, которыя выбиваетъ изъ раскаленнаго кома желѣза—молотъ здороваго кузнеца. Онѣ жгли!... Леруа былъ другомъ Гюго—и читалъ мнѣ его наизустъ. Эти благородныя строфы вдохновеннаго поэта до сихъ поръ живы въ

Digitized by Google

моей памяти, но самое глубокое и рѣшающее впечатлѣніе оставилъ во мнѣ самъ великій поэтъ.

— Развѣ вы были съ нимъ знакомы?

— Какъ же. Меня отпустили съ Леруа за границу. Онъ поѣхалъ со мною, какъ дядька, и провезъ меня прямо въ Джерсей, въ замокъ къ Виктору Гюго. Старые друзья не могли разстаться дней десять. Мы прогостили это время у великаго поэта, видались съ нимъ ежедневно—и я началъ благоговѣть передъ нимъ, какъ благоговѣлъ Леруа. Я думаю, тамъ именно во мнѣ развился окончательно второй Анисимовъ, не имѣвшій ничего общаго съ первымъ. Права народовъ, блага свободы, величіе человѣческаго ума, героизмъ мученичества и счастіе принести себя въ жертву—всему этому училъ уже и тогда старецъ-поэтъ. Послѣ всякаго свиданія съ нимъ, я цѣлые дни ходилъ по скаламъ въ какой-то одури сладкаго восторга, слушая волны и жадно дыша прохладою моря... А потомъ изъ Парижа вызванъ былъ пріятель Леруа, и такъ какъ послѣднему въѣхать во Францію нельзя было — его другъ показалъ мнѣ чудеса этого современнаго Вавилона, который для меня скорѣе былъ Аѳинами. Нужно сказать правду, два мѣсяца, проведенные мною въ Парижѣ, не пропали для меня даромъ. Ежедневно мы посѣщали кого нибудь изъ лучшихъ людей этой страны—писателей, ораторовъ, философовъ, ученыхъ; и я, какъ губка, впитывалъ въ себя ихъ ученія. Послѣ этого, именно, я бросился на книги, и въ два-три года сдѣлалъ больше, чѣмъ другой — въ десять. У Леруа была система въ выборѣ ихъ, и я быстро пополнялъ пробѣлы своего образованія, не зная въ этомъ отношеніи чувства удовлетворенія. Напротивъ, чѣмъ больше я узнавалъ, тѣмъ больше мнѣ хотѣлось узнать. Въ концѣ концовъ—меня старались отрывать отъ книгъ, боясь, что я „зачитаюсь и заработаюсь“.

— Меня удивляетъ одно при этомъ, возразила Старикова, интересъ которой все видимо возрасталъ.

— Именно?

— Какъ въ васъ, при такихъ условіяхъ, не развился космополитъ или, какъ у насъ нынче говорятъ, общечеловѣкъ?

— На это были свои причины.

— Страннымъ путемъ вообще идетъ у насъ развитіе выдающихся людей! Вездѣ случай.

— Да это не у насъ однихъ.

— Нѣтъ, именно у насъ; посмотрите на англичанъ: тѣ правильно и послѣдовательно идутъ.

— Ну, тамъ вѣдь ихъ штампуютъ.

— Какъ это?

Digitized by Google

— А какъ двугривенные на монетномъ дворѣ. Чуть ли не съ самаго дня рожденія предназначено, кому было тори, кому вигомъ.

— Совсѣмъ неправда... Такъ какъ же вы попали на свое?

— Все та же Москва выручила! Вы вѣдь знаете: я ворчу часто на старушку за ея болтовню невѣроятную, но, тѣмъ не менѣе, люблю ее. Я на первыхъ же порахъ своей служебной карьеры попалъ сюда въ кружокъ князя Черкасскаго и Николая Милютина. А ранѣе еще, у князя В. Ѳ. Одоевскаго, близкаго съ нѣкоторыми декабристами, сталкивался съ самыми выдающимися людьми той эпохи. Правду сказать, нашимъ далеко до нихъ. Еслибы можно было такъ выразиться — кружокъ Одоевскаго я хорошо помню — на каждомъ изъ нихъ лежалъ особенный отсвѣтъ какого-то величія Оно еще немного отразилось на людяхъ сороковыхъ годовъ, но совсѣмъ погасло теперь. Да и люди сороковыхъ годовъ все таки были уже не тѣ богатыри. Тѣхъ создала, въ свою очередь, эпопея 12 года, традиціи, славныя воспоминанія Екатерининской эпохи. Это были люди крупнаго маштаба! А главнымъ образомъ — меня захватилъ въ свои тѣсныя и даже дружескія объятія кружокъ Николая Милютина. Тогда только что осуществлялась крестьянская реформа. Всѣ ходили, словно опьянѣвшіе отъ сбывавшихся мечтаній. Тогда умѣли любить и любили Россію — и наше будущее казалось такимъ блестящимъ, что глаза слѣпило даже. Правду говоря, я былъ долго подъ вліяніемъ этого кружка. Космополитизмъ съ меня какъ рукой сняло тамъ. Приходилось много ѣздить, говорить, видѣть. И люди какіе были! Послѣдній изъ нихъ, Черкасскій, умеръ въ Константинополѣ или Сан-Стефано. Но онъ уже былъ только призракомъ прошлаго. Онъ уже поступился многимъ изъ своихъ убѣжденій. Я помню, незадолго до его смерти—онъ еще здоровъ былъ—обращается онъ ко мнѣ и говоритъ:—Дай вамъ Богъ, Сергѣй Николаевичъ, не измѣнить себѣ во всю свою жизнь. — Почему вы это говорите? спрашиваю.—А потому, что, оглядываясь на свое прошлое теперь, когда вся жизнь уже прожита, я вижу, какъ ужасны были всѣ мои колебанія; какимъ я былъ прежде и чѣмъ сталъ теперь. Развѣ я тогда пошелъ бы на уступки? Нѣтъ, надо воспитать въ себѣ силу гордую и несокрушимую. Чтобы не она ломалась—а сама другихъ ломала.—И какъ тогда работали, еслибы вы знали. Совсѣмъ другое время было,—все наполненное упованій и надеждъ, молодое, смѣлое, рѣшительное. Казалось, что съ тѣхъ поръ Россія по такой гладкой дорогѣ пойдетъ, по какой еще никогда не ходила. Злые геніи, гасильники, тормозильщики ея движенія — выступили потомъ. Въ этотъ медовый мѣсяцъ они молчали и хорони-

Digitized by Google

лись гдѣ-то по угламъ. Даже старички, и тѣ старались не отставать отъ насъ. На что Леруа! Тотъ ежедневно ждалъ революціи чисто дворянской и помѣщичьей, а когда ея не послѣдовало, онъ плакалъ отъ восторга, видя въ Россіи свои завѣтные идеалы, и называлъ ее страной евангельской... Ну, а что потомъ случилось, вы знаете. Пошли колебанія, попытки вернуться къ прошлому, поправки и объясненія, извращавшія все... Ну, и начала расшатываться постройка, казавшаяся такою прочною!.. Тутъ ужь наступило грустное время. Слава богу—я цѣлымъ ушелъ отъ него.

— Въ Туркестанъ?

— Да! явилась другая школа—боевая. Она окончательно додѣлала меня.

— Кушать подали! вошелъ Алексѣй.

— Вотъ видите! Какъ разъ во время, разсмѣялся Анисимовъ, подавая руку Александрѣ Николаевнѣ.

— Да, теперь мнѣ многое, очень многое ясно въ вашей натурѣ.

— Значитъ, вы ее знаете лучше меня! продолжалъ онъ смѣяться.

XIX. Вопросъ и отвѣтъ.

Послѣ свиданія съ Торацкой, Софья Васильевна Нѣжина все время находилась въ нервномъ состояніи. Она не могла найти себѣ мѣста, не знала, что ей дѣлать, чтобы хоть немного забыться. То она собирала своихъ старыхъ знакомыхъ и кутила съ ними цѣлые дни, ѣздила куда-то на тройкахъ, исчезая отъ испуганной Жанеты на недѣлю, на двѣ; то запиралась—не приказывая никого принимать, не вставала съ постели, и всякій разъ, когда горничная входила къ ней—она отворачивалась, чтобы та не замѣтила ея заплаканныхъ глазъ.

— Что съ вами, барыня? спрашивала та.

— Оставь меня—уйди прочь. Не хочу никого видѣть, и тебя въ томъ числѣ.

— Да вы не обѣдали сегодня.

— И не буду!..

А потомъ срывалась опять, одѣвалась, приказывала привести коляску и ѣхала чортъ знаетъ куда.

— Я тебѣ странной кажусь это время? спросила она какъ-то Жанету.

— Да ужь чего страннѣе.

— Не по себѣ мнѣ. Придумай что нибудь такое, чтобы занять меня. Чтобы всю захватило, всю, понимаешь, такъ чтобы ни мысли, ни воспоминанія—ничего бы не было.

Digitized by Google

— Чудная вы, Софья Васильевна!..

— Сердце у меня болитъ, такъ болитъ, такъ ноетъ, что я умереть бы рада.

— Полноте, что это. Ну, ужь если такъ—шли бы опять на сцену.

— Очень мнѣ надо. Да ты думаешь: сцена меня теперь интересуетъ? Полно—она и на часъ не займетъ. Дѣланные успѣхи—дѣланные провалы! Гадость какая.—Всѣмъ улыбайся, всѣмъ жми руки... Смѣйся, когда хочется плакать, и раздѣвайся передъ этой жадной сволочью, только и оживляющейся передъ тѣломъ. Нѣтъ, это уже слишкомъ мнѣ знакомо и такъ надоѣло!

— Да неужто же васъ ничего не интересуетъ?

— Разумѣется, ничего! Такая тоска...

— Ну, а Бухмановъ. Онъ опять и вчера и сегодня былъ.

— Скажи, пожалуйста, этой бочкѣ, чтобы онъ сюда не являлся.

— Баронъ заѣзжали сегодня.

— И ему тоже. Всѣмъ, всѣмъ... Слышишь?.. Никого не принимать и никогда. Мнѣ уже это все такъ надоѣло.

— Вѣдь нельзя жить такъ, какъ вы.

— Сама знаю, что нельзя, оттого и скучаю.

— Хоть бы съѣздили куда. Ну, за границу что ли.

— Была вездѣ и все надоѣло. Я знаю, что умру скоро.

— Что вы, барыня, какъ вамъ не стыдно думать такъ. Молодая, красивая такая! Рано еще, — погодите, какъ жить-то будете.

— Не бойся, если со мной что нибудь случится—ты будешь обезпечена.

— Насчетъ чего же вы?

— Если я умру.

— И слушать не хочу такихъ словъ!

И Жанета съ сердцемъ уходила вонъ.

Пробовала Нѣина читать, но ничего не понимала: строчки, словно муравьи, расползались во всѣ стороны, и опять передъ ея глазами была все та же пустота ея жизни, никуда непригодной, ни къ чему не ведущей. Затѣмъ садилась за рояль, но изъ-подъ рукъ вырывались какіе-то дикіе диссонансы,—бросала и это и начинала ходить изъ угла въ уголъ своей комнаты, до устали, до одури. Иногда ей казалось, что она сходитъ съ ума, до такой степени состояніе ея было тяжело. Все мѣшалось въ ея памяти, въ ея мозгу. Она истерически плакала и смѣялась, пугая преданную горничную, которая разъ не выдержала и послала за врачемъ. Тотъ пришелъ, многозначительно покачалъ головой, сжалъ губы,

Digitized by Google

передвинулъ золотыя очки съ носа на лобъ— и, добросовѣстно прописавъ спокойствіе, развлеченія и cali bromati, получилъ десять рублей и уѣхалъ.

— Ну, вотъ тебѣ его рецептъ. Можешь сама глотать, если хочешь! досадливо швырнула Нѣжина лоскутокъ бумаги Жанетѣ.

Наконецъ, разъ вечеромъ, къ ней пріѣхалъ Бухмановъ.

Его, по обыкновенію, не приняли.

— Скажи барынѣ, что я привезъ адресъ, который ей былъ нуженъ.

— Проси, проси скорѣй!.. приказала Софья Васильевна Жанетѣ.

— Ну, давайте, давайте.

— А что мнѣ за это будетъ? улыбался добродушный толстякъ.

— Что хотите, только давайте.

— Ну, вотъ вамъ.

Нѣжина прочла: „Вѣна, на Грабенѣ, отель Моллеръ".

— Долго онъ тамъ останется?

— Да еще недѣли три.

— Это вѣрно?

— Будьте спокойны. Я вамъ привезъ самыя точныя свѣдѣнія.

— Теперь можете отправляться.

— Куда? какъ?.. это за мои хлопоты?

— Потомъ, потомъ... теперь мнѣ не до васъ совсѣмъ.

Когда Бухмановъ уѣхалъ, Софья Васильевна съ лихорадочною поспѣшностью бросилась къ столу, точно ей не было времени сегодня или завтра, и начала что-то писать. Она не обращала даже вниманія на смыслъ своего письма. Внутри у нея все кипѣло, и рука едва успѣвала уловить быстро работающую мысль. Только кончивъ написанное, она перечла его, на минуту поколебалась: не разорвать ли—но потомъ рѣшилась и заклеила въ конвертъ.

Письмо было, разумѣется, къ Анисимову.

„Дорогой мой, милый и далекій. Я измучилась, я больна совсѣмъ—пожалѣй меня. У тебя есть все: слава, дѣятельность, сила—у меня ничего, кромѣ возможности умереть. Счастье для меня кажется невозможнымъ, если ты мнѣ не дашь его; а только ты одинъ и можешь это, никто другой, ничто другое. Мнѣ кажется, что я уже сошла съ ума, что все кругомъ одни призраки—а въ сущности я, можетъ быть, уже сижу взаперти. Вспомнишь прошлое, и больно, и стыдно дѣлается. Больно потому, что ты совсѣмъ забылъ меня; стыдно—за всѣ тѣ мерзости, которыми я старалась отплатить тебѣ за это. Какъ всѣ онѣ жалки, пошлы и мелки, и какъ глубоко ты долженъ презирать меня. Но

Digitized by Google

если можешь—если ты еще хоть иногда съ улыбкой вспоминаешь обо мнѣ; если есть во всемъ, что было между нами, хоть одинъ свѣтлый лучъ—теперь, въ эту минуту, не думай о той глупой и жалкой мести, въ которой я такъ мучительно, такъ больно каюсь теперь. О, еслибы можно было вернуть прошлое—клянусь: я могла бы быть достойна тебя. Я чувствую въ себѣ на это и силы и волю, но что все это, если ты не можешь меня видѣть безъ отвращенія, думать обо мнѣ безъ негодованія? Послушай—не этого я стою. Еслибы ты зналъ, какъ я сама страдала, какъ я страдаю теперь! Клянусь тебѣ, еслибы я думала, что ты простишь мнѣ цѣною моей смерти—я бы жизнь свою не задумалась бросить тебѣ подъ ноги: растопчи ее! Я ужь рѣшилась было забыть тебя; но безъ тебя такъ пусто, такъ страшно все кругомъ. Точно гдѣ-то висишь въ пространствѣ, а вверху и внизу, и по бокамъ бездна зіяющая, провалъ какой-то. Нѣтъ силъ жить, нѣтъ желанія жить. Спаси меня, если можешь. Посмотри на это письмо, какъ на призывъ о помощи. Вѣдь еслибы я тонула, ты бы бросился меня спасти—теперь хуже. Спаси меня!.. Я задохлась совсѣмъ... совсѣмъ! Умоляю—не оставь только меня безъ отвѣта. Жить далѣе—не зная—ужасно. Скажи мнѣ правду. Если есть въ тебѣ хоть капля жалости, помоги мнѣ... Я буду твоей любовницей, рабой, собакой—всѣмъ, что ты хочешь... Отзовись, я умираю отъ тоски и сердечной боли!...“

У нея такъ все кипѣло и болѣло внутри, что она не замѣтила даже непослѣдовательности и противорѣчій этого письма.

— Жанета... Отвези сейчасъ на почту это письмо.

— Пожалуйте.

— Нѣтъ, лучше я сама. Сама сдѣлаю... Скорѣе коляску мнѣ...

Едва и кое-какъ одѣвшись, она бросилась на почту. Но дорогѣ пришло ей было въ голову протелеграфировать это письмо... Правда, онъ разозлится—чиновники хохотать станутъ. Но вѣдь это здѣсь, надъ ней—тамъ ничего не поймутъ, потому что она латинскими буквами напишетъ русскія слова... Къ счастью, она оставила эту мысль, вспомнивъ, что письмо пойдетъ скорѣе, если она его отвезетъ сама на Варшавскую желѣзную дорогу.

— Сегодня же успѣетъ уйти...

Еще съ минуту она колебалась: опустить его или нѣтъ въ ящикъ на вокзалѣ, но потомъ незамѣтно перекрестилась и выпустила изъ рукъ. Прислушиваясь, какъ оно упало туда, она еще постояла около въ нерѣшимости.

— А что, если онъ уѣдетъ и письмо не найдетъ его?

Digitized by Google

Она быстро прошла въ отдѣленіе телеграфа и тотчасъ же послала въ Вѣну, Анисимову:

„Ради бога не уѣзжайте, не получивъ моего письма. Очень важное—отправлено сегодня".

Она было подписала свою фамилію.

— А если это его не остановитъ?... Что ему я? И разорвала сейчасъ же.

Какая-то мысль блеснула въ ея головѣ. Она взяла новый бланкъ, написала то же самое, только подъ депешей поставила „Анна Торацкая"...

— Ее онъ послушаетъ и подождетъ... Правда, обманъ это. Боже мой—да что же мнѣ дѣлать?

Отправивъ телеграмму и получивъ расписку — она поѣхала домой...

— Сколько дней ждать теперь? разсчитывала она. Положимъ, три дня туда—на четвертый онъ его получитъ. Три дня сюда, на четвертый ко мнѣ дойдетъ отвѣтъ... Итого восемь дней... Мало ли что можетъ случиться—я подожду девять... Вѣдь можно сократить еще. Онъ можетъ телеграфировать мнѣ. Да, какъ же ранѣе не пришло мнѣ въ голову!.. Кучеръ... Пожалуйста, назадъ, назадъ скорѣе.

Телеграфные чиновники были крайне удивлены, когда Софья Васильевна, все также взволнованная, суетливо и ни на что не обращая вниманія, вбѣжала въ отдѣленіе.

Новая телеграмма гласила:

„На сегодня посланное къ вамъ письмо прошу отвѣтить депешей..."

— Не сдѣлала ли я какой нибудь глупости? соображала она —но никакъ не могла рѣшить... Ясно было одно, что теперь скоро все опредѣлится. Не будетъ уже для нея повода волноваться и мучиться: или она будетъ тамъ съ нимъ, или...

Объ этомъ „или" она и не думала даже, то есть не хотѣла думать: такъ оно казалось страшно.

— Да и не можетъ быть, вѣдь не камень же онъ. Правда, говорятъ, онъ сталъ серьезнымъ теперь... Но человѣкъ въ немъ, не звѣрь же... Да, не можетъ быть этого „или"... Разумѣется, онъ отвѣтитъ: пріѣзжайте... Или какъ нибудь иначе. Пусть только надежду дастъ, и я найду въ себѣ силы ждать и жить.

Опять проходили день за днемъ.

Ее положительно била лихорадка. Хорошо зная, что отвѣта еще быть не можетъ, она выбѣгала на каждый звонокъ: не почтальонъ ли?.. А что, если письмо затерялось? это въ послѣднее

Digitized by Google

время случается такъ часто. Если почтальонъ по ошибкѣ отдастъ его этажемъ ниже, вѣдь это бываетъ? Если онъ оставилъ его швейцару, а тотъ забудетъ передать? Она въ окна слѣдила теперь за почтальонами—куда они идутъ, и замѣтивъ, что они входятъ въ ея подъѣздъ, выходила на лѣстницу и сверху спрашивала:

— Онуфрій (такъ звали ея швейцара). Это не мнѣ письмо?

Но, увы, писемъ было и много, и къ ней—только не отъ него!.. Отъ него еще ничего не было.

Прошло уже семь дней.

— Значитъ, онъ не телеграфировалъ... А и то можетъ быть, что онъ временно уѣзжалъ изъ Вѣны и телеграммы найдетъ у себя вмѣстѣ съ письмомъ.

Восьмой день она провела совсѣмъ въ горячкѣ. Даже послала справиться, не случилось ли что нибудь съ варшавскимъ поѣздомъ...

Наконецъ, на девятый день утромъ, полуодѣтая, выбѣжала она на звонокъ и почти выхватила изъ рукъ почтальона письмо.

Оно было на ея имя и отъ него.

Она на конвертѣ узнала его смѣлый и крупный почеркъ.

Сердце Нѣжиной билось такъ, что, казалось, оно стучитъ въ грудную клѣтку. Ей было больно. Все кружилось: и комната, и удивленный почтальонъ, и выбѣжавшая на встрѣчу Жанета.

— Ну, вотъ... вотъ... повторяла она...

И чувствовала, что въ рукахъ нѣтъ силы разорвать конвертъ

— Вотъ... и пришло... пришло, да... какъ потерянная, повторяла она.

Жанета догадалась дать ей воды.

Софья Васильевна, наконецъ, нервно надорвала конвертъ... Уронила его... Открыла листокъ почтовой бумаги, взглянула и, зашатавшись, какъ подкошенная, рухнула на полъ.

Жанета не успѣла подхватить ее, и съ помощью все того же почтальона снесла Софью Васильевну на постель. Горничная догадалась мимоходомъ прочесть отвѣтъ Анисимова.

Онъ былъ коротокъ:

„Ни въ любовницѣ, ни въ рабѣ, ни въ собакѣ — я не нуждаюсь...“

Поздно ночью пришла въ себя Нѣжина,

Она взглянула кругомъ и опять зажмурилась. Какъ ей противна была ея роскошная спальня, весь этотъ дорого купленный и такъ радовавшій когда-то блескъ... Въ немъ отразилось все ея ненавистное прошлое. Она, точно смотря давно знакомую книгу, пробѣжала его наскоро: ни одной страницы, которой она мо-

Digitized by Google

гла бы улыбнуться въ эту тяжелую минуту. За что все это и за чѣмъ прожито? Ровное дыханіе Жанеты слышалось около. Горничная засыпала въ креслѣ около хозяйки. Софья Васильевна почувствовала на лбу что-то—дотронулась—оказалось сухое полотно. Очевидно, его смачивала все время горничная, пока не заснула... Нѣжина сорвала его прочь и бросила, потомъ открыла глаза и стала пристально и недвижно смотрѣть въ одну точку передъ собой. Что же будетъ теперь? думала она. Точно вихрь носился въ головѣ. Куда же теперь?.. И зачѣмъ? Что жизнь дастъ ей новаго, свѣтлаго, взамѣнъ того, что камнемъ виситъ теперь на шеѣ?.. Ей стало душно—точно въ комнатѣ мало было воздуха, будто какой-то клубокъ подкатился къ горлу. Тоска, тоска... давило въ вискахъ—ни искры надежды впереди!..

Что жъ, пора!..

Софья Васильевна приподнялась. И теперь, въ эту минуту—не на чемъ остановиться, не съ чѣмъ проститься ей... Она осторожно спустила одну ногу—нога ушла въ мягкій темно-малиновый коверъ... другую—Жанета не просыпалась. Хорошо, что хоть она будетъ здѣсь!.. Софья Васильевна встала и тихо, словно крадучись, пошла къ бювару... Что, если ящикъ скрипнетъ... Нѣтъ, выдвинулся тихо. Тускло блеснуло тамъ что-то... Софья Васильевна взяла это... Послышалось точно щелканье замка... Никелевый маленькій револьверъ былъ у нея въ рукахъ—она взвела курокъ... Въ зеркалѣ напротивъ отразилась вся ея чудная фигура. Рубашка ласково облегала ея великолѣпныя формы. И на себя взглянула съ ненавистью Нѣжина...

— Господи, прости мнѣ...

Нащупала сердце...

— Силъ нѣтъ больше—Ты видишь... Прости.

Сухой звукъ выстрѣла. Точно что-то треснуло въ комнатѣ. Жанета вскочила, ничего не понимая: прямо передъ ней, въ полусвѣтѣ, на темный и мягкій коверъ какъ-то странно, съ глухимъ шумомъ упало тѣло Софьи Васильевны.

XX. На дунайскомъ пароходѣ.

На Дунаѣ сегодня было скверно.

Дулъ рѣзкій восточный вѣтеръ, гоня передъ собою крутыя волны. Небо все было въ тучахъ. Пароходъ австрійскаго Ллойда только что отвалилъ отъ Землина, направляясь къ Бѣлграду. Крошечный сербскій городокъ позади—отходилъ, сливаясь всѣми свои-

Digitized by Google

ми домами въ одно марево. На крутыхъ холмахъ, по ту сторону Дуная, куда направлялся пароходъ, уже выростали колокольни и дома столицы Милана Обреновича. Анисимовъ нервно ходилъ по палубѣ, не обращая вниманія, что разомъ налетавшія тучи кропили его крупными каплями дождя.

Онъ былъ одинъ...

Ни впередъ, ни назадъ! Братья заняты своими дѣлами; ихъ, этихъ богатырей земли русской, не сломило неудачами и не сразило грозами. Точно также, и онъ уцѣлѣлъ подъ ихъ ударами. Теперь, зорко посматривая по направленію къ болѣе и болѣе выдвигавшемуся впередъ Бѣлграду, онъ вспоминалъ только что полученныя имъ извѣстія. Онъ зналъ уже, что Петръ Николаевичъ долженъ былъ оставить свой Малаховъ курганъ и, какъ настоящій, который мы защищали такъ долго и такъ славно, уступилъ его непріятелю. Но онъ не остановился ни на одну минуту. Забывъ уже свои сѣдые волосы, онъ у себя на югѣ—какъ юноша, вѣрующій въ окончательное торжество праваго дѣла, началъ новую Сизифову работу. Все его письмо къ Сергѣю—было полно разсказомъ о томъ, что онъ вводитъ или собирается ввести у себя. Онъ нарѣзалъ тамъ крестьянамъ большіе надѣлы, ставитъ заводъ, открываетъ школы. Та же лихорадочная дѣятельность захватила его въ свой головокружащій вихрь; потерявъ большое, онъ безъ разочарованій и сожалѣній взялся за малое... Старшій братъ, отецъ Никодимъ, которому тяжело было оставлять созданный имъ далекій монастырь, оторванный отъ него съ болью и мукою—теперь созидалъ опять въ пустынномъ уголку Вологодскаго захолустья, ободряя малодушныхъ и работая самъ киркою и заступомъ. Оглядываясь на свое прошлое—Анисимовъ видѣлъ, что и онъ въ этомъ случаѣ стоилъ своихъ братьевъ. Онъ тоже не раскисъ, не опустился подъ ударами враждебной судьбы. Онъ не сталъ брюзжать въ петербургскихъ гостинныхъ и шипѣть на всю эту безсмыслицу, творившуюся вокругъ. Нѣтъ! Нельзя ему было послужить родинѣ у себя—онъ нашелъ возможнымъ работать для нея вдали, за ея рубежемъ быть ей вѣрнымъ и полезнымъ сыномъ. Онъ считалъ теперь себя свободнымъ, какъ вѣтеръ. Никакихъ связей съ прошлымъ не оставалось. Онъ не зналъ объ участи Софьи Васильевны. Онъ помнилъ только, съ нѣкоторымъ чувствомъ покаяннаго недовольства самимъ собою, что отвѣтилъ ей и грубо и рѣзко. Но онъ не могъ удержать сказавшагося въ немъ раздраженія. Слишкомъ уже мелочными, чисто женскими уколами проняла его эта женщина. И, сверхъ того, она одна связывала его съ тѣмъ отвратительнымъ прошлымъ, о

Digitized by Google

которомъ, негодуя, онъ самъ разсказывалъ еще недавно Александрѣ Николаевнѣ Стариковой... Оставалась одна Анна Егоровна —но она и теперь рѣшительно отказалась идти за нимъ...

„Оставьте меня моимъ скромнымъ и тихимъ обязанностямъ... Я стала бы вамъ помѣхой на дорогѣ... Узнайте правду—я люблю и всегда любила васъ—васъ одного. Вы были моей вѣрой, моимъ богомъ... И именно, въ силу этой любви, я не хочу становиться на вашей дорогѣ. Что была бы я съ вами?.. Вы въ бурѣ, и бурей должны пройти по свѣту, очищая воздухъ и пробуждая спящихъ... А я тутъ причемъ? Позвольте мнѣ издали молиться за васъ... Мнѣ сладко думать, что иногда и вы вспомните, что тамъ, далеко на сѣверѣ, есть сердце, которое бьется для васъ; есть душа, живущая вами... Одно только: если я вамъ дорога—ради меня будьте добрѣе, мягче, если можете. Не наносите никому неисцѣлимыхъ ранъ, и да поможетъ вамъ Богъ—свершить ваше великое дѣло".

Вас. Немировичъ-Данченко.

Конецъ.

Digitized by Google

Идеалъ.

Мы шли веселою толпой,
И шумно рѣчь лилась живая,
И спорилъ юноша со мной
Объ идеалѣ.

Дождевая
Упала капля—смолкнулъ споръ,
И всѣ глядятъ на темный боръ,
А вѣтеръ сосны наклоняетъ
И мглою небо застилаетъ.
Дождь чаще, чаще—мы бѣжать!
Надъ нами громъ гремитъ, грохочетъ,
Какъ будто небо рухнуть хочетъ...
И молній свѣтъ... и тьма опять...
И сквозь туманъ не разобрать
Ни лицъ нахмуренныхъ, ни ясныхъ,
Ни трезвыхъ спорщиковъ, ни страстныхъ.

Но вотъ въ прогалинѣ лѣсной,
За легкой дымкой дождевой,
Дискъ солнца появился зыбкій.
Какъ свѣтлый царь, на міръ съ улыбкой
Изъ водяной своей тюрьмы
День пламенный глядитъ—и мы,
Остановившись въ восхищеньѣ,
Его привѣтствуемъ явленье.
Туманный идеалъ забывъ
И споръ забывши безконечный,
Мы радужныхъ лучей разливъ
Слѣдимъ въ красѣ ихъ скоротечной...
И вновь бредемъ толпой безпечной.

І. Ясинскій.

Digitized by Google

Очерки развитія русской критики.

IX.

Вскорѣ послѣ смерти Добролюбова, на критическое поприще выступили два писателя, составившіе себѣ имя въ русской журналистикѣ шестидесятыхъ годовъ: г. Антоновичъ и Писаревъ.

Очеркъ дѣятельности и взглядовъ г. Антоновича я откладываю на будущее время; здѣсь же скажу только, что г. Антоновичъ, заступивъ мѣсто Добролюбова въ «Современникѣ», въ большинствѣ случаевъ только развивалъ взгляды и основныя положенія своего предшественника, не удаляясь замѣтно отъ его направленія. Его статьи, однако, были лучше обоснованы философски, въ нихъ было весьма замѣтно хорошее философское образованіе, и новый критикъ лучшаго изъ тогдашнихъ петербургскихъ журналовъ не такъ систематически уклонялся отъ обсужденія чисто теоретическихъ взглядовъ, какъ это дѣлалъ Добролюбовъ. Слѣдуетъ, однако, прибавить, что, въ статьѣ своей объ «Отцахъ и дѣтяхъ» Тургенева, г. Антоновичъ значительно удалился отъ точки зрѣнія Добролюбова. Добролюбовъ, при всей опредѣленности своего міровоззрѣнія, никогда не ставилъ такъ рѣзко вопроса: талантъ Тургенева былъ ему болѣе симпатиченъ, чѣмъ таланты другихъ первоклассныхъ русскихъ беллетристовъ, и цѣнилъ онъ особенно Тургенева за его тонкое чутье русской образованности, за то, что въ своихъ романахъ Тургеневъ систематически слѣдилъ за развитіемъ и видоизмѣненіями русскаго общественнаго типа и создалъ какъ бы исторію его въ фигурахъ Рудина, Лаврецкаго, Инсарова, Елены, Гамлета Щигровскаго уѣзда. Уже послѣ смерти Добролюбова, Тургеневъ пополнилъ этотъ рядъ типовъ—Базаровымъ въ «Отцахъ и дѣтяхъ» и Литвиновымъ въ «Дымѣ.» Я вполнѣ убѣжденъ, что, явись «Отцы и дѣти» при жизни Добролюбова, нашъ критикъ взглянулъ бы на Базарова далеко не такъ, какъ взглянулъ на него г. Антоновичъ. Онъ бы увидѣлъ въ Базаровѣ того же Рудина или Лаврецкаго, только въ болѣе рѣзко опредѣлившихся чертахъ новой общественной эры, и отдалъ бы справедливость художнику, который, изображая два поколѣнія,—старое и новое,—съумѣлъ, тѣмъ не менѣе, отнестись къ нимъ совершенно объективно, хотя вполнѣ сочувствовать Базарову онъ, конечно, не могъ. Г. Антоновичъ, къ

Digitized by Google

сожалѣнію, взглянулъ на романъ иначе; онъ прямо предположилъ, что «Отцы и дѣти»—не болѣе какъ пасквиль на «молодое поколѣніе», и эта точка отправленія, ничѣмъ неоправдываемая, легла въ основаніе всего его дальнѣйшаго критическаго разбора. Почти одновременно со статьей г. Антоновича появилась и статья Писарева о томъ же предметѣ, написанная совершенно въ другомъ тонѣ, болѣе соотвѣтствующемъ тону Добролюбова. Отсюда возникла жаркая полемика, отдаленные отголоски которой не затихли и понынѣ.

Писаревъ былъ человѣкъ очень даровитый, съ хорошей историко-литературной подготовкой, но опрометчивый въ своихъ сужденіяхъ, неопредѣлившійся, получившій плохое философское образованіе и совершенно лишенный философскаго ума. Его историческія статьи (седьмая и восьмая части «Собранія его сочиненій»),—по большей части компилятивныя,—тѣмъ не менѣе, свидѣтельствуютъ объ обширныхъ его познаніяхъ въ области исторіи. Тѣмъ болѣе странными кажутся его критическіе взгляды, въ которыхъ не видно ни малѣйшаго вліянія исторической школы; они поражаютъ своей прямолинейностью. Если въ переходѣ отъ Бѣлинскаго къ Добролюбову нельзя не признать извѣстнаго упадка критики въ Россіи, то въ переходѣ отъ Добролюбова къ Писареву такой упадокъ становится очевиднымъ для всякаго. Хотя Добролюбовъ и не придавалъ никакого значенія такъ называемой художественной критикѣ, хотя въ критической дѣятельности онъ видѣлъ лишь удобное практическое орудіе въ рукахъ публициста, онъ однако же никогда не отрицалъ значенія, по существу, художественнаго элемента, и въ его произведеніяхъ можно встрѣтить не одну краснорѣчивую страницу объ этомъ предметѣ. По отношенію къ величайшимъ поэтическимъ геніямъ человѣчества, Добролюбовъ прямо выдвигалъ этотъ элементъ на первый планъ и не признавалъ за нимъ важнаго значенія только для второстепенныхъ художниковъ, къ которымъ причислялъ, между прочимъ, Тургенева, Достоевскаго и Гончарова. Писаревъ и этой уступки не дѣлаетъ; онъ откровенно отрицаетъ всякую, какъ онъ выражается, «эстетику,» упраздняетъ ее окончательно, замѣняя какою-то наукой «мыслящаго реалиста». Для шестидесятыхъ годовъ такой взглядъ былъ новъ, смѣлъ и заманчивъ. Онъ былъ доведенъ до nec plus ultra прямолинейности и наивности въ статьяхъ покойнаго Зайцева, который, не имѣя таланта Писарева, былъ однако же значительно рѣшительнѣе и,—прибавимъ,—болѣе безтактенъ, чѣмъ его собратъ по «Русскому Слову». Удивляться этому нечего; это было въ порядкѣ вещей и указывало только на извѣстное, вполнѣ опредѣлившееся умственное движеніе, которое неизбѣжно должно было совершить весь циклъ своего развитія. Точка зрѣнія Добролюбова, не соотвѣтствующая нашимъ современнымъ понятіямъ о критикѣ, обоснованной на научныхъ и философскихъ взглядахъ (между которыми «Критика чистаго разума» Канта должна

Digitized by Google

играть преобладающую роль),—тѣмъ не менѣе, вполнѣ отвѣчала умственнымъ потребностямъ и задачамъ шестидесятыхъ годовъ,—задачамъ болѣе жизненнымъ, чѣмъ теоретическимъ, сосредоточеннымъ на практическихъ нуждахъ общества, переживавшаго коренныя измѣненія всего своего историческаго строя. Добролюбовъ, подчиняясь этимъ потребностямъ времени, указалъ на тѣсную связь литературы и жизни, и заключилъ совершенно произвольно,—что литературное произведеніе только тогда достойно вниманія, когда оно не только правдиво воспроизводитъ жизнь, но и совершаетъ судъ надъ нею. Стоитъ только воскресить въ памяти лучшія статьи Добролюбова, — «Темное царство» (по поводу комедій Островскаго), «Свѣтлый лучъ въ темномъ царствѣ» (по поводу «Грозы»), «Когда же придетъ настоящій день»? (по поводу «Наканунѣ» Тургенева), «Забитые люди» (по поводу романа Достоевскаго: «Униженные и оскорбленные»), «Что такое Обломовщина»,—чтобы убѣдиться, что такъ именно понималъ Добролюбовъ свою критическую задачу. Такой взглядъ привелъ Добролюбова къ полнѣйшему индиферентизму по отношенію къ художественному элементу литературы и поэзіи, и даже заключалъ въ себѣ, въ видѣ зародыша, прямое отрицаніе художественнаго элемента. Вотъ этотъ-то именно зародышъ отрицанія былъ развитъ Писаревымъ.

Теоретически это отрицаніе высказано вполнѣ опредѣленно и ясно въ статьѣ Писарева: «Разрушеніе эстетики» (часть третья «Собранія сочиненій»), написанной по поводу извѣстной книги «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности» и озаглавленной въ бьющемъ на эффектъ тонѣ (это заглавіе, какъ кажется, принадлежитъ Благосвѣтлову, редактору «Русскаго Слова»). Въ самомъ началѣ статьи мы встрѣчаемъ слѣдующія любопытныя строки молодаго критика: «Книга—«Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», написанная десять лѣтъ тому назадъ, совершенно устарѣла не потому, что ея авторъ былъ въ то время неспособенъ написать что-нибудь болѣе долговѣчное, а именно потому, что автору надо было вначалѣ опровергнуть филистеровъ доводами, заимствованными изъ филистерскихъ арсеналовъ. Авторъ видѣлъ, что эстетика, порожденная умственною неподвижностью нашего общества (?), въ свою очередь поддерживала эту неподвижность. Чтобы двинуться съ мѣста, чтобы сказать обществу разумное слово, чтобы пробудить въ разслабленной литературѣ сознаніе ея высокихъ гражданскихъ обязанностей, надо было совершенно уничтожить эстетику, надо было отправить ее туда, куда отправлены алхимія и астрологія. Но чтобы дѣйствительно опровергнуть вредную систему старыхъ заблужденій, надо приниматься за дѣло осторожно и разсчетливо. Если сказать обществу прямо: «бросьте вы эти глупости; у васъ есть дѣла гораздо поважнѣе и поинтереснѣе»;—то общество изумится, испугается вашей дерзости, не повѣритъ вамъ и приметъ вашъ разумный совѣтъ за гаерскую выходку.

Digitized by Google

Поэтому, надо было говорить съ обществомъ въ томъ тонѣ, къ которому оно привыкло. Надо было говорить такъ: «вы, господа, уважаете эстетику. Ахъ, и я тоже уважаю эстетику. Займемтесь же вмѣстѣ съ вами эстетическими изслѣдованіями». — Привлекши къ себѣ, такимъ образомъ, сердце довѣрчиваго читателя, лукавый послѣдователь новой идеи, конечно, займется своими эстетическими изслѣдованіями такъ успѣшно, что разобьетъ всю эстетику на мелкіе кусочки; потомъ всѣ эти мелкіе кусочки превратитъ по одиночкѣ въ мельчайшій порошокъ и, наконецъ, развѣетъ этотъ порошокъ на всѣ четыре стороны.—Куда же ты, озорникъ, дѣвалъ мою эстетику, которую ты уважаешь? спроситъ огорченный читатель, наказанный за свою довѣрчивость.—Улетѣла твоя эстетика, отвѣтитъ писатель, и давно пора тебѣ забыть о ней, потому что не мало у тебя всякихъ другихъ заботъ.—И вздохнетъ читатель, и поневолѣ примется за соціальную экономію (?), потому что эстетика дѣйствительно разлетѣлась на всѣ четыре стороны, благодаря эстетическимъ изслѣдованіямъ коварнаго писателя. Когда читатель будетъ, такимъ образомъ, обузданъ и посаженъ за работу, тогда, разумѣется, эстетическія изслѣдованія, погубившія эстетику, потеряютъ всякій современный интересъ и останутся только любопытнымъ историческимъ памятникомъ авторскаго коварства».

Лишнимъ было бы прибавлять, что авторъ «Эстетическихъ отношеній» не имѣлъ ни малѣйшимъ образомъ въ виду такого коварства; что, приступая къ своей книгѣ, имѣвшей въ свое время значительное вліяніе и построенной на совершенно фальшивомъ философскомъ положеніи—онъ и не думалъ быть послѣдователемъ Макіавелли, и что все это предположеніе—не болѣе какъ фантазія самого Писарева, которому хотѣлось какъ можно скорѣе уничтожить эстетику и стереть ее въ порошокъ. Такія фантазіи у Писарева встрѣчаются на каждомъ шагу; мы, напримѣръ, только что видѣли, что онъ предлагаетъ замѣнить эстетику «соціальной экономіей»; въ другомъ мѣстѣ, вспомнивъ, вѣроятно, науку «мыслящаго реалиста», онъ совѣтуетъ Щедрину, вмѣсто цвѣтовъ «невиннаго юмора», которые критикъ усматривалъ въ произведеніяхъ сатирика,—заняться популяризированіемъ «европейскихъ идей естествознанія и антропологіи».

По мнѣнію Писарева (высказанному въ той же статьѣ), эстетика или наука о прекрасномъ имѣетъ разумное право существовать только въ томъ случаѣ, если прекрасное имѣетъ какое нибудь самостоятельное значеніе, независимое отъ безконечнаго разнообразія личныхъ вкусовъ. Если же прекрасное—только то, что намъ нравится, и если, вслѣдствіе этого, всѣ разнообразнѣйшія понятія о красотѣ оказываются одинаково законными, тогда эстетика разсыпается въ прахъ. Писаревъ принимаетъ это послѣднее мнѣніе и въ подтвержденіе приводитъ слова автора «Эстетическихъ отношеній»: «Здоровый человѣкъ встрѣчаетъ въ дѣйствительности очень много такихъ предметовъ и явленій, смотря на которые не приходитъ ему

Digitized by Google

въ голову желать, чтобы они были не такъ какъ есть, или были лучше. Мнѣніе, будто человѣку непремѣнно нужно «совершенство»—мнѣніе фантастическое, если подъ «совершенствомъ» понимать такой видъ предмета, который бы совмѣщалъ всевозможныя совершенства и былъ чуждъ всѣхъ недостатковъ, какіе, отъ нечего дѣлать, можетъ отыскать въ предметѣ фантазія человѣка съ холоднымъ или пресыщеннымъ мнѣніемъ. «Совершенство» для меня то, что̀ для меня вполнѣ удовлетворительно въ своемъ родѣ» (стр. 52). Въ самомъ дѣлѣ,—комментируетъ Писаревъ,—представьте себѣ, что созерцаніе рафаэлевскихъ картинъ и древнихъ статуй до такой степени воспламенило ваше воображеніе, что всѣ живыя женщины, съ которыми вы встрѣчаетесь, кажутся вамъ некрасивыми. Какая же польза получится отъ вашего недовольства для васъ самихъ или для другихъ людей? Русскія женщины, дѣйствительно, не такъ красивы, какъ итальянки, которыхъ видалъ Рафаэль, или какъ тѣ гречанки, которыхъ знали древніе скульпторы; но какъ бы ни было велико ваше недовольство, русскія женщины отъ него нисколько не похорошѣютъ, и вы, со всѣмъ вашимъ недовольствомъ, все таки до скончанія вѣка не придумаете ничего такого, что̀ могло бы увеличить ихъ красоту. Недовольство дѣйствительностью, совершенно безплодное и нелѣпое, когда оно обращено на красоту, становится, напротивъ того, очень полезнымъ и уважительнымъ чувствомъ, когда оно направлено противъ житейскихъ неудобствъ, устроенныхъ руками и умами людей. Тутъ недовольство ведетъ за собою преобразовательную дѣятельность и, слѣдовательно, приноситъ очень реальные и осязательные результаты. Всякая эстетика, старая или новая, или новѣйшая, строится,—по предположенію, нѣсколько легкомысленному, Писарева,—непремѣнно на томъ, что люди должны усиливать, очищать и совершенствовать въ себѣ свое врожденное стремленіе къ красотѣ. «Кто отвергаетъ это основное положеніе,— прибавляетъ нашъ критикъ, — тотъ отвергаетъ не какія-нибудь частныя ошибки той или другой эстетики, а самый принципъ, самый фундаментъ всякой эстетики вообще».

Я привелъ почти дословно все это мѣсто съ тѣмъ, чтобы показать осязательно, къ какимъ нелѣпостямъ можетъ приводить прямолинейная и поверхностная логика—людей даровитыхъ и образованныхъ. Весь этотъ взглядъ,—какъ читатель и самъ, конечно, уже замѣтилъ,—построенъ на игрѣ словомъ «прекрасное», игрѣ, которой занимается также и авторъ «Эстетическихъ отношеній». Въ философіи слово: прекрасное обозначаетъ не «прекрасное» въ дѣйствительности, въ природѣ, а прекрасное въ искусствѣ, т. е. дѣйствительность, преобразованную и измѣненную умомъ и воображеніемъ человѣка. Слѣдовательно, въ такомъ «прекрасномъ» существуетъ, по необходимости, субъективный, личный элементъ, котораго,— какъ это само собой разумѣется,—нѣтъ и не можетъ быть въ дѣйствительности, въ природѣ. Такое «прекрасное» есть прекрасное, которое

Digitized by Google

зрѣетъ въ человѣческомъ сознаніи и есть результатъ всей психической дѣятельности человѣка. Въ немъ слѣдовательно есть «идея», которой нѣтъ въ дѣйствительности, и орудіемъ выраженія этой «идеи» является искусство. Такимъ образомъ, искусство резюмируетъ собой дѣйствительность, но резюмируетъ лишь настолько, насколько эта дѣйствительность видоизмѣняется, отражаясь въ сознаніи; отсюда основной законъ философіи искусства: правда искусства не есть правда дѣйствительности. Ни Кантъ, ни Шеллингъ, ни Гегель, ни Шопенгауэръ, ни Фишеръ, ни даже Аристотель (не говоря уже о Платонѣ) никогда ничего другаго не говорили, и навязывать имъ ребяческое смѣшеніе «прекраснаго» въ дѣйствительности съ «прекраснымъ» въ искусствѣ есть нелѣпость, которая обнаруживаетъ или полнѣйшее незнаніе предмета, или намѣренное искаженіе его. Когда говорятъ о той или другой красивой женщинѣ, то говорятъ о «прекрасномъ» въ дѣйствительности, но такое прекрасное не имѣетъ ничего общаго съ искусствомъ, ибо какая-нибудь Венера Милосская или Мадонна della sedia Рафаэля—не есть красивая женщина, а выраженіе извѣстнаго, опредѣленнаго идеала художника и, къ тому же, выраженіе не внѣшней, физической красоты, а цѣлаго строя идей, выработанныхъ извѣстной цивилизаціей или извѣстной культурой.

Но если принять на минуту это писаревское «упраздненіе» эстетики, то какова должна быть роль критика, по мнѣнію Писарева? Эта роль будетъ «ролью живаго человѣка, который вноситъ и обязанъ вносить въ свою дѣятельность все свое *личное* міровоззрѣніе, весь свой индивидуальный характеръ, весь свой образъ мыслей, всю совокупность своихъ человѣческихъ и гражданскихъ убѣжденій, надеждъ и желаній». Дальнѣйшее развитіе этой мысли у Писарева достойно вниманія, потому что оно наглядно показываетъ, въ какую путаницу понятій и идей заводитъ прямолинейная, ребяческая логика. Не отдѣляя искусства отъ дѣйствительности, постоянно смѣшивая эти два понятія, Писаревъ думаетъ, что каждый критикъ долженъ рѣшать по своему, что̀ есть интереснаго въ жизни, а слѣдовательно и въ искусствѣ, и будетъ рѣшать такъ или иначе, смотря по тому, чего онъ требуетъ отъ жизни и какимъ образомъ онъ понимаетъ характеръ и потребности своего времени. «Содержаніе, достойное вниманія мыслящаго человѣка, одно только способно избавить искусство отъ упрека, будто бы оно—простая забава». Но что̀ такое «мыслящій человѣкъ»? Что̀ именно достойно вниманія мыслящаго человѣка? Эти вопросы, по мнѣнію Писарева, опять таки должны рѣшаться каждымъ отдѣльнымъ критикомъ. А, между тѣмъ, отъ рѣшенія этихъ вопросовъ зависитъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ приговоръ критика надъ художественнымъ произведеніемъ. Рѣшивши, что содержаніе не интересно, или другими словами, недостойно вниманія мыслящаго человѣка, критикъ имѣетъ полное право посмотрѣть на данное произведеніе искуства съ *презрѣніемъ* или съ *сострадательной улыбкой*.

Digitized by Google

Хорошо. Но положимъ, что одинъ критикъ посмотритъ на художественное произведеніе съ презрѣніемъ, а другой — съ восхищеніемъ: — что̀ должна думать читающая, мыслящая публика, передъ которою упражняются эти два критика? Должна ли она рѣшить, что оба критика правы, или правъ только одинъ изъ нихъ? Писаревъ, какъ кажется, предоставляетъ это рѣшеніе самой публикѣ по ея личному произволу, но самъ не высказывается по этому поводу. Онъ говоритъ только, что, столкнувшись такимъ образомъ въ своихъ сужденіяхъ, оба критика затѣятъ между собой споръ. Одинъ говоритъ: содержаніе недостойно мыслящаго человѣка, не интересно. Другой говоритъ: интересно и достойно. Само собой разумѣется, что споръ между этими двумя критиками съ самаго начала будетъ происходить совсѣмъ не на эстетической почвѣ. Они будутъ спорить между собой о томъ, что̀ такое мыслящій человѣкъ, что̀ долженъ этотъ человѣкъ находить достойнымъ своего вниманія, какъ долженъ онъ смотрѣть на природу и на общественную жизнь, какъ долженъ думать и дѣйствовать. Въ этомъ спорѣ они принуждены будутъ развернуть все свое міровоззрѣніе, имъ придется заглянуть и въ естествознаніе, и въ исторію, и въ соціальную науку, и въ политику, и въ нравственную философію, но объ искусствѣ между ними не будетъ сказано ни одного слова, потому что смыслъ всего спора будетъ заключаться въ содержаніи, а не въ формѣ художественнаго произведенія.

Такимъ образомъ, Писаревъ «упразднилъ» эстетику на томъ основаніи, что, будто бы, прекрасное не имѣетъ самостоятельнаго значенія, что оно зависитъ отъ безконечнаго разнообразія личныхъ вкусовъ; слѣдовательно, дѣлая то же самое по отношенію къ критикѣ, т. е., отказывая ей въ самостоятельномъ значеніи, утверждая, что критика есть лишь выраженіе личнаго вкуса и мнѣнія, онъ этимъ самымъ упраздняетъ и критику. И дѣйствительно, если свести критику на дѣло личнаго вкуса, то придется заключить, что Писаревъ правъ, и что критика—такой же вздоръ, какимъ онъ считаетъ искусство и эстетику!.. И все это говорилось съ апломбомъ, съ увѣренностью, не только послѣ Добролюбова, но даже послѣ Бѣлинскаго! Ни предшествующее литературное движеніе, ни опытъ, ни размышленіе не могли создать въ Писаревѣ болѣе широкаго воззрѣнія на дѣло, которому онъ самъ посвятилъ свою жизнь.

Казалось бы послѣ этого, что Писаревъ, какъ человѣкъ дѣйствительно искренній и несомнѣнно добросовѣстный, упразднивъ искусство, эстетику и, въ концѣ концовъ, критику, долженъ былъ бы упразднить и самого себя, какъ критика, положить перо и заняться какимъ нибудь другимъ дѣломъ, болѣе полезнымъ, по его мнѣнію. Но этого не случилось. Въ другой статьѣ («Мотивы русской драмы»,—часть I-ая, стр. 236) онъ старается выяснить истинное значеніе критики и отвѣчаетъ на вопросъ: что̀ такое долженъ дѣлать критикъ?—Онъ долженъ говорить обществу и

Digitized by Google

сегодня, и завтра, и послѣ завтра, и десять лѣтъ подъ рядъ, и сколько хватитъ его силъ и его жизни,—говорить, не боясь повтореній, говорить такъ, чтобы его понимали, говорить постоянно, что народъ нуждается только въ одной вещи, въ которой заключаются уже всѣ остальныя блага человѣческой жизни. Нуждается онъ въ движеніи мысли, а это движеніе возбуждается и поддерживается пріобрѣтеніемъ знаній. Пусть общество не сбивается съ этой прямой и естественной дороги къ прогрессу; пусть не думаетъ, что ему надо пріобрѣсть какія нибудь добродѣтели, привить къ себѣ какія нибудь похвальныя чувства, запастись тонкостью вкуса или вытвердить кодексъ либеральныхъ убѣжденій. Только живая и самостоятельная дѣятельность мысли, только прочныя и положительныя знанія обновятъ жизнь, разгонятъ темноту, уничтожатъ глупые пороки и глупыя добродѣтели и, такимъ образомъ, выметутъ соръ изъ избы, не перенося его въ уголовную палату.

Другими словами, дѣло критики, по мнѣнію Писарева, есть дѣло проповѣдника той новой морали, которая возникла на нашемъ горизонтѣ въ шестидесятыхъ годахъ,—морали, въ основѣ которой лежатъ естествознаніе и математика (единственныя науки, на которыя смотрѣли тогда съ нѣкоторымъ уваженіемъ), а въ видѣ путеводной звѣзды свѣтитъ принципъ прогресса. Не мое дѣло касаться здѣсь степени достоинства и значенія этой морали, но нельзя не замѣтить, что эта мораль не принесла тѣхъ плодовъ, которыхъ отъ нея ожидали ея творцы, но взамѣнъ этого принесла много вреда, утвердивъ въ русскомъ обществѣ самонадѣянность и самомнѣніе новой формы филистерства, проповѣдуя, что нѣсть спасенія внѣ естественныхъ наукъ, что всѣ эти тамъ философіи и мудрствованія—выѣденнаго яйца не стоятъ и недостойны «мыслящаго реалиста». Съ другой стороны,—возвращаясь къ нашему предмету,—нельзя не прибавить, что проповѣдь не только этой морали, но и всякой другой, не есть функція критика, который — не проповѣдникъ и не моралистъ, который имѣетъ дѣло только съ произведеніями искусства и обязанъ выяснить ихъ значеніе по отношенію къ обществу и ихъ самостоятельное достоинство въ области отвлеченной мысли и художественнаго творчества. Художественное творчество есть психическая сила, глубоко внѣдрившаяся въ человѣческую натуру, не знающая никакихъ принциповъ полезности и утилитаризма, и развивающаяся самостоятельно, какъ потребность психическаго организма. Но она живетъ въ пространствѣ и времени, она выражается въ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, человѣка—къ обществу, человѣка—къ природѣ, и поэтому всѣ вопросы человѣческой жизни, человѣческаго общества, природы и тайнъ мірозданія встрѣчаютъ въ ней свое естественное и неизбѣжное выраженіе. Вотъ почему искусство, оставаясь явленіемъ психическимъ,—значитъ, фактомъ первичнымъ, не требующимъ ни оправданія, ни объясненія, никакому другому явленію не подчи-

Digitized by Google

неннымъ,—тѣсно соприкасается и съ обществомъ, и съ исторіей, и съ философіей. Такимъ образомъ, понятными становятся слова Гёте, который сказалъ: «Наполняйте умъ вашъ и сердце ваше, какъ бы обширны они ни были, идеями и чувствами вашего времени,—и произведеніе явится»... Искусство не даетъ научнаго рѣшенія вопросовъ человѣческой жизни, но въ образахъ и представленіяхъ оно даетъ намъ живую картину того, какъ эти вопросы отражаются въ человѣческомъ сознаніи въ данную эпоху и въ данной культурѣ.

При такомъ опредѣленіи искусства, функціи критики становятся ясны и просты: критика, по существу своему, является анализомъ, который раскрываетъ, какимъ образомъ величайшіе вопросы человѣческой жизни и міра отражаются въ данномъ произведеніи искусства. Само собой разумѣется, что въ основѣ этого анализа должны лежать крѣпкіе научные устои и строгія логическія положенія, — слѣдовательно, нѣчто вполнѣ объективное, не имѣющее ничего общаго съ личнымъ вкусомъ. Все это было очень хорошо извѣстно Бѣлинскому, знакомому съ нѣмецкой философіей и съ состояніемъ науки его времени. Добролюбовъ намѣренно игнорировалъ эти основныя положенія и превратилъ критику въ орудіе практическихъ цѣлей и публицистики. Что же касается Писарева, то онъ, явившись послѣ Добролюбова и увлеченный общимъ теченіемъ, до такой степени упростилъ точку зрѣнія публицистической критики, что ея полнѣйшая несостоятельность сказалась во всей своей очевидности. Въ этомъ и заключается, по моему мнѣнію, единственная заслуга Писарева.

X.

Казалось бы, что этого урока достаточно, и что пора вернуться къ традиціямъ Бѣлинскаго. Но на дѣлѣ оказалось иначе: публицистическая критика, вырождаясь, мельчая, превращаясь во что-то беззубо-дряхлое, почти безсмысленное,—продолжала еще влачить свое жалкое существованіе въ авгіевыхъ конюшняхъ русской журналистики. Послѣ Писарева, рыцаремъ этой критики явился г. Скабичевскій.

Первое свое появленіе на поприщѣ русской критики г. Скабичевскій совершилъ въ 1867 году въ «Невскомъ Сборникѣ», въ статьѣ: «О воспитательномъ значеніи произведеній гг. Тургенева и Гончарова». Статья подписана: «А. Алкандровъ», но псевдонимъ этотъ былъ уже нѣсколько разъ разоблаченъ въ печати, слѣдовательно, съ моей стороны, думаю, не будетъ нескромностью еще разъ подтвердить, что эта статья дѣйствительно принадлежитъ г. Скабичевскому. Уже одно названіе этой статьи могло вызвать изумленіе въ средѣ читателей и указать на критическое направленіе, котораго новый критикъ намѣренъ держаться. И въ самомъ

Digitized by Google

дѣлѣ: разсматривать въ обширной статьѣ произведенія такихъ художниковъ, какъ Тургеневъ и Гончаровъ, съ точки зрѣнія исключительно воспитательной—довольно странно. Это значило отрицать въ принципѣ самостоятельное значеніе искусства и сводить его на степень лишь служебнаго орудія, годнаго или негоднаго для практическихъ цѣлей жизни. Самая статья, написанная въ гаерски-развязномъ тонѣ, третирующая Тургенева и Гончарова свысока, только подтвердила эту догадку читателя. Г. Скабичевскій вознамѣрился доказать, что произведенія названныхъ писателей уже въ 1867 году потеряли всякое воспитательное значеніе (!) и сданы въ архивъ окончательно. Эти произведенія онъ сравниваетъ даже съ повѣстями Карамзина. Повѣсти Карамзина, видите ли, учили тогдашнихъ барышень чувствовать, страдать, стремиться къ высокому. Но теперь, *какой же педагогъ* дастъ шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ повѣсти Карамзина съ воспитательною цѣлью? То же самое, по мнѣнію г. Скабичевскаго, случилось и съ повѣстями Тургенева и Гончарова. Въ пятидесятыхъ годахъ Тургеневъ и Гончаровъ были, по преимуществу, женскими писателями; всякая дѣвица млѣла отъ восторга, читая эти повѣсти,—ибо тамъ все дѣло шло о любви. Но теперь—«какая барышня, даже самая неразвитая и недалекая, прочтетъ всѣ эти повѣсти безъ скуки и безъ смѣха?» Нашъ критикъ, съ проницательностью по истинѣ замѣчательной, задумалъ также доказать, что если эти писатели и пользовались успѣхомъ въ свое время, то потому лишь, что они не стояли выше уровня массы, что они раздѣляли всю узкость ея взглядовъ, всю бѣдность интересовъ, всѣ ея предразсудки; очевидно, что такіе писатели не могли имѣть какого либо воспитательнаго значенія. И тутъ же сообщаетъ намъ великую истину, что хотя сексуальная любовь и великое дѣло, но она—не все; есть въ жизни интересы и повыше сексуальной любви. Дальше, мы узнаемъ, что послѣ «Записокъ Охотника» въ дѣятельности Тургенева уже не видно никакихъ слѣдовъ «натуральной школы», а Гончарова «натуральная школа коснулась лишь своею внѣшностью: страстью писать картинки во фламандскомъ вкусѣ»... «Въ повѣстяхъ гг. Тургенева и Гончарова литература снова является передъ нами выглаженною, умытою, припомаженною; мужики въ лаптяхъ и сермягахъ изгоняются изъ нея; изъ угловъ отчаянія, нищеты и разврата дѣйствіе переносится въ тѣнистые сады усадебъ, въ комфортабельныя гостинныя; герои и героини являются передъ читателями во фракахъ и лайковыхъ перчаткахъ (героини—во фракахъ?!); они нѣжно изъясняются въ любви, вздыхаютъ, томятся, таютъ; и снова начинаютъ изображать писатели, какъ благодарныя слезы орошаютъ благодѣтельную ручку»... Изъ этихъ словъ читатель принужденъ заключить, что сущность «натуральной школы», по мнѣнію г. Скабичевскаго, заключается въ томъ, чтобы изображать мужиковъ и въ атмосферѣ «отчаянія, нищеты и разврата». Изумленіе бѣднаго читателя достигаетъ невѣроятныхъ разме-

Digitized by Google

ровъ, когда онъ узнаётъ отъ г. Скабичевскаго, что идеалъ Тургенева и Гончарова—это человѣкъ практическій, умѣющій ловко обдѣлывать свои дѣлишки, сытый и съ презрѣніемъ относящійся ко всякимъ Рудинымъ и Обломовымъ. Что же касается этихъ послѣднихъ, то надъ ними авторы очевидно издѣваются и преслѣдуютъ своимъ негодованіемъ, какъ людей «лишнихъ», никуда негодныхъ. Тургеневъ, напримѣръ, взваливаетъ «на Рудина всѣ тѣ обвиненія, которыми осыпали филистеры умныхъ людей спокоя вѣку». Онъ не упускаетъ случая, «чтобы кольнуть Рудина дилетантизмомъ: въ концѣ повѣсти онъ заставляетъ его самого признаваться, что у него нѣтъ терпѣнія дочитывать книгъ до конца и что учитель математики сбилъ его, учителя словесности, на какомъ-то памятникѣ XV вѣка»... Положимъ, что съ точки зрѣнія здраваго смысла (скажемъ: филистерства, чтобъ угодить г. Скабичевскому), учителю словесности довольно позорно не знать какого нибудь памятника XV вѣка, хорошо извѣстнаго учителю математики; но это ничего, тѣмъ болѣе, что у насъ есть «критики словесности», которые сплошь и рядомъ дѣлаютъ такого же рода погрѣшности, которые, напримѣръ, утверждаютъ (какъ это сдѣлалъ г. Скабичевскій), что г. Альбовъ подражаетъ Мопассану, или кому-то другому изъ французовъ... которыхъ г. Скабичевскій не читалъ. Наконецъ, негодованіе г. Скабичевскаго доходитъ до высочайшаго лиризма по поводу слѣдующей фразы Тургенева: «Несчастье Рудина состоитъ въ томъ, что онъ Россіи не знаетъ, и это точно большое несчастіе. Россія безъ каждаго изъ насъ обойтись можетъ, но никто изъ насъ безъ нея не можетъ обойтись. Горе тому, кто это думаетъ; двойное горе тому, кто дѣйствительно безъ нея обходится. Космополитизмъ — чепуха, космополитъ —нуль, хуже нуля; внѣ народности ни художества, ни жизни, ни истины, ничего нѣтъ. Безъ физіономіи нѣтъ даже идеальнаго лица; только пошлое лицо возможно безъ физіономіи». Но что же такое возмущаетъ г. Скабичевскаго въ этой фразѣ? Развѣ это неправда? Что космополитизмъ—нуль, что безъ народности нѣтъ искусства, это—всѣмъ извѣстно, въ этомъ смыслѣ не разъ высказывались и Фихте, и Шеллингъ, и Гегель, и Данте, и Шекспиръ, и Гёте, и Шиллеръ; объ этомъ только и твердятъ Бокль, Спенсеръ, Сент-Бёвъ, Тэнъ. Но, можетъ быть, г. Скабичевскій незнакомъ съ иностранными авторами? Въ такомъ случаѣ, онъ могъ бы узнать эту истину отъ Бѣлинскаго, онъ бы ее встрѣтилъ у Добролюбова, у Ап. Григорьева; на ней построена вся поэтическая дѣятельность Пушкина, которымъ *теперь* г. Скабичевскій такъ восторгается. Эта истина есть элементарное положеніе всякой критики... — Итакъ, чѣмъ же г. Скабичевскій заключаетъ свою филиппику противъ Тургенева и Гончарова? А вотъ чѣмъ: «Вся тайна ихъ успѣха въ томъ именно и заключается, что они стояли на одномъ уровнѣ съ массой, и всякій находилъ въ нихъ отголосокъ своимъ собственнымъ желаніямъ и взглядамъ. Поч-

Digitized by Google

тенные, солидные Адуевы и Штольцы находили себя польщенными, возвеличенными до идеаловъ».

Таковъ былъ дебютъ г. Скабичевскаго; онъ, видимо, обратилъ на себя вниманіе, и новый критикъ вскорѣ поступилъ постояннымъ сотрудникомъ въ «Отечественныя Записки». Тамъ онъ продолжалъ свою дѣятельность нѣкоторое время, затѣмъ перешелъ въ «Молву», гдѣ печаталъ литературные фельетоны, наконецъ теперь г. Скабичевскій упражняется въ «Новостяхъ». Я, однако, не буду слѣдить за дальнѣйшими его критическими взглядами, по той простой причинѣ, что въ первой своей статьѣ онъ высказался весь и что въ дальнѣйшей его дѣятельности онъ воздержался отъ высказыванія какихъ-либо новыхъ взглядовъ, которые бы не находились уже въ первой статьѣ. Укажу, однако, на два пункта: на его статью о Некрасовѣ и на его мнѣніе о Пушкинѣ.

Статья о Некрасовѣ тѣмъ въ особенности любопытна, что въ ней г. Скабичевскій дѣлаетъ легкій обзоръ нашей лирики съ Ломоносова. По его мнѣнію, въ лирикѣ Ломоносова мы замѣчаемъ полное отсутствіе личности. Предметомъ пѣснопѣній являются исключительно восторги или по поводу величья божья, или по поводу государственной славы, по случаю какого нибудь всероссійскаго торжества. «Подобный характеръ лирики соотвѣтствовалъ вполнѣ общественнымъ условіямъ того времени. Это была вина полнаго развитья крѣпостнаго строя, когда не одни крестьяне были закрѣпощены помѣщиками, но и всѣ классы общества». Указъ о вольности дворянства былъ первою брешью, нанесенной крѣпостному состоянію нашего общества. Освобожденная личность подняла голову, сперва, конечно, скромно, почти еще не дерзала выражать свои собственныя чувства и обобщала выражаемыя чувства. «Это отвлеченно-безплотное выраженіе чувствъ продолжалось вплоть до Пушкина, который придалъ своимъ лирическимъ стихотвореніямъ вполнѣ индивидуально-конкретный характеръ». Можно было бы замѣтить, что даже по отношенію къ русской литературѣ это несовсѣмъ вѣрно, а что касается иностранныхъ литературъ, то и совсѣмъ не вѣрно (я говорю о томъ общемъ положеніи г. Скабичевскаго, по которому характеръ лирики зависитъ *только* отъ того или другаго порабощенія личности), но нашъ критикъ, очевидно, такими пустяками не стѣсняется. Съ Лермонтова,—продолжаетъ онъ,—начинается полное господство личнаго элемента. Но эта личная, до-реформенная лирика поражаетъ бѣдностью содержанія. Г. Скабичевскій подводитъ ее подъ слѣдующія, любопытныя рубрики: 1) самыя элементарныя и рутинныя разсужденія о превратности судьбы и бренности человѣческой жизни; 2) воспѣваніе красотъ природы, преимущественно временъ года, съ ихъ обычными смѣнами; 3) выраженіе разныхъ любовныхъ экстазовъ, при встрѣчахъ, разлукахъ, измѣнахъ и утратахъ; 4) изъявленіе вакхическихъ и эротическихъ восторговъ,—и наконецъ, 5) какъ есте-

Digitized by Google

ственный результатъ крайне безсодержательной жизни—вѣчныя жалобы на скуку, тоску и душевную пустоту, которую нечѣмъ восполнить. Это историко-философское открытіе г. Скабичевскаго интересно въ томъ отношеніи, что оно необыкновенно ясно и просто, и устраняетъ возможность всякихъ мудрствованій. Свое открытіе онъ примѣняетъ только къ русской литературѣ, но дѣлаетъ онъ это, очевидно, изъ скромности, ибо съ такимъ же правомъ его можно примѣнить ко всякой лирикѣ всѣхъ временъ и народовъ; начиная съ Пиндара и кончая Теннисономъ, всѣ лирики—и Сафо, и Анакреонъ, и Овидій, и Теокритъ, и Данте (въ лирическихъ произведеніяхъ), и Шекспиръ (въ сонетахъ), и Гёте, и Шиллеръ, и Мицкевичъ, и Байронъ,—всѣ могутъ быть подведены подъ одну изъ этихъ рубрикъ, изъ чего мы должны заключить съ г. Скабичевскимъ, что всемірная лирика вплоть до Некрасова—до-реформенна, т. е. весь міръ ждетъ еще той реформы, которая уже существуетъ въ Россіи, что эта лирика была и есть результатомъ душевной пустоты и скуки, и стало быть—ничего не стоитъ. «Вѣкъ Некрасова» г. Скабичевскій считаетъ вѣкомъ величайшаго кризиса, вслѣдствіе котораго всѣ старые порядки оказались несостоятельными и стали быстро разрушаться. «Я не знаю,—говоритъ г. Скабичевскій,—долго ли продлился бы этотъ рефлективный періодъ и чѣмъ бы онъ разрѣшился, предоставленный самому себѣ, если-бы въ среду интеллигенціи не вторгнулся новый элементъ,—до сей поры почти не парадировавшій на сценѣ нашей исторіи,—въ лицѣ «разночинца». Разночинецъ явился примирителемъ всѣхъ противорѣчій, мостомъ, перекинувшимся черезъ пропасть, раздѣляющую интеллигенцію отъ всѣхъ ея завѣтныхъ стремленій. Для него не существовало этой пропасти, потому что, не говоря уже о томъ, что по соціальному положенію онъ стоялъ ближе къ народу и лучше зналъ его, но и дѣлилъ съ нимъ одну общую участь, такъ что для него вопросъ о сближеніяхъ и сліяніяхъ не былъ, собственно говоря, вопросомъ». Значеніе Некрасова, по мнѣнію нашего хитроумнаго критика, заключается, такимъ образомъ, именно въ томъ, что «взлелѣяннаго въ нѣдрахъ помѣщичьей среды, судьба словно нарочно выкинула его потомъ изъ нея и заставила его протянуть лямку разночинца въ самомъ тяжеломъ видѣ: борьбы съ голодомъ изъ-за черстваго куска хлѣба,—и изъ его лиры полились совершенно свободные, невѣдомые звуки, съ которыми ничего не имѣетъ общаго ни лирика дореформеннаго періода, ни рефлективная лирика сороковыхъ и пятидесятыхъ годовъ. Эти звуки и довершили значеніе Некрасова, *какъ всеобъемлющаго пѣвца своего народа и вѣка*».

Читатель видитъ, что г. Скабичевскій продолжаетъ дѣлать открытія; на этотъ разъ онъ открылъ намъ, что на лирическаго поэта оказываютъ вліяніе лишь политическія событія. Но это открытіе не такъ несомнѣнно, какъ прежнее. Г. Скабическому, очевидно, неизвѣстно, что рус-

Digitized by Google

ская литература екатерининской эпохи всецѣло подчинялась вліянію Вольтера, Расина, энциклопедистовъ; что Пушкинъ находился подъ вліяніемъ Шекспира и Байрона, Лермонтовъ—Байрона, Жуковскій—Шиллера и т. д. Онъ думаетъ, что умственная сила Европы не оказываетъ никакого дѣйствія на образованіе и направленіе талантовъ нашихъ писателей. Къ несчастію, не признавать этихъ вліяній—значитъ не примѣчать слона. На Некрасовѣ точно также отразилось это вліяніе въ гораздо большей, можетъ быть, степени, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Даже самое направленіе его «музы мести и печали» объясняется гораздо лучше этимъ вліяніемъ, чѣмъ его положеніемъ «разночница», которымъ онъ никогда не былъ. А Ломоносовъ развѣ не разночинецъ? почему же у него нѣтъ «музы мести и печали», а есть муза ликующая и торжествующая? Затѣмъ Пушкинъ, Кольцовъ—оторванные ломти, боровшіеся изъ-за куска хлѣба, стало быть, тоже разночинцы, а между тѣмъ каждый изъ нихъ имѣетъ свою физіономію, свою музу, нисколько не похожую на музу разночинца Некрасова.

Эта теорія приводитъ г. Скабичевскаго къ удивительнымъ курьезамъ, вѣроятно, никогда еще до него не появлявшимся въ печати. По поводу стихотворенія «Буря», онъ напр. говоритъ: «Въ этомъ стихотвореніи вы видите восторгъ восторжествовавшей страсти (каковъ слогъ?) но строфы эти носятъ совершенно иной характеръ и колоритъ, чѣмъ мы привыкли встрѣчать въ различныхъ любовныхъ элегіяхъ предшествующей лирики... Тамъ, въ самомъ разгарѣ страсти не перестаетъ преобладать разлагающій анализъ, унылая рефлексія, которая во всѣ перипетіи страсти вноситъ ѣдкую горечь то взаимныхъ упрековъ, то меланхолическихъ предчувствій непрочности земнаго счастія и пр. Единственнымъ препятствующимъ элементомъ является, опять таки, чисто внѣшнее обстоятельство, представляющееся въ настоящемъ случаѣ въ видѣ бури, которая грозитъ помѣшать свиданію; но и буря оказывается нипочемъ, потому что Любушка-сосѣдка, въ свою очередь, не отступитъ передъ препятствіемъ, въ виду счастія любви и, вопреки подозрѣніямъ счастливаго любовника, вовсе не такая пугливая нѣженка, чтобы въ бурю за ворота было ей выйти за диво». Г. Скабичевскій, очевидно, думаетъ, что такъ относиться къ страсти можетъ только счастливый разночинецъ!..

Наконецъ г. Скабичевскій утверждаетъ, что между интеллигентными людьми сороковыхъ годовъ и «разночинцемъ» нашего времени существуетъ радикальная разница и по отношенію къ борьбѣ съ нищетой. Интеллигентный человѣкъ сороковыхъ годовъ «со своею проснувшеюся совѣстью, при всѣхъ своихъ гамлетовскихъ рефлексіяхъ», все таки остался тѣмъ-же изнѣженнымъ и праздднымъ бариномъ и продолжалъ пользоваться всѣми благами жизни; разночинецъ же, подъ гнетомъ борьбы съ нищетой, обыкновенно «*запиваетъ*». Такъ коментируетъ г. Скабичевскій стихотворе-

Digitized by Google

ніе Некрасова, гдѣ встрѣчается стихъ: «одна открыта торная дорога къ кабаку». Выходитъ, что только разночинецъ пьянствуетъ, а интеллигентный человѣкъ сороковыхъ годовъ «въ ротъ хмѣльнаго не беретъ» и, взамѣнъ этого спасительнаго средства, открытаго разночинцемъ, занимается гамлетовскими рефлексіями!...

Перейдемъ теперь къ Пушкину. Г. Суворинъ — недавно — обвинялъ нашего критика въ томъ, что по его (критика) мнѣнію поэзія Пушкина пуста, иногда пошла, что критикъ не видитъ въ Пушкинѣ никакой народности или реализма, что Пушкинъ имѣетъ только историческое значеніе и проч. Г. Скабичевскій обидѣлся и обвинилъ, въ свою очередь, г. Суворина въ недобросовѣстностномъ цитированіи его прежней статьи. Въ видѣ оправданія, онъ приводитъ цѣлое мѣсто, въ которомъ выражена «вся *суть* его тогдашнихъ взглядовъ на Пушкина» и... «смѣло кладетъ его (это мѣсто) къ подножью великаго поэта». Что же однако оказывается? Оказывается именно то, что говорилъ г. Суворинъ. Г. Суворинъ вполнѣ вѣрно, безъ всякихъ преувеличеній, резюмировалъ содержаніе статьи, если вообще о содержаніи ея можетъ быть какой нибудь вопросъ. Такъ, въ одномъ мѣстѣ г. Скабичевскій говоритъ: «Повѣсти Бѣлкина представляются намъ *верхомъ безсодержательности и пошлости*. Но что же было дѣлать (такъ оправдываетъ онъ Пушкина), если жизнь того времени была столь пошла, что не могла дать лучшаго содержанія, а *поэтъ былъ такъ мало развитъ*, что не могъ осмыслить этой пошлости». Далѣе мы читаемъ: «Если съ современной намъ точки зрѣнія мы не видимъ въ Пушкинѣ никакой народности или реализма (г. Скабичевскій, очевидно, смѣшиваетъ понятіе народности съ понятіемъ реализма) въ истинномъ значеніи этихъ словъ, то относительно его времени, *пожалуй*, его можно назвать народнымъ и реальнымъ поэтомъ». Послѣднія два слова представляютъ собою нѣкоторую загадку, вѣроятно, потому, что нашъ критикъ распорядился довольно своеобразно съ русской грамматикой. «Реальнымъ» поэтомъ Пушкинъ былъ во всякомъ случаѣ, ибо онъ существовалъ въ самомъ дѣлѣ, а не фиктивно лишь; но г. Скабичевскій, какъ кажется, хотѣлъ сказать, что Пушкинъ былъ поэтомъ-реалистомъ,—а это далеко не одно и то же.

Всѣхъ этихъ выходокъ г. Скабичевскій скрыть не могъ и поэтому всю вину сваливаетъ на свою незрѣлость. «Но вѣдь нужно принять во вниманіе,—говоритъ онъ,—и то время, когда была написана моя статья, и мои годы тогда. Въ то время мы только что успѣли пережить шестидесятые годы (какъ долго, однако же, вы переживали ихъ!) и молодые люди того времени были еще подъ сильнымъ ихъ вліяніемъ. Тогда требовалось еще, чтобы каждая строка писателя непремѣнно была проникнута политическими идеями, и что не было ими проникнуто, все это считалось пошлостью, будь это хоть разгеніально. Развитымъ писателемъ

Digitized by Google

могъ считаться только тотъ, кто прочелъ, если не Карла Маркса, то, по крайней мѣрѣ, Прудона; быть реальнымъ и народнымъ въ истинномъ значеніи этихъ словъ,—значило изображать общественныя язвы въ видахъ служенія интересамъ народа. Конечно, съ этихъ точекъ зрѣнія (подумаешь, какъ много точекъ зрѣнія было тогда у г. Скабичевскаго) за Пушкинымъ можно было признать лишь историческое значеніе...» Дѣйствительно,—быль молодцу не укоръ, но, раскаиваясь такимъ образомъ въ своихъ прежнихъ прегрѣшеніяхъ, г. Скабичевскій самъ надъ собой поставилъ приговоръ. Г. Скабичевскій—не Бѣлинскій и намекать на великаго критика, который то же будто бы мѣнялъ свои мнѣнія,—довольно странно. Бѣлинскій мѣнялъ свои мнѣнія относительно роли и значенія искусства, слѣдовательно, переходилъ отъ одного философскаго положенія къ другому, но въ конкретныхъ понятіяхъ (напр. что̀ такое народность? что̀ такое реализмъ?) онъ всегда оставался вѣренъ себѣ, какъ и всякій мало мальски умный человѣкъ, который знаетъ, что̀ говоритъ. Съ другой стороны, г. Скабичевскій выступалъ на литературное поприще не только взрослымъ человѣкомъ, но даже «великовозрастнымъ», бывши уже нѣсколько лѣтъ учителемъ гимназіи, если не ошибаюсь; стало быть, его тогдашнія мнѣнія не есть lapsus linguae, а просто недомысліе, которое смѣнилось другимъ недомысліемъ. Съ теченіемъ времени, даже для г. Скабичевскаго стало ясно, что съ Карломъ Марксомъ и Прудономъ въ критикѣ далеко не уѣдешь, и потому онъ отказался отъ своихъ прежнихъ кумировъ и заговорилъ о какой-то «жизненности и художественности», не имѣя опредѣленнаго представленія о томъ, что̀ такое означаютъ эти слова. Что его нынѣшнее «міровоззрѣніе» не лучше прежняго,—тому читатели могли видѣть доказательства, взятыя мною изъ статьи его о Некрасовѣ, принадлежащей уже ко второй «манерѣ». Больше о г. Скабичевскомъ, при всемъ моемъ желаніи, ничего сказать не могу.

Отживающая школа создала и еще одного «критика» — г. А. Введенскаго. Я причисляю его къ «школѣ», на основаніи нѣкотораго смутнаго представленія о его направленіи, хотя, правду сказать, невполнѣ увѣренъ въ этомъ, такъ какъ г. Введенскій не высказываетъ своихъ мнѣній съ должною ясностью, и прійти къ какому нибудь опредѣленному заключенію о томъ, что̀ именно онъ имѣетъ въ виду сказать,—едва ли представляется возможнымъ. Въ этомъ отношеніи, г. Введенскій представляетъ прямую противоположность г. Скабичевскому. Г. Скабичевскій—простъ и ясенъ, какъ ребенокъ, онъ выкладываетъ все, что̀ ему взбредетъ на умъ, онъ не отуманенъ никакими сложными понятіями философіи и науки, онъ «свободенъ» отъ всякой премудрости и съ художественными произведеніями обращается также просто, какъ мужикъ обращается съ какимъ-нибудь плотничьимъ издѣліемъ, оцѣнивая его пригодность для своего хозяйства, его доброту, его стоимость; однимъ сло-

Digitized by Google

вомъ, г. Скабичевскій—вполнѣ непосредственная натура, нѣчто въ родѣ героевъ «Нибелунговъ» или «Иліады», и въ этомъ отношеніи его можно уподобить невинному ребенку. Г. Введенскій, напротивъ того, всегда является съ какимъ-то хитрымъ вывертомъ, онъ «словечка въ простотѣ не скажетъ, все съ ужимкой», онъ любитъ окутывать свою мысль въ такую замысловатую фразу, что мысль безвозвратно утопаетъ въ ней, и читатель напрасно сталъ бы ее искать; къ тому же его языкъ такъ своеобразенъ и необыченъ, онъ такъ сильно расходится съ требованіями грамматики, и логики, — что говорить о «мнѣніяхъ» г. Введенскаго я считаю крайне рискованнымъ, боясь ошибиться и сказать не то, что въ нихъ находится дѣйствительно. Приведу въ доказательство моихъ словъ нѣсколько примѣровъ, взятыхъ мною совершенно наудачу.

Въ газетѣ «Восточное Обозрѣніе» за 1887 годъ, № 3, въ статьѣ г. Введенскаго о Короленко, мы встрѣчаемъ, между прочимъ, слѣдующую фразу: «Или г. Короленко настолько равнодушенъ къ гнетущимъ, къ жгучимъ современнымъ вопросамъ, волнующимъ человѣческія общества, что строемъ своихъ убѣжденій, выражающихся въ его произведеніяхъ, ни въ комъ не вызываетъ ни согласія, ни протеста, ни съ кѣмъ не солидаренъ и никому *не, такъ сказать*, противоположенъ своими убѣжденіями? Или, быть можетъ, онъ стоитъ *такъ высоко надъ дѣлами человѣческими*, что уже всѣ помыслы его внѣ той сферы, въ которой совершается борьба мысли, убѣжденій? Но, конечно, самаго поверхностнаго взгляда достаточно, чтобъ увидѣть немедленно *довольно неизмѣримое* разстояніе между г. Короленкомъ и такими геніальными представителями *словеснаго искусства*, какъ безстрастный олимпіецъ Гёте»... Въ другомъ мѣстѣ, полемизируя съ г. Арсеньевымъ по поводу г. Майкова («Русскія Вѣдомости», 1886 г., № 102), г. Введенскій говоритъ, «что въ самой идеѣ существеннѣйшій элементъ любовь или отвращеніе къ задуманному образу, это—бо́льшая или меньшая субъективность автора, а не тенденціозность; но что, сохрани Боже, если авторъ захочетъ что нибудь, мысль, выдуманную имъ (?) а не заключенную въ жизни, доказать подборомъ фактовъ, то и есть—тенденціозность». Вѣроятно, эта фраза также таинственна для читателя, какъ и для меня. Предупреждаю, что я оставилъ знаки препинанія въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, въ которыхъ они находятся у г. Введенскаго, не увѣренный, что перестановка ихъ или измѣненіе можетъ облегчить пониманіе. Въ другомъ фельетонѣ той же газеты (1886 г. № 96) читаемъ: «*Не весьма возможно* сказать то же самое про писателя русскаго современнаго... Пессимизмъ, примѣненный къ незнакомой средѣ, да еще писателемъ ниже, чѣмъ средняго образованія и лишеннымъ *идейныхъ воззрѣній* на жизнь (значитъ, бываютъ и не идейныя воззрѣнія?), конечно, явится *уже совсѣмъ вещью образа печальнаго*» (это что́ же такое: вещью образа?).

Digitized by Google

Въ томъ же фельетонѣ мы встрѣчаемъ еще одно удивительное «мнѣніе». Г. Введенскій говоритъ о романахъ, взятыхъ изъ литературнаго быта, и приходитъ къ убѣжденію, что «этотъ предметъ въ сущности мало интересенъ»; затѣмъ, переходя къ роману г. Сибиряка на тотъ же сюжетъ, прибавляетъ: «Но при совершенной ограниченности сферы наблюденія, для авторовъ неблагодарный предметъ этотъ, которому можно пожелать скорѣйшаго *отступленія* изъ сферы литературы, приманиваетъ всѣхъ». Затѣмъ, г. Введенскій принужденъ «бить отбой», ибо романъ г. Сибиряка, «насколько его напечатано... можетъ служить, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствомъ, что талантливый писатель *можетъ*, если онъ съумѣетъ *остаться* на почвѣ справедливости и безпристрастія, *остаться* въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ описаніе жизни литературнаго міра *можетъ* быть *въ высшей степени интереснымъ*. Съ этой точки зрѣнія въ немъ можно найти *оригинальнѣйшіе* характеры, *любопытнѣйшія* положенія». Эту послѣднюю цитату я привелъ потому, что въ ней соединяются вкупѣ удивительное изящество слога г. Введенскаго и его не менѣе удивительная логика: такъ, въ одномъ столбцѣ онъ говоритъ, что такой предметъ, какъ литературный міръ, для романа не годится, ибо *мало интересенъ*, а черезъ нѣсколько строкъ этотъ предметъ уже является въ *высшей степени интереснымъ*, и наконецъ, еще черезъ нѣсколько строкъ, въ этомъ предметѣ можно найти *оригинальнѣйшіе* характеры и *любопытнѣйшія* положенія.

Читатель видитъ, что при такой ясности изложенія говорить о критическомъ пріемѣ г. Введенскаго, о его взглядахъ на искусство и на критику, о его «манерѣ», наконецъ о его направленіи — совершенно излишне.

XI.

Въ первоначальномъ планѣ этой статьи я намѣревался поговорить, между прочимъ, и о другихъ современныхъ русскихъ критикахъ,—главнымъ образомъ о К. К. Арсеньевѣ и В. П. Буренинѣ. Г. Буренинъ подвизается на поприщѣ критики лѣтъ двадцать, а г. Арсеньевъ около десяти лѣтъ. Свое намѣреніе я, однако, принужденъ оставить до другаго раза: къ нимъ я еще вернусь впослѣдствіи, какъ и къ г. Антоновичу. По моему мнѣнію, эти три критика стоятъ самостоятельно, внѣ образовавшихся у насъ школъ, и каждый изъ нихъ заслуживаетъ особеннаго этюда. Оставляя эти этюды на будущее, которое, надѣюсь, не заставитъ себя долго ждать, я, въ настоящую минуту, хочу сказать нѣсколько заключительныхъ словъ вообще о современномъ состояніи нашей критики.

Первое, что невольно бросается въ глаза въ нашей критикѣ, это—безусловное господство публицистической критики и полнѣйшее отсутствіе

Digitized by Google

критики эстетической или художественной. Эстетическая критика умерла у насъ вмѣстѣ съ Эдельсономъ; философская—вмѣстѣ съ Ап. Григорьевымъ; что же касается «художественной» (не по отношенію къ пластическимъ искусствамъ, а по отношенію къ поэзіи), то ее, если не ошибаюсь, никогда у насъ и не было. Къ понятію «художественной» критики, до извѣстной степени, приближаются статьи К. К. Арсеньева, но и этотъ писатель слишкомъ часто, по моему мнѣнію, прибѣгаетъ къ публицистическому пріему, напр. въ своихъ статьяхъ о Щедринѣ.—Это преобладаніе публицистики составляетъ одно изъ любопытнѣйшихъ явленій нашего времени. «Русскій Вѣстникъ», какъ извѣстно, и прежде, и теперь, стоялъ на сторонѣ эстетической критики, но вспомните статьи, помѣщавшіяся въ этомъ журналѣ, — хоть статьи покойнаго Щебальскаго, — всѣ онѣ подъ маской эстетики занимались перебранкой съ противоположнымъ лагеремъ русской журналистики и въ сущности употребляли такой же узкій публицистическій пріемъ, какъ и «направленцы». Разница заключалась (да и заключается до сихъ поръ) только въ томъ, что поборники реакціи кричатъ вообще противъ безнравственности, вопятъ о подрываніи всѣхъ общественныхъ основъ, а критики-прогрессисты упрекаютъ разбираемаго писателя за то, что онъ слишкомъ занимается предметами, не имѣющими въ ихъ глазахъ интереса, смѣетъ копаться въ такихъ избитыхъ и грязныхъ темахъ, какъ супружеская невѣрность, чувственный развратъ, нравы привилегированныхъ сословій общества. Какъ ретрограды, такъ и прогрессисты—одинаково нетерпимы. Но еще хуже то, что ихъ нетерпимость упражняется не въ области идей, общихъ положеній, теорій, а лишь въ области личностей. У каждаго лагеря есть свои излюбленные писатели и писатели, почему-то имъ ненавистные. Такъ напр., что бы ни написалъ г. Глѣбъ Успенскій,—его непремѣнно будетъ хвалить г. Скабичевскій, а ретрограды столь же непремѣнно будутъ его ругать. Еще недавно Болеславъ Маркевичъ былъ излюбленнымъ писателемъ ретроградовъ,—хотя онъ былъ писателемъ въ гораздо бо́льшей степени тенденціознымъ, чѣмъ напр. Рѣшетниковъ; тѣмъ не менѣе, ретрограды его хвалили, а прогрессисты ругали. Подобныхъ примѣровъ можно было бы представить сотни. Встрѣчаются примѣры и еще болѣе любопытные: Тургеневъ долгое время помѣщалъ свои произведенія въ «Русскомъ Вѣстникѣ», и тогда былъ въ фаворѣ у ретроградовъ; затѣмъ, уже послѣ «Отцовъ и дѣтей», онъ перешелъ въ противоположный лагерь,—въ «Вѣстникъ Европы»,—и съ тѣхъ поръ ретрограды его ругаютъ.

Все это показываетъ, что русская критика понизилась и измельчала, что она не отвѣчаетъ болѣе своему назначенію, не стоитъ на высотѣ своего положенія, является орудьемъ совершенно посторонних цѣлей, свернула съ пути, указаннаго ей Бѣлинскимъ. Но указавъ на фактъ, необходимо указать и на причины, создавшія его. А причины эти, какъ мнѣ

Digitized by Google

кажется, вполнѣ ясны: онѣ находятся въ самой жизни. Кому неизвѣстно, что русское общество переживаетъ крайній общественный кризисъ, что оно находится на перепутьѣ между старымъ, отъ котораго оно уже отрѣшилось, и невѣдомымъ новымъ, къ которому оно повернуло? Гдѣ наши умственные и нравственные идеалы, которые служили бы намъ путеводной звѣздой? Неувѣренные въ прочности и непогрѣшимости общественнаго строя, увлеченные жизненной борьбой, мы по необходимости оставляемъ въ сторонѣ всѣ умозрительные выпросы и сводимъ все къ извѣстной злобѣ дня, потому что въ этой злобѣ—нашъ дѣйствительный, живой интересъ. Уже одно развитіе газетнаго дѣла въ ущербъ такъ называемой толстой журналистикѣ указываетъ на этотъ поворотъ, на то, что общественная или, вѣрнѣе, практическая дѣятельность выступила на первый планъ и что критическое резонерство сороковыхъ годовъ, какъ бы оно само по себѣ почтенно ни было,—n'est pas de saison для нашего времени. То же самое замѣчается и въ нашей (какъ, впрочемъ, и въ европейской) беллетристикѣ. Что интересъ къ чистому искусству, къ художественному творчеству увеличился въ наше время, сравнительно съ тѣмъ что было въ шестидесятыхъ годахъ,—это безспорно. Но посмотрите на продукты нашей художественной дѣятельности, попробуйте опредѣлить существенный характеръ ея, и вы, безъ всякаго сомнѣнія, придете къ заключенію, что наша беллетристика, — по крайней мѣрѣ, на половину,—имѣетъ характеръ публицистическій, какъ беллетристика шестидесятыхъ годовъ имѣла характеръ обличительный, тенденціозный и поучительный. Развѣ г. Глѣбъ Успенскій—не публицистъ въ самомъ рѣзкомъ значеніи этого слова? Развѣ у Альфонса Додэ,—этого корифея французскаго реализма,—не замѣчается публицистической струйки? Развѣ самъ Золя не обличаетъ безнравственности и испорченности французскаго общества? Я знаю, что мнѣ можно отвѣтить на это: реализмъ, нелицепріятно изучая дѣйствительность, по необходимости принужденъ обнаруживать не только хорошія, но и дурныя стороны общества и, если въ его произведеніяхъ является обличеніе и публицистическая точка зрѣнія, то только какъ неизбѣжное и побочное слѣдствіе, и, несмотря на это, реализмъ не теряетъ своего научнаго, строго объективнаго характера. Все это можетъ быть и такъ, но, тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что въ самомъ живомъ проявленіи творческой силы нашего времени—точка зрѣнія публициста играетъ немаловажную роль. Почему же, признавая законность этой точки зрѣнія въ романѣ—не признать ея и въ критикѣ? Критика имѣетъ своимъ предметомъ такой же живой, общественный объектъ, какъ и искусство.—Вотъ почему критика окрашивается все больше и больше, если не въ тенденціозный, то, по крайней мѣрѣ, въ публицистическій тонъ и трактуетъ художественное произведеніе не съ точки зрѣнія тѣхъ или другихъ эстетическихъ законовъ, а живой дѣйствительности, тѣхъ непо-

Digitized by Google

средственныхъ живыхъ выводовъ, которые это произведеніе вноситъ въ общественное сознаніе. Отсюда два слѣдствія. Съ одной стороны, критика теряетъ свое теоретическое, преобладающее значеніе и превращается въ болѣе или менѣе подробный, въ болѣе или менѣе односторонній «отчетъ»; съ другой стороны, она мельчаетъ, потому что, не имѣя возможности затрогивать общіе теоретическіе вопросы, она принуждена лишь бѣгло указать на самое существенное, — а для нашего времени самое существенное—это живая общественная струя. Вотъ почему критика въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала не только при Бѣлинскомъ, но и при Добролюбовѣ—не можетъ возродиться. Вотъ почему, точно также, совершенно безполезно ссылаться въ этомъ отношеніи на примѣръ Запада. Умственный и нравственный уровень массъ въ западной Европѣ значительно выше, и тамъ понятны возникновеніе и существованіе самыхъ крайнихъ и разнообразныхъ направленій и школъ. Тамъ и теоретическая мысль находитъ себѣ почву въ той же мѣрѣ, какъ и самая широкая общественная или политическая дѣятельность. Тамъ есть почва для разработки вопросовъ чистаго искусства, какъ есть почва для серьезной научной или раціоналистической критики.

Но и на Западѣ можно замѣтить тотъ же поворотъ. Густавы Планши въ западной Европѣ также безповоротно исчезли, какъ у насъ исчезли Бѣлинскіе. Критика въ западной Европѣ, — за весьма малыми исключеніями,—какъ и у насъ, превратилась въ болѣе или менѣе бѣглый, болѣе или менѣе односторонній отчетъ, приправленный опять таки публицистической струей. Читайте критическіе отчеты въ англійскихъ, французскихъ, нѣмецкихъ газетахъ и журналахъ, — вы убѣдитесь въ этомъ. Серьёзная критическая мысль тамъ вылилась въ другую область, — въ объемистый теоретическій или историческій трактатъ, въ солидную монографію, въ самостоятельное изслѣдованіе, обработанное научнымъ методомъ, въ ученое изысканіе, въ которомъ,—какъ это само собой разумѣется,—не можетъ быть мѣста публицистической точкѣ зрѣнія. Даже Тэнъ, — этотъ живой критическій темпераментъ,—въ своихъ первоначальныхъ опытахъ, изданныхъ въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, никогда не разбиралъ произведеній авторовъ живущихъ (исключеніе можетъ составить только Камилла Сельденъ, о которой онъ напечаталъ статью въ «Journal des Débats»), предоставляя это дѣло газетнымъ рецензентамъ. Онъ бралъ обыкновенно одного изъ великихъ писателей прошлаго, — Бальзака или Расина, Лафонтена или Флешье,—и подвергалъ складъ ихъ ума, воспитаніе, различныя вліянія, среду, въ которой они жили, строго-научному, на три четверти спеціально историческому изслѣдованію, возстановляя такимъ образомъ живую гармонію взаимодѣйствія писателя на среду и окружающей среды на писателя. Потомъ, даже и этотъ родъ изслѣдованій Тэнъ оставилъ и написалъ уже чисто историческое изслѣдованіе: «Исторію англій-

Digitized by Google

ской литературы». Затѣмъ перешелъ къ изысканіямъ уже вполнѣ теоретическимъ и написалъ свою книгу «Объ умѣ и познаніи». А между тѣмъ нельзя сказать, чтобы Тэнъ былъ умъ по преимуществу кабинетный или теоретическій, подобно, напримѣръ, Спенсеру или Гёкели. Насколько этотъ умъ живой и впечатлительный, это доказывается такими сочиненіями, какъ «Notes sur Paris», «Notes sur l'Angleterre»,—гдѣ рѣзкая публицистическая струя, по временамъ, принимаетъ живую форму сатиры или насмѣшки.

Подобно западной Европѣ, и у насъ критика, измельчавшая и безсодержательная, договорившаяся до абсурдовъ, мало по малу переходитъ въ область науки и тамъ, измѣняя пріемъ и методъ, создаетъ произведенія, имѣющія самостоятельную цѣнность и научную важность. Что же касается собственно критики, то она, разумѣется, окончательно не погибнетъ, потому что является потребностью; переживъ наше безплодное время, — она снова завоюетъ себѣ почетное мѣсто въ русской литературѣ, отказавшись отъ роли, не принадлежащей ей, и обосновавъ свои выводы болѣе серьезнымъ, философскимъ образомъ.

В. Чуйко.

Digitized by Google

НЕВѢСТА НИЛА.

Романъ **Георга Эберса.**

XXXI.

Оріонъ ѣхалъ верхомъ въ Фостатъ, и тутъ его недавняя веселость уступила мѣсто печальному раздумью. Неужели Паула не могла посвятить ему хотя нѣсколькихъ минутъ? А между тѣмъ она ограничилась только ласковымъ рукопожатіемъ при встрѣчѣ и благодарнымъ взглядомъ, послѣ чего немедленно исчезла во внутреннихъ комнатахъ, уведя съ собой маленькую Марію. Если бы дамаскинка платила Оріону пламенной любовью за его пылкое чувство, она радостно бросилась бы ему на встрѣчу. Неужели гордая душа этой дѣвушки, которую Нефорисъ называла холодной и неприступной, совершенно неспособна къ самоотверженной преданности? Невольное сомнѣніе закралось въ сердце юноши, и чувство обманутой надежды мучительно терзало его. Онъ мечталъ о разговорѣ наединѣ, мечталъ услышать отъ Паулы искреннее признаніе: „я люблю тебя“ и обмѣняться съ ней первымъ блаженнымъ поцѣлуемъ.

Упавшій духомъ, раздраженный, взошелъ Оріонъ въ домъ полководца. Ему встрѣтились просители, потерпѣвшіе неудачу, и сыну мукаукаса пришло въ голову, что его ожидаетъ та же участь. Быть униженнымъ и кѣмъ же?

Онъ велѣлъ доложить о себѣ и немного ободрился, когда былъ немедленно введенъ въ пріемную. Амру встрѣтилъ пришедшаго отечески ласково и, узнавъ о крупномъ столкновеніи между нимъ и патріархомъ, вскочилъ съ мѣста, протягивая Оріону обѣ руки.

— Согласись перейти въ исламъ, воскликнулъ онъ, и я тотчасъ сдѣлаю тебя, именемъ моего государя, калифа, преемникомъ твоего отца, несмотря на твою молодость. Полно колебаться! Соглашайся скорѣе! Мнѣ грустно покидать Египетъ, зная, что Мемфисъ остается безъ намѣстника.

Искушеніе было слишкомъ велико; голова Оріона пошла кру-

Digitized by Google

гомъ. Сдѣлаться преемникомъ своего отца, новымъ мукаукасомъ! Такая перспектива была черезчуръ соблазнительна, она льстила тщеславію юноши, открывая передъ нимъ широкое поле гражданской дѣятельности. Онъ былъ уже готовъ принять предложеніе своего могущественнаго покровителя, какъ вдругъ передъ его глазами всталъ, какъ живой, образъ Искупителя, съ которымъ сынъ Георгія заключилъ тайный союзъ передъ святымъ алтаремъ. Христосъ печально отвернулъ отъ вѣроотступника свой кроткій ликъ. Это немедленно отрезвило Оріона. Онъ вспомнилъ свою торжественную клятву, забылъ обиду, нанесенную Паулой, и хотя взялъ протянутую ему правую руку полководца, но лишь для того, чтобы поднести ее къ губамъ и поблагодарить Амру отъ всего сердца. Юноша умолялъ почтеннаго араба не сердиться на него за то, что онъ не хочетъ измѣнить вѣрѣ отцовъ своихъ, и полководецъ не выразилъ никакого неудовольствія, но нѣсколько холодно посовѣтовалъ Оріону остерегаться патріарха, отъ котораго нельзя было защищать его до тѣхъ поръ, пока сынъ Георгія останется христіаниномъ.

Когда Оріонъ сообщилъ о своемъ намѣреніи покинуть на короткое время Мемфисъ и прибавилъ, что пріѣхалъ проститься, Амру съ досадой поднялся на ноги. Ему также предстояло безотлагательно отправиться въ Медину, сказалъ онъ.

— Такъ какъ я имѣлъ въ виду довѣрить тебѣ высокій постъ твоего отца, началъ съ одушевленіемъ полководецъ, то и отыскалъ достойную тебя задачу. Если ты съумѣешь съ ней справиться, то докажешь этимъ, что я не ошибся въ тебѣ. Ты остаешься при своей вѣрѣ, а для меня невозможно поставить христіанина твоихъ лѣтъ во главѣ управленія Мемфисомъ. Еслибы ты былъ мусульманиномъ, тогда другое дѣло. Но если тебѣ удастся исполнить мое порученіе, это принесетъ пользу и тебѣ самому и, какъ я надѣюсь, цѣлой провинціи. Мною начато въ Египтѣ множество нововведеній и мое присутствіе здѣсь необходимо, а между тѣмъ я покидаю завоеванную страну для ея же собственнаго блага, хотя Амру не болѣе какъ чужестранецъ для египтянъ. Мой путь лежитъ въ Медину; калифъ упрекаетъ меня въ послѣднемъ письмѣ за то, что я высылаю мало денегъ изъ такой плодоносной страны; а между тѣмъ ни одинъ динарій изъ вашихъ податей не попадаетъ въ мой кошелекъ, зато у меня работаетъ полтораста тысячъ человѣкъ, которые возобновляютъ каналы и водопроводы, запущенные моими предшественниками, византійскими кровопійцами. Они довели страну до постыднаго запустѣнія, и мнѣ приходится созидать все вновь, приготовляя жатву

Digitized by Google

для будущаго, а это стоитъ денегъ, поглощая бо́льшую часть доходовъ. Я хочу не только оправдаться передъ Омаромъ, но и убѣдить его въ необходимости заботиться объ истинномъ благѣ Египта, не жалѣя никакихъ средствъ. Арабы не должны быть грабителями. Мнѣ очень непріятно уѣзжать отсюда, и ты, молодой человѣкъ, если дорожишь своимъ отечествомъ... Скажи мнѣ? любишь ли ты его и желаешь ли ему добра?

— Отъ всей души! воскликнулъ юноша.

— Въ такомъ случаѣ, тебѣ слѣдуетъ остаться дома и всецѣло посвятить себя задачѣ, которую я выбралъ для тебя; всякое промедленіе для меня ненавистно. Какъ на полѣ брани я не люблю ѣздить туда и сюда, изнуряя силы коня, а прямо ударяю на врага; того же самаго правила придерживаюсь я и въ другихъ обстоятельствахъ. Воспользуйся этимъ урокомъ, тебѣ нельзя терять времени, потому что я требую отъ тебя не легкаго подвига. Опираясь на знаніе своей страны, ея обитателей, а также съ помощью чертежей и списковъ въ архивахъ твоего отца, ты долженъ выработать новое раздѣленіе страны на участки, основанное на размѣрахъ податей въ отдѣльныхъ округахъ. Старое распредѣленіе налоговъ оказывается неподходящимъ; мы чувствуемъ это ежедневно; ты найдешь обширное поле для улучшеній всякаго рода: уничтожь существовавшее прежде, если находишь нужнымъ. Другимъ изъ моихъ приближенныхъ также поручено заняться дѣленіемъ страны на участки и отысканіемъ новаго способа для сбора податей; лучшему плану будетъ отдано предпочтеніе, и мнѣ кажется, что побѣда останется за тобою, послѣ чего я дамъ тебѣ новую должность. Пожалуй, въ вашемъ печальномъ Мемфисѣ ты испытываешь скуку и недостатокъ столичныхъ удовольствій, къ которымъ привыкъ...

— Нѣтъ, господинъ, прервалъ Оріонъ. Моя поѣздка имѣетъ совсѣмъ другую цѣль и можетъ послужить мнѣ только во вредъ; еслибъ я не связалъ себя честнымъ словомъ, то завтра же всею душой отдался бы новому дѣлу. Твое довѣріе ко мнѣ въ такихъ важныхъ вопросахъ дѣлаетъ меня безконечно счастливымъ; ради того, чтобъ оправдать его, я постараюсь какъ можно скорѣе вернуться обратно и приложить къ дѣлу весь свой умъ, всю проницательность, все мое рвеніе и любовь къ отечеству. Я былъ когда-то прилежнымъ ученикомъ и надѣюсь не оказаться и теперь нерадивымъ.

— Прекрасно, прекрасно, возразилъ полководецъ, протягивая Оріону руку.—Старайся сдѣлать все возможное, я дамъ тебѣ случай вполнѣ развернуть свои силы; не забывай моихъ пре-

Digitized by Google

достереженій: берегись патріарха и чернаго векила; къ несчастью, мнѣ некѣмъ его замѣнить, кромѣ честнаго кади Отмана, но тотъ, во-первыхъ, не воинъ, а, во-вторыхъ, необходимъ въ своей должности. Избѣгай столкновеній съ Обадою, возвращайся скорѣе домой и да хранитъ тебя милосердый Богъ!...

Переѣзжая обратно пловучій мостъ, Оріонъ увидѣлъ разукрашенную нильскую барку, стоявшую въ гавани на якорѣ, а на самой набережной рѣки ему встрѣтились двое носилокъ, за которыми слѣдовали вьючныя животныя и рабы. Кортежъ отличался блескомъ, указывая на знатное происхожденіе пріѣзжихъ. Въ другое время это возбудило бы любопытство юноши, но теперь онъ только на минуту заинтересовался вопросомъ, кто такіе вновь прибывшіе въ Мемфисъ? Вслѣдъ затѣмъ, Оріонъ снова углубился въ задачу, поставленную ему полководцемъ. Онъ искренно проклиналъ тотъ часъ, когда обязался честнымъ словомъ вступиться за незнакомыхъ людей. Теперь, когда ему надоѣла праздность и впереди ожидало живое дѣло на пользу отчизны, онъ не могъ дѣйствовать свободно.

На слѣдующее утро, завѣщаніе Оріона было засвидѣтельствовано законнымъ порядкомъ; послѣ того, молодой человѣкъ призвалъ къ себѣ казначея; желая переговорить съ нимъ съ глазу на глазъ, онъ находилъ нужнымъ посвятить хотя одного человѣка въ домѣ въ свою тайну, и выборъ хозяина палъ на преданнаго Нилуса. Казначей пригласилъ своего господина въ имплувіумъ собственной квартиры, куда они отправились прямо изъ канцеляріи. Одинъ изъ сидѣвшихъ тамъ писцовъ, красивый шестнадцатилѣтній мальчикъ съ загорѣлымъ лицомъ и умными, живыми, черными, какъ уголь, глазами, не проронилъ ни слова изъ разговора между Нилусомъ и Оріономъ.

Когда они ушли, онъ неслышно поднялся съ мѣста и выскользнулъ въ прихожую; оттуда юноша пробрался на голубятню, а съ голубятни на крышу нижняго этажа; онъ проползъ по ней на животѣ до большаго четырехъ-угольнаго отверстія, откуда проникалъ свѣтъ и воздухъ въ открытый сверху имплувіумъ. Быстрымъ движеніемъ руки шпіонъ слегка отодвинулъ парусину, закрывавшую потолокъ комнаты въ полуденный зной, и принялся напряженно прислушиваться къ разговору, происходившему внизу. Этотъ мальчикъ былъ Анубисъ, молочный братъ Катерины; онъ, повидимому, не уступалъ своей госпожѣ въ искусствѣ подслушиванія и недаромъ подвергалъ себя раскаленнымъ лучамъ неумолимаго африканскаго солнца. Катерина, обожаемая подруга его дѣтскихъ игръ, владычица его моло-

Digitized by Google

даго, страстнаго сердца, обѣщала ему сладкій поцѣлуй, если Анубисъ разузнаетъ всѣ подробности насчетъ опаснаго путешествія Оріона. Мальчикъ сообщилъ ей вчера вечеромъ то, что происходило въ прихожей казначейства, но эти общія указанія не удовлетворили бывшую невѣсту Оріона; она хотѣла узнать все до мелочей и вѣрно отгадала, какая награда можетъ заставить мальчика выполнить нелегкій подвигъ.

Смѣлый разсчетъ Анубиса немедленно оправдался; едва только успѣлъ онъ отодвинуть парусину, какъ Оріонъ сталъ посвящать Нилуса въ свои планы. Выслушавъ все до конца, шпіонъ не сталъ дожидаться отвѣта казначея; не помня себя отъ радости, онъ оставилъ свой обсерваціонный пунктъ, заранѣе предвкушая сладость обѣщаннаго поцѣлуя; но ему было нельзя вернуться назадъ прежнимъ путемъ; еслибъ онъ встрѣтилъ въ прихожей одного изъ старшихъ чиновниковъ, то его немедленно прогнали бы обратно въ канцелярію. Во избѣжаніе непріятной встрѣчи, Анубисъ добрался до карниза крыши со стороны, выходившей къ рыбачьей гавани, и сталъ спускаться внизъ по водосточной трубѣ; къ несчастью, труба оказалась очень старой,—дожди въ Мемфисѣ представляютъ большую рѣдкость—ржавое желѣзо не выдержало тяжести тѣла взрослаго мальчика, и онъ полетѣлъ на мостовую вмѣстѣ съ обломками жести. Раздался глухой стукъ, сопровождаемый пронзительнымъ крикомъ, и скоро въ казначействѣ стало извѣстно, что бѣдный Анубисъ, кормя на голубятникѣ своихъ крылатыхъ потомцевъ, сорвался съ крыши и сломалъ себѣ ногу.

Эта вѣсть не скоро дошла до обоихъ мужчинъ, разговаривавшихъ въ имплувіумѣ, потому что въ домѣ былъ отданъ приказъ не мѣшать ихъ совѣщанію.

Нилусъ выслушивалъ объясненія своего молодаго господина съ возраставшимъ удивленіемъ, досадой и страхомъ, а потомъ сталъ горячо убѣждать юношу отказаться отъ опаснаго предпріятія, которое могло принести ему одинъ вредъ.

Нилусъ былъ убѣжденный якобитъ, и мысль о томъ, что его молодой господинъ рискуетъ головой изъ-за мелхитскихъ монахинь, рискуетъ навлечь на себя гнѣвъ и проклятіе патріарха, выводила его изъ себя.

Предостереженіе и мольбы преданнаго человѣка растрогали Оріона, однако онъ остался при своемъ намѣреніи и сказалъ Нилусу, что не можетъ нарушить даннаго слова, хотя задуманное предпріятіе потеряло для него теперь всякую привлекательность. Молодой человѣкъ былъ не въ состояніи оставить честнаго Руфинуса безъ помощи и личной поддержки.

Digitized by Google

Истинное горе дѣлаетъ находчивымъ; едва Оріонъ искренно высказался, какъ Нилусъ предложилъ ему превосходное средство выйти изъ затрудненія. Греческій корабельщикъ Мелампусъ былъ ревностный мелхитъ, хотя скрывалъ свое вѣроисповѣданіе; онъ и его двое сыновей, бравые плотники, отличались необыкновенною смѣлостью, и казначей не сомнѣвался, что они охотно возьмутся проводить до Средиземнаго моря благочестивыхъ сестеръ, спасавшихся отъ преслѣдованій патріарха. Предпріимчивые греки могли съ успѣхомъ замѣнить Оріона и оказать болѣе существенную помощь старику Руфинусу.

Юноша съ радостью ухватился за эту мысль и рѣшилъ немедленно переговорить съ храбрымъ Мелампусомъ и его сыновьями, но все таки не хотѣлъ отказаться отъ своего участія въ христіанскомъ подвигѣ.

Нилусъ продолжалъ отговаривать его, однако Оріонъ остался непоколебимъ. Наконецъ они оба отправились на верфь.

Старый мастеръ, добродушный великанъ, горячо принялъ къ сердцу спасеніе монахинь, онъ не сомнѣвался въ согласіи своихъ сыновей, и, дѣйствительно, едва молодыхъ людей посвятили въ тайну, какъ одинъ изъ нихъ съ одушевленіемъ сталъ размахивать топоромъ, а другой такъ весело ударилъ мускулистымъ кулакомъ въ ладонь лѣвой руки, какъ будто его приглашали танцовать.

Не теряя времени, Оріонъ сѣлъ съ ними въ лодку и велѣлъ ѣхать къ дому Руфинуса. Новые сотоварищи тотчасъ внушили довѣріе старику.

Сынъ мукаукаса остался завтракать у своихъ друзей. Паула, за часъ передъ тѣмъ, отправилась въ монастырь, и Іоганна увѣряла, что она должна вернуться съ минуты на минуту. Поэтому хозяинъ и гость сѣли за столъ, не дожидаясь молодой дѣвушки. Однако завтракъ близился къ концу, а ея все не было. Оріонъ сначала скрывалъ свое неудовольствіе, но мало по малу сдѣлался мраченъ и неразговорчивъ; отсутствіе дамаскинки тревожило также и Руфинуса; онъ всталъ съ мѣста, чтобъ отправиться за ней, какъ Пульхерія, стоявшая у окна, весело крикнула: „Вотъ и Паула“! послѣ чего выбѣжала на крыльцо, навстрѣчу подругѣ; Но проходила минута за минутой, а юноша все еще напрасно ждалъ появленія невѣсты. Его нетерпѣніе возрастало, и наконецъ перешло въ досаду; онъ чувствовалъ себя жестоко оскорбленнымъ такимъ равнодушіемъ съ ея стороны. Только полчаса спустя, Пульхерія вошла въ столовую съ извѣстіемъ, что Паула ждетъ его въ саду.

Digitized by Google

Ее, противъ воли, задержали въ монастырѣ; тамъ происходило такое смятеніе, какъ въ пчелиномъ ульѣ, когда въ него впустятъ облако ѣдкаго дыма.

Тихая, однообразная жизнь киновіи была нарушена роковою вѣстью. Приготовляясь къ побѣгу, монахини укладывали все, что у нихъ было болѣе драгоцѣннаго, и хотя Оріонъ предупредилъ, что на барку нельзя нагрузить много поклажи, тѣмъ не менѣе одна изъ сестеръ тащила свой налой, другая большую икону, третья мѣдный котелъ для ухи; кромѣ того, онѣ не соглашались оставить въ рукахъ враговъ большой раки съ остатками святаго мученика Аммонія, особенно чтимаго греческою церковью. Игуменьѣ стоило большаго труда уговорить сестеръ не брать съ собой ничего лишняго, и онѣ горько плакали, разставаясь съ своими сокровищами.

Только осмотрѣвъ весь багажъ, настоятельница монастыря могла переговорить наединѣ съ Паулой. Она повела дѣвушку въ свою пріемную, отличавшуюся дорогимъ, хотя и скромнымъ убранствомъ; здѣсь дочь Ѳомы открыла свое сердце передъ почтенной игуменьей. Старушка съ участіемъ увѣщевала дамаскинку не скрывать отъ нея ничего. Во время откровенныхъ признаній Паулы, спокойные глаза игуменьи не разъ мѣняли свое выраженіе, хотя они могли загораться огнемъ только въ минуты религіознаго экстаза. Паула смотрѣла на эту бесѣду, какъ на исповѣдь, и потому не скрыла отъ своей духовной руководительницы ни одной мелочи, передуманной или перечувствованной ею съ тѣхъ поръ, какъ она вступила въ домъ дяди. Ея разсказъ былъ правдивъ и точенъ, но едва она стала описывать внутреннюю борьбу Оріона, его желаніе исправиться, рѣчь молодой дѣвушки полилась съ большимъ жаромъ, и она горячо отстаивала юношу, который только разъ въ жизни измѣнилъ долгу чести и жестоко поплатился за это.

Когда исповѣдь была окончена, настоятельница долго молчала. Потомъ она привлекла къ себѣ Паулу и ласково спросила:

— Ну, что же ты намѣрена дѣлать, дитя мое? Признайся откровенно: пылкая страсть, которая овладѣла тобою такъ неожиданно, заставляетъ тебя броситься въ объятія любимаго человѣка и отдать ему свою руку? Неправда ли, вѣдь я отгадала?

Паула кивнула головой въ знакъ согласія, и по ея лицу разлился густой румянецъ. Игуменья прижала дѣвушку къ своей груди и продолжала задумчивымъ тономъ:

— Я видѣла однажды твоего Оріона; онъ ѣхалъ на четверкѣ прекрасныхъ коней, напоминая собой знаменитыя статуи язы-

Digitized by Google

ческой Эллады. Судьба надѣлила его и красотой, и высокимъ происхожденіемъ, и богатствомъ; этотъ юноша одаренъ рѣдкимъ умомъ и талантами, у него есть все, чтобы плѣнить женщину, и моя милая Паула, конечно, готова отдать ему свое сердце. Не такъ ли, дитя?

Молодая дѣвушка снова отвѣчала наклоненіемъ головы, и настоятельница добавила съ легкимъ вздохомъ, какъ будто покоряясь чему-то неизбѣжному:

— Значитъ, всякое предостереженіе было бы напрасно. Оріонъ, конечно, не нашей вѣры...

— Но какъ онъ почитаетъ ее! воскликнула Паула. Иначе сынъ Георгія не сталъ бы рисковать своею жизнью и свободой для спасенія мелхитокъ.

— Скажи лучше: въ угоду возлюбленной, возразила игуменья. Но оставимъ этотъ вопросъ, хотя мнѣ больно подумать, что дочь Ѳомы сдѣлается женой якобита. Ты не покинешь его ни въ какомъ случаѣ. Пусть будетъ такъ: Отецъ небесный нерѣдко приводитъ заблудшихся къ покаянію неисповѣдимыми путями.

Тутъ Паула бросилась игуменьѣ на шею, но та усадила растроганную дѣвушку на прежнее мѣсто. Взявъ ея правую руку въ обѣ свои, монахиня перешла въ болѣе спокойный тонъ. По ея словамъ, какъ она сама, такъ и прочія сестры были многимъ обязаны Оріону; она отъ души желала Паулѣ найти въ супружествѣ величайшее земное счастье, но такъ какъ молодая дѣвушка прибѣгла къ ней за совѣтомъ, то настоятельница считала своимъ долгомъ указать ей на тѣ опасности, которыя могутъ встрѣтиться и въ супружеской жизни. Старушка видѣла на своемъ вѣку немало поучительныхъ примѣровъ; она знала десятки молодыхъ людей, жестоко погрѣшавшихъ противъ родителей и святой церкви; казалось, они были совсѣмъ погибшими грѣшниками, и все таки для нѣкоторыхъ изъ нихъ наставалъ день покаянія, какъ нѣкогда для апостола Павла по пути въ Дамаскъ. Послѣ такого переворота, изъ неблагодарныхъ сыновей выходили примѣрные христіане.

Паула радостно встрепенулась, придвигаясь ближе къ настоятельницѣ, но та отрицательно покачала головой; ея глаза вспыхнули религіознымъ экстазомъ, и она продолжала серьезнѣе прежняго.

— Помни однако, дитя мое, что съ этими людьми случилось чудо, которое мы называемъ духовнымъ рожденіемъ; они остались прежними по плоти и чувствамъ, но ихъ отношеніе къ міру и жизни сдѣлалось совсѣмъ иное; къ чему они стремились

Digitized by Google

раньше, то ненавидѣли теперь; важное сдѣлалось для нихъ ничтожнымъ, ничтожное—важнымъ. Сначала они сообразовались только съ собственными желаніями, а потомъ старались угодить Богу и поступать по его святой волѣ. Прежнія побужденія остались при нихъ, но раскаившіеся грѣшники сдерживали ихъ теперь въ извѣстныхъ границахъ, постоянно помня, что человѣческія страсти не ведутъ насъ къ счастью, а, напротивъ, къ вѣчной гибели. Эти переродившіеся люди научились презирать міръ и обращать свой взоръ отъ земнаго праха къ небу; кто изъ нихъ впадалъ въ искушеніе, тотъ мужественно боролся съ нимъ, чтобы не поддаться грѣху. Но что дѣлаетъ Оріонъ, твой возлюбленный? Хотя онъ сознялъ свой грѣхъ, однако мечтаетъ основать свое счастье на высокомъ общественномъ положеніи и примириться съ Богомъ на этомъ пути. Не только его чувства остались прежними, но и отношенія къ мірскимъ удовольствіямъ; плотская любовь заставляетъ его стремиться къ высокимъ цѣлямъ, но здѣсь сатана броситъ ему подъ ноги не одинъ камень; юноша не разъ споткнется и едва ли съумѣетъ снова встать на ноги. Горе не заставило его возродиться для новой жизни съ Господомъ. Я видѣла много такихъ печальныхъ примѣровъ. Если человѣкъ хоть разъ позволитъ себѣ далеко уклониться отъ заповѣдей божіихъ и невполнѣ исправится, то на него нельзя разсчитывать, не провѣривъ прежде, насколько онъ твердъ въ добродѣтели. Если ты хочешь слѣдовать влеченію своего сердца, то все таки не должна спѣшить въ открытыя объятія возлюбленнаго и отдавать ему свою руку прежде, нежели онъ исправится вполнѣ.

— Но я вѣрю въ него, воскликнула Паула, заливаясь слезами.

— Ты вѣришь въ него, потому что любишь, возразила монахиня.

— И потому, что онъ этого заслуживаетъ.

— Съ которыхъ поръ?

— Развѣ онъ не былъ превосходнымъ человѣкомъ до своего проступка?

— Нѣкоторые убійцы были также отличными людьми, пока одинъ моментъ не довелъ ихъ до преступленія и не сдѣлалъ отщепенцами общества.

— Оріонъ до сихъ поръ пользуется почетомъ.

— Въ качествѣ сына мукаукаса.

— И потому, что онъ покоряетъ себѣ всѣ сердца.

— Но Всевышняго нельзя подкупить наружными достоинствами.

Digitized by Google

— О, матушка, твоя душа отрѣшилась отъ всего земнаго и потому ты строго судишь людей. Только немногіе избранные могутъ удостоиться благодати полнаго нравственнаго возрожденія.

— Кто погрѣшилъ, какъ Оріонъ, тотъ долженъ каяться.

— Онъ и раскаивается, стараясь дѣлать добро, гдѣ возможно.

— Этотъ путь не приведетъ его къ спасенію. Твой возлюбленный стремится только къ земнымъ благамъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Онъ твердо вѣритъ въ Бога и Спасителя. Онъ не отступникъ.

— Однако, Оріонъ считаетъ себя вправѣ обойтись безо всякихъ подвиговъ, искупающихъ его вину.

— Господь прощаетъ истинно кающемуся грѣшнику, а бѣдному Оріону пришлось вынести жесточайшія душевныя муки.

— Онъ самъ навлекъ ихъ на себя своимъ обманомъ и низостью. Ему предстоитъ еще немало расплачиваться за прошлое. Искушенія подстерегаютъ его на каждомъ шагу, и какимъ образомъ онъ избѣгнетъ ихъ? Предостерегаю тебя, какъ мать. Не давай воли своей страсти, продолжай наблюдать за нимъ, не давай Оріону надъ собою никакихъ правъ до тѣхъ поръ, пока....

— Сколько же времени я должна показывать ему такое обидное недовѣріе? рыдала Паула. Истинная любовь не бываетъ подозрительна и готова поддержать человѣка въ минуты колебанія.

— Да, перебила ее старушка, все переносить, все терпѣть— въ этомъ состоитъ долгъ истинной любви, и ты не должна отъ него уклоняться, но тебѣ не слѣдуетъ вступать въ неразрывный союзъ съ Оріономъ, пока онъ не выработаетъ себѣ твердыхъ правилъ въ жизни. Слѣди за каждымъ его шагомъ, поддерживай твоего возлюбленнаго, не отчаивайся въ немъ, когда онъ снова согрѣшитъ; старайся сдѣлать его достойнымъ благодати божіей, но не давай ему окончательнаго согласія.

Паула была огорчена словами настоятельницы, однако игуменья не довѣряла Оріону. Такой тяжкій грѣшникъ, какъ онъ, навлекшій на себя отцовское проклятіе, долженъ былъ, по ея мнѣнію, отказаться отъ свѣта и посвятить себя подвигамъ покаянія, вмѣсто того, чтобы получить руку прекрасной дѣвушки, которая горячо любила его. Только самый безупречный мелхитъ заслуживалъ бы рѣдкаго счастія сдѣлаться мужемъ Паулы. Почтенная настоятельница сама провела бурную молодость среди соблазновъ свѣта и только впослѣдствіи нашла душевный миръ за стѣнами монастыря. Она охотно приняла бы юную дамаскинку

Digitized by Google

въ свою обитель, какъ непорочную Христову невѣсту, и убѣдила бы ее отречься отъ всего земнаго, чтобы передать ей управленіе киновіей послѣ своей смерти.

Вѣроломство мужчинъ стоило немало жестокихъ мукъ нѣкогда блестящей и знатной женщинѣ, и она хотѣла оградить Паулу, какъ беззащитную сироту, отъ такой же грустной участи. Поэтому игуменья съ жаромъ доказывала молодой дѣвушкѣ всю необходимость послѣдовать ея совѣту. Наконецъ Паула простилась съ ней, обѣщая не давать согласія Оріону, по крайней мѣрѣ, до тѣхъ поръ, пока онъ не возвратится изъ Даміэтты съ письмомъ отъ настоятельницы, въ которомъ она выскажетъ о немъ свое рѣшительное мнѣніе. Предстоящее бѣгство давало монахинѣ возможность ближе познакомиться съ сыномъ Георгія.

Съ того ужаснаго дня, когда Авилу разорили арабы и Паула потеряла отца и брата, она никогда не проливала столько слезъ, какъ во время разговора съ игуменьей. Съ заплаканными глазами и невыносимой головной болью вернулась дѣвушка въ домъ Руфинуса, въ комнату старой кормилицы. Палящій полуденный зной еще болѣе усиливалъ страданія дамаскинки. Бетта уговаривала свою питомицу лечь въ постель, но та наотрѣзъ отказалась и только позволила освѣжить себѣ голову водой. Послѣ того кормилица осторожно перечесала ей волосы, говоря, что это средство всегда помогало ея покойной матери отъ головной боли.

Такимъ образомъ, прошло еще нѣсколько времени, прежде чѣмъ Паула и Оріонъ встрѣтились наконецъ въ тѣнистомъ мѣстечкѣ сада. Здѣсь ими овладѣло невольное смущеніе; юноша былъ блѣденъ и разстроенъ; заплаканные глаза и болѣзненно сдвинутыя брови Паулы еще болѣе усилили его грустное настроеніе.

— Прости, что я такъ запоздала, сказала она умоляющимъ тономъ. Какъ долго пришлось тебѣ дожидаться меня! Но прощаніе съ моимъ лучшимъ другомъ и второю матерью затянулось дольше, чѣмъ я думала. Эта разлука такъ тяжела для насъ обѣихъ, а теперь я чувствую жестокую головную боль.... Не такъ надѣялась я встрѣтиться съ тобой сегодня поутру.

— Ты и вчера не хотѣла удѣлить мнѣ минутки времени, мрачно возразилъ Оріонъ, а сегодня..... Вѣдь ты слышала, какъ Руфинусъ приглашалъ меня..... Я вовсе не требователенъ, а въ особенности относительно тебя, избави Боже! Но развѣ ты забыла, что тебѣ предстоитъ сегодня проститься со мной, и, быть можетъ, навсегда? Между тѣмъ, игуменьѣ ты посвятила нѣсколько часовъ, а мнѣ отдаешь едва нѣсколько минутъ; это несправедливо!

Digitized by Google

— Ты правъ, печально замѣтила дѣвушка, но вчера вечеромъ я не могла оттолкнуть отъ себя бѣдную Марію, когда она изливала передо мной свое наболѣвшее сердечко. Еслибы ты зналъ, какъ я испугалась, какъ мнѣ было больно, когда мнѣ принесли твое письмо!....

— Я долженъ былъ спѣшить къ полководцу Амру, прервалъ ее Оріонъ. Опасная поѣздка въ Даміэтту сопряжена для меня съ большою жертвой; я не могъ предвидѣть заранѣе, въ какое рискованное положеніе буду поставленъ. Но ты послѣ узнаешь объ этомъ..... И все таки никакая опасность, никакой трудъ, не испугаютъ меня, еслибъ я зналъ заранѣе...

— Что я отвѣчаю на твою любовь? прервала его Паула.

— Что я счастливѣйшій изъ смертныхъ, несмотря на пережитое горе, съ возрастающимъ жаромъ продолжалъ юноша. О, Паула, единственная, обожаемая дѣвушка, смѣю ли я надѣяться?

— Да, отвѣчала она громко и съ глубокимъ чувствомъ:—я люблю тебя и никогда не перестану любить всей душой.

Онъ бросился къ возлюбленной, схватилъ ея руки и сталъ покрывать ихъ пламенными поцѣлуями, но дѣвушка осторожно освободилась отъ него, говоря умоляющимъ тономъ:

— Нѣтъ, Оріонъ, прошу тебя, не теперь.

— Теперь, именно теперь, какъ же иначе?—спросилъ онъ съ волненіемъ и глубокой нѣжностью. Но ты права. Зачѣмъ мы остаемся здѣсь, гдѣ насъ могутъ видѣть посторонніе? Пойдемъ въ комнаты; тамъ мы будемъ наединѣ другъ съ другомъ и съ нашимъ счастьемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! торопливо прервала дамаскинка, дотрогиваясь рукой до своей воспаленной головы.—Сядемъ лучше на скамью подъ сикоморой, тамъ тѣнь и прохлада, тамъ ты скажешь мнѣ все, что нужно, и узнаешь отъ меня, какъ сильно овладѣла мною любовь.

Огорченный Оріонъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на свою возлюбленную, которая пошла къ сикоморѣ и сѣла подъ тѣнью ея вѣтвей. Онъ послѣдовалъ за Паулой; дѣвушка указала ему рукой мѣсто возлѣ себя, но онъ остановился передъ ней, говоря глухимъ, печальнымъ голосомъ:

— Ты все такая же, какъ и прежде, неприступная и холодная. Развѣ это справедливо, Паула? А ты еще говоришь о глубокомъ чувствѣ, овладѣвшемъ тобою. Развѣ такъ отвѣчаютъ на призывъ страстнаго сердца? Развѣ такъ прощаются невѣста съ женихомъ передъ долгой разлукой?

Она со страхомъ подняла на него глаза и сказала задушевно-ласковымъ тономъ:

Digitized by Google

— О, Оріонъ, Оріонъ! Развѣ ты не видишь, не чувствуешь, какъ сильно я тебя люблю? Ты долженъ сознавать это, и потому, дорогой возлюбленный, довольствуйся тѣмъ, что это сердце принадлежитъ тебѣ безраздѣльно и что твоя Паула не хочетъ ни о комъ думать, ни о комъ заботиться, ни за кого молиться, кромѣ тебя.

— Ну, такъ пойдемъ со мной, порывисто воскликнулъ онъ. Не отказывай своему жениху въ томъ, на что онъ имѣетъ право.

— Нѣтъ, нѣтъ. Мы еще не женихъ и невѣста, вырвалось у нея съ тревогой и отчаяньемъ.—И въ моихъ жилахъ течетъ горячая, страстная кровь, и я жажду броситься въ твои объятія, прильнуть къ твоей груди, но мнѣ невозможно сдѣлаться твоей невѣстой сегодня, сію минуту. Нѣтъ, это невозможно!

— Но почему? я хочу знать, почему?—воскликнулъ внѣ себя Оріонъ. Почему ты не можешь быть моей невѣстой, если любишь меня? Къ чему выдумывать эту новую ужасную пытку?

— Благоразуміе говоритъ мнѣ, что нашъ союзъ слѣдуетъ пока отложить, возразила Паула, тяжело дыша и понизивъ голосъ, какъ будто собственныя слова пугали ее.—Милый Оріонъ, ты еще не научился обуздывать свои желанія и страсти; ты слишкомъ скоро позабылъ, что мы пережили оба; какія препятствія намъ пришлось преодолѣть прежде, чѣмъ понять другъ друга. Да, мой возлюбленный, скажу откровенно: еще такъ недавно я не могла безъ вражды и непріязни смотрѣть тебѣ въ лицо. Непонятная, таинственная сила влекла насъ другъ къ другу, и вотъ теперь взаимная холодность перешла въ кипучую страсть. Такъ смертельный ядъ становится лѣкарствомъ, а проклятіе обращается въ благословеніе. Изъ страстной ненависти въ моемъ безразсудномъ сердцѣ выросла не менѣе страстная любовь. Но всетаки я не могу немедленно отдать тебѣ свою руку. Назови это трусостью, себялюбивымъ разсчетомъ, назови, какъ хочешь, но я повинуюсь лишь голосу благоразумія, хотя это рѣшеніе стоило мнѣ немало горькихъ слезъ. Ты долженъ помнить только одно: что бы ни случилось, мое сердце никогда не будетъ принадлежать другому; оно всецѣло отдано тебѣ. Но я буду твоей женой лишь тогда, когда мнѣ явится возможность сказать тебѣ съ полнымъ довѣріемъ: „Ты вышелъ побѣдителемъ изъ твоихъ испытаній; возьми меня, я твоя!“ Тогда ты узнаешь, что любовь Паулы не менѣе горяча и сильна.... О, Боже мой, пойми же наконецъ, Оріонъ, что я хочу выразить этими словами! Какъ я страдаю, праведное небо; моя голова какъ будто готова разлетѣться въ куски!

Digitized by Google

Дѣвушка наклонилась, сжимая руками пылающій лобъ. Блѣдный Оріонъ, вздрагивая, точно въ лихорадочномъ ознобѣ, положилъ ей на плечо правую руку и сказалъ глухимъ, утратившимъ прежнюю звучность, голосомъ:

— Эзотерики подвергаютъ своихъ ученикомъ предварительнымъ испытаніямъ, прежде чѣмъ открыть имъ доступъ къ мистеріямъ. Хотя мы и живемъ въ Египтѣ, но странно, что такое правило примѣняется къ любви. Все это, впрочемъ, придумано не тобою. То, что ты называешь „голосомъ благоразумія", навязано тебѣ настоятельницей монастыря.

— Я благодарна ей за совѣтъ. Сердце должно подчиняться разсудку.

— За что ты благодарна игуменьѣ?! воскликнулъ юноша, внѣ себя отъ гнѣва.—Тебѣ, напротивъ, слѣдуетъ проклинать ее за непрошенную услугу, какъ проклинаю я. Развѣ она знаетъ меня? Развѣ мы встрѣчались съ нею? Еслибъ эта черезчуръ осторожная женщина, привыкшая деспотически властвовать въ своей киновіи, заглянула ко мнѣ въ душу, то не стала бы воздвигать преградъ между мною и тобою. Любовью и довѣріемъ отъ меня съ дѣтскихъ лѣтъ можно было добиться всего, и если бы ты, мудрая и осмотрительная, не задумываясь, вручила мнѣ свою судьбу, я не помнилъ бы себя отъ счастья, а старался бы только о томъ, чтобы заслужить твое одобреніе, изгладить въ тебѣ всякій слѣдъ сомнѣнія; я былъ бы способенъ сорвать для тебя съ неба солнце и звѣзды и не побоялся бы никакого испытанія!.. Но теперь... теперь!.. Вмѣсто того, чтобы поднять меня на высоту, вы меня унижаете, позорите въ моихъ собственныхъ глазахъ. Объ руку съ тобой я поднялся бы въ свѣтлыя сферы, гдѣ царитъ совершенство, но такъ... Выжидать, пока мои добрыя дѣла превратятъ твою спокойную привязанность въ пламя страсти!.. Не смѣшно ли это? Я не могу вынести такой оскорбительной пытки, такого искуса, и ты сама откажешься отъ него, если дѣйствительно меня любишь.

— Я люблю, люблю тебя! воскликнула Паула, съ тоской хватая руки Оріона. Пожалуй, ты правъ. Но что мнѣ дѣлать, Господи?.. Не требуй отъ меня, по крайней мѣрѣ, въ данную минуту никакого рѣшительнаго слова! Я не въ состояніи ничего обдумать! Ты видишь, какъ я страдаю!

— Вижу, отвѣчалъ онъ, съ сожалѣніемъ взглянувъ на блѣдное лицо дѣвушки, по которому пробѣгали болѣзненныя конвульсіи.—Въ такомъ случаѣ, отложимъ нашъ разговоръ до вечера. Отдохни и прими лѣкарство, а потомъ...

Digitized by Google

— Потомъ, на пути въ Даміэтту, ты повторишь игуменьѣ то, что сказалъ теперь мнѣ! заключила дамаскинка. Она—превосходная женщина и научится любить и понимать тебя, я увѣрена въ этомъ. Почтенная настоятельница возвратитъ мнѣ мое слово...

— Какое слово?

— Мое обѣщаніе не отдавать тебѣ своей руки, пока...

— Пока я не выдержу искуса, назначеннаго эзотерикамъ? насмѣшливо перебилъ Оріонъ, пожимая плечами. Поди отдохнуть, Паула; ступай въ свою комнату! Посторонняя женщина отравила намъ лучшіе часы нашей жизни. Теперь мы оба не увѣрены въ себѣ и не можемъ договориться ни до чего хорошаго. О, еслибъ ты могла видѣть, что происходитъ у меня въ душѣ! Однако тебѣ пора успокоиться и заснуть, а я постараюсь забыть полученную обиду... Прощай!.. до другой, болѣе ласковой и... смѣю сказать: болѣе счастливой встрѣчи.

Оріонъ повернулся и торопливо пошелъ изъ саду.

— Не забывай одного, что ты безгранично дорогъ мнѣ! крикнула ему вслѣдъ глубоко взволнованная дѣвушка.

Но онъ не слыхалъ ея словъ и, не заходя къ Руфинусу, вышелъ изъ воротъ на улицу.

XXXII.

Вернувшись къ себѣ, глубоко оскорбленный юноша бросился въ изнеможеніи на диванъ. Паула отдала ему свое сердце, но какое жалкое, холодное чувство питала она къ нему, если не хотѣла сдѣлать ни малѣйшей уступки, не заручившись предварительно вѣскими фактами, которые доказали бы ей, что на него можно положиться! И какъ могла любящая дѣвушка позволить третьему лицу вмѣшаться въ ихъ отношенія? Неужели она довѣрила тайну Оріона мелхитской монахинѣ, враждебной якобитамъ?.. А онъ еще рисковалъ головою для спасенія этой фанатички и ея сподвижницъ, сестеръ обители св. Цециліи!.. Право, здѣсь было отъ чего сойти съ ума!.. Какъ жаль, что нельзя нарушить слова, даннаго почтенному Руфинусу въ присутствіи Паулы, и отказаться отъ безумнаго предпріятія. Вмѣсто прекрасной и гордой владычицы своего сердца, юноша видѣлъ теперь въ дочери Ѳомы плаксивую, безхарактерную, малодушную женщину.

Въ его комнатѣ лежали планы и карты. Онъ велѣлъ Нилусу принести ихъ сюда, чтобы исполнить порученіе полководца Амру. Эти предметы напомнили ему знаменательный разговоръ съ ара-

Digitized by Google

бомъ. Оріонъ вскочилъ съ мѣста и сталъ тревожно ходить по комнатѣ, гдѣ прожила два года его возлюбленная.

Здѣсь стояла лютня Паулы; юноша натянулъ на инструментъ новыя струны и настроилъ его. Желая развлечься музыкой, онъ взялъ плектрумъ и принялся играть. Но лютня оказалась плохою. Какъ могла богатая дѣвушка довольствоваться такой негодной вещью! Оріонъ бросилъ лютню на кушетку и взялъ въ руки свою собственную—подарокъ Эліодоры.

Какъ превосходно умѣла она играть на этомъ инструментѣ! И теперь еще струны лютни звучали упоительно и нѣжно, напоминая Оріону нѣкогда любимую имъ женщину. По временамъ онъ ударялъ по нимъ съ такою силой, что ихъ звукъ походилъ на болѣзненный вопль страдающей души. Музыка мало по малу успокоила его взволнованныя чувства, но юноша опять взялъ нѣсколько бурныхъ аккордовъ; перекладина, на которой держались струны, соскочила съ мѣста и со звономъ ударилась о подставку инструмента. Оріонъ вздрогнулъ. Въ ту же минуту скрипнула дверь; на порогѣ комнаты стоялъ секретарь, ѣздившій съ сыномъ мукаукаса въ Византію.

— Господинъ! вскричалъ онъ въ радостномъ волненіи. Къ тебѣ пришелъ посланный изъ гостинницы Зострата съ этой дощечкой. Она не была запечатана; я прочиталъ ея содержаніе. Какая неожиданная новость, подумай только: сенаторъ Юстинъ прибылъ въ Мемфисъ со своей благородной супругой, почтенной матроной Мартиной! Они просятъ тебя навѣстить ихъ для переговоровъ по очень важному дѣлу. Посланный говоритъ, что высокіе путешественники пріѣхали сюда сегодня ночью. Какая радость! Вспомни, какъ ты былъ принятъ въ ихъ роскошномъ дворцѣ! Неужели мы оставимъ ихъ въ гостинницѣ? Нѣтъ, до тѣхъ поръ, пока существуетъ гостепріимство, это было бы грѣшно!

— Это невозможно, совершенно невозможно! воскликнулъ Оріонъ, бросивъ лютню и вскакивая съ мѣста, чтобы прочитать письмо.

— Почеркъ самого Юстина, продолжалъ онъ. Какъ могла эта лѣнивая чета рѣшиться на отдаленное путешествіе въ Египетъ? Тутъ кроется что-то необыкновенное. Однако, клянусь Зевсомъ—такъ по старой привычкѣ обыкновенно клялась золотая молодежь въ Александріи и въ Константинополѣ — клянусь Зевсомъ, я устрою дорогимъ друзьямъ княжескій пріемъ! Постой: прежде всего скажи посланному, что я сейчасъ буду у нихъ, и прикажи запрячь новую четверку паннонскихъ лошадей въ серебряную колесницу. А я тѣмъ временемъ отправлюсь къ матушкѣ. Но мы успѣемъ еще всѣмъ распорядиться. Скажи тотчасъ Зебеку, чтобы

Digitized by Google

онъ приготовилъ запасныя комнаты для гостей. Какое счастье, что больные освободили ихъ. Мою теперешнюю комнату присоедините туда же; я перейду въ свое прежнее помѣщеніе. У сенаторской четы навѣрно немало прислуги. Пусть двадцать, даже тридцать рабовъ немедленно займутся уборкой и чисткой комнатъ. Черезъ два часа все должно быть готово. Обѣ залы нужно убрать съ особенной роскошью. Пусть Зебекъ беретъ все, что понадобится, изъ нашихъ собственныхъ покоевъ. Юстинъ здѣсь, въ Египтѣ! Однако тебѣ слѣдуетъ поспѣшить! Но подожди: я позабылъ еще одно. Возьми эти рукописи и планы; впрочемъ, нѣтъ... они слишкомъ тяжелы для тебя. Отошли ихъ съ невольникомъ къ Руфинусу; они мнѣ понадобятся во время путешествія.

Секретарь опрометью бросился изъ комнаты, между тѣмъ какъ Оріонъ торопливо поправилъ свою прическу и смятыя складки траурной одежды, послѣ чего пошелъ къ матери. Нефорисъ слышала не разъ, что ея сынъ, а въ прежнія времена и покойный мужъ, всегда встрѣчали самый радушный пріемъ въ домѣ сенатора и потому одобрила мысль пригласить пріѣзжихъ къ себѣ, оговорившись однако, что сама она, по болѣзни, не можетъ исполнять роль хозяйки.

Вдова мукаукаса посовѣтовала сыну отложить свое путешествіе и посвятить себя вполнѣ дорогимъ гостямъ, но онъ сказалъ, что это невозможно, что Зебекъ и старшая экономка съумѣютъ позаботиться обо всемъ, а нездоровье матери послужитъ достаточнымъ извиненіемъ въ глазахъ посѣтителей. Оріонъ просилъ Нефорисъ показаться имъ хотя одинъ разъ, однако матрона отклонила эту просьбу, находя, что съ ея стороны будетъ вполнѣ достаточно ежедневно посылать гостямъ отъ своего имени лучшіе цвѣты и фрукты, сопровождая ихъ дружескими привѣтствіями, а передъ отъѣздомъ поднести имъ цѣнные подарки.

Сынъ согласился съ нею, и нѣсколько минутъ спустя выѣхалъ на своихъ паннонскихъ рысакахъ со двора.

Въ гавани онъ встрѣтился съ хозяиномъ барки, нанятой для путешествія, и торопливо протянулъ ему два пальца. То былъ условный сигналъ, означавшій: мы ждемъ тебя за два часа до полуночи. Лодочникъ отвѣчалъ энергичнымъ кивкомъ головы.

Эта встрѣча и предстоящее свиданіе съ друзьями, которымъ онъ желалъ отплатить за ихъ доброту и радушіе, привели юношу въ пріятное настроеніе, и хотя ему было жаль оставить дорогихъ гостей, но опасное путешествіе снова стало манить его. Онъ надѣялся во время дороги расположить въ свою пользу игуменью

Digitized by Google

и не сомнѣвался, что Паула отмѣнитъ свое обидное рѣшенія сегодня же вечеромъ.

Гостинница Эвстрата, громадное прямоугольное зданіе съ большимъ дворомъ, была самой лучшею и помѣстительною во всемъ городѣ. Въ восточной сторонѣ дома, обращенной къ рѣкѣ, находились отличныя комнаты; теперь ихъ занимала сенаторская чета со своей свитой и штатомъ прислуги.

Топотъ четверки лошадей привлекъ Юстина къ окну. Увидѣвъ сына мукаукаса въ обитой серебромъ колесницѣ, онъ сталъ махать ему салфеткой, наскоро сдернутой со стола, и весело закричалъ:

— Добро пожаловать! Вотъ и Оріонъ,—прибавилъ съ торжествующимъ видомъ сенаторъ, обращаясь къ женѣ. Мартина лежала на кушеткѣ, полураздѣтая, изнемогая отъ африканской жары и поминутно поднося къ губамъ прохладительное питье изъ фруктоваго сока.

— Вотъ и прекрасно, отвѣчала матрона, приказывая служанкѣ принести себѣ скорѣе верхнюю одежду изъ самой легкой ткани.

Въ комнатѣ находилась еще восхитительная молодая женщина, которая въ волненіи вскочила съ кушетки при нервомъ возгласѣ Юстина.

— Ты хочешь сейчасъ встрѣтиться съ нимъ, душа моя,—спросила ее жена сенатора,—или мы сдѣлаемъ сыну Георгія пріятный сюрпризъ?

— Я лучше уйду, проговорила красавица, подавляя невольный вздохъ. Что онъ подумаетъ обо мнѣ? продолжала она. Люди старѣютъ, но не дѣлаются съ годами умнѣе.

Сказавъ это, молодая женщина исчезла въ боковую дверь. Мартина посмотрѣла ей вслѣдъ и замѣтила мужу:

— А вѣдь она оставила щелку для подглядыванія. Боже праведный! Въ такую жару волноваться любовью, должно быть, положительно невыносимо!

Минуту спустя, Оріонъ стоялъ на порогѣ комнаты. Когда Юстинъ обнялъ его, Мартина весело воскликнула:

— Поцѣлуй также и меня!

Юноша тотчасъ повиновался ей, и тогда она простонала съ притворнымъ отчаяніемъ:

— О, мой милый мальчикъ! О, мой великій Сезострисъ! Скажи мнѣ, какъ могъ твой знаменитый дѣдъ совершать геройскіе подвиги подъ этимъ палящимъ солнцемъ? Что касается меня, то я здѣсь совершенно погибаю, таю, какъ масло. Но для своихъ близкихъ можно рѣшиться на всякую жертву. Эй, Сира, поди

Digitized by Google

сюда! Прикрой меня еще какимъ нибудь кусочкомъ, похожимъ на одѣяніе. Какъ умно придуманы моды африканскихъ крестьянъ, которыхъ мы встрѣчали на пути. Если у нихъ надѣта опоясска въ три пальца шириною, они считаютъ это очень милымъ костюмомъ. Однако, что же ты не садишься? Сядь здѣсь, у моихъ ногъ. Подай стулъ господину, Аргосъ! Принеси вина и воды въ прохладномъ глиняномъ кувшинѣ, такой же свѣжей воды какъ и давеча. Мужъ, я нахожу, что Оріонъ похорошѣлъ еще болѣе. Но, Боже мой, какъ грустно видѣть на немъ траурную одежду, хотя она очень идетъ милому мальчику. Ахъ, ты бѣдный плутишка. Мы узнали о твоемъ горѣ еще въ Александріи.

Сенаторша вытерла платкомъ влажные глаза, и вмѣстѣ съ тѣмъ, вспотѣвшій лобъ. Ея мужъ прибавилъ отъ себя нѣсколько сочувственныхъ словъ по поводу смерти мукаукаса.

Юстинъ и Мартина были необыкновенно обходительными и веселыми людьми. Богатство и знатность обезпечивали за ними привилегированное положеніе въ свѣтѣ, но они никогда не гордились имъ. Всѣ жители Константинополя, отъ мала до велика, оказывали имъ большой почетъ; эта уважаемая чета отвоевала себѣ право не стѣсняться строгимъ этикетомъ, царившимъ тогда въ чопорномъ византійскомъ обществѣ. Кому не нравилась простота ихъ обращенія, тотъ могъ не являться къ нимъ въ домъ. Мужъ не отличался честолюбіемъ; его назначили сенаторомъ, какъ богатаго и знатнаго человѣка въ городѣ, но онъ пользовался высокимъ саномъ только развѣ для того, чтобы доставлять роднымъ и знакомымъ удобныя мѣста на публичныхъ торжествахъ. Юстинъ былъ очень гостепріименъ, охотно оказывалъ услуги друзьямъ, любилъ пожить и давалъ жить другимъ. Мартина, добросердечная женщина, никогда не имѣла претензіи на красоту, что не мѣшало, однако, очень многимъ добиваться въ молодости ея руки.

Супруги уже давно безвыѣздно жили въ Константинополѣ, переѣзжая лѣтомъ на свою великолѣпную виллу на берегу Босфора. Имъ была непонятна манія другихъ богачей ежегодно посѣщать морскія купанья и путешествовать. Величайшимъ удовольствіемъ для сенатора и его жены,—былопринимать у себя добрыхъ знакомыхъ, и гостепріимный домъ Юстина никогда не былъ пустъ. Константинопольская знать охотно собиралась здѣсь въ дружескій кружокъ, утомившись церемонными придворными праздниками. Молодежь имѣла привычку повѣрять Мартинѣ свои сердечныя тайны. Также поступила и прекрасная Эліодора, вдова роднаго племянника сенаторши, когда Оріонъ овладѣлъ ея неопытнымъ сердцемъ.

Digitized by Google

Эліодора была любимицей почтенныхъ супруговъ, но еще больше любили они младшаго брата ея покойнаго мужа. Ему предстояло наслѣдовать ихъ состояніе; но два года спустя въ Византію пришла печальная вѣсть, что Нарвесъ, занимавшій должность трибуна въ одномъ изъ конныхъ полковъ императора, палъ въ битвѣ съ невѣрными.

Между тѣмъ, никто не могъ доставить точныхъ свѣдѣній о его смерти; наконецъ, благодаря неутомимымъ поискамъ, родные узнали, что юноша взятъ въ плѣнъ и живетъ невольникомъ въ Аравіи.

Это извѣстіе подтвердилось справками, собранными Оріономъ и его покойнымъ отцомъ. Нѣсколько часовъ спустя послѣ отъѣзда молодаго египтянина изъ Константинополя, къ Юстину пришло письмо, написанное дрожащею рукою. Молодой узникъ умолялъ освободить его отъ рабства съ помощью Амру, намѣстника Египта. Тогда почтенные супруги собрались въ Мемфисъ, причемъ Эліодора всѣми силами старалась поддержать ихъ намѣреніе. Разлука только усилила ея любовь къ сыну Георгія; Мартина знала чувства племянницы къ Оріону и считала своимъ долгомъ устроить судьбу молодой женщины, которая была преданной женою ея племяннику и самоотверженно ухаживала за нимъ до послѣдней минуты жизни.

Оріонъ и Эліодора были какъ будто созданы другъ для друга, а почтенная сенаторша любила устраивать свадьбы. Однако, на этотъ разъ, о брачномъ союзѣ не было рѣчи, и въ концѣ концовъ Мартина попала въ непріятное положеніе, такъ какъ связь знатнаго египетскаго юноши съ ея племянницею получила огласку.

Однажды простодушная сенаторша заговорила объ этомъ съ Оріономъ, но тотъ отвѣчалъ, что его отецъ, якобитъ, не позволитъ ему жениться на женщинѣ другаго вѣроисповѣданія. Почтенная матрона не стала возражать, но подумала про себя, что старому мукаукасу стоило познакомиться съ Эліодорой, и его предъубѣжденія разсѣются, какъ дымъ. Лично зная Георгія, Мартина не сомнѣвалась въ его благосклонности. Дѣйствительно, Эліодора обладала всѣми данными, которыя могли служить порукой супружескаго счастья. Она была изъ хорошей семьи, вдова знатнаго человѣка, а ея рѣдкая красота нравилась и молодымъ, и старымъ. Трудно было представить себѣ болѣе милое, кроткое существо; ея прекрасные глаза, которые Мартина называла „молящими", могли тронуть камень, а бѣлокурые, слегка вьющіеся, волосы были мягки, какъ и нравъ молодой женщины. Полная, но гибкая фигура, умѣнье одѣваться, талантъ къ музыкѣ и пѣнію, довершали достоинства красавицы.

Digitized by Google

За ней ухаживала положительно вся молодежь въ Константинополѣ. А еслибы старый Георгій могъ хоть разъ услышать ея серебристый, веселый смѣхъ! Эліодора не была особенно умна, но ее нельзя было назвать ограниченной; слишкомъ умныя женщины, какъ извѣстно, не пользуются большимъ успѣхомъ у мужчинъ.

Когда сенаторъ Юстинъ рѣшилъ отправиться въ Египетъ, Мартина взяла съ собой Эліодору, твердо намѣреваясь устроить ея свадьбу съ Оріономъ, поведеніе котораго бросило тѣнь на безупречную репутацію вдовы. Въ Александріи она узнала о смерти макаукаса, и эта вѣсть поддержала въ ней надежду на успѣхъ. Наконецъ они прибыли въ Мемфисъ, и теперь молодой человѣкъ сидѣлъ передъ Мартиной, приглашая пріѣзжихъ, вмѣстѣ съ ихъ штатомъ, переселиться къ нему въ домъ. Почтенные супруги, конечно, приняли это приглашеніе, и рабамъ былъ отданъ приказъ готовиться къ переѣзду; весь штатъ богатой четы состоялъ приблизительно изъ двадцати человѣкъ.

Юстинъ разсказалъ юношѣ о цѣли своего пріѣзда въ Египетъ, прося его содѣйствія.

Сынъ Георгія встрѣчалъ несчастнаго Нарзеса въ Византіи, гдѣ племянникъ сенатора слылъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ и любезныхъ представителей знатной молодежи. Оріону было очень грустно сообщить друзьямъ, что полководецъ Амру, отъ котораго зависѣло освобожденіе плѣнника, уѣзжаетъ послѣ завтра въ Медину, и самъ онъ еще сегодня вечеромъ долженъ отправиться въ далекое путешествіе на неопредѣленное время.

Эта вѣсть видимо взволновала и опечалила гостей. Юстинъ принялся настойчиво разспрашивать своего любимца, по какому поводу онъ покидаетъ Мемфисъ, и наконецъ ему удалось выпытать тайну Оріона.

Однако почтенные супруги не одобрили его рискованнаго предпріятія. Сенаторъ доказывалъ юношѣ, что ему, какъ естественному главѣ египетскаго населенія, не слѣдуетъ подрывать такимъ поступкомъ довѣрія къ себѣ, потому что соотечественники видятъ въ немъ своего руководителя. Покровительствовать мелхитамъ значитъ явно возставать противъ патріарха, между тѣмъ какъ сыну мукаукаса слѣдуетъ дѣйствовать съ нимъ заодно на защиту своихъ единовѣрцевъ въ странѣ, порабощенной мусульманами.

Но никакіе доводы не могли заставить юношу отказаться отъ своего намѣренія. Образъ Паулы носился передъ его глазами, пока онъ слушалъ убѣдительныя рѣчи византійца.

Digitized by Google

Впрочемъ, желая доказать друзьямъ свое участіе, молодой человѣкъ предложилъ Юстину немедленно поѣхать съ нимъ на ту сторону Нила, для переговоровъ съ намѣстникомъ калифа. До захожденія солнца оставалось, по крайней мѣрѣ, полтора часа, а паннонскіе рысаки могли очень быстро домчать ихъ до Фостата и привезти обратно. Во время отсутствія мужчинъ, было рѣшено устроить переселеніе изъ гостинницы въ домъ намѣстника. Оттуда прибыли уже фургоны для перевозки тяжестей; другіе экипажи должны были явиться нѣсколько позднѣе, чтобы отвезти дорогихъ гостей на новую квартиру.

Когда сенаторъ выѣзжалъ со двора вмѣстѣ съ Оріономъ, Мартина весело крикнула юношѣ изъ окна:

— Мой мужъ навѣрно убѣдитъ тебя дорогой, и если ты образумишься, то получишь прекрасную награду!—Не жалѣй золотыхъ талантовъ, старикъ, пока полководецъ Амру не пообѣщаетъ тебѣ освободить бѣднаго мальчика! Послушайся меня, Оріонъ, откажись отъ безумной затѣи.

Солнечный дискъ еще не успѣлъ окончательно исчезнуть за Дивійской горной цѣпью, какъ взмыленная четверка лошадей въѣхала во дворъ намѣстническаго дома. Однако Юстинъ потерпѣлъ неудачу. Амру былъ въ отсутствіи: онъ дѣлалъ смотръ войскамъ, расположеннымъ между Геліополисомъ и Оніу, откуда не могъ вернуться раньше ночи или слѣдующаго утра.

Между тѣмъ весь багажъ сенаторской четы и многочисленный штатъ прислуги былъ благополучно перевезенъ изъ гостинницы. Бѣлые рабы, прибывшіе изъ Византіи, смѣшались съ черными и коричневыми невольниками покойнаго мукаукаса. Мартина была въ восторгѣ отъ своего новаго помѣщенія и превосходныхъ, не виданныхъ ею цвѣтовъ, которыми больная хозяйка дома велѣла украсить обѣ пріемныя залы, отведенныя для почетныхъ посѣтителей. Но неудачная поѣздка мужа въ Фостатъ омрачила веселость сенаторши.

По ея словамъ, само провидѣніе устроило такъ, чтобы удержать Оріона отъ рискованнаго путешествія. Оставшись въ Мемфисѣ, онъ могъ, во-первыхъ, работать на пользу соотечественниковъ, а, во вторыхъ, помочь друзьямъ въ несчастіи. Однако молодой человѣкъ не согласился измѣнить принятаго рѣшенія, хотя ему было тяжело противорѣчить доброй женщинѣ.

— Ты не уступишь даже и тогда, если тебѣ понравится привезенный мною подарокъ? спросила Мартина, лукаво улыбаясь.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, отвѣчалъ сынъ Георгія.

— Вотъ увидимъ! возразила матрона и продолжала еще на-

Digitized by Google

стойчивѣе прежняго: у каждаго есть качество, которое особенно идетъ къ нему и дѣлаетъ его неотразимымъ, такъ и ты, мой сынъ, всегда очаровывалъ насъ своей любезностью. Твердая рѣшимость, обнаруженная тобою сегодня, отнимаетъ у тебя очень много привлекательнаго. Ты положительно неузнаваемъ. Будь лучше прежнимъ уступчивымъ, мягкимъ юношей!

— То есть, слабохарактернымъ и маладушнымъ, готовымъ на все, чего ни попросятъ добросердечныя женщины, въ родѣ...

— Чего ни попросятъ старые друзья, перебила сенаторша, но не докончивъ своей рѣчи, быстро обернулась къ мужу и воскликнула:—Господи Боже, Юстинъ, подойди скорѣе сюда къ окну! Ну, видалъ ли ты когда нибудь такое сочетаніе пурпура и золота на небѣ? Древнія пирамиды, вонъ тамъ въ пустынѣ, и вся окрестность какъ будто охвачены пламенемъ. Однако, великій Сезострисъ—такъ называла Мартина въ шутку своего любимца Оріона —пора показать тебѣ привезенные подарки. Прежде всего, этотъ обручъ—и гостья подала юношѣ дорогой браслетъ съ разными камнями старинной греческой работы—нѣтъ, нѣтъ, подожди благодарить, продолжала она:—у меня есть для тебя кое-что получше.. Но эта вещь довольно объемиста и кромѣ того... Пойдемъ со мною!

Говоря такимъ образомъ, сенаторша вышла изъ залы въ прихожую и приблизилась къ дверямъ комнаты, которая принадлежала раньше Паулѣ, а въ послѣднее время служила спальней Оріону. Пріотворивъ одну половинку двери, Мартина заглянула туда, отступила назадъ и подвела къ порогу сына мукаукаса.

— Вотъ твой подарокъ! произнесла она съ торжествующимъ видомъ, слегка подталкивая юношу впередъ.

Оріонъ неожиданно увидалъ передъ собою Эліодору. Она стояла у самаго окна. Розовый отблескъ зари обливалъ ея красивую фигуру. „Молящіе“ глаза молодой женщины смотрѣли на вошедшаго съ благоговѣйнымъ восторгомъ, а руки, сложенныя на груди, придавали ей сходство съ праведницей, которая видитъ передъ собою чудо и заранѣе предвкушаетъ неземное блаженство.

Сенаторша также остановила на Оріонѣ испытующій взглядъ и замѣтила, какъ онъ поблѣднѣлъ при видѣ Эліодоры, вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и отступилъ назадъ.

„Какъ сильно онъ любитъ ее“, подумала про себя добрая женщина; между тѣмъ юношѣ казалось, что у него подъ ногами разверзается зіяющая пропасть.

Почтенная Мартина оставила влюбленныхъ наединѣ и выскользнула изъ комнаты съ проворствомъ, какого было трудно ожидать отъ ея тучнаго, полновѣснаго тѣла.

Digitized by Google

— Все идетъ прекрасно! замѣтила она вполголоса мужу еще съ порога залы. При видѣ нашей малютки, Оріонъ приросъ къ мѣсту, какъ пораженный молніей. Вотъ посмотри: намъ придется праздновать свадьбу на берегахъ Нила.

— Дай Богъ! отвѣчалъ сенаторъ. Однако свадьба свадьбой, а прежде всего Эліодора должна помѣшать опасному предпріятію, затѣянному безразсуднымъ юношей! Я видѣлъ, съ какимъ почетомъ встрѣтили его приближенные намѣстника; никто, кромѣ Оріона, не съумѣетъ склонить Амру въ нашу пользу. Ему ни въ какомъ случаѣ не надо уѣзжать! Ты, конечно, сказала племянницѣ...

— Чтобы она не пускала его? прервала со смѣхомъ матрона. Можешь быть увѣренъ, что онъ и самъ останется!

— Буду очень радъ. Однако, жена, тебѣ не совсѣмъ прилично оставлять молодежь вдвоемъ, возразилъ Юстинъ. Вѣдь ты все таки должна оберегать доброе имя неопытной Эліодоры.

— Какіе пустяки! воскликнула Мартина. Вѣдь въ Константинополѣ они не приглашали свидѣтелей на свои нѣжныя свиданія. Пускай бѣдная влюбленная парочка хорошенько наговорится и насмотрится другъ на друга послѣ долгой разлуки. Потомъ я пойду къ нимъ и буду наблюдать за благочиніемъ. Ахъ, Юстинъ, если эта свадьба устроится, я отправлюсь босикомъ на поклоненіе святой Агатѣ!

— А я только въ одной сандаліи! подхватилъ сенаторъ. Хорошо, если такъ кончится... а то весь городъ говорилъ объ отношеніяхъ Доры къ Оріону. Намъ не слѣдовало приглашать ихъ къ себѣ одновременно, но вѣдь съ тобой не сговоришь... Вотъ и надѣлала бѣдъ! Ступай же къ нимъ, Мартина, иди!

— Сейчасъ, сейчасъ! Только посмотримъ еще разъ въ окно. О, какой яркій закатъ! Но нѣтъ, ужь слишкомъ поздно: краски зари успѣли потухнуть. Двѣ минуты назадъ все небо отливало пурпуромъ, точно мой сирійскій плащъ. Теперь вдругъ наступили сумерки. Этотъ старинный домъ и садъ великолѣпны! Именно такимъ представляла я себѣ жилище великаго мукаукаса.

— И я также, отвѣчалъ сенаторъ. Однако тебѣ пора прервать уединенную бесѣду молодыхъ людей. Если все пойдетъ удачно, Дора будетъ въ хорошемъ выигрышѣ.

— Конечно! воскликнула Мартина. Но вѣдь и у нея также отличное состояніе. Одна загородная вилла чего нибудь да стоитъ! Я заранѣе предвижу, что молодые супруги будутъ проводить на ней каждое лѣто. А если бѣдняжка Нарзесъ не переживетъ неволи... Не легко провести въ рабствѣ цѣлыхъ два года... тогда... тогда я не прочь...

Digitized by Google

— Измѣнить завѣщаніе? Будемъ надѣяться, что до этого не дойдетъ. А теперь ступай къ Эліодорѣ, прошу тебя!

— Сейчасъ, сейчасъ! Надо же дать имъ время высказаться. Послѣ Нарзеса мнѣ ближе всего...

— Оріонъ и Дора? Согласенъ съ тобою, однако тебѣ пора...

— Можетъ быть, грѣшно говорить о живомъ, какъ о покойникѣ... Но, во всякомъ случаѣ, бѣдный мальчикъ не долженъ поступать обратно на военную службу.

— Разумѣется, но послушай, Мартина...

— Завтра сынъ Георгія упроситъ полководца помочь намъ...

— Да, если юноша останется здѣсь...

— Давай биться объ закладъ, что Эліодора удержитъ его?

— Что я за дуракъ! воскликнулъ со смѣхомъ сенаторъ. Развѣ я получу съ тебя что нибудь, если выиграю?

На этотъ разъ матрона послушалась мужа и выиграла закладъ.

Чего не могли достичь предостереженія преданнаго Нилуса, уговоры сенатора Юстина и голосъ собственной совѣсти, упрекавшій Оріона за измѣну своей религіи, то было сдѣлано вкрадчивой лаской Эліодоры.

Въ ея сердцѣ вспыхнуло бурное пламя, когда она увидала явное волненіе юноши при неожиданной встрѣчѣ. И молодая женщина бросилась въ объятія возлюбленнаго, а потомъ, замирая въ блаженствѣ, смиренно опустилась къ его ногамъ, обняла его колѣни и, устремивъ на любимаго человѣка свои чудные глаза, стала умолять, чтобы онъ не покидалъ ее сегодня, чтобы остался въ Мемфисѣ хоть до завтрашняго утра, а потомъ дѣлалъ что хочетъ. Красавица была не въ силахъ отпустить отъ себя Оріона въ опасный путь именно сегодня, когда для нея наконецъ осуществилась завѣтная мечта, и они снова были вмѣстѣ. Юноша не хотѣлъ уступить, но тогда Эліодора бросилась къ нему, осыпая горячими поцѣлуями его губы и нашептывая ласковыя имена которыя когда-то опьяняли молодаго египтянина.

Оріонъ никогда не думалъ серьезно о женитьбѣ на этой восхитительной женщинѣ и скоро охладѣлъ къ ней, оставивъ Византію. Побѣда надъ Эліодорой досталась ему слишкомъ легко. Неприступная съ другими, она скоро отдалась юному чужестранцу, какъ будто отуманенная волшебными чарами. Но въ настоящую минуту Оріона привлекало въ ней именно то, что отталкивало раньше. Именно *такъ* хотѣлъ онъ быть любимымъ: съ полнымъ самоотверженіемъ, отъ всего сердца; такою любовью, которая не требуетъ ничего, кромѣ отвѣтной любви, не знаетъ оговорокъ, не

Digitized by Google

допускаетъ чужаго вмѣшательства. Эта молодая, прекрасная женщина ради него подвергла себя осужденію свѣта, безропотно страдала и никогда не жаловалась, зная заранѣе, что любимый человѣкъ покинетъ ее и никогда не назоветъ своею женою. Да, Эліодора умѣла любить, ея беззавѣтная преданность воодушевила въ настоящую минуту упавшаго духомъ Оріона; когда онъ только сомнѣвался въ себѣ, передъ нимъ явилось существо, которое поклонялось ему, какъ кумиру, и сыну Георгія было отрадно чувствовать себя не только предметомъ любви, но и обожанія.

И сколько было у Эліодоры истинной женственности, какъ она цвѣла красотой!

Ея дивные глаза надоѣли Оріону въ Константинополѣ; они смотрѣли на него съ такою же мольбой, когда она старалась отдалить часъ разлуки или просила надѣть ей плащъ. Но теперь этотъ поразительный взглядъ, плѣнившій съ перваго раза молодаго египтянина, былъ полонъ для него новой прелести и будилъ въ душѣ заснувшія чувства.

Эліодора побѣдила: юноша обѣщалъ ей, по крайней мѣрѣ, обдумать, не можетъ ли онъ освободиться отъ своего обязательства, но тутъ онъ вспомнилъ про Паулу, и внутренній голосъ подсказалъ ему, что она принадлежитъ къ высшему разряду людей, чѣмъ эта увлекающаяся, подобострастная женщина, союзъ съ которой угрожалъ заглушить въ немъ и жажду благородныхъ подвиговъ, и стремленіе къ нравственному совершенству.

Наконецъ Оріону удалось вырваться изъ объятій чародѣйки, и едва юноша успѣлъ отрезвиться, какъ устыдился своей слабости; онъ измѣнилъ любимой дѣвушкѣ въ той самой комнатѣ, гдѣ она жила!

Вопросъ Эліодоры о бѣленькой собачкѣ, подаренной ему на память, воскресилъ передъ нимъ исторію несчастнаго смарагда. Онъ завелъ обиняками рѣчь о страсти молодой женщины къ рѣдкимъ каменьямъ и намекнулъ, что имъ надо переговорить о крупномъ изумрудѣ, недавно посланномъ ей. Эліодора встрепенулась при этихъ словахъ и съ такой дѣтской радостью приняласъ благодарить возлюбленнаго за рѣдкій подарокъ, такъ вкрадчиво убѣждала его въ необходимости отложить свою поѣздку, что молодой человѣкъ уступилъ ея мольбамъ. Онъ говорилъ самъ себѣ, что старикъ Руфинусъ можетъ обойтись безъ него, и оправдывалъ свое непостоянство долгомъ благодарности къ добрымъ друзьямъ, которые нуждались въ помощи. Его присутствіе на баркѣ не могло принести особенной пользы мелхитскимъ монахинямъ, тогда какъ плѣнный Нарзесъ рисковалъ жизнью, если

Digitized by Google

его рабство продлится еще долѣе. Во всякомъ случаѣ была пора принять какое нибудь твердое рѣшеніе, и Оріонъ рѣшилъ остаться.

Руфинуса слѣдовало немедленно увѣдомить объ этомъ; однако сынъ Георгія не нашелъ въ себѣ достаточно силы, чтобы написать старику, и вздумалъ послать для переговоровъ Нилуса, который такъ сильно возставалъ противъ опасной поѣздки.

Эліодора отъ радости захлопала въ ладоши, и когда Мартина постучалась къ нимъ въ дверь, молодые люди вышли въ ярко-освѣщенную прихожую.

Вдова сіяла счастьемъ; дорогая одежда, сдѣланная по новѣйшему образцу, придавала ей царственное величіе, несмотря на средній ростъ; недаромъ всѣ мужчины въ Византіи восхищались граціей Эліодоры, а женщины завидовали ей. Оріонъ былъ веселъ, но по его губамъ скользила задумчивая улыбка.

Онъ не успѣлъ еще растворить дверей, какъ въ прихожую вошли двѣ женщины; это были: Катерина и ея горничная. Больнаго Анубиса перенесли въ комнату, которая примыкала къ бывшей спальнѣ Паулы. Несмотря на пріѣздъ знатныхъ гостей, врачъ Филиппъ не позволилъ тревожить паціента. Мать злополучнаго шпіона, кормилица Катерины, находилась при немъ. Молодая дѣвушка пришла навѣстить молочнаго брата; ей хотѣлось разспросить его хорошенько обо всемъ случившемся, но мальчикъ былъ такъ слабъ и такъ страдалъ, что не могъ выговорить ни слова; впрочемъ Катерина пришла недаромъ. Встрѣча съ Оріономъ, который выходилъ изъ уединенной комнаты вслѣдъ за какой-то незнакомой красавицей, дала новую пищу любопытству дѣвушки. Она охотно прогулялась бы даже два раза въ домъ намѣстника ради того, чтобы полюбоваться на роскошную одежду и дорогой уборъ этой упавшей съ неба посѣтительницы. Подобныя явленія стали въ Мемфисѣ большою рѣдкостью. Пожалуй, та „другая“, на которую намекалъ Оріонъ, была вовсе не Паула, а эта прелестная знатная дама. Развѣ Оріонъ не могъ также безсердечно обманывать дамаскинку, какъ обманулъ Катерину? Черты очаровательной блондинки дышали такою радостью, что не трудно было догадаться, какая нѣжная сцена только что происходила между нею и Оріономъ. Дочь Сусанны была готова задушить вѣроломнаго юношу своими руками, но ей было пріятно думать, что и другія женщины, кромѣ нея, попадали въ его сѣти и мучились пыткой обманутой любви.

— Онъ остается! воскликнула Эліодора, обращаясь къ теткѣ.

— Пусть Богъ вознаградитъ тебя за это, сказала растроганная сенаторша, протягивая руку Оріону.

Digitized by Google

Она замѣтила счастливое выраженіе въ чертахъ племянницы, но, по своей природной живости, въ то же время увидала и Катерину, остановившуюся въ прихожей. Матрона ласково кивнула ей головой и спросила хозяина:

— Это твоя сестра или сиротка Марія, о которой ты разсказывалъ?

Юноша подозвалъ Катерину и представилъ ее гостямъ. Она тотчасъ объяснила, что̀ привело ее сюда. Мартина съ племянницей были тронуты участіемъ дѣвушки къ молочному брату и выразили надежду увидѣться съ ней опять.

— Прелестная куколка! сказала Мартина ей вслѣдъ.—Свѣжая, нарядная, подвижная! Какъ мило она лепечетъ!

— И прибавь къ тому: самая богатая наслѣдница въ Мемфисѣ, а, можетъ быть, и во всемъ Египтѣ, замѣтилъ Оріонъ.

При этихъ словахъ, Эліодора съ досадой опустила глаза. Желая изгладить непріятное впечатлѣніе, юноша продолжалъ, смѣясь:

— Моя мать хотѣла женить меня на Катеринѣ, но такая крошечная жена мнѣ не подъ пару. Да и вообще мы во многомъ не сходимся между собою.

Тутъ онъ извинился передъ гостями и пошелъ переговорить съ Нилусомъ. Казначей съ радостью взялъ на себя порученіе своего господина извиниться за него предъ Руфинусомъ, передать поклонъ Паулѣ и объяснить причину, которая заставила его остаться въ Мемфисѣ.

Неожиданная новость до того обрадовала тихаго, сдержаннаго Нилуса, что онъ отечески обнялъ Оріона.

Молодой хозяинъ до поздней ночи просидѣлъ съ гостями. На слѣдующее утро, Мартина пришла къ своей племянницѣ; Эліодора казалась утомленной, но на ея лицѣ играла счастливая улыбка. Сенаторша сообщила ей, что Юстинъ отправился съ Оріономъ къ намѣстнику калифа и что ихъ дѣло, вѣроятно, сегодня же приметъ благопріятный оборотъ.

Однако, немного времени спустя, мужчины вернулись, не добившись ничего. Сдѣлавъ смотръ войскамъ у Геліополиса, Амру не вернулся больше въ Фостатъ, а проѣхалъ прямо въ Александрію, чтобы остаться тамъ нѣсколько дней, а потомъ продолжать путь въ Медину. Сенатору только оставалось послѣдовать за нимъ. Оріонъ добровольно вызвался сопутствовать старику. Сынъ мукаукаса твердо рѣшилъ порвать съ Эліодорой прежнюю связь, и это путешествіе выводило его изъ большаго затрудненія. Рано поутру онъ принялся писать Паулѣ, но ему не удалось этого сдѣлать сразу, и юноша бросилъ нѣсколько недоконченныхъ пи

Digitized by Google

семъ. Наконецъ, онъ высказалъ невѣстѣ всю правду, увѣряя ее въ своей неизмѣнной любви и прибавивъ, что онъ не покажется ей на глаза, прежде чѣмъ не покончитъ навсегда со своимъ прошлымъ.

Мартина и ея племянница проводили путниковъ до экипажа. Вернувшись обратно, онѣ встрѣтили въ прихожей Катерину съ горничной. Мартина пригласила дѣвушку къ себѣ, но дочь Сусанны отказалась зайти къ сенаторшѣ, потому что спѣшила домой. Сегодня Анубисъ чувствовалъ себя лучше и, хотя съ трудомъ, но передалъ Катеринѣ подслушанный имъ разговоръ. Онъ зналъ, что монахини были намѣрены бѣжать къ сѣверу, но не могъ разслышать названія города, куда имъ хотѣли отвезти.

Слушая признанія больнаго, Катерина выслала изъ комнаты его мать и сидѣлку, а когда Анубисъ кончилъ, красотка склонилась надъ нимъ и такъ сладко поцѣловала его два раза, что бѣдный мальчикъ чуть не лишился чувствъ; но по уходѣ любимой госпожи, онъ опять остался наединѣ съ матерью и тутъ почувствовалъ себя бодрѣе, а воспоминаніе о пережитой имъ блаженной минутѣ смягчило жестокую боль въ сломанной ногѣ, такъ что онъ пересталъ жалѣть о принесенной имъ жертвѣ.

Катерина не вернулась домой, а немедленно пошла къ епископу, который узналъ отъ нея о бѣгствѣ мелхитскихъ монахинь. Кроткій Плотинъ пришелъ въ ужасный гнѣвъ и поспѣшилъ въ Фостатъ требовать помощи намѣстника.

За отсутствіемъ полководца, онъ обратился къ его векилу, убѣждая Обаду послать погоню за бѣглецами.

Дочь Сусанны торжествовала: благодаря ея вмѣшательству, затѣялось нешуточное дѣло, которое могло принести немало зла Оріону и Паулѣ, а, пожалуй, и погубить ихъ.

XXXIII.

Казначей охотно исполнилъ возложенное на него порученіе. Руфинусъ согласился, что побѣгъ монахинь можно устроить и безъ личнаго содѣйствія Оріона, такъ какъ были приняты всѣ необходимыя мѣры.

Желаніе юноши угодить пріѣзжимъ византійцамъ было вполнѣ понятно, но его отказъ сопутствовать друзьямъ все таки встревожилъ стараго врача. По его мнѣнію, это предвѣщало мало хорошаго для Паулы. Ея любовь къ сыну мукаукаса не была тайной для Руфинуса и его жены.

Digitized by Google

Іоганна еще сильнѣе мужа была огорчена случившимся. Она предвидѣла опасности затѣяннаго предпріятія и пламенно желала, чтобы Руфинусъ отказался отъ него, но не смѣла противорѣчить, зная упрямство старика. Скорѣе можно было заставить Нилъ измѣнить свое направленіе, чѣмъ уговорить неутомимаго скитальца по свѣту нарушить слово, данное игуменьѣ. Такимъ образомъ бѣдной женщинѣ оставалось только молчать, сохраняя наружное спокойствіе. Ея мужъ одобрилъ рѣшеніе Оріона въ присутствіи Паулы; хвалилъ его щедрость и хорошій выборъ провожатыхъ. Оріонъ пожертвовалъ большую сумму на наемъ нильской барки и морскаго судна; навербованный имъ экипажъ обѣщалъ отлично постоять за себя.

Пульхерія радовалась поѣздкѣ отца и охотно послѣдовала бы за нимъ, помогая въ дѣлѣ спасенія дорогихъ ей монахинь. Корабельщикъ явился съ обоими сыновьями и привелъ еще троихъ грековъ, единовѣрцевъ и товарищей по ремеслу, которые оставались безъ работы, потому что обмеленіе Нила мѣшало судоходству.

Оріонъ щедро снабдилъ стараго мастера деньгами на дорогу.

Послѣ захожденія солнца, головная боль Паулы унялась. Она не знала, что подумать о внезапномъ рѣшеніи Оріона; оно пугало и радовало ее, потому что юноша избавлялся отъ большой опасности. Въ первые дни послѣ возвращенія изъ Константинополя онъ хвалилъ доброту и гостепріимство сенаторской четы, что поддерживалъ также и мукаукасъ, сохранившій пріятныя воспоминанія о своей поѣздкѣ въ столицу. Такихъ друзей нельзя было оставить безъ помощи. Кромѣ того, Нилусъ, всегда относившійся съ большимъ уваженіемъ къ дочери Ѳоны, съ особеннымъ усердіемъ передалъ ей привѣтствія Оріона.

Завтра, можетъ быть, возлюбленный навѣститъ ее.

Чѣмъ чаще приходили дѣвушкѣ на память ето слова, что онъ никогда не обманывалъ дружескаго довѣрія, тѣмъ сильнѣе хотѣлось ей, вопреки совѣту игуменьи, отбросить всѣ сомнѣнія, и, повинуясь голосу сердца, отдать Оріону свою руку.

Убывающій мѣсяцъ еще не появился на горизонтѣ и ночь была темна, когда монахини стали садиться на барку. По причинѣ мелководья, большое судно не могло подойти самому берегу, и сестеръ киновіи, переодѣтыхъ египетскими крестьянками, пришлось переносить на рукахъ. Наконецъ очередь дошла до настоятельницы. Іоганна, Пульхерія, Перпетуя и воспитательница Маріи, Эвдоксія, усердная мелхитка, окружили ее; игуменья въ послѣдній разъ поцѣловала Паулу и шепнула ей на ухо:

Digitized by Google

— Богъ да благословитъ тебя, дитя мое. Оріонъ остается съ тобой; и тебѣ будетъ вдвое труднѣе сдержать данное мнѣ слово.

— Я обязана прежде всего оказывать ему довѣріе, тихо отвѣчала Паула.

— Ты обязана заботиться о самой себѣ; будь тверда и осторожна

Руфинусъ оставался послѣднимъ на берегу; жена и Паула обнимали его.

— Бери примѣръ съ нашей дочери! воскликнулъ старикъ, обращаясь къ Іоаннѣ и ласково привлекая ее къ себѣ.—Будь увѣрена, что Богъ не оставитъ насъ своею помощью. До свиданія, добрѣйшая изъ добрыхъ! Если съ твоимъ безпутнымъ мужемъ случится бѣда, утѣшай себя мыслью, что онъ пожертвовалъ собою, спасая отъ жестокаго преслѣдованія цѣлыхъ двадцать пять душъ, неповинныхъ ни въ чемъ. Во всякомъ случаѣ, я останусь до конца на избранномъ пути; но отчего другъ Филиппъ не пришелъ проститься со мной?

Іоганна горько заплакала и сказала:

— Онъ явно избѣгаетъ насъ; мнѣ грустно такое отчужденіе добраго человѣка именно теперь, въ эту тяжелую минуту. Ахъ, если ты любишь меня, Руфинусъ, возьми съ собою Гиббуса!

— Да, господинъ, возьми меня, вмѣшался горбатый садовникъ. Пока мы вернемся назадъ, Нилъ, конечно, разольется, а до тѣхъ поръ цвѣты обойдутся и безъ моего ухода. Сегодня ночью мнѣ снилось, что ты сорвалъ розу съ моего горба; она сидѣла на самой срединѣ, какъ шишечка на крышкѣ кувшина. Это что нибудь да значитъ! Если ты оставишь меня дома, кто же будетъ потѣшать тебя дорогой?

— Ну, такъ и быть, ступай на барку, со смѣхомъ отвѣчалъ Руфинусъ. Довольна ли ты теперь, Іоганна?

Онъ еще разъ привлекъ къ себѣ жену и дочь.

Крупная слеза изъ глазъ Іоганны капнула ему на руку, и мужъ прошепталъ ей тихонько:

— Ты была розой моей жизни, а безъ розъ немыслимъ никакой Эдемъ.

Наконецъ большое судно выплыло на глубину и вскорѣ скрылось въ темнотѣ отъ глазъ оставшихся женщинъ. Звонъ монастырскихъ колоколовъ раздался вслѣдъ бѣглецамъ; Пульхерія и Паула усердно звонили на колокольнѣ. Въ воздухѣ не было ни малѣйшаго вѣтерка; на баркѣ, спускавшейся внизъ по теченію, нельзя было поднять даже маленькаго паруса, зато матросы изо всѣхъ силъ работали веслами, и судно все дальше и дальше по-

Digitized by Google

двигалось къ сѣверу. Опытный лоцманъ стоялъ съ шестомъ на передней части барки, измѣряя глубину; его братъ правилъ рулемъ; ходъ барки ежеминутно затруднялся мелями и накопившимися массами ила. Едва взошла луна, какъ судно сѣло на мель противъ Фостата, матросамъ пришлось сойти въ воду, гдѣ они затянули пѣсню, чтобы работать дружнѣе, и столкнули барку въ глубину. Такія остановки происходили нѣсколько разъ, пока бѣглецы достигли Литополиса.

Здѣсь Нилъ раздѣлялся на два рукава, и путникамъ предстояло незамѣтно проскользнуть мимо таможенной стражи. Противъ всякаго ожиданія, большое судно осталось незамѣченнымъ въ дымкѣ тумана, поднявшагося съ рѣчки передъ восходомъ солнца.

Войдя въ фатметійскій рукавъ, капитанъ и матросы были внѣ себя отъ радости, приписывая неожиданную удачу молитвамъ набожныхъ сестеръ.

При солнечномъ свѣтѣ, было легче обходить мели, но какъ былъ узокъ, обыкновенно многоводный въ этомъ мѣсяцѣ, нильскій рукавъ! Заросли папируса по краямъ рѣчнаго ложа стояли почти на сухой землѣ, причемъ ихъ зелень пожелтѣла, какъ солома. Прибрежный илъ затвердѣлъ, точно камень, и легкій западный вѣтеръ, надувавшій теперь паруса, крутилъ надъ нимъ бѣловатую пыль. Во многихъ мѣстахъ почва потрескалась; эти черноватыя трещины казались разинутой пастью земли, жаждавшей орошенія. Черпальныя колеса стояли въ сторонѣ отъ рѣки, удалившейся отъ нихъ, а поля, которыя еще недавно орошались водою, походили на гумно, гдѣ прежде вымолачивали собранный съ нихъ хлѣбъ. Вокругъ деревень и пальмовыхъ рощъ клубился желтоватый паръ; путники, шедшіе по высокимъ прибрежнымъ насыпямъ, подвигались впередъ, опустивъ головы и едва волоча ноги по глубокой пыли, покрывавшей дорогу.

Солнце невыносимо жгло съ безоблачнаго неба; монахини сдѣлали себѣ навѣсы изъ бѣлыхъ головныхъ покрывалъ и сидѣли на палубѣ въ мрачной задумчивости. Глиняный кувшинъ съ нильскою водою, то и дѣло, переходилъ изъ рукъ въ руки, но питье не утоляло жажды. Когда насталъ часъ обѣда, почти никто изъ сестеръ не притрогивался къ пищѣ; настоятельница и Руфинусъ старались ободрить ихъ; однако послѣ полудня старушка также почувствовала упадокъ силъ и спустилась въ маленькую душную каюту, гдѣ было еще жарче, чѣмъ на палубѣ.

Такъ прошелъ длинный, мучительный день. Матросы говорили, что они не запомнятъ такого зноя, что̀ не мѣшало имъ однако съ удивительной стойкостью работать веслами съ утра до

Digitized by Google

вечера. Наконецъ наступилъ прохладный вечеръ; измученныя путешественницы ожили и свободно вздохнули; между ними завязались разговоры, ужинъ показался всѣмъ очень вкуснымъ. Игуменья познакомилась съ корабельнымъ мастеромъ, а потомъ принялась толковать съ Руфинусомъ о будущемъ Паулы и Оріона.

Старикъ опровергалъ мнѣніе настоятельницы, что сына Георгія слѣдуетъ подвергнуть испытанію; по его словамъ, союзъ съ любимой дѣвушкой могъ принести только нравственную пользу честному юношѣ, какимъ по прежнему считалъ его Руфинусъ, несмотря на отказъ сопутствовать бѣглецамъ.

Горбатый садовникъ смѣшилъ монахинь своими шутками, а послѣ ужина всѣ собрались на общую молитву. Усталые гребцы также развеселились. При этомъ можно было порадоваться, что лишь немногія монахини-гречанки понимали по египетски, потому что одинъ шутникъ изъ матросовъ затянулъ пѣсенку о красотѣ своей возлюбленной, гдѣ попадались слова, неудобныя для женскаго слуха. Сестры вспоминали о покинутыхъ друзьяхъ, строили планы о возвращеніи на родину. Но тутъ пожилая монахиня прервала веселую болтовню, напоминая молодежи, что въ часы опасности нужно молиться о спасеніи, а не тѣшить себя легкомысленными мечтами.

Одна изъ сестеръ стала высчитывать, какая погоня настигнетъ ихъ скорѣе: на лошадяхъ или на лодкахъ? И эти рѣчи снова опечалили присутствующихъ. Но вскорѣ взошелъ мѣсяцъ; всѣ предметы на берегу Нила, отражаясь въ гладкой поверхности рѣки, снова приняли опредѣленныя формы и перестали пугать воображеніе. Чѣмъ дальше подвигалось судно, тѣмъ гуще становились зарости папируса по краямъ потока. Тысячи птицъ гнѣздились въ немъ, но онѣ спали; глубокая тишина и мракъ окутывали окрестности. Отраженіе мѣсяца колебалось въ водѣ, какъ гигантскій цвѣтокъ лотоса между другими, болѣе мелкими, душистыми чашечками этого растенія, сверкавшаго яркой бѣлизной на темной влагѣ. Барка оставляла блестящую борозду и каждый ударъ веселъ поднималъ свѣтлыя сверкающія брызги; лучъ мѣсяца серебрилъ нѣжныя верхушки тростника; деревья стояли, окутанныя прозрачной фіолетовой дымкой; съ одной вершины на другую перелетали совы, беззвучно и мѣрно ударяя по воздуху крыльями.

Картина лѣтней ночи подѣйствовала на монахинь. Ихъ разговоры умолкли; вдругъ молодая сестра Марѳа, прозванная монастырскимъ соловьемъ, запѣла молитву; остальныя хоромъ подхватили ее. Матросы перестали балагурить, и нѣсколько времени бар-

Digitized by Google

ка скользила по́ волнамъ при торжественномъ пѣніи псалмовъ и гимновъ. Свѣжіе голоса юныхъ сестеръ будили ночную тишину; на небосклонѣ ярко горѣла комета; путники какъ будто воскресли душою. Когда пѣвицы утомились, всѣми овладѣла сладкая задумчивость. Кто сидѣлъ, опустивъ глаза, кто любовался звѣздами, кто слѣдилъ за тихимъ теченіемъ рѣки, колебавшей чашечки лотоса у камышей.

Никому не приходило въ голову наблюдать за тѣмъ, что́ происходитъ на берегу. Лоцманъ не спускалъ глазъ съ фарватера, а между тѣмъ на утренней зарѣ въ густой чащѣ папируса съ восточной стороны сталъ раздаваться подозрительный трескъ и порой мелькало что-то стремительное, какъ молнія.

Былъ ли то шакалъ, готовый разорить гнѣздо водяной птицы, или гіена, пробиравшаяся въ камышахъ?

Наконецъ окаменѣвшая отъ зноя почва задрожала подъ глухими ударами копытъ. Рулевой вздрогнулъ и обернулся въ ту сторону.

Что́ бы это значило?

Можетъ быть, на берегу пасся рогатый скотъ, и волы затѣяли драку? Вода въ рѣкѣ стояла такъ низко, что съ барки нельзя было разсмотрѣть, что́ происходитъ на верху. Вдругъ лоцмана окликнулъ тонкій голосъ, и горбатый садовникъ прошепталъ ему:

— Смотри, вонъ тамъ... сверкаютъ копья!.. Боже милостивый, теперь нѣтъ никакого сомнѣнія: это конскій топотъ. А вотъ послушай... чу! заржала лошадь... Занимается заря!.. Святые угодники, за нами погоня!

Рулевой напряженно присматривался и прислушивался въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Наконецъ онъ утвердительно кивнулъ головой и сказалъ Гиббусу:

— Ты не ошибся.

— Значитъ, птицеловъ разставилъ сѣти стаѣ перелетныхъ птицъ,—замѣтилъ горбунъ, вздыхая.

Но кормчій сдѣлалъ ему знакъ замолчать и сталъ осматриваться кругомъ. Потомъ онъ приказалъ садовнику разбудить Руфинуса и корабельныхъ плотниковъ, а монахинь увести въ каюту.

— Онѣ будутъ тамъ, какъ финики, которые присылаются въ ящикахъ изъ Рима, пробормоталъ шутникъ, отыскивая своего господина.—Бѣдняжки, да хранитъ ихъ святая Цецилія, чтобъ имъ не задохнуться! А я, клянусь честью, готовъ сейчасъ же спрыгнуть въ воду и погостить у фламинго и журавлей въ тростникахъ! Что́ за радость подставлять шею подъ кривую саблю араба!

Digitized by Google

Да нечего дѣлать: жаль добрую душу, мою госпожу Іоганну, которой я поклялся охранять стараго господина!

Пока Гиббусъ исполнялъ свои порученія, лоцманъ совѣщался съ рулевымъ. Къ счастью, по близости не было моста. Если всадники, ѣхавшіе по берегу, были арабы, посланные въ погоню за бѣглецами, то имъ придется подъѣхать къ баркѣ вплавь; между тѣмъ рѣка, стадіяхъ въ трехъ ближе къ устью, значительно расширялась и протекала по болотистой мѣстности. Единственный фарватеръ тянулся здѣсь вдоль западнаго берега, и конный отрядъ рисковалъ завязнуть въ рѣчномъ илѣ, отыскивая бродъ. Если судну удастся достичь этого пункта, тогда можно надѣяться уйти отъ преслѣдованія.

Опытный лоцманъ уговаривалъ матросовъ сильнѣе налечь на весла, и вскорѣ барка повернула къ западному краю русла; теперь ее отдѣляла отъ восточнаго берега топкая мель, тянувшаяся на далекое разстояніе.

Тѣмъ временемъ занялась заря, окрашивая небо яркимъ багрянцемъ. Она какъ будто предвѣщала жестокую битву и кровопролитіе.

Злой умыселъ Катерины удался вполнѣ. Векилъ Обада, по настоянію епископа, послалъ конный отрядъ въ погоню за монахинями, приказывая доставить бѣглянокъ обратно въ Мемфисъ, а ихъ провожатыхъ взять въ плѣнъ. Однако судно прошло незамѣченнымъ мимо таможенной стражи, и партіи арабовъ пришлось раздѣлиться, чтобы не выпускать изъ виду и втораго нильскаго рукава. По берегу Фатметійскаго протока поѣхало двѣнадцать всадниковъ; этого числа было совершенно достаточно, для того чтобы арестовать двадцать пять монахинь и горсть матросовъ, которые едва ли даже будутъ защищаться. О присутствіи на баркѣ корабельнаго мастера съ сыновьями и товарищами векилъ не могъ и подозрѣвать.

Преслѣдователи отправились въ путь ровно въ полдень и за два часа до разсвѣта настигли барку. Однако ихъ предводитель счелъ за лучшее отложить нападеніе до солнечнаго восхода, чтобы никто изъ бѣглецовъ не могъ ускользнуть. Онъ былъ арабъ, какъ и его подчиненные: направленіе нильскаго рукава было имъ извѣстно, но они не знали его особенностей.

Какъ только погасла утренняя звѣзда, мусульмане совершили молитву и выѣхали на открытое мѣсто изъ чащи папируса.

Ихъ предводитель приложилъ руки къ губамъ въ видѣ трубы и протяжно крикнулъ: „стой!“ Потомъ онъ прибавилъ, что барка должна немедленно вернуться обратно въ Фостатъ по прика-

Digitized by Google

зу намѣстника. Путешественники, повидимому, повиновались; матросы положили весла, и судно остановилось. Капитанъ узналъ въ говорившемъ начальника охранительной стражи въ Фостатѣ, человѣка строгаго, и только тутъ ему стало ясно, какую страшную отвѣтственность навлекъ онъ на себя. Привыкшій подчиняться властямъ, хозяинъ барки объявилъ своимъ спутникамъ, что всякое сопротивленіе было бы безуміемъ, и потому имъ только остается безпрекословно исполнить волю намѣстника. Онъ былъ не прочь провести чиновниковъ правительства, но понималъ, что открытая борьба здѣсь невозможна.

Встревоженный Руфинусъ принялся съ жаромъ доказывать капитану всю безполезность такой уступки. Онъ все равно подвергался наказанію, поднимет ли оружіе, или сдастся безъ бою. Старый корабельщикъ поддержалъ эту рѣчь.

— Мы строили твое судно, воскликнулъ Мелампусъ, и я знаю тебя, Сетнау; ты не предашь насъ, какъ Іуда; въ противномъ же случаѣ здѣсь, на палубѣ, сейчасъ прольется христіанская кровь, прежде чѣмъ мы проучимъ невѣрныхъ!

Капитанъ, со всей необузданностью горячей южной крови, ударилъ себя кулакомъ въ грудь и въ лобъ, восклицая, что онъ несчастный погибшій человѣкъ, и принимаясь оплакивать жену и дѣтей. Но Руфинусъ успокоилъ его. Переговоривъ съ игуменьей, старикъ убѣдилъ хозяина барки, что ему нечего ждать пощады отъ арабовъ, тогда какъ въ христіанскихъ владѣніяхъ онъ можетъ устроиться какъ нельзя лучше. Настоятельница монастыря обѣщала взять его съ семействомъ на корабль и высадить на берегъ, гдѣ они пожелаютъ.

Тутъ Сетнау вспомнилъ о своемъ братѣ, жившемъ на островѣ Кипрѣ; однако, оставляя отечество, бѣдняку приходилось бросить и родимый домъ въ Даміэттѣ, и садъ, гдѣ вызрѣвали теперь финики на пятидесяти деревьяхъ, и только что построенную барку, которая доставляла пропитаніе ему съ семействомъ. Когда капитанъ объяснилъ это Руфинусу, горькія слезы текли по его загорѣлому лицу. Добрый старикъ былъ тронутъ этимъ наивнымъ горемъ и сказалъ, что, если имъ удастся спасти монахинь, хозяину судна будетъ щедро заплачено за убытки изъ монастырской казны, находящейся тутъ же на лицо, въ тяжеломъ, окованномъ желѣзомъ, сундукѣ. Онъ можетъ самъ сдѣлать оцѣнку своей собственности и, кромѣ того, ему дадутъ особую награду.

Сетнау обмѣнялся многозначительнымъ взглядомъ со своимъ братомъ, стоявшимъ на рулѣ, и когда получилъ обѣщаніе, что и тотъ будетъ взятъ на корабль, то немедленно ударилъ по ру-

Digitized by Google

камъ съ Руфинусомъ. Потомъ онъ встряхнулся, какъ будто освобождая себя отъ какихъ-то стѣснительныхъ путъ, молодецки заломилъ на бекрень кожаную шапочку на стриженой головѣ, выпрямился во весь ростъ и насмѣшливо крикнулъ арабу:

— Если тебѣ нужно что нибудь отъ меня, то приди и достань.

Начальникъ охранительной стражи не разъ оскорблялъ лодочника и другихъ египтянъ своимъ высокомѣріемъ. Теперь Сетнау пользовался случаемъ разсчитаться съ нимъ за прошлое.

Терпѣніе мусульманъ давно истощилось. Послѣ вызывающихъ словъ капитана, ихъ предводитель подалъ знакъ своимъ воинамъ и первый спрыгнулъ въ воду; но переднія лошади вскорѣ такъ глубоко завязли въ илѣ, что не было возможности подвигаться дальше и пришлось повернуть назадъ. При этомъ одна упрямая лошадь опрокинулась, и ея всадникъ захлебнулся жидкой грязью.

Тутъ защитники судна увидали, какъ ихъ непріятели, жестикулируя и горячась, совѣтовались между собою. Хозяинъ барки опасался, что они откажутся отъ нападенія и поскачутъ въ Даміэтту, гдѣ помѣшаютъ побѣгу виновныхъ, соединившись съ арабскимъ гарнизономъ этого порта. Но онъ забылъ о безумной отвагѣ мусульманскаго войска, привыкшаго преодолѣвать въ бою всевозможныя препятствія. Небольшой отрядъ смѣльчаковъ порѣшилъ, во что бы то ни стало, овладѣть судномъ, взять въ плѣнъ и наказать его пассажировъ.

Съ барки было видно, какъ шестеро всадниковъ и въ числѣ ихъ предводитель, спѣшились, привязали коней и срубили своими сѣкирами три пальмы, тогда какъ пять остальныхъ воиновъ поскакали къ югу. Они, очевидно, хотѣли объѣхать болото, переправиться черезъ нильскій рукавъ на болѣе удобномъ мѣстѣ и напасть на барку съзапада, пока товарищи подплывутъ къ ней на плоту.

На правомъ, восточномъ берегу рѣчнаго рукава, гдѣ пѣшіе арабы строили плотъ, была твердая земля, засѣянная хлѣбными растеніями; между полей проходила дорога въ Даміэтту. Между тѣмъ, по противуположному берегу, вблизи котораго стояло судно, далеко простиралось болото. Необозримая чаща папируса и другихъ тростниковыхъ растеній, превратившаяся отъ засухи въ солому, покрывала здѣсь просохшую и затвердѣлую болотистую почву. Хозяину барки пришла въ голову счастливая мысль воспользоваться поднявшимся по утру сильнымъ сѣверо-восточнымъ вѣтромъ и поджечь сухой тростникъ по ту сторону поперечнаго канала, который не допуститъ пожаръ распространиться дальше

Digitized by Google

къ сѣверу. Пятерымъ всадникамъ, посланнымъ впередъ для переправы, приходилось ѣхать черезъ эту заросль. Вѣтеръ долженъ былъ погнать огонь имъ на встрѣчу, и арабамъ угрожала опасность задохнуться въ дыму или утонуть въ топкомъ мѣстѣ, если они вздумаютъ, спасаясь отъ пламени, спрыгнуть въ воду на ненадежномъ грунтѣ.

Какъ только зоркій глазъ рулеваго замѣтилъ съ вершины мачты, что мусульманскіе всадники переправились черезъ рѣку далѣе къ югу, тростникъ былъ подожженъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Огонь вспыхнулъ, послышался трескъ; сѣровато-бѣлый дымъ понесся по направленію вѣтра. Языки пламени, точно гигантскія ящерицы желтаго и краснаго цвѣта, вспыхивали то здѣсь, то тамъ, взбѣгали по высокимъ верхушкамъ камыша, стлались по землѣ, жадно охватывая сухую растительность на своемъ пути и оставляя за собою одинъ бѣловатый пепелъ на потрескавшейся отъ лѣтняго зноя землѣ. Воздухъ становился жаркимъ; отдѣльныя облачки дыма доносились до барки и стѣсняли дыханіе.

Большой нильскій корабль шелъ изъ Даміэтты. Барка бѣглецовъ загородила ему узкій фарватеръ. Капитанъ судна оказался родственникомъ Сетнау. Узнавъ, что здѣсь готовится битва съ арабскими разбойниками, онъ послушался совѣта земляковъ, поворотилъ съ большимъ трудомъ свой корабль и остановился на якорѣ противъ ближайшаго мѣстечка для предупрежденія другихъ судовъ, шедшихъ отъ устья Нила. Тѣ, которыя шли съ юга, были задержаны разроставшимся пожаромъ въ камышахъ.

Шестеро воиновъ на восточномъ берегу съ бѣшенствомъ и ужасомъ замѣтили происходившее. Они успѣли уже связать между собою пальмовые стволы и готовились къ нападенію на непокорныхъ. Но пассажиры на баркѣ Сетнау также не дремали. Каждый изъ мужчинъ вооружился; одинъ изъ корабельныхъ плотниковъ былъ посланъ въ сопровожденіи матроса на берегъ. Имъ предстояло пробраться сквозь камыши, переплыть рѣку дальше къ сѣверу и перебить лошадей арабовъ, когда тѣ поплывутъ на своемъ плоту, а если по единственной дорогѣ, ведущей въ Даміэтту, будетъ посланъ гонецъ, то покончить и съ нимъ.

Теперь шестеро всадниковъ подвигались къ баркѣ, толкая передъ собою плотъ. На немъ лежали ихъ колчаны и луки; древесные стволы поддерживали солдатъ на водѣ, давая имъ возможность только слегка касаться ногами болотистой почвы. Все это были настоящіе бойцы, неустрашимые сыны пустыни, созданные природой какъ будто по образцу совершеннѣйшаго тво-

Digitized by Google

ренія между пернатыми—царственнаго орла. Дальнозоркіе, съ твердыми, но тонкими костями, съ сухощавыми подвижными членами, съ загорѣлыми, смѣло очерченными лицами, они обладали мужествомъ, задоромъ и хищничествомъ царя птицъ.

Каждый изъ арабовъ крѣпко держался лѣвой рукой за край плота, прикрываясь круглымъ щитомъ отъ града стрѣлъ, которыя посыпались на осаждающихъ, едва они успѣли подвинуться на довольно близкое разстояніе къ судну. Гнѣвно скрипѣли ихъ бѣлые зубы, между тѣмъ какъ отъ орлинаго взгляда не ускользала никакая мелочь изъ того, что происходило на палубѣ непріятельской барки. Арабы не отступили бы назадъ даже и въ томъ случаѣ, еслибы судно защищали не двадцать матросовъ и плотниковъ, а полсотни египетскихъ воиновъ.

Сердца мусульманъ бились отвагой подъ блестящимъ панцыремъ, головы дѣятельно работали подъ стальнымъ шлемомъ, и они съ радостью убѣдились, что стрѣлы отскакиваютъ отъ ихъ крѣпкихъ щитовъ, не нанося ни малѣйшаго вреда. Эти люди жаждали крови, и смерть не пугала ихъ: при мысли о ней пылкое воображеніе рисовало передъ ними соблазнительныхъ гурій, сулившихъ неземное блаженство тому, кто падетъ въ честномъ бою.

Тонкій слухъ сыновъ пустыни безошибсчно уловилъ тихій шопотъ предводителя, когда осаждающіе подплыли къ самой баркѣ. Одинъ изъ нихъ тотчасъ ухватился за отворенное окно каюты; начальникъ отряда быстро вскочилъ къ нему на плечи, а потомъ и на палубу судна, предварительно заколовъ копьемъ матроса, который замахнулся на него топоромъ. За первымъ тотчасъ послѣдовалъ второй арабъ; двѣ кривыхъ сабли сверкнули на солнцѣ, пронзительные гортанные звуки огласили воздухъ; то былъ бѣшеный военный кликъ мусульманъ. Первой жертвой ихъ ярости сдѣлался хозяинъ барки; онъ упалъ навзничь съ зіяющей раной поперекъ лба и лица; но въ ту же минуту въ могучихъ рукахъ рулеваго взвилась къ верху тяжелая перекладина отъ паруса и предводитель отряда получилъ жестокій ударъ по головѣ. Родной братъ отомстилъ убійцѣ Сетнау.

На баркѣ поднялась страшная суматоха; дикій ревъ сражающихся слился съ рыданіями и визгомъ испуганныхъ монахинь. Второй мусульманинъ съ отчаянной храбростью сыпалъ меткіе удары направо и налѣво. Еще троимъ изъ его товарищей удалось взобраться на палубу; четвертаго непріятели столкнули въ воду. Изъ корабельныхъ плотниковъ было убито двое, изъ матросовъ пятеро. Руфинусъ опустился на колѣни возлѣ хозяина барки, со стономъ молившаго о помощи. Онъ истекалъ кровью и состра-

Digitized by Google

дательный старикъ принялся перевязывать раны несчастнаго, котораго ему хотѣлось спасти для оставленной въ Даміэттѣ семьи. Вдругъ на него самого обрушился сабельный ударъ. Изъ разсѣченнаго затылка и спины Руфинуса хлынула волна темной крови. Но его убійцу постигло немедленное мщеніе: корабельный мастеръ уложилъ его на мѣстѣ своимъ топоромъ.

Тѣмъ временемъ люди, пробравшіеся на восточный берегъ, перебили непріятельскихъ лошадей, чтобы не дать возможности мусульманамъ послать гонца въ Фостатъ или Даміэтту съ извѣстіемъ о случившемся.

Кровавая драма на палубѣ корабля приходила къ концу. Всѣ пятеро осаждающихъ были распростерты на полу. Остервенившіеся матросы безжалостно добили раненыхъ арабовъ.

Одинъ изъ матросовъ, влѣзшій на мачту, увидѣлъ оттуда, какъ пятеро другихъ всадниковъ, спасаясь отъ огня въ зарослях камышей, тростника и папируса, спрыгнули въ воду на топкомъ мѣстѣ и утонули. Такимъ образомъ, не уцѣлѣлъ ни одинъ изъ мусульманъ, чтобы сдѣлаться вѣстникомъ бѣды, постигшей его товарищей, какъ это часто устраиваетъ судьба или встрѣчается въ человѣческихъ вымыслахъ.

Монахини, еле живыя отъ страха, мало по малу ободрились и вышли изъ каюты. Болѣе опытныя въ уходѣ за больными и ранеными столпились вокругъ пострадавшихъ, открыли ящики съ лѣкарствами и принялись за дѣло. Барка снялась съ якоря, чтобы продолжать свой путь подъ управленіемъ рулеваго. Хотя солнце опять невыносимо жгло путешественниковъ, но среди хлопотъ и волненія они почти не замѣчали полуденнаго зноя.

Трупы пяти арабовъ и восьми христіанъ, въ числѣ которыхъ находилось двое грековъ съ корабельной верфи, были положены порознь на берегу вблизи одной деревни, причемъ игуменья вложила въ руку одному изъ нихъ дощечку съ надписью: „Восемь христіанъ, принявшихъ смерть въ честномъ бою на защиту угнетенныхъ. Помолитесь за нихъ и предайте ихъ землѣ, какъ и тѣхъ, которые сражались съ ними, повинуясь долгу и волѣ своего повелителя.“

Голова Руфинуса лежала на колѣняхъ садовника. Вѣрный слуга защищалъ его отъ зноя зонтикомъ настоятельницы. Когда раненому подали помощь, онъ пришелъ въ себя, осмотрѣлся вокругъ и сказалъ, указывая глазами на хозяина барки, положеннаго съ нимъ рядомъ:

— У меня тоже остались дома жена и любимая дочь, а все-таки.... Какъ мнѣ больно! Какъ важно смягчать физическія стра-

Digitized by Google

данія ближняго! Самое дѣйствительное въ жизни—это не удовольствіе, а боль, обыкновенная тѣлесная боль когда внутри такъ рветъ и горитъ... Воды, глотокъ воды!... Какъ хорошо было бы мнѣ теперь на попеченіи моей доброй Іоганны, въ нашемъ домѣ, гдѣ такъ прохладно!... Однако, нѣтъ: пріятнѣе всего на свѣтѣ исцѣлять чужія страданія, оказывать помощь всѣмъ, кто въ ней нуждается... Еще одинъ глотокъ... Воды съ виномъ, если можно, почтенная госпожа настоятельница!

Игуменья тотчасъ приготовила питье и утолила жажду больнаго, не переставая благодарить и утѣшать его. Наконецъ она спросила, какой услуги желаетъ отъ нея Руфинусъ, если имъ удастся спастись.

— Не забывай моей семьи, тихо отвѣчалъ старикъ. Пуль, конечно, захочетъ поступить въ монастырь, но ей не слѣдуетъ покидать своей матери, моей Іоганны...

Умирающій, какъ будто въ забытьи, съ тоскою и нѣжностью повторялъ дорогое имя. Тутъ съ нимъ сдѣлался приступъ озноба.

— Опять холодно, пробормоталъ онъ про себя... Дѣло плохо... Ударъ въ спину.... Рана на затылкѣ болитъ сильнѣе, но другая... Нехорошо, что она приходится слѣва.... Однако нѣтъ: такъ лучше; еслибъ я былъ раненъ въ правую сторону, то не могъ бы писать, а мнѣ нужно, мнѣ хочется.... пока еще не поздно. Подайте дощечку и палочку! Сейчасъ, сейчасъ.... Когда письмо будетъ готово, почтенная женщина, закрой дощечку, какъ можно плотнѣе. Ты обѣщаешь мнѣ это? Никто не долженъ знать содержанія письма, кромѣ того, кому я пишу. Гиббусъ, послушай! Передай мое посланіе врачу Филиппу въ собственныя руки. Вспомни свой пророческій сонъ о розѣ, выросшей на твоемъ горбу. Онъ означаетъ, что изъ земнаго горя выростаютъ радость и миръ въ небесной обители. Итакъ ты передашь мою послѣднюю волю Филиппу. Кромѣ того, запомни: въ Даміэттѣ живетъ мой товарищъ по ученью, врачъ Кристодоръ. Отвези къ нему мое тѣло, Гиббусъ... Вѣдь ты слышишь меня?.. Пусть Кристодоръ положитъ его въ ящикъ съ пескомъ, чтобы предохранить отъ разложенія; потомъ похороните мой прахъ въ Александріи, рядомъ съ могилой моей матери. Тогда Іоганна съ дочерью.... могутъ навѣщать меня по временамъ. Я оставляю имъ немного послѣ своей смерти. Но все, что будутъ стоить похороны....

— Эти расходы возьму на себя я; объ нихъ позаботится монастырь св. Цециліи! воскликнула игуменья.

— Не думай, чтобы я не имѣлъ ничего за душою, возразилъ съ улыбкой старикъ. Побереги монастырскія деньги для бѣдныхъ,

Digitized by Google

почтенная женщина. Вотъ здѣсь, въ маленькой сумочкѣ, ты найдешь больше золота, чѣмъ тебѣ понадобится, Гиббусъ. Однако подайте мнѣ поскорѣе... живо... дощечку!

Получивъ письменныя принадлежности, Руфинусъ сначала задумался, а потомъ началъ писать дрожащими пальцами, напрягая послѣднія силы.

Его губы подергивались отъ жестокой подавленной боли, въ глазахъ выражалось страданіе, но онъ не оставлялъ письма, несмотря на просьбы игумены и преданнаго слуги. Наконецъ умирающій вздохнулъ съ облегченіемъ, заперъ двойную дощечку, передалъ ее настоятельницѣ и произнесъ:

— Вотъ такъ... хорошенько закрыть! Передать врачу Филиппу въ собственныя руки; слышишь, Гиббусъ?

Тутъ страдалецъ лишился чувствъ, но когда ему освѣжили водою лобъ и воспаленныя раны, онъ опять пришелъ въ себя и тихо прошепталъ:

— Сейчасъ я видѣлъ во снѣ жену и дочь; онѣ принесли мнѣ смѣшную маску. Что это значитъ? Развѣ то, что я весь вѣкъ оставался глупцомъ, забывая себя и семью ради чужихъ страданій. Но нѣтъ, нѣтъ! Еслибы это было такъ, тогда все истинное и высокое можно назвать глупостью. Я... мои стремленія и та цѣль, которой я посвятилъ свою жизнь...

Руфинусъ смолкъ, но потомъ неожиданно выпрямился, взглянулъ просвѣтленными глазами на небо и громко воскликнулъ радостнымъ тономъ:

— О, милосердый Искупитель! Да, теперь я вижу... Благодарю Тебя!.. Къ чему я стремился, для чего жилъ, за то мнѣ приходится умирать! О, какъ это отрадно!... Ты сподобилъ меня умереть за правое дѣло.

Внезапно воскресшія силы снова измѣнили больному. Его голова начала сильнѣе горѣть, въ груди послышалось предсмертное хрипѣніе; съ его губъ, часто освѣжавшихся заботливою женскою рукою, срывались только имена тѣхъ, кто былъ особенно близокъ сердцу старика, и, между прочимъ, имя Паулы.

Въ пятомъ часу пополудни онъ откинулся на колѣни Гиббуса и пересталъ страдать. Въ его чертахъ застыла тихая улыбка и на лицѣ неугомоннаго скитальца появилось дѣтски-невинное выраженіе.

Садовникъ оплакивалъ своего любимаго господина, какъ роднаго отца. Никто не слышалъ больше отъ веселаго Гиббуса лишняго слова до самаго пріѣзда въ Даміэтту, гдѣ онъ свято исполнилъ волю покойнаго.

Digitized by Google

Морское судно, нанятое Оріономъ для монахинь, приняло въ число своихъ пассажировъ раненаго лодочника, Сетнау, съ женой и дѣтьми, его брата, рулеваго, и оставшихся въ живыхъ рабочихъ съ верфи.

Въ тотъ же часъ, когда Руфинусъ навѣки закрылъ глаза, отрядъ охранительной стражи въ Мемфисѣ явился въ покинутый монастырь подъ предводительствомъ епископа Плотина. Движимая и недвижимая собственность мелхитской киновіи была немедленно конфискована отъ имени патріарха Веніамина и якобитской церкви. На слѣдующее утро, епископъ отправился въ Верхній Египетъ, чтобы сообщить своему верховному главѣ обо всемъ случившемся.

XXXIV.

Врачъ Филиппъ поднялся съ мѣста, наскоро покончивъ завтракъ. Передъ его старымъ другомъ стояла еще на половину опорожненная тарелка, онъ не спѣшилъ ѣсть и съ неудовольствіемъ взглянулъ на товарища, который стоя наливалъ себѣ разбавленнаго вина. Въ прежнее время, по окончаніи завтрака, молодой врачъ охотно бесѣдовалъ съ Горусомъ Аполлономъ о новостяхъ дня или велъ съ нимъ серьёзные разговоры; для старика это былъ пріятный часъ отдохновенія, но теперь Филиппъ даже и обѣдалъ на скорую руку, чтобы только подкрѣпить свои силы.

Всѣ врачи въ городѣ были заняты день и ночь; прошло около трехъ недѣль послѣ бѣгства монахинь и катастрофы на Нилѣ; съ тѣхъ поръ невыносимый лѣтній зной усилился еще болѣе. Вода въ рѣкѣ продолжала идти на убыль; почтовые голуби изъ Эѳіопіи ежедневно приносили неутѣшительныя извѣстія; по берегамъ Нила образовались застои мутной, зловонной воды, которые сдѣлались источникомъ болѣзней для всего населенія; по краямъ рѣчнаго ложа отъ воды оставался красноватый осадокъ; водовороты засорились тиной и другими органическими остатками. Простонародье пило нефильтрованную воду, и въ его средѣ обнаружилась неизвѣстная до сихъ поръ смертельная заразительная болѣзнь. Число ея жертвъ возрастало со дня на день, и комета все увеличивалась въ объемѣ, по мѣрѣ усиливавшагося бѣдствія въ несчастномъ городѣ. Мемфиты суевѣрно приписывали кометѣ и невыносимую жару, и обмеленіе Нила, и заразу. Врачъ Филиппъ часто спорилъ по этому поводу съ Горусомъ Аполлономъ, который былъ убѣжденъ въ несомнѣнномъ вліяніи небесныхъ свѣтилъ на человѣческую жизнь.

Digitized by Google

Молодой александріецъ не соглашался съ нимъ и требовалъ доказательствъ, но, тѣмъ не менѣе, его самого тревожило неясное предчувствіе близкаго бѣдствія, угрожавшаго міру и человѣчеству.

На всей растительности въ садахъ обширнаго города, на пальмахъ и сикоморахъ, окаймлявшихъ улицы, лежали массы удушливой пыли. Зеленыя изгороди изъ тамарисковъ и другихъ шпалерныхъ растеній походили на источенныя стѣны безцвѣтнаго, необожженаго нильскаго кирпича; даже въ лучшихъ частяхъ города пѣшеходы поднимали густыя облака пыли; если же по раскаленной мостовой проѣзжала колесница или мчался всадникъ, за ними слѣдовалъ такой громадный столбъ сѣрой пыли, что прохожіе закрывали ротъ и глаза. Весь городъ представлялъ нѣмую, безотрадную пустыню; люди покидали свои жилища только по необходимости или отправляясь въ церковь. Каждый домъ походилъ на раскаленную печь, и самое купанье не приносило прохлады, потому что вода была постоянно нагрѣта. Къ довершенію бѣдъ, зрѣющіе финики на деревьяхъ начали покрываться наростами, они падали цѣлыми тысячами съ гроздьевъ подъ граціозно изогнутой лиственной короной пальмы; а съ нѣкоторыхъ поръ нильскія волны прибивали къ берегамъ все возраставшее количество дохлой рыбы. Очевидно, зараза постигла даже чешуйчатыхъ обитателей водъ, и врачъ Филиппъ предвидѣлъ, что это грозитъ новой опасностью людямъ. Никто не думалъ очищать береговъ отъ этого наноса, который тотчасъ загнивалъ подъ жгучими лучами солнца.

Горусъ Аполлонъ видѣлъ, какъ трудно его молодому другу добросовѣстно исполнять свой долгъ въ такія тяжелыя времена; но, два года назадъ, Мемфисъ былъ пораженъ чумою, и Филиппъ, не смотря на страшные труды, оставался добрымъ и веселымъ, обнаруживая еще больше энергіи среди всевозможныхъ испытаній. Теперь онъ былъ раздражителенъ и угрюмъ не потому, что обязанность врача требовала отъ него почти нечеловѣческихъ усилій; причиной всему было несчастное увлеченіе Паулой, которое Филиппъ не могъ побороть. Молодой человѣкъ не нарушилъ обѣщанія, даннаго имъ жрецу; ежедневно посѣщалъ онъ домъ Руфинуса, встрѣчаясь тамъ съ дочерью Ѳомы. И какъ раны убитаго начинаютъ сочиться кровью при взглядѣ убійцы, такъ и въ сердцѣ Филиппа пробуждалась прежняя боль, когда онъ встрѣчался съ Паулой и былъ принужденъ разговаривать съ нею. Для излѣченія этого сердечнаго недуга, нужно было дѣйствовать рѣшительно, и Горусъ Аполлонъ считалъ своею обязанностью вмѣшаться въ дѣло. Дамаскинку слѣдовало, во что бы то ни стало,

Digitized by Google

удалить съ дороги Филиппа; маленькая Марія и другіе паціенты въ домѣ Руфинуса поправлялись здоровьемъ; однако и тамъ тѣнь печали омрачала еще недавно беззаботную жизнь.

Іоганна съ Пульхеріей безпокоились о судьбѣ отца; ни онъ, ни монахини не давали до сихъ поръ о себѣ извѣстія, и обѣ женщины были въ страшной тревогѣ, повѣряя свои опасенія одному Филиппу. Пульхерія видѣла въ немъ добраго, всемогущаго генія. Уже три раза арабскіе чиновники приходили въ домъ справляться о причинѣ отсутствія хозяина, причемъ записывали показанія семьи. Іоганна, которой до сихъ поръ никогда не приходилось говорить неправды, должна была скрывать истину, и утверждала, что ея мужъ отправился по дѣламъ въ Александрію, откуда ему, пожалуй, придется проѣхать въ Сирію. Что значили эти разспросы? Неужели въ Фостатѣ узнали о томъ, что Руфинусъ содѣйствовалъ побѣгу монахинь?

Тамъ, дѣйствительно, было извѣстно гораздо больше, чѣмъ думали женщины, но власти хранили строжайшее молчаніе. Порабощенный народъ не долженъ былъ знать, что горсть египтянъ справилась съ цѣлымъ отрядомъ арабскихъ воиновъ; такимъ образомъ, по городу ходили только неясные слухи о происшедшемъ. Врачъ узналъ о поѣздкѣ Руфинуса слишкомъ поздно; онъ не могъ помѣшать ей, а теперь страдалъ при мысли, что все это можетъ кончиться очень плохо. Онъ слышалъ стороною о стычкѣ между бѣглецами и мусульманскими солдатами, которая стоила жизни многимъ, какъ съ той, такъ и съ другой стороны.

Паула также казалась разстроенной, ея щоки поблѣднѣли, гордая осанка смѣнялась по временамъ вялостью въ движеніяхъ; эта здоровая, сильная душою дѣвушка страдала, конечно, не отъ подавляющаго зноя, но отъ внутренней сердечной боли; причиной тому былъ Оріонъ, не умѣвшій цѣнить необъятнаго счастья быть любимымъ такою женщиной, какъ Паула. Такъ думалъ Филиппъ, который зналъ обо всемъ, происходившемъ въ домѣ мукаукаса. Нефорисъ умоляла врача не покидать ея, она до того привыкла къ употребленію опіума, что принялась поглощать его громадными дозами, доставая опасное лѣкарство черезъ другаго медика. Филиппъ безуспѣшно отговаривалъ ее отъ этого и продолжалъ свои посѣщенія, надѣясь, по крайней мѣрѣ, держать безразсудную паціентку въ извѣстныхъ границахъ.

Жена сенатора, Мартина, также требовала врачебной помощи; она собственно не была больна, но жестоко страдала отъ жары. Въ Константинополѣ ее ежедневно навѣщалъ старый домашній врачъ, и она привыкла выслушивать отъ него городскія новости,

Digitized by Google

жалуясь на незначительныя уклоненія отъ нормы въ своемъ чрезвычайно здоровомъ организмѣ. Болтать Филиппу, разумѣется, было некогда, но онъ охотно давалъ мнимой больной практичные совѣты, которые помогали ей переносить непривычный африканскій зной. Молодой человѣкъ нравился Мартинѣ своимъ умомъ, открытымъ характеромъ, меткими сужденіями, а подчасъ и нѣкоторой рѣзкостью; Филиппъ, въ свою очередь, симпатизировалъ искренней, веселой сенаторшѣ. Подчасъ Мартинѣ удавалось даже вызвать улыбку у своего „Гермеса Трисмегиста“, который обыкновенно былъ „такъ страшно серьёзенъ, какъ будто на свѣтѣ не существовало больше ничего веселаго“. Остроумные отвѣты молодаго ученаго доказывали ей, что, не смотря на внѣшнюю суровость, онъ былъ не прочь пошутить, и не имѣлъ недостатка въ находчивости.

Эліодора, напротивъ, не представляла для Филиппа ничего привлекательнаго, хотя ея „молящіе“ глаза напоминали задумчивый взглядъ Пульхеріи; но дочь Руфинуса была проникнута искренней набожностью, тогда какъ пріѣзжая византійка любила земныя наслажденія. Филиппа отталкивала крайняя мягкость красавицы, граничившая съ безхарактерностью; Эліодора никогда не умѣла отстаивать своихъ мнѣній, вѣчно готовая на уступки.

Общество племянницы, какъ видно, тяготило умную, воспріимчивую Мартину, привыкшую проводить каждый вечеръ въ живой бесѣдѣ съ избраннымъ кружкомъ знакомыхъ. Сенаторша называла краткіе визиты Филиппа „оазисами“ въ ея теперешней скучной жизни, гдѣ даже приходъ Катерины служилъ для нея большимъ развлеченіемъ.

Молодая дѣвушка сдѣлалась ежедневной гостьей въ домѣ намѣстника; ея веселость, а порой и довольно ядовитыя шутки забавляли матрону. Вдова Сусанна не запрещала дочери видѣться съ пріѣзжими, послѣ того какъ Эліодора явилась къ ней въ роскошномъ туалетѣ и пригласила мать Катерины къ себѣ въ гости въ Константинополь. Сусанна дѣйствительно намѣревалась переселиться изъ Мемфиса въ Византію, и ей было бы пріятно вступить въ кругъ столичнаго общества черезъ такихъ важныхъ лицъ, какъ жена и племянница сенатора Юстина. Конечно, Мартинѣ приходилось услышать очень многое о Паулѣ. Катерина описывала свою соперницу съ невыгодной стороны, однако сенаторшѣ хотѣлось видѣть дочь великаго полководца; судя по словамъ „мотылька“, молодая дамаскинка не могла затмить Эліодоры. При своей рѣдкой красотѣ, она была надменна и неласкова, а, сверхъ того, такая же мелхитка, какъ и онѣ сами. Что заставило Оріона отдать ей предпочтеніе?

Digitized by Google

Катерина предлагала сенаторшѣ познакомить ее съ дамаскинкой, но та не могла рѣшиться выйти изъ своихъ прохладныхъ комнатъ и ограничивалась разсказами Эліодоры о прекрасной дочери героя. Между молодой вдовой и Катериной возникла дружба, причемъ дочь Сусанны скоро взяла верхъ надъ слабохарактерной пріятельницей; своенравная дѣвушка постаралась, на потѣху себѣ, свести обѣихъ соперницъ, предварительно разсказавъ каждой изъ нихъ все то, что она знала объ отношеніяхъ Оріона къ другой. Между тѣмъ самообладаніе Паулы не давало никакой пищи злорадству Катерины; дочь Ѳомы не выдала ничѣмъ своихъ чувствъ.

Эліодора, напротивъ, вернулась домой встревоженная и грустная; пріемъ дамаскинки былъ холодно-вѣжливъ, и въ молодой женщинѣ утвердилась мысль, что гордая красавица восторжествуетъ надъ ней.

Какъ раненый, несмотря на боль, постоянно ощупываетъ свою рану, такъ и Эліодора часто ходила къ Катеринѣ, чтобы наблюдать за Паулой изъ сосѣдскаго сада, или даже посѣщать ее, не смотря обычную холодность дочери Ѳомы.

Сначала вдова внушала Катеринѣ состраданіе, но скоро это чувство смѣнилось ненавистью, и дѣвушка съ удовольствіемъ язвила ее, гдѣ возможно. На Паулу нисколько не дѣйствовали злыя шутки мнимой пріятельницы, хотя дочь Сусанны изыскивала всѣ средства отомстить ей за прошлое; измѣна Оріона по прежнему не давала ей покою, отравляя жизнь избалованному „мотыльку“. Между тѣмъ всѣ старанія возбудить ревность дамаскинки пропадали даромъ; она понимала, что Оріонъ не оставилъ бы Эліодоры, еслибъ отвѣчалъ на ея любовь; встрѣча съ нею послужила причиной его отъѣзда изъ Мемфиса; пріѣзжая византійка была, конечно, та бѣдная обманутая женщина, съ которой сынъ мукаукаса сошелся въ столицѣ. Ради нея случилась злополучная кража изумруда. Когда Оріонъ вернется обратно, то Паулѣ стоитъ отдать ему свою руку, чтобы сдѣлаться неограниченной владычицей его сердца; дѣвушка нисколько не сомнѣвалась въ этомъ, и если на нее находили минуты глубокой грусти, причиной тому былъ не страхъ потерять возлюбленнаго, но забота о пропавшемъ отцѣ и о бѣдномъ Руфинусѣ съ семьею; эти преданные друзья давно сдѣлались близки сердцу Паулы.

Такъ шли дѣла до того дня, когда врачъ Филиппъ, къ досадѣ Горуса Аполлона, наскоро покончилъ свой завтракъ и молча наливалъ вино. Едва онъ успѣлъ поставить чашу на столъ, какъ на порогѣ показался привратникъ-негръ съ докладомъ,

Digitized by Google

что къ Филиппу пришелъ какой-то горбатый человѣкъ по очень важному дѣлу.

— По важному дѣлу? повторилъ врачъ. Еслибы мнѣ подарили еще четыре ночи къ моимъ двумъ въ придачу, или такой инструментъ, которымъ было бы можно растягивать время, тогда я взялъ бы новыхъ пацiентовъ, а теперь это немыслимо. Скажи посланному...

— Онъ не отъ больнаго, господинъ, перебилъ негръ, коверкая греческую рѣчь.—Горбунъ пришелъ издалека, это садовникъ стараго господина Руфинуса.

Филиппъ вздрогнулъ. У него явилось предчувствiе, что Гиббусъ принесъ недобрую вѣсть, и онъ съ волненiемъ приказалъ позвать его.

При первомъ взглядѣ на вѣрнаго слугу, все объяснилось.

Весельчакъ-садовникъ былъ неузнаваемъ. Дорожная пыль покрывала его толстымъ слоемъ съ ногъ до головы, такъ что онъ казался сѣдымъ старикомъ. Разорванныя сандалiи кое-какъ держались на ремняхъ; запыленное лицо бороздили струйки пота и слезъ. Когда врачъ протянулъ къ нему руку, Гиббусъ заплакалъ сильнѣе прежняго.

— Умеръ? съ нерѣшительностью и страхомъ спросилъ Филиппъ, невольно понизивъ голосъ.

Садовникъ могъ только утвердительно кивнуть головой.

Молодой ученый всплеснулъ руками и воскликнулъ внѣ себя отъ горя:

— Умеръ Руфинусъ, мой бѣдный старикъ Руфинусъ! Ну, скажи, ради Бога, какъ это случилось. Говори, говори скорѣе!

Гиббусъ показалъ на Горуса Аполлона и возразилъ рѣшительнымъ тономъ:

— Выдемъ отсюда, господинъ, я долженъ говорить съ тобою безъ свидѣтелей.

Филиппъ объяснилъ, какая близкая дружба соединяетъ его съ почтеннымъ жрецомъ, и тогда горбунъ передалъ все, чему онъ былъ свидѣтелемъ во время несчастнаго путешествiя въ Дамiэтту.

Горусъ Аполлонъ нѣсколько разъ неодобрительно качалъ головою, слушая этотъ разсказъ; у Филиппа вырывались проклятiя. Когда Гиббусъ кончилъ, молодой человѣкъ печально опустилъ голову и прошепталъ:

— Бѣдный, добрый старикъ! Именно такъ и слѣдовало ему умереть, жертвуя собою для чужаго блага. Но какъ жаль, что эта участь постигла его, а не меня! Смерть Руфинуса поразитъ его близкихъ...

Digitized by Google

Онъ громко застоналъ. Горусъ сдѣлалъ нетерпѣливое движеніе и съ досадой взглянулъ на своего друга.

Пока Филиппъ снималъ печати съ дощечки, старательно заклеенной руками игумены, и принялся читать письмо, старый жрецъ спросилъ садовника:

— А монахини спаслись всѣ до одной?

— Да, господинъ. Въ день нашего прибытія въ Даміэттскій портъ, онѣ отплыли на кораблѣ въ Грецію.

— Пчелы погибли, а трутни уцѣлѣли! проворчалъ Горусъ.

Но садовникъ принялся расхваливать трудолюбивую жизнь сестеръ, у которыхъ онъ самъ однажды находился на попеченіи во время тяжкой болѣзни.

Тѣмъ временемъ Филиппъ успѣлъ прочесть предсмертное посланіе друга. Онъ въ безпокойствѣ заходилъ большими шагами по комнатѣ, потомъ остановился передъ Гиббусомъ и вскричалъ:

— Ну, какъ же намъ теперь быть: кто передастъ вдовѣ роковое извѣстіе?

— Передай ты, господинъ! произнесъ садовникъ, съ мольбой протягивая руки.

— Я такъ и зналъ! жолчно возразилъ тотъ. Все самое трудное, самое ужасное и невыносимое непремѣнно обрушивается на мою голову, но я не хочу и не въ силахъ этого сдѣлать! Развѣ мной была придумана безумная затѣя? Видишь, отецъ, мнѣ вѣчно приходится расхлебывать то, что заварить этотъ негодный мальчишка.

— Тяжело, дитя мое, тяжело, отвѣчалъ старикъ,—но это твой долгъ. Представь себѣ, если бѣдныя женщины увидятъ предъ собой такого посланника.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ не годится, торопливо прервалъ его Филиппъ. Сегодня опять одинъ изъ арабовъ былъ у Іоганны; если они замѣтятъ тебя въ такомъ видѣ, Гиббусъ, сейчасъ съ дороги, то тебѣ не сдобровать. Нѣтъ, бѣдный малый, твоя преданность господамъ заслуживаетъ лучшей награды. Можешь поселиться у насъ, не такъ ли, отецъ? Вѣдь Гиббусу не стоитъ возвращаться обратно на службу ко вдовѣ Руфинуса?

— Конечно, конечно, отвѣчалъ старый жрецъ.—Нилъ долженъ разлиться когда нибудь, а мнѣ давно хочется имѣть овощи изъ собственнаго огорода.

Но горбунъ скромно отклонилъ это предложеніе, говоря, что онъ намѣренъ вернуться къ своей прежней госпожѣ. Когда же Филиппъ еще разъ напомнилъ ему, какія опасности навлекаетъ онъ на себя, и Горусъ Аполлонъ принялся поддерживать его, садовникъ воскликнулъ съ жаромъ:

Digitized by Google

— Я обѣщалъ господину не покидать его семьи; у нихъ въ домѣ нѣтъ другаго свободнаго человѣка, кромѣ меня, неужели я покину ихъ, чтобы спасти свою жизнь? Нѣтъ, пускай лучше кривая сабля снесетъ мнѣ голову; я охотно уступлю негодямъ свое безобразное туловище.

При этихъ словахъ, сказанныхъ хриплымъ, прерывистымъ голосомъ, въ чертахъ вѣрнаго слуги произошла быстрая перемѣна; его щоки замѣтно поблѣднѣли подъ слоемъ пыли, и Филиппу пришлось поддержать горбуна, у котораго подкосились ноги. Продолжительное путешествіе пѣшкомъ при страшномъ зноѣ изнурило его силы; однако, выпивъ вина, Гиббусъ снова ободрился. Тутъ маститый хозяинъ приказалъ рабу отвести его на кухню и хорошенько накормить.

Когда оба ученыхъ остались одни, Горусъ Аполлонъ сказалъ:

— Безразсудный старый младенецъ, отдавшій Богу душу, повидимому, требуетъ отъ тебя чего-то необычайнаго; это было замѣтно по твоему лицу, когда ты читалъ письмо.

— Вотъ посмотри самъ, отвѣчалъ врачъ, принимаясь снова ходить по комнатѣ, пока старикъ разбиралъ посланіе.

Обѣ стороны дощечки были покрыты неправильными, волнообразными рядами буквъ; письмо начиналось такими словами:

„Руфинусъ предъ лицомъ смерти—своему возлюбленному Филиппу.

„Приступы страшнаго озноба слѣдуютъ одинъ за другимъ; навѣрное я умру сегодня же. Надо спѣшить. Писать мнѣ очень трудно. Скажу только самое нужное; во-первыхъ, объ Іоганнѣ и моей бѣдной дочери. Сдѣлай для нихъ все, что можешь. Мнѣ слѣдовало больше заботиться о нихъ. Оберегай осиротѣвшихъ женщинъ, какъ опекунъ, киріосъ и другъ; имъ нужно еще жить, и онѣ могутъ принести отраду другимъ. Нашимъ состояніемъ завѣдуетъ мой братъ, Леонаксъ, человѣкъ честный. Іоганна знаетъ все. Скажи ей и бѣдной Пуль, что я тысячу разъ благословляю ихъ, а Іоганну благодарю за все хорошее, что она мнѣ сдѣлала. А ты, другъ, послушайся старика, излѣчись отъ любви къ Паулѣ, она не для тебя; судьба предназначила ее для молодаго Оріона. Тѣ, кто съ самаго рожденія поставлены судьбою на высоту, рѣдко нисходятъ до насъ, которымъ пришлось собственными усиліями пробивать себѣ дорогу. Будь другомъ Паулы, она заслуживаетъ этого, но не оставайся одинокимъ. Самое лучшее, что можетъ испытать мужчина, вноситъ въ его существованіе любящая женщина; въ мрачный сонъ жизни вплетаетъ она радужныя грезы. Но ты не испыталъ еще этого. Твой почтенный старый

Digitized by Google

другъ, котораго я привѣтствую, также весь вѣкъ оставался одинокимъ. Слѣдующее касается тебя одного. Вникни въ слова умирающаго; узнай, что наша дѣвочка, бѣдная Пуль, считаетъ тебя лучшимъ изъ людей и ставитъ тебя выше всѣхъ. Ты знаешь какъ ее, такъ и мою Іоганну; эти обѣ женщины—воплощенная доброта. Ты носишь образъ другой дѣвушки въ твоемъ сердцѣ, и я не смѣю совѣтовать тебѣ, чтобы ты сдѣлался мужемъ Пульхеріи, хотя она была бы для тебя самой подходящей женой. Я обращаюсь къ вамъ обоимъ съ другимъ совѣтомъ: вы, отецъ и сынъ, поселитесь вмѣстѣ съ бѣдною Іоганною и нашей дочерью, какъ вѣрные и близкіе друзья. Это принесетъ пользу обѣимъ сторонамъ, вспомните слова умирающаго. Больше не могу писать; я дѣлаю тебя опекуномъ обѣихъ женщинъ, Филиппъ, и знаю, что ты исполнишь мою волю. Въ теченіе долгихъ, прекрасныхъ лѣтъ мы стремились съ тобою къ одинаковой цѣли и одинаково думали... Смотри же, не оставь моихъ сиротъ; молю тебя, не покидай ихъ".

Послѣднія слова были написаны отрывисто и неровно. Старый жрецъ съ трудомъ разобралъ ихъ. Какъ прежде Филиппъ, такъ теперь и онъ въ смущеніи и нерѣшительности смотрѣлъ на это странное завѣщаніе.

— Ну, какъ намъ быть? спросилъ наконецъ молодой врачъ.

— Да, что̀ тутъ дѣлать? замѣтилъ Горусъ Аполлонъ, пожимая плечами. Наступила пауза. Старикъ поднялся съ мѣста и сталъ ходить по комнатамъ, опираясь на костыль.

— Обѣ онѣ—тихія и разумныя женщины, пробормоталъ онъ, какъ бы говоря самъ съ собою,—я думаю, немного найдется такихъ. Какъ заботливо помогла мнѣ встать добрая малютка съ низкаго кресла въ саду, когда я былъ у нихъ въ гостяхъ!

При этомъ жрецъ тихонько захихикалъ и остановилъ Филиппа за руку, когда тотъ проходилъ мимо его.

— Человѣку слѣдуетъ испытать все на свѣтѣ, продолжалъ онъ съ несвойственнымъ ему задоромъ,—я не прочь воспользоваться женской заботливостью, прежде чѣмъ сойду въ могилу. Но правда ли, что вдова и дочь Руфинуса не любятъ праздности и бабьей болтовни?

— Само собой разумѣется, отвѣчалъ врачъ.

— Но что̀ же можно сказать противъ нашего переселенія къ нимъ? спросилъ жрецъ.—Будемъ хоть разъ въ жизни легкомысленны, любезный собратъ; еслибъ это не было такъ чертовски серьёзно, я бы отъ души расхохотался. Подумай только, сынокъ: въ часы отдыха молоденькая дѣвушка будетъ сидѣть напротивъ

Digitized by Google

меня, а старуха—напротивъ тебя. Бѣлье наше старательно будетъ вымыто, платье починено, книги въ порядкѣ; поутру мы услышимъ ласковое привѣтствіе: „радуйся", а за столомъ... Взгляни на эти фрукты на тарелкѣ: они насыпаны точно овесъ на угощеніе лошадямъ, а въ домѣ старика Руфинуса ихъ подавали точно также, какъ бывало у насъ на островѣ Фила... Лакомство вдвое пріятнѣе, когда оно красиво разложено на блюдѣ. Пуль, повидимому, такая же искусная хозяйка, какъ моя покойная сестра. Кромѣ того, когда мнѣ захочется встать, меня поддержитъ маленькая красивая ручка. Наша квартира давно никуда не годится: въ спальнѣ съ потолка летитъ известка и пыль, здѣсь въ полу широкія трещины, такъ что я вчера споткнулся, а наши недотроги-хозяева, господа булевты, говорятъ, что мы можемъ производить ремонтъ на свой счетъ, такъ какъ у нихъ нѣтъ на это ни единой сестерціи. Между тѣмъ у старика Руфинуса все было въ лучшемъ видѣ...

Тутъ Горусъ Аполлонъ опять громко захихикалъ и, потирая руки, продолжалъ:

— Ну, какъ ты думаешь, не измѣнить ли намъ своего образа жизни, Филиппъ? Что, если мы исполнимъ волю умирающаго? Великая, милосердая Изида! Это было бы доброе дѣло, и я охотно соглашаюсь пожертвовать для него своими привычками. Какъ ты думаешь? вѣдь мы могли бы предложить имъ сначала помѣсячное вознагражденіе...

Потомъ онъ снова сдѣлался серьёзнымъ, покачалъ головой и сказалъ въ раздумьѣ:

— Нѣтъ, нѣтъ, тогда, пожалуй, придется потерять свое спокойствіе... Это пріятная мечта, но ее будетъ трудно осуществить.

— Тѣмъ болѣе теперь, подхватилъ врачъ. Пока дамаскинка не устроится, нечего и думать о нашемъ переселеніи.

У стараго жреца вырвалось проклятіе, и онъ воскликнулъ, сердито сверкая глазами:

— Вездѣ и всюду эта гордая патриціанка! Змѣя въ образѣ женщины! Сколько отъ нея происходитъ зла! Но погоди, постой!.. Надѣюсь, что мы скоро избавимся отъ нея, и тогда... Я не хочу отступаться отъ того, что можетъ украсить намъ жизнь. Въ противномъ случаѣ, мнѣ надо отвѣчать на томъ свѣтѣ за свое малодушіе. Воля умирающаго священна, такъ говорили наши отцы, и они были правы. Пусть желаніе Руфинуса исполнится. Да, да, это рѣшено! Устранивъ всякія препятствія, мы поселимся вмѣстѣ съ Іоганной и ея дочерью. Я такъ хочу и не измѣню своему слову.

Digitized by Google

Тутъ снова въ комнату вошелъ садовникъ, и жрецъ воскликнулъ, обращаясь къ нему:

— Послушай, милый, все таки выходитъ такъ, что мы будемъ жить вмѣстѣ, но объ этомъ потолкуемъ послѣ. До сумерекъ оставайся съ моими людьми, только смотри: не говори лишняго; всѣ они болтуны и шпіоны. Теперь господинъ Филиппъ передастъ печальное извѣстіе вдовѣ, а ночью ты можешь переговорить съ нею подробно. Все случившееся, и даже смерть твоего господина, должно остаться тайной для постороннихъ.

Садовникъ зналъ, какъ многое зависѣло отъ его молчанія. Отправляясь ко вдовѣ, Филиппъ былъ задумчивъ.

— Ободрись, сынъ мой, сказалъ ему Горусъ Аполлонъ. А когда пойдешь изъ дому, загляни въ нашъ садикъ. Мы жалѣли высокую старую пальму, когда она засохла, а теперь изъ ея корня растетъ молодое зеленѣющее деревцо.

— Со вчерашняго дня оно опустило листья и, вѣроятно, пропадетъ, отвѣчалъ Филиппъ, пожимая плечами.

— Его сейчасъ же надобно полить, Гиббусъ! воскликнулъ старикъ.—Ступай въ садъ и полей молодую пальму.

— Хорошо, что у васъ есть вода подъ рукой, замѣтилъ врачъ и, остановившись на порогѣ, прибавилъ съ горечью:—Не всегда бываетъ такъ легко помочь бѣдѣ!

— Терпѣніе и добрая воля преодолѣютъ всѣ препятствія, пробормоталъ Горусъ Аполлонъ и, оставшись одинъ, съ досадой продолжалъ:—Какъ мы срубили засохшій пальмовый стволъ, такъ нужно покончить и съ прошлымъ Филиппа, куда замѣшана эта знатная дѣвчонка. Въ огонь его! Но какъ я доберусь до нея? Что мнѣ придумать? Какъ быть?

Онъ снова бросился въ кресло, потирая лобъ рукою; въ эту минуту, въ комнату вошелъ негръ съ докладомъ о нѣсколькихъ посѣтителяхъ, желавшихъ видѣть ученаго. Это были старшины мемфисскаго сената, посланные за совѣтомъ къ маститому жрецу. Они были увѣрены, что Горусъ Аполлонъ найдетъ средство отвратить отъ города и всей страны наступившее страшное бѣдствіе, хотя противъ него оказывались безсильными христіанскія молитвы, вклады въ церковь, крестные ходы и странствія ко святымъ мѣстамъ. Мемфиты дошли до отчаянія и рѣшились не отступать ни передъ чѣмъ, даже еслибъ имъ пришлось прибѣгнуть къ языческому колдовству.

XXXV.

Дружба между Эліодорой и Катериной продолжалась недол-

Digitized by Google

го. Въ одну безлунную темную ночь молодая дѣвушка потихоньку отъ матери отправилась со своей новой пріятельницей къ ворожеѣ, въ сопровожденіи горничной и глухонѣмаго конюха. Въ то время, въ Мемфисѣ было множество предсказательницъ, алхимиковъ и чародѣевъ. Гадальщица предрекла молодой женщинѣ, что она достигнетъ величайшаго счастья и осуществленія самыхъ завѣтныхъ надеждъ.

Съ этого момента Катерина возненавидѣла соперницу, которая угрожала восторжествовать надъ нею.

Эліодора пришла къ ворожеѣ въ простомъ, но богатомъ одѣяніи. Ея пеплумъ застегивался на плечѣ не золотою пряжкой, а пуговицей изъ громаднаго сапфира. Такая роскошь тотчасъ бросилась въ глаза гадальщицѣ; она поняла, что имѣетъ дѣло съ богатой и знатной женщиной. Скромно одѣтая дочь Сусанны показалась ей бѣдной дѣвушкой, и потому хитрая женщина предсказала „мотыльку“ далеко не такую заманчивую будущность, а только устраненіе нѣкоторыхъ препятствій и, наконецъ, бракъ съ пожилымъ человѣкомъ, отъ котораго у нея будетъ много дѣтей.

Занятія ворожеи, повидимому, приносили ей большой доходъ; внутренность ея жилища рѣзко отличалась отъ обстановки жалкихъ лачужекъ въ этой бѣдной части города, гдѣ жило самое безпутное населеніе. Но внѣшній видъ дома гадальщицы Медеи почти ничѣмъ не отличался отъ сосѣднихъ хижинъ; ей приходилось соблюдать большую осторожность, такъ какъ городскія власти угрожали смертной казнью за чародѣйство и магію. Между тѣмъ маленькая зала безъ потолка, украшенная колоннами, гдѣ предсказательница принимала посѣтителей, была отдѣлана довольно роскошно. По стѣнамъ висѣли ковры, затканные символическими фигурами; колонны покрывала живопись; на маленькихъ алтаряхъ дымились надъ жаровней съ угольями тигели и котелки различныхъ величинъ; вокругъ всей комнаты возвышались на подставкахъ кубки, бутылки, кувшины; колесо, гдѣ порхала птица-вертиголовка; восковыя фигуры, и въ числѣ ихъ изображенія мужчинъ и женщинъ съ пронзеннымъ сердцемъ; клѣтка съ летучими мышами; стеклянныя банки, наполненныя пауками, лягушками, піявками, жуками, скорпіонами, тысяченожками и другими отвратительными тварями; у одной стѣны виднѣлись натянутые канаты, служившіе для магическихъ представленій. Воздухъ былъ пропитанъ крѣпкими ароматами, между тѣмъ какъ за дверью, скрытой занавѣсомъ, помѣщались музыканты. Оттуда слышалось то монотонное пѣніе дѣтей, то звонъ колокольчиковъ и глухіе удары барабана.

Digitized by Google

Ворожея Медея дополняла собою странное убранство этой комнаты; хотя ее нельзя было назвать старою женщиной, но блѣдное лицо, необычайная худоба и высокій ростъ придавали ей что-то зловѣщее. Кромѣ того, она высоко зачесывала на темени пучокъ совершенно черныхъ кудрей. Неожиданный приходъ посѣтительницъ засталъ врасплохъ Медею; многое было у нея не приготовлено къ пріему, почему она и просила Эліодору прійти вторично черезъ три дня. Молодая вдова опять явилась въ сопровожденіи Катерины.

Было бы непростительно оставить Египетъ, страну чародѣйства и магіи, не испытавъ на себѣ ихъ силы.

Сенаторша соглашалась съ этимъ, но сама не хотѣла ни о чемъ гадать. Она была довольна своей судьбою, а если въ ней предстояли перемѣны къ худшему, то не стоило тревожиться ими заранѣе или рисковать быть обманутой. Покой былъ для нея милѣе всего, но Мартина не желала мѣшать молодежи забавляться по своему.

Молодая вдова и дочь Сусанны не безъ волненія переступили порогъ гадальщицы, въ особенности Катерина. Послѣ полудня она видѣла Филиппа, выходившаго изъ дома Руфинуса, а вслѣдъ затѣмъ арабскихъ чиновниковъ, явившихся для допроса.

Передъ восходомъ солнца, Паула вышла въ садъ съ заплаканными глазами; немного спустя, къ ней присоединилась Пуль со своею матерью. Тутъ дамаскинка, рыдая, бросилась на шею Іоганнѣ, и всѣ три женщины долго плакали вмѣстѣ; очевидно, въ домѣ Руфинуса случилось что нибудь особенное.

Катерина отправилась къ сосѣдямъ, желая удовлетворить свое любопытство. Однако старая Бетта, не любившая дѣвушку, довольно рѣзко и даже невѣжливо попросила ее не безпокоить хозяевъ.

Кромѣ того, на улицѣ, съ нею и съ Эліодорою случилась непріятность: экипажъ Нефорисъ, изъ котораго онѣ хотѣли выйти у городскихъ воротъ, былъ задержанъ арабскими всадниками, причемъ ихъ предводитель подвергъ обѣихъ женщинъ допросу.

Такимъ образомъ, онѣ на этотъ разъ пришли въ домъ „кудрявой Медеи“, какъ люди прозвали ворожею, испуганныя, взволнованныя; но были встрѣчены здѣсь съ такою предупредительной вѣжливостью, что скоро успокоились, и даже пугливая Эліодора забыла свой страхъ. Гадальщица знала теперь, кто такая Катерина, и относилась съ большимъ почтеніемъ къ единственной дочери богатой вдовы Сусанны.

Узкій серпъ молодаго мѣсяца стоялъ на небѣ; по словамъ Медеи, это дѣлало ее проницательнѣе, чѣмъ во время „пунанегра“,

Digitized by Google

какъ она называла безлунную ночь. При первомъ приходѣ посѣтительницъ, ея умственное око было помрачено враждебными силами мрака, подвластными Тифону, а теперь она видитъ будущее, какъ въ серебряномъ зеркалѣ, послѣ трехдневнаго очистительнаго поста; въ настоящую минуту отъ нея не укроется ни одна пылинка. „Помогите мнѣ, дѣти Горуса, помоги Гапи и другіе блаженные духи!"—О, мои красавицы, продолжала съ одушевленіемъ Медея;—сотни знатныхъ женщинъ испытали мое искусство, но я никогда не видала такихъ счастливыхъ, какъ вы обѣ. Слышите ли, какъ кипитъ вода въ котлахъ счастья. Крышки такъ и подскакиваютъ—это просто неслыханно!

Произнося заклинанія, она протянула руку къ обоимъ сосудамъ и торжественно воскликнула:—Избытокъ благополучія, которое бьетъ черезъ край! Цефа, Метрамао!... Вернись обратно къ настоящему уровню, къ настоящей высотѣ, къ настоящей глубинѣ, къ настоящей мѣрѣ! Дай сюда твой локонъ, Меи-измѣритель, вымѣряй и взвѣсь все это, Техути, двойной Ибисъ!

Тутъ Медея усадила пришедшихъ на изящные стулья противъ огня, завязала имъ на безъимянномъ пальцѣ „анубійскую" нить, шопотомъ выпросила у нихъ по волоску и порывисто воскликнула со страхомъ и тревогой, какъ будто отъ этого зависѣло счастье или погибель обѣихъ женщинъ:

— Приложите палецъ съ анубійской нитью къ сердцу, не спускайте глазъ съ котла и пара, который возносится къ верху, къ свѣтлымъ духамъ въ блаженныя селенія!

Посѣтительницы, не помня себя отъ волненія, исполнили приказаніе ворожеи. Тутъ она неожиданно принялась кружиться на концахъ пальцевъ; густые волосы свѣсились ей на лицо, а волшебная палочка въ вытянутой правой рукѣ описывала широкіе круги. Вдругъ Медея вздрогнула и остановилась, какъ будто отъ испуга; лампы погасли, и зала освѣщалась теперь только звѣздами сквозь открытый потолокъ и раскаленными угольями на очагѣ. Раздалась тихая музыка, комната наполнилась новымъ сильнымъ ароматомъ. Гадальщица бросилась на колѣни, протянула руки къ небу и закинула голову, какъ будто у нея переломилась шея: въ этомъ странномъ положеніи она пѣла одно заклинаніе за другимъ, звонкимъ, страстнымъ голосомъ; ея локоны безпорядочно торчали въ стороны; каждую минуту Эліодора и Катерина ожидали, что Медея упадетъ навзничъ отъ прилива крови къ мозгу, но она продолжала пѣть; ея бѣлые зубы сверкали въ полусвѣтѣ; имена демоновъ и магическія формулы сыпались съ языка. Къ этому дикому пѣнію вскорѣ примѣшался

Digitized by Google

странный хрипъ, вздохи и жалобы, какъ будто умирающій боролся со смертью и плакалъ больной ребенокъ.

Наконецъ дѣтскій голосокъ сталъ слышнѣе:

— Воды, немножечко воды, умолялъ кто-то.

Эта фраза, сказанная на египетскомъ языкѣ, заставила женщину вскочить на ноги и вскрикнуть:

— Слышите жалобы обдѣленныхъ судьбою? Отъ нихъ отняли то, что̀ дано вамъ; они страдаютъ въ нуждѣ, а вы осыпаны благами, которыхъ достало бы сотнямъ людей.

Съ этими словами, сказанными по гречески, самымъ льстивымъ тономъ, ворожея обернулась къ занавѣсу и торжественно воскликнула по египетски:

— Дайте жаждущему пить: счастливцы даютъ ему немного отъ своего избытка. Успокойте демона—дѣтскаго мучителя, бѣлымъ напиткомъ, чтобъ онъ угасилъ свой огонь! Раздайся музыка, заглуши стоны воющихъ духовъ!

Медея обратилась къ котлу Эліодоры и съ важностью прибавила, какъ будто повинуясь высшей волѣ:

— Семь золотыхъ монетъ, чтобы окончить дѣло!

Пока молодая женщина вынимала кошелекъ, ворожея вновь зажгла лампы и бросила монеты въ кипящую жидкость, припѣвая:

— Чистое, блестящее золото! Солнечный свѣтъ, спрятанный въ нѣдрахъ земли! Святые семеро, соединитесь вмѣстѣ! Растопитесь и слейтесь воедино!

При этомъ она принялась выливать дымящуюся жидкость, черную, какъ чернила, изъ котла въ плоское блюдо, подозвала Эліодору къ себѣ и стала объяснять то, что̀ видѣлъ ея вѣщій взоръ на свѣтлой поверхности темнаго отвара.

Предсказанія оказывались вполнѣ благопріятными для молодой вдовы. Рѣчь ворожеи должна была внушить довѣріе къ ея искусству; она въ точности описала наружность Оріона, говоря о возлюбленномъ Эліодоры, и прибавила, что этотъ юноша находится теперь въ дорогѣ съ пожилымъ господиномъ. Потомъ гадальщица стала толковать о скоромъ возвращеніи его домой; о радостной встрѣчѣ любящихъ сердецъ. Воображаемое видѣніе закончилось картиной вѣнчанья, но не епископъ Мемфиса, а какой-то другой незнакомый прелатъ благословлялъ брачный союзъ византійки съ ея избранникомъ въ большомъ, великолѣпномъ храмѣ.

Катерина, которая со страхомъ слушала пѣніе гадальщицы и таинственные голоса духовъ, напряженно ловила теперь каждое

Digitized by Google

слово. Она не могла надивиться тому, что ворожея такъ вѣрно описала наружность Оріона и Софійскій соборъ въ Константинополѣ.

Сердце мучительно замирало у нея въ груди, но хотя молодая дѣвушка внимательно слушала Медею, до нея все таки доносились жалобные стоны и хриплое дыханіе изъ сосѣдней комнаты. Это еще сильнѣе увеличивало тоску Катерины и неопредѣленную боязнь. Нѣтъ, гадальщица говорила неправду: судьба не отнимала доли счастья у другихъ, чтобы дать его дочери Сусанны! Обманутая невѣста Оріона была безспорно самымъ несчастнымъ существомъ на свѣтѣ. Только томная красавица, стоявшая съ ней рядомъ, была щедро осыпана всѣми земными благами. О, еслибъ Катерина могла отнять ихъ у нея одно за другимъ, начиная съ крупнаго рубина, украшавшаго сегодня одежду Эліодоры, и кончая любовью вѣроломнаго юноши!

Блѣдная и взволнованная, приблизилась дѣвушка къ Медеѣ, когда пришла ея очередь и ею также были пожертвованы семь червонцевъ. Но она не интересовалась больше своимъ будущимъ; ей хотѣлось теперь одного мщенія счастливой соперницѣ.

Между тѣмъ черная жидкость была вылита изъ другаго котла на блюдо; отъ нея повалилъ горячій паръ, распространявшій пряный запахъ. Ворожея сдувала его въ сторону и какъ только отваръ немного охладился и поверхность его сдѣлалась блестящей, было приступлено къ гаданью. Медея спросила, о чемъ прежде всего желаетъ узнать Катерина. Однако та не успѣла отвѣтить: страшный звонъ и стукъ неожиданно потрясъ легкія стѣны. Предсказательница съ громкимъ, пронзительнымъ крикомъ уронила блюдо на полъ; горячія, отвратительныя брызги попали на одежду и руки молодой дѣвушки. Невыразимый ужасъ овладѣлъ ею; Эліодорѣ, которая сама едва устояла на ногахъ, пришлось поддержать подругу, чтобы не дать ей упасть.

Гадальщица исчезла; вмѣсто нея изъ-за двери выскочили: мальчикъ-подростокъ, молодой человѣкъ и высокая сухая дѣвушка—египтянка въ нищенской одеждѣ. Они метались по комнатѣ, хватая второпяхъ принадлежности колдовства и спуская ихъ въ открытое подполье. Черезъ минуту уголья были залиты; лампы потушены. Подростокъ и юноша съ угрозами и бранью толкнули женщинъ въ уголъ залы, послѣ чего сами, съ кошачьимъ проворствомъ, влѣзли по стѣнѣ на карнизъ открытаго потолка и скрылись.

Раздался пронзительный свистъ. Вслѣдъ затѣмъ, въ комнату вбѣжала гадальщица. Она схватила дрожащихъ посѣтительницъ за плечи и воскликнула:

Digitized by Google

— Сжальтесь надо мною, ради Христа! Здѣсь дѣло идетъ о моей жизни. За колдовство слѣдуетъ смертная казнь. Я изъ-за васъ попала въ бѣду. На мой домъ нагрянула стража. Вы непремѣнно должны сказать, что пришли ухаживать за больными!

Медея втолкнула обѣихъ женщинъ въ душную каморку позади занавѣса. Дѣвушка съ костлявыми членами проскользнула за ними. Здѣсь, на жалкой постели стоналъ старикъ, дрожа въ лихорадочномъ ознобѣ; на его обнаженной груди и лицѣ виднѣлись темныя пятна. Рядомъ съ нимъ, на другой кровати, метался въ жару пятилѣтній мальчикъ. Эліодорѣ казалось, что она задохнется въ этой жаркой заражонной атмосферѣ. Катерина въ страхѣ прижалась къ ней, но ворожея толкнула ихъ обѣихъ въ разныя стороны со словами: „ступайте каждая на свое мѣсто. Ты къ ребенку, а ты къ старику".

Ошеломленныя посѣтительницы машинально повиновались Медеѣ, которая задыхалась отъ волненія. Катерина, никогда не ходившая за больными, почувствовала ужасное отвращеніе при взглядѣ на горячечнаго, зато Эліодора съ сожалѣніемъ посмотрѣла на красиваго ребенка и вытерла ему своимъ платкомъ капли пота, проступавшаго на лбу.

Въ эту минуту, на крыльцѣ послышался звонъ оружія: дверь затрещала подъ напоромъ сильныхъ рукъ и подалась. Въ комнату вошелъ врачъ Филиппъ, приказавъ охранительной стражѣ оставаться на улицѣ. Онъ явился по порученію булевтовъ. Имъ донесли, что въ домѣ кудрявой Медеи находятся больные заразой, между тѣмъ какъ она продолжаетъ принимать посѣтителей, приходящихъ для ворожбы.

Городскія власти давно добирались до нея, а сегодня ихъ предупредили, что гадальщица ожидаетъ вечеромъ важныхъ гостей. Чиновникамъ хотѣлось застать ее съ поличнымъ; врачу предстояло опредѣлить характеръ болѣзни у паціентовъ. Во всякомъ случаѣ, сенатъ имѣлъ въ виду посадить обманщицу въ тюрьму.

Молодой врачъ менѣе всего ожидалъ встрѣтить у нея Эліодору и Катерину. Онъ взглянулъ на нихъ, неодобрительно качая головой, и прервалъ быстрый потокъ рѣчей Медеи, увѣрявшей, что благородныя дамы пришли сюда изъ христіанскаго милосердія навѣстить страждущихъ. „Это все объяснится послѣ", сказалъ онъ очень сухо, и затѣмъ вывелъ невольныхъ сидѣлокъ на свѣжій воздухъ.

Здѣсь Филиппъ поспѣшилъ объяснить имъ, въ какую страшную опасность вовлекло ихъ легкомысліе, и взялъ съ перепуганныхъ женщинъ обѣщаніе немедленно принять ванну по приходѣ домой и перемѣнить одежду.

Digitized by Google

Бѣдняжки едва добрались до экипажа. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ двинуться въ путь, Эліодора горько заплакала, между тѣмъ какъ дочь Сусанны надула губки съ упрямымъ видомъ, откидываясь головой на мягкія подушки. Она взглянула сбоку на свою разстроенную спутницу и подумала про себя: „Вотъ каково начало неслыханнаго счастья, которое напророчили этой красивой куклѣ! Если такъ пойдетъ дальше, она выиграетъ немного".

Злое желаніе дѣвушки очень скоро осуществилось, какъ будто его подслушали и привели въ исполненіе подвластные ей духи. Какъ только экипажъ миновалъ сторожку у воротъ и былъ готовъ въѣхать въ первый дворъ намѣстническаго дома, его остановили арабскіе солдаты съ суровыми загорѣлыми лицами.

Женщинамъ пришлось дожидаться довольно долго, наконецъ явился начальникъ отряда, который спросилъ ихъ, кто онѣ и что имъ нужно.

Эліодора и Катерина отвѣчали, дрожа отъ ужаса, и тогда имъ было сказано, что домъ намѣстника занятъ стражей по распоряженію арабскаго правительства, такъ какъ Оріона обвиняютъ въ тяжкомъ преступленіи. Его гостямъ приходилось завтра же выѣхать въ другое мѣсто. Переводчикъ зналъ Катерину въ лицо, и потому ей было позволено проводить вдову къ сенаторшѣ, воспользоваться экипажемъ для возвращенія домой и даже взять съ собою византійку.

Пріятельницы стали совѣщаться. Дѣвушка настаивала, чтобы Эліодора немедленно ѣхала къ ея матери, потому что имъ обѣимъ предстояло взять ванну, а это оказывалось немыслимымъ въ зданіи, занятомъ солдатами. Молодой женщинѣ вовсе не слѣдовало идти въ такомъ видѣ къ Мартинѣ, рискуя передать заразу. „Завтра почтенная матрона должна сама переселиться къ намъ, прибавила настойчивая Катерина; моя мать будетъ особенно рада такимъ гостямъ".

Эліодора не противорѣчила. Когда Мартина согласилась принять приглашеніе „добраго ангела", карета пустилась въ путь, въ домъ вдовы Сусанны.

Хозяйка давно уже спала, твердо увѣренная, что ея дочь покоится безмятежнымъ сномъ.

Катерина не велѣла будить мать, и такъ какъ ванная комната была далеко отъ спальни Сусанны, то она не слыхала никакого шума, пока происходило купанье.

Digitized by Google

XXXVI.

Въ домѣ намѣстника прошла ужасная ночь. Мартина спрашивала себя, чѣмъ она согрѣшила передъ Богомъ, что ей суждено быть свидѣтельницей такого несчастія. О свадьбѣ Эліодоры и Оріона нечего было и думать; переходъ съ квартиры при такой жарѣ представлялъ мало пріятнаго, но сенаторша согласилась бы перебраться двѣнадцать разъ съ одного мѣста на другое и пожертвовать своимъ спокойствіемъ, еслибъ этимъ путемъ было можно избавить ея милаго „великаго Сезостриса“ отъ грозившей ему опасности.

Разумѣется, во всемъ этомъ была виновата несчастная, безразсудная исторія съ монахинями. Но хороши и арабы! Они тащили все, что̀ попадало подъ руку и, кажется, были готовы ограбить сына великаго мукаукаса до нитки. Прекрасная исторія, нечего сказать! Безъ сомнѣнія, Эліодора была достаточно богата, чтобы поправить дѣла мужа, и сенаторъ съ женой не желали обдѣлять ее въ своемъ завѣщаніи. Но здѣсь могло дойти до чего нибудь худшаго: арабы, очевидно, жаждали крови Оріона; при одной мысли объ этомъ, Мартина содрогалась отъ ужаса, и ея опасенія были не напрасны: черный векилъ, приходившій къ ней вчера для переговоровъ и позволившій сенаторшѣ остаться въ домѣ намѣстника до утра, далъ понять чрезъ своего переводчика, что Оріона будутъ судить, какъ тяжкаго преступника. Какое ужасное, неслыханное несчастіе! И бѣдной матронѣ приходилось переживать все это въ совершенномъ одиночествѣ. А ея мужъ, почтенный Юстинъ! Онъ тоже попалъ въ бѣду. Мартина долго не осушала глазъ и передъ сномъ горячо помолилась Божіей Матери и святымъ угодникамъ, прося ихъ защиты. Она уснула съ мыслью: какое несчастье! и проснулась съ нею рано поутру.

Между тѣмъ, очень многое изъ случившагося въ эту роковую ночь и не дошло до ея ушей.

Большой отрядъ арабскихъ воиновъ, прибывшихъ пѣшкомъ, на лошадяхъ и въ лодкахъ черезъ рѣку, занялъ домъ намѣстника подъ предводительствомъ Обады. Какъ только стало извѣстно, что Оріонъ дѣйствительно отправился путешествовать, казначей Нилусъ былъ взятъ подъ стражу; теперь векилу предстояло увѣдомить о происшедшемъ вдову мукаукаса, чтобъ она была готова завтра же оставить домъ. Это было необходимо, потому что Обада хотѣлъ распорядиться по своему съ почтеннымъ жилищемъ самаго древняго рода въ странѣ.

Digitized by Google

Нефорисъ еще не спала, когда къ ней явился переводчикъ; онъ нашелъ ее въ комнатѣ съ фонтаномъ; больная была встревожена; хотя она потеряла способность къ послѣдовательному мышленію, и внѣшнія событія только на одинъ моментъ отражались въ ея сознаніи, однако вдова Георгія замѣтила, что у нихъ въ домѣ происходитъ что-то особенное. Между тѣмъ домоправитель Зебекъ и горничныя отвѣчали уклончиво на вопросы госпожи, сказавъ ей только, что намѣстникъ Амру приходилъ переговорить съ молодымъ господиномъ. Здѣсь, повидимому, дѣло шло о чемъ то серьёзномъ, и, пожалуй, былъ пущенъ въ ходъ ложный доносъ. По словамъ герменевта, Оріона обвиняли въ томъ, что онъ затѣялъ предпріятіе, стоившее жизни двѣнадцати арабскимъ воинамъ, тогда какъ нападеніе на одного мусульманина со стороны египтянина влекло за собою смерть и конфискацію имущества. Кромѣ того, сынъ мукаукаса обвинялся въ кражѣ.

Нефорисъ слушала эти слова, широко раскрывъ глаза; ужасъ отражался на ея лицѣ; всѣ члены нѣмѣли. Переводчикъ добавилъ, что векилъ желаетъ переговорить съ ней лично.

— Только не сейчасъ, подожди немного,—съ трудомъ произнесла вдова, намѣреваясь подкрѣпить себя пріемомъ опіума. Сдѣлавъ это, она увѣдомила Обаду, что готова принять его. Заклятый врагъ Оріона хотѣлъ показаться его матери кроткимъ, великодушнымъ человѣкомъ. Онъ приблизился къ Нефорисъ съ притворной почтительностью и улыбкой на лицѣ, причемъ сообщилъ несчастной женщинѣ, что завтра поутру ей придется оставить домъ, гдѣ протекли лучшіе годы ея жизни.

Обада прибавилъ, что личная собственность Нефорисъ останется неприкосновенной и ей предоставлено право остаться въ Мемфисѣ или переѣхать въ свой домъ въ Александрію; на эти слова больная равнодушно отвѣчала, что она подумаетъ, какъ ей поступить, и потомъ спросила: удалось ли арабамъ взять подъ стражу ея сына.

— Пока еще нѣтъ, отвѣчалъ векилъ, но мы знаемъ, гдѣ онъ скрывается.

Тутъ Нефорисъ замѣтила, какъ въ глазахъ негра загорѣлось злорадство, хотя онъ старался выразить состраданіе на своемъ лицѣ и въ тонѣ голоса. Вдова слегка кивнула головой и продолжала:

— Значитъ, здѣсь идетъ дѣло о жизни и смерти?

— Собери всю свою твердость, благородная женщина, послѣдовалъ отвѣтъ:—Преступникъ не можетъ быть помилованъ.

Она подняла глаза къ небу и долго оставалась въ такомъ положеніи, а потомъ спросила:

Digitized by Google

— Но кто обвиняетъ моего сына въ кражѣ?

— Глава его собственной церкви...

— Веніаминъ? пробормотала про себя Нефорисъ, странно улыбнувшись.

Вчера она сдѣлала завѣщаніе въ пользу патріарха и церкви. „Когда Веніаминъ прочитаетъ его, сказала себѣ вдова, онъ забудетъ свою вражду къ намъ и велитъ о насъ молиться".

Замѣтивъ сосредоточенное молчаніе больной, векилъ посмотрѣлъ на нее вопросительнымъ и немного смущеннымъ взглядомъ. Наконецъ она поднялась и отпустила его, сохраняя прежнее достоинство въ своей осанкѣ.

— Вотъ женщина! пробормоталъ векилъ, выходя изъ комнаты съ фонтаномъ. Она или безумная, или обладаетъ рѣдкимъ мужествомъ.

Между тѣмъ Нефорисъ приказала отвести себя въ спальню, потомъ велѣла служанкѣ вынуть маленькій ящичекъ изъ сундука и поставить его на столикъ у изголовья кровати. Оставшись одна, больная вынула изъ шкатулки два письма мукаукаса Георгія, написанныя ей, когда она была невѣстой, и стихотвореніе, посвященное матери ея любимцемъ Оріономъ. Вдовѣ хотѣлось перечитать дорогія строки, но у нея до того рябило передъ глазами, что она не могла ничего разобрать, и положила свитки на прежнее мѣсто. Рядомъ съ ними хранился маленькій свертокъ, гдѣ были пряди волосъ умершихъ сыновей и мужа. Съ мечтательной нѣжностью взглянула Нефорисъ на нихъ, и тутъ опіумъ началъ оказывать свое дѣйствіе. Образы умершихъ съ поразительной ясностью представились ей, какъ будто они были тутъ живыми и окружали ея ложе. Держа локоны въ рукѣ, больная подняла глаза, стараясь собраться съ мыслями и уяснить себѣ то, что было съ нею сегодня и что ждало ее впереди. Ей приходилось оставить эту комнату, эту удобную постель, этотъ домъ, однимъ словомъ, тѣ мѣста, съ которыми были связаны самыя дорогія воспоминанія о близкихъ людяхъ. Ее хотѣли принудить къ этому силой; но развѣ прилично вдовѣ великаго мукаукаса подчиняться волѣ этого отвратительнаго чернаго человѣка, въ своемъ же собственномъ жилищѣ, гдѣ она была полновластной хозяйкой? Больная покачала головой, презрительно улыбнувшись, и открыла стеклянный цилиндръ, наполненный до половины пилюлями опіума. Она взяла нѣсколько изъ нихъ на языкъ и снова обратила взглядъ на небо. Вскорѣ ей представился тотъ, съ кѣмъ не могла разлучить любящую женщину даже всесильная смерть. У его ногъ сидѣли умершіе сыновья; вдругъ, точно пловецъ, вынырнувшій

Digitized by Google

изъ волнъ рѣки, показался изъ облаковъ Оріонъ и прыгнулъ на берегъ острова, гдѣ находились его отецъ и братья. Георгій открылъ ему объятія и привлекъ юношу на грудь; тутъ сама Нефорисъ—или это былъ только ея образъ?—подошла къ нимъ; каждый изъ сыновей радостно встрѣтилъ ее, и она замерла на груди мужа въ какой-то блаженной истомѣ. Еще такъ недавно больная чувствовала себя отуманенной; странный гнетъ парализовалъ ея движенія, а теперь она испытывала только пріятную усталость въ членахъ и позывъ ко сну. Но когда у нея начали уже слипаться вѣки, къ Нефорисъ на минуту вернулось сознаніе ужасной дѣйствительности; она собрала послѣднія силы и выпрямилась на постелѣ; взявъ кубокъ съ водой, стоявшій передъ нею на столикѣ, больная высыпала въ него остатокъ пилюль и выпила все до послѣдней капли.

Ея рука не дрогнула ни разу, на лицѣ играла довольная улыбка, и она такъ жадно смотрѣла на отравленный напитокъ, какъ будто онъ былъ сладкимъ нектаромъ. Въ эту минуту вдова мукаукаса вовсе не напоминала собою самоубійцу, который спѣшитъ въ отчаяніи покончить съ жизнью; напротивъ, она не испытывала ни колебаній, ни страха передъ смертью, и не сознавала тяжести своей вины, вся отдаваясь сладкой истомѣ и лелѣя блаженную надежду, что ее ждетъ существованіе безъ конца съ дорогими сердцу покойниками. Но едва только Нефорисъ выпила ядъ, какъ содрогнулась отъ испуга; приподнявшись на локтѣ, она позвала изъ сосѣдней комнаты служанку и съ трудомъ пр-о бормотала:

— Скорѣй священника, я умираю!

Горничная, внѣ себя отъ страха, бросилась вонъ. Въ виридаріумѣ она встрѣтила домоправителя, Зебека, стоявшаго противъ таблинума съ векиломъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, негръ позволилъ исполнить желаніе умирающей и самъ проводилъ домоправителя за ворота. Въ это время мимо дома намѣстника проходилъ діаконъ, только что отпѣвавшій покойника, новую жертву заразы. Его тотчасъ привели къ постели Нефорисъ; передъ ней лежали локоны сыновей, въ рукахъ умирающей было распятіе, но ея глаза, долго смотрѣвшіе на ликъ Искупителя, снова были устремлены теперь къ верху въ сладкой задумчивости. Священникъ назвалъ вдову Георгія по имени, но она не узнала его, принявъ за одного изъ сыновей.

— Оріонъ, мое бѣдное дитя! нѣжно лепетали ея губы. И ты, Марія, душа моя, мое сокровище! Поди къ отцу, мой мальчикъ онъ не сердится болѣе и прощаетъ тебя.... Всѣ, кого я любила,

Digitized by Google

пяоть вмѣстѣ, и никто не можетъ насъ разлучить. Послушай, Георгій!..

Священникъ читалъ отходную. Нефорисъ ничего не замѣтила, продолжая смотрѣть вверхъ и лепетать несвязныя слова. Наконецъ ея губы перестали шевелиться, руки выпустили распятіе, по членамъ пробѣжала легкая судорога; потомъ они вытянулись и нижняя челюсть отвисла. Когда вѣрный домоправитель дотронулся до плеча своей госпожи, ея лицо было неподвижно, сердце перестало биться. Зебекъ громко зарыдалъ и пошелъ къ векилу съ печальной вѣстью. Арабы нагружали сокровища изъ таблинума на нѣсколькихъ верблюдовъ подъ надзоромъ Обады. Узнавъ о неожиданной смерти Нефорисъ, онъ испустилъ проклятіе и воскликнулъ, обращаясь къ своему помощнику:

— Я хотѣлъ великодушно пощадить полоумную старуху, но она одурачила меня. Теперь наши повелители въ Мединѣ поставятъ мнѣ въ вину и ея смерть, если только....

Векилъ оборвалъ свою рѣчь и, повернувшись опять къ верблюдамъ и богатой добычѣ, подумалъ про себя:

— Если ужь затѣяна игра, то не стоитъ смущаться мелочами. Намъ нужно снести еще нѣсколько удалыхъ головъ, а прежде всего покончить съ красавчикомъ-египтяниномъ. Если заговорщики въ Мединѣ сдѣлаютъ свое дѣло, тогда вмѣстѣ съ Омаромъ будетъ ниспровергнутъ и Амру. Обада восторжествуетъ надъ своими врагами!

(*Окончаніе будетъ*).

Digitized by Google

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ НЕИЗВѢСТНАГО АВТОРА *).

III.

Надежды и упованія Сергѣя Добраго.

Морозъ, душу леденящій, заковалъ въ мертвый сонъ природу и разукрасилъ темнозеленый фонъ дремучаго лѣса фантастическими серебряными блестками и бахромами; широкая застывшая рѣка гигантскою бѣлою пеленою извивается и теряется вдали, пропадая далеко въ блѣдно-синихъ горахъ. Голубоватый тонкій иней, словно флеромъ, покрываетъ весь чудный ландшафтъ. Ничто не колыхнется... Но что̀ это за выстрѣлъ раздался вдали?.. О, нѣтъ! То не выстрѣлъ охотника... Привычное ухо сибиряка скажетъ вамъ, что это—„земля треснула съ морозу"...

Трещитъ земля... и спитъ сибирская природа, закованная страшнымъ холодомъ!

Тѣмъ теплѣе и уютнѣе чувствуешь себя, въ эти лютые сибирскіе морозы, въ теплой комнатѣ, хотя и съ бревенчатыми стѣнами, но чистой, большой и удобно устроенной.

Тихо кругомъ... такъ удивительно тихо, словно вы очутились въ абсолютной пустотѣ, а вокругъ царствуетъ смерть!

Но вотъ, въ этой засасывающей тишинѣ, послышался морозный скрипъ идущаго по двору человѣка. Отчетливо слышится этотъ скрипъ съ какимъ-то оттѣнкомъ болѣзненнаго визга, словно земля жалуется на безсердечную жестокость холода.

Дверь распахнулась. Густыя облака холоднаго пара нѣсколько минутъ мѣшаютъ разсмотрѣть посѣтителя.

Но вотъ обрисовалась наконецъ фигура человѣка въ теплыхъ валенкахъ, потертомъ полушубкѣ, съ совершенно почти закутанною въ шаль головою, откуда выглядывалъ только носъ и что-то бѣлое, обозначавшее бороду и усы, сильно заиндевѣвшіе.

Посѣтитель, не торопясь, снялъ полушубокъ, размоталъ шаль и, вытащивъ подобіе платка неопредѣленнаго цвѣта, отеръ имъ влажную бороду и усы. Затѣмъ, войдя въ комнату, степенно поклонился, предварительно перекрестившись на образа.

---

*) См. „Наблюдатель", № 7.

Digitized by Google

Стоявшій передо мною человѣкъ чрезвычайно выдѣлялся своею типичностью. Высокій, широкій лобъ, увеличивавшійся облысѣлыми сѣдыми волосами, правильный прямой носъ, безконечно добрые сѣрые глаза и худощавый, блѣдный, словно вышедшій изъ подъ рѣзца художника, красивый овалъ лица,—все это, вмѣстѣ съ мелкими морщинками возлѣ угловъ глазъ и ямочками на щекахъ, придавало вошедшему необыкновенно рѣдкое по симпатичности выраженіе. Невольное уваженіе охватило меня при видѣ этого высокаго, стройнаго старика, стоявшаго передо мною далеко не въ раболѣпной позѣ, присущей по большей части русскому крестьянину, но въ позѣ, сознающей свое человѣческое достоинство, хотя и съ соблюденіемъ своеобразной деликатности.

— Къ вашей милости, государь мой! промолвилъ онъ пріятнымъ, задушевнымъ старческимъ голосомъ, поглаживая свою библейскую бороду.

Невольно заинтересовавшись моимъ посѣтителемъ и радуясь, что, наконецъ, прервалась моя захолустная тишина и скука, я предложилъ ему стулъ, который онъ занялъ не сразу, соблюдая простонародный этикетъ. Послѣ обычныхъ вопросовъ: откуда, чѣмъ занимаетесь и пр., замѣнявшихъ въ простомъ быту рекомендацію, я, наконецъ, узналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло и что̀ привлекло ко мнѣ моего посѣтителя.

Грустно и тяжело становится всегда, когда намъ случается наталкиваться на жертву какого-нибудь несчастнаго недоразумѣнія, но еще тяжелѣе дѣлается на душѣ, когда эта жертва оказывается изъ недюжинныхъ и не часто встрѣчающихся экземпляровъ. Въ такихъ случаяхъ, какъ-то не хочется вѣрить совершившейся дѣйствительности, ищешь всегда „причины“ и, не отыскивая ея, сваливаешь все на что-то неизвѣстное и гдѣ-то укрывающееся... Но фактъ, хотя бы и давнопрошедшій, остается фактомъ со всею своею безпощадною яркостью и неподкрашенною дѣйствительностью. Къ такой-то области давнопрошедшаго относилась и скорбная исторія моего посѣтителя, ленскаго поселенца А—ской деревни, Сергѣя Добраго.

Кому теперь неизвѣстны образчики дореформеннаго произвола низшей администраціи? Перечитывая страницы историческихъ журналовъ, съ трудомъ вѣришь, чтобы возможны были такія картины эксплуатаціи закона и справедливости. Но, можетъ быть, мы послѣ эмансипаціи изощреннѣе чувствуемъ, и картины давнопрошедшаго кажутся намъ выходящими изъ ряда вонъ, между тѣмъ какъ въ то время онѣ нисколько не казались современникамъ „особенными“ и были обыденнымъ явленіемъ? Можетъ быть, истори-

Digitized by Google

ческая пословица: „свѣжо преданіе — а вѣрится съ трудомъ“ всегда останется справедливою?

Проста и коротка повѣсть Сергѣя Добраго. Всякое сильное несчастіе, кореннымъ образомъ измѣняющее нашу жизнь, всегда отличается этою простотою. Двадцать семь лѣтъ тому назадъ, въ безмятежныя времена крѣпостнаго права, Добрый спокойно и безропотно вспахивалъ свою пашню и „тянулъ тягло“ наравнѣ со всѣми своими односельчанами въ одномъ изъ селеній Владимірской губерніи.

Ни онъ самъ, ни его сообщественники, конечно, не могли себѣ вообразить, что вскорѣ Добрый будетъ выбранъ „міромъ“ учетчикомъ—усчитывать мірскую казну и выводить на чистую воду писарскія мошенничества. Еще болѣе удивился бы онъ, еслибъ кто-нибудь предрекъ ему дальнѣйшія горькія послѣдствія учета имъ крестьянскихъ денегъ, и навѣрно заподозрилъ бы такого пророка въ ненормальности умственныхъ способностей.

— Привели насъ къ присягѣ, чтобы, значитъ, какъ передъ Богомъ ничего не таить и правильно учетъ сдѣлать. Потому—что̀ крестьянская, что̀ царская казна — все одно. Стали учетъ вести, книги провѣрять, и учли за писаремъ недочету въ 4000 р.

Продолжая посвящать меня въ „свое горе“, Добрый раскрылъ предо мною обычную картину дореформеннаго хищничества мірской казны государственныхъ крестьянъ села П—аго Владимірской губерніи. Здѣсь я не стану подробно приводить разсказъ Добраго объ учетѣ имъ мірской казны, не стану также раскрывать обычную тактику хищниковъ крѣпостничества, раздувшихъ изъ крестьянскаго скорбнаго дѣла, ради своего спасенія, цѣлый „бунтъ“, который обыкновенно существовалъ только „на бумагѣ“, въ дѣйствительности же представлялъ самый легальный протестъ государственныхъ крестьянъ села П—аго. Не привожу всего этого потому, что читателю слишкомъ извѣстны эти ординарныя обвиненія дореформеннаго порядка. Къ тому же, это не входитъ главнымъ образомъ въ цѣль моего очерка.

Сергѣй Добрый интересенъ для насъ, какъ случайно уцѣлѣвшій типъ этого отжившаго порядка, и притомъ типъ, въ силу исключительныхъ обстоятельствъ сохранившій всѣ преданія своего времени. Но для нашего очерка онъ еще болѣе представляетъ интересъ, такъ какъ изображаетъ собою рѣдкій типъ сибирскаго Макара поселенца. Дѣланный „бунтъ“ удался вполнѣ, и Добрый, какъ зачинщикъ, препровождается въ тюремный замокъ впредь до разъясненія дѣла.

— Посадили, господинъ мой, меня въ замокъ... А за что?

Digitized by Google

И до сего дня ума не приложу. И думаю себѣ: что же такого, что я въ замкѣ побуду—совѣсть моя чиста, вины за мной никакой нѣтъ—стало быть, чистымъ въ люди выйду."

Прервавъ свое повѣствованіе, которое служило какъ бы прологомъ къ дальнѣйшему, Добрый провелъ рукою по высокому лбу, какъ-то внимательно, пристально всматриваясь мнѣ въ лицо, словно желая прочитать на немъ впечатлѣнія, произведенныя его разсказомъ.

— А что, государь мой, не докучаю ли я тебѣ разговоромъ моимъ? вдругъ встрепенулся онъ.

Я убѣдилъ его въ противномъ, чему способствовалъ очень кстати внесенный самоваръ, окончательно распрямившій на лбу его морщины сомнѣнія.

Тихо и незлобиво текла рѣчь Добраго подъ шумокъ самовара, который словно ободрялъ его къ дальнѣйшему повѣствованію.

Не скоро ему пришлось дождаться своей участи; но Добрый такъ былъ увѣренъ въ своемъ оправданіи, что терпѣливо и спокойно ожидалъ „суда". Замокъ и его нравы, среди которыхъ Добрый очутился, были для него тою новою школою, которую проходитъ всякій ссыльный. Но школа эта отозвалась на душевномъ мірѣ Добраго совершенно своеобразно.

Извращая въ бо́льшей или меньшей степени громадное большинство своихъ обитателей, острогъ вмѣстѣ съ тѣмъ создаетъ тотъ незыблемый, хотя и преслѣдуемый закономъ арестантскій культъ, который имѣетъ свою собственную нравственную схему, опредѣляемую своеобразными правилами и обычаями, часто имѣющими болѣе сильное дѣйствіе среди острожной жизни, чѣмъ самъ законъ. Общее несчастіе и лишенія соединяютъ тюремныхъ обитателей и создаютъ странный кодексъ нравственности острожной жизни и солидарность ея членовъ, благодаря чему многіе изъ тѣхъ, которые не были испорчены нравственно до вступленія въ тюремныя стѣны, находятъ даже нерѣдко нравственную поддержку въ лицѣ арестантовъ.

Среди арестантовъ Добрый пользовался особеннымъ сочувствіемъ. Каждый старался быть ему полезнымъ чѣмъ нибудь.

— Спасибо рестантикамъ... Дай Богъ имъ счастья! Всему-то они меня научили. Кабы ты зналъ, государь мой, какія между нихъ есть головы! Любаго судейскаго за поясъ заткнутъ. Былъ тогда во Владимірскомъ острогѣ одинъ — бѣдовая голова! Такъ его ужь и знали въ судѣ: „это, говорятъ, Переплеткинъ сочинялъ"! И мнѣ онъ, спасибо ему, помогъ, когда рѣшеніе мое прочитали. Какъ обухомъ меня пристукнуло тогда! Ушамъ

Digitized by Google

своимъ не вѣрилъ. Такъ-то ужъ разогорчило меня рѣшеніе это... страсть! Шутка сказать—на годъ въ рестанскія роты на исправленіе. За что же? За какую такую вину, господинъ мой?—съ искреннимъ удивленіемъ и съ глубокою убѣжденностью въ невозможность ошибки въ дѣлѣ правосудія, вопрошалъ онъ, настойчиво вперивъ въ меня свои добрые сѣрые глаза, словно „рѣшеніе" было ему прочитано на дняхъ, а не 27 лѣтъ тому назадъ.—Спасибо ужо этому Переплеткину, выручилъ опять... „Ты, говоритъ, носъ-то не вѣшай, а подавай жалобу въ сенатъ". Ну, и написалъ, да такъ-то ловко, что духъ-то у меня ободрило сразу. Жду. Разъ къ намъ въ острогъ пожаловалъ губернаторъ; раньше тоже, бывало, нѣтъ-нѣтъ да и заглянетъ, „что, молъ, можетъ просьба какая, али жалобы нѣтъ-ли?"—такой внимательный былъ. Ну, такъ я къ нему обратился по своему дѣлу: „за что, говорю, чаше пр-ство, меня держутъ"?—„Помню, грятъ они, это ты—Добрый? Потерпи, грятъ, маленько—изъ сената придетъ рѣшеніе". И ушли. Отчего не подождать, думаю,—ждалъ больше, меньше осталось...

Наконецъ Добрый дождался и сенатскаго рѣшенія. Правительствующій сенатъ, разсмотрѣвши жалобу, въ виду его пожилыхъ лѣтъ (Доброму тогда уже было около 50-ти), нѣсколько смягчилъ рѣшеніе мѣстнаго суда, назначивъ ему годичное тюремное заключеніе въ мѣстномъ тюремномъ замкѣ, а по истеченіи срока, если по приговору крестьяне пожелаютъ имѣть Добраго въ своемъ обществѣ,—водворить на мѣсто жительства.

Но рѣшеніе сената нисколько не порадовало Добраго. Не того искалъ онъ. Онъ не допускалъ мысли, чтобы „законъ" былъ несправедливъ. По его міросозерцанію, законъ для того существуетъ, чтобы не попустить „неправды". То, что „законъ" волею-неволею долженъ быть формальнымъ, что для „закона" лица, подобныя Доброму, только „объекты", а не живые субъекты со всѣми ихъ индивидуальными особенностями,—все это для Добраго было китайской тарабарщиной, книгой, въ которую онъ никогда не заглядывалъ и не заглянетъ.

Добрый не зналъ, да и не могъ себѣ уяснить съ достаточною ясностью, когда я ему разсказалъ, что, за время его жизни въ ссылкѣ, само правительство убѣдилось въ невозможности предвидѣть „закономъ" всѣ злоупотребленія и въ возможности для того же закона быть несправедливымъ и что, въ виду всего этого, совершилась крупная реформа прежняго суда,—созданіемъ „суда присяжныхъ", основаннаго на убѣжденіи общественной совѣсти.

Онъ только смутно представлялъ себѣ эту реформу, говоря

Digitized by Google

что „это должно быть хорошо“. Въ особенности же для него было непонятнымъ, что въ новомъ судѣ подсудимый по закону можетъ быть „безусловно виновнымъ“, тогда какъ по суду общественной совѣсти—„невиновнымъ“. Для него „законъ“ и „справедливость“ были нераздѣльны.

Когда я спросилъ его: почему онъ не довольствовался, хотя бы нѣсколько несправедливымъ, но все же смягченнымъ рѣшеніемъ сената? онъ отвѣчалъ:

— Ищу справедливости, государь мой; потому, какъ за мной никакой вины нѣтъ, то за что же законъ станетъ карать меня?

Доброму было ясно, что законъ всегда бываетъ справедливъ, только къ нему надо умѣть „дойти“; нужно быть такимъ, какъ Переплеткинъ, который знаетъ всѣ изворотъ судейской казуистики и, пройдя всѣ дебри разныхъ апеляцій, касацій и пр., непремѣнно „дойдетъ“ до закона, который гдѣ-то притаился тамъ, въ Питерѣ, не то „въ 1-мъ департаментѣ сената“, не то въ какомъ другомъ хитромъ мѣстѣ, про которое онъ, Добрый, не знаетъ, а знаютъ только Переплеткины и вообще лица, у которыхъ „ума—палата“. И если сенатъ недостаточно „узрѣлъ“ его невиновность, то значитъ, „что - то“ сдѣлано Переплеткинымъ или кѣмъ другимъ „*не такъ*“ или же, по ошибкѣ, жалоба подана была не туда, и пр. Но чтобы „законъ“ могъ обвинить его, Добраго, за то, что у него не было никакой вины—это казалось ему колоссальною нелѣпостью...

Но по правиламъ мудрой пословицы—на голову бѣдныхъ Макаровъ должна свалиться не одна шишка. Такъ случилось и съ Добрымъ.

Какъ это случилось—Добрый рѣшительно ничего не уяснилъ мнѣ, по той простой причинѣ, что самъ ровно ничего не понималъ, не понимаетъ, и врядъ ли когда нибудь пойметъ. Случилось же какъ-то вдругъ, по той неизвѣстной причинѣ, которая шла въ разрѣзъ со всякой логикой.

Доброму объявили, что онъ ссылается въ Восточную Сибирь на поселеніе.

Отказались ли его принять крестьяне въ свое общество? Добрый не только не могъ предположить возможности этой мысли, но въ его головѣ никогда и не шевелились такія предположенія. Можетъ, приговоръ былъ подтасованъ? Я охотно согласенъ сдѣлать какое нибудь объясненіе неожиданно свалившейся новой шишкѣ на голову Добраго, но... не имѣю на это никакого права, такъ какъ причины мнѣ были столько же извѣстны, сколько

Digitized by Google

и тебѣ, читатель; тѣмъ болѣе, что причины эти такъ и остались неизвѣстными для самого Добраго.

— Можетъ быть, вы были сосланы административнымъ порядкомъ? вдругъ мелькнула у меня идея.

— Что ты, что ты, государь мой! Нешто я конокрадъ какой, упаси Богъ, чтобы въ министративные попасть!—укоризненно упрекалъ меня Добрый съ такимъ глубокимъ убѣжденіемъ, что моя послѣдняя попытка объяснить ссылку Добраго окончательно разлетѣлась въ дребезги.

— Это, какъ по этапу я шелъ, то конокрадовъ министративными звали, а меня съ прочими остальными держали—такъ насъ и звали „поселенцами".

— Ну, а какъ вы сами объясняете свою ссылку въ Восточную Сибирь?

— Оклеветали, господинъ мой. Потому, самъ знаешь, вины за мной никакой не было...

— Кто же васъ оклеветалъ?

— На это я ничего не могу сказать тебѣ, господинъ мой. Не стану гнѣвить Бога,—не знаю. Только какъ же иначе могло быть?

Такой простой логическій выводъ Добраго объяснялъ мнѣ сразу все и ничего. Все,—потому что, дѣйствительно, говоря словами Добраго: „какъ бы иначе могло быть?" Ничего, потому что ничего неизвѣстно, кто, какъ и чѣмъ оклеветалъ. Но Доброму рѣшительно было безразлично, кто его „оклеветалъ", какъ и при какихъ обстоятельствахъ. Для него очевидна была—„неправда его ссылки", онъ не могъ переварить этой неправды и не переварилъ ее въ теченіе 27 лѣтъ... Онъ „ищетъ справедливости", которая гдѣ-то *тамъ*, въ Питерѣ, въ какомъ-то учрежденіи, которое никогда „не попуститъ неправды", если только съумѣть „дойти" до него. Переплеткинъ навѣрно „дошелъ бы" до него... Но Переплеткина нѣтъ подъ рукою у Добраго.

Несчастія не оставили однако Добраго и въ Сибири. Водворенный въ Енисейскую губернію, въ одну изъ волостей Красноярскаго уѣзда, вмѣстѣ съ женой и дѣтьми, послѣдовавшими за нимъ въ Сибирь, онъ былъ высланъ въ Якутскую область, такъ какъ найдено было, что мѣстная сибирская администрація *поселила его тамъ „по ошибкѣ"*.

Эта и была *послѣдняя шишка*, свалившаяся на несчастливую голову Добраго, но такая здоровая, что разлучила его съ семьею. Онъ не взялъ съ собою семью въ „гиблыя мѣста" и рѣшился пойти одинъ.

Digitized by Google

— Живу я теперь въ А—ской слободѣ, недалеко отсюда; который годъ уже, какъ я все здѣсь маюсь: земли отъ общества не беру и сѣнокосу тоже. Живу особнякомъ на краю слободы и занимаюсь своимъ ремесломъ—тѣмъ и кормлюсь. Крестьяне гордымъ меня называютъ, что, значитъ, въ общество къ нимъ не иду. А почто для моего одинокаго житья земля ихъ? Что мнѣ съ ними говорить, коли у меня своя дума? Хоть бы семью свою какъ нибудь увидать Богъ сподобилъ...—заключилъ Добрый свой разсказъ, тихо поникнувъ головою.

Я чувствовалъ себя, словно не въ своей тарелкѣ. Въ подобную минуту молчаніе и слова утѣшенія и совѣта—все неумѣстно.

Добрый спохватился и всталъ.

— Имѣю къ тебѣ, государь мой, большую просьбу—произнесъ онъ, отвѣсивъ мнѣ низкій поклонъ. Не откажи, господинъ мой!.. Слыхалъ я, что ваша милость изъ самаго Питера изволили пріѣхать и многимъ наукамъ обучены: все, стало быть, наете. Помоги моему горю: напиши ты мнѣ прошеніе въ 1-й департаментъ сената. Стало быть, когда объявили мнѣ, что я долженъ въ Восточну Сибирь пойти, такъ вотъ разъ и пожаловалъ къ намъ опять губернаторъ. Увидѣлъ меня и говоритъ: „Здравствуй, говоритъ, старина; помню, помню... Это ты, кажись, Добрый?“ Точно такъ, говорю, ваше п—ство, я—Добрый. Что же говорю, ваше п—ство, мнѣ теперича дѣлать?“—„А ты“, говорятъ они, немного подумавши, „вотъ что сдѣлай: какъ пріѣдешь въ Сибирь, такъ оттуда, значитъ, съ мѣста, прошеніе въ 1-й департаментъ подай“. Не откажи, государь мой—вѣкъ буду помнить!

Оказалось, что Добрый нѣсколько разъ подавалъ прошенія въ этотъ департаментъ и, не получая отвѣта, осуждалъ неумѣлость своихъ ходатаевъ.

Ему казалось, что онъ нашелъ во мнѣ именно рѣдкостнаго человѣка, который, во-первыхъ — все знаетъ, многимъ наукамъ обученъ, и, во-вторыхъ, *изъ того самаго Питера*, гдѣ укрыта таинственная справедливость, законъ, къ которому надо „дойти“, чтобы „неправду его ссылки“ снять съ него и водворить на родину. Словомъ, Добрый, по меньшей мѣрѣ, видѣлъ во мнѣ того самаго драгоцѣннаго Переплеткина, который въ былое время такъ ловко его выручалъ.

Никакія убѣжденія, что прошеніе за давностью лѣтъ оставятъ безъ послѣдствій—не подѣйствовали. Добрый былъ твердо убѣжденъ, что именно только въ 1-мъ департаментѣ сидитъ его судьба и что только мое прошеніе возъимѣетъ настоящее дѣйствіе, „потому что, какъ я изъ самаго Питера и все знаю и пр.“...

Digitized by Google

Мнѣ стало ясно, что Добрый страдаетъ маніей подачи прошеній... Эта манія послѣ его повѣствованія нисколько для меня не была удивительна... Я понималъ его; я самъ былъ такой же подневольный человѣкъ, какъ онъ... И у меня лелѣялась въ глубинѣ души моей, какъ нѣчто святое, далекая моя родина... Да, Добрый не могъ бы жить безъ этой маніи. Утративъ ее—онъ потерялъ бы весь смыслъ своего существованія. Его надежды и упованія—увидѣть опять свое родное пепелище, пріобрѣли для него такую же необходимость, какъ воздухъ, которымъ онъ дышалъ, и какъ ежедневная пища и питье, необходимыя для его жизни.

Такъ глубока была у него вѣра въ легальность, въ законъ, что ни время, ни лѣта, ни этапныя передряги не искоренили, а скорѣе усилили эту вѣру, которая рисовала ему вдали перспективу роднаго кола и двора.

Понятно, что я не старался разубѣждать его и написалъ ему прошеніе.

Прошло три мѣсяца.

Масса всевозможныхъ заботъ и хлопотъ, преимущественно занявшихъ мое вниманіе, отвлекла меня отъ этого интереснаго типа былаго времени. Но вотъ однажды, когда я почти позабылъ о его существованіи, Добрый неожиданно навѣстилъ меня.

— А я опять къ тебѣ, господинъ мой... Не взыщи—нужно,— появился онъ на порогѣ, вынимая изъ-за пазухи какую-то бумагу и, бережно освободивъ ее отъ завернутаго тряпья, подалъ мнѣ.

Бумага, оказалось, прислана на имя Сергѣя Добраго изъ 1-го департамента сената. Въ ней сообщалось, что за давностью лѣтъ пересмотръ дѣла не можетъ быть произведенъ и потому прошеніе его оставлено безъ послѣдствій. Въ заключеніе департаментъ совѣтовалъ ему обратиться въ комисію прошеній, приносимыхъ на Высочайшее имя.

— Вѣдь я вамъ, Добрый, то же самое говорилъ раньше.

— Тэкъ, тэкъ... сосредоточенно размышлялъ онъ, не то желая собраться съ мыслями, не то вдумываясь во что-то...

— Что же мнѣ дѣлать?.. въ недоумѣніи спрашивалъ онъ меня. Лицо Добраго приняло совершенно дѣтски-безпомощное выраженіе.

— А то и дѣлайте, что совѣтуютъ въ бумагѣ...

Мнѣ смертельно хотѣлось протянуть руку помощи Доброму. Я испытывалъ то же чувство, когда жизнь утопающаго всецѣло зависитъ отъ васъ и, видя гибель „себѣ подобнаго", не разсуждешь ни о разстояніи, ни о тѣхъ мѣрахъ, къ которымъ прибѣгаешь въ данный моментъ.

Digitized by Google

— Какъже, государь мой, я буду просить прощенія? Вѣдь я-то вины никакой не имѣю!..—озадачилъ онъ меня неожиданнымъ вопросомъ, когда я разсказалъ ему, въ чемъ будетъ заключаться его новое прошеніе.

И сколько я ни толковалъ ему, что другаго исхода не предвидится, что прошеніе это въ сущности нисколько не заключаетъ въ себѣ признанія вины, но онъ рѣшительно ничего не могъ понять и все твердилъ:

— Да за что же? За какую такую вину, государь мой?..

Я не подозрѣвалъ, что послѣ полученія бумаги авторитетъ мой въ глазахъ Добраго поднялся еще выше. Ему никогда почти на прошенія его не приходилось получать отвѣта, а тутъ мало того, что отвѣтили, но даже еще дали совѣтъ.

Вотъ почему Добрый склонился, наконецъ, послать прошеніе въ комисію, хотя для него такъ и осталось непонятнымъ, какъ это можно просить помилованія, когда вины никакой нѣтъ?..

— Значитъ, государь мой, выходитъ такъ, кабы я, примѣромъ, на себя навралъ и небылицу взвелъ... въ раздумьѣ вертѣлъ онъ передъ собою написанную бумагу.

— Что жъ, пущай будетъ по твоему, коли такъ надо... Только бы въ Рассею...

И онъ бережно завернулъ въ тряпицу прошеніе съ такою осторожностью и акуратностью, что отъ процедуры ли этой, или отъ чего другаго у него выступилъ на лбу потъ...

Прошло еще три, четыре мѣсяца. Лѣто стояло въ полномъ цвѣту. Все зеленѣло, пахло сосновыми испареніями, а гигантская Лена блестѣла мильонами искръ, отражавшихъ потоки солнечныхъ лучей въ мелкой зыби рѣки. Кратковременное лѣто сибирскаго сѣвера хотя и непродолжительно, но ничуть не уступитъ по своеобразной очаровательности роскошному югу; не жаркое—словно южная весна, сибирское лѣто также плѣнительно, какъ и все молодое, нѣжное, вселяющее надежды, очарованія и волнующее кровь...

Казалось, хоръ земли пѣлъ пѣсню жизни...

И у меня въ душѣ раздавалась гармонія и чудные звуки... Я собирался въ Россію...

Въ квартирѣ моей царилъ безпорядокъ отъѣзжающаго, а мысли были далеко отъ окружающей меня обстановки... Я мысленно путешествовалъ по необъятной шири моего отечества, останавливаясь въ мѣстахъ, сколько нибудь напоминавшихъ мнѣ прежнюю

Digitized by Google

мою вольную и невольную жизнь, прежнія отрадныя и безотрадныя воспоминанія, и, наконецъ, мысленно воскресилъ въ моемъ воображеніи свой отчій кровъ...

— Куда это ты, государь мой, собираешься?—вдругъ нарушилъ мои возбужденныя мысли посторонній голосъ.

Я обернулся. Передо мною стоялъ Добрый.

— Ахъ, Добрый, это вы!.. Въ Россію, голубчикъ, собираюсь, домой...

А онъ, словно вкопанный, стоялъ у порога и, повидимому, равнодушно наблюдалъ за моей суетней. Я обернулся, чтобы пригласить его отдохнуть съ дороги. Лицо Добраго было блѣдно, на щекѣ повисла крупная, прозрачная слеза...

Я готовъ былъ броситься въ объятія къ нему на грудь и... влить въ его настрадавшееся сердце тотъ искренній потокъ надежды и увѣренности, который волновалъ мою кровь.

— А что, Добрый, вы еще не получили отвѣта? вспомнилъ я о его прошеніи.

Онъ пріободрился.

— Еще не время... Осталось подождать одинъ, а, можетъ, и два мѣсяца, коли замѣшкается...—съ увѣренностью отвѣтилъ онъ.

И я вѣрилъ его увѣренности и кивнулъ ему въ подтвержденіе того, что „не время“... Я самъ находился въ такомъ хорошемъ настроеніи, что рѣшительно не способенъ былъ не вѣрить ему.

— Вотъ что,—вдругъ сказалъ Добрый, уходя отъ меня,—когда пріѣдешь къ тому мѣсту, гдѣ, знаешь, на границѣ съ Рассеей столбъ стоитъ, — на одной сторонѣ написано: „Сибирь“, а на другой „Рассея“, то сдѣлай милость, встань и поклонись отъ меня до земли матушкѣ Рассеѣ!..

Я мелькомъ взглянулъ въ окно. Добрый шелъ мѣрною, прямою осанкой... Не гнулась его спина даже передъ гробомъ...

Удачно ли завершилась судьба Добраго, или онъ и понынѣ пишетъ прошенія—мнѣ неизвѣстно. Очень возможно, что эпилогъ его злополучной доли завершился благополучно. Ожидалась коронація нынѣ царствующаго Государя, и прошеніе его какъ разъ должно было попасть въ комисію къ этому времени, если только оно не застряло гдѣ либо въ промежуточныхъ инстанціяхъ Сибири.....

И. Г—овъ.

Digitized by Google

ГОРЕ ТЕТУШКИ УРСУЛЫ.

(Разсказъ **Жоржа Оне**).

По песчаной дорожкѣ, между кустами розъ, ходила молодая дѣвушка.

День былъ прелестный. Солнце свѣтило ярко; птицы весело пѣли; розы благоухали. Но молодая дѣвушка не замѣчала ничего. На хорошенькомъ личикѣ ея выражалось сильное нетерпѣніе. Она разсѣянно рвала роскошные цвѣты, безжалостно теребила ихъ и бросала. Все вниманіе ея было устремлено на закрытую дверь бѣлаго домика, въ концѣ дорожки.

— Боже мой, шептала она, какъ это долго! Что скажетъ тетушка Урсула!

И ей живо представилась уютная гостинная, въ которой, въ настоящую минуту, добрый отецъ ея почтительно сообщалъ тетушкѣ Урсулѣ важную семейную новость, а кроткая мать ея сидѣла, вся красная отъ волненія, низко склонивъ голову надъ работой. Длинное вступленіе... Множество предосторожностей, намековъ, и наконецъ страшное слово сказано: „Алинѣ сдѣлано предложеніе“.

Что скажетъ тетушка Урсула?

И передъ дѣвушкой возникла другая картина.

Прелестное майское утро. Она выходитъ рано, сопровождаемая горничной, чтобъ купить ландышей. Это день рожденія мамы. У самой калитки сада ее останавливаетъ толпа. Шумъ и говоръ кругомъ. Что такое?

Проѣзжаетъ артиллерія. Алина смотритъ, и вдругъ личико ея покрывается яркой краской.

Въ молодомъ, красивомъ офицерѣ, верхомъ сопровождающемъ артиллерію, она узнаётъ своего вчерашняго кавалера. Она была на благотворительномъ балу, и очень много съ

Digitized by Google

нимъ танцовала. Молодой человѣкъ тоже узнаётъ ее, улыбается, почтительно кланяется и исчезаетъ вслѣдъ за тяжелыми пушками, унося съ собою сердце дѣвушки. Съ тѣхъ поръ онъ часто проѣзжалъ по переулку, и черезъ ограду сада видѣлъ дѣвушку. Она любитъ сидѣть съ работой въ китайской бесѣдкѣ. Молодой человѣкъ кланяется, и дѣвушка, краснѣя, отвѣчаетъ на поклонъ.

Однажды онъ останавливается у ограды и робко заговариваетъ. Робѣя еще болѣе, дѣвушка отвѣчаетъ и... разговоры эти повторяются съ удивительною правильностью, а черезъ три мѣсяца молодые люди уже знаютъ, что любятъ другъ друга, и считаютъ себя женихомъ и невѣстой.

Алина не умѣла скрыть новаго чувства, овладѣвшаго всѣмъ ея существомъ. Отецъ скоро замѣтилъ перемѣну въ любимой дочкѣ. Она была то необыкновенно весела, то вдругъ задумывалась и плакала безъ причины. При первомъ вопросѣ отца, Алина во всемъ призналась. Она разсказала, какъ танцовала съ Рожеромъ на балу, какъ встрѣтила его на улицѣ, какъ разговаривала каждый день черезъ ограду сада.

— Ахъ, дорогой папочка, онъ такъ милъ, такъ почтителенъ, такъ нѣженъ...

И она обнимала и ласкала отца. Но Бернаръ былъ серьёзенъ и, помолчавъ, сказалъ:

— Ты хорошо сдѣлала, что не скрыла отъ меня, но я долженъ сказать тебѣ, что ты все таки надѣлала много глупостей... Какъ! Не зная, что это за человѣкъ, ты пускаешься съ нимъ въ разговоры, устраиваешь каждый день свиданія черезъ ограду! На что это похоже! Помилуй! А я нарочно воспитывалъ тебя дома, не отдалъ въ пансіонъ, не давалъ читать романовъ, не возилъ въ театръ... и вдругъ!..

— Папочка, милый мой, прости меня, но я сама не знаю, какъ все это случилось, какъ-то совсѣмъ неожиданно... если-бы ты зналъ...

Но Бернаръ ничего не зналъ. Онъ любилъ свою жену совершенно спокойно, послѣ свадьбы гораздо больше, чѣмъ до свадьбы, и не понималъ подобныхъ неожиданностей.

Онъ съ удивленіемъ глядѣлъ на эту 18-тилѣтнюю дѣвушку, которую считалъ ребенкомъ, выросшую въ ихъ тихой степенной семьѣ, подъ строгимъ надзоромъ.

Digitized by Google

Алина смотрѣла на него, и глаза ея были полны слезъ. Бернаръ нѣжно любилъ свое единственное дѣтище и не хотѣлъ видѣть ея слезъ. Онъ поторопился приласкать ее.

— Ну, не плачь, дѣло твое еще можетъ уладиться. Я наведу справки, но пока... чтобы не было больше свиданій... слышишь?

— О, да, папа.

Прошло восемь дней. Однажды Бернаръ взялъ дочь за руку и, отведя въ сторону, сказалъ:

— Я узналъ все, что̀ нужно, и даже познакомился съ Рожеромъ. Это прекрасный молодой человѣкъ, на отличной дорогѣ, 30,000 годоваго доходу. Старушка мать—славная женщина. Я и мама ничего противъ этого не имѣемъ, но... что̀ скажетъ тетушка Урсула?

Алина прыгнула на шею отцу и не слушала далѣе.

— Милый, дорогой! Папа, какой ты добрый.

И вотъ, въ это прекрасное августовское утро, пока Алина въ волненіи ходила между кустами розъ, Бернаръ приступилъ къ объясненію съ тетушкой Урсулой.

Вдругъ лошадь тихо заржала, и за оградой показалась голова Рожера. Алинѣ хотѣлось побѣжать къ любимому человѣку, но она удержалась, медленно направилась къ бесѣдкѣ, поднялась 10 ступеней и выглянула въ окно.

— Вы можете остаться всего одну минуту, сказала она, улыбаясь; сегодня—важный день. Папа говоритъ съ тетушкой Урсулой. Что̀ она скажетъ, Боже мой!

— Что̀ бы она ни сказала, мы не уступимъ.

— А что̀, если придется ждать?

— Я подожду.

— Долго?

— Сколько хотите.

Алина весело засмѣялась.

— Пожалуй, вы будете тогда генераломъ.

— Что жъ! Развѣ вы меньше отъ этого будете любить меня?

— Нѣтъ, но я предпочитаю выйти за васъ, пока вы капитанъ.

И они опять засмѣялись, забывая невзгоды, увѣренные во взаимной любви и счастливые своей жизнью.

Digitized by Google

— Ахъ, Боже мой, воскликнула Алина, вспомнивъ вдругъ, что происходило въ эту минуту. Что-то тамъ?

— Ну, вѣрно очень страшна ваша тетушка Урсула? спросилъ, улыбаясь, Рожеръ.

— Ахъ, нѣтъ! Она очень добра, и насъ ужасно любитъ, но... да вы этого не поймете!

И лицо молодой дѣвушки сдѣлалось очень серьёзно.

— Она столько выстрадала! прибавила она тихо.

— А мы развѣ не страдаемъ? вскричалъ капитанъ изъ-за своей ограды. То есть, лучше сказать, страдаю я, потому что вы... мнѣ кажется, вы переносите это... очень спокойно.

Алина плутовски улыбнулась и хотѣла что-то сказать, но въ эту минуту дверь хлопнула и Бернаръ появился на балконѣ.

— Вотъ папа, бѣгу къ нему, до свиданія.

И, кивнувъ молодому человѣку, Алина побѣжала къ отцу. Бернаръ былъ задумчивъ.

— Что, папа, что сказала тетушка Урсула?

— Иди сама къ ней, она хочетъ говорить съ тобой.

Алина быстро направилась въ гостинную, гдѣ у камина сидѣла тетушка Урсула. Толстый мопсъ лежалъ у ногъ ея.

Это была старая дѣва, сухая, длинная, въ глубокомъ траурѣ. Въ рукахъ она держала вязанье, которое сейчасъ же опустила, какъ только вошла племянница.

Г-жа Бернаръ, маленькая, толстенькая женщина, сидѣла тутъ же, и на добромъ лицѣ ея выражалось сильное волненіе. Бернаръ вошелъ за дочерью и остановился у двери.

Алина быстро окинула взглядомъ эту картину и поняла, что родители не помогутъ ей, и что она должна сама завоевать свое счастье. Съ сильно бьющимся сердцемъ и блестящими глазами она подошла и остановилась передъ тетушкой Урсулой.

— Такъ вотъ какъ, моя крошка, начала тетушка, улыбаясь:—ты хочешь насъ покинуть? Рано, рано вздумала.

— Тетушка, мнѣ 18 лѣтъ.

Тетушка расхохоталась.

— Ахъ, какъ много! Смотри, не опоздай!

Видя тетушку въ такомъ веселомъ настроеніи, Алина подумала, что кончилось лучше, чѣмъ она ожидала, и, расхрабрившись, воскликнула:

Digitized by Google

— Ахъ, тетушка, еслибы ты знала, какъ я его люблю!

— Вотъ какъ! сказала тетушка, которая положительно казалась въ лучшемъ расположеніи духа. А который ему годъ?

— Скоро будетъ 28.

— Значитъ, на десять лѣтъ старше тебя.

— Папа старше мамы на 11 лѣтъ, тетушка.

— А чѣмъ онъ занимается?

Алина подняла на тетушку умоляющіе глаза и, дрожащимъ голосомъ, прошептала:

— Онъ капитанъ артиллеріи, тетушка.

Громъ, упавшій на домъ и поразившій старую дѣву, произвелъ бы на нее меньшее впечатлѣніе; она вскочила съ мѣста, скрестила на груди руки и, вся блѣдная съ сверкающими глазами, закричала:

— Какъ! офицеръ! Въ нашемъ домѣ!..... И ты! моя племянница, моя крестница, моя любимица..... Она зашаталась и схватилась за стулъ.

— Не думала я, что здѣсь такъ скоро забудутъ о моемъ горѣ..... о, я уйду изъ этого дома... между вами и мною все кончено.....

И, потрясая своими траурными одеждами, тетушка Урсула вышла изъ комнаты.

Отецъ, мать и дочь переглянулись.

— Я говорилъ тебѣ, сказалъ отецъ, что тетушка никогда не согласится. Какъ сказать теперь это бѣдному Рожеру?

— Какъ сказать! что ты, папа! Неужели ты думаешь уступить?

— А какъ же иначе?

— Какъ? Жертвовать моимъ счастіемъ какому-то глупому капризу, какой-то непонятной ненависти! Что общаго между горемъ тетушки Урсулы и моей любовью? Съ какой стати со мной должно случиться то же, что случилось съ ней! Папа, папа, если ты откажешь ему, я... я... умру...

И дѣвушка разрыдалась. Родители бросились къ ней.

— Дитя мое, Алина, дорогая, успокойся, мы все устроимъ, не плачь...

Имъ все казалось легче перенести, чѣмъ видѣть въ слезахъ и горѣ свою ненаглядную дочку.

Digitized by Google

Между тѣмъ тетушка Урсула поднялась въ свою комнату и заперлась на ключъ. Все вокругъ подходило къ ея меланхолическому настроенію: темные обои, темная мебель, темныя драпировки. Въ переднемъ углу, въ серебряной рамѣ висѣлъ фотографическій портретъ, а передъ нимъ теплилась серебряная лампада. Портретъ изображалъ молодаго человѣка въ военномъ пѣхотномъ мундирѣ. Внизу на дощечкѣ стояло: „Луи-Сильванъ де Миріё, убитый при осадѣ Севастополя. Миръ праху его!“

Тетушка Урсула подошла къ портрету и опустилась на колѣни. Долго глаза ея, полные слезъ, обращены были на изображеніе, наконецъ она прошептала:

— Военный! Въ нашей семьѣ... Послѣ тебя! О, нѣтъ, я не забыла тебя, не измѣню тебѣ, и этого не будетъ!

Тотъ, кого оплакивала тетушка Урсула, по правдѣ сказать, не стоилъ такой глубокой горести. Оставшись 20-ти лѣтъ круглымъ сиротой, онъ очень быстро прокутилъ все свое состояніе. Родители были сосѣдями, дѣти играли вмѣстѣ и шутя называли другъ друга женихомъ и невѣстой. Съ годами, чувство дружбы въ сердцѣ дѣвушки превратилось въ любовь, доходящую до обожанія, не смотря на то, что Луи не придавалъ этому никакого значенія и, вѣчно гоняясь за другими женщинами, не обращалъ на Урсулу ни малѣйшаго вниманія. Отецъ скоро замѣтилъ любовь дочери и, не желая имѣть зятемъ вѣтряника, старался вразумить ее. Но сухая, некрасивая дѣвушка была упорна, и чѣмъ больше бранили Луи, тѣмъ болѣе она любила его.

— Никогда не позволю тебѣ выйти за него. Онъ сдѣлаетъ тебя несчастной, говорилъ отецъ.

— Я постараюсь исправить его своей любовью, отвѣчала она.

— Онъ прокутилъ все свое состояніе, и твои деньги уйдутъ туда же.

— Я богата за двухъ, пріучу его къ экономіи и порядку. И Урсула стояла на своемъ, терпѣливо ожидая дня, когда отецъ дастъ свое согласіе.

Что касается Луи, онъ смотрѣлъ на Урсулу, какъ на сестру; безъ церемоніи бралъ у нея деньги; время отъ времени приносилъ ей ничтожные подарки, которые до слезъ

Digitized by Google

трогали чувствительную дѣвушку. Онъ вовсе не торопился жениться, и когда товарищи, шутя, спрашивали: когда же свадьба? онъ отвѣчалъ, смѣясь: еще успѣю, это меня не минуетъ.

Однажды Луи пришелъ очень разстроенный. Урсула сейчасъ же замѣтила это и, отозвавъ его въ сторону, узнала, что онъ въ самомъ безвыходномъ положеніи.

— Скажи мнѣ, спросила она, хочешь ли ты начать новую жизнь? Даешь ли мнѣ слово исправиться?

Луи поднялъ глаза къ небу и глубоко вздохнулъ.

— Иди къ отцу, прибавила она, проси моей руки.—Луи пошелъ.

Отецъ прогналъ претендента и объявилъ дочери, что предпочитаетъ видѣть ее мертвой, чѣмъ женой этого кутилы.

— Въ такомъ случаѣ, я никогда не выйду замужъ.

— Прекрасно! ты будешь няньчить дѣтей твоей сестры.

— А я пойду въ солдаты! съ паѳосомъ воскликнулъ отверженный женихъ.

— Отлично! по крайней мѣрѣ, займешься чѣмъ нибудь.

Луи исполнилъ угрозу, надѣясь, что слезы Урсулы тронутъ наконецъ отца, но неожиданное обстоятельство разрушило всѣ его планы. Не прошло и двухъ недѣль, какъ была объявлена война съ Россіей, и полкъ, въ который поступилъ Луи, отправлялся въ Крымъ. Выйти изъ полка не было возможности, и Луи въ походной формѣ явился проститься. Урсула была въ отчаяніи, самъ старикъ-отецъ былъ тронутъ. Съ этого дня Урсула вся погрузилась въ чтеніе газетъ и разсматриванье картъ войны, на которыхъ отмѣчала красными и синими булавками движеніе войскъ. Она плыла въ воображеніи по морю, высаживалась въ Евпаторіи, сражалась при Альмѣ, при Черной рѣчкѣ. Честь всѣхъ выигранныхъ сраженій, взятыхъ пушекъ, она приписывала своему жениху. Для нея не существовало ни Сент-Арно, ни Пелисье, ни французовъ, ни англичанъ, ни турокъ; существовалъ только одинъ ея Луи, который, какъ Ахиллъ подъ стѣнами Трои, одинъ наводилъ ужасъ на всѣхъ русскихъ.

А, между тѣмъ, этотъ герой очень тяжело переносилъ походъ и въ письмахъ своихъ постоянно жаловался то на холодъ, то на утомленіе и другія неудобства, и мечталъ о ско-

Digitized by Google

ромъ возвращеніи на родину, въ уютной уголокъ, на готовые хлѣба.

Письма приходили довольно часто, но вдругъ они прекратились. Урсула волновалась и плакала. Отецъ, глядя на нее, тоже безпокоился. Онъ ходилъ по министерствамъ, читалъ газеты, списки убитыхъ и раненыхъ; имени Луи нигдѣ не было.

Урсула внала въ мрачное отчаяніе. Она рѣшила, что ея возлюбленный погибъ, что онъ нашелъ неизвѣстную могилу подъ какими нибудь развалинами и спитъ вѣчнымъ сномъ. Она надѣла трауръ и простилась съ радостью. Всю свою любовь и заботу она обратила теперь на старика-отца и сестру, которая была на 10 лѣтъ ея моложе. Отецъ съ болью въ сердцѣ смотрѣлъ на бѣдную дочь и упрекалъ себя въ ея несчастіи, а сестра привыкла смотрѣть на Урсулу, какъ на святую. Всѣ въ домѣ любили ее, особенно почтительно относились къ ея горю и упоминали о немъ не иначе, какъ понижая голосъ. Въ воображеніи бѣдной дѣвушки образъ Луи принялъ размѣры необыкновеннаго героя и мученика, и она поклонялась ему и чтила его память, какъ святаго.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ ней укоренилась ненависть, доходящая до крайности, ненависть слѣпая, безграничная, безумная ко всему военному. Недалекая дѣвушка рѣшила, что во всемъ виновата военная служба, которая отрываетъ мужей отъ женъ, дѣтей отъ родителей, жениховъ отъ невѣстъ, и посылаетъ ихъ на ужасную бойню, гдѣ они и погибаютъ. Она ненавидѣла военную службу, ненавидѣла военныхъ и не могла слышать разговора, который касался чего нибудь военнаго. Она блѣднѣла, вздрагивала и едва не теряла сознанія. Родные знали это, и въ домѣ не упоминали о военныхъ. Отецъ умеръ на ея рукахъ, прося у нея прощенія. Сестра выросла, и Урсула поторопилась найти ей мужа, который не имѣлъ бы никакого отношенія къ военному міру.

Бернаръ былъ фабрикантъ фарфоровыхъ пуговицъ, славный малый съ добродушнымъ лицомъ, взглянувъ на которое всякій сказалъ бы: „ну, этотъ мухи не обидитъ.“ Урсула не ошиблась. Берта была съ нимъ вполнѣ счастлива, и жизнь ея катилась безмятежно. Добрякъ Бернаръ, конечно, наизустъ зналъ исторію героя Луи и съ глубокимъ уваженіемъ отно-

Digitized by Google

сился къ несчастію Урсулы. Онъ выслушивалъ терпѣливо все тотъ же разсказъ о мученической кончинѣ этого славнаго воина, павшаго на полѣ брани. Воображеніе Урсулы не скупилось на краски. Онъ привыкъ глубоко вздыхать и ходить на цыпочкахъ въ достопамятные почему либо дни, когда овдовѣвшая невѣста проливала бо́льшее количество слезъ. Онъ относился къ этому чистосердечно, не допуская критики, и понятно теперь, почему выборъ Алины произвелъ такой переполохъ въ домѣ.

Когда родилась Алина, тетушка Урсула оживилась и вся отдалась воспитанію дѣвочки. Она была ея крестной матерью, ухаживала за ней, потомъ учила ее, и теперь, когда Алина выросла, мечтала найти ей жениха въ родѣ добраго Бернара. Она имѣла кой-кого въ виду... и вдругъ эта маленькая революціонерка подняла цѣлую бурю въ сердцѣ тетушки.

На другой день она успокоилась и позвала племянницу.

— Пойми, дитя мое, говорила она ласково:—ты сама идешь на несчастіе. Ты знаешь, я люблю тебя и желаю добра.

Но дѣвушка стояла на своемъ.

— Она съ характеромъ, думала тетушка Урсула:—совершенно, какъ я. Но я спасу ее противъ воли; надо только терпѣніе. Время сдѣлаетъ свое.—И тетушка Урсула успокоилась.

Алина разсчитывала тоже на время. Она не хотѣла огорчать добрую тетушку, которую нѣжно любила.

— Время сдѣлаетъ свое, тетушка согласится,—думала она и продолжала свои прогулки въ китайскую бесѣдку. Отецъ смотрѣлъ сквозь пальцы на эти невинныя продѣлки. Онъ тоже разсчитывалъ на всесильное время и былъ доволенъ, что его любимица не плакала.

Но тетушка Урсула скоро впала въ раздумье.

— Странно, говорила она себѣ:—Алина весела, мила, ни малѣйшей тѣни грусти, неудовольствія. Тутъ что-то есть!

И она стала наблюдать. Прогулки въ бесѣдку не укрылись отъ нея. И вотъ однажды, выбравъ удобный моментъ, она пошла вслѣдъ за Алиной, незамѣтно подкралась къ бесѣдкѣ и... остановилась, какъ вкопанная: въ бесѣдкѣ раздавался голосъ и смѣхъ Алины.

Digitized by Google

— О, Боже! Неужели!

И въ три прыжка тетушка очутилась въ бесѣдкѣ. У окна сидѣла Алина съ работой въ рукахъ, рядомъ сладко спалъ вѣрный мопсъ тетушки, а изъ-за ограды виднѣлась красивая голова въ военной фуражкѣ.

Тетушка дико вскрикнула. Мопсъ проснулся и залаялъ. Алина бросила работу и выпрыгнула изъ бесѣдки. Голова въ военной фуражкѣ исчезла за оградой. Тетушка осталась одна.

— Такъ вотъ какъ! прошептала она:—меня такъ низко обманываютъ, надо мной смѣются, и всѣ, всѣ въ заговорѣ... Хорошо! Я не буду мѣшать имъ. Я уйду изъ дома, гдѣ родилась и состарилась; умру въ чужомъ углу...

И, сдерживая рыданія, она пошла къ сестрѣ. Напрасны были слезы и просьбы родныхъ. Тетушка рѣшила и пошла укладываться. Сердце ея разрывалось на части. Все ей было дорого въ этомъ домѣ. Каждый уголъ былъ памятенъ. Каждая вещь была свидѣтельницей ея немногихъ радостей и многочисленныхъ горестей... а они, эти дорогія существа... эта сестра, эта племянница, обѣ ея дочери... обѣихъ она выростила, воспитала, обѣимъ замѣняла мать... И онъ, добрый Бернаръ, съ которымъ она такъ дружно прожила 20 лѣтъ... Покинуть ихъ, не видать никогда... остаться одной, совсѣмъ одной, на всемъ свѣтѣ... о, это ужасно, она ихъ такъ любитъ... какъ жить безъ нихъ? Нѣтъ, она не можетъ, она пойдетъ, она проститъ, она согласится... И бѣдная тетушка Урсула встала, но вдругъ взглядъ ея упалъ на портретъ въ углу.

— Луи, закричала она, бросаясь къ нему, бѣдный мой Луи, мученикъ, прости, прости! Я измѣнила тебѣ, я забыла тебя! Прости, никогда, о никогда! — И она упала на колѣни.

Дверь скрипнула. Вошла горничная.

— Что такое? недовольно спросила тетушка.

— Какой-то господинъ спрашиваетъ васъ, сударыня.

— Что за господинъ?

— Не знаю, сударыня.

Тетушка встала. Можетъ быть, Рожеръ опомнился и прислалъ отказъ. Можетъ быть, все поправимо. И она быстро направилась въ гостиную.

Digitized by Google

У камина стоялъ господинъ, толстый, красный, грубый и, улыбаясь, смотрѣлъ на тетушку.

— Съ кѣмъ имѣю удовольствіе...

— Да неужели я такъ измѣнился, что вы не узнаёте меня?

Тетушка Урсула вздрогнула.

— Извините... я не знаю...

— Урсула, голубушка! Не узнаёшь?

Тетушка отступила назадъ. Лицо ея помертвѣло.

— Какъ? едва произнесла она.—Луи?

— Ну, да, твой старый Луи. Помнишь? Хе, хе, хе... И онъ подмигнулъ ей.—Не узнала? Удивилъ? А я такъ сейчасъ узналъ. Ты мало измѣнилась, право, мало. И онъ опять грубо расхохотался.

Тетушка дрожала. Что это? какъ? Онъ живъ! Онъ, о которомъ она столько лѣтъ страдала, плакала... Онъ живъ, передъ ней! И это онъ, этотъ сѣдой толстякъ, грубый, противный — ея Луи, ея женихъ!

Мысли кружились въ ея головѣ. Она не знала, во снѣ это или на яву. Она не знала, броситься ли къ нему на шею, или задушить его своими руками. Она готова была закричать, заплакать, но молчала и смотрѣла на него. А онъ весело болталъ.

— Я тебѣ разскажу цѣлый романъ. Я, видишь ты, попалъ въ плѣнъ... былъ раненъ, меня подняли русскіе и перевезли въ Екатеринославъ, русскій городъ. Лежалъ я, за неимѣніемъ мѣста въ госпиталѣ, въ домѣ одного купца. Его жена и дочь ухаживали за мной. Отецъ—добрѣйшій человѣкъ, мы съ нимъ подружились, а Маша, дочь его... я на ней женился. Ты не въ претензіи, Урсула? вѣдь я зналъ, что все равно, отецъ твой не отдастъ тебя за меня, и потому на чужбинѣ я завелся своей семьей... Навѣрно вѣдь и ты замужемъ, и, можетъ быть, ужь бабушка? А я такъ скоро буду дѣдушкой. Выдалъ нынче замужъ дочку. У меня домъ въ Одессѣ и лучшій винный погребъ. Пріѣхалъ сюда по дѣламъ. Дай, думаю, зайду, на родныя мѣста посмотрю. Ну, а ты какъ поживаешь? Помнишь, когда уѣзжалъ, какъ мы клялись въ вѣрности до гроба! не смѣшно ли все это теперь вспомнить?

Digitized by Google

Но тетушкѣ Урсулѣ не было смѣшно. Ей казалось, что все рушилось кругомъ нея. Это поклоненіе мученику, герою, эта легенда о несчастіи, о вѣчномъ горѣ, эта вѣрность за гробомъ, этотъ глубокій трауръ, все то, чѣмъ она жила всю жизнь до сѣдыхъ волосъ, все это—жалкая комедія, въ которой она играетъ такую глупую роль! Этотъ мученикъ—толстъ и красенъ. Этотъ герой—торговецъ виномъ. Этотъ поэтическій покойникъ—отецъ многочисленного семейства... О, ужасъ! О, стыдъ!

Она желала, чтобъ земля разступилась передъ ней и поглотила ее.

А Луи смотрѣлъ на нее съ удивленіемъ. Онъ начиналъ опасаться, въ своемъ ли умѣ его бывшая невѣста?

— Урсула, сказалъ онъ, что же ты молчишь? Скажи, рада ли видѣть своего бывшаго возлюбленнаго?

Тетушка очнулась. Она вскочила со стула, на который машинально опустилась во время разсказа Луи, протянула руки къ двери и закричала страшнымъ голосомъ:

— Вонъ, вонъ! не смѣйте никогда являться сюда...

Перепуганный Луи поспѣшилъ убраться, а тетушка бросилась на верхъ. Она вбѣжала въ свою комнату, кинулась къ завѣтному углу, сорвала портретъ и лампаду и растоптала ногами.

Наконецъ, измученная сильными потрясеніями, она упала безъ чувствъ на кровать. На шумъ прибѣжали сестра и зять. Они уже знали, кто былъ у тетушки, и поняли, въ чемъ дѣло. Когда тетушка пришла въ себя, то сказала, указывая на безпорядокъ въ комнатѣ:

— Велите все это убрать и не произносите никогда его имени. А теперь пошлите за Рожеромъ.

Алина бросилась на шею тетушки.

Черезъ два часа, тетушка Урсула благословляла жениха и невѣсту.

Digitized by Google

ПОѢЗДКА ВЪ АСХАБАДЪ.

(Путевые наброски).

I.

Отъѣздъ.—Попутчики.—Петровскъ.—Каспійское море.

Я служилъ въ К.... полку, квартировавшемъ въ одномъ изъ уѣздныхъ городовъ Терской области, на Кавказѣ.

Въ ноябрѣ 1880 года меня прикомандировали въ Д..... пѣхотный полкъ. Онъ находился въ Закаспійской области и составлялъ часть отряда, которымъ командовалъ генералъ Скобелевъ. Пока я покончилъ счеты съ полкомъ, гдѣ служилъ ранѣе, и заготовилъ вьюки, бурку, погребецъ и тому подобную мелочь, необходимую въ походѣ, старый годъ миновалъ и наступилъ 1881. 14 января я простился съ родными и выѣхалъ изъ города Г..... Выдался солнечный денекъ. Снѣгъ скрипѣлъ подъ полозьями саней, а почтовыя лошади быстро несли меня по укатанной дорогѣ. Ямщикъ весело посвистывалъ, помахивая кнутомъ. Вороны испуганно слетали съ дороги, дѣлали лѣнивые взмахи крыльями и садились на кусты и на ближайшіе курганы.

По дорогѣ встрѣчались печально обнаженные кустарники боярышника; на нихъ кой-гдѣ висѣли желтые листья. За кустарниками разстилалось холмистое, бѣлоснѣжное поле; на горизонтѣ рисовались горы; а за ихъ вершинами, сіявшими алмазною гранью, картинно опускалось ясное небо. Дорога не отличалась оживленностью. Иногда выбѣгалъ изъ кустовъ робкій заяцъ, или показывалась въ сторонѣ рыжая проворная лисица.

Я предался воспоминаніямъ..... Въ душѣ моей возникали одна за другой картины разлуки, образы дорогихъ и покинутыхъ лицъ. Въ нихъ отзывались звуки напутственныхъ пожеланій и рыданія.... Подъ вліяніемъ этихъ воспоминаній, мнѣ стало грустно; но ненадолго. Молодость скоро взяла свое. Надежда и даже увѣренность, что я увижу снова все, что покинулъ, подкрѣпили меня.

Кустарники боярышника, дубы и орѣшники становились все

Digitized by Google

мельче и рѣже. Наконецъ открылась долина. По ней извивалась Аргунь, быстрая и довольно глубокая рѣчка. Красивый мостъ на чугунныхъ сваяхъ соединялъ обрывистые берега рѣчки.... Громадный чеченскій аулъ Устаръ-Гардой виднѣлся за мостомъ. Изъ трубъ вились тонкія струйки дыма. По дорогѣ, выходившей изъ лѣса, тянулся со скрипомъ цѣлый караванъ арбъ, нагруженныхъ дровами. Около арбъ шли чеченцы въ рваныхъ тулупахъ, овчинныхъ папахахъ и чевякахъ. Длинными прутьями погоняли они тощихъ быковъ.

— Саукъ *), кунакъ, крикнулъ ямщикъ.

— Яхши **), отозвался чеченецъ, тряхнувъ плечами.

— Имъ и холодъ ни почемъ, замѣтилъ иронически ямщикъ;— сказано: шайтаны.

Я подъѣхалъ къ длинному дому, обнесенному высокой плетневой изгородью. Это была почтовая станція. На крыльцѣ меня встрѣтилъ станціонный смотритель, невысокій, сутуловатый старичокъ съ добродушнымъ лицомъ. На немъ былъ короткій полушубокъ, валенки и шапка изъ сѣрыхъ смушекъ. Я отдалъ ему подорожный бланкъ.

— Сейчасъ лошади будутъ, сказалъ онъ. Вскорѣ раздался звонъ почтоваго колокольчика, и какой-то господинъ вошелъ въ комнату. Его смуглое, полное и румяное лицо съ оттѣнкомъ торговой изворотливости, каріе глуповатые глазки, густыя, почти сросшіяся брови, длинный выпуклый носъ, крупныя губы и особенная интонація въ голосѣ—ясно говорили, что это восточный человѣкъ. Пріѣзжій отрекомендовался мнѣ купцомъ Мамаджановымъ.

— Далеко вы ѣдете? спросилъ онъ.

— Въ Петровскъ.

— Я тоже въ Петровскъ.—Поѣдемте вмѣстѣ, дешевле станетъ...

Подумавъ немного, я согласился. Въ комнату вошелъ смотритель и сказалъ, что лошади готовы.

Снѣгъ повалилъ густыми хлопьями, когда мы выѣхали со станціи. Вѣтеръ усиливался и дулъ прямо въ лицо. Я закутался въ бурку и надвинулъ башлыкъ. Лошади бѣжали мелкой рысцой, колокольчикъ гудѣлъ. Я началъ дремать, а потомъ и заснулъ.

Громкій говоръ разбудилъ меня. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что сани стояли. Впереди виднѣлась широкая рѣка, покрытая льдомъ. По берегамъ росъ мелкій кустарникъ, а за нимъ чернѣлъ

*) Холодно.
**) Хорошо.

Digitized by Google

высокій лѣсъ. На берегу стоялъ мой попутчикъ и спорилъ о чемъ-то съ ямщикомъ. Я подошелъ къ нимъ.

— Вотъ бѣда, обратился ко мнѣ Мамаджановъ,—нельзя ѣхать дальше, на рѣкѣ нѣтъ проѣзжаго слѣда.

Я посовѣтывалъ ѣхать прямо на авось.

— Что вы? возразилъ попутчикъ:—Кавказскія рѣчки капризны, точно барышни. Съ ними нужно быть осторожнымъ.

Мы стояли у рѣки около часу. Къ счастію, на противоположномъ берегу показалась тройка. Она проѣхала по льду, а по ея слѣду переѣхали и мы.

Было темно, когда мы прибыли въ слободу Хасавъ-Юртъ. На станціи мой попутчикъ потребовалъ самоваръ, угостилъ меня великолѣпнымъ кахетинскимъ виномъ, которое онъ везъ изъ Тифлиса домой. Мамаджановъ оказался веселымъ собесѣдникомъ, и я пріятно провелъ съ нимъ вечеръ. На другой день, едва мы успѣли проснуться, въ комнату къ намъ вошелъ тонкій и косой еврей съ плутоватой рожей. Онъ объявилъ, что, по случаю проѣзда „важнаго полковника", лошадей не будетъ. У моего попутчика оказался въ Хасавъ-Юртѣ знакомый, къ которому онъ и пошелъ. Я остался одинъ на станціи. Мнѣ стало скучно. Отъ нечего дѣлать я пошелъ бродить по Хасавъ-Юрту. Эта слобода не можетъ привлечь ничьихъ взоровъ. Вся она состоитъ изъ кривыхъ, немощеныхъ улицъ съ плохими домиками, крытыми то тесомъ, то черепицей, то камышемъ. Недалеко отъ церкви я встрѣтилъ нѣсколько памятниковъ, поставленныхъ въ честь убитыхъ героевъ во время кавказской войны. На обратномъ пути я зашелъ въ первую попавшуюся мнѣ лавку, чтобы купить папиросъ. Здѣсь я встрѣтилъ попутчика.

— Я не могу ѣхать съ вами до Петровска, сказалъ онъ мнѣ. Богъ даровалъ сына моему знакомому, и меня просятъ быть крестнымъ отцомъ.

Мы дружелюбно разстались. На крыльцѣ станціи меня встрѣтилъ офицеръ средняго роста со смуглымъ лицомъ, окаймленнымъ короткими черными баками.—Онъ протянулъ мнѣ руку, и мы познакомились.

— Вы ѣдете въ отрядъ Скобелева? спросилъ онъ. Не желаете ли ѣхать вмѣстѣ?

Я согласился. Въ два часа дня мы выѣхали изъ Хасавъ-Юрта. Дорогой встрѣчались рѣчки; переправа черезъ нихъ задерживала насъ, такъ что мы только въ девять часовъ вечера пріѣхали въ Чиръ-Юртъ. Мнѣ пришлось и здѣсь заночевать, потому что смотритель не давалъ дальше лошадей.

Digitized by Google

— Впереди крутой подъемъ на гору, сказалъ онъ, и дорога въ темнотѣ не безопасна.

Дѣлать было нечего. Приходилось мириться со всякими дорожными приключеніями. Мы расположились въ комнатѣ для пріѣзжающихъ на станціи.

— Вы бывали въ Петербургѣ? спросилъ меня попутчикъ.

— Нѣтъ.

— По крайней мѣрѣ, слыхали про фамилію Мижайловыхъ?

— Нѣтъ.

— Я имѣю честь принадлежать къ этой фамиліи; удивляюсь, какъ въ провинціи неизвѣстна эта фамилія. Моя тетушка—фрейлина, а батюшка—членъ государственнаго совѣта, притомъ, богачъ и человѣкъ дѣловой. Не желаете ли коньяку столичнаго?

Я отказался. Тутъ попутчикъ понесъ длинную рѣчь о прелестяхъ столичной жизни, о балахъ, балетахъ, театрахъ, скачкахъ... Чѣмъ онъ кончилъ, не знаю; его хвастливая болтовня, какой обыкновенно щеголяютъ въ провинціи петербургскіе хлыщи, навѣяла на меня дремоту; я не дослушалъ и заснулъ.

На другой день рано мы выѣхали изъ Чиръ-Юрта. Эта слобода расположена въ лощинѣ, среди голыхъ и угрюмыхъ скалъ.

Дорога отъ Чиръ-Юрта поднималась круто въ гору. Я ѣхалъ въ бричкѣ, потому что санной дороги не было. Попутчикъ, вѣроятно, по праву столичнаго превосходства, занялъ почти всю бричку, такъ что мнѣ было очень неудобно. Справа громоздились высокія горы, покрытыя лѣсомъ, слѣва—нагія возвышенности. У подошвы горъ извивался дикій и бурный Сулакъ.

— А вотъ и Шура, сказалъ ямщикъ.—Высокій зеленый куполъ церкви мелькнулъ и скрылся. Мы въѣхали въ ущелье. Мѣстоположеніе этого городка очень живописно. Онъ пріютился возлѣ горы, опоясанный садами и дачами. Мы остановились въ гостинницѣ „Кавказъ“. Попутчикъ заказалъ обѣдъ, а я отправился къ начальнику области, чтобы узнать отъ него: есть ли сообщеніе между Петровскомъ и Красноводскомъ.

Начальникъ области сказалъ, что 23 января ожидается въ Петровскъ шхуна „Волга“; а 24-го она отправится въ Красноводскъ. Мой попутчикъ рѣшилъ ѣхать на Баку.

Когда я вернулся въ гостинницу, онъ сидѣлъ за столомъ и пилъ вино.

— Ну, что? спросилъ онъ меня.

Я передалъ ему слова начальника области.

— Гм... промычалъ попутчикъ.—Вы понимаете, что если мы опоздаемъ къ штурму Геокъ-Тепе, для насъ все потеряно.

Digitized by Google

— Я, по крайней мѣрѣ, ничего не теряю.

— Понимаемъ... здѣсь выступаетъ патріотизмъ, чувство этакъ... Попутчикъ поигралъ по воздуху пухлыми пальцами, унизанными кольцами.

Мы съ минуту помолчали.

— Такъ вы не ѣдете на Баку?

— Нѣтъ.

— Гм... странно... Отчего не воспользоваться штурмомъ, не понимаю. Но зачѣмъ непремѣнно подставлять свой лобъ подъ пулю, становиться въ ряды штурмующихъ? Можно избрать иную комбинацію и получить награду. Хотите: я васъ научу?

Я поблагодарилъ и отказался отъ совѣта.

Попутчикъ нахмурилъ брови и послалъ за почтовой тройкой. Весь обѣдъ мы проиграли въ молчанку. Черезъ полчаса онъ уѣхалъ, едва протянувъ мнѣ на прощанье руку. Слуга принесъ мнѣ счетъ.

— Развѣ этотъ господинъ, что̀ обѣдалъ со мной, ничего не заплатилъ вамъ? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Нѣтъ.

Мнѣ пришлось заплатить въ гостинницѣ за себя и за милаго попутчика, у котораго и тетушка—фрейлина, и батюшка—въ „государственномъ совѣтѣ".

Я выѣхалъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ четыре часа. Великолѣпное шоссе тянулось прямой стрѣлой. На горизонтѣ замѣчалось неясное очертаніе горъ. На послѣдней станціи къ Петровску я ночевалъ. Мнѣ хотѣлось взглянуть днемъ на Каспій. Я никогда въ жизни не видалъ моря, и былъ знакомъ съ нимъ: въ дѣтствѣ по бабушкинымъ сказкамъ, а потомъ—по учебнику географіи.

Надежда моя не сбылась; когда я въѣхалъ на гору, съ которой долженъ былъ открыться видъ на море, густой утренній туманъ покрывалъ землю. Сквозь него невозможно было различить даже близкихъ предметовъ. Только въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петровска туманъ разсѣялся и выглянуло солнце. Высокій, бѣлый маякъ, устроенный на горѣ, царилъ надъ зданіями города.

Остановившись въ гостинницѣ, я пошелъ взглянуть на море. Оно было покойно... Приливъ тихо омывалъ низкій берегъ, усѣянный разноцвѣтными раковинами. Отъ каменистаго мола, о который ударялись волны, разлетались сѣдыя брызги... Дикія утки, недалеко отъ берега, плескались и ныряли. Въ голубой бухтѣ стояли на якорѣ два парусныя судна. Море тянулось на необо

Digitized by Google

зримую даль; казалось, оно поднимается все выше къ горизонту. Петровскъ спускался къ морю амфитеатромъ и казался гораздо красивѣе, чѣмъ тогда, когда я подъѣзжалъ къ нему.

Я прожилъ въ Петровскѣ нѣсколько дней. Городъ не великъ и не красивъ внутри. Изъ улицъ порядочная только та, которая ведетъ къ пристани. На ней встрѣчаются красивыя зданія; здѣсь же сосредоточивается торговая дѣятельность города. Остальная часть его пустынна, грязна и бѣдна. Я ожидалъ больше отъ Петровска, какъ отъ портоваго города. Шхуна „Волга“ запоздала и пришла въ Петровскъ только 27 января.

II.

Отплытіе.—Буря на морѣ.—Глинтвейнъ.—Подводный кабель.—Ночь на морѣ.—Красноводскъ.—Видъ города.—Отецъ Андрей.—Отдѣленіе Краснаго креста.—Киргизы.

Въ девять часовъ утра, 28 января 1881 года, шхуна „Волга“ дала свистокъ. Черезъ нѣсколько минутъ, она начала тихо отчаливать отъ пристани. Было что-то трогательное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торжественное въ этой разлукѣ... Офицеры и солдаты толпились на палубѣ; въ воздухѣ стоялъ гулъ отъ говора...

Экипажъ шхуны состоялъ изъ капитана, его помощника, машиниста и матросовъ—персіянъ. Капитанъ былъ плотный мужчина средняго роста, съ полнымъ лицомъ. Бѣлые, какъ лунь, волосы очень шли къ нему и придавали всей его фигурѣ внушительный видъ. Онъ казался несообщительнымъ и угрюмымъ моряком.

Шхуна вышла въ открытое море; день стоялъ хорошій и теплый. Съ яснаго неба привѣтливо свѣтило солнце, съ моря вѣяло пріятной свѣжестью. Легкій попутный вѣтерокъ подгонялъ судно. Шхуна быстро скользила по гладкимъ волнамъ, оставляя сзади широкую пѣнящуюся полосу.

Петровскъ уже исчезъ изъ виду, точно утонулъ въ морѣ. Офицеры гуляли по палубѣ, разговаривая между собой о разныхъ пустякахъ. Солдаты готовились къ завтраку. Персіяне сидѣли на тюкахъ и пѣли, что доставляло удовольствіе солдатамъ.

— Славно поетъ персюкъ, а ну, спой еще, подтрунивалъ кто-нибудь изъ солдатъ.

Персіянинъ заливался наконецъ такъ, что возбуждалъ хохотъ всѣхъ пассажировъ.

Въ одиннадцать часовъ былъ сервированъ на палубѣ завтракъ.

Digitized by Google

для офицеровъ, изъ нѣсколькихъ блюдъ, очень вкусно приготовленныхъ. Послѣ завтрака, нѣкоторые офицеры сѣли играть въ карты, другіе улеглись на палубѣ. Я слушалъ, какъ пѣли солдаты. Лихо раздавалась на морѣ русская пѣсня, то заунывная, то веселая. Одинъ изъ солдатъ отчеканивалъ „Комаринскую", подъ звуки бубна и скрипки.

Я не замѣтилъ, какъ прошелъ день и начало смеркаться. Въ шесть часовъ вечера былъ поданъ въ каютѣ ужинъ. Я остался на палубѣ, потому что почувствовалъ въ это время головокруженіе. Причиной была качка шхуны, которая къ ночи усилилась. Я началъ употреблять средства, какія рекомендовали мнѣ на этотъ случай: ѣлъ фрукты, пилъ ромъ,—ничто не помогало. Я развернулъ матрацъ и прилегъ. Мнѣ стало лучше... Ночью поднялась буря. Вокругъ царилъ густой зловѣщій мракъ. Холодный, порывистый вѣтеръ трепалъ паруса, гротъ-мачта скрипѣла. Волны бились о борты шхуны. Капитанъ наблюдалъ за барометромъ. Шхуна поднималась то высоко вверхъ, то стремительно опускалась внизъ. Винтъ машины стучалъ равномѣрно. Буря усилилась. Капитанъ стоялъ передъ компасомъ и отдавалъ приказанія лоцману.

Офицеры громко хохотали, когда шхуна грозила иной разъ выкинуть насъ за бортъ. Вдругъ на палубѣ раздался грохотъ... Сундуки, походные вьюки, самовары и посуда опрокинулись. Громадная волна залила палубу. Дружный хохотъ огласилъ воздухъ. Всѣ вскочили, облитые водой. Я ощущалъ во рту горько-соленый вкусъ. Волна унесла мою фуражку и еще кой-какія вещи у другихъ офицеровъ. Волосы на головѣ моей слиплись. Я сошелъ въ каюту. Она была переполнена пассажирами. Одни лежали, другіе—блѣдные и усталые—сидѣли, опустивъ печально головы. Я не могъ сомкнуть глазъ всю ночь и безцѣльно ходилъ то изъ каюты на палубу, то обратно.

Къ десяти часамъ утра буря стихла. Но море представляло еще грозный видъ. Сѣрыя волны яростно вздымались, сталкиваясь одна съ другой, и съ пѣной опускались въ клокотавшее море. Наконецъ изъ-за свинцовыхъ тучъ выглянуло солнце. На небѣ начали проясняться голубоватые клочки. Офицеры, въ честь благополучнаго окончанія бури, устроили глинтвейнъ, на который пригласили капитана, его помощника и машиниста. Глинтвейнъ скоро развеселилъ публику, собравшуюся на палубѣ. Говоръ, смѣхъ не умолкали. Капитанъ разсказывалъ о своихъ приключеніяхъ на Балтійскомъ морѣ, гдѣ онъ служилъ ранѣе; одинъ офицеръ смѣшилъ общество анекдотами; машинистъ началъ съ

Digitized by Google

разсказа о механизмѣ машины, но скоро сбился и съѣхалъ на подводный кабель.

— Желаете, господа, я покажу вамъ подводный кабель, сказалъ машинистъ:—пойдемте за мной. Я съ двумя офицерами сошелъ по узкой и крутой лѣстницѣ въ глубь шхуны, гдѣ стояла машина, около которой находились рабочіе. Здѣсь чувствовалась нестерпимая жара отъ раскаленныхъ печей, гдѣ яркимъ пламенемъ горѣла нефть. Рабочіе въ засаленныхъ блузахъ и фартукахъ чистили машину, подливали подъ винты масло. Я удивлялся, какъ могли они переносить такую жару.

— Вотъ, господа, вамъ и кабель, сказалъ машинистъ.

Мы съ любопытствомъ взглянули на черный цилиндръ, который держалъ онъ въ своихъ рукахъ.

— Кабель, началъ машинистъ, состоитъ изъ проволоки, въ видѣ телеграфной; проволока изолирована въ гуттаперчевую трубку, а трубка снаружи обмотана осмоленной веревочкой...

При этихъ словахъ, до нашего слуха донеслось пѣніе. Пѣли „Нелюдимо наше море“... Мы оставили машиниста и поспѣшно вышли на палубу.

Гармоничные звуки пѣсни звонко отражались въ чистомъ и свѣжемъ волдухѣ. Густой басъ съ душой и красиво выводилъ соло:

Будетъ буря, мы поспоримъ...

Хоръ дружно подхватилъ:

Смѣло, братья, вѣтромъ полный...

На палубѣ было очень весело. Даже персіянинъ-лоцманъ увлекся общимъ веселіемъ и запѣлъ что-то по персидски, но, возбудивъ общій смѣхъ, сконфузился и замолкъ.

Глинтвейнъ продолжался цѣлый день. Къ завтраку никто не касался, а за обѣдомъ было съѣдено только пирожное.

На слѣдующій день, когда я проснулся, шхуна стояла уже на якорѣ, въ виду Красноводска. Тишина, царившая вокругъ, производила глубокое впечатлѣніе. Красноводскъ дремалъ въ утреннемъ прозрачномъ туманѣ. На скалистыхъ горахъ, его окружавшихъ, горѣлъ уже лучъ восходящаго солнца. Голубая бухта тихо омывала отлогій берегъ, точно боясь нарушить сонъ мирныхъ гражданъ. Деревянная коричневая церковь въ русскомъ стилѣ, нѣсколько бѣлыхъ каменныхъ зданій, бараки—придавали Красноводску красивый видъ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ города стоялъ подвижной составъ вагоновъ.

Я сошелъ на пристань. Отъ нея во всѣ стороны расходилась конно-желѣзная дорога. Невысокій офицеръ съ перевязанной ру-

Digitized by Google

кой отдавалъ солдатамъ приказанія, чтобы они сносили свои вещи въ маленькіе вагоны конки. Я пошелъ по берегу, усѣянному мелкими камнями. Около вагоновъ, которые отведены были для солдатъ и офицеровъ, за неимѣніемъ помѣщеній въ городѣ, копошились солдаты. Одни разводили огни для варки пищи, другіе ставили фургоны и лошадей къ мѣсту, третьи покуривали трубочки. Я помѣстился съ офицерами въ отдѣльномъ купэ, откуда открывался великолѣпный видъ на море. Я долго любовался и голубою лазурью бухты, и далью необозримаго моря. Мнѣ нравилось слушать приливы воды, наблюдать за удочкой маленькаго шалуна, пріютившагося на берегу съ ведеркомъ, или глядѣть на пристань, около которой покачивалась на якорѣ наша шхуна. Я напился чаю и пошелъ въ городъ, чтобы навѣстить знакомаго батюшку, отца Андрея.

— Давненько, давненько не видались, сказалъ отецъ Андрей, дружески пожимая мнѣ руку.—Какими судьбами здѣсь?!

Я сказалъ, что ѣду въ отрядъ Скобелева. Отецъ Андрей былъ симпатичный старикъ, высокаго роста, съ длинной бородой. Сѣдые волосы его были заплетены сзади въ двѣ жиденькія косички. На немъ былъ сѣрый камлотовый подрясникъ и на груди крестъ.

— Какъ поживаете, батюшка? спросилъ я.

— Плохо. Приходъ малъ, доходу нѣтъ... Ну, водочки выпьешь?

Я отказался.

— Не пьешь?... Значитъ, не привыкъ къ службѣ. А я, ради гостя, пропущу одну.

Отецъ Андрей вынулъ изъ шкафа зеленый графинчикъ и приставилъ его къ губамъ. Онъ медленно тянулъ горькую влагу и, видимо, наслаждался этимъ процессомъ.

— Казенная квартира у васъ? спросилъ я, окинувъ взглядомъ суровую обстановку комнаты.

— Да...

Тутъ отца Андрея позвали на требу. Мы разстались.

Я вышелъ на площадь, гдѣ стоятъ гауптвахта, госпиталь и и еще какія-то казенныя зданія. Не весело было на душѣ моей. Мнѣ стало жаль отца Андрея. „Можетъ быть,—думалъ я,—онъ въ юные годы лелѣялъ мечту объ иной жизни и не думалъ прозябать въ отдаленномъ, глухомъ захолустьѣ, гдѣ человѣкъ мельчаетъ, гдѣ глохнутъ честные порывы его души, гдѣ царитъ пошлая и ничтожная жизнь“. Я прожилъ въ Красноводскѣ нѣсколько дней; часто заходилъ къ отцу Андрею, но рѣдко заставалъ его дома. Когда мы были вмѣстѣ, разговоръ нашъ не отличался веселостью. Отецъ Андрей всегда почти былъ мраченъ.

Digitized by Google

— Вы похлопотали бы перевестись въ другое мѣсто, сказалъ я.

Онъ только махнулъ рукой.

— Протекція, голубчикъ, нужна, а у меня никого нѣтъ; я даже не знаю, живы ли мои родные...

Тутъ отецъ Андрей грустно опустилъ голову. Нѣсколько слезъ скатились по его худымъ щекамъ.

Я простился съ нимъ, едва сдерживая слезы; крѣпко было жаль мнѣ этого старика; онъ, какъ послѣ узналъ я, пилъ „мертвую чашу".

Въ Красноводскѣ находилось отдѣленіе Краснаго креста. Оно выдавало даромъ воинскимъ чинамъ теплую одежду: полушубки, фуфайки и т. п., что̀ принесло громадную пользу для отряда. При отдѣленіи находилось нѣсколько сестеръ милосердія.

Въ Красноводскѣ привлекаютъ вниманіе киргизы. Они низкаго роста, сухощавы,—одѣты въ оборванные тулупы, но ловкіе наѣздники, чѣмъ вообще отличаются степные народцы.

Однажды я встрѣтилъ киргиза. Онъ взглянулъ на меня, улыбнулся и сказалъ:

— Урусъ яхши, теке яманъ.

Киргизъ, какъ видно, хотѣлъ польстить моему національному самолюбію.

— А киргизъ яхши? спросилъ я.

— Киргизъ яманъ, урусъ яхши!

Съ этими словами киргизъ пришпорилъ лошадь и понесся вдоль берега, точно стрѣла, пущенная изъ лука.

Наконецъ я получилъ увѣдомленіе, что пароходъ „Карамзинъ" отходитъ въ Михайловскій заливъ.

А. В—въ.

(Окончаніе будетъ).

Digitized by Google

Гіацинта.

Романъ **Луиджи Капуана.**

(Съ итальянскаго).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Дождь, громкій какъ градъ, стучавшій въ стекла окошекъ; вѣтеръ, завывавшій въ трубѣ камина, дѣлали еще болѣе уютной и привлекательной пріятную теплоту гостинной.

Андреа, не вставая съ кресла, въ которомъ онъ растянулся, бралъ щипцами по временамъ толстое полѣно и присоединялъ его къ другимъ, которыя, пылая, потрескивали въ каминѣ. Подальше, возлѣ столика, заваленнаго мотками разноцвѣтной шерсти, Гіацинта сидѣла за вышиваньемъ, нервно дѣйствуя короткой иглой, поднимая голову, когда уголья вдругъ разсыпались, и пламя загоралось лазуревыми языками, волнующимися на угольяхъ.

Вѣтеръ, завывавшій на дворѣ, дождь, ударявшій въ стекла, едва нарушали тяжелое молчанье. Андреа принялся скручивать папиросу, мялъ табакъ, перебирая его пальцами, размельчая, прежде чѣмъ свернуть бумажку, а Гіацинта, у столика, уронивъ руки на колѣни, пристально глядѣла на него, сгорая желаніемъ что-то сказать, но это что-то не сходило у нея съ языка.

Маріетта, собиравшая столовое бѣлье, остановилась въ дверяхъ.

— Онъ легъ спать? спросила Гіацинта.

— Синьоръ графъ раздѣвается.

Digitized by Google

— Ужиналъ онъ?

— Нѣтъ, графиня.

— Почему?

Маріетта пожала плечами.

— Угодно, чтобы я спросила у Баптиста?

— Нѣтъ. Накрой здѣсь; такъ будетъ лучше, не правда ли?

— И мнѣ также, отвѣчалъ Андреа, наклоняясь, чтобы закурить съ уголька папиросу.

Гіацинта убрала свою работу въ корзинку и встала.

— А малютка?

— Она спитъ, графиня.

Когда Маріетта стала накрывать на столъ, Гіацинта подошла къ Андреа и, положивъ руки на спинку кресла, начала говорить ему на ухо:

— Безпамятный!.. Сегодня исполнилось четыре года!.. и ты не вспомнилъ!..

— Четыре года! сказалъ Андреа.

— Ты говоришь такимъ тономъ...

— Какимъ же тономъ хочешь ты, чтобъ я говорилъ?

И съ откинутою головою, положивъ ногу на ногу, онъ продолжалъ курить. Гіацинта заговорила взволнованная:

— Помнишь ты тотъ вечеръ у камина, въ гостинной мамы? Я была на твоемъ мѣстѣ, а ты, опустившись на одно колѣно, вооружился щипцами и хотѣлъ раздуть пламя...

— Да, да... бормоталъ Андреа, сжимая папиросу губами и мигая.

— Помнишь ты это? Я тебѣ сказала: „будь остороженъ, ты погасишь огонь“. А ты мнѣ отвѣтилъ: „твоя правда; я не умѣю раздувать пламя“. Твой взволнованный голосъ остался у меня въ памяти.

— Да, да.

Гіацинта выпрямилась, разсерженная.

— Если ты скучаешь, если...

Но она сдержалась, увидавъ Маріетту, вошедшую съ подносомъ, на которомъ стояли приборы, стаканы и кушанья.

Андреа, бросивъ папиросу въ огонь, всталъ и потянулся, расправляя руки, наморщивъ брови.

— Ахъ, ничто такъ не разнѣживаетъ, какъ огонекъ въ

Digitized by Google

каминѣ! Я бы не двинулся отсюда, хотя бы пришлось поджариться!

И онъ продолжалъ потягиваться. Молчаніе нарушалось только звономъ посуды, разставляемой на столѣ Маріеттой.

— Если ты скучаешь, скажи,—опять начала Гіацинта, какъ только вышла горничная. — Ты весь вечеръ былъ молчаливѣе рыбы. Кто тебя знаетъ, о чемъ ты думаешь.

— Я?

— Да. Ты становишься страннымъ... Я не могу больше молчать, я слишкомъ страдаю!.. Ты скучаешь со мною; признайся.

— Ты ошибаешься!

Гіацинта грустно покачала головою.

— Нѣтъ, не ошибаюсь. Я узнала ужасную вещь, и съ меня этого достаточно.

— Какую?

Андреа устремилъ на нее взоръ, ожидая, чтобы она высказалась, и протянулъ ей руку, чтобы успокоить ее.

— Ты началъ снова играть, сказала ему Гіацинта съ строгимъ видомъ.

— О... представь себѣ!..

Но онъ отвернулся, смущенный, чтобы избѣжать этого взгляда, который проникалъ въ его сердце.

— Я хочу, чтобы ты совсѣмъ принадлежалъ мнѣ!.. Хочу, чтобы ты вполнѣ былъ мой!

Она говорила ласкающимъ голосомъ, сжимая его руки въ своихъ, не умѣя иначе упрекнуть его. Андреа оправдывался:

— Два-три раза только это и было, чтобы сдѣлать удовольствіе пріятелямъ. Мнѣ неловко было отказать имъ. —И вдругъ, принявъ обиженный видъ, онъ прибавилъ:

— Я дурно поступилъ, сознаю это.

— Не старайся сочинять, рѣзко сказала она.

И, сѣвъ за столъ, она потирала лобъ, испуганная мыслью, что, продолжая настаивать, она могла открыть что нибудь хуже того сомнѣнія, которое уже нѣсколько мѣсяцевъ мучило ее.

— Это было бы низостью, думала она.—Я привязалась къ нему, во время крушенія моихъ надеждъ, и съ каждымъ днемъ я все болѣе и болѣе привязываюсь изъ страсти, изъ

Digitized by Google

благодарности... Въ такомъ же положеніи и онъ... Не долженъ ли онъ испытывать то же, что и я?

Маріетта ходила вокругъ стола, поднося кушанья, убирая пустыя тарелки, удивленная этимъ необыкновеннымъ молчаніемъ, которое отъ воя вѣтра—становилось еще печальнѣе и замѣтнѣе.

Андреа ѣлъ торопливо, не разбирая и ломая голову, чтобы придумать что нибудь для разсѣянія этого тяжелаго положенія, но ничего не выдумалъ и только подливалъ себѣ вина.

Авось вино развяжетъ ему языкъ!

Но, замѣтивъ, что Гіацинта едва прикасалась къ кушаньямъ, погруженная, богъ вѣсть, въ какія мысли, онъ почувствовалъ еще сильнѣе тяжесть, угнетавшую обоихъ.

Прекрасная годовщина, нечего сказать!

Но виновата сама Гіацинта, она преувеличиваетъ всякіе пустяки и создаетъ разные ужасы. Совершенно естественно, что послѣ четырехъ лѣтъ не возобновляются порывы энтузіазма... Привычка, наконецъ, притупляетъ самыя живыя впечатлѣнія... Но я вѣдь не говорю ей этого! Я же молчу!

Дождь снова полилъ бѣшенымъ потокомъ, на подмогу вѣтру.

— Пора восточнаго вѣтра, сказалъ Андреа. — Онъ будетъ дуть, по крайней мѣрѣ, еще дня три.

Гіацинта подняла голову.

— Наконецъ!.. Мнѣ казалось, что ты больше не откроешь рта.

Андреа, уткнувъ носъ въ тарелку, продолжалъ:

— Я чувствовалъ въ костяхъ эту бурю за два дня. Слабость, недомоганье!.. Сырость разстроила мои нервы. Я—настоящій барометръ.

Гіацинта желала бы читать въ его сердцѣ, какъ въ книгѣ, чтобы имѣть возможность повѣрить ему и успокоиться. Она не начинала объясненія, потому что боялась испортить этимъ все дѣло; и когда онъ заговорилъ о дурной погодѣ, о сырости, о нервахъ, заговорилъ тономъ, ничего ей не сказавшимъ, она кивнула головою въ знакъ согласія и придвинула ему стаканъ, чтобы онъ налилъ ей воды.

— Да! сказалъ онъ вдругъ,—я забылъ тебѣ сообщить,

Digitized by Google

что Джесси и Элиза вернулись сегодня утромъ со свадебной поѣздки. Я ихъ встрѣтилъ въ каретѣ; они ѣхали со станціи...

И довольный, что нашелъ наконецъ тему для разговора, онъ заранѣе уже смѣялся тому, что̀ собирался разсказать:

— Знаешь? Элиза... хотя это просто невозможно—стала еще чернѣе, худѣе, а ея зубы!.. Каждый поцѣлуй долженъ быть уколомъ для бѣдняги Джесси.

Гіацинта сдѣлала видъ, что улыбается. Маріетта, не подавая виду, бормотала:

— Дѣло не такъ ужь плохо! Повѣяло веселостью. Давно пора.—Но едва они услыхали въ другой комнатѣ медленные, тяжелые шаги, какъ всѣ трое поглядѣли другъ на друга.

— Графъ, значитъ, еще не легъ?

— Легъ, синьора. Баптистъ въ кухнѣ.

— Онъ всталъ, сказалъ Андреа.

Въ дверяхъ показался графъ, изуродованный болѣзнью, которая мучила его уже годъ, до такой степени, что онъ казался шестидесятилѣтнимъ старикомъ. Воротъ рубашки былъ разстегнутъ, волосы спутаны. Онъ не могъ даже натянуть въ рукава халатъ и только накинулъ его на плечи. Онъ вошелъ сгорбившись, шатаясь, но при видѣ накрытаго стола со стаканами и приборами, при видѣ вина, сверкавшаго рубиномъ въ бутылкѣ, онъ поднялъ голову и раскрылъ ротъ:

— О, это славно!

Онъ хлопалъ въ ладоши, подвигаясь колеблющимися шагами къ столу, чавкая, какъ будто уже жевалъ что нибудь.

— Сюда! сказалъ ему Андреа, уступая свое мѣсто.

Маріетта была въ негодованіи.

— Этотъ дурачина Баптистъ!

Она хотѣла оправдать себя и заговорила вполголоса съ барыней, посматривая на графа, который тотчасъ же принялся ѣсть съ тарелки Андреа.

— Хорошо, ничего! отвѣчала ей Гіацинта.

Графъ взглянулъ на нее и на Андреа, глотая громадные куски, торопливо жуя.

— Вы меня не ждали, правда? не ждали?

— Мы думали, что ты въ постели, отвѣчали вмѣстѣ Гіацинта и Андреа.

Digitized by Google

Они смотрѣли, какъ онъ ѣлъ, молчаливые, немного смущенные, хотя Андреа и былъ доволенъ этимъ неожиданнымъ появленіемъ.

— Нѣтъ, Джуліо, докторъ запретилъ тебѣ, сказала Гіацинта, удерживая руку графа, который хотѣлъ налить себѣ вина.

— А! докторъ! А! а!..

Онъ замялся и болталъ съ полнымъ ртомъ, стараясь вырвать руку, проливая вино на скатерть.

— Доктора нѣтъ здѣсь... Одинъ глотокъ!

— Нѣтъ, нѣтъ; ты вѣдь знаешь, что докторъ запретилъ, повторилъ Андреа, взявъ бутылку изъ его рукъ.

Графъ грустнымъ взоромъ проводилъ Маріетту, которая унесла бутылку; затѣмъ, вдругъ успокоившись, снова принялся за ѣду, глотая едва прожеванные куски, протягивая длинныя худыя руки къ хлѣбу, фруктамъ, къ кушаньямъ, сваливая все въ одну тарелку передъ собою.

— Ты что тутъ дѣлаешь? говорилъ онъ Маріеттѣ, подозрительно поглядывая на нее.

Гіацинта не въ состояніи была поднять глазъ на мужа. Она испытывала странное желаніе заплакать. И когда Андреа хотѣлъ взять ея руку подъ столомъ, она быстро отдернула ее.

— Хоть одинъ глотокъ! говорилъ графъ.—Доктора нѣтъ здѣсь, мы ему не скажемъ.

II.

Гіацинта постоянно волновалась. Андреа ускользаетъ изъ рукъ. Ея грустныя предчувствія, значитъ, не обманули ея...

Это была острая булавка, вонзенная въ ея сердце; но она и виду не показывала, какую боль испытываетъ. Въ назначенные дни у себя, она всегда была весела, оживлена; когда Датти или кто нибудь другой отпускалъ веселую шуточку, ея серебристый смѣхъ раздавался въ гостиной, какъ ракета, дающая сигналъ. Красивая фигура молодой женщины достигла теперь полнаго развитія; съ этимъ всѣ соглашались. Никогда ея глаза не были такъ блестящи; никогда ея голосъ и улыбка не производили такого сильнаго обаянія.

Digitized by Google

— Что вы дѣлаете, чтобы такъ хорошѣть и молодѣть? Синьора Вилла, смѣясь, просила открыть ей этотъ секретъ.

— Кто не знаетъ этого секрета! Она любима и счастлива! отвѣчала однажды синьора Майоки.

— Какъ отгадала! горько проговорила Гіацинта.

— Что она хотѣла сказать?

— У нея, значитъ, непріятности?..

Подруги цѣлую недѣлю обсуждали этотъ вопросъ.

— Видишь? Она все таки явилась въ театръ, сказала Вилла. Майоки высунулась за барьеръ ложи, чтобы взглянуть въ партеръ.

— Гераче однако нѣтъ. Правду сказать, я боюсь, чтобы тутъ не былъ немножко замѣшанъ докторъ Фоллини. Можетъ быть, Гераче ревнуетъ.

— Къ доктору? Тотъ слишкомъ серьезенъ. Неправда ли?

— Правда, отвѣчалъ Порати, къ которому обратилась Майоки.

Когда кончилось первое дѣйствіе „Фаворитки“, и ложа наполнилась посѣтителями, всѣ продолжали разбирать загадочное восклицаніе Гіацинты.

— Тучи на горизонтѣ!

— Гроза въ воздухѣ.

Порати ничему не вѣрилъ.

— Этотъ неаполитанецъ, должно быть, околдовалъ ее.

— Скажите лучше, что въ настоящее время нѣтъ больше молодыхъ людей! воскликнулъ Моки, сбрасывая, по обыкновенію, съ презрительнымъ видомъ свой монокль.

— Скажите лучше, прибавилъ Мацци, королевскій прокуроръ,—что у этой женщины сильный характеръ. Такое мужество при такомъ ненормальномъ положеніи, и такая стойкость въ страсти!.. это не каждый день увидишь. И онъ продолжалъ слегка декламаторскимъ тономъ, среди всеобщаго молчанія:— можетъ быть, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ необыкновеннымъ примѣромъ душевной патологіи. Что объ этомъ думаетъ синьоръ докторъ?

— Доктору нельзя вѣрить.

— Почему, синьора Вилла? спросилъ Фоллини, который, войдя незадолго передъ тѣмъ, оставался въ глубинѣ ложи.

— Онъ вѣдь домашній докторъ.

Digitized by Google

— Причиною больше, чтобы знать графиню короче другихъ. Но я не стыжусь признаться, что хоть нѣкоторое время и изучаю ее, но плохо понимаю, или даже вовсе не понимаю.

— Изучайте, изучайте, докторъ! Вы такой умный, и кончите тѣмъ, что поймете.—Всѣ засмѣялись.

— Этотъ Моки! Все тотъ же! Женщины походятъ на вулканы. Чтобы понять въ нихъ что нибудь, нужно.. поступить такъ, какъ древній философъ: броситься внутрь.

— Опытъ слишкомъ опасный.

— Бѣдняга—графъ Гриппа, должно быть, отъ этого сталъ идіотомъ.

— Вы молчите, обратилась синьора Майоки къ Датти.— Вы всегда лукавы.

— Еслибы болѣзнь дѣйствовала благоразумно, то, возникнувъ однажды, докончила бы свое дѣло.

— Что касается Гераче, отвѣчалъ докторъ Фоллини,— онъ, вѣроятно, надѣется получить хорошій кушъ.

— Бѣдная Гіацинта!

Синьора Вилла, послѣ того какъ докторъ Фоллини ушелъ, все еще не была убѣждена, чтобы онъ былъ не причемъ въ исторіи Гіацинты.

У него есть, конечно, предлогъ: навѣщать каждый день больнаго графа. И какъ только онъ попадетъ къ Гриппа, то не имѣетъ охоты уходить. Право, счастливецъ докторъ. Она много разъ заставала ихъ, Гіацинту и его, интимно разговаривающими въ гостиной. А Гіацинта сказала ей однажды, какъ бы извиняясь: „ это мой духовникъ, и духовникъ слишкомъ строгій!“ И отлично. Но этотъ бѣлокурый молодой духовникъ не долженъ нравиться Гераче.

Фоллини дѣйствительно изучалъ Гіацинту съ холоднымъ любопытствомъ ученаго, имѣвшаго передъ глазами интересный субъектъ. Законы наслѣдственности, общественныя условія, до нѣкоторой степени, объяснили ему кое-что. Но для него, ученика де-Мейса изъ университета Болоньи, для него, который, если и не вѣрилъ въ безсмертную душу, то все же вѣрилъ въ духъ, такая страсть, какъ эта, не могла быть продуктомъ однихъ клѣточекъ, нервовъ и крови. И онъ хотѣлъ изслѣдовать весь процессъ, чтобы дойти до сущности. Онъ писалъ книгу „Физіологія и патологія страстей“, надъ которой

Digitized by Google

работалъ уже два года. И когда онъ приходилъ, то принимался допрашивать Гіацинту, ловко исповѣдывать ее, надѣясь открыть новые симптомы въ невольной откровенности.

Однажды вечеромъ, когда графиня казалась какъ нельзя болѣе веселою и бросала вокругъ себя отрывистыя колкія фразы, докторъ усѣлся въ уголокъ, чтобы не быть замѣченнымъ и наблюдать за нею съ большею свободою.

— Нѣтъ, эта веселость не натуральна; это говорятъ глаза, такъ странно сверкающіе; губы, которыя такъ быстро сохнутъ, что она безпрестанно смачиваетъ ихъ языкомъ, съ ядовитой усмѣшкой.

Какъ только Гіацинта замѣтила эти почти строгіе взгляды, устремленные на нее, она мало по малу начала испытывать смущеніе, выразившееся даже въ ея движеніяхъ.

Принудивъ себя продолжать разговоръ, она чувствовала, что языкъ у нея связанъ, и она стала разсѣянною и вялою. Она встала, глубоко вздохнувъ, точно ей не доставало воздуху.

Проходя, она увидѣла Мерли, который разговаривалъ съ Моки и съ инженеромъ Вилла.

— Вы хорошо дѣлаете, что всегда разговариваете съ серьезными людьми, сказала она ему, смѣясь.

— Кажется, это единственный способъ разсмѣшить васъ, отвѣчалъ Мерли, отвѣшивая легкій поклонъ.

— Ба! Даже остроуміе!

Въ то же время она смотрѣла на доктора Фоллини, который замѣтилъ ея маневры.

— Итакъ, спросила она Майоки, съ которой столкнулась, —новобрачные живутъ отшельниками.

— Что дѣлать! Надо предоставить имъ свободу.

Фоллини направился къ Гіацинтѣ.

— Вы страдаете?

— Когда страдаешь, тогда не смѣешься.—Она немного разсердилась. Какимъ образомъ этотъ человѣкъ такъ хорошо читаетъ въ сердцѣ?

— А! Вы забываете, что я вашъ докторъ, сказалъ Фоллини мягко.

— Вы правы. Но, Боже мой! что вамъ за дѣло! Зачѣмъ вы такъ наблюдаете за мной?

Digitized by Google

— Я изучаю васъ.

— Вы причиняете мнѣ еще больше страданій. Я начинаю хворать. Будьте добры: помогите мнѣ умереть.

— Это не мое ремесло.

— До завтра?

— До завтра.

Гіацинта улыбнулась.

— Какъ должна страдать эта женщина, чтобы такъ улыбаться! размышлялъ докторъ.

И на другой день онъ отправился къ ней раньше обыкновеннаго.

— Это, значитъ, серьезно?

— Можетъ быть, и нѣтъ, отвѣчала Гіацинта.—Можетъ быть, моя фантазія преувеличила. Вотъ у меня здѣсь, подъ сердцемъ, что-то грызетъ мнѣ жизнь. Бываютъ минуты, когда мнѣ кажется, что я схожу съ ума... Что-то такое, что мнѣ мѣшаетъ думать о другомъ, что меня поглощаетъ всю, высасываетъ мозгъ изъ костей. Дайте мнѣ опіума, докторъ. Я не сплю ужь сколько ночей.

— Разрѣшаете вы мнѣ нѣсколько вопросовъ? Я буду скроменъ.

— Спрашивайте. У меня нѣтъ секретовъ отъ васъ.

— Что у васъ вышло?

— Ничего. Подозрѣнія, грустныя предчувствія. Я предугадываю что-то ужасное.

— Онъ измѣнилъ свои привычки?

— Онъ старается не дать мнѣ этого замѣтить, но я замѣтила эти старанія. Онъ измѣнился къ худшему.

— Этотъ человѣкъ, значитъ, сталъ существенною частью вашей жизни.

— Онъ для меня все!

— Это странно, необъяснимо! воскликнулъ докторъ, понижая голосъ.

— Почему?

— Говорить ли вамъ? Это человѣкъ дюжинный, почти вульгарный...

— Онъ меня любитъ!.. Любилъ меня, грустно поправилась Гіацинта.

Эти два звука въ голосѣ поразили доктора.

Digitized by Google

— Это важная причина, я согласенъ съ вами. Но, въ концѣ концовъ, черезъ нѣсколько времени въ васъ пробудится стремленіе къ болѣе возвышенному; я предчувствую это, я увѣренъ въ томъ.

— Когда любишь, любимый человѣкъ кажется намъ такимъ, какимъ мы его себѣ представляемъ; я замѣтила это на другихъ и на себѣ. И обстоятельства все измѣняютъ. Мелкія качества могутъ цѣниться больше великихъ; недостатки превращаются въ добродѣтель. Откуда, вы думаете, исходитъ его владычество надъ моимъ сердцемъ? Единственно только отъ кротости его характера, отъ доброты, которую другіе, быть можетъ, назовутъ безхарактерностью. Онъ меня полюбилъ не такъ, какъ другіе, жалѣлъ меня... и я ему всѣмъ пожертвовала... Измѣна убила бы меня... Уже... я чувствую ударъ.

Докторъ оставался въ нерѣшительности. Интонаціи голоса, быстрыя движенія губъ и глазъ открыли ему больше, чѣмъ слова.

— Единственное лѣкарство поможетъ, отвѣчалъ онъ.— Путешествуйте.

— Вы мнѣ дайте сонъ; ничего я другаго не прошу!

Фоллини досталъ изъ кармана бумажникъ, написалъ рецептъ и положилъ его на столъ.

— По ложкѣ передъ сномъ... О, капризница!

И онъ сталъ ласкать Аделину, которая, вернувшись послѣ прогулки съ насморкомъ, повисла на шеѣ у матери, покрывая ее поцѣлуями.

— Развѣ ты ничего не можешь сказать доктору? упрекнула ее мать.

Малютка сдѣлала ему гримасу, но кашель остановилъ ее.

— Будьте осторожны, погода опасная. Дифтеритъ свирѣпствуетъ.

Гіацинта вздрогнула и инстинктивно сжала дочку въ своихъ объятіяхъ.

— Она немножко простудилась, правда. Не пугайте меня.

Она всю ее осмотрѣла, проводила руками по лицу, держала за руки, безпокойнымъ взоромъ допрашивала то ее, то доктора.

— Попробуйте ея пульсъ.

Digitized by Google

Аделина стояла серьезная, съ нахмуренными бровями, недовѣрчиво косясь на руку доктора.

— Маленькая лихорадка... Капризница ляжетъ въ постельку и будетъ лежать, а не то мама перестанетъ ее любить...

— Еслибы я это знала! воскликнула Гіацинта поблѣднѣвъ.—Вчера вечеромъ я слишкомъ долго гуляла съ ней. Она озябла и просилась домой... Но это пустяки, надѣюсь. Скажите, что это ничего, успокойте меня!

— Будемъ надѣяться, отвѣчалъ докторъ, которому не нравилась краснота въ лицѣ малютки.

III.

Розовая полоса, которую заходящее солнце бросило на покрывало и коверъ, показалась Гіацинтѣ хорошимъ предзнаменованіемъ. Комната сіяла въ пріятномъ розовомъ свѣтѣ, проникавшемъ черезъ большія стекла окошка; а ея сердце отдыхало, полное розовой надежды, смѣшанной съ грустью.

Трудное дыханіе ея ребенка вызывало спазмы въ ея собственномъ горлѣ, какъ будто его давила рука. По временамъ, малютка въ бреду ворочала на подушкахъ бѣлокурую голову, и Гіацинта приподнималась со стула, задерживая дыханіе, съ ужасомъ глядя впередъ, крѣпко стиснувъ руки, какъ будто этимъ она могла остановить припадокъ.

— О, Господи! Господи!...

Затѣмъ, когда кончался припадокъ, она падала безъ чувствъ на стулъ.

— Это ничего, говорилъ Андреа, въ видѣ утѣшенія,— болѣзнь идетъ своимъ чередомъ.

Сидя у постели, рядомъ съ Гіацинтой, онъ слишкомъ хорошо зналъ, что дѣло серьезно. Докторъ Фоллини сказалъ ему подъ секретомъ: „не выживетъ ночи!“ И вотъ теперь Андреа размышлялъ о томъ, какъ она перенесетъ бо́льшую горесть. Развѣ этотъ ребенокъ не плоть отъ ея плоти? И, сравнивая свою печаль съ печалью Гіацинты, которая, казалось, сходила съ ума, онъ подумалъ, что у мужчинъ сердце жостче, а потому-то мужчина и считаетъ себя сильнѣе.

Digitized by Google

Аделина снова впала въ забытье, дыша тяжело, но ровно. Тогда, среди печальной тишины комнаты, Гіацинта, немного успокоившись, устремила взглядъ на Андреа, который избѣгалъ его, оставаясь съ опущенною головою, словно погруженный въ печаль. Этотъ взглядъ смущалъ его.

— Случилось что нибудь?

И, увидѣвъ, что Гіацинта встала, собираясь заговорить, онъ попробовалъ отклонить опасность:

— Воздухъ въ комнатѣ душный. Надо бы освѣжить. Какъ ты думаешь?

Онъ всталъ, чтобы открыть форточку, принимая мѣры, чтобы струя воздуха не доходила до Аделины, и остался у окна.

— Теперь она свободнѣе дышетъ. Надо чаще освѣжать воздухъ; докторъ велѣлъ.

— Я потеряла голову, отвѣчала Гіацинта, садясь на стулъ около постели, чтобы согнать муху съ утомленнаго личика малютки.

Слышно было ея дыханіе, легкая хрипота. А глаза Гіацинты были устремлены на Андреа.

— Ты доволенъ своей новой квартирой? вдругъ спросила она, сама не зная, зачѣмъ предложила въ такую минуту этотъ вопросъ.

— Но... отвѣчалъ Андреа—на меня легко угодить. Двѣ маленькія комнаты, въ сторонѣ, слѣдовательно покойно, много воздуху. Могу спать до 10 часовъ, и никакой шумъ меня не разбудитъ. И я не чувствую того, что бывало въ другихъ квартирахъ, первые дни, когда мнѣ было не по себѣ. Мнѣ кажется, что я годы здѣсь прожилъ. Словомъ, квартирка уютная.

Онъ говорилъ съ преувеличеннымъ равнодушіемъ, разсѣянно вперивъ глаза въ небо, подернутое розоватою дымкою. А внутренно терзался угрызеніями и страхомъ: что, если его замѣшательство будетъ замѣчено.

Въ новой квартирѣ, миленькая особа, дочь хозяйки дома, болѣе всего содѣйствовала тому, чтобы сдѣлать квартиру уютной для него. Уже нѣсколько недѣль, какъ онъ любовался личикомъ этой тонкой фигурки съ тонкими чертами, съ блестящимъ колоритомъ; отъ этой вѣчно улыбаю-

Digitized by Google

щейся физіономіи вѣяло чѣмъ-то свѣжимъ и заманчивымъ. А между тѣмъ бѣдняжка страдала кровохарканьемъ, мучившимъ ее раза два въ недѣлю, повергая въ ужасъ отца, мать, а также и его. Онъ думалъ именно объ этой дѣвушкѣ въ ту минуту, когда Гіацинта заговорила съ нимъ; и чуть было не выдалъ себя. Ему казалось, что она уже прочла въ его сердцѣ. Къ счастью, Аделина снова начала метаться, стонать и кашлять.

— Андреа, о, Господи! Андреа!

— Это ничего! Не видишь развѣ?

Малютка поводила кругомъ блуждающими глазами, какъ бы моля о помощи.

— О, эти глаза! воскликала Гіацинта.—Они точно подернуты завѣсою, туманомъ...

— Ничуть не бывало.

Она, повидимому, успокоилась; но продолжала думать, поддаваясь непреодолимому ужасу:

— Это ея несчастная звѣзда!.. Эта невинная душа, можетъ быть, расплачивается за меня.

Она хотѣла отогнать подозрѣніе, преслѣдовавшее ее день и ночь уже четверо сутокъ, что Андреа своимъ дурнымъ вліяніемъ навлекъ болѣзнь на малютку... чтобы разорвать самое крѣпкое звено въ ихъ цѣпи.

Даже въ эту минуту къ ея горлу подступали горькіе упреки, которые она собиралась со вчерашняго дня высказать ему. Но она подавила ихъ, охваченная внезапною слабостью при видѣ этого человѣка, надъ которымъ она всегда властвовала энергіей своего характера. Ей было страшно.

А что, если отъ ея словъ еще хуже будетъ? Она хотѣла принудить себя не противорѣчить ему, не раздражать, чтобы онъ могъ выносить ее. Она чувствовала желаніе просить прощенія и въ то же время сердилась на себя за то, что могла думать о любовныхъ горестяхъ, даже у постели своего умирающаго ребенка, оскверняя материнскую любовь.

Она вдругъ задрожала и, подойдя къ Гераче, рѣшительно взяла его за руку.

— Андреа, сказала она,—ты меня обманываешь!

Не давъ ему времени отвѣтить, она вынула изъ кармана маленькій листокъ бумаги и зашуршала имъ передъ его глазами.

Digitized by Google

— Подлый ростовщикъ! пробормоталъ Андреа, увидѣвъ свой векселъ.

— Что тебя понудило къ этому? повторила Гіацинта.

— Ужь не думаешь ли ты, что я его послалъ сюда?

— Зачѣмъ ты далъ векселъ? Зачѣмъ хотѣлъ отсрочить его?

— Это меня касается, отвѣчалъ Андреа оскорбленный.

— А меня нѣтъ развѣ?.. О, Андреа! Ты меня обманываешь, ты меня не любишь больше!.. Почему ты отказываешься отъ моихъ денегъ? Развѣ онѣ не твои? Развѣ я у тебя требовала отчета въ чемъ нибудь? Развѣ ты не полный хозяинъ? Но ты обманываешь и не любишь меня.

— Успокойся!.. Перестань...

Эти упреки, высказываемые сдержаннымъ голосомъ, сильно дѣйствовали на него, подавляя его. Въ первый разъ она такъ прямо высказалась.

— Это неправда, продолжалъ онъ. Я все тотъ же, вѣрь мнѣ... Только... я не хотѣлъ злоупотреблять...

И, чтобъ успокоить ее, онъ сжалъ ее въ объятіяхъ и сталъ цѣловать.

— Не лги, сказала Гіацинта смягченнымъ голосомъ.—Я не заслужила этого. Имѣй мужество сказать мнѣ, что ты меня не любишь больше, если только это правда. Я предпочитаю ужасную извѣстность мукамъ сомнѣнія. Ты все для меня! Почему ты больше не можешь любить меня? Что я тебѣ сдѣлала?

Она обвила его шею руками, повторяя одни и тѣ же слова: — Имѣй мужество сказать правду! Ты все для меня!— Только разнообразная интонація придавала еще больше силы ея словамъ.

— И ты увѣряешь меня!.. И ты мнѣ клянешься?..

— Клянусь тебѣ. Я все сдѣлаю, что ты хочешь.

— Съ меня довольно этого. Ахъ, какъ сердцу легко! Я могу вздохнуть.

При звукахъ кашля малютки, Гіацинта обернулась и толкнула Андреа къ постели, не имѣя силъ закричать, съ расширенными глазами глядя на дочь, которая металась въ сильномъ припадкѣ. Золотая волна волосъ разсыпалась по подушкѣ. Гіацинта испустила крикъ и упала на стулъ, закрывъ ладонями глаза, бормоча:

Digitized by Google

— Она умираетъ! Въ комнатѣ поднялась суматоха. Маріетта прибѣжала первая, сокрушалась, ударяя себя по головѣ.

— Ахъ, благодатная Мадонна!

И вмѣсто того, чтобы помочь Гераче укрыть малютку одѣяломъ, она только мѣшала ему. Ему помогла Элиза Джесси, пришедшая въ эту минуту вмѣстѣ съ матерью и синьорой Вилла.

Послѣднія хлопотали около Гіацинты.

— Не падай духомъ!

— Дѣти выносятъ болѣе сильные припадки.

Синьора Майоки выставляла свою опытность, когда Элиза была малюткой.

— Вотъ докторъ, сказала синьора Вилла.

Гіацинта протянула обѣ руки.

— Моя малютка! Моя бѣдная малютка!

Глубокое молчаніе. Всѣ глаза обратились на блѣдное лицо съ бѣлокурой бородкой, казавшееся Маріеттѣ лицомъ Спасителя, собирающагося сотворить чудо. Одна Гіацинта не смѣла взглянуть на него, убитая, пряча свое лицо съ настороженнымъ ухомъ, точно она ожидала своего приговора, своего осужденія.

Докторъ отошелъ отъ постели, ничего не сказавъ.

— Что же? спросилъ Андреа вполголоса.

— Нѣсколько минутъ остается. Надо увести мать, отвѣчалъ Фоллини.

Тогда Андреа, синьора Вилла и Маріетта столпились около кровати, чтобы заслонить ее отъ Гіацинты, которая машинально позволила увести себя синьорѣ Майоки и Элизѣ. Она не плакала; она чувствовала себя убитою, чувствовала, что умираетъ отъ укоровъ совѣсти, какъ будто она сама убила своего ребенка собственными руками! И страстное желаніе покаяться передъ всѣми въ этомъ преступленіи наполняло ея сердце, заставляло дрожать ее. Она бредила.

— Теперь все кончено. Послѣдній узелъ порванъ! Увы, теперь я, быть можетъ, не увижу его больше!

Но когда слезы подступили ей къ горлу, среди рыданій, душившихъ ее, она ужаснулась своего бреда.

И она могла думать о себѣ въ такую минуту! Без-

Digitized by Google

сердечная мать! Съ дрожью въ тѣлѣ, точно ее трясла лихорадка, она уцѣпилась за Элизу, умоляя пустить ее, показать ей въ послѣдній разъ ребенка, позволить поцѣловать его въ послѣдній разъ!

— Одѣньте ее, какъ ангельчика, всю въ бѣлое; покройте цвѣтами. Самое лучшее ея платье тамъ... Нѣтъ, я достану сама... Также ея новые сапожки... другіе!..

И она упала съ помутившимися глазами.

— Такъ лучше! сказалъ докторъ.

IV.

Двѣ недѣли спустя, она все еще была убита горемъ. Каждый уголъ въ домѣ напоминалъ ея крошку; столько мученій для сердца!

Съ минуты на минуту Гіацинта ожидала, что дверь откроется, и Аделина выпрыгнетъ ей на встрѣчу, съ видомъ маленькой дикарки, потрясая своими растрепанными золотыми волосами... Увы! Всѣ двери оставались закрытыми, и надъ домомъ повисла глубокая печаль, которая никогда не исчезнетъ.

Никогда! О, она была въ этомъ увѣрена. Въ несчастіи у нея развилась страшная проницательность; теперь она видѣла вещи именно такими, какими онѣ были, лишенныя обманчиваго вида; и она чувствовала себя совершенно разочарованною. Теперь ее ничто не интересовало. Да и кѣмъ она могла интересоваться?

— Тѣми, кто любитъ тебя, говорилъ ей Андреа.

— Ахъ!.. развѣ кто нибудь меня любитъ?

Слыша эти слова, произносимыя тономъ отчаянія, равнодушія, безъ ироническої горечи, Андреа изъ осторожности не противорѣчилъ.

Бѣдная Гіацинта! Ему было жаль ея. И онъ находился при ней съ утра до вечера, заботливый, любящій, печалясь, что его утѣшенія не производили знакомаго дѣйствія. Видя его такимъ и слушая, Гіацинта чаще всего раздражалась.

— Ты меня, значитъ, за ребенка принимаешь? Это безполезно. У меня открылись глаза; красивыя слова не обманутъ меня.

Digitized by Google

Она хотѣла бы умереть и часто говорила это:

— Должно быть, пріятно лежать возлѣ своего ребенка, подъ влажнымъ, свѣжимъ дерномъ, въ глубокой тишинѣ, во мракѣ!...

— Что за разговоръ! возражалъ Андреа, возмущаясь. — Я никогда не воображалъ, чтобы дѣвочка имѣла такое значеніе въ нашей жизни, особенно въ моей; признаюсь тебѣ. Я понимаю по своему горю, что твое горе должно быть громадно. Но вѣдь надо же принимать жизнь, какъ она есть. Чѣмъ тутъ поможешь?

Гіацинта предоставляла ему говорить. Она оставалась одна у себя въ спальнѣ, лежа на диванѣ, въ полутемнотѣ, такъ какъ ставни были закрыты. Она не хотѣла думать, не хотѣла чувствовать, что живетъ; съ болѣзненною страстью она отдавалась оцѣпенѣнію, которое походило на разслабленіе, овладѣвающее человѣкомъ въ теплые осенніе дни.

Когда Андреа или кто нибудь изъ друзей приходилъ развлечь ее, она неохотно поднималась, съ медленностью страдающаго человѣка; иногда даже не вставала и принимала друзей лежа, извиняясь:

— Я чувствую себя разбитою, уставшею... Такъ мнѣ легче.

— Напрасно ты лежишь, разслабляешь себя, сказала ей однажды синьора Вилла.

— Что же тутъ дурнаго? У меня теперь ни къ чему нѣтъ охоты.

Болтовня синьоры Вилла и Элизы Джесси раздражала ей слухъ, но не проникала въ мозгъ. Она только замѣчала, что Элиза стала совсѣмъ другая, какъ вышла замужъ.

Она показала ногти, царапается! Но Гіацинта не хотѣла знать всѣхъ этихъ глупостей, всѣхъ этихъ сплетенъ, которыя передавали ей подруги. И, если она невольно улыбалась, если замѣчала, что ея женское любопытство пробуждалось, она подавляла эти невольныя ощущенія, какъ преступленіе, и снова погружалась въ оцѣпенѣніе.

Наконецъ, однажды утромъ, Андреа засталъ ее одну въ гостинной, немного успокоенную, хотя по ея глазамъ было видно, что она плакала.

— Ты правъ, сказала она. — Противъ закона природы

Digitized by Google

ничего не подѣлаешь. Сегодня сердце у меня раскрылось для жизни, не знаю почему...

— Мнѣ это пріятно! вотъ такою я тебя желаю видѣть.

Гіацинта взяла его подъ руку; они стали ходить по гостинной, и она медленно, съ остановками, продолжала говорить:

— Слушай, Андреа; перемѣнимъ образъ жизни, будемъ жить болѣе семейно, уединенно. Зачѣмъ намъ люди? Мы можемъ жить счастливо сами по себѣ. Я чувствую, что возрождаюсь. У меня въ сердцѣ порывы первыхъ дней нашей любви, съ чѣмъ-то болѣе пріятнымъ, болѣе спокойнымъ... Ахъ, какъ прекрасны были тѣ дни!.. Поѣдемъ на дачу, проведемъ тамъ нѣсколько недѣль, мѣсяцевъ. Тамъ, должно быть, прелестно: въ двухъ шагахъ рокочетъ море, вся деревня въ зелени. Неправда-ли?

— Конечно. Прелесть!

— Будемъ кататься на лодкѣ, рыбу ловить, какъ два года тому назадъ, помнишь? Когда мама еще была жива, когда ты хотѣлъ прыгнуть съ одной лодки на другую... О, какой испугъ! И ты упалъ въ море!

— Еще бы мнѣ не помнить!

— Но теперь мы будемъ одни, я не хочу видѣть постороннихъ. И я не стану больше волноваться; я вполнѣ вѣрю твоему сердцу. Не безуміе ли—эта жизнь въ постоянной тревогѣ?.. Послѣ этого несчастія, мнѣ казалось, что я заблудилась въ обширной пустынѣ; мнѣ было страшно. Но теперь я снова слышу въ сердцѣ слабый голосъ надежды и счастія, словно жизнь въ первый разъ еще открылась передо мной и манитъ меня вступить въ нее. Это вторичный разцвѣтъ молодости. Мнѣ это кажется невѣроятнымъ. Я не считаю этого возможнымъ.

Звукъ ея голоса замеръ въ гостинной, между тѣмъ какъ немного тревожные глаза устремились на Андреа, серьезнаго и задумчиваго.

— Почему ты ничего не говоришь?

— Потому, что не легко выразить словами глубокое волненіе; потому, что воспоминанія прошлаго оставляютъ горечь въ сердцѣ, особенно если они касаются наслажденія, ... счастія...

Digitized by Google

— Я не стану больше вызывать этихъ призраковъ, если они производятъ на тебя такое сильное впечатлѣніе. Въ самомъ дѣлѣ, и я теперь чувствую какъ будто тяжесть въ сердцѣ,—должно быть, вслѣдствіе той же причины. Это правда: вспоминая, замѣчаешь, что отъ насъ ушло что-то и никогда не вернется.

V.

Но, спустя мѣсяцъ непрерывнаго спокойствія, горькое подозрѣніе снова пробудилось въ ея сердцѣ, и снова ее мучило, истощало ея силы.

— Ахъ, еслибъ я могла не любить его больше! Еслибъ я проснулась въ одно утро съ покойнымъ, равнодушнымъ сердцемъ!

— Но почему же вы думаете, что еще любите его? спрашивалъ ее докторъ Фоллини.

Гіацинта поглядѣла ему прямо въ лицо, точно онъ хотѣлъ вырвать у нея кусокъ сердца. Докторъ, немного смущенный, сталъ перелистывать модные журналы, раскрытые на столикѣ. Онъ, значитъ, ошибся?

— Женщинъ трудно понять, сказалъ онъ.

— Почему? спросила Гіацинта.

— Безполезно это объяснять. Можетъ быть, я недостаточно наблюдалъ и принялъ одинъ симптомъ за другой, или меня обманула наружность. Можетъ быть...

— Досказывайте.

— Можетъ быть... я уже не такъ безпристрастенъ, какъ въ началѣ моихъ наблюденій.

— Вы шутите?

— А если я говорю серьезно?

— Понимаю; это ласковый укоръ мнѣ. Вы правы, я дѣлаюсь нескромной. Но меня никто не понимаетъ. Только вы жалѣете меня, какъ дѣйствительно больную...

— Только бы болѣзнь не заразила доктора!

— Это невозможно, вы хорошо знаете.

Конечно, это было невозможно. И зачѣмъ вырвались у него эти слова? Такія женщины, какъ она, любятъ только разъ въ жизни, и всѣ ихъ силы цѣликомъ уходятъ на эту единственную борьбу въ ихъ жизни.

Digitized by Google

Андреа засталъ Гіацинту отиравшую глаза.

— Ты плакала? Что случилось?

— Ничего.

— По обыкновенію! Изъ каприза ты мучишь себя и другихъ.

Услышавъ, что онъ говоритъ заплетающимся голосомъ и видя его блѣднымъ, Гіацинта вскочила со стула.

— Тебѣ нездоровится?

— Легкое разстройство желудка, нустяки...

Она пощупала его лобъ.

— Боже, какой холодный! И руки также! Но что ты чувствуешь?

Андреа смотрѣлъ на нее посоловѣвшими глазами.

— Не понимаю отчего... можетъ быть рюмка ликёра... недавно выпитая... Мнѣ уже съ утра нездоровилось...

Онъ бросился на диванъ, закрывъ глаза и дѣлая усилія, чтобы превозмочь дурноту.

— Чашку кофе? сказала Гіацинта.

— Ничего не надо. Дай мнѣ полежать; и не говори со мной.

Она сѣла сбоку, взявъ его за руку. Андреа лежалъ неподвижный, ни разу не отвѣтивъ на ея пожатія; его желудокъ положительно отказывается отъ ликёровъ. Онъ не долженъ былъ пробовать. И вотъ еще одно удовольствіе запрещено ему. Теперь онъ не зналъ, чѣмъ разогнать свою скуку, тоску.

Когда она лихорадочно обнимала его, обжигая кожу его шеи огненными губами и съ мукою повторяла ему: „по крайней мѣрѣ, притворись! постарайся обмануть меня!“—онъ начиналъ такъ охотно лгать, что часто ему удавалось обмануть даже самого себя.

Только не ее!

Однажды утромъ Гіацинта послала за докторомъ Фоллини, который уже съ недѣлю не показывался.

— Докторъ, я опять не сплю; дайте мнѣ опять хлоралу.

Голосъ ея дрожалъ, руки тряслись. Докторъ бросилъ на нее проницательный взглядъ.

— Кризисъ наступилъ? Я ожидалъ его.

— Какъ низокъ этотъ человѣкъ! сказала Гіацинта, пряча лицо.

Digitized by Google

— О, развѣ?

— Все равно! Онъ долженъ быть моимъ. Онъ будетъ мой вѣчно, какъ бы я ни презирала его!

И она продолжала съ разстановками, дополняя голосомъ и жестомъ то, что выходило блѣднымъ въ простыхъ словахъ:

— Я могла бы быть счастливой! Я была бы образцовой женой... О, я внушаю ужасъ самой себѣ! Но онъ мнѣ необходимъ. Я съумѣю заставить себя любить; вѣдь я женщина! Онъ увидитъ. Это только мимолетное облако. А пока дайте мнѣ уснуть... чтобы моя бѣдная голова хоть ночью, по крайней мѣрѣ, нашла покой... Повѣрите ли вы? Мнѣ сказала старуха — нѣчто въ родѣ колдуньи,— знаменитая своимъ умѣніемъ приготовлять любовное зелье... смѣйтесь; я стала глупа и суевѣрна... я была у нея. Сырая, темная лачуга. Я дрожала отъ страха передъ этой грубой старухой. Ея страшныя слова на минуту произвели невѣроятное дѣйствіе, заставили меня повѣрить безсмыслицѣ. И я вышла отъ нея съ такимъ чувствомъ, словно въ пузырькѣ съ любовнымъ зельемъ, который она мнѣ дала, въ самомъ дѣлѣ заключалось мое спасеніе... О, я его бросила, только что пришла домой, стыдясь самой себя .. Мы, женщины, глупы... Мы сами ставимъ себѣ ловушки. Быть можетъ, вина не вся на нашей сторонѣ, голова у насъ слабая. Слѣдовало бы имѣть хоть крошечку больше разсудка, слѣдовало бы...

Она замолчала на минуту и всматривалась, точно слѣдила за чѣмъ-то, что убѣгало отъ нея.

— Извините. Для васъ это не интересно, сказала она съ грустью.

— Но я такъ интересуюсь вами.

Среди наступившаго молчанія, ея глаза, наполненные слезами, улыбались, видя, что докторъ молчалъ и сдѣлался серьезенъ. Освѣжающій вѣтерокъ ласкалъ ей лицо, чувство неизъяснимаго покоя ободряло ее.

И когда докторъ, поднявшись вдругъ и сильно пожавъ ей руку, ушелъ, не сказавъ ни слова, она не двинулась съ мѣста и долго смотрѣла на дверь, въ которую онъ вышелъ.

— Ахъ!.. зачѣмъ я раньше не знала его!

И ея мысль мало по малу затерялась въ густомъ туманѣ, какъ во снѣ.

Digitized by Google

VI.

Андреа часто нѣжился въ постели до 11 часовъ утра, когда солнце проникало въ комнату сквозь штору.

Время отъ времени, онъ слышалъ въ ближайшей комнатѣ шелестъ платья хозяйской дочери. Дверь была такъ тонка, что позволяла отгадывать, что дѣлаетъ дѣвушка.

— Пьетъ кофе... Одѣвается... Причесывается... Читаетъ газету...

А когда она кашляла, Андреа приподнималъ голову и задумывался. Этотъ сухой, упорный кашель тяжело дѣйствовалъ на него.

— Бѣдная дѣвушка! Это было бы преступленіемъ.

Когда ему случалось встать раньше, онъ охотно оставался дома часовъ до двѣнадцати, куря, читая, ожидая услышать ея быстрые, легкіе шаги, чтобы тотчасъ же открыть дверь:

— Съ добрымъ утромъ, синьорина.

— Съ добрымъ утромъ, синьоръ Андреа.

— Холодновато сегодня?

— Мнѣ не показалось.

Всякій разъ Андреа находилъ предлогъ, чтобы задержать ее и посмѣшить.

— Откуда вы берете столько шутокъ? говорила ему Эльвира.

— Я самъ ихъ сочиняю.

И если она убѣгала, вспыхнувъ и смѣясь, онъ уходилъ въ свою комнату съ сладкой печалью въ сердцѣ.

Уже мѣсяцъ, какъ онъ регулярно каждый вечеръ болталъ съ нею часокъ. Онъ зналъ, гдѣ найти ее въ ея комнатѣ, вмѣстѣ съ отцемъ и матерью, за круглымъ столомъ. Синьора Эмилія, съ очками на носу, у стола вяжетъ чулокъ, Эльвира и синьоръ Доменико играютъ въ шахматы.

— Проигрываете? правда?

— Напротивъ, выигрываю.

— Папа слишкомъ снисходителенъ, нарочно даетъ вамъ выиграть.

— Я беру умѣньемъ. Я даже съ васъ выиграла.

Digitized by Google

— Одинъ только разъ.

— Два раза. У васъ память коротка, какъ видно.

— Я могу дать вамъ шахъ и матъ въ три хода.

— Посмотримъ.

Эта головка, склоненная надъ шахматной доской, съ кудрями на лбу, эта красивая рука съ тонкими пальцами, быстро передвигавшая пѣшки, это теплое дыханіе, которое онъ чувствовалъ на своемъ лицѣ, когда нечаянно слишкомъ близко придвигался къ ней—производили на него впечатлѣніе покоя, безмятежности; вызывали въ его памяти счастливые дни дѣтства въ кругу сестеръ и матери, въ родномъ домѣ на рѣкѣ Подзилипо, залитой солнцемъ.

Однажды утромъ Андреа остановился на порогѣ комнаты, отдѣленной отъ прихожей перегородкою. Эльвира, переставъ шить, гладила черную мохнатую собачонку, которая, прикорнувъ рядомъ съ ней на диванѣ, продолжала ворчать.

— Собака не любитъ васъ, сказала она,—боится васъ.

— Она еще не научилась узнавать меня отвѣчалъ Андреа,—но мы скоро подружимся. А какъ ваше здоровье? Вы сидите между дверью и окномъ; это можетъ повредить вамъ.

Она пожала плечами съ усталымъ видомъ.

— Знаете что? Въ одинъ прекрасный день я прогоню доктора и выброшу его пилюли съ мышьякомъ и дигиталиномъ. Я вылѣчусь своимъ способомъ.

— Нехорошо сдѣлаете.

Андреа, усѣвшись около рабочаго столика передъ Эльвирой, прибавилъ:

— Кровохарканье все еще не прошло?

— Почти; но моя добрѣйшая мамочка не хочетъ вѣрить; у нея все еще передъ глазами нашъ бѣдный Евгеній; скажите откровенно: развѣ у меня чахоточное лицо?... А какой у меня апетитъ!

Андреа соглашался, кивая головою.

— Да, апетитъ—прекрасная вещь, но не слѣдуетъ бросать мышьякъ и дигиталинъ.

Со двора доносился шумъ дѣтей, и мягкій, веселый свѣтъ отъ противоположной стѣны, залитой солнцемъ, наполнялъ комнату.

Digitized by Google

— Почему вы не гуляете?

— Мнѣ все надоѣдаетъ.

— Развеселитесь, скоро весна.

— Можетъ быть, вы думаете, что мнѣ не хочется умирать? Я покорилась. Скорѣе бы! Когда нибудь должно же это случиться. Лучше раньше, чѣмъ позже; меньше горя извѣдаю... Но оставимъ этотъ разговоръ. А вашъ фокусъ, знаменитый фокусъ съ колодой картъ, которая должна прилѣпиться къ потолку по вашему приказанію? Когда вы мнѣ покажете этотъ замѣчательный фокусъ?

— А! Нужно заплатить за него, отвѣчалъ Андреа съ притворной важностью.

— Сколько? Сотню тысячъ лиръ? Пустяки, вотъ...

Она протянула руку за клочкомъ бумаги, нацарапала на немъ что-то краснымъ карандашемъ и, смѣясь, подала ему:

— Чекъ на банкъ моихъ вздоховъ; будетъ выдано по востребованію. Теперь я пойду за картами и позову мамашу.

Пока Гераче стоя тасовалъ колоду, въ дверяхъ появилась синьора Эмилія, съ громадными очками на кончикѣ носа, съ чулкомъ, висящимъ на ниткѣ, обмотанной вокругъ шеи. Она печально смотрѣла на свою бѣдную дочь, внимательно слѣдившую за Андреа. Тотъ, засучивъ рукава сюртука, держалъ карты въ одной рукѣ, между указательнымъ и большимъ пальцами, и перебиралъ ихъ пальцами другой руки, какъ настоящій фокусникъ,

— Смотрите хорошенько. Это ваши карты. Я ничего не подмѣнилъ; вы заставили меня работать экспромптомъ. Смотрите же хорошенько.

— Кто знаетъ, какую штуку вы выкинете, по обыкновенію!

— Вы думаете, что это штука?

— Нѣтъ; я считаю это чудомъ!

Эльвира поблѣднѣла отъ внезапнаго приступа кашля и опустилась на диванъ, прижимая платокъ ко рту.

— Это ничего... поспѣшила она сказать, тотчасъ же оправившись.—Прошло, это ничего.

Но она не успѣла спрятать платка, и Андреа замѣтилъ на немъ красное пятно. Синьора Эмилія ушла со слезами на

Digitized by Google

глазахъ, чтобы дочь не видѣла ихъ. Андреа положилъ карты на столъ.

— Будьте осторожны, продолжайте лѣченіе.

— Не прибѣгайте къ этому предлогу, чтобы освободиться...

— Я ничего не въ состояніи дѣлать. Въ другой разъ. Но будьте осторожны!

VII.

Яркокрасный цвѣтъ этого кровянаго пятна запечатлѣлся у него въ памяти. Въ гостинной графини онъ видѣлъ его на ея губахъ, на губахъ синьоры Вилла, на коврѣ, на мебели, на стѣнахъ, на стеклахъ, на спущенныхъ бѣлыхъ и сѣрыхъ занавѣсяхъ, смягчавшихъ яркій блескъ весенняго дня. Развалившись въ креслѣ, засунувъ руки въ карманы панталонъ, положивъ ногу на ногу, онъ закрывалъ глаза, чтобы не видѣть этого яркокраснаго пятна.

Въ это время синьора Вилла, въ амбразурѣ окна, повѣряла вполголоса свои секреты Гіацинтѣ. Она дѣлала жесты и наклонялась къ самому уху ея, чтобы придать больше выразительности своимъ словамъ; затѣмъ поднимала голову и пристально глядѣла на Гіацинту.

— Я, можетъ быть, виновата?

Несогласія между Эрнестой и ея любовникомъ мало интересовали Гіацинту; но изъ приличія она дѣлала видъ, что слушаетъ внимательно, выражая свое согласіе легкимъ склоненіемъ головы, оборачиваясь по временамъ, чтобы наблюдать за Андреа, который, казалось, погрузился въ разсматриваніе золоченыхъ карнизовъ.

— Мы объ этомъ еще поговоримъ, заключила синьора Вилла.—Теперь я устала.

Андреа всталъ, чтобы раскланяться, когда она уходила.

— Гераче, сказала она ему, — какой печальный видъ у васъ сегодня!

— Я плохо спалъ. У меня тяжела голова.

Это объясненіе, произнесенное съ видимымъ замѣшательствомъ, не убѣдило Гіацинты. Ея женское сердце предчувствовало опасность.

Digitized by Google

— Что съ тобой? спросила она его, какъ только синьора Вилла ушла.

— Ничего.

Необычайная рѣзкость отвѣта поразила ее.

— У тебя секреты отъ меня?

— Не желаешь ли ты даже и головную боль поставить мнѣ въ вину?

Нѣсколько минутъ они молчали; Андреа ковырялъ коверъ своей тросточкой; Гіацинта съ нахмуреннымъ лбомъ кусала губы, нервно теребя бахрому шолковаго банта на груди.

— У тебя языкъ отнялся?

— Слушай... сказалъ Андреа, вдругъ поднимаясь. — Съ нѣкотораго времени ты стала очень странной. Ты упрекаешь меня безъ причины, обращаешься со мною, какъ будто ищешь предлога разойтись. Такая жизнь со ссорами, съ подозрѣніями, со скрытой злобой—невыносима. Ты требуешь невозможнаго. Нельзя оставаться въ одинаковомъ настроеніи цѣлые дни, мѣсяца, годы. И развѣ каждый годъ не измѣняетъ насъ? Дѣлаешься серьезнѣе; смотришь на жизнь съ другой точки зрѣнія; сперва любишь, а тамъ...

— Перестаешь любить!

Андреа смѣшался отъ холоднаго тона этого отвѣта.

— На кого ты намекаешь?

— Не на себя, конечно, отвѣчала Гіацинта. Я пресмыкаюсь у ногъ твоихъ, какъ червь; я, которая добровольно и великодушно вся отдалась тебѣ, я смиренно теперь прошу тебя изъ состраданія вернуть мнѣ свою привязанность, которую я имѣла бы право требовать. Я до того смирила свою женскую гордость, что молю тебя о страшномъ объясненіи, которое, быть можетъ, убьетъ меня.. А ты не хочешь прямо сказать мнѣ, ты путаешься въ отнѣкиваніяхъ, которыя только увеличиваютъ недоразумѣнія между нами и создаютъ новыя. Ты еще не то дѣлаешь, перемѣняешь роли. Такъ это я обращаюсь съ тобой, какъ съ постылымъ любовникомъ? Я!.. Ахъ, моя мать права была, когда говорила: бѣдная дурочка, ты вѣришь любви мужчины. Да, моя мать права.

— А... любовь женщины?

— Что ты хочешь сказать?

Digitized by Google

Андреа всталъ съ кресла, придумывая отвѣтъ.

— Говори, настаивала Гіацинта. Она глядѣла на него, задыхаясь, дрожа, какъ бы желая помочь ему.

— Я ревную... Этотъ твой докторъ... пробормоталъ Андреа.

— Ты ревнуешь? повторила Гіацинта, не вѣря своимъ ушамъ; потомъ, въ порывѣ радости, она бросилась ему на шею.

— Ты ревнуешь!.. Въ самомъ дѣлѣ?

Она еще никогда не слышала отъ него такого пріятнаго выраженія любви. И она обнимала и цѣловала его, гладила его волосы дрожащею рукою и смѣялась, захлебываясь отъ рыданій, дрожа съ головы до ногъ.

— Дитя! И ты могъ подозрѣвать?

Андреа, не ожидавшій такого взрыва, не смѣлъ противорѣчить.

— И ты могъ подозрѣвать? Правда, когда-то было, что я желала съ отчаянія не любить тебя. Мнѣ казалось, что ничего больше не остается, какъ оплакивать умершее навѣки счастье, исчезнувшую любовь... Но какъ не любить тебя? Развѣ это было возможно?..

И она прижималась къ нему съ испуганнымъ видомъ, словно кто нибудь собирался похитить его у нея. Андреа насильно улыбался, чувствуя, что поддается новымъ чарамъ, противъ которыхъ былъ безсиленъ. Эти дрожащія отъ волненія руки, ласкавшія его волосы; этотъ голосъ чрезвычайно мелодичный и наполнявшій сердце пріятнѣйшими ощущеніями; эти зрачки, обдававшіе его молніей неожиданнаго счастія— производили на него обычное дѣйствіе, размягчали твердость, усыпляли волю, подавляли его, какъ онъ говорилъ.

Гіацинта взяла его за руки, медленно покачиваясь, и продолжала говорить голосомъ непреодолимымъ, похожимъ на шопотъ:

— Какіе мы были дураки... Но будемъ умнѣе; мы слишкомъ много страдали. Ты теперь понялъ? Молчаніемъ только портишь дѣло; тѣни принимаютъ форму. Ревнивый! Но не говори этого серьезно... Хочешь, чтобы докторъ не бывалъ у меня? Я мигомъ прекращу знакомство... Нѣтъ?. Чего же ты хочешь? Я на все согласна... Ахъ!.. Придумала. Еслибы ты перешелъ жить во второй этажъ?

Digitized by Google

— Но подумай! Мое положеніе и безъ того достаточно затруднительно. Люди...

— Люди! перебила Гіацинта.—Развѣ я когда нибудь обращала на нихъ вниманіе!

— Нѣтъ, это было бы неловко.

Онъ высвободился изъ ея объятій и медленно опустился на диванъ. Гіацинта быстрымъ движеніемъ сѣла къ нему на колѣни, снова обвивъ руками его шею.

— Любишь меня?

— Да.

— Всегда будешь любить?

— Всегда.

— О, еслибы другая Аделина явилась, чтобы связать насъ еще крѣпче...

— Но...

— Какъ я люблю тебя!..

Андреа, побѣжденный, качалъ ее на колѣняхъ, цѣлуя ей руки.

VIII.

— А, вотъ Гераче! окликнулъ Ратти, который, сидя противъ входа, первый замѣтилъ его.

Въ этой комнаткѣ нижняго этажа, въ кафе „Пантера", почти каждый вечеръ собирались пріятели, подъ предлогомъ выпить рюмку-другую вина, но собственно для того, чтобы рискнуть сотнею лиръ въ азартной игрѣ.

Андреа рѣдко манкировалъ; ему везло послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ проигрыша. Но въ этотъ вечеръ онъ не былъ расположенъ играть; онъ злился.

— Нѣтъ, я не сяду, отвѣчалъ онъ Ратти, предложившему сѣсть около него. И онъ подошелъ къ Моки, который дѣлалъ ему знаки.

— Вы не слыхали? Эрнеста прогнала бѣднягу Мерли.

— Какъ онъ будетъ доволенъ этимъ! сказалъ Андреа.

— Что новаго? спросилъ Порати, тасуя карты.

Моки повторилъ отвѣтъ Андреа.

Пока всѣ смѣялись, Моки нагнулся къ уху сосѣда съ правой стороны.

Digitized by Google

— Не сегодня—завтра, сказалъ онъ,—Гіацинта также поступитъ съ Гераче. Докторъ Фоллини собирается спровадить его.—Тотъ ничего не отвѣчалъ, озабоченный проигрышемъ.

— Вотъ вамъ бубновый валетъ! воскликнулъ Порати, обращаясь къ Гераче.

Андреа отрицательно качалъ головою, но, вдругъ передумавъ, досталъ бумажку въ 50 лиръ, свернулъ ее въ трубочку и бросилъ на зеленое сукно.

Бубновый валетъ выигралъ.

— И вы еще ждете, чтобы васъ упрашивали! съ гнѣвомъ сказалъ Порати.

Ратти настаивалъ, чтобы Андреа сѣлъ около него.

— Вы приносите счастье.

Но Андреа прохаживался вокругъ стола, останавливаясь за спиною того, кто металъ банкъ, бросая на сукно свою ставку, которая съ каждымъ разомъ удвоивалась.

Ратти удержалъ его за фалди, когда онъ подошелъ къ нему.

— Еслибы вы не пришли, я былъ бы въ проигрышѣ. Я васъ теперь не выпущу.—Три сотенныя бумажки, которыя Андреа оставилъ на суконѣ, возбуждали зависть Порати, онъ пожиралъ ихъ глазами. Но такъ какъ онъ опять проигралъ, то бросилъ карты и, разсердившись, всталъ изъ-за стола. Всѣ поднялись.

— Будетъ, Гераче, сказалъ Моки.—Съ нѣкотораго времени вы очень часто выигрываете... Это нехорошій знакъ. „Счастливый въ любви не играй въ карты", учитъ пословица. А этотъ бѣдняга Мерли! Должно быть, онъ сталъ прескучный со своимъ несовременнымъ романтизмомъ, если даже Эрнеста не вынесла его.

— Онъ—славный малый, отвѣчалъ Андреа.

— Кто отрицаетъ это? Но скучный... Спокойной ночи, синьоры.

И Моки удалился, поправляя монокль въ лѣвомъ глазу, улыбаясь концами губъ искривленнаго рта.

Возвращаясь домой, Андреа вдыхалъ ночную свѣжесть, чтобы сбросить съ себя необъяснимую, давившую его, тяжесть. Въ темной прихожей онъ зажегъ свѣчку и пошелъ на цыпочкахъ

Digitized by Google

по корридору. Проходя мимо стеклянной двери, ведущей въ спальню Эльвиры, и видя, что она только притворена, онъ остановился.

— Бѣдная дѣвушка вѣрно почувствовала себя дурно и открыла дверь, чтобы позвать на помощь, но ее не слыхали.

— Нѣтъ, это было бы неприлично. И онъ пошелъ дальше. За дверью, запертой на ключъ, которая раздѣляла двѣ комнаты, Эльвира ворочалась на кровати, кашляя.

Андреа прислушался.

— Бѣдная! Она плохо спитъ по ночамъ.

Кашель больной производилъ на него тяжелое впечатлѣніе, онъ прислушивался къ нему съ тоскливымъ чувствомъ, но въ эту ночь воспоминаніе о сценѣ съ Гіацинтой отвлекало его мысли объ Эльвирѣ.

— Какъ это онъ запутался въ такихъ сѣтяхъ? Съ нимъ вѣчно такъ случается. Онъ ревнуетъ?.. Развѣ во снѣ. Онъ съ благодарностью расцѣловалъ бы того, кто съумѣлъ бы замѣстить его... Въ самомъ дѣлѣ! — ругалъ онъ себя вполголоса,—почему я не поступилъ волонтеромъ къ Гарибальди? не хватило духу: рабство, въ сущности, не непріятно мнѣ: вотъ причина!

Онъ жестоко укорялъ себя, чтобы въ стыдѣ почерпнуть мужество. Въ другой комнатѣ послышался легкій звонъ ложки объ рюмку, поставленную на мраморной доскѣ ночнаго столика.

— Бѣдная дѣвушка! Съ такимъ терпѣніемъ глотаетъ лѣкарство. Но все напрасно: чахоточная должна умереть!

Дрожь пробѣжала у него по спинѣ, и онъ сталъ около двери, неподвижный, задумчивый.

И между тѣмъ какъ хорошенькая фигура Эльвиры грустно улыбалась ему въ воображеніи, какъ прекрасное видѣніе, другая фигура—Гіацинты, — вставала передъ нимъ молчаливая, неподвижная, полная страшныхъ укоровъ... Но его ли вина? Отъ его воли развѣ зависѣла перемѣна въ сердцѣ? Любишь не тогда, когда хочется, а когда любится. Его дѣйствительная и единственная вина—это его обманъ! Какая жизнь... Какая цѣль!.. Господи, какъ надрывается грудь у бѣдной дѣвушки!

Скрипъ кровати при каждомъ приступѣ кашля казался ему хрустѣньемъ костей исхудалаго тѣла больной. Онъ про-

Digitized by Google

стоялъ долго, прислушиваясь; потомъ, растроганный, началъ раздѣваться безо всякой охоты спать. Въ одномъ бѣльѣ, онъ выдвинулъ ящикъ стола и досталъ фотографическія карточки. Портретъ Гіацинты, съ тѣхъ поръ какъ онъ поселился на этой квартирѣ, не стоялъ болѣе у него на столѣ и бросился ему въ глаза, какъ неожиданное видѣніе.

Въ бѣлой плюшевой мантильѣ, открытой на груди и накинутой на черный бархатный корсажъ, придерживаемой шнуромъ, завязаннымъ у пояса, Гіацинта держала въ рукѣ большой вѣеръ изъ перьевъ; глубокому, пытливому взгляду холодный цвѣтъ фотографіи придавалъ еще бо́льшій блескъ. Ротъ, казавшійся отъ тѣней больше, чѣмъ въ натурѣ, съ тонкими, почти саркастическими губами; твердый, рѣзко очерченный подбородокъ—придавали ей странный видъ.

Андреа разсматривалъ ее, качая головою.

— Какъ она измѣнилась!.. Прекрасные дни ихъ любви не вернутся болѣе... И прошли они такъ быстро!.. Какое разочарованіе для обоихъ!

Въ немъ пробудилась жалость при этихъ воспоминаніяхъ, жалость къ ней и къ самому себѣ. По тѣлу колыхнулась кровь отъ наплыва старыхъ и новыхъ ощущеній. Онъ разсердился.

Значитъ, онъ никогда не совладаетъ съ этою привязанностью прирученнаго животнаго, которая подчиняла его ей? Никогда?..

И онъ съ бѣшенствомъ устремлялъ глаза въ потолокъ.

— Я былъ виноватъ. Я неблагодаренъ! Развѣ эта женщина не любила его больше, нежели онъ заслуживалъ? Онъ никогда не будетъ свободенъ... Ахъ, вотъ откуда придетъ его свобода!

Кожаный бумажникъ, который онъ взялъ въ руки и нервно теребилъ, издавалъ легкій скрипъ.

— Всего семьсотъ лиръ!

Онъ бросилъ его съ досадой въ ящикъ и собрался ложиться Пока онъ раздѣвался, его глаза, сверкавшіе алчностью, были ослѣплены туманной фантасмагоріей нервно тасуемыхъ картъ, пачекъ билетовъ и золотыхъ монетъ, которыя то появлялись, то исчезали на зеленомъ сукнѣ.

Digitized by Google

IX.

На этотъ разъ спокойствіе Гіацинты продолжалось только пятнадцать дней. Она пробовала утѣшать себя. Въ человѣческомъ сердцѣ навсегда остается слѣдъ скорби; поэтому-то она и не чувствовала себя вполнѣ увѣренной. Какъ трудно быть счастливой; какъ легко, напротивъ, привыкаешь къ страданіямъ, къ самымъ сильнымъ мученіямъ! Когда нарушена взаимная вѣрность, связывающая двухъ любовниковъ, ее уже не воротишь. Нужно покориться; мертвые не воскресаютъ! сказалъ докторъ Фоллини. Это правда! А ея сердце, ея бѣдное сердце, должно быть, осталось все то же.

Однажды она съ ужасомъ размышляла, припоминая все свое прошедшее. Канарейка пѣла въ золоченой клѣткѣ, оглашая гостинную звонкими руладами. А она—голова на рукахъ, локти на столѣ, взглядъ, затерявшійся въ пространствѣ—переживала, убаюкиваемая этимъ пѣніемъ, свое печальное дѣтство, свое горькое дѣвичество; она снова видѣла мѣста и лица, давно невиданныя или исчезнувшія; слышала голоса, которые годъ уже какъ умолкли; снова испытывала позабытое ощущеніе боли, вспоминая свою первую борьбу, свое отчаяніе, когда была въ дѣвушкахъ; переживала громадное счастье, пріобрѣтенное тогда небывалою цѣною—цѣною всей своей жизни.

А потомъ!.. потомъ!.. Ахъ, нѣтъ, ея сердце также измѣнилось. Она стала допытывать свою совѣсть, заглядывая въ глубь сердца. Какъ? Она, значитъ, способна тоже увлечься? Нѣтъ, нѣтъ!

Между тѣмъ бѣлокурый Фоллини стоялъ передъ ней, съ участіемъ смотря на нее, говорилъ тономъ глубокаго состраданія, какъ въ тотъ разъ, когда она должна была сказать ему: не глядите на меня такъ, вы причиняете мнѣ еще большее страданіе.

У Гіацинты духъ захватило, когда она увидѣла его въ дѣйствительности передъ собою, точно его вызвала мысль о немъ.

— Я зашелъ только поздороваться съ вами, сказалъ докторъ,—и предупредить. Этотъ Баптистъ—дуракъ. Графу, въ

Digitized by Google

его положеніи, нуженъ слуга болѣе ловкій, болѣе почтительный. Я сейчасъ засталъ Баптиста, какъ онъ забавлялся тѣмъ, что противорѣчилъ графу и бѣсилъ его. Я его выбранилъ; побраните также и вы.

— И побраню, машинально отвѣчала Гіацинта.

— Вы плохо чувствуете себя? спросилъ ее докторъ послѣ нѣсколькихъ секундъ молчанія.

Она смотрѣла на него, какъ будто не слыша, съ нахмуренными бровями и полузакрытыми глазами.

— Я пришелъ не во время, замѣтилъ докторъ, улыбаясь.— Я ухожу, спѣшу къ своимъ больнымъ.

— Развѣ я не больная также?

— О, да. Но капризная больная, которая упрямится, не хочетъ лѣчиться и находитъ удовольствіе въ своей болѣзни.

— Вы никогда не давали мнѣ лѣкарства.

— Лѣкарство придетъ своимъ чередомъ. Въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ, тѣлесныхъ и душевныхъ, надо предоставить дѣйствовать божественному врачу—природѣ. Не качайте головою... Увидите сами.

— И вы ничего другаго мнѣ не скажете?

Докторъ, немного уколотый, отвѣтилъ:

— До свиданья. Я ухожу.

Гіацинта удержала его рукою, которую онъ слабо пожалъ.

— До свиданья, сказала также и она, почти въ одинъ голосъ съ нимъ.

И отпустила его, затаивъ вздохъ.

Она теряетъ передъ нимъ свою женскую гордость, дѣлается робкою, какъ дѣвочка, не умѣетъ говорить... Но что могла она сказать ему? Я люблю васъ!.. Но она не любитъ его, она не хочетъ быть его любовницей, о нѣтъ! Что же еще? Она сама не знала.

Но ее влекло къ этому человѣку такое сильное чувство нравственнаго просвѣтленія, что даже прикосновеніе его руки вызывало въ ней необъяснимое ощущеніе покоя и отрады.

И теперь она осталась мечтать объ этомъ бѣлокуромъ видѣніи, которое быстро исчезало, унося съ собою частицу ея самой въ недоступныя высоты, гдѣ трудно было уловить его...

Digitized by Google

— Зачѣмъ я не знала его раньше?.. Зачѣмъ не знала?..

Она встала, вдругъ поблѣднѣвъ, словно оскорбительный голосъ шепнулъ ей на ухо: а Беппе?

И какъ тогда, растрепанная голова, большіе черные зрачки и мясистыя губы негодяя заставляли ее дрожать, такъ и теперь, при одномъ воспоминаніи, она почувствовала ледяную дрожь.

X.

Уже недѣля, какъ она, немного суевѣрная, обрекла себя на искупительную жертву, каждый день проводя часа два въ комнатѣ графа, наединѣ съ нимъ.

Вернувшись однажды отъ Элизы Джесси, у которой родился первенецъ сынъ, Гіацинта тотчасъ же прошла къ мужу, въ большой шляпѣ Эрнани съ перьями, въ кашемировой накидкѣ съ кружевами; руки въ муфточкѣ изъ голубаго песца, висѣвшей у нея на шеѣ. Графъ, еще въ постели, приподнявшись и опираясь на локоть, съ открытымъ ртомъ, шевеля кончикомъ высунутаго языка, поглядѣлъ на нее сосредоточеннымъ и внимательнымъ видомъ. Зародышъ болѣзни, переданный ему въ крови его благороднымъ вырождающимся родомъ, развился въ эти шесть лѣтъ съ такою ужасающею быстротой, что онъ казался ветхимъ старикомъ; онъ плохо держался на дрожащихъ ногахъ, мало что помнилъ и по временамъ только узнавалъ людей.

— Баптистъ!.. Баптистъ! началъ онъ кричать.

— Чего ты хочешь, Джуліо? Я здѣсь, отвѣчала Гіацинта.

Но она не смѣла подойти къ нему. Чувство страха и неодолимаго отвращенія пригвоздило ее въ ногахъ кровати, въ четырехъ шагахъ разстоянія.

— Баптистъ!

Графъ ворочался съ бока на бокъ, теребя одѣяло, протягивая то одну, то другую руку къ ближайшему стулу, ища и не находя чего-то.

— Мое платье?.. Онъ унесъ мое платье.

— Оставайся въ постели; докторъ велѣлъ. Ты очень боленъ...

— Онъ унесъ мое платье, повторялъ графъ. Вы докторъ? Пощупайте мой пульсъ... Онъ унесъ платье...

Digitized by Google

Каждый день, въ опредѣленные часы, около одиннадцати, желаніе встать съ постели и уйти упрямо пробуждалось въ его размягченномъ мозгу.

— Что мнѣ тутъ дѣлать одному?... Графиня меня ожидаетъ... Я хочу вернуться домой...

— Развѣ ты не видишь, что я здѣсь, и ты у себя въ домѣ?

— Ты здѣсь?.. О, хорошо! хорошо!.. Ты мнѣ дѣлаешь большое удовольствіе... Баптистъ!.. Я не нахожу своего платья.

Онъ кричалъ, бредилъ еще нѣсколько времени, собираясь идти домой, потомъ, съежившись подъ простынями, закрылъ глаза и, казалось, уснулъ. Гіацинта сидѣла напротивъ, у окошка, давая одни и тѣ же отвѣты на одни и тѣ же безсвязные вопросы, отвѣчая всегда съ кроткимъ терпѣніемъ, хотя видъ этого человѣческаго существа, осужденнаго на животную жизнь, заставлялъ ее страдать. И она оставалась тутъ со взглядомъ, устремленнымъ на это тѣло, уже не шевелившееся болѣе, волнуемая мыслью, которую не могла отогнать, мыслью—что ея бѣдный мозгъ можетъ когда нибудь спутаться, какъ испорченные часы...

Иногда ей казалось, что она сходитъ съ ума. И оставаясь здѣсь, повинуясь единственно своей собственной волѣ, она думала, что совершаетъ великій подвигъ искупленія, несетъ наказаніе съ цѣлью уничтожить злое дѣйствіе своей несчастной звѣзды. Она видѣла этому тысячи признаковъ.

Графъ открылъ глаза.

— Меня оставляютъ одного! Меня заставляютъ страдать отъ голода! ворчалъ онъ.

Громкій звонокъ призвалъ Баптиста.

— Графъ еще не завтракалъ?

— Завтракъ готовъ, синьора графиня. Но я не зналъ...

— Сейчасъ принесите.

Она сама придвинула къ кровати маленькій столикъ и накрыла его салфеткой.

— Я позвоню, когда онъ кончитъ, сказала она Баптисту, принимая миску съ супомъ.

Положивъ муфту на кресло, она стала подавать графу одинъ за другимъ сухари, которые тотъ макалъ въ жел-

Digitized by Google

токъ яйца и въ кофе; вкладывала ему въ руки ложку, когда кусочки сухаря попадали въ супъ, придерживала одѣяло, которое графъ смялъ. Онъ ѣлъ съ жадностью, не поднимая головы, бросая косые взгляды на сухари и руки Гіацинты, когда ему не удавалось стащить сухарь.

— Благодарю, благодарю, сказалъ онъ наконецъ.

— Теперь покушайте вы... Вы не хотите ѣсть?

Гіацинта вышла изъ комнаты медленно, оборачиваясь. Это человѣческое существо, свернувшееся подъ одѣяломъ съ наслажденіемъ насыщеннаго животнаго, терзало ея сердце.

— Какая ты хорошенькая сегодня! сказалъ ей Андреа, увидѣвъ ее входящую въ гостинную и идя на встрѣчу.

Гіацинта подняла голову и остановилась, чтобы дать полюбоваться собою, вся взволнованная горделивымъ чувствомъ, которое такъ неожиданно оживило потухающій огонекъ ея надежды. Она еще способна вырвать у него восклицаніе, подобное этому.

Нѣсколько уже дней тяжелое молчаніе водворялось въ гостиной, когда она и Андреа оставались одни; Андреа, растянувшись на креслѣ, съ полузакрытыми глазами, перебросивъ руки черезъ ручки кресла, тоскливо пускалъ нескончаемый дымъ своей сигары, какъ любовникъ, исполняющій скучную обязанность около женщины, не любимой болѣе.

Гіацинта часто принималась читать вслухъ какой нибудь романъ, безъ всякой охоты, чтобы заставить Андреа слушать и не дать ему уйти. Переставъ читать, она вдругъ спрашивала:

— Тебѣ это кажется вѣроятнымъ? Но это преувеличеніе.

— Ты принимаешь за серьезное—романы? Но, наконецъ, серьезно или нѣтъ, это глупо, что женщина говоритъ и дѣйствуетъ такимъ образомъ. Она слишкомъ много размышляетъ, слишкомъ много наблюдаетъ за собою. Страсть развѣ разсуждаетъ?—Онъ обыкновенно спорилъ. Угрожала опасность, что отъ вымышленныхъ положеній романа она перейдетъ къ ихъ собственному положенію, что случалось уже раза два. Зачѣмъ раскрывать эту рану?

— Обратись къ автору, говорилъ онъ, не поворачивая головы.

Digitized by Google

— Да я и не желаю обращаться къ тебѣ. Ты меня сердишь.

Гіацинта закрывала книгу, нахмуренная, и молчаніе водворялось въ гостинной. Андреа, наблюдая однимъ глазомъ изъ подъ опущенныхъ вѣкъ за безпокойнымъ подергиваніемъ ея губъ, за сердитыми глазами, въ которыхъ мелькала досада, не смѣлъ поднести сигары ко рту, чтобы не возбудить сцены. Разговоръ между ними обрывался. Самыя жестокія слова и фразы вырывались у нихъ обоихъ. Это очень непріятно! А между тѣмъ судьба держала его, связаннаго по рукамъ и ногамъ, хуже, чѣмъ раба. Онъ поднимался съ кресла, чтобы избавиться отъ мучительнаго положенія.

— Ты уже усталъ... скучаешь? говорила Гіацинта.

— Кто тебѣ сказалъ, что я скучаю?

— Я вижу это противъ твоей воли.

Андреа снова бросался въ кресло со словами:

— Твоя правда!

И горькая иронія его голоса закрывала ей ротъ. Но въ этотъ разъ восклицаніе: какая ты хорошенькая сегодня! показалось ей такимъ искреннимъ, что она весь день была веселѣе, любезнѣе, чѣмъ обыкновенно. Она даже засмѣялась,—чего съ ней давно не случалось,—когда Андреа, также въ хорошемъ настроеніи, началъ смѣяться надъ маленькимъ уродцемъ, сыномъ Элизы.

— Обезьянка! Элиза, конечно, не замедлитъ надѣть на него красный кафтанъ и остроконечную шапочку, въ руки дастъ жестяную тарелку и потащитъ на ярмарки. Никто не замѣтитъ обмана. Ея мужъ будетъ выкрикивать: „подходите, подходите, синьоры! Посмотрите на ученую обезьяну, которая танцуетъ, играетъ, дѣлаетъ разныя штуки. Подходите, синьоры“.

Потомъ, когда она осталась одна, думая объ этомъ восклицаніи, она почувствовала себя оскорбленною и униженною.

— „Какая ты хорошенькая!..“ А мою привязанность, мои жертвы, мое самоотверженіе—онъ ни во что ставитъ?.. Ему, значитъ, нужно только мое тѣло?

Нѣсколько дней у нея дрожали руки, когда, уступая искушенію женской любви и желая быть привлекательнѣе, она старалась украсить себя, прилаживала букольки на лбу.

Digitized by Google

прикалывала цвѣтокъ, пришпиливала бантикъ, чтобы произвести сильнѣе впечатлѣніе.

— О, туалетъ развратницы! воскликнула она, закрывая глаза руками, чтобы не видѣть зеркала, отражавшаго ея фигуру.

Она ужасалась самой себя, когда рѣшалась мало по малу все болѣе и болѣе декольтироваться въ обществѣ, чтобы доставить удовольствіе этому человѣку.

— До чего я дошла!..

Она съ ужасомъ чувствовала въ своемъ тѣлѣ пробужденіе грубой чувственности, которую воспитаніе и общественная жизнь убиваютъ въ зародышѣ въ организмѣ женщинъ. И въ свои среды, которыя были въ модѣ и помогали ей маскировать свое униженіе, которое было бы торжествомъ для ея враговъ, она опускала глаза, оскорбленная, когда встрѣчала полный сожалѣнія взглядъ доктора Фоллини, навѣщавшаго ее теперь гораздо рѣже. Ея позоръ—такъ клеймила она свое поведеніе—возмущалъ ее, возбуждалъ въ ней отвращеніе.

XI.

Теперь она жила въ ожиданіи катастрофы съ минуты на минуту. Какой? она не могла сказать; но тревога, упадокъ силъ отъ стараній скрыть ее, были видны на ея лицѣ. Она становилась равнодушной. Каждый проходящій день казался ей выигранным. Былъ ли Андреа добръ, ласковъ, былъ ли онъ холоденъ, почти равнодушенъ—ей было все равно.

— Ты нездорова, мнѣ кажется, сказала ей однажды вечеромъ синьора Вилла.

— Нѣтъ, отвѣчала Гіацинта.—Что это тебѣ пришло въ голову?

Она смѣялась, качала головою, какъ будто Вилла сказала что-то очень глупое; но та смотрѣла на нее недовѣрчиво, заинтригованная; въ этомъ смѣхѣ, этомъ быстромъ отвѣтѣ было что-то принужденное, что-то возбуждающее сожалѣніе.

Гіацинта замѣтила это.

— А ты? какъ поживаешь теперь? спросила она, чтобы перемѣнить разговоръ.

Digitized by Google

— Клинъ клиномъ вышибаю, спокойно отвѣчала синьора Вилла.

— Это должно быть печально!

— Въ первый разъ—да; но скоро привыкаешь. Мужчины въ настоящее время... Узнавъ одного, узнаешь ихъ всѣхъ. Я начинаю думать, что мужья (это между нами) несравненно лучше любовниковъ. Даже если... понимаешь?

Гіацинта ничего не понимала. Въ самыя горькія минуты, когда она восклицала: „почему я не дѣлаю, какъ другія?“ мысль о второмъ любовникѣ холодила ей кровь.

— Какъ это онѣ могутъ мѣнять любовника въ каждое время года?..

И она возмущалась противъ своей судьбы, не хотѣла, чтобы обстоятельства и случай управляли ею, какъ мертвымъ тѣломъ; ея безсильная покорность превращалась въ ярость. Она хотѣла снова завладѣть всецѣло этимъ человѣкомъ, желавшимъ освободиться отъ нея; она хотѣла удержать его противъ его желанія, снова дать ему почувствовать твердость ея характера, силу ея любви, подчинивъ, усмиривъ его, дѣйствуя всѣми средствами, такъ какъ она чувствовала себя болѣе сильной.

И гроза разразилась.

— Какъ ты несправедлива! сказалъ ей Андреа въ одинъ изъ такихъ дней.

— Молчи!.. Не играй комедіи!

Она смѣрила его съ головы до ногъ злымъ взглядомъ. Она была увѣрена, что онъ лгалъ, и отвѣчала:

— Если ты лжешь, ты поступаешь подло!..

— А... Я поступаю подло? сказалъ Андреа, поднимаясь.— Но я также поступалъ подло и того еще подлѣе, когда испортилъ всю молодость этою цѣпью, которую ношу шесть лѣтъ! Я поступилъ подло, отдавъ тебѣ свое сердце, всю жизнь, всю будущность, пожертвовавъ тебѣ своею честью, совѣстью, всѣмъ—тѣломъ и душею! Я поступаю подло, не пытаясь возмутиться, не смѣя поднять головы, не переставая жертвовать, когда мое измѣнившееся сердце, моя встревоженная совѣсть терзаютъ меня, не даютъ мнѣ ни минуты покоя!.. И ты еще меня упрекаешь? Ты, значитъ, не замѣчаешь, что я больше тебя страдаю? И если лгу, то ради те-

Digitized by Google

бя, единственно ради тебя... изъ сожалѣнія къ тебѣ и къ себѣ...

— Молчи! закричала она.

Рыданія душили ее.

Андреа, ошеломленный невѣроятнымъ порывомъ искренности и мужества, спустился по лѣстницѣ, какъ человѣкъ, совершившій преступленіе.

XII.

Гіацинта всю ночь просидѣла, уронивъ голову на край постели, съ безпомощно свѣсившимися руками, раздираемая тяжелыми страданьями. По временамъ она поднимала голову, открывала мутные глаза, проводила рукою по лбу, точно желала прояснить свой помутившійся разсудокъ: не приснился ли ей ужасный сонъ?

И она снова впадала въ забытье, въ которомъ оставалась безъ движенія, безъ мысли нѣсколько часовъ,—безконечные годы, казалось ей.

Сквозь рѣшетчатыя жалузи солнце зажигало сверкающіе блики и полоски на мебели, хрусталѣ и фарфорѣ, оставляя въ однообразной тѣни все остальное, куда не доходили его лучи. И вдругъ въ этой тишинѣ, въ этомъ теплѣ, погружавшемъ, казалось, даже неодушевленные предметы въ сладостную истому, раздались смягченные разстояніемъ, рѣзкіе звуки шарманки, наигрывавшей на улицѣ мелодію изъ „Рюи-Блаза“.

Нѣтъ, то былъ не сонъ! То была дѣйствительность. Онъ это говорилъ!.. Неблагодарный, онъ упрекалъ ее... возмутился противъ нея!.. Пары безумія поднимались къ ея мозгу.

— Еслибы она еще заслужила это... еслибы совершила подлый, возмутительный поступокъ, въ которомъ сознательно проявилась бы ея воля... Ей слѣдовало бы, отбросивъ стыдъ и совѣсть, кинуть встрѣчному свое сердце, свое тѣло ея содрогавшееся отъ отвращенія! Къ чему ей послужили они? только сдѣлали ее несчастной!.! И почему она не могла и почему не умѣла?..

Шарманка снова заиграла „O dolce volutta, desio d'amor gentil!“ Насмѣшка въ такую минуту. Ей казалось, что кровать, кресла, вся мебель въ комнатѣ закружилась вокругъ

Digitized by Google

нея въ дьявольскомъ танцѣ и безсвязно кричала, бросая ей въ лицо воспоминанія о радостяхъ, пережитыхъ ею въ этомъ святилищѣ любви, когда ихъ счастье было такъ полно, и она ничего не желала, ничего больше не ожидала отъ земли и неба. И ей казалось, что эти свидѣтели столькихъ радостей теперь смѣялись, издѣвались надъ ней, и въ развратномъ экстазѣ кидали на воздухъ всѣ ея слова любви, всѣ ласки, поцѣлуи, какъ ненужныя тряпки, насмѣхаясь, передразнивая, коверкая ихъ, со скрежетомъ зубовъ, какъ будто хотѣли закончить этимъ послѣдній актъ ея драмы.

И почему она не могла?.. Почему не умѣла?.. Ахъ, лучше умереть! Голова у нея разрывалась. Во рту сохло. Она сама замѣчала безпорядокъ въ своихъ мысляхъ, когда, среди плача и бреда ночью, прошлое и настоящее мало по малу исчезали изъ сознанія, и она, безумно вперивъ взглядъ то на блестящую точку, то на рисунокъ ковра или цвѣтокъ обоевъ, смотрѣла, ничего не видя, какъ безумная.

— Лучше умереть!

Развѣ волшебный замокъ ея любви не рухнулъ послѣ этихъ ужасныхъ словъ Андреа?.. Для чего ей жить? Она отерла лицо и открыла окно, жадно вдыхая свѣжій воздухъ, наполнившій комнату.

— Должно быть тутъ, прошептала она, немного спустя, открывая ящикъ маленькаго шкапика чернаго дерева:—должно быть тутъ.

Она стала перебирать пакеты, попадавшіеся ей подъ руку, нетерпѣливо бросая назадъ бездѣлушки и карточки. Она не находила. Послѣдній ящикъ она совсѣмъ опорожнила и, едва завидѣвъ на днѣ пузырекъ, протянула къ нему руку:

— Вотъ!

Она грустно улыбнулась, качая головою; сердце сильно билось; пріятная истома, подобная той, какую она испытывала въ самыя счастливыя минуты, овладѣла ею, и она не могла отвести глазъ отъ этого черноватаго леденца въ пузырькѣ, который держала въ рукѣ. Глубокое чувство покоя сошло къ ней, когда она почувствовала близость конца жизни и всякой суеты, возможность навѣки заснуть сномъ кураре...

— Спасибо! шептала она, цѣлуя пузырекъ и думая объ

Digitized by Google

отсутствующемъ, который никогда еще не былъ такъ дорогъ ей, какъ въ эту минуту.

Она чувствовала себя сильной. Энергія ея характера, которую страсть и скорбь немного пошатнули, воспрянула въ эту ужасную ночь. Къ тому же она старалась не поддаться искушеніямъ и соблазнамъ жизни, волновавшимъ ее яркою картиной воспоминаній и ощущеній, вдругъ нахлынувшихъ, чтобы отвлечь ее отъ грустнаго намѣренія.

Нѣтъ, она хотѣла умереть! Она должна умереть! Развѣ это жизнь? Вѣчная агонія! Но воспоминанія вставали и переносили ея мысль назадъ, въ ту самую комнату, гдѣ была свалена ненужная мебель, гдѣ одинокіе часы ея дѣтства проходили въ безконечныхъ монотонныхъ разговорахъ съ собою. Двадцать лѣтъ промелькнули, какъ мигъ. Какъ она была счастлива тогда въ своемъ невѣдѣніи!

Она закрыла окно. Теплый весенній день, залитый свѣтомъ, волновалъ ее; веселый чистый голосокъ швеи, напѣвавшей „Giulia gentil“ въ комнатѣ напротивъ, среди криковъ дѣтей и продавцевъ, шума телѣгъ и экипажей на улицѣ, начиналъ смущать ее...

— Нѣтъ, лучше умереть! громко сказала она и позвонила.

Маріетта была поражена необыкновенной блѣдностью своей барыни.

— Синьора графиня провела дурную ночь?

— Нѣтъ! Я слишкомъ много спала.

Въ уборной, сидя передъ зеркаломъ, завернувшись въ бѣлую накидку, Гіацинта разсматривала свое блѣдное, истомленное лицо со сжатыми губами, съ распущенными по плечамъ волосами, съ мутными глазами. У нея было такое страшное выраженіе, что она даже испугалась. Маріетта, причесывая ее, разсказала маленькое приключеніе, случившееся съ нею наканунѣ. Ратти принялъ ее въ маскарадѣ неизвѣстно за кого, наболталъ ей кучу глупостей и кончилъ тѣмъ, что пригласилъ ужинать.

— И ты ужинала съ нимъ?

— Въ маскѣ. Потомъ ему непремѣнно хотѣлось проводить меня до дому...

— Надѣюсь, что ты не позволила ему этого

Digitized by Google

— Неужели я должна была огорчить его? Но, подойдя къ подъѣзду...

— Бѣдный Ратти! Гіацинта улыбнулась.

Немного спустя, пришелъ докторъ Фоллини. Онъ просилъ помочь одной его безнадежно-больной.

— Молодая она? спросила Гіацинта.

— Молоденькая и красавица. Работа убиваетъ ее.

Гіацинта дала ему билетъ въ сто лиръ.

— Благодарю!.. Это слишкомъ много, сказалъ докторъ.— Какъ будетъ рада эта несчастная!

— Умретъ она? переспросила Гіацинта послѣ маленькой паузы.

— Разумѣется. Не хочется ей умирать.

— При такой тяжелой жизни?

— Она оставляетъ бѣдную мать, слѣпую и параличную, которая безъ нея умретъ съ голоду! Грустно на свѣтѣ. Никто этого не знаетъ лучше насъ, докторовъ, которымъ приходится видѣть невѣроятныя страданія и нищету, не имѣя возможности облегчить ихъ. Что такое въ сравненіи съ ними почти искуственныя скорби богатыхъ, образованныхъ людей?..

— Какъ вы ошибаетесь, любезный другъ!

— Можетъ быть. Непосредственное столкновеніе съ нищетой заставляетъ забывать всякую философію. Сердце не разсуждаетъ. А какъ вы себя чувствуете?

— Превосходно! разсѣянно отвѣчала Гіацинта.—Вы уходите?

— Иду къ этой несчастной.

Докторъ стоялъ, пожимая руку Гіацинты и смущенно улыбался, ничего не говоря. Она поняла тайный смыслъ этой улыбки и этого горячаго пожатія.

— Вы меня прощаете? сказала она дрогнувшимъ голосомъ.

— Что такое?

— Можетъ быть, я вамъ сдѣлала зло... противъ желанія.

— Вы мнѣ сдѣлали большое добро.

— Какъ вы великодушны!

— Я васъ любилъ, какъ мальчикъ! вдругъ прибавилъ докторъ, немного покраснѣвъ.—Съ моими идеями я и не могъ любить иначе. Мы живемъ по горло въ грязи самой отвра-

Digitized by Google

тительной дѣйствительности, но чувствуемъ сильнѣе другихъ потребность обратить взглядъ къ небу, гдѣ дѣйствительность очищается, не испаряясь въ туманную идеальность. Я васъ любилъ, какъ мальчикъ!.. Я бы долженъ былъ молчать, довольствоваться симпатіей душъ... Но... черезъ три дня я буду въ Парижѣ. Въ разлукѣ сохранится вѣчно свѣжимъ чувство, которое я, конечно, заглушилъ бы, оставаясь здѣсь.

— Вы правы!

Какъ она была благодарна, что онъ пришелъ повидаться съ ней въ послѣдній разъ! Съ нимъ жизнь посылала ей свой послѣдній привѣтъ; теперь она могла покинуть свѣтъ, не думая больше ни о чемъ! До этой минуты образъ Андреа оставался въ глубинѣ ея мыслей, отдаленный, въ тѣни, отброшенный въ даль гнѣвомъ и презрѣніемъ, вынутый изъ сердца вчера вечеромъ, когда онъ ей сказалъ: „если я лгу, то единственно ради тебя“!.. Неблагодарный!.. низкій человѣкъ!

Вдругъ она почувствовала странную тревогу, потребность увидѣть его въ обычный часъ. Собираясь исчезнуть навѣки, она почувствовала нѣжность, смѣшанную съ жалостью, къ тому, кто почти семь лѣтъ былъ всѣмъ для нея.

— Зачѣмъ обвинять его? Онъ не нарочно это сдѣлалъ... Высшая сила управляетъ нами обоими. Это моя судьба!.. Онъ меня искренно любилъ съ тѣмъ же пыломъ, съ какимъ и я бросалась въ его объятія. Если онъ теперь меня не любитъ, если наша любовь, которая, я думала, продолжится всю жизнь, оказалась короче сна, развѣ его это вина? И какъ нарочно онъ медлитъ прійти сегодня!.. О! я хотѣла бы умереть, простивъ ему и сказавъ, что умираю ради него!

Она ощущала какое-то горькое удовольствіе; была тверда въ своемъ рѣшеніи и не боялась, что у нея не достанетъ воли и мужества, или что инстинктъ самохраненія остановитъ руку, которая должна вонзить отравленную иголку. У нея было такъ ясно на душѣ; она смотрѣла на себя, какъ на мертвую; она, казалось ей, переживала вторую жизнь, о которой слышала отъ Мацци, королевскаго прокурора, спирита, поклонника Аллэнъ-Кардека и Сведенборга.

— Умереть, какъ этотъ индѣецъ доктора Фоллини, спокойно, безъ страданія, и никто не заподозритъ самоубійства. О, надо убѣдиться, вдругъ прибавила она.

Digitized by Google

Она налила нѣсколько капель спирту въ пузырекъ съ кураре и быстро пошла въ гостинную, гдѣ пѣла канарейка, открыла дверцу въ клѣткѣ, и прирученная птичка, по обыкновенію вылетѣла и нѣжно стала клевать ея руку. Когда Гіацинта кольнула ее отравленной иголкой, канарейка едва почувствовала это. Она поклевала кусочекъ сахару, размоченнаго въ водѣ; потомъ, вернувшись въ клѣтку, стала прыгать по жердочкамъ, протягивая шею къ питью, макая въ воду клювъ и поднимая его вверхъ, чтобы проглотить воду.

Гіацинта ждала, блѣдная, сжимая руки холоднѣе льда. Нѣсколько минутъ спустя, канарейка перестала прыгать. Примостившись на жердочкѣ, она ворочала головой, охваченная сонливостью и слабостью, проглядывавшими въ ея замедленныхъ движеніяхъ. Она вытянула лапку, потерла носикомъ перышки на груди; спрятала головку подъ крыло... и упала на полъ клѣтки.

Недвижная, съ сильно бьющимся сердцемъ, съ глазами полными слезъ, Гіацинта точно присутствовала при собственной агоніи.

— О!.. умереть такъ,—это все равно, что не умирать.

XIII.

Андреа вернулся поздно домой въ этотъ вечеръ.

— Приходила та горничная, что часто забѣгаетъ, сказала ему Эльвира.—Она настоятельно требовала васъ. Такъ какъ я ей сказала, что вы уѣзжаете въ 11 часовъ, она не хотѣла больше ждать. Но она еще придетъ.—Андреа не могъ удержаться отъ жеста досады.

— Вы не хотѣли, чтобы она знала? спросила Эльвира, обиженная.

— О, нѣтъ. Все равно, отвѣчалъ Андреа, взглянувъ на часы.

Его внезапный отъѣздъ былъ рѣшенъ наканунѣ, въ ночь, послѣ большаго выигрыша въ кафе „Пантера“.

Съ шестью тысячами лиръ онъ былъ свободенъ! Счастливый случай расторгнулъ послѣднее звено его цѣпи. Уѣхать потихоньку, не оставивъ слѣдовъ за собою, затеряться въ

Digitized by Google

Миланѣ, въ Туринѣ, Неаполѣ, въ большомъ городѣ, и трудиться тамъ—онъ ничего другаго не желалъ... Былъ ли бы онъ увѣренъ въ своей твердости, еслибы Гіацинта узнала его намѣреніе?

Потому то онъ и уѣзжалъ, какъ преступникъ, желающій скрыться отъ розысковъ полиціи. Ему все это казалось еще невѣроятнымъ. Эльвира, почти поправившаяся и похорошѣвшая, стояла въ дверяхъ и смотрѣла, какъ онъ оглядывался кругомъ, прежде чѣмъ закрыть чемоданы.

— Когда вы вернетесь, сказала она,—вы всегда найдете у насъ комнату, даже еслибы я сама должна была уступить вамъ свою. Маленькая жертва въ сравненіи съ вашими замѣчательными фокусами!..

— Кто не умираетъ, тѣ свидятся, отвѣчалъ Андреа, поглядывая на часы.—Вы меня скоро позабудете, это естественно. Но для меня забыть васъ не такъ легко, повѣрьте мнѣ... Кучеръ акуратенъ! прибавилъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, едва разслышавъ шумъ кареты, подъѣхавшей къ дому.

Эльвира взяла свѣчку и пошла открыть двери носильщику, который долженъ былъ унести чемоданы.

— Уѣхалъ? тревожно спросила Гіацинта, не переступая порога.

И она подозрительно поглядѣла на Эльвиру, которая, покраснѣвъ, пошла со свѣчею впереди въ комнаты Андреа. Гіацинта не дала ей доложить о себѣ; бросилась впередъ и, быстро пройдя гостинную, заперла за собою дверь спальни, гдѣ находился Андреа. Онъ поблѣднѣлъ, но не двинулся съ мѣста.

— Зачѣмъ ты уѣзжаешь?

— Молчи. Не возвышай голоса.

— Не бойся. Я не для того пришла, чтобы сдѣлать тебѣ сцену. Я знаю, что все кончено между нами. Но... уѣхать такъ, потихоньку... О, это низость!

Она бросила въ уголъ вуаль и шаль.

Спинка стула, на который она облокотилась, скрипѣла.

— Ты нехорошо поступилъ. Ты бы долженъ былъ лично подтвердить то, что я тебѣ столько разъ говорила, что читала въ твоемъ сердцѣ. Зачѣмъ ты лгалъ? Зачѣмъ теперь ты

Digitized by Google

оскорбительно бросаешь меня на жертву врагамъ моимъ, издѣвавшимся мнѣ прямо въ лицо единственно изъ-за твоей любви? Сознайся: ты собираешься сдѣлать непростительную подлость. Развѣ я тебя держала въ цѣпяхъ, а не въ объятіяхъ любовницы? Развѣ я злоупотребляла твоею любовью? Развѣ ты не зналъ—или такъ скоро забылъ, что я изъ тѣхъ, которыя, разъ отдавшись, отдаются навсегда?

— Не говори громко, бормоталъ Андреа. Его мучилъ страхъ, что Эльвира изъ женскаго любопытства могла подслушать ихъ.

— Ты останешься, не правда ли? продолжала Гіацинта, ближе придвигаясь къ нему.—На недѣлю, на два, на три дня, пока мы не найдемъ предлога? По крайней мѣрѣ, сдѣлаемъ видъ, что разстаемся друзьями. Я буду спокойна; я пересилю себя. И мы избѣжимъ скандала. Остаешься ты? Отвѣчай мнѣ. Остаешься?

— Да... да...

— Ты не лжешь?

— Я останусь; клянусь тебѣ.

— Хорошо. Ни одного упрека ты не услышишь отъ меня. Къ чему еще обманывать себя? Это было бы глупо. Съ этой минуты ты свободенъ; поступай, какъ хочешь. Кажется, я не требовательна.

Она положила руку ему на плечо. Андреа отодвинулся.

— Не бойся! сказала она.—Это рука друга, который хочетъ поблагодарить тебя за любовь. Жестокая судьба женщинъ! Мы должны быть благодарны даже за зло, которое вы, мужчины, воздерживаетесь нанести намъ! Молчи. Не старайся оправдать себя... Такъ должно было случиться! И со мною могло это быть; но я была бы искренна. Я бы тебѣ сказала: я не люблю тебя больше, разойдемся. И безъ лицемѣрія, безо лжи, все было бы покончено. Но теперь и такъ все покончено... Кто бы могъ думать?.. И вотъ случилось же! Что жъ такое! Мы испытали такія глубокія радости, которыхъ не выразить словами. Что жъ такое, если теперь все кончается навсегда? Будемъ жить воспоминаніями. Кто забываетъ прошлое, тотъ въ то же время умерщвляетъ частицу себя...

Андреа, ожидавшій совершенно другаго, былъ удивленъ.

Digitized by Google

Этотъ голосъ, въ которомъ слышались сдерживаемыя рыданія, эти губы съ грустною улыбкой, эти безсознательно двигающіеся пальцы немного смягчили эгоистическую суровость, которою онъ вооружился при ея появленіи.

— Какъ ты добра! сказалъ онъ.—Присядь!—Ему было даже совѣстно, что онъ ее не любитъ больше; и онъ чувствовалъ укоры совѣсти за свое намѣреніе уѣхать тайкомъ отъ нея.

— Значитъ, ты не уѣдешь, сказала Гіацинта.—И ты еще разъ покажешься у меня въ домѣ всѣмъ этимъ людямъ, которые считаютъ насъ влюбленными и счастливыми! Оставимъ ихъ въ этомъ заблужденіи. Не оскорбляй меня...

— Я останусь; два-три дня, даже больше, сколько ты хочешь. Придумаемъ предлогъ; ты правду говоришь.

Онъ хотѣлъ угодить ей; этого требовала справедливость. Бѣдная женщина заслужила эту маленькую жертву, заслуживала еще большаго.

— Присядь, сказалъ онъ, взявъ ее за руку.

— Нѣтъ, отвѣчала Гіацинта, пристально разглядывавшая чемоданы, приготовленные къ отъѣзду.

— Какъ ты добра!.. Я заставлялъ тебя страдать... Но знай, что я также страдалъ сильно! Еслибы у меня достало духу... признаться тебѣ...

— Слушай, Андреа, перебила его Гіацинта. Это капризъ съ моей стороны... Я тебя умоляю, дай мнѣ доказательство, что ты сдержишь свое обѣщаніе... Разбери эти чемоданы на моихъ глазахъ... Не хочешь?

Андреа, въ отвѣтъ, подалъ ей ключи. И въ то время, когда лихорадочныя руки Гіацинты вынимали всѣ вещи, бросая одежду, рубашки, жилеты куда попало,—на кровать, на кресла, на столикъ,—онъ чувствовалъ странное ощущеніе, точно у него внутри что-то оборвалось; онъ начиналъ раскаиваться, что такъ легко уступилъ этому женскому капризу

Опорожнивъ одинъ чемоданъ, Гіацинта сейчасъ же открыла другой; и снова полетѣли во всѣ стороны панталоны, подтяжки, галстуки, перчатки, ботинки, щетки, книги...

— Вотъ! воскликнула она, улыбаясь и съ лихорадочною веселостью оглядывая комнату, въ которой все было перерыто.

Digitized by Google

— А теперь пойдемъ.

Андреа подалъ ей шаль. Закутавъ голову вуалью, Гіацинта вдругъ точно что-то вспомнила.

— Кто эта кукла?.. Та, что открыла мнѣ дверь?

— Это дочь хозяйки. Настоящая кукла, прибавилъ онъ, поблѣднѣвъ подъ взглядомъ Гіацинты.

Она быстро увлекла его за собою, точно добычу, сама хорошенько не сознавая, для чего уводитъ его.

— Онъ долженъ принадлежать ей до послѣдней минуты.

Она ни о чемъ другомъ не думала, прижимаясь къ его рукѣ; зубы стучали у нея, она дрожала отъ ледянаго холода во всемъ тѣлѣ, въ припадкѣ безумія, охватившаго ея мозгъ. У подъѣзда Андреа остановился.

— Ты не войдешь? спросила она, не довѣряя ему.

— Черезъ десять минутъ. Мнѣ нужно дать знать, что отъѣздъ отложенъ; мнѣ не хочется, чтобы мой пріятель понапрасну прошелся проводить меня.

Гіацинта удержала его за руку, смотря ему въ лицо.

— Черезъ десять минутъ, отвѣчалъ Андреа, успокоивая ее пожатіемъ руки.

— Поторопись же.

Гіацинта немного постояла на подъѣздѣ, провожая взглядомъ Андреа, поспѣшно удалявшагося.

Все кончено. Она насилу поднялась на лѣстницу. Она ощупывала свой ледяной лобъ и руки; но внутри чувствовала невыносимый жаръ, который жегъ ей кровь.

Проходя мимо комнаты графа, она на минуту остановилась; затѣмъ открыла дверь.

Баптистъ, фамильярно разсѣвшійся возлѣ графа, положивъ локти на столикъ, за которымъ тотъ ужиналъ, всталъ сконфуженный, при неожиданномъ появленіи графини, пробормотавъ извиненіе. Гіацинта сдѣлала ему знакъ, чтобы онъ оставилъ ихъ однихъ.

Графъ, обернувшись посмотрѣть, кто вошелъ, продолжалъ жевать, чавкая губами, и пристально глядѣлъ на нее.

— Джуліо! сказала Гіацинта, опускаясь на колѣни подлѣ него.

Графъ вытеръ ротъ салфеткою, положилъ руку ей на голову, стараясь узнать ее, и любезно отвѣчалъ:

Digitized by Google

— Что вамъ угодно?

— Джуліо, я умираю!.. Прости меня!

Она рыдала, цѣлуя его исхудалыя руки.

Онъ продолжалъ смотрѣть на нее, не понимая.

— Ступайте! сказалъ онъ. И снова принялся за ѣду.

XIV.

Сдѣлавъ шаговъ пятьдесятъ, Андреа оглянулся кругомъ, чтобы убѣдиться, что онъ точно свободенъ. Быстрая реакція совершалась въ немъ.

Подлецъ! Онъ, значитъ, неспособенъ выполнить намѣреніе. Онъ не мужчина, а животное, скотина!

Онъ жестикулировалъ, стучалъ каблуками, точно хотѣлъ съ досады затоптать себя собственными ногами.

— Нѣтъ, онъ не долженъ возвращаться. Онъ слишкомъ много сдѣлалъ для этой женщины... Онъ обезчестилъ себя, покрылъ позоромъ... Любовь, страсть извиняли его сначала... Но теперь! Подлецъ, ступай домой, уложи чемоданы; тотчасъ же уѣзжай.—Въ ушахъ у него раздавался свистъ паровоза и шумъ вагоновъ, готовыхъ тронуться... И онъ почти побѣжалъ, не обращая вниманія на людей, на которыхъ наталкивался, точно лавки и кафе, гдѣ тушили огни, погоняли его.

Какъ онъ очутился у „Старыхъ воротъ“, передъ таможенною заставою, онъ самъ не понималъ.

Какимъ образомъ онъ попалъ сюда? Сплошной туманъ медленно надвигался, окутывая улицу, обволакивая римскую арку воротъ и дома на площади, повиснувъ на фонаряхъ, которые, казалось, тухли въ этомъ тяжеломъ, двигающемся туманѣ.

Площадь была пуста. Таможенный караульный, ходившій взадъ и впередъ, казался чернымъ призракомъ, постепенно исчезавшимъ въ туманѣ. Андреа безсмысленно поглядѣлъ на него, не рѣшаясь, идти ли дальше, или вернуться.

Громадныя тѣни сгустились подъ аркою воротъ; голоса и звуки неслись изъ тумана, который едва освѣщали фонари. Андреа посторонился, чтобы пропустить телѣги, которыя тя-

Digitized by Google

жело двигались, покачивая фонаремъ, еле замѣтнымъ между черными колесами, за ногами лошадей... Какъ все это было мрачно, зловѣще...

Но у него вырвалась рѣшительная фраза:

— Покажу твердость.—Онъ снова колебался.—Зачѣмъ онъ обѣщалъ?.. Бѣдная Гіацинта!.. Она казалась такой покорной! Она его ждала теперь съ нетерпѣніемъ...

И онъ повернулъ назадъ, раздумывая: идти или не идти?

— Теперь ужь поздно... Дождь... меня насквозь пронизала сырость... Пойду завтра. Я извинюсь!

XV.

Когда на другой день, утромъ, синьора Эмилія, которая ничего не знала, сказала ему: „графиня Гриппа умерла, ее нашли мертвой въ ея комнатѣ“... Андреа былъ пораженъ, точно онъ чувствовалъ себя виновнымъ въ убійствѣ.

— Умерла!

Онъ заплакалъ, запершись у себя въ комнатѣ съ ея портретомъ передъ глазами.

— Умерла!

Онъ не могъ повѣрить этому. Ему казалось это невѣроятнымъ!

Но онъ почувствовалъ глубокое облегченіе.

Конецъ.

Digitized by Google

Пѣсня.

Въ мірѣ желѣза и стали.....
Тамъ, въ глубинѣ рудниковъ,
Пѣсни тоски и печали
Спорятъ со звукомъ оковъ.
Слышенъ ударъ дровосѣка,
Пѣсни въ лѣсу раздались,
Пѣсни о горѣ—отъ вѣка
Съ стономъ деревьевъ слились.
Выдешь въ широкое поле,
Слышатся снова тебѣ
Пѣсни о женской неволѣ,
Пѣсни о женскомъ трудѣ.
. . . . . .
Пѣсни несутъ примиренье
Съ тяжестью горя и бѣдъ.
....Тамъ, гдѣ могилы и тлѣнье,
Тамъ лишь не слышится пѣнье,
Но вѣдь.... и жизни тамъ нѣтъ!

Ф. Филимоновъ

Digitized by Google

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОЧЕРКИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Порнографическій элементъ французской беллетристики.—Протестъ противъ послѣдняго романа Золя.—Цинизмъ самого протеста.—Поль Боннетенъ и его романы.—Кающійся порнографъ, возстающій противъ своего учителя.—Жакъ Рони и его произведенія.—Типы Армана Сильвестра.—Послѣдніе разсказы Мопассана.—Спиритизмъ во французской и англійской литературѣ.—Кто такой Захеръ-Мазохъ?—Новый итальянскій романистъ.—Нравы свѣтскаго общества въ Италіи.—Типы матерей — итальянки, англичанки и француженки.—Можно ли осуждать произведеніе единственно за цинизмъ выраженій?—Цинизмъ древнихъ классиковъ.—Школа декадентовъ.—Наслѣдникъ Виктора Гюго во французской академіи.—Рѣчи Леконта де-Лиль и Дюма о сущности поэзіи и значеніи Гюго.

Въ нашихъ очеркахъ современной французской беллетристики намъ не разъ приходилось говорить о преобладаніи въ ней эротическаго или, какъ теперь принято выражаться: порнографическаго элемента. Распространеніе, въ послѣднее время, произведеній, бьющихъ прямо на возбужденіе грубой чувственности, грязныхъ, нерѣдко противоестественныхъ страстей—печальный, но, тѣмъ не менѣе, неоспоримый фактъ. Направленіемъ этимъ литература обязана, безспорно, французской школѣ реализма или натурализма, во главѣ которой стоитъ Эмиль Золя. Послѣдній романъ его «Земля» не могъ явиться на русскомъ языкѣ по причинѣ крайняго цинизма, хотя въ переводѣ, конечно, исключались не только отдѣльныя циничныя выраженія, но и цѣлыя сцены. Романъ возбудилъ протестъ не только въ литературѣ, но и въ правительственныхъ кружкахъ Франціи. Тамъ хотѣли даже вовсе запретить продажу его, но одумались во-время, понявъ, что запрещеніе только придастъ больше значенія, увеличитъ тайный сбытъ его, заставитъ прочесть его даже тѣхъ лицъ, которыя не обратили бы на него вниманія. Но въ «Figaro», газетѣ, не отличающейся порядочностью и чистоплотностью своихъ статей, появился протестъ пяти литераторовъ, принадлежащихъ къ натуралистической школѣ. «Всѣми силами рабочей литературной молодежи и честнаго артистическаго чувства» эти господа протестуютъ «противъ литературы, лишенной

Digitized by Google

благородства, во имя здраваго самолюбія, во имя нашего культа, во имя глубокой любви и высокаго уваженія къ искусству». Еслибы протестанты отнесли эти громкія фразы къ послѣднему роману Золя, можно было бы еще повѣрить ихъ искренности. Но они придрались къ «Землѣ» для того, чтобы возстать противъ всей дѣятельности даровитаго писателя. Они указываютъ на его цинизмъ и наклонность изображать спеціально одну чувственную сторону жизни во всей серіи романовъ, изображающихъ семейство Ругоновъ-Макаръ. Но, уснащая свой протестъ указаніями на «безстыдство и грязную терминологію» всѣхъ произведеній Золя, негодующіе защитники цѣломудрія, въ объясненіи этой наклонности писателя, прибѣгаютъ къ такимъ выраженіямъ, которыя умѣстны въ патологическомъ изслѣдованіи, а не въ литературной оцѣнкѣ. Такъ, они приписываютъ эротизмъ Золя—болѣзни «des bas organes de l'écrivain ou sa manie monacale». Приводятъ даже слова самого романиста, неизвѣстно гдѣ сказанныя: «Ругонъ-Макаръ» покупали болваны (les imbéciles), увлекаясь не литературными достоинствами, а тѣмъ, что народный голосъ создалъ имъ порнографическую репутацію». Затѣмъ въ протестѣ идутъ упреки писателю за его заботы о продажѣ своихъ романовъ и разоблаченія его частной жизни, сопровождаемыя тѣми же медицинскими намеками: «въ началѣ онъ жилъ уединенно и преувеличивалъ воздержаніе, сперва по необходимости, потомъ изъ принципа. Въ молодости онъ былъ очень бѣденъ и очень застѣнчивъ, и женщина, которую онъ не зналъ въ возрастѣ, когда ее нужно знать, возбуждаетъ въ немъ ложныя представленія. Кромѣ того, болѣзнь, которою онъ страдаетъ, можетъ нарушать равновѣсіе въ извѣстныхъ функціяхъ, заставляя его преувеличивать ихъ значеніе. Быть можетъ, Шарко и другіе врачи нервныхъ болѣзней могли бы опредѣлить свойства болѣзни Золя». О самой «Землѣ» говорится слѣдующее: «въ романѣ—поверхностная наблюдательность, вышедшіе изъ моды пріемы, банальная форма разсказа, лишенная меткихъ характеристикъ; но грязная нота еще повышена и доведена до такихъ низкихъ сальностей (à des saletés si basses), что по временамъ чувствуешь себя передъ коллекціей порнографическихъ картинокъ. Художникъ опустился на дно помойной ямы (au fond des immondices). Мы энергично отталкиваемъ (répudions) эту выставку безстыдства... Нужно, чтобы общественное мнѣніе поразило «Землю».

Не слышится ли во всѣхъ этихъ напыщенныхъ фразахъ, въ этомъ бросаніи грязи въ частную жизнь писателя—явная фальшь, неискренность, озлобленіе мелкихъ завистливыхъ натуръ противъ крупнаго дарованія? И кто такіе эти протестанты, принявшіе на себя роль «цензоровъ нравовъ», censores morum? Они далеко не принадлежатъ къ первокласснымъ писателямъ современной Франціи. Изъ нихъ только Поль Боннетенъ и Жакъ Рони принадлежатъ къ сколько нибудь выдающимся бел-

Digitized by Google

летристамъ. Остальные—Деказъ, Маргеритъ, Гишъ—не болѣе какъ бездарныя посредственности. Всѣ они называютъ себя учениками Золя и возстали противъ своего учителя, когда онъ въ послѣднемъ своемъ романѣ перешелъ, по ихъ словамъ, границы цинизма. Золя отрекся отъ нихъ и заявилъ въ печати, что никогда не имѣлъ съ ними ничего общаго. Это однако же не вѣрно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ Полю Боннетену, доказавшему выписками изъ корреспонденціи съ учителемъ свою близость къ нему. Но кто же самъ онъ, этотъ строгій обличитель цинизма? Свое литературное поприще онъ началъ семейнымъ романомъ «Шарло забавляется» («Charlot s'amuse») на тему извѣстнаго порока, сопровождающаго раннее физическое развитіе нѣкоторыхъ натуръ. Романъ былъ полонъ такими грязными подробностями, что автора судили за оскорбленіе общественной нравственности и приговорили къ тюремному заключенію, конфисковавъ экземпляры, оставшіеся непроданными. Боннетенъ избѣжалъ однако наказанія, отправившись въ Тонкинъ военнымъ корреспондентомъ, такъ какъ онъ служилъ во флотѣ и былъ хорошимъ моряком. О тонкинской экспедиціи онъ писалъ интересныя письма, печатавшіяся въ «Figaro». Въ этой же новозавоеванной Франціею странѣ происходитъ дѣйствіе его романа «Опіумъ», о которомъ мы говорили въ одномъ изъ нашихъ предъидущихъ «очерковъ». Но, несмотря на блестящія подробности и прекрасный языкъ этого романа, имѣвшаго большой успѣхъ, во многихъ мѣстахъ разсказа замѣтны слѣды медицинско-порнографическаго направленія романа «Шарло». Потомъ онъ сталъ писать въ газетѣ «GilBlas» экзотическіе разсказы изъ далекихъ странъ, но перенесенныя на берега Менонга и Ганга похожденія его героинь, баядерокъ и разныхъ темнокожихъ красавицъ ничѣмъ не отличаются отъ приключеній парижскихъ бульварныхъ дамъ и составляютъ только особый родъ этнографической порнографіи. А жены его героевъ, въ Индо-Китаѣ точно также, какъ на ихъ родинѣ, слѣдуютъ культу свободной любви, въ то время, какъ мужья занимаются послѣдними научными опытами, не исключая опытовъ Пастёра. Перейдя изъ «Жильблаза» въ «Фигаро», Боннетенъ заключилъ свою полемику съ Золя въ этой газетѣ публичнымъ покаяніемъ въ своихъ порнографическихъ грѣхахъ. Онъ не только отрекся отъ своего «Шарло», но сознался, что натуралистическія подробности романа не основаны на наблюденіяхъ, а просто сочинены съ цѣлью поддѣлаться къ дурнымъ инстинктамъ читателей и этимъ содѣйствовать большему сбыту своего романа. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Боннетенъ отказался отъ авторскихъ правъ на это произведеніе и пожертвовалъ гонораръ за него въ кассу общества французскихъ писателей. Все это, однако, не доказываетъ искренности ни его обращенія, ни протеста противъ Золя.

Изъ другихъ протестантовъ, можетъ быть, искреннѣе, но, во всякомъ случаѣ, даровитѣе Жакъ Рони, всего два года тому назадъ вступившій

Digitized by Google

на литературное поприще. Первый романъ его «Nell Horn» изъ лондонскихъ нравовъ прошелъ незамѣченнымъ публикою, но оцѣненъ знатоками и представителями литературы. Гонкуръ, обыкновенно очень умѣренный въ похвалахъ, объявилъ, что во Франціи явился новый, сильный талантъ. Золя и Додэ отнеслись съ большимъ сочувствіемъ къ молодому собрату. «Нель Горнъ» рисуетъ картину соціальной жизни въ Англіи едва ли не лучше англійскихъ писателей. Рони семь лѣтъ прожилъ въ Англіи и имѣлъ возможность близко изучить ее. Содержаніе романа не сложно. Нелли—дочь приличнаго джентльмена, держащаго себя безукоризненно въ обществѣ, но грубаго деспота въ семейной жизни и вдобавокъ напивающагося втихомолку, по англійски. Дочь его — натура полумечтательная, полупрактическая, стремящаяся къ истинѣ, нервная, честная, съ твердымъ характеромъ. На митингѣ въ Гайдъ-паркѣ, она увлекается проповѣдью оратора сальваціонистовъ и вступаетъ въ эту армію спасенія, описанную авторомъ гораздо лучше, чѣмъ Альфонсомъ Додэ. Скоро разочаровавшись въ этихъ бездушныхъ сектантахъ, она оставляетъ ихъ, живетъ жалкою жизнью бѣдной швеи, влюбляется въ пріѣзжаго француза, но тотъ, сдѣлавъ ее матерью, бросаетъ ее. Она борется съ нищетой и, чтобы спасти ребенка отъ голодной смерти, продается первому встрѣчному. Все это не ново по мысли, но разсказано вполнѣ художественно. Выводя на сцену своихъ героевъ, Рони не разсказываетъ ихъ прошлой жизни, но рисуетъ ихъ такъ рельефно съ первой встрѣчи, что они кажутся давно знакомыми лицами. Онъ относится къ нимъ безпристрастно, находитъ симпатичныя черты и въ пьяницѣ Горнѣ, и въ его злой, невѣжественной женѣ, и во французѣ Жюстѣ, неглупомъ, даже нѣжномъ обольстителѣ Нелли. Каждый человѣкъ извиняетъ свои поступки и считаетъ себя правымъ съ своей точки зрѣнія. Второй романъ Рони «Bilateral» изображаетъ вѣрную картину всѣхъ оттѣнковъ французскихъ революціонеровъ. Это глубокій соціальный этюдъ, въ которомъ всѣ подробности—плодъ всесторонняго наблюденія. И во всѣхъ произведеніяхъ Рони нѣтъ и слѣда порнографическаго направленія. Въ этомъ отношеніи онъ одинъ имѣлъ полное право подписать протестъ противъ Золя, тогда какъ остальные четверо писителей грѣшатъ тѣмъ же, въ чемъ упрекаютъ своего учителя, а одинъ изъ нихъ, возставая противъ цинизма Золя, печатаетъ, подъ псевдонимомъ въ Брюсселѣ, гораздо болѣе откровенные циническіе разсказы.

Во главѣ порнографической школы, далеко превосходящей Золя своимъ цинизмомъ, противъ котораго однако же никто не протестуетъ, французская критика ставитъ Мопассана, Катулла Мендеса и Армана Сильвестра. Послѣдній изъ нихъ, два раза въ недѣлю, пишетъ въ «Жильблазѣ» разсказы въ тонѣ Рабле, называя себя его духовнымъ потомкомъ. Сильвестръ началъ писать стихи нѣжные и сантиментальные. Ихъ никто не читалъ. Теперь стоитъ ему прекратить на недѣлю свои разсказы въ га-

Digitized by Google

зетѣ—и ее заваливаютъ просьбами о продолженіи всѣмъ нравящихся очерковъ, дѣйствительно занимательныхъ, написанныхъ бойко и остроумно. Онъ создалъ даже своего рода популярные типы, повторяющіеся теперь въ его разсказахъ. Это майоръ Ларинетъ, постоянно подвергающійся супружескимъ непріятностямъ, вслѣдствіе слишкомъ частыхъ увлеченій супруги своей. Эта комическая чета, въ сопровожденіи друга дома, храбраго адмирала, участвуетъ въ самыхъ невѣроятныхъ приключеніяхъ, показывается читателямъ въ самыхъ невозможныхъ положеніяхъ, гдѣ порнографія играетъ, конечно, преобладающую роль. Даровитый Катуллъ Мендесъ также съ каждымъ новымъ своимъ произведеніемъ дѣлается все болѣе ревностнымъ жрецомъ ея. «Наблюдатель» не разъ знакомилъ своихъ читателей съ болѣе скромными разсказами этого писателя, мастерски рисующаго современное французское общество—и представлять оцѣнку романиста было бы излишне.

Знакомъ имъ также и Гюи-де-Мопассанъ, другъ Флобера, издатель его посмертныхъ трудовъ, разошедшійся съ Эмилемъ Золя, съ тѣхъ поръ какъ романы ученика стали читаться больше, чѣмъ романы учителя. Этотъ чрезвычайно талантливый разскащикъ,—богатый аристократъ, бонвиванъ большаго свѣта, спортсмэнъ, обладающій не только роскошными яхтами, на которыхъ пускался въ далекія моря, но и собственнымъ воздушнымъ шаромъ, на которомъ совершаетъ смѣлые полеты за облака,—печатаетъ дѣйствительно въ «Жильблазѣ» необыкновенно грязные очерки, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, занимается разработкою медіумическихъ, гипнотическихъ и вообще таинственныхъ явленій, занимающихъ теперь, наряду съ соціальными вопросами, европейскую литературу. Въ сентябрьской книгѣ нашего журнала мы помѣстили образцы новѣйшей французской, англійской, польской, нѣмецкой и итальянской литературы, по которымъ читатели могутъ судить о ея современномъ направленіи. Въ своихъ очеркахъ Мопассанъ является краснорѣчивымъ обличителемъ народнаго суевѣрія (въ разсказѣ «Чортъ») и общественнаго неустройства, лишающаго хорошаго рабочаго возможности добыть честнымъ трудомъ кусокъ хлѣба (разсказъ «Бродяга»); но еще болѣе оригинальнымъ является писатель, вторгаясь въ область спиритизма и медіумизма, изображая ощущенія духовидца. Послѣдній разсказъ его «Horla», основанный на преслѣдованіи человѣка враждебнымъ ему духомъ, переданъ у насъ въ сокращенномъ видѣ, подъ названіемъ «Невидимый». Спиритизмъ играетъ также выдающуюся роль и въ романѣ мистриссъ Брэддонъ, развязка котораго основана на двусмысленномъ изреченіи спиритки, напоминающемъ отвѣты древнихъ оракуловъ. Отъ этихъ стремленій къ таинственному далеки—полные грустнаго реализма, хотя и не лишеннаго доли сантиментальности,—разсказы польскихъ писательницъ Остоя и Запольской, и нѣмецкихъ романистовъ: Эберса, представляющаго намъ картины своего излюбленнаго Египта въ

Digitized by Google

эпоху, мало изслѣдованную исторіей, въ эпоху владычества арабовъ, или Захера Мазоха, мастерски рисующаго типы лживаго племени, не исполняющаго даже религіозныхъ предписаній своихъ раввиновъ, а тѣмъ болѣе не стѣсняющагося исполненіемъ христіанскихъ постановленій. Разсказы этого писателя отличаются такимъ знаніемъ малѣйшихъ сторонъ еврейскаго быта, что многіе считали его самого евреемъ. Теперь, печатая свои воспоминанія въ газетѣ «Gaulois», Захеръ Мазохъ говоритъ, что онъ—католикъ испанскаго происхожденія. Предки его переселились въ Чехію при Карлѣ V. Въ XVIII вѣкѣ, одинъ изъ нихъ, Захеръ, занималъ важный административный постъ въ Галиціи, уже послѣ раздѣла Польши. Сынъ этого Захера былъ начальникомъ полиціи во Львовѣ и женился на г-жѣ Мазохъ, матери писателя, имя которой присоединилось къ фамильному прозванію Захера, часто встрѣчающемуся у мавровъ. Знаніе русскаго быта писатель пріобрѣлъ съ дѣтства отъ своей кормилицы, малорусской крестьянки; нравы поляковъ и евреевъ изучилъ, живя въ Галиціи. Впрочемъ, горячо открещиваясь отъ обвиненій въ юдофильствѣ, писатель все таки остается въ сильномъ подозрѣніи, что въ жилахъ его течетъ частичка и еврейской крови, унаслѣдованная отъ отдаленныхъ предковъ.

Публика наша, вообще мало знакомая съ современнымъ итальянскимъ романомъ, безъ сомнѣнія, обратитъ вниманіе на произведеніе молодаго писателя, рисующаго нравы нынѣшняго итальянскаго общества. Луиджи Капуана—писатель очень молодой—(имени его нѣтъ ни въ одномъ біографическомъ словарѣ писателей, кромѣ итальянскаго, Анджело де-Губернатиса)—но онъ пользуется бо̀льшею популярностью на своей родинѣ и его «Giacinta» возбудила даже полемику въ литературныхъ изданіяхъ. Строгіе пуристы были недовольны реалистическими подробностями романа въ духѣ Золя и, въ особенности, вовсе не поучительными сценами семейныхъ отношеній свѣтскихъ итальянскихъ кружковъ. Романъ рисуетъ, дѣйствительно, не въ привлекательномъ видѣ итальянцевъ нашего времени. Нравы ихъ никогда не отличались строгостью и чичисбеи принадлежатъ къ доморощеннымъ типамъ Италіи еще съ XVII вѣка. Но мы такъ мало знаемъ домашнюю жизнь ея интелигенціи, что вѣрная картина ея нравовъ не можетъ не интересовать насъ, особенно если она изображена такъ живо и типично, какъ въ романѣ Капуана, не останавливающагося на сценахъ распущенности этихъ нравовъ. Но портреты не только главныхъ, а и второстепенныхъ лицъ романа до того характеристичны, что невольно остаются въ памяти. Нравы свѣтскаго общества почти одни и тѣ же во всѣхъ странахъ, и итальянское немногимъ отличается отъ французскаго, а если англійскіе писатели представляютъ лицъ своего высшаго круга безупречными, то вѣдь мы знаемъ по разоблаченіямъ самихъ же англичанъ, что эти герои строгой нравственности чаще всего—не болѣе какъ герои лицемѣрія. Національность кладетъ только особый мѣстный колоритъ на

Digitized by Google

эти типы и заставляетъ ихъ поступать различно въ одинаковыхъ житейскихъ отношеніяхъ. Взглянемъ хоть на типъ свѣтской матери у трехъ націй. Въ то время, когда мать-итальянка не вмѣшивается въ вопросъ о замужствѣ своей дочери, также какъ и въ ея отношенія къ чичисбею, мать-англичанка ревниво охраняетъ прерогативы своей касты и дѣлаетъ все возможное, чтобы помѣшать ея сыну, пэру Англіи, вступить въ неравный бракъ. Когда же она убѣждается, что ея высокомѣрное, даже тираническое обращеніе съ дѣвушкою, которую любитъ лордъ Лашмаръ, не убиваетъ этой любви, а сынъ страдаетъ отъ бѣгства Стеллы, леди переламываетъ себя, свою гордую натуру, сама ѣдетъ за бѣглянкой и водворяетъ ее у себя въ домѣ, какъ родную дочь. Такъ ли поступаетъ мать-француженка въ подобныхъ же обстоятельствахъ? Въ романѣ талантливаго Шарля Ломона, печатающемся въ нынѣшней книжкѣ «Наблюдателя», г-жа Меранъ, изъ выгодъ, для того чтобы сынъ ея составилъ богатую партію, губитъ всю его будущность. Соглашаясь по неволѣ на бракъ его съ любимою дѣвушкою, потому что не можетъ помѣшать ему, она обѣщаетъ сыну, когда онъ долженъ уѣхать, что будетъ обращаться съ Луизою, какъ съ его невѣстой, и вмѣсто того, при первомъ же разговорѣ съ нею, доводитъ Луизу до того, что та отказывается отъ своего жениха. Изъ сопоставленія этихъ типовъ матерей трехъ различныхъ національностей можно вывести поучительную характеристику.

Всѣ эти романы далеки отъ модной порнографіи, равно и обвиненія въ стремленіи къ ней Эмиля Золя кажутся намъ преувеличенными. Ея, дѣйствительно немало въ «Землѣ», какъ и въ другихъ его романахъ, но нигдѣ она не составляетъ цѣли книги, а только средство къ произведенію эффекта въ картинахъ, ярче изображающихъ жизненный реализмъ. Картины эти можно смягчить и выбросить вовсе, что̀ мы и сдѣлали въ переводѣ первыхъ же сценъ романа и что̀ легко было сдѣлать въ послѣдующихъ сценахъ безъ малѣйшаго ущерба для интереса и главной цѣли романа. А цѣль эта—вѣрное изображеніе нравовъ французскихъ крестьянъ—заслуживаетъ серьезнаго вниманія моралиста и мыслителя. У Золя есть слабость къ циническимъ выраженіямъ и положеніямъ, но они никогда не играютъ главной роли въ его произведеніяхъ и изъ-за этихъ немногихъ мѣстъ не слѣдуетъ осуждать даровитаго писателя. Что̀ было бы съ греческою и римскою литературою, еслибы мы не изучали и не переводили ея изъ нежеланія встрѣтиться съ циническими выраженіями, которыхъ такъ много у всѣхъ древнихъ классиковъ? Вѣдь золотыя песчинки отыскиваютъ въ кучахъ грязи, и никакая грязь не замараетъ свѣтлой мысли и доброй цѣли. Въ ту минуту, какъ мы пишемъ эти строки, «Земля» еще не появилась въ отдѣльной книгѣ и мы поговоримъ о цѣли романа, когда онъ явится въ литературѣ въ цѣльномъ, законченномъ видѣ.

Да и каковы бы ни были недостатки натуралистической школы,

Digitized by Google

нельзя отрацать ни ея значенія во всемірной литературѣ, ни таланта ея представителей. Это не порнографическая школа, возбуждающая одно омерзеніе, и не школа «декадентовъ», заставляющая сомнѣваться въ здравомъ разсудкѣ ея послѣдователей. Мы говорили уже объ ней нѣсколько словъ въ нашихъ прежнихъ очеркахъ. Теперь Анатоль Божю издалъ разъясненіе ея ученія въ книгѣ, озаглавленной: «L'école décadente».

Книга эта однако разъясняетъ очень немного, и авторъ ея, взявшій на себя роль провозвѣстника новаго ученія, излагаетъ его очень темно и запутанно. Прежде всего онъ утверждаетъ, что декаденты—не романтики и не натуралисты, «корпящіе надъ матеріей, роющіеся въ грязи человѣчества и упивающіеся ея міазмами». Натуралистовъ особенно ненавидитъ новая школа, доказывающая свою прочность тѣмъ, что существуетъ вопреки всѣхъ нападковъ на нее. Совершенно новое доказательство à la Декартъ: «выдерживаю встрепку—стало быть, существую, ergo sum.». Божю считаетъ предшественникомъ этой школы—Бодэлера, ея основателями—Верленя, Малларме, Рембо; опредѣляетъ даже время ея появленія на свѣтъ: августъ 1885 года. Окрещена она была именемъ «декадентства» (собственно: упадка) въ кабакѣ за кружками пива. Нелестное прозваніе это, данное ей въ насмѣшку, школа приняла, съ цѣлью вскорѣ же доказать, какъ она далека отъ упадка. Она презираетъ землю, матерію, реальное; она—вся духъ, и передаетъ только внутреннія ощущенія, вибраціи сердца, эмоціи души. Область ея—чувствованія, но возвышенныя, моральныя, недоступныя грубой буржуазіи. Главный законъ ея произведеній—краткость. Она не создаетъ эпопей, драмъ, романовъ—только сонеты и коротенькіе разсказы.

Въ нихъ вы не встрѣтите описаній природы. Природа—тоже матерія, и потому недостойна воспѣванія. Впечатлѣніе слѣдуетъ передавать однимъ словомъ, однимъ крикомъ души. Изо всѣхъ частей рѣчи важнѣе всего—прилагательныя, и ихъ декаденты употребляютъ во множествѣ. Девизъ ихъ: анализъ сердца, синтезъ матеріи. Но, не желая поддѣлываться подъ грубые вкусы толпы, декаденты становятся непонятными, туманными, выражаются іероглифами или, скорѣе, ребусами, искажаютъ родной языкъ. Первые писатели, по ихъ мнѣнію, Барбе д'Орвильи и Поль Верленъ. Передъ ними Викторъ Гюго—ничто. Еще выше Морисъ дю-Плесси. «Этотъ Атлантъ, держащій на своихъ плечахъ міръ декадентовъ, еще почти ничего не написалъ, какъ истинный аристократъ, но зато нравится женщинамъ, несмотря на свои тонкія икры». Это говоритъ авторъ книги о декадентахъ—и, послѣ такой литературной оцѣнки, остается только пожелать, чтобы школа эта, возбудившая въ послѣднее время столько толковъ въ Парижѣ, не такъ скоро отправилась въ полномъ своемъ составѣ въ лѣчебницу душевныхъ болѣзней.

Въ то время, когда декаденты презрительно отзываются о великомъ

Digitized by Google

поэтѣ, все еще продолжающемъ занимать общественное мнѣніе во Франціи, академія выбрала ему наслѣдника. Посадивъ въ послѣднее время на вакантныя кресла—политика, финансиста и педагога, она избрала наконецъ и поэта. По смерти Корнеля, его мѣсто въ академіи было предложено брату его, Томасу. У Гюго не было братьевъ, его замѣнилъ Леконтъ де-Лиль, поэтъ холодный, классическій, риторическій. Онъ долженъ былъ по обычаю говорить о значеніи своего предшественника въ литературѣ. Ждали, что̀ можетъ онъ сказать о Гюго, и не скажетъ ли, пожалуй, свою рѣчь стихами, какъ сдѣлалъ это нѣкогда Кребильонъ, извиняясь въ своей неопытности—говорить прозой. Шестидесятивосьмилѣтній Леконтъ, попавшій наконецъ въ академію почти противъ ея желанія, далъ почувствовать въ своей рѣчи, что академія могла бы немножко раньше обратить вниманіе на его заслуги. Что она сдѣлала это слишкомъ поздно, когда заслуги эти, за давностью лѣтъ, обратились уже въ преданіе—объ этомъ поэтъ, конечно, не говорилъ. Уроженецъ острова Бурбонъ, только 27-ми лѣтъ познакомившійся съ цивилизаціей Парижа, онъ въ 1848-мъ году былъ революціонеромъ и лучшія его произведенія относятся къ этому времени. Съ тѣхъ поръ, получивъ отвращеніе отъ дѣятельности, отъ людей, отъ жизни, онъ создавалъ, въ своемъ уединеніи, только туманныя, холодныя пьесы, проникнутыя благоговѣніемъ къ древнему міру, потому что новый міръ не признавалъ поэта. Да и классическая древность была ему понятна только въ ея позднѣйшую эпоху. Онъ хорошо перевелъ Теокрита, плохо Гомера, и ему недоступны простота и величіе іонійскаго рапсода. Леконта называли эллиномъ, но онъ былъ только александріецъ временъ Птоломеевъ. Критика, въ лицѣ Поля Бурже и Жюля Леметра, считаетъ его философомъ, но его философія, не идетъ въ его «Трагическихъ поэмахъ», дальше названія среднихъ вѣковъ—«прòклятыми, черными годами страшнаго варварства», а въ исторіи онъ видитъ только инквизицію, варѳоломеевскую ночь и уничтоженіе нантскаго эдикта. Поэтъ проникнутъ ненавистью къ религіознымъ вѣрованіямъ—и это основная система его философіи. И въ своей академической рѣчи, не понявъ совершенно «Торквемады» Гюго, Леконтъ говоритъ: «предметы существуютъ и имѣютъ значеніе только для мозга, составившаго объ нихъ понятіе, и для глазъ, смотрящихъ на нихъ». Это перифразъ доктрины: «внѣ насъ не существуетъ ничего; міръ этотъ только кажущійся».

О добродушномъ деизмѣ Гюго Леконтъ отзывается съ пренебреженіемъ, какъ о «произвольномъ выводѣ религій, основанныхъ на откровеніи». Съ такой отрицательной точки зрѣнія, литература должна, конечно, казаться пустымъ занятіемъ, «плетеніемъ соломы заключенными въ темницѣ», какъ говоритъ Альфредъ де-Виньи, и однако Леконтъ ставитъ высоко поэзію, не признавая только, что главный источникъ ея въ сердцѣ, въ чувствительности—какъ утверждалъ Альфредъ Мюссе. Леконтъ находитъ, напротивъ,

Digitized by Google

что нѣжныя чувства недостойны великаго поэта, который долженъ относиться равнодушно къ житейскимъ треволненіямъ, быть безпристрастнымъ и объективнымъ, ставить выше всего соображенія разсудка. Леконтъ, однако, противникъ реалистической школы и превозноситъ только ту школу, которая опирается на творческую фантазію и на служеніе красотѣ.

По правиламъ академіи, новопринятому члену долженъ былъ отвѣчать Максимъ Дюканъ. Онъ отказался потому, что не симпатизируетъ Виктору Гюго. Эмиль Ожье и Жюль Симонъ отказались потому, что слишкомъ симпатизируютъ ему. Хотѣли прибѣгнуть къ Ренану, но остановились на Дюма. Возражали, что драматурги вообще плохіе эстетики и мало знакомы съ исторіей литературы. Сарду, при его избраніи въ академію, сообщилъ слушателямъ, что у грековъ было три трагика, и даже назвалъ ихъ по порядку. Но Дюма не только драматургъ—онъ моралистъ. И съ этой точки зрѣнія онъ прежде всего возсталъ противъ антирелигіозныхъ идей Леконта. Поэты не могутъ давать направленіе человѣчеству, воспитывать его, говорилъ Дюма: это могло быть въ ту эпоху, когда боги покидали всякую минуту Олимпъ, чтобы входить открыто въ сношенія съ людьми и тайно—съ женщинами. Но послѣ Гомера, поэмъ орфическихъ и ведаическихъ, явилась книга, содержаніе которой не наполнило бы и одной пѣсни Иліады или Рамаяны. Книга эта разсказывала удивительныя исторіи, предлагала ученіе самое чистое, самое разумное. Рапсоды изъ Іудеи проповѣдывали міру свою поэму, называя ее божественной, съ такимъ убѣжденіемъ, что скорѣе предпочитали умереть на крестѣ или въ циркѣ, чѣмъ отказаться отъ одного ея слова. Поэма Христа заставила позабыть всѣ прежнія поэмы, вдохновила такихъ людей, какъ Дантъ, Мильтонъ, Клопштокъ, Корнель, Расинъ, Гёте, Ламартинъ, Мюссе, Гюго. Дюма возсталъ и противъ поэзіи матеріалистической, занимающейся воспѣваніемъ смерти. «Я не вѣрю, говорилъ онъ, желанію умереть у тѣхъ, кто, выразивъ это желаніе, продолжаетъ жить. Смерть хороша, но человѣкъ всегда начнетъ съ того, что предпочтетъ ей жизнь». Дюма говорилъ и о непомѣрномъ самолюбіи Гюго, и о томъ, что онъ часто мѣнялъ убѣжденія, отвергалъ монархію и католицизмъ, потому что не хотѣлъ признать чье нибудь превосходство надъ собой. Все это только однѣ фразы. Гюго не завидовалъ никому, какъ Шатобріанъ завидовалъ Наполеону. Онъ перемѣнилъ только однажды убѣжденіе молодыхъ лѣтъ, когда увидѣлъ, сколько зла принесли Франціи Бурбоны и іезуиты, и 18 лѣтъ боролся съ другимъ Наполеономъ. Гораздо справедливѣе слова Дюма, которыми онъ закончилъ свой отзывъ о великомъ поэтѣ: «много камней упадутъ съ огромнаго зданія его произведеній; нѣкоторые уже трещатъ, даже изъ считавшихся вдѣланными болѣе прочно. Это возможно. Но это зданіе, состоящее изъ греческаго храма, изъ пагоды, изъ мечети, изъ феодальнаго замка,

Digitized by Google

готическаго собора, восточнаго базара, дворца эпохи возрожденія, вокругъ котораго сгруппировались крестьянскія избы, дома рабочихъ, хижины бѣдняковъ—это зданіе, такое грандіозное, живописное и причудливое, выступаетъ на небѣ искусства могучей, величавой массой».

В. З.

НАШИ ВНУТРЕННІЯ ДѢЛА.

Европейскія и наши отношенія къ лѣснымъ богатствамъ.—Экскурсія въ дебри исторіи.—Подсѣчное хозяйство и законъ о неотчуждаемости лѣса съ отведенныхъ для него участковъ въ четырехъ сѣверныхъ губерніяхъ.—Законопроэктъ о сбереженіи лѣсовъ.—Его запоздалость и шансы на успѣхъ. Указъ 6 августа и Мургабское государево имѣніе.—Возстановленіе султанбендской плотины.—Школа, какъ основа политическаго могущества и „аки источникъ, изъ котораго благополучіе народное ископается".—Жажда и безводіе.—Циркуляры министерства народнаго просвѣщенія.—Отношенія къ нимъ печати.

Изъ объявленій комитета—предстоящей въ будущемъ году—всемірной выставки въ Брюсселѣ сдѣлалось извѣстно, что по отдѣлу лѣсоводства, между прочимъ, поставлены на очередь вопросы: а) *„имѣютъ ли иностранныя государства достаточно лѣсовъ, чтобы еще долгое время снабжать западно-европейскіе рынки бревнами большихъ размѣровъ"?* и б) *„въ какихъ случаяхъ государство должно сдѣлаться, или объявить себя собственникомъ всѣхъ частныхъ лѣсовъ"?* Первый изъ этихъ вопросовъ слишкомъ прозрачно намекаетъ на то, что въ Европѣ возникло уже сильное *сомнѣніе* насчетъ неистощимости нашихъ лѣсныхъ богатствъ; второй ясно указываетъ, какъ глубоко проникло въ европейскія массы *сознаніе*, что на извѣстной ступени развитія государство не только имѣетъ право, но, подъ страхомъ неисчислимыхъ бѣдствій, обязано не допускать эксплуатаціи лѣсовъ свыше естественнаго прироста, хотя бы въ этихъ цѣляхъ пришлось даже совсѣмъ упразднить право частной на нихъ собственности.

Едва ли нужно доказывать, что и сомнѣніе въ данномъ случаѣ не лишено очень вѣскихъ основаній, да и сознаніе не съ неба свалилось.

Въ Европѣ хорошо знаютъ, что, во-первыхъ, измѣрять лѣсное богатство величиной пространства, занимаемаго лѣсами, дѣло совсѣмъ неподходящее, потому что одна десятина сплошнаго, зрѣлаго и тщательно сбереженнаго лѣса даетъ пригодной къ дѣлу древесины несравненно больше, чѣмъ сотни десятинъ кустарника, болотъ и гарей, которые сплошь и рядомъ числятся у насъ „лѣсами"; во-вторыхъ, тамъ знаютъ, что въ послѣднее 25-тилѣтіе наши частные лѣса истребляются тѣмъ нещаднѣе и быстрѣе, чѣмъ настойчивѣе становятся слухи о готовящихся ограничитель-

Digitized by Google

ныхъ мѣропріятіяхъ; а наконецъ, въ-третьихъ, ни для кого тамъ не секретъ, что, сосчитывая даже казенные наши лѣса, которыхъ на бумагѣ числится въ европейскихъ только губерніяхъ до 120 милліоновъ десятинъ, Россія и теперь уже *бѣднѣе лѣсами, чѣмъ западная Европа,* въ близкомъ же будущемъ можетъ сдѣлаться и совсѣмъ несостоятельною, если и казенные лѣса будутъ исчезать отъ „порубокъ, буреломовъ и пожаровъ" съ тою же быстротою, съ какою исчезали доселѣ. Съ небольшимъ три года тому назадъ, одной нашей газетѣ вздумалось прослѣдить по отчетамъ лѣснаго департамента—такъ ли, въ десятилѣтіе съ 1872 года, все обстояло въ казенныхъ лѣсахъ благополучно, какъ это обязательно для канцелярскихъ отчетовъ, и оказалось, что именно въ населеннѣйшихъ нашихъ губерніяхъ истребленіе казенныхъ лѣсовъ шло со скоростью 337,825 дес. въ годъ, тогда какъ лѣсоразведеніе производилось со скоростью 4,582 дес., или въ 75 разъ медленнѣе („Новое Время" № 3042). Другой газетѣ писали съ мѣста въ 1884 году, что изъ лѣсныхъ дачъ, отведенныхъ уральскимъ заводамъ въ количествѣ 8.500,000 десятинъ, самый цѣнный матеріалъ исчезаетъ съ невѣроятной быстротой: всѣ берега Камы въ Осинскомъ уѣздѣ и всѣ притоки ея были буквально завалены краденымъ лѣсомъ, скупщики котораго нажили въ нѣсколько лѣтъ не менѣе 200,000 руб. каждый („Русск. Курьеръ" № 65). Изъ отчета приамурскаго генералъ-губернатора стало извѣстно, что за время съ 1853 до 1885 года въ одной Забайкальской области, гдѣ на кв. милю приходится едва 44 души полубродячаго населенія, исчезло отъ пожаровъ около 17 мильоновъ десятинъ казенныхъ лѣсовъ! Въ виду подобныхъ фактовъ, самымъ естественнымъ образомъ ставится въ Брюсселѣ вопросъ—надолго ли хватитъ нашихъ лѣсовъ, чтобы могли питаться ими и западно-европейскіе рынки?

Съ другой стороны, въ Европѣ давно сдѣлалось аксіомой, что безразсчетное истребленіе лѣсовъ ухудшаетъ и почву, и климатъ, сокращаетъ рабочій періодъ времени, уменьшаетъ число полезныхъ человѣчеству птицъ и, соразмѣрно съ этимъ, размножаетъ число вредныхъ насѣкомыхъ; учащаетъ градобитія, уменьшаетъ запасы воды и урожайность полей, съуживаетъ площадь разныхъ культурныхъ растеній, подвергаетъ неисчислимымъ потерямъ наиболѣе всюду распространенную земледѣльческую промышленность и, въ концѣ концовъ, разрушаетъ общее благосостояніе. Въ виду такихъ ужасовъ, тамъ не затруднились давно уже рѣшить, что право собственности на лѣсную площадь, кому бы она ни принадлежала, не можетъ стоять выше правъ государства на пользованіе производимыми ею благами, и поэтому распоряженіе частными лѣсами давно уже поставлено тамъ подъ строгій правительственный контроль, который не стѣсняется и воспрещеніемъ всякой рубки, разъ только таковая признается вредною какимъ нибудь интересамъ страны.

Иначе дѣло это сложилось у насъ. Въ интересахъ государства вообще и флота въ особенности, еще Петръ Великій сдѣлалъ заповѣдными всѣ лѣсныя пространства по берегамъ большихъ и

Digitized by Google

малыхъ рѣкъ и подчинилъ ихъ казенному завѣдыванію; подъ страхомъ самыхъ суровыхъ взысканій, воспрещались порубки бревенъ, годныхъ для „знатнаго кораблестроенія“, предписывалось снимать деревья пилою, а не топоромъ, не долбить гробовъ изъ другихъ цѣнныхъ породъ, кромѣ ольхи, березы и ели, не обращать въ дрова деревьевъ, годныхъ на постройки, жечь уголь исключительно изъ мелкаго и криваго лѣса и т. д. Но именно потому, что администрація тѣхъ временъ жила на счетъ разныхъ штрафовъ, мѣропріятія эти оказались слишкомъ тягостными для народа и уже при Екатеринѣ I были значительно ослаблены: заповѣдными остались только лѣсныя пространства по нѣкоторымъ рѣкамъ, ширина этихъ пространствъ уменьшена съ 50 до 15 верстъ, лѣсная администрація упразднена, ея функціи переданы воеводамъ и eo ipso сдѣланы номинальными. Анна Ивановна не только возстановила всѣ Петровскія мѣропріятія, но пошла въ ихъ направленіи гораздо дальше: лѣсъ дозволялось рубить внѣ заповѣдныхъ пространствъ только зимою, „когда сокъ въ корени“; барки изъ топорныхъ, а не пиленыхъ досокъ, полагалось останавливать на ходу и по разгрузкѣ ломать, а судовладѣльцевъ штрафовать; помѣщики *обязывались* сѣять на своихъ земляхъ липу, дубъ, кленъ и другія цѣнныя породы, съ предвареніемъ, что за это „будутъ взысканы милостью ея величества“, а выращенныя ими годныя для флота деревья будутъ у нихъ покупаться „за достойную заплату“. Екатерина II признала однако всѣ эти мѣры „неудобными и съ нашими правилами несходственными“, почему въ 1782 году совсѣмъ ихъ упразднила, разсчитывая, что „радѣтельные помѣщики сами озаботятся сохраненіемъ лѣсовъ въ собственную свою и потомства ихъ пользу“,—и съ той поры до сегодня основнымъ принципомъ нашего лѣснаго законодательства сдѣлалось, что казенная администрація не смѣетъ даже заглядывать въ частные лѣса иначе, какъ объ руку и подъ надзоромъ полиціи.

Нужно ли говорить, что надежды на „радѣтельность“ помѣщиковъ ни на волосъ не оправдались? Настоятельно, правда, радѣли они объ огражденіи своихъ лѣсовъ *отъ порубокъ* и особенно усилилось это радѣніе въ исходѣ 50-хъ годовъ, когда предвидѣлось уже и редакціонными комисіями, что освобожденные отъ лѣсныхъ угодій крестьяне силою вещей будутъ вынуждены промышлять лѣсокрадствомъ. Въ этихъ видахъ, уже въ 1867 году былъ изданъ законъ, приравнявшій владѣльческихъ полѣсовщиковъ къ казенной лѣсной стражѣ и усилившій отвѣтственность за всякія поврежденія въ частновладѣльческихъ лѣсахъ; въ 1882 г. добились они и новыхъ законоположеній (19 января и 23 марта) объ усиленіи той же отвѣтственности личными наказаніями порубщиковъ. Но когда, по поводу ожидавшагося въ запрошломъ году всероссійскаго съѣзда лѣсовладѣльцевъ въ Харьковѣ, газеты въ тысячный разъ заговорили о государственномъ вредѣ хищническаго лѣсоистребленія, когда фактами напоминали онѣ, что вредъ этотъ не гадательный; что онъ видимо подтачиваетъ народное благополучіе, выражаясь и въ обмеленіи рѣкъ, и въ уменьшеніи

Digitized by Google

культурной площади, и въ повторяющихся все чаще неурожаяхъ, и въ усиленіи людскихъ и скотскихъ эпидемій, то харьковское дворянство поспѣшило перенести вопросъ на почву „сословныхъ интересовъ“ и, заодно со многими другими, предъявило ходатайство о полномъ невмѣшательствѣ государства и на будущее время въ его лѣсное хозяйство:—„мы должны (говорилось въ его средѣ) жить сообразно своему званію и положенію, а это требуетъ средствъ; не отнимайте же у насъ послѣдняго и не колебайте священныхъ правъ частной собственности“.

Вотъ этой-то тенденціей и объясняется, почему безслѣдною до сихъ поръ осталась даже категорически выраженная 22 декабря 1864 года министру государственныхъ имуществъ, генералъ-адъютанту Зеленому, воля почившаго государя о принятіи мѣръ къ прекращенію дальнѣйшаго лѣсоистребленія. Бумаги, разумѣется, исписано по этому поводу очень много; издано даже нѣсколько отдѣльныхъ узаконеній, но какихъ? Извѣстно, что лѣса, произроставшіе на „земельныхъ“ надѣлахъ крестьянъ, не были подвергнуты никакимъ ограниченіямъ, именно потому, что земли отводились для хлѣбопашества, а не для обезпеченія надѣляемыхъ лѣснымъ матеріаломъ,—и вотъ въ 1867 году установляется первое робкое изъятіе для *девяти западныхъ губерній*, гдѣ произростающія на такихъ земляхъ „дубовыя деревья, заклейменныя лѣснымъ вѣдомствомъ“, дозволяется крестьянамъ рубить лишь съ его разрѣшенія и только для собственной надобности. Въ 1869 году установляется для общественныхъ *башкирскихъ земель* правило, по которому отданные въ оброчное содержаніе лѣсные участки дозволяется вырубать лишь въ размѣрѣ пятидесятой доли всего участка и съ условіемъ оставлять на каждой лѣсосѣкѣ сѣмянныя деревья; только въ іюнѣ 1882 года башкирамъ безусловно запрещено отчуждать свои лѣса частнымъ лицамъ *). Въ 1871 году, для бывшихъ *колонистовъ* установляется обязанность поддерживать и впредь подъ лѣсными плантаціями тѣ земли, которыя для этой цѣли были отведены нѣсколькимъ сельскимъ обществамъ ихъ и волостямъ. Въ 1873 году характерно разрѣшенъ вопросъ о „лѣсныхъ“ надѣлахъ, отведенныхъ въ великорусскихъ губерніяхъ *обществамъ государственныхъ крестьянъ*, въ количествѣ до 2.500,000 десятинъ: бывшій казенный надъ ними надзоръ снятъ, обществамъ воспрещено отчуждать такіе надѣлы „отдѣльно отъ земельныхъ“, воспрещено дробить ихъ на подворные участки, воспрещено и отчуждать съ нихъ лѣсъ на срубъ „лицамъ посторонимъ“; все это объяснялось до прозрачности тонкимъ соображеніемъ, „что мѣры сбереженія такихъ лѣсовъ въ общегосударственныхъ интересахъ должны истекать изъ общаго закона о сбереженіи частновладѣльческихъ лѣсовъ,“ — и понятно, что почти всѣ

*) Здѣсь умѣстно припомнить, что по закону, изданному еще въ 1847 году (IX т. св. зак. ст. 924) для *калмыковъ*, имъ разрѣшено пользоваться растущимъ на отведенныхъ земляхъ корневымъ лѣсомъ „не иначе, какъ съ дозволенія мѣстнаго начальства“.

Digitized by Google

такіе лѣса мигомъ были истреблены. Въ 1875 году, когда стало извѣстно, что на составленныя, по высочайшей волѣ, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ „соображенія“—спрошенныя дворянскія и земскія собранія высказались противъ всякаго ограниченія правъ лѣсовладѣльцевъ, министръ государственныхъ имуществъ, графъ Валуевъ, входилъ даже въ комитетъ министровъ съ вопросомъ—*„несомнѣнно ли настоятельно принятіе мѣръ противъ быстраго уничтоженія нашихъ частновладѣльческихъ лѣсовъ“?* и только послѣ утвердительнаго на это отвѣта возобновилась дальнѣйшая бумажная работа. Въ 1876 году изданы „временныя“ правила о сбереженіи лѣсовъ въ трехъ южныхъ уѣздахъ Таврической губерніи, которыя, впрочемъ, нисколько не помѣшали дальнѣйшему уничтоженію тамошнихъ лѣсовъ, и утверждено особое положеніе о выдачѣ денежныхъ премій и почетныхъ наградъ за успѣшное лѣсоразведеніе и хозяйственное устройство частныхъ лѣсовъ, которое потому уже не могло имѣть сколько нибудь выдающагося вліянія, что преміи установлено давать „изъ суммъ лѣснаго вѣдомства“, не имѣющаго, какъ извѣстно, достаточно средствъ даже на устройство казенныхъ лѣсовъ. Въ 1877 году *станицамъ Войска Донскаго* дозволено пользоваться своими лѣсами неи наче, какъ съ разрѣшенія областнаго правленія, которому предоставлено назначать и размѣръ лѣсосѣкъ и самую очередь ихъ рубки. Наконецъ въ текущемъ только году внесенъ въ государственный совѣтъ законопроэктъ *о сбереженіи лѣсовъ*, которому предшествовало и недавно опубликованное *воспрещеніе отчуждать* въ Олонецкой, Вологодской, Вятской и Пермской губерніяхъ *лѣсные участки, отведенные крестьянскимъ обществамъ для подсѣчнаго хозяйства,* хотя бы таковые были сполна уже оплачены капитализированной оброчной податью.

Въ строгомъ смыслѣ, нельзя не признать, что воспрещенію этому надлежало явиться на свѣтъ по меньшей мѣрѣ въ томъ же 1869 году, въ которомъ была издана и инструкція о надѣленіи сѣверныхъ крестьянъ лѣсными участками, — въ такомъ случаѣ они не вводились бы въ заблужденіе насчетъ того, какую „собственность“ эти участки составятъ послѣ выкупа ихъ отъ оброчной подати. Внѣ этого условія, многія общества запродали свои выкупленные лѣса на срубъ по договорамъ, обезпеченнымъ крупными неустойками, и, конечно, понесутъ отъ этого болѣе или менѣе значительныя потери. Можно сказать, что разъясненіе въ этомъ смыслѣ злополучной инструкціи было даже обязательно для ея составителей, такъ какъ логически вытекало изъ самой сущности подсѣчнаго хозяйства. Дѣло въ томъ, что въ суровыхъ пустыняхъ нашего сѣвера, гдѣ полярные вѣтры нерѣдко могилы разрываютъ, гдѣ очень малочисленному, но на громадныя пространства разбросанному населенію приходится покупать четыре пятыхъ своего продовольствія и платить иногда за одинъ извозъ куля муки, на 75 верстахъ разстоянія, по 10—11 рублей и дороже,—не могла не выработаться своеобразная система хлѣбопашества, которая можетъ показаться почти баснословною для жителя болѣе благопріятныхъ мѣстностей имперіи. Состоитъ она въ

Digitized by Google

томъ, что, прежде всего, среди непроходимыхъ лѣсныхъ чащъ пріискивается наименѣе сырая и песчаная площадка, непремѣнно покатая къ югу и западу и укрытая отъ всеистребляющихъ ледяныхъ вѣтровъ. При этомъ не стѣсняются даже и тогда, когда покатость такой площадки доходитъ до 35—40 градусовъ и требуетъ не только идеально-прочныхъ орудій и особенно-сильныхъ рабочихъ лошадей, но и гигантскихъ усилій самого пахаря, чтобы только кое-какъ всковырять верхній слой почвы. Растущій на избранной площадкѣ, лѣсъ подсѣкается въ началѣ іюня подъ корень, валится въ одну сторону, съ такимъ разсчетомъ, чтобы тонкіе стволы и сучья лежали плотными слоями на самой почвѣ; болѣе крупными жердями и кольями этотъ первый слой еще болѣе нажимается къ ней, а мѣстами на эту укладку наносится срѣзанный въ сосѣдствѣ дернъ, прижимаемый вновь длинными жердями; особенно толстыя бревна, равно какъ особенно крупные и развѣтвленные пни либо увозятся зимой съ подсѣки для домашняго обихода, либо складываются по близости про запасъ. Изготовленная такимъ образомъ подсѣка оставляется для просушки до начала полевыхъ работъ въ половинѣ іюня слѣдующаго года; тогда выбираютъ сухое время, зажигаютъ подсѣку съ навѣтряной стороны, тщательно наблюдая за равномѣрнымъ ходомъ огня и за охраненіемъ отъ него сосѣднихъ лѣсовъ, среди которыхъ находятся и жилье, и выпасъ для скота. Когда первая огневая линія окрѣпнетъ, подкладываютъ огонь съ боковъ подсѣки, а затѣмъ и съ противоположной стороны, причемъ установляется естественная тяга къ главному пламени,—огонь начинаетъ сильно бить къ низу и пережигаетъ не только уложенный лѣсъ и дернъ, но и весь верхній слой почвы, въ глубину на два, на три дюйма, смотря по степени его сухости и по близости подпочвенной влаги. Послѣ этого перваго періода работъ, тщательно осматриваютъ „лядину“, отмѣчаютъ слабо обуглившіяся мѣста, сваливаютъ на нихъ костры неперегорѣвшихъ жердей и пней, такъ чтобы огонь съ навѣтряной стороны переходилъ съ одного костра на другой самъ собою, и снова зажигаютъ. При этомъ перегорѣвшія деревья и пни долго дымятся и сохраняютъ теплоту почвы, а неперегорающія стаскиваются на окраины и образуютъ собою изгородь, имѣющую назначеніемъ охранять лядину отъ потравы. Затѣмъ, сильно нагрѣтую почву, за недѣлю до посѣва, разравниваютъ „смыковками“ (родъ бороны изъ суковатыхъ жердей), сѣютъ зерно прямо въ теплый слой золы, новымъ глубокимъ боронованіемъ перемѣшиваютъ ее съ перегорѣвшимъ перегноемъ, и такимъ образомъ получается замѣчательнаго совершенства поле, на которомъ кислый перегной искусственно обращенъ въ производительный и съ котораго, поэтому, урожай въ самъ—20 зеренъ не составляетъ рѣдкости, такъ какъ въ благопріятные годы доходитъ и до самъ—40-ка. Собравши два и много три урожая, лядина утрачиваетъ свою производительную силу; запускается въ перелогъ, снова заростаетъ лѣсомъ и опять подсѣкается для посѣва не раньше, какъ черезъ 12—20—30 лѣтъ, смотря по быстротѣ и силѣ древеснаго роста. Отсюда ясно, что подсѣчное хозяйство—дѣло очень не легкое: не говоря уже о

Digitized by Google

томъ, что въ борьбѣ съ огненной стихіей нерѣдко гибнутъ и лѣса и люди, нестерпимый жаръ, отъ котораго кожа растрескивается, разъѣдающій глаза дымъ и продолжительная возня въ грязи и золѣ дѣлаютъ разчистку лядинъ своего рода каторжной работой, которая, притомъ, слабымъ хозяевамъ и совсѣмъ недоступна, потому что слишкомъ дорого обходится: одна подготовка почвы подъ посѣвъ поглощаетъ отъ 76 до 118 р. съ десятины, чѣмъ и объясняется, что даже у особенно привычныхъ къ подсѣчному хозяйству кореловъ Архангельской губерніи хозяинъ, среднимъ числомъ, можетъ разработать въ три-четыре года менѣе одной десятины. Но еще яснѣе отсюда, что безъ сожиганія лѣса на мѣстѣ такое хозяйство совсѣмъ немыслимо, и, конечно, составители инструкціи 1869 года очень хорошо знали это, такъ какъ, при самомъ отводѣ надѣловъ, засчитывали за одну десятину пашни отъ 5 до $7^2/_3$ десятинъ лѣсныхъ перелоговъ. Если, за всѣмъ тѣмъ, они ни словомъ не обмолвились о неотчуждаемости лѣса съ этихъ перелоговъ, то, вѣроятно, сдѣлали это либо по недосмотру, либо потому, что считали такую неотчуждаемость логически вытекающею изъ самой сущности подсѣчнаго хозяйства и, потому, не требующею особой оговорки. Какъ бы то ни было, нельзя не отнестись къ новому закону съ полнымъ сочувствіемъ, уже и потому, что лучше поздно, чѣмъ никогда,

Къ сожалѣнію, не приходится сказать того же относительно *законопроэкта о сбереженіи лѣсовъ*. Насколько сущность его сдѣлалась извѣстна по газетнымъ слухамъ, онъ натолкнулся на такую массу возраженій со стороны разныхъ вѣдомствъ и составленъ поэтому въ такой робкой формѣ, что ожидать отъ него всей той пользы, какая предвидѣлась въ началѣ 60-хъ годовъ, было бы въ настоящее время чистѣйшей иллюзіей. За эти 25 лѣтъ исчезло съ лица русской земли множество рѣчекъ, озеръ и прудовъ; сдѣлалось видимо для простаго глаза послѣдовательное отступаніе отъ прежнихъ береговъ морей Аральскаго, Каспійскаго, Азовскаго и Чернаго равно и засореніе устьевъ всѣхъ впадающихъ въ нихъ рѣкъ; сдѣлался несомнѣннымъ фактъ прогрессирующаго обмеленія Волги, Оки, Ветлуги, Клязьмы, Унжи, Суры, Камы, Вятки, Бѣлой и Урала, Днѣпра, Десны, Зап. Двины, Днѣстра и Буга, Дона, Донца и Маныча, Кубани, Терека и Куры, Аму-Дарьи, Сыръ-Дарьи и Заравшана; сдѣлалось фактомъ, что громадина Волга отошла уже отъ Саратова, начинаетъ уходить отъ Казани и Самары, а у Александровскаго моста близъ Сызрани въ трехлѣтіе съ 1877 года уменьшила массу протекающей воды на цѣлыхъ 25 процентовъ. Сдѣлалось несомнѣннымъ, что исчезновеніе подпочвенной влаги быстро уподобляетъ калмыцкой и киргизской степямъ такія недавно еще плодородныя мѣстности, какими на нашей памяти были губерніи: Ставропольская, Астраханская и Самарская и восточная половина Донской области; сдѣлалось видимымъ для простаго глаза быстрое расширеніе области сыпучихъ песковъ, которые засыпали уже, съ одной стороны, луга и пастбища Каракуля и грозно надвигаются на Бухару и Ферганскую область, съ другой—все шире и шире распространяются въ губерніяхъ новороссійскихъ, малорусскихъ, Кіевской, Воронежской,

Digitized by Google

Тамбовской, приволжскихъ, Смоленской, Московской и Петербургской, гдѣ у Сестрорѣцка исчезли подъ ними деревья въ 12—15 саженъ вышины. Сдѣлалось наконецъ аксіомой, что за 25 лѣтъ нашъ климатъ повсемѣстно ухудшился, а въ южныхъ даже округахъ сибирскихъ губерній сталъ до того суровъ, что морозы въ Петровки и вымерзаніе озимей сдѣлались явленіемъ вовсе нерѣдкимъ. Ни одной изъ этихъ болячекъ законъ о сбереженіи лѣсовъ уже не поможетъ, частію потому, что для возстановленія хоть въ слабой степени прежнихъ условій понадобятся десятки лѣтъ и милліардныя затраты по обводненію и облѣсенію степныхъ пространствъ *); частію же потому, что одинъ слухъ о готовящихся ограниченіяхъ права собственности привелъ къ такому лѣсоистребленію, какого никогда еще у насъ не бывало. Если просмотрѣть за послѣдній годъ наши газеты, въ особенности провинціальныя, то трудно будетъ найти номеръ, въ которомъ не было бы имянныхъ указаній на лихорадочную поспѣшность, съ какою „радѣтельные“ кулаки изводятъ остатки своихъ лѣсовъ,—и, конечно, не мы будемъ удивлены, если окажется, что законъ о сбереженіи лѣсовъ станетъ совершившимся фактомъ тогда, когда сберегать придется развѣ только будущіе отпрыски срубленныхъ пней, да и то далеко не всѣхъ. Дѣло въ томъ, что проэктъ, о которомъ идетъ рѣчь, подраздѣляетъ всѣ лѣса европейской Россіи (безъ Финляндіи) и Кавказа на три категоріи: къ *первой* отнесены такъ называемые „защитные“ лѣса, представляющіе собою механическую защиту отъ какой нибудь видимой опасности, каковы удерживающіе своими корнями обрывы, горные обвалы, пески, предохраняющіе берега рѣкъ и каналовъ отъ размывовъ, отъ поврежденій ледоходами и т. п.; такіе лѣса воспрещается уничтожать, а для этого владѣльцамъ дается составленный на казенный счетъ и утвержденный планъ хозяйства, гдѣ указывается какъ размѣръ и способъ рубки, такъ и размѣры побочныхъ пользованій разнаго рода —пастьбы скота, уборки сухоподстоя и валежника, сбора лѣсной подстилки и т. д. Ко *второй* категоріи отнесены лѣса, самой площадью своею оказывающіе наиболѣе благотворныя вліянія на климатъ страны и водность рѣкъ, какими признаны, растущіе по верховьямъ рѣкъ и ихъ притоковъ, лѣса разныхъ юридическихъ лицъ, кромѣ казенныхъ управленій и за исключеніемъ лѣсовъ сѣверной окраины и Кавказа (безъ Ставропольской губерніи) и лѣса тѣхъ уѣздовъ и губерній въ южной полосѣ, гдѣ подъ ними числится въ среднемъ выводѣ не болѣе 15 процентовъ общей площади; такіе лѣса владѣльцамъ воспрещается разчищать и обращать въ пустыри, но дозволяется уничтожать для округле-

*) Слабымъ образчикомъ, чего стоятъ такія работы, можетъ служить сооружаемая въ Дагестанской области Сулакская оросительная канава, которая на 65 верстахъ протяженія пройдетъ чрезъ Темиръ-Ханъ-Шуринскія степи до г. Петровска и ороситъ всего около 50,000 десятинъ. Безъ пособія со стороны *военнаго* вѣдомства, пришлось бы ждать ее многіе годы; въ настоящее же время она начала уже дѣйствовать на протяженіи 45 верстъ.

Digitized by Google

нія дачъ, для проложенія дорогъ, для хозяйственныхъ въ нихъ построекъ и для обращенія срубленныхъ пространствъ подъ виноградники и фруктовыя плантаціи, дозволяется рубить ихъ и подъ условіемъ искусственнаго затѣмъ ихъ облѣсенія, или въ обмѣнъ на равные, уже облѣсенные смежные участки, но запрещается на вырубкахъ и въ молодняхъ до 15-тилѣтняго ихъ возраста пасти скотъ и, подъ страхомъ особой отвѣтственности *), воспрещаются такія опустошительныя рубки, „которыя приводятъ лѣсъ въ полное разстройство и отнимаютъ возможность лѣсовозобновленія.“ Такъ какъ во всѣхъ лѣсахъ этихъ категорій отъ владѣльцевъ требуется только, чтобы безпутнымъ хозяйничаніемъ они не причиняли вреда, то за ними, естественно, не признается и права на какое либо вознагражденіе за проэктированныя ограниченія. Наконецъ, къ *третьей* категоріи отнесены всѣ остальные лѣса, владѣльцы которыхъ освобождены отъ всякихъ ограниченій, съ оговоркою впрочемъ, что перечисленіе лѣса изъ третьей во вторую категорію допускается по представленіямъ генералъ-губернаторовъ и учреждаемыхъ въ каждой губерніи лѣсоохранительныхъ комитетовъ, а равно по ходатайствамъ земскихъ собраній. каковыя представленія и ходатайства разсматриваются въ совѣтѣ министра государственныхъ имуществъ и съ его заключеніемъ вносятся на разрѣшеніе комитета министровъ. Что касается, затѣмъ, до зачисленія лѣсовъ во вторую категорію, то починъ такого зачисленія предоставленъ вѣдомству путей сообщенія; а право заявленій лѣсоохранительному комитету о зачисленіи лѣса въ первую категорію предоставлено всѣмъ непосредственно заинтересованнымъ въ его сохраненіи частнымъ лицамъ, обществамъ и учрежденіямъ, земскимъ управамъ, чинамъ полиціи и должностнымъ лицамъ вѣдомства путей сообщенія, удѣльнаго и государственныхъ имуществъ. Ко всему этому слѣдуетъ присовокупить, что лѣсоохранительные комитеты предположено составить, подъ предсѣдательствомъ губернатора, изъ управляющаго государственными имуществами, или, по его назначенію, лѣснаго ревизора, изъ управляющаго находящеюся въ губернскомъ городѣ удѣльною конторою (а такихъ въ Россіи очень немного), изъ непремѣннаго члена губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, изъ предсѣдателя губернской земской управы и двухъ избранныхъ губернскимъ земскимъ собраніемъ мѣстныхъ лѣсовладѣльцевъ, а гдѣ нѣтъ земскихъ учрежденій, то изъ трехъ лѣсовладѣльцевъ, приглашенныхъ, по сношеніи съ губернаторами, министромъ внутреннихъ дѣлъ, съ возложеніемъ всего дѣлопроизводства комитетовъ на управляющихъ государственными имуществами, число которыхъ, какъ извѣстно, далеко не совпадаетъ съ

*) Отвѣтственность эта ограничивается конфискаціей срубленныхъ матеріаловъ, или уплатой ихъ стоимости, взысканіемъ, равнымъ цѣнности ихъ по минимальнымъ таксамъ министерства государственныхъ имуществъ, штрафомъ по 5 руб. за сто кв. саж. срубленной площади и правомъ казны требовать по суду, чтобы владѣлецъ искусственно облѣсилъ оголенную площадь, „если естественное ея возобновленіе окажется невозможнымъ“.

Digitized by Google

числомъ губерній, такъ такъ большинство ихъ управляютъ государственными имуществами двухъ, а нѣкоторые даже трехъ смежныхъ губерній. Между тѣмъ дѣлопроизводство комитетовъ, особенно на первыхъ порахъ, будетъ очень обширно, такъ какъ на нихъ возлагается не только раздѣленіе губерніи на подлежащіе надзору районы и переписка съ разными вѣдомствами и учрежденіями, но признаніе лѣсовъ „защитными“ и утвержденіе плановъ хозяйства на эти лѣса, признаніе лѣсовъ относящимися ко второй категоріи, дозволеніе обращать ихъ въ другой видъ угодій и пріостановка опустошительныхъ въ нихъ рубокъ, установленіе обязанностей лѣсовладѣльцевъ по истребленію въ нихъ вредныхъ лѣсныхъ насѣкомыхъ и денежнаго сбора съ неисполняющихъ этой обязанности, а также изданіе правилъ, опредѣляющихъ порядокъ исполненія означенной обязанности и взысканія указанныхъ сборовъ, освобожденіе защитныхъ лѣсовъ и нѣкоторыхъ искусственныхъ лѣсонасажденій отъ государственныхъ и земскихъ налоговъ, раздача владѣльцамъ лѣсовъ первыхъ двухъ категорій лѣсныхъ саженцевъ и сѣмянъ, за деньги или безденежно и пр. и пр. и пр. Понятно, что такая сложная и нерѣдко срочная работа очень скоро окажется совершенно непосильною проэктированнымъ комитетамъ, какъ это, впрочемъ, не разъ доказано другими подобными учрежденіями въ нашихъ губерніяхъ: служащіе члены ихъ и сейчасъ уже едва успѣваютъ справляться съ прямыми своими обязанностями, а избранныхъ и приглашенныхъ придется разыскивать по клубамъ, чтобы соблаговолили подписать, не читая, заготовленные журналы... Въ концѣ концовъ неминуемо выйдетъ, что прежде, чѣмъ извѣстный лѣсъ будетъ признанъ подлежащимъ сбереженію, его успѣютъ вырубить десять разъ, просто потому, что нельзя требовать отъ людей того, чего они дать не могутъ, хотя бы и желали: пробовали провести зимою войска чрезъ Балканы безъ полушубковъ—и поморозили.

Съ этой точки зрѣнія, нельзя не порадоваться указу 6 августа, которымъ „признано за благо: 1) всѣ впустѣ лежащія земли по теченію р. Мургаба, на которыя, по сооруженіи султанбендской плотины, будетъ возможно распространить орошеніе, безъ ущерба для другихъ орошаемыхъ уже водами этой рѣки частей мервскаго оазиса, признать собственностью царствующаго императора, подъ названіемъ Мургабскаго государева имѣнія; 2) управленіе этимъ имѣніемъ возложить на департаментъ удѣловъ, съ отнесеніемъ на счетъ удѣльныхъ суммъ всѣхъ расходовъ по сооруженію султанбендской плотины, проведенію ирригаціонныхъ каналовъ, заселенію имѣнія и введенію въ немъ соотвѣтствующей мѣстнымъ условіямъ культуры; и 3) по возмѣщеніи департаменту удѣловъ изъ доходовъ Мургабскаго имѣнія расходовъ, которые имъ будутъ произведены на устройство онаго и управленіе, часть сихъ доходовъ, по соглашенію министровъ двора и финансовъ, обращать въ пользу государственнаго казначейства“. Коротко, ясно и въ высшей степени благодѣтельно для всей Россіи: не слѣдуетъ забывать, что прежде, чѣмъ сдѣлаться знойной пустыней, изобилующей фалангами и тарантулами, щедро засыпающей своими песками всѣ окрестныя

Digitized by Google

страны на далекія пространства, но чрезвычайно богатой цѣнными породами красящей глины, нефтью, сѣрой, солями, серебряной рудой и драгоцѣнными камнями, мервскій оазисъ былъ покрытъ многолюдными поселеніями, развалины которыхъ уцѣлѣли и до нашихъ дней, да и самый Мервъ недаромъ считался „княземъ міра", какъ это указываетъ его названіе. Несомнѣнно, что современная техника не затруднится возстановить былое значеніе этого оазиса, — были бы только средства; а въ этомъ отношеніи ужь, конечно, никто скорѣе и лучше не исполнитъ великой задачи, какъ именно удѣльное вѣдомство, лѣса котораго суть пока единственные, какіе можно признать на нашей территоріи вполнѣ благоустроенными. Дѣйствительно, не прошло и мѣсяца со дня указа, какъ депеша изъ Мерва отъ 2 сентября оповѣстила, что туда прибылъ извѣстный знатокъ края и весьма опытный инженеръ И. И. Поклевскій-Козеллъ, съ цѣлью возстановить султанбендскую плотину для орошенія мургабскаго имѣнія, „причемъ получится болѣе 300,000 десятинъ богатѣйшаго мервскаго лѣса". Ради одной этой благостыни, пожелаемъ полнѣйшаго успѣха почину министерства двора; а до того напомнимъ нашимъ лѣсовладѣльцамъ, что и помимо хищническаго истребленія лѣсной растительности у нихъ подъ рукою неисчерпаемое множество такихъ ни на что другое непригодныхъ лѣсныхъ отбросовъ, которые въ толковыхъ и предпріимчивыхъ рукахъ могли бы составить истинный кладъ,—разумѣемъ обращеніе этихъ отбросовъ въ древесную массу и въ разныя бумажныя издѣлія, начиная съ писчей, оберточной и картонной бумаги, съ желѣзнодорожныхъ колесъ, газопроводныхъ, дымовыхъ и водопроводныхъ трубъ, лѣпныхъ украшеній и пьянино, и кончая цѣлыми домами, благо опыты за границей доказали, что *бумажные дома гораздо прочнѣе и гораздо дешевле деревянныхъ*, что въ мѣстностяхъ съ частыми колебаніями земли они и *безопаснѣе всякихъ другихъ для жилья*, что *лѣтомъ они прохладнѣе, а зимою теплѣе каменныхъ*, что наконецъ ихъ очень *легко сдѣлать и непроницаемыми для сырости и совершенно несгораемыми*. Поприще, стало быть, очень широкое, а сырья для этой фабрикаціи у насъ не занимать стать.

Въ извѣстномъ сочиненіи своемъ о школѣ, извѣстный министръ просвѣщенія во Франціи, Жюль Симонъ сказалъ, что *„народъ, у котораго лучшія школы, есть первый въ мірѣ и, если не первый онъ сегодня, то сдѣлается имъ завтра"*—а чтобы скорѣе сдѣлать Францію первымъ народомъ въ мірѣ, Жюль Симонъ уже въ 1872 году приступилъ къ преобразованію ультра-классическихъ французскихъ гимназій въ болѣе подходящія къ потребностямъ вѣка общеобразовательныя. Нужно ли говорить, какъ высоко за эти 15 лѣтъ поднялся уровень Франціи? Ни на комъ, однако, высказанная этимъ ученымъ истина не оправдалась съ такой поразительной наглядностью, какъ на ближайшихъ сосѣдяхъ нашихъ,— съ одной стороны на Пруссіи, которую „народный учитель" сдѣлалъ на нашихъ глазахъ могущественнѣйшей державой въ центрѣ Европы, съ другой—на Японіи, которая въ нѣсколько лѣтъ стала совсѣмъ неузнаваемою: „этотъ удивительный народъ (чи-

Digitized by Google

таемъ въ одномъ журналѣ) понялъ, что общее просвѣщеніе есть залогъ всякаго преуспѣянія, и въ короткое время достигъ такихъ колоссальныхъ результатовъ въ этомъ отношеніи, что эпитетъ „удивительный“ еще недостаточно выражаетъ ту духовную мощь, какая въ немъ таится“. Насколько Россія выиграла отъ того, что о-бокъ съ нею выросла могучая Германія,—это мы испытываемъ уже девять лѣтъ, чуть не ежедневно и все съ возростающими потерями; въ какой же степени можетъ сдѣлаться выгоднымъ, чтобы и 35-ти-мильонная Японія опередила насъ въ могучести, — это видно изъ книги Чарльза Дилька „Европа въ 1887 году“, гдѣ авторъ, за долго до проведенія очень выгодной для Англіи афганской границы, не затруднился предуказать, что, „если русскіе сдѣлаютъ попытку движенія къ Индіи, то именно на берегахъ Японскаго моря мы нанесемъ Россіи такой ударъ, отъ котораго она помертвѣетъ“, — и еще вопросъ, будетъ ли въ такомъ случаѣ Японія нашимъ союзникомъ, или предпочтетъ стать на сторону враждебной намъ чуть не поголовно Европы. Справедливо, что на поприще образованія мы выступили не особенно давно: первому печатному букварю нашему едва минуло 253 года; комисія объ учрежденіи народныхъ училищъ появилась у насъ всего 105 лѣтъ тому назадъ, и только 85 лѣтъ прошло со времени обращенія ея въ министерство народнаго просвѣщенія. Но, во всякомъ случаѣ, прорубили мы окно въ Европу раньше Японіи, и знаменательно, что именно чужестранцы, мало-мальски знакомившіеся съ Россіей (а со стороны всегда виднѣе), постоянно указывали ей на школу, какъ на вѣрнѣйшую основу политическаго могущества: уже царю Алексѣю Михайловичу грекъ-митрополитъ Паисій говорилъ, что, *„еслибы меня спросили, какіе столпы церкви и государства, то я бы отвѣтилъ—во-первыхъ училища, во-вторыхъ училища и, въ-третьихъ, училища, ибо отъ нихъ, аки отъ источниковъ, благополучіе народное ископается“*; съ своей стороны и въ наши дни извѣстный французъ Лавелэ не задумался предсказать—*„откройте въ Россіи столько школъ, сколько ихъ въ Америкѣ, и это государство превзойдетъ могуществомъ всѣ остальныя въ мірѣ“*. Къ несчастію, далеко не всегда сами-то мы смотрѣли на школу съ этой точки зрѣнія. До освобожденія крестьянъ, государство постольку лишь и заботилось о насажденіи разныхъ знаній, поскольку нуждалось въ свѣдущихъ чиновникахъ, учителяхъ, священникахъ, врачахъ, офицерахъ, судьяхъ, дипломатахъ и разныхъ техникахъ; чуть не каждое вѣдомство имѣло свои крѣпостныя училища различныхъ типовъ и ранговъ, затрачивая на нихъ такія громадныя суммы, на которыя можно было бы давать солидное образованіе впятеро большему числу учащихся. Никакого единства въ завѣдываніи школой не было, оканчивавшимъ курсъ наукъ предоставлялись „служебныя“ преимущества и тѣмъ высшія, чѣмъ чиновнѣе и сановитѣе были ихъ родители; на губернаторовъ возлагалась невыполнимая обязанность „пещись о молодыхъ дворянахъ и людяхъ, имѣющихъ по аттестатамъ право на классные чины, не только какъ начальники, но какъ отцы семействъ, коимъ поручаются дѣти благовоспитанныя

Digitized by Google

для первыхъ шаговъ на поприщѣ службы"; губернаторы (говорилось въ законѣ) „должны направлять нравственность и способности сихъ молодыхъ людей для будущей пользы государственной службы и въ семъ обязаны они строгой отвѣтственностью предъ его императорскимъ величествомъ"; катехизическая фраза эта уцѣлѣла въ нашемъ сводѣ (507 ст. II т. св. губ. учр.) даже послѣ того, какъ судебные уставы подтвердили давнишнее и основное положеніе кодексовъ всего міра, что „въ дѣлахъ уголовныхъ всякій несетъ отвѣтственность только самъ за себя" (15 ст. уст. угол. судопр.). Бывали государственные люди и даже министры просвѣщенія, которые въ просвѣщеніи усматривали какую-то вредоносную язву и не скупились возводить на школу такія вины, въ которыхъ, по самому существу своему, она не могла быть повинна; не дальше, какъ въ 1845 году, извѣстный врагъ Пушкина, пресловутый графъ Уваровъ,—замѣтивъ, что „въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ умножается приливъ молодыхъ людей, отчасти рожденныхъ въ низшихъ слояхъ общества, для которыхъ высшее образованіе безполезно, составляя лишнюю роскошь и выводя изъ круга первобытнаго состоянія, безъ выгоды для нихъ и для государства" (sic!),—находилъ нужнымъ „возвысить сборъ платы съ учащихся, для удержанія стремленія юношества къ образованію въ предѣлахъ нѣкоторой соразмѣрности съ гражданскимъ бытомъ разнородныхъ сословій". Игнорировалось, что такіе міровые геніи, какъ Колумбъ, Коперникъ, Кеплеръ, Ньютонъ, Шекспиръ, Галилей, Гершель, Франклинъ, Жанъ-Жакъ Руссо, Кювье, Спиноза, Кантъ, Вольтеръ, Шиллеръ, Беранже, папа Григорій Гильдебрантъ, Іоаннъ Гуссъ, Мартинъ Лютеръ, Стефенсонъ, Фультонъ, Дарвинъ, Мурильо, Сальваторъ Роза, Рубенсъ и пр. и пр. и пр., принадлежали именно къ „низшимъ слоямъ общества"; забывалось, что и наши Меншиковы, Ломоносовы, Сперанскіе, Кольцовы, Шевченки, Скобелевы, Крамскіе, Рубинштейны и т. п. были вовсе не изъ высокородныхъ; что, напротивъ, мельчать и вырождаться—есть исторически-предначертанная судьба всякихъ „грандовъ", гдѣ только они ни заводились. Памятно наконецъ, какъ закончилъ въ 1848 году свою карьеру на учебномъ поприщѣ знаменитый попечитель московскаго округа, графъ С. Г. Строгановъ. По мѣрѣ приближенія къ достопамятному 19 февраля, воззрѣнія на народное образованіе замѣтно стали измѣняться; законы того времени возлагаютъ уже на главныхъ начальниковъ губерній „обязанность наблюдать, чтобы юношество получало воспитаніе, чтобы молодые дворяне не находились во вредной праздности и чтобы вообще дворяне вели жизнь, приличную ихъ происхожденію, и служили примѣромъ прочимъ сословіямъ" (419 и 421 ст. II т. св. губ. учр.), чего безъ соотвѣтственнаго образованія и мыслить, конечно, невозможно. Въ заботахъ объ образованіи не были обойдены даже евреи, составляющіе ничтожную каплю въ русскомъ морѣ: уже съ 30-хъ годовъ еврейскимъ дѣтямъ разрѣшалось обучаться въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ жительство отцамъ ихъ дозволено, „безъ всякаго различія отъ другихъ дѣтей",

Digitized by Google

а получавшимъ гимназическіе аттестаты и желавшимъ продолжать свое образованіе дозволялось „вступать въ университеты, академіи и другія высшія учебныя заведенія по всей имперіи“ (967 ст. IX т. св. зак.); съ 1859 же года „обученіе дѣтей евреевъ-купцовъ и почетныхъ гражданъ въ общихъ казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ, а гдѣ ихъ нѣтъ—въ еврейскихъ казенныхъ училищахъ“, становится даже „обязательнымъ“ (966 ст. того же тома)*). Въ началѣ 60-хъ годовъ, въ виду возникшаго тогда вопроса о преобразованіи кадетскихъ корпусовъ, въ которыхъ подготовка строеваго офицера обходилась государству въ 9,538 рублей, идея объ отдѣленіи общаго образованія отъ всякаго спеціальнаго получила уже такое распространеніе, что, не будь у насъ гибельной и всетормозящей традиціи „вѣдомственнаго“ управленія, дѣло народнаго образованія могло бы подвинуться очень далеко, безъ малѣйшихъ новыхъ затратъ со стороны государства. Въ достопамятной запискѣ своей по этому вопросу, тогдашній министръ народнаго просвѣщенія А. В. Головнинъ проводилъ эту идею въ слѣдующихъ положеніяхъ, несомнѣнность которыхъ очевидна: „а) всѣми признано (писалъ онъ въ 1862 году), что основательное общее образованіе, развивающее въ человѣкѣ общечеловѣческія стороны, должно служить фундаментомъ всякаго спеціальнаго образованія; фундаментъ этотъ необходимъ для всякой общественной дѣятельности и пока онъ не созданъ, никакія спеціальныя познанія не могутъ имѣть условій основательности и полноты; б) если для государства важно имѣть ученыхъ, знающихъ свое дѣло артиллеристовъ, инженеровъ, то еще болѣе важно, чтобы эти артиллеристы и инженеры были прежде всего люди съ развитыми понятіями, съ умомъ, способнымъ обсуждать предметы зрѣло и всесторонне; в) въ корпусахъ не можетъ быть обращаемо должное вниманіе на природныя наклонности, потому что въ томъ возрастѣ, въ которомъ учащіеся вступаютъ въ военно-учебныя заведенія, наклонности и способности ихъ не могутъ еще ясно обнаружиться и такимъ образомъ ребенокъ какъ бы насильственно обрекается на военную службу, къ которой весьма часто, по достиженіи возраста, не чувствуетъ никакого призванія, или оказывается и вовсе неспособнымъ; г) а между тѣмъ на сумму въ три милліона, въ которую обходится образованіе 8,300 кадетъ въ корпусахъ, можно было бы открыть 150 гимназій, въ которыхъ могли бы получить общее образованіе 45,000 юношей **). Были въ ту эпоху моменты, когда казалось, что даже въ той нашей средѣ, которая тупоумно боялась школы, какъ обязательнаго будто бы разсадника либерализма, нигилизма, соціализма и разныхъ другихъ *измовъ*, опасенія эти какъ будто начинали уходить уже въ область отжившей

*) Этимъ и объясняется тотъ фактъ, что до послѣднихъ распоряженій число обучавшихся еврейскихъ дѣтей составляло въ университетахъ 14,5 процентовъ общаго итога, на высшихъ женскихъ курсахъ 15,6, въ мужскихъ гимназіяхъ около 11, въ женскихъ болѣе 8 и въ реальныхъ училищахъ около 8 процентовъ всего итога.

**) „Русская Старина“ 1887, кн. IX, стр. 664—666.

Digitized by Google

старины: припомните въ Аннѣ Карениной тотъ интимный разговоръ князя Серпуховскаго съ графомъ Вронскимъ, въ которомъ первый говоритъ послѣднему, что де „Россіи нужны люди, какъ ты, нужна партія,—иначе все идетъ и пойдетъ къ собакамъ“.— То есть что же, спрашиваетъ Вронскій,—партія Бертенева противъ русскихъ комунистовъ?—Нѣтъ,—сморщившись отъ досады за то, что его подозрѣваютъ въ *такой глупости*, сказалъ Серпуховской,—*tout ça est une blague*; это всегда было и будетъ; никакихъ комунистовъ нѣтъ, но всегда людямъ интриги *надо выдумать вредную и опасную партію,—это старая штука*“ *)!.. Сильнѣйшій затѣмъ толчокъ народному образованію дали наши общественныя учрежденія, земскія, сельскія и городскія, а за ними и наша армія—и въ этомъ наглядно сказалось, какъ глубоко проникло *во всѣ слои* русскаго народа сознаніе, что во власти тьмы нѣтъ могучести, не можетъ быть и спасенія. Въ другомъ мѣстѣ нашего журнала мы видѣли, что уже въ 60-хъ годахъ многія изъ нашихъ земствъ начали помышлять даже объ обязательности первоначальнаго образованія и что съ живѣйшимъ сочувствіемъ относилось къ этой благой мысли само министерство народнаго просвѣщенія, но, къ несчастію, только до роковаго 1881 года, въ которомъ совершилась и передача въ его вѣдѣніе учебныхъ заведеній министерства финансовъ **)... И вдругъ настало время, когда печатно уже ставится вопросъ—„нужно ли намъ просвѣщеніе“; а заграничные органы печати или руками разводятъ, или нещадно злорадствуютъ на нашъ счетъ, отчетливо сознавая, что нѣтъ болѣе вѣрнаго средства поколебать наше могущество, какъ накликая всякія невзгоды на молодую русскую школу. Въ истекшія недѣли буквально не было русской газеты, которая бы не сообщала съ разныхъ концовъ нашего отечества о безвыходномъ положеніи несчастныхъ родителей и дѣтей. По этимъ, далеко неполнымъ, свѣдѣніямъ, плачевная картина представляется въ слѣдующемъ видѣ. Въ *Оренбургѣ* одновременное закрытіе юнкерскаго училища, трехъ низшихъ классовъ въ военной прогимназіи, параллельныхъ классовъ въ классической гимназіи и приготовительныхъ въ мужской и женской гимназіяхъ произвело, что на 70-тысячное городское населеніе оказалось всего 4 вакансіи въ младшемъ основномъ классѣ. *Мензелинская* прогимназія очутилась наканунѣ закрытія. Въ *Казани* массы дѣтей остались на рукахъ родителей, за крайнимъ переполненіемъ не только всѣхъ свѣтскихъ, но и духовнаго училища. Въ *Саратовскомъ* трехклассномъ городскомъ училищѣ на 36 вакансій подано 141 прошеніе, александровское же ремесленное и всѣ начальныя до того переполнены, что изъ-за вакансій въ нихъ многіе родители окончательно перессорились; въ *Пензенскомъ* уѣздномъ училищѣ подано 150 прошеній, выдержало экзамены на первый классъ 130, а принято только 40 ребятъ; въ *Елецкихъ* начальныхъ городскихъ училищахъ на одну ваканъ-

*) Соч. графа Л. Н. Толстаго, ч. X, стр. 116.
**) Книга VI за этотъ годъ, стр. 66—68.

Digitized by Google

сію явилось по 17—20 кандидатовъ; въ *Орловской* гимназіи переполненіе такъ велико, что никакого пріема не было,—„вся губернія въ отчаяніи, не знаетъ что̀ и дѣлать съ дѣтьми“; такое же переполненіе оказывается въ *Харьковскихъ* низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ,—„родители и дѣти въ отчаяніи, недовольныхъ не перечесть, по части увольненій гимназическое начальство усердствуетъ черезъ край, между прочимъ, исключенъ мальчикъ способный и съ хорошими экзаменаціонными отмѣтками, безъ объясненія причинъ, но, по догадкамъ, за то, что отецъ его держитъ лавку“; штатъ юнкеровъ въ *Чугуевскомъ* училищѣ сокращенъ на сто человѣкъ. Въ *Екатеринославской* гимназіи многимъ подававшимъ прошенія въ пріемѣ отказано и плата за ученіе возвышена съ 56 до 100 рублей; въ *Московскихъ* городскихъ училищахъ такой наплывъ, что, за недостаткомъ мѣста, многимъ пришлось отказывать въ пріемѣ и на утренніе и на вечерніе классы; даже въ духовной академіи на 35 вакансій явилось 86 кандидатовъ и принято 50; въ *Тихвинѣ* всѣ городскія училища такъ переполнены, что не хватаетъ ни мебели, ни помѣщеній; въ *прибалтійскихъ* губерніяхъ закрыта бо̀льшая часть приходскихъ школъ и „населеніе въ удрученномъ состояніи“. Въ самомъ *Петербургѣ* дѣло не въ лучшемъ положеніи: въ нѣмецкихъ училищахъ, петровскомъ, реформатскомъ, анненскомъ и екатерининскомъ, просьбъ о принятіи поступило вдвое и втрое болѣе, чѣмъ сколько имѣлось вакансій; ограниченіе пріема въ мужскія гимназіи вызвало наплывъ свѣтскихъ учениковъ въ духовныя училища, но и тамъ рѣшили значительно возвысить плату за ихъ обученіе; а въ женскія гимназіи поступило втрое менѣе противъ прежнихъ лѣтъ, именно вслѣдствіе чрезмѣрно увеличенной платы за ученіе; въ технологическомъ институтѣ экзаменовалось 360 юношей, а принято всего 102 и рѣшено ходатайствовать о принятіи еще 34-хъ; въ морскомъ училищѣ на 30 вакансій явилось 105 кандидатовъ; въ горномъ институтѣ экзаменовалось 170, а принято около 40; въ лѣсномъ изъ 300 почти кандидатовъ принято всего 112; въ духовной академіи явилось къ экзаменамъ 77, а принято 45 и рѣшено ходатайствовать у митрополита о принятіи еще 9-хъ; даже въ очень скромное почтово-телеграфное училище на 30 вакансій явилось до 100 желающихъ! Но лучшимъ доказательствомъ, какъ велика у насъ жажда хоть какого нибудь образованія, служитъ тотъ фактъ, что въ казанскую земскую школу фельдшеровъ, гдѣ курсъ ученія трехлѣтній, съ платою для имущихъ по 10 р. въ годъ, поступило на 30 вакансій 55 прошеній, изъ которыхъ цѣлая половина отъ окончившихъ полный гимназическій курсъ, тогда какъ требуется только четырехклассный цензъ, причемъ были прошенія изъ Кіева, изъ привислянскихъ губерній и даже изъ Петербурга!... Въ виду всѣхъ этихъ злополучій, сколько нибудь состоятельное русское юношество нашлось вынужденнымъ утолять жажду просвѣщенія за границей, и уже въ концѣ лѣта множество прошеній отъ нихъ поступило въ разныя учебныя заведенія Хемница, Фрейберга, Львова, Пржемысля, Торна, Кенигсберга, Бреславля, Берлина, Брюсселя, Цюриха, Женевы, Парижа и Лондона;

Digitized by Google

въ Бреславлѣ докторъ Цимерманъ открылъ учебное заведеніе гимназическаго типа со спеціально-русскимъ отдѣленіемъ, для котораго пригласилъ и русскихъ учителей; такая же гимназія для русскихъ открыта даже въ Яссахъ; въ Берлинѣ задумали открыть женскую медицинскую академію, причемъ наслѣдная принцесса Викторія прямо заявила, что „положительно не понимаетъ замѣчающагося въ нѣкоторыхъ государствахъ враждебнаго отношенія къ военно-медицинскому женскому образованію, послѣ того какъ оно дало уже столь благодѣтельные результаты въ Сѣв. Америкѣ и въ Англіи“ и затѣмъ недостаетъ только, чтобы учебныя заведенія для нашихъ дѣтей открылись въ Софіи и Филиппополѣ Не станемъ останавливаться на вопросѣ, въ какой степени разсчетливо и полезно доводить до того, чтобы пресыщенное греко-латынью, но не знающее своей родины русское юношество довершало свое образованіе за границей и въ наиболѣе впечатлительномъ возрастѣ подготовлялось къ дѣловому поприщу въ Россіи тамъ, гдѣ насъ презрительно величаютъ „азіатскими варварами“. Отмѣтимъ только, что менѣе состоятельное юношество, въ виду невозможности пробраться въ высшія учебныя заведенія, должно было либо остаться на улицѣ, безъ пользы для себя и для государства и едва ли съ добрыми къ нему чувствами, либо искать выхода въ военной службѣ, къ которой совсѣмъ не готовилось; еврейское же не замедлило избрать лазейкой въ официальную школу даже религію! Изъ Харькова сообщалось, что 64 молодыхъ еврея приняли православіе, чтобы только попасть въ высшія учебныя заведенія („Нов. Время“ № 4141); попечитель кіевскаго округа ,вслѣдствіе подобнаго же явленія въ самой колыбели русскаго православія, возбуждалъ вопросъ—считать ли такихъ ново-православныхъ изъ личной выгоды „дѣтьми еврейскаго происхожденія“ и разрѣшать ли пріемъ ихъ въ учебныя заведенія (ibid. № 4153) получилъ, сверхъ всякаго ожиданія *), отрицательный отвѣтъ, которому не могъ не удивиться даже ультра-консервативный „Гражданинъ“. Пишущему эти строки невольно вспоминается при этомъ слѣдующій казусъ изъ генералъ-губернаторства Д. Г. Бибикова въ томъ же Кіевѣ: получилось распоряженіе не имѣть католиковъ на полицейской службѣ и приходилось перемѣстить, между прочимъ, человѣка, къ которому самъ Бибиковъ очень благоволилъ, какъ къ весьма опытному и расторопному исправнику, и который не дослужилъ лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ до полной пенсіи; бѣд-

*) Извѣстно, что высочайше утвержденными 5 декабря 1886 и 26 іюня 1887 года положеніями комитета министровъ было предоставлено министру народнаго просвѣщенія принять „мѣры къ ограниченію въ учебныхъ заведеніяхъ числа учениковъ изъ „*дѣтей евреевъ*“, вслѣдствіе чего министръ и предписалъ ограничить число такихъ учениковъ: въ чертѣ постоянной осѣдлости евреевъ 10-ю, внѣ этой черты 5-ю, а въ Петербургѣ и Москвѣ 3-мя процентами всѣхъ учениковъ каждаго учебнаго заведенія. Понятно, что тѣ изъ такихъ учениковъ, которые приняли православіе, отнюдь не перестали быть „дѣтьми евреевъ“.

Digitized by Google

няга думалъ-думалъ, да и перешелъ въ православіе, о чемъ и явился доложить грозному начальнику. Тотъ выслушалъ и порѣшилъ, что „подлецъ, который изъ корыстныхъ видовъ рѣшается измѣнить даже Господу-Богу, не можетъ быть надежнымъ слугой своему государю", — и наотрѣзъ отказалъ въ какой бы то ни было должности во ввѣренномъ ему краѣ. Возвращаясь къ тѣмъ воплямъ и стонамъ, какими огласилась въ началѣ академическаго года вся Россія, нельзя умолчать, что ближайшей причиной ихъ были совсѣмъ неожиданные циркуляры министерства народнаго просвѣщенія, изъ коихъ однимъ предписывалось закрыть приготовительные классы при всѣхъ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, а другимъ (18 іюня № 9255)—значительно сократить самый пріемъ въ эти заведенія, возвысивъ вмѣстѣ и плату за ученіе. Первую, изъ этихъ мѣръ очень скоро пришлось отсрочить для разныхъ мѣстностей, откуда и выяснилось, что, въ качествѣ общей по имперіи, она была или несвоевременна, или даже положительно вредна, особенно тамъ, гдѣ начальныхъ училищъ совсѣмъ нѣтъ, гдѣ число ихъ не соотвѣтствуетъ потребности, гдѣ они не могутъ давать необходимой подготовки, какъ напр., по русскому языку въ мѣстностяхъ съ иноплеменнымъ населеніемъ и т. д. Что же касается до второй, то, по исключительной важности своей, она требуетъ особаго разсмотрѣнія. Въ циркулярѣ 18 іюня на имя попечителей учебныхъ округовъ, министръ народнаго просвѣщенія говоритъ, что, „озабочиваясь улучшеніемъ состава учениковъ гимназій и прогимназій, онъ находитъ необходимымъ допускать въ эти заведенія только такихъ дѣтей, которыя находятся на попеченіи лицъ, представляющихъ достаточное ручательство въ правильномъ надъ ними домашнемъ надзорѣ и въ предоставленіи имъ необходимаго для учебныхъ занятій удобства". Министръ полагаетъ, что „при неуклонномъ соблюденіи этого правила, гимназіи и прогимназіи освободятся отъ поступленія въ нихъ дѣтей кучеровъ, лакеевъ, поваровъ, прачекъ, мелкихъ лавочниковъ и тому подобныхъ людей, дѣтей коихъ, за исключеніемъ развѣ одаренныхъ необыкновенными способностями, вовсе не слѣдуетъ выводить изъ среды, къ коей они принадлежатъ, и чрезъ то, какъ показываетъ многолѣтній опытъ, приводить ихъ къ пренебреженію своихъ родителей, къ недовольству своимъ бытомъ, къ озлобленію противъ существующаго и неизбѣжнаго, по самой природѣ вещей, неравенства имущественныхъ положеній". Предоставивъ „усмотрѣнію" попечителей преподать начальникамъ гимназій и прогимназій необходимыя указанія, министръ, съ своей стороны, предлагаетъ, „чтобы, „при полученіи прошеній о пріемѣ дѣтей, начальники эти, прежде допущенія дѣтей къ испытанію, разспрашивали самихъ просителей и наводили справки объ условіяхъ ихъ матеріальнаго и семейнаго быта, о томъ, какъ они вели и ведутъ воспитаніе своихъ дѣтей и т. д. *), и затѣмъ, буде житейская обстановка ихъ не

*) Благодаря одесскому попечителю, это таинственное „и т. д." разъяснилось въ томъ смыслѣ, что просящій о принятіи сына долженъ предста-

Digitized by Google

соотвѣтствуетъ вышеприведеннымъ условіямъ,—чтобы они рѣшительно отклоняли прошенія, указывая на учебныя заведенія съ менѣе продолжительнымъ и болѣе соотвѣтствующимъ ихъ средѣ курсомъ, въ которыя они съ большею пользою могли бы отдать своихъ дѣтей". Мало того,—министръ указываетъ даже, что, еслибы между принятыми учениками оказались такіе, которые, „вслѣдствіе домашней обстановки родителей или родственниковъ, оказываютъ вредное вліяніе на товарищей, то такихъ слѣдуетъ увольнять изъ заведенія, не стѣсняясь указаннымъ въ уставѣ двухлѣтнимъ срокомъ или формальными правилами о взысканіяхъ, а имѣя въ виду, что въ прогимназіяхъ и гимназіяхъ, какъ заведеніяхъ, открывающихъ доступъ въ университеты и къ высшимъ поприщамъ государственнаго и общественнаго служенія, должны обучаться лишь такія дѣти, которыя, при успѣшности своего ученія, отличаются благонравіемъ и могутъ стать вполнѣ благовоспитанными людьми, за благонадежность которыхъ во всѣхъ отношеніяхъ начальники гимназій и прогимназій могутъ и впослѣдствіи принять на себя отвѣтственность предъ высшимъ начальствомъ и предъ своею совѣстью". Въ заключеніе, министръ проситъ попечителей, въ виду предстоящаго увеличенія расходовъ по надзору за воспитаніемъ дѣтей, „войти съ представленіемъ къ нему о возвышеніи платы за ученіе до 40 р. въ годъ съ каждаго ученика въ тѣхъ заведеніяхъ, въ которыхъ плата не достигаетъ этого размѣра и въ коихъ при открытіи заведенія не было поставлено какихъ либо условій касательно размѣра сей платы".

Случилось, что циркуляръ этотъ сдѣлался извѣстенъ публикѣ *послѣ* того, какъ одесскія газеты огласили основанное на немъ предписаніе попечителя одесскаго округа директорамъ мѣстныхъ гимназій и прогимназій. До этого послѣдняго и тамъ, какъ въ остальной Россіи, былъ въ общемъ обиходѣ такой же взглядъ на эти учебныя заведенія, какой давно уже высказывается громад-

---

вить свѣдѣнія: 1) о сословіи и степени своего образованія, 2) о родѣ занятій, 3) о лѣтахъ отъ роду, 4) о получаемомъ на службѣ содержаніи, или годовомъ доходѣ отъ заработка, имущества или капитала, 5) о квартирѣ, адресѣ, числѣ занимаемыхъ комнатъ и количествѣ прислуги, 6) перечисленіе поименно членовъ семейства, въ немъ проживающихъ, съ указаніемъ лѣтъ каждаго изъ нихъ, рода занятій и средствъ тѣхъ изъ членовъ семьи, которые вышли изъ школьнаго возраста и учебнаго заведенія для учащихся дѣтей; 7) такія же свѣдѣнія о лицахъ, живущихъ съ семействомъ, но къ нему не принадлежащихъ, 8) къ какому занятію предполагается готовить воспитанника, 9) въ состояніи ли проситель вносить плату за обученіе и снабжать воспитанника учебными принадлежностями и форменнымъ платьемъ, 10) какъ и подъ чьимъ непосредственнымъ воздѣйствіемъ было ведено воспитаніе и обученіе ребенка доселѣ; какъ и подъ чьимъ наблюденіемъ и отвѣтственностью предполагается вести его въ случаѣ принятія въ заведеніе; могутъ ли быть предоставлены воспитаннику всѣ способы, необходимые для успѣшнаго ученія и точнаго исполненія ученическихъ правилъ и въ чемъ именно будутъ состоять эти способы. Если на время обученія предположено помѣстить воспитанника внѣ родительскаго дома и не на общей ученической квартирѣ, то вышеизложенныя свѣдѣнія требуются и о предполагаемомъ квартиросодержателѣ ученика. Перечень этотъ едва ли нуждается въ коментаріяхъ.

Digitized by Google

нымъ большинствомъ мыслящаго русскаго человѣчества,—именно, что хотя они и переутомляютъ нашихъ ребятъ разными ненужностями, медленно разрушая ихъ организмъ и не удовлетворяя жизненнаго запроса, но какъ, въ то же время, другихъ подходящихъ къ русской нуждѣ не имѣется, а этимъ даровано незаслуженное преимущество открывать хоть немногимъ прошедшимъ искусъ юношамъ доступъ во всѣ высшія учебныя заведенія гражданскаго вѣдомства безъ изъятія,—то родителямъ ничего болѣе и не оставалось, какъ мириться съ меньшимъ зломъ, лишь бы не натолкнуться на горшее и не оставлять дѣтей безъ всякаго образованія. И вдругъ изъ предписанія одесскаго попечителя публика освѣдомилась о такихъ ужасахъ, которыхъ никто даже не подозрѣвалъ: оказалось, что не только заведенія эти „не даютъ достаточной подготовки къ какой либо практической дѣятельности", но что переполненіе ихъ разнокалиберными учениками, „умственно принижающими и нравственно растлѣвающими" свою среду (?), составляетъ „важное соціальное зло", устранить которое директорамъ предписывается, подъ личной отвѣтственностью, „всѣми тѣми неисчерпаемыми средствами, какія въ рукахъ предусмотрительнаго начальника могутъ успѣшно вести къ установленной цѣли"; а изъ числа такихъ средствъ не изъято и наблюденіе затѣмъ, чтобы широкое примѣненіе предписанныхъ правилъ не было ослабляемо даже общественной и частной благотворительностью (!), такъ какъ послѣдняя, по мнѣнію попечителя, должна „помогать только тѣмъ молодымъ людямъ, которымъ, по положенію ихъ родителей, или по выдающимся личнымъ дарованіямъ, свойственно достигать извѣстныхъ степеней образованія". А какъ попечителю хорошо извѣстно, что подобныхъ молодыхъ людей у насъ очень мало, то въ самомъ предписаніи директорамъ онъ предусмотрѣлъ такую очистку гимназій и прогимназій, при которой не затруднился заранѣе разрѣшить имъ войти съ представленіемъ не только о немедленномъ закрытіи параллельныхъ классовъ, гдѣ они есть, но даже „объ умѣстности кореннаго преобразованія заведенія въ училище инаго типа, болѣе отвѣчающее потребностямъ мѣстной жизни". Къ несчастію, нельзя не согласиться, что такая предусмотрительность попечителя была вполнѣ умѣстна, ибо, если повыгнать изъ гимназій и прогимназій всѣхъ обреченныхъ на изгнаніе бѣдняковъ „по положенію ихъ родителей", то, при общей нашей скудости, окажется, что для богачей за глаза достаточно оставить по одной гимназіи на учебный округъ и по одной прогимназіи на губернію, сокративъ заодно уже и число университетовъ, такъ какъ не по силамъ бѣдной страны увеличивать среднюю стоимость образованія каждаго студента съ 400 руб. до 800, 1200 и т. д., смотря по тому, сократится ли общее ихъ число вдвое, втрое и болѣе противъ бывшаго раньше.

Въ виду такой мрачной перспективы, русское общество не могло не взбудоражиться. Оно и завопило, тѣмъ громче, что циркуляры у насъ, по совершенно вѣрному замѣчанію елецкаго корреспондента „Спб. Вѣдомостей", всюду ставятся выше за-

Digitized by Google

кона и исполняются энергичнѣе, чѣмъ любой законъ, такъ какъ исходятъ отъ непосредственнаго начальства, въ рукахъ котораго вся участь усердствующаго исполнителя. Вопли русскаго общества, насколько они отразились въ нашей печати, сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: высочайше утвержденный уставъ гимназій и прогимназій сдѣлалъ эти учебныя заведенія открытыми *„для всѣхъ классовъ и состояній“*, а по основнымъ законамъ нашимъ никакой существующій законъ не можетъ быть отмѣненъ иначе, какъ тою самою властью, которою былъ изданъ, въ установленномъ законодательномъ порядкѣ; съ этой точки зрѣнія циркуляръ, закрывающій двери гимназій и прогимназій для большинства русскаго населенія, есть мѣра, произвольно отмѣняющая высочайше утвержденный уставъ, поэтому противозаконная, а слѣдовательно и необязательная къ исполненію, ибо, по многократнымъ разъясненіямъ высшаго въ имперіи охранителя законовъ—правительствующаго сената—„обязательными къ исполненію признаются только законныя распоряженія подлежащихъ властей“. Подобныя закононарушенія, быть можетъ, нигдѣ такъ не опасны, какъ въ Россіи, гдѣ чувство законности далеко еще не составляетъ народной добродѣтели, и гдѣ они легко могутъ вызывать самыя нежелательныя подражанія. Достаточно прочесть только послѣдніе номера „Лифляндскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, чтобы въ этомъ убѣдиться: въ циркулярѣ отъ 12 сентября, а затѣмъ и въ особомъ „объявленіи“, мѣстный губернаторъ оповѣстилъ населеніе, что постановленія церковныхъ конвентовъ о закрытіи приходскихъ лютеранскихъ школъ и объ обращеніи школьныхъ зданій и земель на нужды церквей незаконны и потому не подлежатъ исполненію; что крестьяне не должны подписывать такихъ постановленій; что люди, склоняющіе ихъ къ тому, „наносятъ величайшій вредъ странѣ, лишая населеніе возможности надлежащимъ образомъ воспитывать своихъ дѣтей“, и что поэтому онъ предписалъ орднунгсгерихтамъ сдѣлать немедленное распоряженіе о возвратѣ школьныхъ зданій и земель школьному управленію. Въ циркулярѣ же 17 сентября губернаторъ говоритъ уже, что въ одномъ волостномъ управленіи онъ нашелъ предписаніе риго-вольмарскаго суда, въ которомъ предлагается употреблять для переписки бланки, писанные не на русскомъ, а на томъ языкѣ, на которомъ написана и бумага, *„а несогласныя съ этимъ приказанія губернатора оставлять безъ вниманія“*; губернаторъ заключаетъ отсюда, что въ лифляндскихъ судахъ есть избранные дворянствомъ чиновники, „въ которыхъ отсутствіе служебной дисциплины и чувства законности простирается до предѣловъ, неслыханныхъ въ прочихъ губерніяхъ Россіи“, и, конечно, грозитъ за это строжайшей отвѣтственностью; а корреспондентъ „Новаго Времени“ (№ 4159) увѣряетъ, что и въ Курляндской губерніи школьное дѣло не въ лучшемъ положеніи и что хуже всего приходится крестьянамъ, не знающимъ уже кого и слушаться—губернатора ли, который далеко и властенъ только писать циркуляры, или чиновниковъ, которые тутъ же на мѣстѣ и во всеоружіи власти. Отнюдь, конечно нельзя сказать, чтобы подобные факты были пріятны. Уважитель,

Digitized by Google

ныхъ поводовъ къ искусственному сокращенію числа учащихся въ гимназіяхъ и прогимназіяхъ, повидимому, не представлялось, такъ какъ изъ отчета министра народнаго просвѣщенія за 1884 годъ видно, что къ 1-му января 1885 года число это, безъ всякихъ предписаній, сократилось на 1,071 человѣкъ, именно „вслѣдствіе убыли дѣтей недостаточныхъ и малообразованныхъ родителей". Циркуляръ 18 іюня мотивируется, правда, „заботой объ улучшеніи состава учащихся"; но, изъ уваженія къ министерству народнаго просвѣщенія, нельзя допустить, чтобы столь почтенная забота снизошла на него только теперь, на 85 году его существованія; установленное же имъ новое мѣрило такого улучшенія ни въ какомъ отношеніи не лучше практиковавшагося раньше, въ видѣ тѣхъ отмѣтокъ, которыми испытуемый ученикъ наглядно доказывалъ, имѣетъ ли домашнюю возможность учиться хорошо: школа этимъ путемъ получала все, что̀ нужно, не вторгаясь въ домашнюю обстановку семьи, не нарушая святости домашняго очага, а, главное, никого принципіально не отвергая по такимъ внѣшнимъ признакамъ, которые не поддаются никакой нормировкѣ. Не нова, сверхъ того, истина, что улучшеніе школы зависитъ не столько отъ фильтраціи учащихся, сколько отъ выбора учащихъ, и что у хорошаго учителя не бываетъ плохихъ учениковъ; а съ этой стороны нашимъ гимназіямъ и прогимназіямъ, особенно провинціальнымъ, остается желать еще очень многаго: никто напр. не споритъ, что и знаніе мертвыхъ языковъ, какъ всякое знаніе, полезно, но когда призванный издалека варягъ объясняетъ русскому ученику, что ars longa, vita brevis значитъ „*штука длинна, шивотъ коротка*", то, всеконечно, полезность такой латыни сдѣлается больше, чѣмъ сомнительною. Возложенная циркуляромъ 18 іюня на директоровъ обязанность указывать родителямъ учебныя заведенія болѣе подходящаго типа представляется или совершенно неисполнимою тамъ, гдѣ этихъ заведеній совсѣмъ нѣтъ, или прямо оскорбительною для родителей, которые и безъ сторонникъ указаній знаютъ, что̀ имъ нужно. Допущенное же изъятіе въ пользу „одаренныхъ необыкновенными способностями дѣтей" могло бы еще имѣть смыслъ, еслибы самый вопросъ о принятіи дѣтей не предписывалось рѣшать „прежде допущенія ихъ къ испытанію", безъ котораго, очевидно, нельзя и убѣдиться въ наличности такихъ способностей. Но всего болѣе встревожилось русское общество той страшной дискреціонной властью, какая предоставлена директорамъ гимназій и прогимназій. До циркуляра 18 іюня оно думало, со словъ иркутскаго губернатора, что только сибирскимъ засѣдателямъ свойственно „изображать собою независимыхъ монарховъ"; теперь оказывается, что народились новые законодатели, которымъ власть такъ вскружила головы, что даже „Гражданинъ" убѣдился въ необходимости обузданій и вразумленій: одни не принимаютъ мальчика потому, что его дѣдушка былъ въ подозрѣніи во время польскаго возстанія, другіе отказываютъ дѣтямъ богатой вдовы потому, что мужъ ея былъ когда-то подъ судомъ за служебныя провинности, третьи закрываютъ двери училища для всѣхъ вообще дѣтей купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ, на средства кото-

Digitized by Google

рыхъ оно содержится и пр. и пр. и пр. Не удивительно, поэтому, что отъ многихъ городовъ и земствъ предъявлены уже ходатайства или о непримѣненіи циркуляра 18 іюня къ содержимымъ ими учебнымъ заведеніямъ, или объ освобожденіи ихъ отъ дальнѣйшихъ расходовъ на эти заведенія, разъ только они перестали быть доступными „для всѣхъ классовъ и состояній", какъ не удивительно и то, что мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія повліяли даже на сокращеніе нашей книжной торговли, въ которой мы и безъ того уже далеко отстали отъ другихъ европейскихъ государствъ. Сравнительныя цифры о библіотекахъ показываютъ, что въ ту пору, какъ во Франціи и Италіи причитается по 12 книгъ на сотню жителей, у насъ эта средняя цифра не доходитъ до полутора тома, и засимъ понятно, почему Европа страшится насъ, именно какъ „темной силы, грозящей разрушить всѣ блага цивилизаціи." Въ виду всего сказаннаго, намъ пріятно думать, что циркуляру 18 іюня не суждено продолжительное существованіе. Такую надежду внушаетъ намъ и то обстоятельство, что не всѣ попечители учебныхъ округовъ зашли въ своихъ „усмотрѣніяхъ" такъ далеко, какъ одесскій; а нѣкоторые не затруднились даже допустить и кое-какія отступленія отъ министерскихъ указаній. Такъ, попечитель дерптскаго округа не отвергаетъ въ своемъ циркулярѣ, что „школа можетъ получить характеръ воспитательный, какъ единственно достойный ея призванія, если сами учащіе станутъ добросовѣстно относиться къ своему долгу"; попечитель московскаго округа считаетъ „лучшимъ средствомъ къ ознакомленію съ семейной обстановкой учащагося ту степень соотвѣтственнаго возрасту нравственнаго и умственнаго развитія и научной подготовки, какой въ семьѣ достигли дѣти и которая можетъ обнаружиться при испытаніи", и прямо объясняетъ, что циркуляръ министра „не имѣетъ въ виду вовсе преграждать пути къ образованію тѣмъ дѣтямъ, которыя, по условіямъ своего матеріальнаго и семейнаго быта, не пользуются вполнѣ удобствами для учебныхъ занятій". Такъ пока и запишемъ, оставляя открытымъ вопросъ—полезно ли, чтобы оцѣнка принимаемыхъ въ учебныя заведенія дѣтей производилась въ разныхъ мѣстахъ различными и заранѣе неизвѣстными способами?

Digitized by Google

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

Вступленіе принца Кобургскаго въ третій мѣсяцъ своего царствованія.—Награда Стамбулову за храбрость.—Господство и тиранія солдатчины въ Болгаріи.—Чего ждетъ Европа и Россія?—Новые выборы и осадное положеніе.—„Тырновская Конституція".—Именитые граждане, разносящіе типографіи и частные дома.—Государь, благодарящій народъ за буйство.—Австрійскій консулъ, останавливающій разгромъ дома Радославова.—Дипломатическая дѣятельность Порты.—Германскій консулъ, принимающій къ сердцу русскіе интересы.—Рущукскій вице-консулъ и болгарская журналистика.—Несостоявшаяся блокада Варны и Бургаса.—Свиданіе монарховъ, замѣненное визитами во Фридрихсруэ.—Тройной союзъ противъ Россіи.—Новые инциденты на франко-прусской границѣ.—Манифестъ графа Парижскаго.—Озлобленіе французовъ противъ нѣмцевъ.—Буланже опять заговорилъ.—Австрія въ Босніи и Герцеговинѣ.—Рѣчь Франца Іосифа въ Клаузенбургѣ.—Преслѣдованіе славянъ въ Хорватіи и судъ надъ ними въ Моравіи.—Война Салисбюри съ Ирландіей.—Нѣмецкіе міряне-католики и попы.—Марокскій вопросъ.

15 (3) октября.

Еще мѣсяцъ дипломатическихъ нотъ, таинственныхъ переговоровъ, глубокихъ соображеній и разнородныхъ предложеній о томъ, какъ поступить съ Болгаріей. Политики произносятъ длинныя рѣчи, газеты печатаютъ пространныя статьи, вершители судебъ Европы съѣзжаются и бесѣдуютъ все объ одномъ и томъ же предметѣ, сдѣлавшемся положительно кошмаромъ нашей эпохи. Что бы ни случилось въ другихъ странахъ и по другимъ вопросамъ, все это только на время отвлекаетъ общественное мнѣніе Европы и дипломатію, и они торопятся поскорѣе вернуться къ своей излюбленной Болгаріи, продолжая сыпать рѣчами и словесными, и печатными. Европейскіе дипломаты, конечно, не читали басни Крылова, въ которой говорится: „а я бы повару иному велѣлъ на стѣнкѣ зарубить: чтобъ тамъ рѣчей не тратить по пустому, гдѣ нужно власть употребить." Но и безъ басни примѣръ самихъ болгарскихъ самозванцевъ могъ бы научить всякаго, какое сильное орудіе даетъ власть въ руки того, кто ее захватываетъ... Упустилъ ее изъ рукъ Батенбергъ, не рѣшавшійся дѣйствовать насиліемъ, но преемники его, регенты, откинувъ всякую совѣстливость и умѣренность, почти годъ правили страною съ помощью террора и осаднаго положенія, выживъ изъ нея всѣхъ русскихъ и порвавъ всѣ связи со своими освободителями, не позволявшими совершать беззаконій. А когда, выведенные изъ терпѣнія ихъ тираніей, противъ нихъ поднялись рущукскіе и силистрійскіе полки, регентская троица залила кровью возникшее возстаніе и начала еще болѣе злодѣйствовать. Горсть смѣлыхъ негодяевъ съумѣла держать въ страхѣ двухмильонный загнанный народъ. Новаго ничего не было въ подобномъ явленіи. Въ эпоху французской революціи

Digitized by Google

такіе полупомѣшанные маньяки, какъ Маратъ, или холодные фанатики, какъ Робеспьеръ, терроризировали Францію, гдѣ интеллигенція была, конечно, не чета болгарской, пять вѣковъ страдавшей въ турецкомъ рабствѣ. Чтобы еще больше упрочить свое положеніе и прикрыть маскою законности свои грабежи и насилія, регенты согласились наконецъ выбрать другаго князя, именемъ котораго можно бы продолжать свои прежнія безчинства. Безшабашный австрійскій поручикъ, котораго, по свидѣтельству эрцгерцога Іоанна, и на службѣ-то держали только изъ уваженія къ его высокому положенію и родственнымъ связямъ, причисливъ его къ резерву гонведовъ,—охотно согласился взять на себя роль фиктивнаго князя Болгаріи и быть ширмою, подъ прикрытіемъ которой регенты и ихъ приверженцы могли бы продолжать свои нецеремонные подвиги. Недаромъ Кобургъ, объявившись княземъ, тотчасъ же пожаловалъ Стамбулову, Муткурову и Живкову медаль за храбрость. И какъ же не назвать ихъ храбрецами послѣ побѣдъ, одержанныхъ ими въ войнѣ съ русскими дипломатическими агентами, съ генераломъ Каульбарсомъ, и при уничтоженіи послѣднихъ слѣдовъ русскаго вліянія въ краѣ. Да они, сверхъ того, уничтожили враждебныя имъ партіи Каравелова и Цанкова, побѣдили еще своихъ соперниковъ и конкурентовъ по управленію, Радославова и Николаева, устранивъ совершенно отъ дѣлъ перваго и заставивъ послѣдняго перейти изъ опозиціи на сторону Кобурга, за что тотъ сейчасъ же пожаловалъ генералъ-лейтенантомъ бывшаго военнаго министра, продавшагося правительству со всѣми своими преторіанцами.

И теперь эта солдатчина, вѣрнѣйшій оплотъ самозванцевъ, приводящая въ ужасъ все населеніе края, объявляетъ очень развязно, что будетъ сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ всякой попыткѣ прогнать ихъ князя или перемѣнить ихъ правительство. И они несомнѣнно сдѣлаютъ это, такъ какъ, съ водвореніемъ порядка въ Болгаріи, прежде всего надо будетъ распустить эту армію, составленную преимущественно изъ палочниковъ и всякаго сброда, который, владѣя штыкомъ, подъ предлогомъ служенія отечеству, терроризируетъ мирныхъ гражданъ и, получая жалованье отъ правительства, производитъ по его приказаніямъ возмутительныя избіенія, аресты, даже убійства. Понятно, что такая сволочь, твердя о строгой дисциплинѣ, вѣрности своему знамени, долгу службы, чести мундира, независимости Болгаріи и тому подобныхъ громкихъ фразахъ, будетъ драться, съ кѣмъ прикажутъ, чтобы сохранить свое привилегированное положеніе, свои военные чины и казенное содержаніе. Тѣмъ болѣе правители ихъ, со своимъ княземъ, не оставятъ добровольно теплыхъ мѣстечекъ и не уступятъ своей власти никакимъ комисарамъ и намѣстникамъ, еслибы тѣ даже явились и съ сильными отрядами. Стало быть, во всякомъ случаѣ, война съ Болгаріею или, по крайней мѣрѣ, съ ея правителями, опирающимися на армію—неизбѣжна, если ихъ вздумаютъ разгонять силою. Другой вопросъ: вмѣ-

Digitized by Google

шается ли въ это Австрія, повторяющая покамѣстъ только черезъ органы своихъ офиціозовъ, что она не потерпитъ вооруженнаго вмѣшательства въ дѣла страны и насильственнаго низверженія своего ставленника. Убѣдиться въ этомъ можно, только прибѣгнувъ къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, а дипломатія разсылаетъ лишь ноты, да переписывается объ нихъ. Рѣшившись однажды отозвать изъ Болгаріи всѣхъ нашихъ офицеровъ, консуловъ, агентовъ, мы дали этимъ возможность усилиться тамъ враждебному намъ вліянію нѣмцевъ и англичанъ, открыто подстрекающихъ болгаръ къ искорененію въ странѣ послѣднихъ слѣдовъ русскаго вліянія, возвращеніе котораго невозможно безъ вторичнаго занятія края вооруженною силою. Народъ, если и расположенъ къ Россіи, то загнанный, запуганный и раззоренный правительствомъ, никогда не поднимется противъ него, а попытки отдѣльныхъ личностей избавиться отъ Стамбуловыхъ и Муткуровыхъ, послѣ кровавыхъ казней въ Рущукѣ, очень сомнительны. Въ Болгаріи возможны только пронунсіаменто, солдатскіе бунты, возстаніе какого нибудь командира полка, обиженнаго правительствомъ. Предположивъ даже самый благопріятный для насъ случай: отправленіе Кобурга въ новую увеселительную поѣздку по Дунаю à la Батенбергъ, съ содѣйствіемъ этихъ же полковыхъ командировъ, страшно недовольныхъ новымъ княземъ,—что мы выиграемъ при этомъ? Опять годъ-другой регентства съ комедіей новыхъ выборовъ другаго искателя приключеній, со старымъ терроромъ, хоть и съ новыми народными представителями, утверждающими по командѣ палочниковъ все, что имъ прикажутъ Стамбуловы и Муткуровы. Даже если одинъ изъ нихъ проглотитъ другаго или оба съѣдятъ другъ друга, отъ этого не будетъ легче. Найдется еще немало Начевичей, Стояновыхъ, Николаевыхъ, Радославовыхъ и всякихъ охотниковъ до теплыхъ мѣстъ и безконтрольной власти. Нѣмцы, въ союзѣ съ англичанами и итальянцами, положительно не хотятъ допустить нашего преобладанія въ странѣ, обязанной намъ своимъ существованіемъ,—только слѣпой можетъ не видѣть враждебнаго отношенія къ намъ трехъ великихъ державъ. Мы не хотимъ изъ-за болгаръ ссориться съ нѣмцами; стало быть,—какъ это ни прискорбно, послѣ всѣхъ нашихъ жертвъ,—остается одно—предоставить несчастную страну ея плачевной участи, что, впрочемъ, уже больше года и дѣлаетъ наша дипломатія, держась выжидательной системы. Неизвѣстно только, чего она дожидается. Развѣ какого нибудь чуда; но чудеса въ политическомъ мірѣ теперь также мало вѣроятны, какъ и въ жизни.

Историкъ и мыслитель нашего времени съ любопытствомъ останавливается, однако, на событіяхъ въ этой маленькой странѣ, служащей яблокомъ раздора для великихъ державъ и изъ-за которой могутъ возникнуть міровыя катастрофы. Въ то время, когда дипломатія занимается разсылкою нотъ и глубокомысленною перепискою, власть узурпаторовъ съ каж-

Digitized by Google

дымъ днемъ укрѣпляется въ Болгаріи. Теперь они, помимо утвержденія всего ими сдѣланнаго народнымъ собраніемъ, созвали его снова для отмѣны неудобныхъ для нихъ статей конституціи. Такъ, чтобы ни отъ кого не зависѣть, они хотятъ быть отвѣтственными только передъ княземъ, а не передъ собраніемъ и, конечно, достигнутъ легко своей цѣли. На избирателей производится такое колоссальное давленіе, что незаконные выборы въ предшествовавшее собраніе, сравнительно съ нынѣшними, можно сказать, состоялись при совершенной свободѣ. Теперь префекты ревностно опаиваютъ водкою избирателей, согнанныхъ палками. Противниковъ правительства сажаютъ въ тюрьму и сѣкутъ. Стояновъ приказалъ предоставить въ распоряженіе каждой сходки нѣсколько бочекъ водки для возбужденія вѣрноподданническаго усердія. Это констатируетъ „Journal de St.-Pétersbourg“, восклицая патетически: „долго ли еще придется страдать Болгаріи!“ Если это вопросъ, то съ нимъ слѣдуетъ обратиться къ власть имущимъ, а не къ публикѣ, которая можетъ только удивляться, что анархія считается въ Болгаріи нормальнымъ состояніемъ, которому никто не находитъ нужнымъ положить конецъ. Зашевелились было немного журналисты и даже дипломаты послѣ „инцидента“ съ Каравеловымъ, но вскорѣ же и успокоились, такъ какъ ничего иного и нельзя было ждать отъ этого инцидента. Для производства выборовъ въ собраніе, на основаніи конституціи, въ странѣ было снято осадное положеніе. Объ этой милости и о возвращеніи къ нормальному порядку вещей съ торжествомъ возвѣщалъ даже манифестъ комитета патріотическихъ дружинъ, то есть палочниковъ, подписанный Захаріемъ Стояновымъ и Петковымъ. Они призывали въ собраніе „мужей-защитниковъ болгарской свободы и независимости“, въ то время, когда органъ ихъ, газета „Свобода“, печатала списокъ „черныхъ душъ“, стремящихся предать страну иностранцамъ: въ этомъ спискѣ было 87 именъ—и еще обѣщано продолженіе впредь. Тутъ были Каравеловъ, Славейковъ, оба Цанковы, Бендеревъ, Груевъ, Никифоровъ, Кесельковъ, Гешовъ, Бурмовъ, Балабановъ,—всѣ, не принадлежащіе къ правительственной партіи. Изъ нихъ Цанковъ прямо объявилъ, что оппозиціи не слѣдуетъ и являться на выборы, такъ какъ принять въ нихъ какое либо участіе—значитъ признать законность избранія Кобурга и большаго народнаго собранія. Но нашлись и довѣрчивые люди, положившіеся на то, что военное положеніе снято не только на бумагѣ, но и въ дѣйствительности.

Всего страннѣе, что въ числѣ этихъ благодушныхъ болгаръ оказался и Каравеловъ, кажется, достаточно испытавшій, какъ говорится, своими боками, что значитъ не одобрять правительственныхъ мѣръ. Забывъ, сколько разъ его сѣкли въ софійской тюрьмѣ, забывъ даже то, что въ прошломъ году основанная имъ газета „Тырновская Конституція“ была прекращена на первомъ же нумерѣ, Каравеловъ вздумалъ выпустить второй нумеръ,

Digitized by Google

въ которомъ радовался, что, „послѣ періода звѣрствъ, болгарскимъ гражданамъ возвращены ихъ политическія права, нагло похищенныя и разбойнически истоптанныя извѣстными личностями, захватившими власть". Статья оканчивалась восклицаніемъ: „долой палочниковъ! долой гнусныхъ узурпаторовъ правъ и воли народа". Далѣе Иванъ Славейковъ, въ не менѣе рѣзкихъ выраженіяхъ, доказывалъ совершенную незаконность пребыванія въ Болгаріи принца Кобургскаго, какъ съ международной точки зрѣнія, такъ и съ конституціонной болгарской. Тутъ же старый писатель-патріотъ прямо говорилъ, что Фердинандъ Кобургскій избранъ въ князья не народомъ, а Стамбуловымъ и Муктуровымъ. Правительство, не ожидавшее такой смѣлой выходки, сначала не знало, что̀ дѣлать. Схватить Каравелова и подвергнуть знакомой уже ему экзекуціи—было бы нетрудно, но газета разошлась по городу, въ теченіе двухъ часовъ, въ количествѣ полуторы тысячи экземпляровъ: число, небывалое въ Софіи. Нумеръ былъ въ рукахъ у всей интеллигенціи. Надо было доказать, что народъ не сочувствуетъ опозиціи, стоитъ за правительство. Стамбуловъ поручилъ редакторамъ другой газеты „Свобода" устроить сходку, которая выразила бы народное негодованіе противъ дерзкаго журналиста. За это время Илья Волчевъ,—устроитель знаменитаго сборища, на которомъ не дали говорить генералу Каульбарсу,—созвалъ на площадь массу палочниковъ. Захарій Стояновъ, Волчевъ и Петко Стойковъ, племянникъ Стамбулова, изливали свое негодованіе по поводу оскорбленій, нанесенныхъ Каравеловымъ „его царскому (?) высочеству", избраннику Болгаріи, и всѣмъ истиннымъ и честнымъ патріотамъ. Затѣмъ ораторы предложили „именитому гражданству" идти во дворецъ и просить князя—наказать гнуснаго предателя Каравелова. Толпа именитыхъ гражданъ восторженными криками встрѣтила это предложеніе, но отправилась сначала къ дому Каравелова и начала бомбардировать его камнями. Полиція и жандармы любовались этимъ порывомъ благороднаго негодованія и принялись унимать расходившихся „патріотовъ своего отечества", когда они перебили уже всѣ стекла, выломали двери и готовились разносить домъ по камню. Оставить неоконченнымъ это патріотическое дѣло ихъ побудило новое предложеніе: разнести типографію, гдѣ печаталась продерзостная „Тырновская Конституція". Толпа нагрянула на типографію, сорвала съ нея вывѣску, разбила всѣ окна и ворвалась на дворъ, чтобы переломать машины и выбросить шрифты. Но отъ дальнѣйшаго разгрома типографію спасли судебныя власти, явившіяся на мѣсто свалки и окружившія домъ цѣпью полицейскихъ. Тогда толпа отправилась ко дворцу и стала вызывать князя. Онъ вышелъ на балконъ со своимъ первымъ министромъ и благодарилъ именитыхъ гражданъ за сказанное ими усердіе, а Стамбуловъ вскричалъ, что Болгарія будетъ процвѣтать, пока у нея будутъ такіе патріоты.

Въ виду такихъ „веселенькихъ пейзажей", даже „Journal de St.-Pé-

Digitized by Google

tersbourg" счелъ нужнымъ обратиться къ принцу Кобургскому и замѣтить ему, что „онъ, должно быть, предавался меланхолическимъ размышленіямъ, когда ему приходилось говорить комплименты толпѣ; и если онъ не окончательно утратилъ чувство собственнаго достоинства и сохранилъ еще кое-какія понятія о свободѣ, какою должны быть обставлены народные выборы, онъ не могъ не сказать самому себѣ, что весьма странныя вещи творятся и будутъ впредь твориться отъ его имени и подъ покровомъ свободы". И, дѣйствительно, зрѣлище этого монарха, приносящаго благодарность полупьяной черни за разбиваніе частныхъ домовъ и разнесеніе типографіи, показалось неловкимъ даже для его патроновъ, и нѣмецкія газеты не преминули сдѣлать ему легкое внушеніе о неприличіи такого братанья государя съ уличными разбойниками. Только англичане, бомбардировавшіе Александрію, нашли совершенно естественнымъ разрушеніе типографіи и каравеловскаго дома, а статьи консервативныхъ газетъ объ этомъ проявленіи народнаго негодованія оканчивались чуть не поощреніемъ разносителей, въ формѣ англійскихъ поговорокъ: all right! и never mind!

Австрійскій генеральный консулъ Буріанъ оказался болѣе строгимъ къ подобнымъ постыднымъ явленіямъ, чѣмъ другіе дипломатическіе агенты, и избавилъ Софію отъ повторенія сценъ съ Каравеловымъ. Бывшій министръ юстиціи Радославовъ, не подѣлившій что-то со Стамбуловымъ и выброшенный имъ изъ министерства, сказалъ въ своей газетѣ также нѣсколько неодобрительныхъ фразъ о своемъ бывшемъ коллегѣ. Нужды нѣтъ, что газета Радославова самымъ категорическимъ образомъ провозгласила священнымъ долгомъ каждаго болгарина почитать и поддерживать принца Кобургскаго. Но газета смѣла сказать въ то же время, что господинъ Стамбуловъ поступаетъ уже черезчуръ нецеремонно съ конституціей, и за это была, конечно, прекращена, два редактора ея схвачены и отправлены въ ссылку, пѣшкомъ, а третій избитъ до полусмерти. Но это показалось мало мстительному премьеру, и онъ подготовилъ для Радославова такой же митингъ негодованія, какой былъ устроенъ для Каравелова. Собраны были уже команды палочниковъ, заготовлены рѣчи ораторовъ противъ втораго предателя, назначенъ воскресный день для сходки, подобранъ отрядъ ловкихъ бросателей камней и пр. Приготовленія велись такъ открыто, что Радославовъ принялъ съ своей стороны всѣ мѣры предосторожности, запасся четырьмя револьверами и объявилъ, что на камни отвѣтитъ пулями, на томъ основаніи, что не обвиненный ни въ какомъ преступленіи онъ имѣетъ право прибѣгнуть къ законной самозащитѣ. Угроза стрѣлять не подѣйствовала бы на стамбуловцевъ, но наканунѣ сходки явился къ министру Буріанъ и объявилъ, что уже расправа съ Каравеловымъ произвела неблагопріятное впечатлѣніе на кабинеты, покровительствующіе новому болгарскому правительству, а если подобныя грубыя сцены повторятся и съ

Digitized by Google

Радославовымъ—это серьезно дискредитируетъ болгарское министерство въ глазахъ Европы и докажетъ ей, что политическая борьба въ Болгаріи руководствуется не патріотическимъ стремленіемъ охранить независимость страны, а личными властолюбивыми страстями. Стамбуловъ началъ, конечно, увѣрять, что онъ непричемъ во всѣхъ этихъ манифестаціяхъ и, чтобы доказать это, не отмѣнилъ сходку, но появился на ней и произнесъ рѣчь о выборахъ, о томъ, что правительство не желаетъ вмѣшиваться въ избирательную борьбу, что самъ онъ и его товарищи не желали принимать участія въ управленіи страной, передавъ власть князю, но по настоянію его сформировали кабинетъ, и съ удовольствіемъ передадутъ управленіе другимъ, достойнымъ мужамъ, которые будутъ выбраны новымъ собраніемъ и „возьмутся довести кризисъ до конца, ибо онъ еще не разрѣшенъ". Затѣмъ сходка была распущена и разошлась съ двумятремя жидкими возгласами: ура! въ честь Стамбулова, очень недовольная тѣмъ, что ее не повели бить окна въ домѣ Радославова.

Особенное вниманіе обратила европейская журналистика на необыкновенную дѣятельность Турціи по болгарскому вопросу. Въ послѣднее время Порта, затягивающая всякое дѣло, никогда и никуда не торопящаяся, стала сыпать и циркулярными, и единичными нотами къ великимъ державамъ. Предложила она сначала отправить въ Болгарію русскаго комисара или намѣстника, и даже именно бывшаго въ ней военнымъ министромъ генерала Эрнрота; когда же на это не согласились Австрія, Англія и Италія, явилось новое предложеніе: присоединить къ русскому агенту турецкаго, принять вдвоемъ управленіе страною, пригласить Кобургскаго удалиться, произвести новые законные выборы въ странѣ, предложить народному собранію трехъ кандидатовъ въ князья. Но всѣ эти благія намѣренія рушились при вопросѣ о способахъ приведенія ихъ въ исполненіе. Стамбуловцы объявили, что они не пустятъ къ себѣ никакого комисара. Австрія не хочетъ допустить вооруженнаго вмѣшательства „посторонней" державы. Порта предложила тогда—третьяго, австрійскаго комисара, и, вѣроятно, получивъ отвѣтъ, что этого, въ свою очередь, не потерпитъ „посторонняя" держава, рекомендовала цѣлую международную комисію, потомъ международную конференцію; а покамѣстъ дипломаты сыплятъ нотами и соображеніями, его царское высочество царствуетъ очень спокойно, не обращая вниманія на то, что державы изъ приличія не признаютъ его официально, какъ нарушителя берлинскаго трактата, но официозно продолжаютъ вести съ нимъ сношенія, совѣтуя ему пообождать немножко, пока дѣло обойдется и безъ формальнаго признанія, а посторонней державѣ, не желающей войны, надоѣстъ протестовать, и тогда все уладится само собою. Не надобно только много шумѣть и открыто играть роль независимой державы; а иначе можно получить неожиданной реприманд, что и случилось уже съ знаменитымъ рущукскимъ префектомъ Мантовымъ. Эпизодъ этотъ до того

Digitized by Google

любопытенъ, что невольно останавливаетъ вниманіе всякаго посторонняго, не только журнальнаго „Наблюдателя". Дѣло въ томъ, что германскій канцлеръ, желая ли доказать русской печати неосновательность ея заподозриванія нѣмцевъ во враждѣ къ Россіи, или по другимъ какимъ либо дипломатическимъ причинамъ, сталъ вдругъ на русскую точку зрѣнія въ болгарскомъ вопросѣ и очутился такимъ образомъ на сторонѣ Франціи и Россіи противъ Австріи, Англіи и Италіи. Чтобы выказать намъ свое расположеніе и неудовольствіе—Болгаріи, сопротивляющейся столько времени всѣмъ русскимъ требованіямъ, Бисмаркъ воспользовался первымъ подвернувшимся случаемъ:—извѣстно, какой онъ мастеръ даже создавать ихъ, если у него ихъ нѣтъ подъ рукою.

Еще недѣли за двѣ до созванія большаго собранія въ Тырновѣ, то есть болѣе трехъ мѣсяцевъ тому назадъ, въ правительственной газетѣ „Свобода" появились двѣ статьи:—сначала одна на болгарскомъ языкѣ, затѣмъ другая во французскомъ переводѣ, обѣ за подписью стамбуловскаго журналиста Захарія Стоянова,—въ которыхъ германскій вице-консулъ въ Рущукѣ фонъ-Леперъ былъ осмѣянъ самымъ грубымъ образомъ. Статьи эти были перепечатаны въ офиціальной рущукской газетѣ „Болгаринъ". Генеральный германскій консулъ въ Софіи, Тильманъ, замѣтилъ Начевичу неприличіе этихъ статей и, недѣли черезъ двѣ, въ „Свободѣ" явилось правительственное сообщеніе, что, „за отсутствіемъ редактора, въ газетѣ появились неосновательныя нападки на рущукскаго вице-консула, о чемъ редакція сожалѣетъ." Этимъ дѣло и кончилось. Въ августѣ Леперъ уѣхалъ въ отпускъ, и постоянно ссорившійся съ нимъ рущукскій префектъ Мантовъ сообщилъ объ этомъ въ „Болгаринѣ" въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „мы слышали, что г. фонъ-Леперъ уволенъ отъ службы за свое скандальное поведеніе." Тильманъ, не жалуясь и не требуя удовлетворенія, дружески замѣтилъ министру внутреннихъ дѣлъ новое неприличіе подчиненной ему офиціальной печати. Начевичъ приказалъ помѣстить въ „Болгаринѣ" слѣдующее опроверженіе: „наше сообщеніе относительно г. Лепера оказывается невѣрнымъ; его милость не отозванъ, а уѣхалъ въ отпускъ". Двадцать дней прошло со времени этого самоопроверженія, и всѣ уже позабыли объ немъ, какъ вдругъ князь Бисмаркъ потребовалъ отъ Турціи удовлетворенія, въ продолженіе 24-хъ часовъ, за оскорбленіе, нанесенное представителю Германіи рущукскою газетою „Болгаринъ". Въ случаѣ же замедленія удовлетвореніемъ, канцлеръ требовалъ пропуска черезъ проливы въ Черное море трехъ нѣмецкихъ броненосцевъ, для блокады Варны и Бургаса. Какъ ни привыкла Европа къ бисмарковскимъ сюрпризамъ, но отъ такого пассажа положительно остолбенѣли всѣ дипломаты, а газеты принялись на всѣ лады придумывать причины такой непостижимой придирки. Защитникъ и творецъ берлинскаго трактата требовалъ, прежде всего, явнаго его нарушенія — прохода военныхъ судовъ въ Черное, то

Digitized by Google

есть русское море, съ тѣмъ чтобы блокировать въ болгарскихъ портахъ торговыя суда, которыхъ тамъ и нѣтъ. Это было что-то до того странное, что нѣкоторыя газеты начали ставить на видъ канцлеру, придумавшему такое небывалое удовлетвореніе за пустую, давно опровергнутую статью ничтожнаго листка, какими любезностями осыпали постоянно болгарскія газеты Россію, что говорили чуть не въ глаза генералу Каульбарсу. Правда, приходили русскія суда въ Бургасъ и Варну, но они тамъ постояли, постояли и прочь пошли. А теперь столько шума и изъ за чего? Болгарскую газету, конечно, тотчасъ же запретили, префекта Мантова отставили,—на бумагѣ только, потому что онъ и теперь царствуетъ въ Рущукѣ. Но канцлеръ объявилъ, что онъ удовлетворенъ. Торжественное заступничество за нѣмецкаго чиновника могло ли служить подтвержденіемъ, что канцлеръ принялъ горячо къ сердцу русскіе интересы? Другія газеты догадывались, что эта сенсаціонная выходка сочинена только съ цѣлью побудить къ устройству штетинскаго свиданія. Оно почему-то было нужно канцлеру, и когда не состоялось, во всей послѣдующей политикѣ Бисмарка стало отражаться явное неудовольствіе отъ этой неудачи и какъ бы отместка за нее. Сначала его офиціозы начали доказывать, что никакого свиданія и не ожидалось, что еслибы оно и состоялось, то было бы простымъ актомъ дружескаго визита одного сосѣдняго монарха къ другому, какъ скерневицкое или кремзирское, и встрѣча двухъ государей не имѣла бы никакого политическаго значенія. Затѣмъ, канцлеръ сталъ устраивать свиданія у себя во Фридрихсруэ и пригласилъ сначала перваго министра Австріи, потомъ перваго министра Италіи. Офиціозы тотчасъ объявили, что канцлеръ для того призывалъ Кальноки, чтобы убѣдить его принять предложеніе о посылкѣ въ Болгарію русскаго намѣстника. Нашлись наивные органы, повѣрившіе, что Бисмаркъ будетъ серьезно поддерживать такое предложеніе и печатали даже, что объ этомъ объявитъ Францъ-Іосифъ при открытіи венгерскаго сейма. Сеймъ открылся, императоръ произнесъ пустую и безсодержательную рѣчь, въ которой, конечно, ни слова не упоминалось ни о Россіи, ни о Болгаріи. Когда же въ Фридрихсруэ явился Криспи, тѣ же благодушныя газеты стали толковать, что пойдутъ переговоры о Ватиканѣ да о войнѣ съ Абиссиніей. Оказалось однако, что дѣло гораздо серьознѣе. Гарибальдіецъ и либералъ пріѣзжалъ подписать договоръ, заключенія котораго Бисмаркъ напрасно добивался отъ австрофила—Робилана. Что это формальный, оборонительный и наступательный договоръ между Германіей, Австріей и Италіей, объ этомъ извѣстилъ офиціальный органъ канцлера „Norddeutsche Zeitung“ въ самыхъ недвусмысленныхъ выраженіяхъ. Газета говоритъ прямо, что три державы „поставили себѣ цѣлью не только предупредить войну, но въ случаѣ необходимости дать ей отпоръ общими силами.“ Другіе офиціозы съ восторгомъ комментируютъ каждую фразу канцлеровскаго органа. „Nazional

Digitized by Google

Zeitung говоритъ, что силы, которыми обладаетъ европейская лига мира, конечно, должны внушать подобающее уваженіе небольшому числу тѣхъ, кто стремится обрушить на Европу бѣдствія большихъ войнъ. Газета видитъ въ заявленіи своего собрата „манифестъ, обращенный на два фронта“ и „предостереженіе по адресу безпокойныхъ сосѣдей. Съ соединенными силами Италіи, Австро-Венгріи и Германіи не можетъ помѣряться не только какое нибудь отдѣльное государство, но даже цѣлая коалиція государствъ“. Самая распространенная „Фоссова газета“ говоритъ еще яснѣе: „итакъ, съ одной стороны Россія обрекается на безсиліе, а съ другой стороны Франція болѣе прежняго осуждается на изолированіе. Теперь въ Болгаріи Россія не въ состояніи затѣять ссору, когда ей вздумается—въ надеждѣ, что будетъ имѣть дѣло съ одной Австріей. Отнынѣ соединенныя силы трехъ государствъ направлены противъ всего, что̀ можетъ угрожать европейскому миру. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ серьезныхъ случаяхъ, тройственный союзъ можетъ смѣло разсчитывать на содѣйствіе Англіи“. И въ виду такихъ категорическихъ заявленій находятся еще органы, разсчитывающіе на мирное рѣшеніе болгарскаго вопроса, на возстановленіе русскаго вліянія въ странѣ, освобожденной Россіею. Миромъ вопросъ этотъ рѣшится только въ такомъ же смыслѣ, какъ былъ рѣшенъ въ Румыніи, въ 1866 году. И тогда, въ эту страну, только что избавившуюся отъ князя Кузы, явился нѣмецкій принцъ, избранный министромъ Братіано и его пособниками. Онъ захватилъ власть безъ согласія державъ, жаловавшихся на нарушеніе парижскаго трактата, толковавшихъ о необходимости прогнать самозванца, созвать конференцію. Кончилось однако тѣмъ, что всѣ понемногу примирились съ совершившимся фактомъ, признали княземъ Карла Гогенцоллерна, и онъ очень спокойно царствуетъ 21 годъ и еще королемъ себя пожаловалъ. Фердинандъ Кобургскій знаетъ, конечно, исторію и потому не смущается никакими протестами. И благо ему, и долголѣтенъ онъ будетъ въ своемъ царствованіи. Beati possidentes. J'y suis et j'y reste.

Обезпечивъ себя надежными союзниками, германскій канцлеръ будетъ теперь еще менѣе смущаться инцидентами въ родѣ возникавшихъ, въ послѣднее время, на франко-нѣмецкой границѣ. Только что забылся случай со Шнебелемъ, какъ явился на сцену Шнебель-сынъ, отправившійся въ Эльзасскую деревню и приклеившій тамъ прокламацію, приглашавшую жителей свергнуть съ себя иго притѣснителей и возстать противъ—казаковъ. Шестнадцатилѣтняго агитатора, конечно, схватили, судили и приговорили къ тюремному заключенію, но императоръ помиловалъ его, какъ и его отца, хоть отецъ просилъ правосудія, а не милости, потому что былъ захваченъ обманомъ и насиліемъ. Молодой Шнебель былъ виноватъ, и потому просилъ прощенія. Его немедленно отпустили. Тотчасъ же за этой мальчишеской продѣлкой произошла исторія гораздо серьезнѣе. Нѣмецкій

Digitized by Google

таможенный солдатъ среди бѣла дня выстрѣлилъ три раза черезъ границу въ группу охотниковъ на французской землѣ и одного изъ нихъ убилъ, а другаго опасно ранилъ. Это уже было преднамѣренное убійство, слѣдствіе племенной ненависти нѣмцевъ къ французамъ. Солдатъ Кауфманъ увѣрялъ, что онъ принялъ охотниковъ за браконьеровъ и видѣлъ ихъ на нѣмецкой землѣ. Но и въ такомъ случаѣ солдатъ имѣлъ право стрѣлять только въ случаѣ самозащиты, или если браконьеръ не позволяетъ арестовать себя. Французская печать была взволнована этимъ грубымъ проявленіемъ нѣмецкой наглости; нѣмецкія газеты старались оправдать Кауфмана излишествомъ служебнаго усердія. Неизвѣстно, какого рода удовлетвореніе дало нѣмецкое правительство Франціи и принесло ли оно хоть извиненіе. Газеты говорятъ только о денежномъ вознагражденіи вдовѣ и четверымъ дѣтямъ убитаго загонщика. Раненый капитанъ, конечно, отказался отъ всякаго вознагражденія. Только маститый императоръ написалъ слѣдующую резолюцію на докладѣ объ этомъ дѣлѣ: „предоставить французамъ то, на что они имѣютъ право, но не ставить болѣе человѣка моихъ лѣтъ въ положеніе, требующее извиненія“. Этотъ инцидентъ еще болѣе пошатнулъ кабинетъ Рувье, и безъ того непопулярный за его уступчивость нѣмцамъ и за монархическія тенденціи.

Неизвѣстно, почему настоящую минуту выбралъ графъ Парижскій для обнародованія своего манифеста, въ которомъ изъявляетъ снова готовность вступить на престолъ своихъ предковъ. Онъ заботится, конечно, не о себѣ и не о томъ, чтобы заполучить тепленькое мѣстечко съ приличнымъ содержаніемъ, а объ „изолированномъ положеніи Франціи“, которому пора положить конецъ, а этого можно достигнуть только возстановивъ монархію. Претендентъ любезно указываетъ даже, какъ это слѣдуетъ сдѣлать: надо созвать въ Версалѣ конгрессъ изъ сената и палаты народныхъ представителей и провозгласить монархію посредствомъ плебисцита, то есть всеобщей подачи голосовъ. Этотъ рецептъ, заимствованный у второй имперіи и столько разъ дававшій Наполеону III мильоны голосовъ при самыхъ нелѣпыхъ предпріятіяхъ его царствованія, не исключая войны съ Германіею,—графъ Парижскій думаетъ употребить въ дѣло, чтобы сдѣлаться королемъ не только божіею, но и народною милостію. Эта уступка духу времени можетъ привлечь на его сторону голодныхъ бонапартистовъ, но легитимисты разорвутъ съ нимъ связь, какъ съ нарушителемъ божественнаго принципа и еще принявшимъ, сверхъ того, трехцвѣтное знамя вмѣсто бѣлаго съ бурбонскими лиліями. Эти весьма немногочисленные остатки стараго режима и прежде признавали графа Парижскаго наслѣдникомъ графа Шамбора, только какъ Бурбона, а не какъ Орлеана, и многіе изъ нихъ считаютъ своимъ королемъ in partibus Іоанна Бурбонскаго, отца испанскаго претендента Донъ-Карлоса. На Францію манифестъ не произвелъ ровно никакого дѣйствія, и газеты отозвались объ немъ ирони-

Digitized by Google

чески, недоумѣвая, зачѣмъ онъ появляется въ свѣтъ теперь, когда офиціозы Бисмарка громко обвиняютъ Орлеановъ въ непримиримой ненависти къ Германіи а нашъ, дипломатическій органъ за границей, брюссельскій „Nord", напоминаетъ, что орлеанская монархія была всегда враждебна Россіи.

Кромѣ экстренныхъ инцидентовъ, въ родѣ подстрѣливанія французскихъ офицеровъ на границѣ, нѣмцы всѣми средствами стараются поддерживать во французахъ племенную ненависть и раздраженіе. Такъ, въ нынѣшнемъ году годовщина седанской битвы была отпразднована съ особенной торжественностью и что̀—всего болѣе взволновало французовъ—ее праздновали даже въ Страсбургѣ, чего прежде никогда не дѣлалось. На это подзадориваніе они рѣшились отвѣчать контръ-манифестаціей и газета „Alsacien-Lorrain" объявила объ устройствѣ патріотическаго банкета въ годовщину сраженія подъ Іеной, 14-го октября 1806 года. Въ сентябрѣ этого года, говоритъ газета, Пруссія, на вопросъ французскаго кабинета, что̀ значатъ ея вооруженія, отвѣчала увѣреніемъ въ своихъ сердечныхъ отношеніяхъ къ Франціи. Мѣсяцъ спустя, іезуитизмъ прусскаго двора былъ наказанъ битвами подъ Іеною, гдѣ Наполеонъ уничтожилъ непріятельскую армію, и подъ Ауэрштедтомъ, гдѣ маршалъ Даву разбилъ на-голову войско втрое многочисленнѣе его отряда. Въ этихъ двухъ сраженіяхъ пруссаки потеряли 50 тысячъ солдатъ, 300 пушекъ, 60 знаменъ и всѣ обозы. Никогда еще французская армія не была свидѣтельницей такого постыднаго бѣгства, какому предались разбитые подъ Іеною пруссаки. „Такъ отпразднуемъ же 14-е октября!" заканчиваетъ газета. Когда двѣ враждующія націи предаются такимъ воспоминаніямъ и манифестаціямъ, дѣло скоро и легко доходитъ до возобновленія кровавыхъ схватокъ и въ настоящемъ.

Буланже опять заговорилъ. Онъ счелъ нужнымъ напомнить о себѣ по поводу пробной мобилизаціи одного корпуса, задуманной имъ, но приведенной въ исполненіе его наслѣдникомъ. Бывшій военный министръ не сказалъ ничего особеннаго: онъ хвалитъ выправку и въ особенности увлеченіе солдатъ, и совѣтуетъ при всякой стычкѣ съ непріятелемъ немедленно переходить въ наступленіе, а не ограничиваться пассивной обороной. Только смѣлость и отвага доставляютъ успѣхъ на войнѣ, которая ведется не теоріей и учеными соображеніями. Главное правило ея: аттаковать всегда, дѣйствовать натискомъ. Нѣмецкія газеты говорятъ, что рѣчь Буланже—отвѣтъ на манифестъ графа Парижскаго: претендентъ указываетъ на пользу всеобщаго разоруженія, а генералъ совѣтуетъ наступательный образъ дѣйствія. Поэтому Европа идетъ, безо всякаго сомнѣнія, на встрѣчу большой войнѣ. Мобилизація послужила также поводомъ къ отдачѣ подъ судъ генерала Кафарелли, обвиняемаго въ томъ, что онъ сообщилъ заранѣе о ходѣ ея, да, кромѣ того, торговалъ орденами и замѣшанъ въ другихъ темныхъ дѣлахъ. Съ нимъ вмѣстѣ арестованъ и генералъ д'Андело.

Digitized by Google

Это скандалезное дѣло быстро превратилось въ политическое, грозящее паденіемъ не только министерству, но и правительству. Дама полусвѣта, г-жа Лимузенъ, пользовавшаяся благосклонностью высокопоставленныхъ лицъ, занималась также чрезъ ихъ посредство продажею орденовъ почетнаго легіона. Арестованная вмѣстѣ съ другою авантюристкою, г-жею Ратацци, она показала на слѣдствіи, что пожалованіе орденомъ дѣлалось по ходатайству зятя президента республики, Вильсона. На очной ставкѣ съ нимъ, обѣ дамы отказались однако отъ своихъ показаній, вслѣдствіе угрозъ Вильсона. Министръ юстиціи вышелъ въ отставку, не желая замять этого скандальнаго дѣла. У Лимузенъ нашли карточку Буланже съ извѣщеніемъ, что онъ приметъ ее въ такомъ-то часу. Изъ этого врачи генерала вывели, что и онъ былъ соучастникомъ этой грязной исторіи. Буланже объявилъ, что все это дѣло раздуто военнымъ министромъ съ цѣлью повредить репутаціи генерала. Министръ посадилъ его за это на мѣсяцъ подъ строгій домашній арестъ. Парижъ взволнованъ этимъ событіемъ, послѣдствія котораго могутъ быть роковыми для всей Франціи.

Медленными, но твердыми шагами идетъ Австрія къ пріобрѣтенію преобладающаго вліянія на Балканскомъ полуостровѣ. Въ Босніи и Герцеговинѣ она давно уже распоряжается полновластно, „дѣлая нравственныя завоеванія и совершая апостольскій подвигъ введенія мира и согласія между жителями областей, принадлежащими къ тремъ различнымъ вѣроисповѣданіямъ“. Эти завоеванія и подвиги не перестаютъ воспѣвать вѣнскія газеты по поводу пожалованія ордена Франца-Іосифа главамъ трехъ религій. Правда, этотъ обыденный случай можно было причислить къ „нравственнымъ завоеваніямъ“, такъ какъ отъ австрійскихъ орденовъ обыкновенно отказываются всѣ босняки и герцеговинцы, потому что ордена эти компрометируютъ ихъ въ глазахъ соотечественниковъ— и боснійскій улемъ Гильми-эфенди долго не соглашался принять это пожалованіе. За этого австрійскаго „Станислава“ мусульманинъ поблагодарилъ нѣсколькими сухими и короткими словами генералъ-губернатора Аппеля, постаравшагося придать особенную торжественность церемоніи возложенія орденскихъ знаковъ. Зато католическій архіепископъ Штадлеръ принялъ ихъ, какъ подобающую награду, заявивъ, что она составляетъ отличіе босняковъ за ихъ особенную вѣрность Габсбургскому дому. Послѣднимъ приносилъ благодарность православный митрополитъ Георгій Николаевичъ—и въ самыхъ унизительныхъ выраженіяхъ, назвавъ даже Франца-Іосифа „за коннымъ владѣтелемъ и государемъ Босніи и Герцеговины“, чего не сдѣлалъ ни турокъ, ни католическій бискупъ. Да чего же было и ждать отъ этого преемника Саввы Косановича, отъ этого слѣпаго орудія враговъ своей церкви и своего народа! Во время окружнаго объѣзда своей епархіи, Николаевичъ нашелъ, что хорошо было бы закрыть въ

Digitized by Google

странѣ православныя народныя школы, а дѣтей отдавать въ школы правительственныя, то есть католическія. Недаромъ у босняковъ есть поговорка: „гдѣ мірянину сподличать такъ—какъ попу!“ Мудрено ли, что съ такими представителями православія оно все больше падаетъ на полуостровѣ. А католики между тѣмъ работаютъ неутомимо. Въ Македоніи, напримѣръ, бѣднымъ сельчанамъ нѣтъ житья отъ турецкихъ властей и албанскихъ разбойниковъ. Но стоитъ только православному мужику объявить, что онъ признаётъ главенство папы, причемъ онъ можетъ исполнять, какъ прежде, въ своей церкви всѣ обряды—и тотчасъ является австрійскій агентъ, берущій подъ свою защиту новообращеннаго и дѣйствительно не позволяющій никому грабить его. Францъ-Іосифъ, принимая въ Клаузенбургѣ депутацію евангелическаго исповѣданія, выразилъ въ своей рѣчи желаніе, чтобы каждая національность въ его имперіи свободно развивала племенныя особенности своего языка и вѣроисповѣданія. Эти августѣйше-либеральныя слова, къ сожалѣнію, опровергаются на каждомъ шагу самыми положительными фактами. Не вспоминая уже объ участи, постигшей Наумовича и Площанскаго и доказывающей, что религіозная свобода въ Австріи понимается во вкусѣ Инокентія III и Игнатія Лойолы, приведемъ недавнее запрещеніе, вопреки прямому смыслу конституціи, славянскихъ сходокъ (таборовъ), посвященныхъ вопросамъ литературно-религіознаго образованія, объединенія и взаимопомощи. Въ Загребѣ, братья Давидъ и Иванъ Старчевичи, отстаивавшіе конституцію, обвинены въ государственной измѣнѣ и приговорены къ лишенію докторскаго званія и тяжкому тюремному заключенію (strenge kärcer), соединенному съ лишеніемъ пищи и другими истязаніями,—Давидъ на шесть лѣтъ, а Иванъ на два года. Это ли не свобода племеннаго развитія! Справедливость требуетъ однако сказать, что не всѣ судебныя мѣста въ Австріи солидарны съ правительствомъ. Моравская прокуратура обвинила газету «Моравски Словачъ» въ возбужденіи къ разрушенію Австріи и присоединенію австрійскихъ славянъ къ Россіи, но судъ въ Градицѣ (близь Велеграда) отмѣнилъ конфискацію обжалованнаго нумера газеты, найдя, что въ статьѣ доказывалась только необходимость культурнаго единства славянъ и одного для всѣхъ ихъ литературнаго языка. По жалобѣ высшей прокурорской власти, процессъ обсуждался вновь въ высшемъ судѣ въ Брюннѣ. Представитель прокуратуры настаивалъ на томъ, что статья проповѣдуетъ чистѣйшій панславизмъ и не скрываетъ надеждъ «на грознаго славянскаго колосса». Защитникъ же доказывалъ, что статья дѣйствительно имѣетъ въ виду панславизмъ, но не политическій, а литературный, и несравненно болѣе умѣренный, чѣмъ пангерманизмъ, свободно проповѣдуемый австрійскими нѣмцами. Если баварцы или саксонцы не хотятъ этого пангерманизма, то можно ли это же ставить въ вину австрійскимъ славянамъ, которымъ также, какъ и самой Австріи, угрожаетъ поглощеніемъ германство,

Digitized by Google

и которые поэтому дорожатъ своею кровною связью съ величайшею націею въ Европѣ. Славяне не требуютъ, чтобы ихъ языкъ былъ признанъ государственнымъ въ Австріи, и хотятъ только пользованія имъ для своихъ культурныхъ потребностей. «Статья направлена не противъ австрійской имперіи—закончилъ защитникъ, а въ интересѣ ея сохраненія противъ бисмарковской германизаціи». Судъ согласился съ этимъ и отвергнулъ апеляцію прокуратуры, какъ неосновательную. Въ мотивахъ приговора сказано: «статья говоритъ только о культурномъ единеніи славянъ съ Россіею, и принятіе русскаго языка за всеславянскій рекомендуется для высшей интеллигенціи славянства, а не для народа. И то, ни другое не составляетъ преступленія противъ цѣлости австрійской имперіи». Это рѣшеніе, конечно, очень важно, еслибы ему слѣдовали во всѣхъ провинціяхъ имперіи, но въ то время, когда въ Моравіи здраво смотрятъ на дѣло, а Чехія прямо требуетъ культурнаго объединенія славянъ на почвѣ кирилломееодіевскаго языка, и обще-славянскимъ языкомъ признаётся русскій, не только какъ языкъ самой большой славянской націи, но и какъ развившійся болѣе всѣхъ другихъ языковъ, подъ вліяніемъ церковно-славянскаго, и потому самый славянскій языкъ изо всѣхъ—по строю и духу,—въ Галиціи систематически преслѣдуется этотъ самый языкъ, а мадьяры истребляютъ его не только въ Карпатахъ, Угорской Руси, между словенцами, но даже въ Хорватіи, хотя во всѣхъ этихъ областяхъ славянъ гораздо больше, чѣмъ мадьяръ. Хорваты съ трудомъ переносятъ мадьярскую тиранію, а словенцы требуютъ возстановленія кирилло-меѳодіевской церкви и возвращенія въ православіе. Чѣмъ невыносимѣе гнетъ, тѣмъ сильнѣе возникаетъ противъ него реакція. Это законъ не только физической, но и нравственной природы.

Закрытіе англійскаго парламента ненадолго продлитъ существованіе консервативнаго кабинета. Дѣла въ Ирландіи, ухудшаясь съ каждымъ днемъ, все болѣе возбуждаютъ общественное мнѣніе противъ политики Салисбюри. Премьеръ позволилъ себѣ такія нарушенія конституціи, которыхъ не можетъ переносить свободолюбивая нація. Близъ городка Эннноса, назначенъ былъ митингъ ирландской національной лиги. Намѣстникъ Ирландіи запретилъ его, очень хорошо зная, что запрещенію не подчинятся. Сходка была созвана огромная, и правительство рѣшило не допустить ее, хотя бы для этого пришлось дать формальное сраженіе. Однимъ ударомъ оно хотѣло покончить съ бунтовщиками, терроризировавъ ихъ, и въ то же время доказать англійскому народу, что лица, возстающія съ оружіемъ въ рукахъ противъ законовъ страны, должны подвергнуться ихъ карѣ. Къ Эннису стянуты были значительныя силы регулярныхъ войскъ, но ирландцы рѣшили не драться. На митингъ явилась многочисленная толпа, но безъ оружія, и получила увѣдомленіе, что сходка назначена въ другомъ мѣстѣ. Гдѣ? полиція этого не знала. Націоналисты сошлись въ Мичель-

Digitized by Google

стоунѣ. Тамъ митингъ не успѣли запретить, и полиція не имѣла права разогнать его. Собралось множество народа изъ Корка, Лиммерика, Типерари. Диллонъ началъ говорить рѣчь. Полиція хотѣла дать возможность офиціальному репортеру подойти такъ близко, чтобы онъ могъ записать слова оратора и предать его суду. Толпа, понявъ это, не пустила его. Сорокъ человѣкъ полицейскихъ стали пробиваться впередъ съ репортеромъ, но были избиты и прогнаны. Тогда полиція стала стрѣлять. Одинъ старикъ былъ убитъ, двое сильно ранены. Митингъ разошелся въ сильномъ волненіи. Черезъ нѣсколько дней, арестовали главнаго агитатора, О'Бріена. Когда его повезли въ тюрьму, лордъ-мэръ Дублина ѣхалъ впереди, въ своемъ офиціальномъ экипажѣ. О'Бріена судили и приговорили къ тюремному заключенію, но привлекли къ полицейскому суду и лорда-мэра. Онъ явился въ парадномъ костюмѣ, въ сопровожденіи альдерменовъ, жезлоносца и меченосца, со всѣми атрибутами своей конституціонной власти. Судьи, выбранные изъ лицъ, обвиняющихъ поголовно всѣхъ ирландцевъ, отказались судить лорда-мэра, и, выйдя съ торжествомъ изъ суда, онъ былъ встрѣченъ шумною овацією громадной толпы. Судьи, очевидно, имѣли возможность и основанія обвинить лорда-мера, но не смѣли сдѣлать этого въ виду настроенія толпы. Все это не предвѣщаетъ ничего хорошаго для англійскаго правительства.

Въ то время, когда германскій канцлеръ и римскій папа, обмѣниваясь всевозможными любезностями, устраиваютъ сколько можно болѣе возможный modus vivendi для папистовъ въ средѣ протестантской имперіи, воинствующій католицизмъ не только не благодаритъ Бисмарка за его уступки, но высказываетъ неудовольствіе и противъ Льва XIII за то, что онъ требуетъ слишкомъ мало отъ еретичнаго имперскаго правительства. Въ началѣ сентября состоялся въ Трирѣ съѣздъ нѣмецкихъ католиковъ, первый послѣ примиренія между Ватиканомъ и имперіей. Можно было полагать, что паписты примутъ указаніе своего непогрѣшимаго духовнаго владыки и не окажутся plus papistes que le pape, но вышло наоборотъ. Извѣстно, что папа, вмѣшавшись въ политику канцлера во время послѣднихъ выборовъ въ рейхстагъ, выразилъ формальное порицаніе нѣмецкимъ католикамъ и ихъ главѣ Виндгорсту за ихъ оппозицію закону о септеннатѣ и тяжкому гнету военной системы. Виндгорстъ заявилъ тогда также формально, что папское предписаніе обязательно для католиковъ только въ духовныхъ, а не въ свѣтскихъ дѣлахъ—и теперь съѣздъ подтвердилъ, что онъ раздѣляетъ мнѣніе Виндгорста и не принимаетъ папскаго порицанія. Сверхъ того, съѣздъ утвердилъ вполнѣ воинственную программу: совершенную отмѣну правительственнаго veto при замѣщеніи духовныхъ должностей, передачу снова школъ въ исключительное завѣдываніе церкви, возвращеніе всѣхъ изгнанныхъ изъ Пруссіи монашескихъ орденовъ, въ особенности іезуитовъ, и наконецъ возвращеніе церкви глав-

Digitized by Google

наго надзора надъ богоугодными заведеніями, контролируемыми правительствомъ. Виндгорстъ торжественно объявилъ, что только при выполненіи всей этой программы католики откажутся отъ оппозиціи канцлеру. Такимъ образомъ, рушились надежды Бисмарка—подорвать вліяніе Виндгорста въ рейхстагѣ на католическую партію, и вліяніе главы ея сдѣлалось еще сильнѣе. Путешествіе въ Каноссу не достигло цѣли. Любопытно, что бывшая одновременно съ трирскимъ съѣздомъ конференція католическихъ епископовъ въ Фульдѣ не высказала ни малѣйшаго намека на политическія отношенія Ватикана въ Германіи. Духовенству предписано было соблюдать самое примирительное настроеніе и уваженіе къ свѣтской власти, а католикамъ-мірянамъ позволяется быть рѣзкими и требовательными. Не ведетъ ли въ этомъ случаѣ папство двойную игру—по своему обыкновенію? Общественное мнѣніе въ Италіи сильно возбуждено противъ него и поѣздку Криспи во Фридрихсруэ скрывали отъ народа, какъ величайшую тайну, такъ какъ многіе думали, что премьеръ ѣдетъ къ германскому канцлеру толковать объ устройствѣ соглашенія съ Ватиканомъ. Нельзя сказать, чтобы итальянцы были очень довольны, узнавъ о результатѣ поѣздки Криспи и о договорѣ, заключенномъ съ Германіей и Австріей. Имъ столько разъ приходилось уже разочаровываться въ нѣмецкихъ обѣщаніяхъ, и національныя симпатіи влекутъ ихъ къ союзу не съ нѣмцами, а съ французами. Къ сожалѣнію, третья республика не заботится о поддержаніи близкихъ дружественныхъ отношеній съ своею сосѣдкою, а теперь, того гляди, всѣ три романскія расы перессорятся между собою изъ-за протектората надъ Марокко, гдѣ умираетъ султанъ Мулей-Гассанъ, не оставляя взрослыхъ наслѣдниковъ. Къ этому сѣверо-западному уголку Африки отправились флоты Франціи, Италіи и Испаніи. Англія давно уже тамъ, она никогда не опаздываетъ туда, гдѣ предстоитъ возможность что нибудь захватить. Хоть бы этотъ новый возникающій „марокскій вопросъ“, возбудившій апетиты пяти державъ (германскіе броненосцы также очень усердно занимаются у береговъ Марокко промѣрами морской глубины) далъ возможность другимъ державамъ хоть какъ нибудь развязать, въ это время, „проклятый“ болгарскій вопросъ!

НОВЫЯ КНИГИ.

Избранныя мысли и отрывки изъ сочиненій Гоголя, его писемъ и воспоминаній о немъ. Собралъ *Иванъ Щеголовъ*. Спб. 1887.

Въ иностранной литературѣ существуетъ нѣсколько сборниковъ мыслей и изреченій великихъ писателей. Русскіе читатели до «мыслей» не боль-

Digitized by Google

шіе охотники: имъ мало дѣла до какого нибудь Ларошфуко, и если ихъ интересуютъ чьи нибудь изреченія, то развѣ только—Кузьмы Пруткова или анонимнаго составителя книжонки «о женщинахъ», выдержавшей семь изданій и въ которой представительницы прекраснаго пола продергиваются самымъ развязнымъ образомъ. Въ послѣднее время явились у насъ, правда, мысли Гете, Гейне, даже афоризмы Шопенгауера, но эти попытки серьезныхъ сборниковъ являются не болѣе, какъ пріятными исключеніями. Что же касается до отечественныхъ писателей, то мы еще бѣдны сборниками ихъ мыслей и, кромѣ жалкой компиляціи г. Сальникова изъ сочиненій Пушкина, изданной къ пятидесятилѣтію его кончины, въ нашей литературѣ является теперь только вторая попытка въ томъ же родѣ, принадлежащая г. Щеглову. Книга его носитъ также названіе «Русскій мыслитель», и хотя это названіе менѣе всего можетъ быть придано Гоголю, преимущественно художнику, а не мыслителю, но нельзя не признать цѣлесообразнымъ и намѣреніе г. Щеглова «выдѣлить и собрать воедино характеристическія черты мыслительной физіономіи Гоголя, разсѣянныя въ его сочиненіяхъ, письмахъ и воспоминаніяхъ о немъ, очищенныя отъ наростовъ усилившейся болѣзненности и мистическихъ крайностей». Послѣднее условіе, то есть оставленіе въ сторонѣ всѣхъ «мистическихъ крайностей», отравившихъ послѣдніе годы жизни высокоталантливаго художника, соблюдено вполнѣ въ книгѣ г. Щеглова, но присоединеніе къ собственнымъ мыслямъ и изреченіямъ Гоголя цитатъ, составленныхъ по воспоминаніямъ о немъ другихъ лицъ—мы не можемъ признать сообразнымъ съ главною идеею сборника. Читателю интересно знать, что̀ говорилъ самъ Гоголь, а не то, что̀ говорилъ онъ—по свидѣтельству другихъ. Изъ такихъ свидѣтельствъ можно бы составить другой сборникъ. Г. Щегловъ взялъ только немного фразъ Гоголя изъ Данилевскаго, Анненкова, Аксакова и др. Почему же выбраны именно эти писатели и именно эти цитаты?

Мы не можемъ согласиться также съ г. Щегловымъ, что «между поисками истины нашего высокаго наставника и глубочайшимъ теченіемъ общественно-душевнаго кризиса, переживаемаго нами», существуетъ прямая связь. Не говоря уже объ излишней кудреватости этой фразы, въ ней нѣтъ ничего «особенно знаменательнаго для насъ»: и до Гоголя, и послѣ него къ истинѣ стремились, искали ее лучшіе писатели всѣхъ эпохъ, и никакого душевнаго кризиса, который связывалъ бы насъ съ началомъ пятидесятыхъ годовъ, мы теперь не переживаемъ. Помимо этихъ замѣчаній, мы должны отдать полную справедливость сборнику г. Щеглова, составленному раціонально. Цитаты выбраны и расположены весьма удачно. Въ 9-ти отдѣлахъ книги собраны мнѣнія Гоголя о Россіи и русскомъ человѣкѣ. Здѣсь говорится о Москвѣ и Петербургѣ, о русскомъ словѣ, русской брани, одеждѣ, оборотливости, замашкѣ, пѣснѣ, силѣ; не оставлены черты нашей распущенности и ея причины—даже подлыя черты народ-

Digitized by Google

наго характера — добровольное униженіе передъ знатными и чиновными. Въ главѣ объ искусствѣ собраны мнѣнія о его цѣли, о натурализмѣ, эффектѣ, талантѣ, поэзіи, тенденціозности въ ней (эти цитаты слѣдовало бы отнести къ отдѣлу литературы), о музыкѣ, операхъ, святости слова, о художникахъ и ихъ призваніи. Въ отдѣлѣ литературы говорится о Жуковскомъ, Батюшковѣ, Пушкинѣ, назначеніи писателя, о журналистикѣ, о писателяхъ, художникахъ. По вопросу о театрѣ—цитаты могли бы быть обширнѣе: Гоголь особенно любилъ и хорошо изучилъ драматическое искуство. Любопытна глава: «Гоголь о себѣ и своихъ произведеніяхъ». Извѣстно, что о самой неудачной своей книгѣ, «Перепискѣ съ друзьями», Гоголь былъ самаго высокаго мнѣнія и говорилъ, что для того, чтобы сколько нибудь прочувствовать эту книгу, нужно имѣть или очень простую и добрую душу, или быть человѣкомъ многостороннимъ, умнымъ, съ высокимъ поэтическимъ талантомъ и душою, умѣющею любить полною и глубокою любовью». Здѣсь же приведены, со словъ Гоголя, выписки изъ Аксакова, Н. В. Берга и Л. Арнольда о методѣ работъ Гоголя. Глава, названная «Изъ обиходнаго словаря дѣйствующихъ лицъ театра Гоголя», удачна менѣе другихъ. Недостаетъ характеристики многихъ типовъ, созданныхъ писателемъ, да и тѣ, которые приведены, далеко не полны. Глава: «Разныя мысли, парадоксы, шутки» могла бы обойтись и безъ шутокъ въ родѣ цитируемой по воспоминаніямъ Г. П. Данилевскаго: «если васъ одолѣваетъ тоска, это все дѣло общаго нашего пріятеля — чорта. Бейте эту длиннохвостую скотину по мордѣ. Дайте грусти киселя, да еще съ пришлепкой». Подобныя «мысли» и цитаты, если онѣ и точно принадлежатъ Гоголю, собирать незачѣмъ.

Сибирскій сборникъ. Научно-литературное періодическое изданіе, подъ редакціею *Н. М. Ядринцева*. Книги I—IV. Спб. 1887.

Петербуржцевъ давно уже—и не безъ основанія—упрекаютъ въ недостаткѣ мѣстнаго патріотизма, любви къ своему родному городу. Въ литературѣ истые петербуржцы относятся къ нему съ нескрываемой ироніей, говорятъ объ немъ пренебрежительнымъ тономъ, и если признаютъ «чухонскую Пальмиру» европейскимъ городомъ, то находятъ все таки, что это окно въ Европу прорублено не на своемъ мѣстѣ. Апатическое отношеніе къ своему городу петербуржецъ переноситъ и на своихъ согражданъ, и если, какъ во времена Герцена, и не говоритъ, что «здѣсь каждаго великаго человѣка принимаютъ за иностранца, какъ въ Москвѣ каждаго иностранца за великаго человѣка»,—то въ своемъ соотечественникѣ не признаётъ никакого величія и почти всегда отзывается объ немъ скептически и съ явнымъ недоброжелательствомъ. Этой странной нелюбви къ родинѣ, распространенной и на сородичей, нѣтъ въ нашихъ провинціяхъ.—Тамъ земляки по большей части крѣпко стоятъ другъ за друга и тянутъ впередъ одного за другимъ, въ то время, когда петербуржецъ съ наслажденіемъ

Digitized by Google

если не топитъ, то поноситъ своего ближняго при всякомъ удобномъ случаѣ. У провинціаловъ мѣстный патріотизмъ нерѣдко впадаетъ въ другую крайность: они ставятъ свою часть выше цѣлаго, прославляютъ свой муравейникъ безъ границъ и мѣры. О пристрастіи малороссовъ къ своимъ галушкамъ и другимъ знаменитостямъ, немало говорилось въ литературѣ. Едва ли еще не сильнѣе привязанность сибиряковъ къ своему хладному сѣверу, горячіе отзывы о которомъ отличаются чисто южнымъ увлеченіемъ. Въ Петербургѣ не приходится встрѣчаться съ обожателями Ингерманландіи, а между уроженцами Сибири и Приуралья немало найдется лицъ, всю жизнь посвятившихъ заботамъ о родномъ краѣ, какъ недавно умершій Сидоровъ и другіе сибирскіе дѣятели. Между ними одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ Н. М. Ядринцеву, редактору «Восточнаго Обозрѣнія», лучшаго журнала, посвященнаго изслѣдованію русскаго Востока, Сибири и нашихъ азіатскихъ владѣній. Перенеся этотъ журналъ въ Петербургъ, по невозможности издавать его на мѣстѣ, гдѣ понятія о гласности несовмѣстимы съ самоуправствомъ провинціальныхъ властей, г. Ядринцевъ не ограничился выпускомъ въ свѣтъ еженедѣльныхъ интересныхъ нумеровъ, рисующихъ настоящее положеніе отдаленныхъ и мало извѣстныхъ странъ. Онъ началъ издавать отдѣльныя сочиненія о своемъ излюбленномъ краѣ: два тома «Сборника историко-статистическихъ свѣденій о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ»; «Литературный сборникъ о Сибири и азіатскомъ востокѣ»; «Историческій очеркъ Сибири», В. Андріевича; «Историческое обозрѣніе Сибири, П. А. Словцова», сборникъ стихотвореній «Сибирскіе мотивы»; наконецъ, съ прошлаго года онъ началъ прилагать къ своей газетѣ «Сибирскій сборникъ», котораго теперь вышло уже четыре части. Въ нихъ помѣщено много очерковъ, повѣстей и романовъ изъ бытовой жизни Востока и Сибири, путешествія по этимъ странамъ, изслѣдованія ихъ, этнографическія, археологическія, историческія, экономическія и пр., библіографія сочиненій, относящихся къ этимъ странамъ, и т. п. Изъ статей этихъ четырехъ книгъ замѣчательны изслѣдованія г. Оксенова о Ермакѣ по историческимъ народнымъ пѣснямъ, о раскольничьихъ общинахъ на границахъ Китая, Н. М. Ядринцева, о крѣпостничествѣ въ Сибири, В. Михайлова; амурская Калифорнія; путешествіе по Алтаю; современная жизнь въ Сибири и ея нужды; поѣздка въ монастырь урджинистовъ и въ китайскій монастырь Бонбо, Г. Н. Потанина; наши отношенія къ народамъ низшей культуры, профессора Петри; исторія просвѣщенія въ Сибири; объ отношеніяхъ европейцевъ къ Китаю, професора Позднѣева и др. По отдѣлу беллетристики помѣщены разсказы и очерки нашего сотрудника Д. Н. Мамина, поэма Ершова, автора «Конька-Горбунка», изъ сибирскихъ преданій; «Сибирскіе мученики», Срѣтенскаго; «Эскизы безъ тѣней»; «Бубновые тузы на покоѣ» и др. Кромѣ того, помѣщены біографіи и портреты Ермака, Г. Н. Потанина, Щапова, поэта-сибиряка Ѳедорова-Омулевскаго, виды и описанія русскихъ

Digitized by Google

городовъ и мѣстностей: Тобольска, сибирскаго университета, золотыхъ пріисковъ въ Енисейской тайгѣ, горы Кокчетовъ и пр., этнографическіе типы и сцены: татары въ Тобольскѣ, нищіе въ Березовѣ, остяки-музыканты, самоѣдки и др. Къ четвертой книгѣ приложенъ списокъ отдѣльныхъ сочиненій и журнальныхъ статей о Сибири и Азіатскомъ востокѣ, вышедшихъ въ 1885 — 86 году и въ началѣ 1887 г. Вообще изданіе г. Ядринцева, необходимое для всякаго изслѣдователя нашихъ азіатскихъ владѣній, помимо научнаго значенія, не лишено беллетристическаго и художественнаго интереса.

Русская критическая литература о произведеніяхъ А. С. Пушкина. Составилъ *В. Зелинскій.* Москва. 1887. Части I и II.

Сборникъ критическихъ статей о Н. А. Некрасовѣ. Составилъ *В. Зелинскій.* Москва. 1887. Части II и III.

Намъ уже приходилось говорить о трудахъ г. Зелинскаго, четыре года составляющаго сборники отзывовъ критики о нашихъ лучшихъ писателяхъ. Излишне было бы говорить о пользѣ подобныхъ сборниковъ, безъ которыхъ положительно нельзя обойтись при изученіи русской литературы. Десять книгъ, изданныхъ г. Зелинскимъ съ 1884 года (кромѣ вышедшихъ нынѣ: двѣ о Тургеневѣ и три о Достоевскомъ), доказали осязательно фактъ, въ которомъ сомнѣвались не только многіе изъ читателей, но даже изъ писателей,—тотъ фактъ, что, не смотря на упадокъ нашей критики и многія, пропущенныя ею явленія, она во всѣ эпохи имѣла выдающихся представителей, вѣрно и безпристрастно оцѣнивавшихъ писателей и ихъ произведенія. Преемственность этихъ оцѣнокъ никогда не прерывалась въ нашей журналистикѣ, гдѣ сосредоточивались всѣ критическіе очерки, очень рѣдко появлявшіеся отдѣльно въ книжной торговлѣ. Критики наши не имѣютъ обыкновенія собирать свои отзывы въ одну книгу, а когда и дѣлаютъ это, то сборники ихъ не расходятся — какъ случилось это въ прошломъ году съ «Современной русской поэзіей» г. Чуйко, хотя книга эта положительно заслуживала вниманія читателей. Немало замѣчательныхъ критическихъ статей погребено въ и нашихъ журналахъ уже окончившихъ свое существованіе, — надо только знать, гдѣ отыскать эти отзывы, и въ этомъ отношеніи сборники г. Зелинскаго приносятъ существенную пользу, хотя они представляютъ оцѣнку только четырехъ писателей. Обѣщанъ еще пятый—Л. Н. Толстой. Но объ немъ уже существуетъ сборникъ г. Булгакова и намъ былъ бы гораздо нужнѣе сборникъ статей о Лермонтовѣ, чтобы не прерывалась преемственность между Пушкинымъ, Некрасовымъ и Тургеневымъ. Да и пушкинскій сборникъ еще далеко не законченъ г. Зелинскимъ и останавливается на критикѣ 1829 года. Сколько же еще томовъ придется издать о нашемъ первомъ поэтѣ? Г. Зелинскій считаетъ 8—10 книжекъ по 200 страницъ въ каждой, но этого будетъ недостаточно, если онъ не остановится на годѣ смерти пи-

Digitized by Google

сателя, какъ сдѣлалъ это—и совершенно ошибочно — со сборникомъ Некрасова. Настоящая оцѣнка писателя является большею частью послѣ его смерти. Въ указателѣ статей о Пушкинѣ В. И. Межова ихъ перечислено болѣе четырехъ съ половиною тысячъ, а каталогъ этотъ далеко-не полонъ, и даже въ первомъ сборникѣ г. Зелинскаго, гдѣ цитируются критико-библіографическія статьи о произведеніяхъ Пушкина только за четыре года (1880—1884) отмѣчено нѣсколько статей, пропущенныхъ г. Межовымъ. Напрасно только, сравнивая этотъ указатель со своимъ сборникомъ, г. Зелинскій выставляетъ преимущество своего труда, очевидное и безъ доказательствъ того, что даже въ нашихъ лучшихъ библіотекахъ не найдешь всего, что писано о Пушкинѣ. Любопытно, что въ теченіе десяти лѣтъ, со времени появленія Пушкина, въ журналахъ разбирались только его поэмы. О мелкихъ стихотвореніяхъ было только нѣсколько незначительныхъ статей и одна—объ общемъ характерѣ поэзіи Пушкина.

О первомъ томѣ Некрасовскаго сборника мы говорили въ прошломъ году. Второй томъ заключаетъ въ себѣ критическіе отзывы за восемь лѣтъ, съ 1865 по 1873-й (въ 1871 году не появилось ни одной статьи о Некрасовѣ) да и въ эти 8 лѣтъ выходило не болѣе 3—4 статей въ годъ. Всѣ онѣ, числомъ 27, приведены въ сборникѣ почти цѣликомъ и указано, сверхъ того, еще на 34 мелкія статьи. Третья часть сборника, заключая въ себѣ критическія оцѣнки, относящіяся къ послѣднимъ четыремъ годамъ жизни поэта (1874—77) содержитъ въ себѣ 52 статьи, но въ это число включено нѣсколько некрологовъ и описаній похоронъ. Не вошло въ сборникъ всего восемь статей, перечисляемыхъ г. Зелинскимъ—и это очень жаль. Для полноты оцѣнки поэта онѣ нужнѣе некрологовъ, занимающихъ до 40-ка страницъ, и немногимъ увеличили бы объемъ книги. Въ концѣ помѣщенъ указатель страницъ, на которыхъ разбираются всѣ даже самыя мелкія пьесы. Жаль, что не вездѣ указаны имена критиковъ, и не разоблачены псевдонимы и иниціалы рецензій. Напрасно также г. Зелинскій, издавая свою книгу въ 1887 году, не прибавилъ къ собраннымъ имъ статьямъ и критическихъ отзывовъ о Некрасовѣ, появившихся въ послѣднія десять лѣтъ послѣ его смерти. Ихъ немного и они не заняли бы большаго мѣста въ книгѣ. Правда, въ третьемъ томѣ—240 страницъ, но зато во второмъ—168. По крайней мѣрѣ, г. Зелинскій могъ бы составить перечень или указатель этихъ статей, во всякомъ случаѣ необходимый.

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ № 10-го

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„НАБЛЮДАТЕЛЬ“.

стр.

I. Золотопромышленники. Бытовая хроника въ четырехъ дѣйствіяхъ. Д. Мамина (Сибиряка). 5
II. Старый садъ. Стихотвореніе К. М. Фофанова. 69
III. Галлофобія въ нашей литературѣ прошлаго вѣка. С. Бородина. 70
IV. Адмиральша. Романъ Шарля Ломона. 86
V. Семья богатырей. Романъ Вас. Ив. Немировича-Данченко. (*Окончаніе*). 156
VI. Идеалъ. Стихотвореніе І. Ясинскаго 187
VII. Очерки развитія русской критики. В. В. Чуйко. (*Окончаніе*) . 188
VIII. Невѣста Нила. Романъ Георга Эберса. (*Продолженіе*). . 210
IX. Изъ записокъ неизвѣстнаго автора. И. Г—ва 275
X. Горе тетушки Урсулы. Разсказъ Жоржа Онэ. 286
XI. Поѣздка въ Асхабадъ. (Путевые наброски). А. В—ва . . . 298
XII. Гіацинта. Романъ Луиджи Капуана. (*Окончаніе*). 308
XIII. Пѣсня. Стихотвореніе Ф. Филимонова. 360

Современное обозрѣніе.

XIV. Обзоръ иностранной литературы. В. З. 1
XV. Наши внутреннія дѣла 11
XVI. Политическая хроника 34
XVII. Новыя книги. 50
XVIII. Объявленія. . . . . 1—8

Digitized by Google

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

АМЕРИКАНКА,

полезный всякому хозяйству снарядъ, для стирки въ обыкновенной комнатной водѣ бѣлья. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 руб., въ Сибирь 8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: Веніамину Ильичу Шлемензону, въ Одессу.

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ:

2-й стрѣлковый баталіонъ, Сентября 5 дня 1885 г. 2374, г. **Сюрневицы**. Г-ну В. Шлемензону. Причитающіяся съ меня деньги за высланный Вами снарядъ для стирки бѣлья подъ названіемъ „Американка", всего пять р., при семъ препровождая, прошу о полученіи оныхъ меня увѣдомить; при этомъ считаю нужнымъ заявить Вамъ, что высланная Вами „Американка" удобопримѣнимый и весьма полезный снарядъ, въ особенности въ семейномъ быту, такъ какъ послѣ произведеннаго мною испытанія, стирка бѣлья на оном доступна даже малолѣткамъ и требуетъ ограниченнаго количества мыла, времени и труда, а потому прошу выслать за прилагаемые при семъ *двадцать пять руб.* еще пять экземпляровъ снарядовъ „Американка". Подписалъ Командиръ баталіона, **Полковникъ Сверчковъ** и скрѣпили: Завѣдующій хозяйствомъ и Дѣлопроизводитель.

Подлинные отзывы хранятся при дѣлахъ редакціи Таврическихъ Губернскихъ Вѣдомостей.

Фабричное клеймо на снарядѣ
„В. ШЛЕМЕНЗОНЪ—СИМФЕРОПОЛЬ."

1888. **ОТКРЫТА ПОДПИСКА** **1888.**

НА ХУДОЖЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Живописное Обозрѣніе"

(изданіе существуетъ съ 1835 года).

52 нумера, выходящихъ еженедѣльно. Каждый № въ 2 листа большаго форм. съ 7—8 больш. рис., изъ коихъ нѣкоторые печатаются въ два и три тона.

12 литературныхъ приложеній, выходящихъ ежемѣсячно отдѣльными книжками въ объемѣ до 10-ти печатныхъ листовъ въ 8-ю долю. Сюда войдутъ:

I. **Оригинальные романы и повѣсти** русскихъ писателей. Эти произведенія въ 1888 году не будутъ дробиться, а появятся **цѣлыми книжками.**

II. **Переводные романы и повѣсти.** Произведенія иностранныхъ писателей будутъ помѣщаемы по возможности въ цѣломъ объемѣ въ одной книжкѣ.

III. **Классическія произведенія одного изъ любимѣйшихъ европейскихъ писателей.**

Изъ перечисленныхъ отдѣловъ ежемѣсячныхъ литературныхъ приложеній, въ концѣ года, у каждаго изъ гг. подписчиковъ журнала **„Живописное Обозрѣніе"** составится довольно цѣнная библіотека избранныхъ беллетристическихъ произведеній, въ нѣсколько томовъ, стоимостью не менѣе 10—12 рублей.

12 нумеровъ **„Новѣйшихъ парижскихъ модъ"**, выходящихъ ежемѣсячно, въ первое воскресенье послѣ 1-го числа. При нумерахъ модъ прилагаются особые листы:

I. **Выкройки** (въ натуральную величину) съ новѣйшихъ модныхъ костюмовъ, заслуживающихъ вниманія по своему изяществу и практичности. II. **Выкройки, узоры и мѣтки для бѣлья** (отъ простаго до изящнаго). III. **Образцы**

Digitized by Google

вящихъ рукодѣлій, какъ наприм., вышивка шелкомъ, шерстью, шнурками, бисеромъ и проч. IV. Образцы и рисунки разнаго рода вязаній. V. Образцы выпиловочныхъ работъ и друг.

Художественный альбомъ гравюръ-копій съ картинъ лучшихъ художниковъ русск. и иностран. школъ (печатается въ нѣсколько тоновъ).

Стѣнной кабинетный календарь на 1888 г., изящно отпечатанный (на одну сторону). Разсылается при первомъ нумерѣ.

ГЛАВНАЯ ПРЕМІЯ на 1888 годъ—большая, эффектная и художественно-исполненная картина-олеографія въ 28 красокъ, изображающая написанный съ натуры русскій пейзажъ:

„ЗАКАТЪ СОЛНЦА ВЪ ЗИМНІЙ ДЕНЬ“

(Размѣръ картины: длина—полтора аршина, высота—одинъ аршинъ).

Художественная сторона журнала пользуется достаточною извѣстностью, что и свидѣтельствуютъ наши лучшіе органы періодической печати въ своихъ лестныхъ для нашего изданія отзывахъ (См. „Новое Время“, „Новости“, „Спб. Вѣд.“, „Рус. Газ.“, „Бирж. Вѣд.“, „Пет. Лист.“ и др.

Блестящій успѣхъ нашего журнала за послѣдніе года даетъ намъ возможность и въ наступающемъ году продолжать дальнѣйшее дѣло изданія съ постояннымъ улучшеніемъ и пополненіемъ, какъ литературныхъ, такъ и художественныхъ отдѣловъ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ—съ пересылкою 8 р.—Безъ доставки 6 р. 60 к.—За границею 10 р.

Значительное повышеніе таможеннаго тарифа и новыя почтовыя правила, недопускающія разсылки печатныхъ произведеній большаго размѣра подъ бандеролью—неизбѣжно вызываютъ увеличеніе въ платѣ за доставку премій, а именно:

Гг. иногородные подписчики, желающіе получить премію съ доставкою цѣнною посылкою, задѣланною въ холстъ и накатанной на скалку, благоволятъ выслать на доставку рубль. Мелкія суммы (копѣйки) просятъ высылать почтовыми, а не гербовыми марками.

Безъ упомянутой приплаты премія высылаться не будетъ.

Премія уже изготовлена и выдается въ Главной Конторѣ городскимъ подписчикамъ тотчасъ при подпискѣ, а иногороднымъ высылается немедленно по очереди поступленія требованій.

За редактора—Издатель **С. Добродѣевъ.**

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій пр., у Аничкина моста, д. № 68—40.

Большая ежедневная политическая, ученая и литературная газета „СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА“

[ИЗДАНІЕ ОСНОВАНО ВЪ 1812 г.].

Вступивъ съ 4-го числа октября 1887 года **ВЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ШЕСТОЙ ГОДЪ СВОЕГО СУЩЕСТВОВАНІЯ**, газета, съ этого юбилейнаго дня, вновь реформирована, значительно дополнена новыми отдѣлами и увеличена въ форматѣ **ДО РАЗМѢРА БОЛЬШИХЪ СТОЛИЧНЫХЪ ГАЗЕТЪ (безъ повышенія подписной цѣны)** и, по своей обширной программѣ, всесторонней разработкѣ современныхъ вопросовъ и своевременному сообщенію выдающихся новостей, какъ изъ русской, такъ и иностранной жизни, можетъ вполнѣ замѣнить собою

Digitized by Google

ДОРОГУЮ ПО ПОДПИСНОЙ ЦѢНѢ ГАЗЕТУ и ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

При воскресныхъ номерахъ разсылается приложеніе въ видѣ еженедѣльнаго

ИЛЛЮСТРИРОВАННАГО ЖУРНАЛА,

въ который войдутъ: историческіе и современные **ПОВѢСТИ, РОМАНЫ, РАЗСКАЗЫ** (оригинальные и переводные), **ПОРТРЕТЫ** современныхъ и историческихъ дѣятелей, **РИСУНКИ** бытовые, историческіе и современные преимущественно изъ русской жизни, а также **КАРРИКАТУРЫ.**

Ежемѣсячно при одномъ изъ воскресныхъ нумеровъ прилагаются къ домашнему производству

„МОДЫ и РУКОДѢЛЬЕ“

Съ приложеніемъ образцовъ **вышивокъ, вязаній** и другихъ **дамскихъ рукодѣлій**, а также и выпиловочныхъ работъ при объясненіи производства работъ и указаніи матеріала.

Гг. подписчики, выславшіе **сполна годовую подписную плату** до 1 января, имѣютъ право получить на выборъ **ОДНУ** изъ **ТРЕХЪ** нижеозначенныхъ картинъ-олеографій, отпечатанныхъ въ нѣсколько красокъ на эстампной бумагѣ съ лакировкою и рельефомъ:

1) **„КРЕЩЕНІЕ КІЕВЛЯНЪ ПРИ СВ. КНЯЗѢ ВЛАДИМІРѢ“** (издана въ виду наступающаго 900-лѣтія—15 іюля 1888 г.). Размѣръ карт.: 1 арш. 2 верш., выс. 14 верш.

2) **«СМЕРТЬ ИВАНА СУСАНИНА»** (изданіе **второе** тождественное съ **первымъ**). Размѣръ картины: 1 аршинъ, высота $^3/_4$ аршина.

3) **«ДѢВИЧНИКЪ ВЪ МАЛОРОССІИ»** (съ картины профес. **А. Маковскаго**). Размѣръ картины длина $1^1/_2$ аршина, высота 1 аршинъ.

Желающіе получить, кромѣ одной (безплатной) картины—остальныя **ДВѢ**, благоволятъ выслать за каждую по 1 руб. и на доставку прибавить по 10 к. за экз. (если требованіе трехъ картинъ будетъ одновременно).

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ «СЫНЪ ОТЕЧЕСТВА»

СЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ и ЕЖЕМѢСЯЧНЫМИ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

Безъ доставки и пересылки:	Съ доставкою и пересылкою:
На годъ . . . 7 руб.	**На годъ . . . 8 руб.**
На 6 мѣс. . . . 3 р. 60 к.	**На 6 мѣс. . . 4 р. 50 к.**

Желающіе получить картину-олеографію, благоволятъ выслать **80** к. Безъ этой приплаты премія **не высылается.** Въ разсылкѣ олеографій соблюдается очередь поступленія требованій.

За редактора **М. Куплетскій.** Издатель **С. Добродѣевъ.**

Адресъ Главной Конторы: Спб., Невскій пр. у Аничкина моста, д. № 68—40.

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1888 ГОДЪ

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

«СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ»

ВЪ 1887—1888 (третьемъ) году.

(Съ 1-го ноября 1887 по 1-е ноября 1888 года).

„Сельскій Хозяинъ" издается безъ предварительной цензуры, подъ редакціей **К. И. Маслянникова** (землевладѣльца Рязанской губ., с—ца Рюики) по слѣдующей программѣ: **Правительственныя распоряженія. Сельскохозяйственная экономія. Полеводство и луговодство. Садоводство, табаководство, виноградарство и огородничество. Лѣсоводство. Животноводство. Пчеловодство и шелководство. Рыбоводство. Спортъ, охота. Сельско-хозяйственная технологія, архитектура и механика. Корреспонденція. Внутренняя и иностранная хроника. Вопросы и отвѣты. Библіографія. Торговля. Домоводство. Спросъ, предложенія и полезные адресы. Объявленія.**

ВЪ ЖУРНАЛѢ ПРИНИМАЮТЪ УЧАСТІЕ:

Алтуховъ М. И. (инжен. по водоснабж.) **Афанасовичъ В. К.** (секрет. И. Общ. Садоводства), **Балласъ М. К.** (землевлад.), **Баскаковъ Н. В.** (агрономъ), **Бертенсонъ В. А.** (агрономъ), **Блиновъ** (инж.-технол.), **Богдановъ М. Н.** (професс. Спб. универс.), **Бодиско Д. М., Васильковскій** (инжен.-технол.), **Волкенштейнъ П. Е.** (професс.), **Вознесенскій Ѳ. В.** (ветер. врачъ), **Гринева М. Н., Гавронскій Ф., Гомилевскій В. І. Дорнъ Б.** (присяж. пов.), **Зусманъ А. А., Запольскій Л. Л., Иванюковъ И.** (професс.), **Игнатьевъ М.** (магистръ ветерин.), **Кабештовъ И. М.** (агрономъ), **Кайгородовъ Д. Н.** (професс. лѣсн. инст.), **Калиновскій Я. Н.** (професс.-агрономъ), **Кибальчичъ М.** (агрономъ), **Кравцевъ Г.** (магистръ ветерин.), **Колесовъ А. А.** (директ. Харьк. земл. уч.), **Краинскій, Клейнъ Х. И.** (учен. садовникъ), **Кулешовъ П. Н.** (професс.), **Курвоазье Н. А.** (професс. инст. гражд. инжен.), **Коровинъ И. П.** (докторъ ассист. клиники дѣтск. болѣзн. Медико-Хирург. Академіи), **Крюковъ Н.** (агрономъ), **Курдюковъ Н. Д.** (инсп. Горыгор. земл. учил.), **Ландцертъ Ѳ. П.** (професс.), **Линдеманъ К. Э.** (професс.) **Леванда Д. С.** (директ. земл. учил.), **Мари Н. Н.** (губ. ветерин. врачъ), **Мюллеръ Ю. А.** (уч. садовн.), **Неручевъ М. В.** (професс.), **Петлинъ А. С.** (инж. пут. сообщ.), **Рытовъ М. В.** (препод. горыгор. земл. учил.), **Сабсовичъ Г. К.** (агрономъ), **Соловьевъ П. М.** (торфмейстеръ), **Стебутъ И. А.** (професс.), **Субботинъ А. П.** (редакт. „Экономич. журн."), **Тавилдаровъ Н. И.** (професс. химіи Спб. Технол. Инст.), **Токаревъ И. В.** (академикъ-архит.), **Фортунатовъ А.** (професс.), **Хлюдзинскій В. К.** (професс. зоотехніи землед. инст. въ Нов. Александріи), **Харламовъ Ф. С.** (академикъ-архит.), **Чирвинскій Н. П.** (професс. Петровск. землед. Ак.), **Шавровъ** (шелководъ), **Шафрановъ Н. С.** (професс. лѣсн. инст.), **Шишкинъ А. Н.** (професс.), **Шишковъ А. М.** (инжен. пут. сообщ.) и др.

Digitized by Google

Сельскохозяйственный фельетонъ г. Агриколы.

Годовые подписчики получатъ, немедленно по высылкѣ подписной суммы, безплатное приложеніе:

АЛЬБОМЪ типовъ лошадей, скота, собакъ, куръ и яхтъ.

Описаніе рисунковъ альбома будетъ помѣщено въ журналѣ втеченіе года.

Полугодовые подписчики получатъ это приложеніе только по присылкѣ въ срокъ (до 1-го мая) подписной платы за второе полугодіе.

NB. Альбомъ будетъ высылаемъ въ картонѣ, въ тщательной укупоркѣ, и только по полученіи, на пересылку и упаковку, 21 коп. деньгами или марками.

NB. Кромѣ того, втеченіе года БУДУТЪ ПРИЛОЖЕНЫ БЕЗПЛАТНО: 1) различныя сельскохозяйственныя сѣмена, 2) главнѣйшіе типы породъ скота и лошадей и 3) архитектурные проекты: *I. Раціональной свинарни, II. Русской печи съ вентиляціей, III. Птичника, IV. Зерносушилки, V. Деревяннаго домадачи, VI. Мельницы, VII. Молотильнаго сарая и др.*

Въ объявленіяхъ журнала будутъ печататься, по прежнему, таблицы тиражей внутреннихъ съ выигрышами займовъ.

ЦѢНА: на годъ: безъ перес. и дост. **5** р., съ дост. въ Спб. **6** р. **50** к., съ перес. **иногороднымъ 6** р. **За полгода:** безъ дост. **3** р., съ доставкой въ Спб. **4** р., съ пересылкой иногороднимъ **3** р. **50** коп. Подписка принимается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Россіи. **Иногородные адресуются:** въ редакцію журнала **«Сельскій Хозяинъ»** (Спб., Надеждинская, № 39), въ книжные магазины **«Новаго Времени»** (въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ), въ контору объявленій *Н. Н. Печковской* (Москва, Петровскія линіи). ГОРОДСКІЕ ПОДПИСЧИКИ **приглашаются въ главныя конторы редакціи: Надеждинская, № 39 и при книжномъ магазинѣ «Новаго Времени».**

ПОЛНЫЕ ЭКЗЕМПЛЯРЫ «Сельскаго Хозяина» за 1887 г. (съ I-го ноября 1886 г.) со всѣми приложеніями стоятъ: безъ пересылки и доставки **5** р., а съ перес. или дост. **6** р. На хромолитографію 21 коп.

Полныхъ экземпляровъ журнала за 1887 годъ ограниченное количество.

Въ нашихъ переплетахъ «Сельск. Хоз.» полезная наградная книга для земледѣльческихъ и сельскихъ училищъ.

ПРОГРАММА ВЫСТАВКИ

„ОБЩЕСТВА ПООЩРЕНІЯ ТРУДОЛЮБІЯ“ ВЪ МОСКВѢ,

УСТРАИВАЕМОЙ ВЪ ПАМЯТЬ

ДВАДЦАТИПЯТИЛѢТІЯ ОБЩЕСТВА.

Почетнымъ Президентомъ Выставки изъявилъ согласіе быть Почетный Членъ Общества, Генералъ-Адъютантъ *Князь Владиміръ Андреевичъ Долоруковъ.*

Digitized by Google

Съ разрѣшенія Министра Внутреннихъ Дѣлъ, по сношенію съ Министромъ Народнаго Просвѣщенія, Выставка открывается съ 15-го Марта по 1-е Мая 1888 года въ Москвѣ и имѣетъ цѣлью показать современные успѣхи **дѣтскаго воспитанія и обученія; призрѣнія увѣчныхъ, неизлѣчимыхъ и престарѣлыхъ; временной помощи нуждающимся городскимъ жителямъ.**

Согласно своей задачѣ, программа Выставки раздѣляется на три главныхъ отдѣла, распадающихся на нѣсколько подъотдѣленій:

ОТДѢЛЪ I. Воспитаніе и обученіе.

1. Пріюты, ясли, дѣтскіе сады и игры.
   Планы, модели, фотографіи и виды зданій; уставы, инструкціи. Школьная мебель. Дѣтскія игрушки. Дѣтская одежда, обувь, бѣлье. Работы дѣтскихъ садовъ.
2. Профессіональныя и ремесленныя школы.
   Планы, модели, фотографіи и виды зданій; уставы, инструкціи. Рабочіе инструменты. Учебныя пособія. Работы школъ.
3. Учебная часть.
   Книги, картины и научныя коллекціи. Изданія для чтенія дѣтей и юношества. Атласы. Учебныя пособія. Предметы, относящіеся до устройства публичныхъ чтеній и туманныхъ картинъ.
4. Школьная гигіена.
   Устройство отопленія, освѣщенія школъ. Пищевое довольствіе. Анализы продуктовъ пищеваго довольствія.
5. Школьная гимнастика и массажъ.
   Гимнастическіе снаряды.
6. Школы кулинарныя.
   Наглядное представленіе выбора провизіи и приготовленія кушаній.
7. Исправительно-воспитательныя учрежденія.
   Планы, модели, фотографіи, виды зданій. Уставы, отчеты, инструкціи. Образцы работъ воспитывающихся.
8. Школы для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ.
   Планы, модели, фотографіи, виды зданій, мебели, посуды.

ОТДѢЛЪ II. Призрѣніе неизлѣчимыхъ, увѣчныхъ и престарѣлыхъ.

1. Больницы и богадѣльни для неизлѣчимыхъ.
   Уставы, планы, модели, фотографіи, виды зданій. Отчеты. Мебель. Одежда. Мебель для разслабленныхъ и проч.
2. Пріюты для увѣчныхъ и престарѣлыхъ.
   Хирургическіе и ортопедическіе снаряды и предметы для операцій и облегченія участи увѣчныхъ. Повозки для перевозки раненыхъ и увѣчныхъ. Модели зданій и планы оныхъ. Уставы, отчеты. Практическое наглядное обученіе первой подачи помощи въ несчастныхъ случаяхъ.

ОТДѢЛЪ III. Временная помощь нуждающимся городскимъ жителямъ.

1. Народныя столовыя.
   Планы, уставы, отчеты. Модели зданій. Мебель, посуда, марки и проч.
2. Ночлежные дома и устройство домовъ для рабочаго класса.
   Планы, модели зданій. Уставы, отчеты, мебель и проч.

Къ участію въ Выставкѣ, въ качествѣ экспонентовъ, приглашаются

Digitized by Google

всѣ благотворительныя Общества, земскія и городскія общественныя учрежденія, частныя лица, издатели и промышленники, производство коихъ относится до задачи Выставки. Экспонентами могутъ быть и иностранцы.

Во главѣ Выставки стоитъ Почетный Президентъ.

Предсѣдательница Общества поощренія трудолюбія состоитъ Президентомъ Распорядительно-Хозяйственнаго Комитета, въ которомъ сосредоточивается все внутреннее управленіе Выставкой, подъ ближайшимъ руководствомъ и надзоромъ Главнаго Комисара Выставки.

Распорядительно-Хозяйственный Комитетъ, съ утвержденія Почетнаго Президента, вѣдаетъ всей внутренней организаціей; онъ составляетъ всѣ частныя программы и правила для отдѣловъ и экспонентовъ, представляя ихъ на утвержденіе Почетнаго Президента. Этотъ же Комитетъ составляетъ бюджетъ Выставки, утверждаемый Почетнымъ Президентомъ.

Каждый Отдѣлъ и каждое Отдѣленіе имѣютъ свою Предсѣдательницу или своего Предсѣдателя, приглашаемыхъ Предсѣдательницею Общества поощренія трудолюбія и утверждаемыхъ Почетнымъ Президентомъ. Каждое Отдѣленіе управляется Бюро изъ нѣсколькихъ сотрудниковъ Общества поощренія трудолюбія по избранію своихъ Предсѣдательницы или Предсѣдателя и съ утвержденія Почетнаго Президента.

Для установленія единства дѣйствій всѣ сношенія и доклады Почетному Президенту дѣлаются Хозяйственно-Распорядительнымъ Комитетомъ, въ составъ котораго входятъ всѣ Предсѣдательницы и Предсѣдатели Отдѣленій. Всѣ протоколы и постановленія Отдѣленій передаются въ Распорядительно-Хозяйственный комитетъ, который и приводитъ ихъ въ исполненіе.

Отдѣленія самостоятельно распоряжаются, въ предѣлахъ утвержденной для нихъ программы, тѣми суммами, которыя будутъ непосредственно ими собраны и привлечены.

Главный Комисаръ Выставки, избираемый общимъ собраніемъ Общества поощренія трудолюбія изъ почетныхъ членовъ онаго, утверждается Почетнымъ Президентомъ. Генеральный Комисаръ завѣдуетъ точнымъ примѣненіемъ правилъ Выставки, а также слѣдитъ за ходомъ дѣятельности ея и отдѣленій, ведетъ корреспонденцію съ учрежденіями и лицами; производитъ всѣ нужныя по Выставкѣ сношенія.

Канцелярія Выставки подчинена Главному Комисару.

Общія собранія всѣхъ участвующихъ въ отдѣлахъ и отдѣленіяхъ созываются Почетнымъ Президентомъ и собираются подъ его предсѣдательствомъ или лица, которому онъ пожелалъ это поручить.

Денежною и кассовою частью Выставки завѣдываетъ Казначей Общества поощренія трудолюбія.

Экспоненты получаютъ награды въ видѣ почетныхъ отзывовъ, дипломовъ, жетоновъ и медалей.

Къ назначенію премій и наградъ приглашаются также правительственныя учрежденія, благотворительныя общества, городскія и земскія учрежденія, частныя лица, но условія каждой преміи разсматриваются Распорядительно-Хозяйственнымъ Комитетомъ и утверждаются Почетнымъ Президентомъ Выставки.

Только тѣ предметы подлежатъ экспертизѣ, которые будутъ доставлены за двѣ недѣли до дня открытія Выставки. Исключенія допускаются

Digitized by Google

лишь въ экстренныхъ случаяхъ Почетнымъ Президентомъ, по особому представленію Хозяйственно-Распорядительнаго Комитета.

Экспертиза производится въ каждомъ Отдѣлѣ особо лицами, не состоящими экспонентами, приглашенными Предсѣдательницами и Предсѣдателями Отдѣленій и утвержденными Почетнымъ Президентомъ. Въ Экспертныя Комисіи приглашаются Главный Комисаръ и въ каждую Комисію Хозяйственно-Распорядительнымъ Комитетомъ—два члена. Всѣ члены Экспертныхъ Комисій пользуются равнымъ правомъ голоса, а потому составъ Комисій обязательно четный. Доклады и постановленія Комисій утверждаются Общимъ Собраніемъ подъ предсѣдательствомъ Почетнаго Президента.

Экспертиза должна быть окончена къ 10 Апрѣля и объявлена не позже 15 Апрѣля.

Комитету Выставки разрѣшается, каждый разъ съ утвержденія Почетнаго Президента, устраивать **публичныя лекціи, чтенія, демонстраціи выставленныхъ предметовъ, дѣтскіе праздники и увеселенія.**

Комитетъ организуетъ осмотры и посѣщенія благотворительныхъ и иныхъ общественныхъ, соприкосновенныхъ съ задачею Выставки, учрежденій Москвы и подъ Москвою, по предварительномъ соглашеніи съ начальствомъ или завѣдующими этими учрежденіями и съ ихъ согласія.

Если отъ устройства Выставки окажется какая-либо матеріальная прибыль, она поступаетъ въ пользу Общества поощренія трудолюбія.

Предварительныя свѣдѣнія о Выставкѣ можно получать и заявленія о желаніи участвовать просятъ доставлять въ **Москвѣ** на имя *Сергія Павловича Яковлева*—Салтыковскій пер. д. 9, въ **С.-Петербургѣ** *Владиміра Петровича Климова*—Литейная, Канцелярія Совѣта Императорскаго Человѣколюбиваго Общества.

Сарат... ...ная
БИБ... ...КА
Пер... ...ка.

5836 027

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

«НАРОДНАЯ ШКОЛА»

въ 1888 году.

(Двадцатый годъ).

Журналъ рекомендованъ учебнымъ комитетомъ Собственной Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи; одобренъ ученымъ комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія; удостоенъ золотой медали отъ комитета грамотности, состоящаго при Имп. Вольно-Экономическомъ Обществѣ, и почетнаго отзыва — отъ комиссіи экспертовъ на Славянской педагогической выставкѣ въ Карлинѣ.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ издаваться въ 1888-мъ году на прежнихъ основаніяхъ, при участіи всѣхъ прежнихъ и нѣкоторыхъ новыхъ сотрудниковъ.

Программа журнала состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: I) **Законодательство по народному образованію.** II) **Педагогика и дидактика.** III) **Исторія народнаго образованія.** IV) **Критика и библіографія.** V) **Новости и смѣсь.** Этотъ отдѣлъ вполнѣ соотвѣтствуетъ «современному обозрѣнію» въ другихъ журналахъ. Онъ заключаетъ въ себѣ — кромѣ мелкихъ статей и корреспонденцій — систематическій обзоръ (подъ названіемъ **педагогической хроники**) всѣхъ наиболѣе интересныхъ явленій въ области народнаго образованія въ нашемъ отечествѣ; въ такомъ же систематическомъ видѣ предлагается, по временамъ, хроника народнаго образованія въ иностранныхъ государствахъ. Здѣсь же помѣщаются обыкновенно, подъ рубрикою **«Разныхъ извѣстій»**, любопытные для народнаго учителя факты изъ общественной и собственно крестьянской жизни, свѣдѣнія по сельскому хозяйству и другимъ техническимъ предметамъ и пр. VI) **Приложенія** къ журналу, куда входятъ: а) политическія извѣстія для народныхъ учителей, въ формѣ связнаго разсказа о политическихъ событіяхъ за границею; б) чтенія для народа по всѣмъ предметамъ знанія и пр.

«НАРОДНАЯ ШКОЛА» будетъ выходить въ 1888 году, по прежнему, ежемѣсячными книжками отъ четырехъ до шести печатныхъ листовъ убористаго шрифта. Годовая цѣна журнала, со всѣми приложеніями, **четыре рубля пятьдесятъ коп.** съ пересылкою или доставкою. За границу—**6 руб.** Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ «НАРОДНОЙ ШКОЛЫ», на углу Стремянной и Владимірской ул., д. № 1 — 6, кв. 14; въ Москвѣ: въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, Моховая противъ Университета, и въ конторѣ г-жи Печковской, Петровскія линіи. Редакція отвѣчаетъ за исправность доставки только передъ лицами, подписавшимися въ главной конторѣ.

Желая сдѣлать доступнымъ пріобрѣтеніе оставшихся полныхъ экземпляровъ нашего журнала за 1878—79—80 гг. и тѣмъ школамъ, которыя, по недостатку средствъ, не могли своевременно подписаться на нихъ, редакція предлагаетъ выписывать ихъ по значительно пониженной цѣнѣ, а именно: вмѣсто 13 1/2 руб. за три года, **по 9 руб. съ пересылкою.** При подпискѣ же на 1888 годъ, слѣдуетъ высылать, круглымъ счетомъ, 13 руб.

За 1881, 1883, 1884, 1885 и 1886 гг. журналъ выписывается по номинальной стоимости.

Редакторъ-Издатель **А. П. ПЯТКОВСКІЙ.**

Digitized by Google

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

НАБЛЮДАТЕЛЬ

въ 1888 году (Годъ седьмой).

Журналъ будетъ издаваться въ 1888 г. подъ прежней редакціей, при участіи прежнихъ и новыхъ сотрудниковъ, **безъ предварительной цензуры.**

Для наступающаго года, редакціи обѣщаны уже беллетристическія произведенія: *Максима Бѣлинскаго* (*І. Ясинскаго*), *Вас. Ив. Немировича-Данченко*, *Д. Сибиряка*, *А. К. Шеллера* (*А. Михайлова*) и мн. др.

«Наблюдатель» выходитъ ежемѣсячно, 15-го числа, книгами отъ 25 до 30 печатныхъ листовъ. Форматъ и объемъ журнала увеличены до размѣра самыхъ большихъ ежемѣсячныхъ изданій. Подписная же цѣна остается прежнею: **12** р. за годъ безъ доставки; **13** р. съ доставкою въ С.-Петербургѣ; **14** р. съ перес.; **16** р. съ пересылкою за границу.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ редакціи (уголъ Стремянной и Владимірской ул., № д. 1—6, кв. 14); **въ Москвѣ:** въ книжномъ магазинѣ Карбасникова (Моховая, противъ Университета) и въ конторѣ Печковской, Петровскія линіи; **въ Варшавѣ**— въ книжномъ магазинѣ Карбасникова, а также во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ.

Редакція отвѣчаетъ за исправную доставку изданія только передъ лицами, подписавшимися въ Главной Конторѣ.

Контора открыта ежедневно отъ 12 до 4-хъ часовъ пополудни, **кромѣ праздничныхъ и воскресныхъ дней. Пріемъ въ редакціи—по четвергамъ, отъ часу до двухъ.**

Редакторъ-Издатель **А. П. Пятковскій.**

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google